

“Помнится, когда на заре “перестройки” вышла известная вполне себе критическая статья Станислава Куняева о Высоцком, — Куняева едва не разорвали на части. Конечно, это всё от зависти, решил сразу мильён читателей. Или десять миллионов сразу.

А Куняев был, в сущности, прав.

Высоцкий, что называется, открыл ящик Пандоры, когда начал смешить своего слушателя, — чтоб нравиться этому слушателю, его среднему вкусу, — не повышая планку для слушателя, а понижая.

Куняев приводил в пример эту известную песню Высоцкого: про Лукоморье, которого и след простыл. Найдите, послушайте.

И Куняев очень спокойно объясняет: так нельзя делать. Это классические стихи Пушкина, которые воспитали целые поколения русских людей. Это — святое. И если мы сегодня начинаем высмеивать это, завтра приходят смехачи всех остальных мастей, которым смешно вообще всё: русский солдат, русская женщина, русские святыни, Россия как таковая.

И они пришли ведь”.

В следующем номере редакция планирует опубликовать статью Захара Прилепина о Владимире Высоцком и отклики на неё, появившиеся в интернете. Итог разгоревшейся дискуссии подведёт Захар Прилепин.

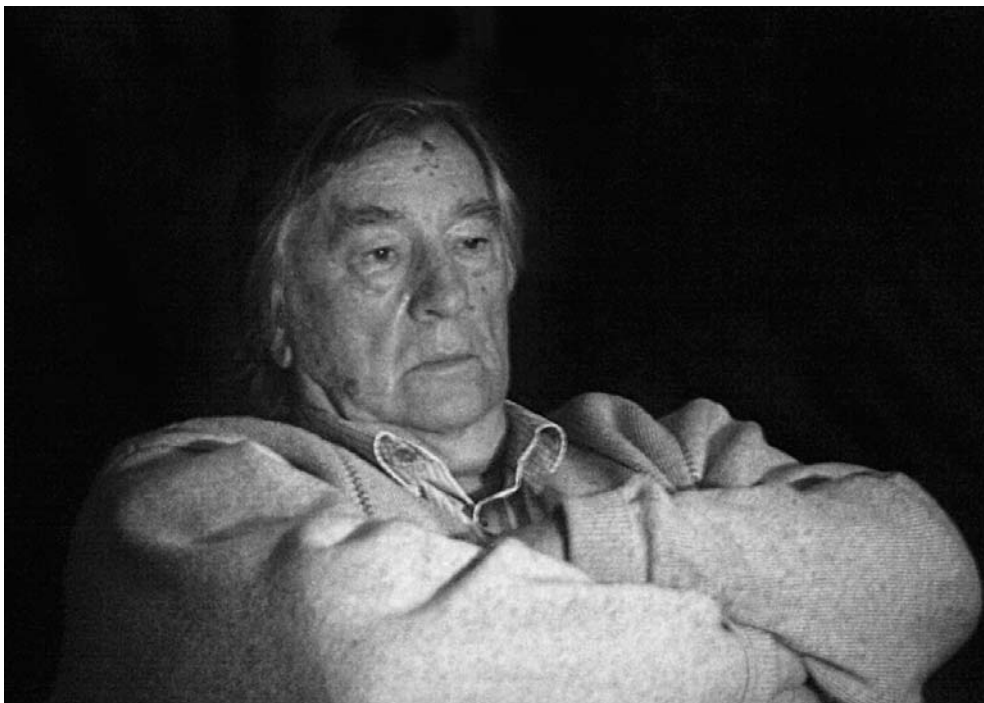
НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 2 2018

АЛЕКСАНДРУ ПРОХАНОВУ — 80!

*Я люблю тебя, Александр!
Без раздумья за все таланты.
Ты проходишь, как лейтенант,
Сквозь толпу, где шипят маркитанты.*

*За спиной Афган и Чечня.
Я люблю такую породу.
Что ни скажешь — всё у тебя
Получается “Слово к народу”.*

*Соловей генштаба, солдат!
Мы изгой своей державы.
Наша доля — русский штрафбат
Да обломки имперской славы.*

*Правит Русью хмельной упырь,
Вдрызг растерзано наше знамя.
Знаю, хочется в монастырь...
Но лишь после победы, Саня!*

*Станислав КУНЯЕВ
1998 г.*

**200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА НИКИФОРОВИЧА КАТКОВА
(13.02.1818 – 1.06.1887)**

Огненный публицист и знаменитый издатель, независимый журналист, убеждённый ревнитель свободы печати, оппозиционер “справа”, он видел в переменах и новшествах эпохи Александра II не самоцель, а средство сохранения и укрепления истинно русских начал национальной жизни. На страницах редактируемых им изданий – “Московских ведомостей” и “Русского вестника” печаталась русская классика. Это были: Иван Тургенев, Лев Толстой, Фёдор Достоевский, Николай Лесков, Константин Леонтьев, Иван Гончаров, братья Аксаковы, историк Сергей Соловьёв и многие другие выдающиеся русские умы. Придерживаясь национально-патриотической русской ориентации во всей своей деятельности, Михаил Катков утверждал:

“Не отвлечёнными принципами должны мы руководствоваться, а тем, что понятно говорит сердцу о всяком благе для Отечества... Только тот и может нам быть истинным союзником, кого ход событий сблизит с живыми и существенными интересами нашего Отечества... Нам нет надобности справляться, в какую клетку помещают классификаторы то или другое правительство. Мы должны знать только интересы нашего Отечества и руководствоваться в наших делах, наших сближениях и разрывах только нашим долгом перед судьбами России”.

М. Н. Катков в общественном мнении своей эпохи пользовался славой “охранителя”, при этом он никогда не был ретроградом, приветствовал освобождение крестьян и прогрессивные реформы. Но он всегда смело поднимал свой публицистический меч против тех сил, которые, по его мнению, вели дело к ослаблению государства Российского, он был ярким противником тех, кто лелеял замыслы децентрализации России, всегда отстаивая принцип единства нашей великой многонациональной страны. Его идеи о единстве России чрезвычайно актуальны и в наши дни.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

Альберт ЛИХАНОВ
Мамочкин сынок.
Повесть из романа
"Русские мальчики" 6

Олег ИГНАТЬЕВ
Удар скорпиона.
Роман 52

Поэзия

Николай РАЧКОВ
Читая Гомера 3

Борис СИРОТИН
Я к Господу всхожу 49

Андрей ШАЦКОВ
И вечной бывает разлука... 103

Память

Александр КАЗИНЦЕВ
"Молодой и непослушный..." 107

Валерий ХАЙРЮЗОВ
Мы же русские! 113

Владимир ПЛОТНИКОВ
Последняя сага
профессора Малиновского 121

Очерк и публицистика

Михаил ДЕЛЯГИН
Особенности современного
общества 136

Владимир БОНДАРЕНКО
Народный кандидат 142

Александр СЕВАСТЬЯНОВ
Подводя итоги – 2017 147

Пётр КРАСНОВ
Русские в империи 152

Евгений СТЕПАНОВ
Социализм. Капитализм.
Сравнительный анализ..... 159

Игорь ЯНИН
Речная цивилизация..... 179

Николай ПЛИСКО
Случай лётчика Леваневского 198

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Отечественный архив

Андрей УБОГИЙ
Сочувствие счастью 214

Критика

Лидия ДОВЫДЕНКО
Метафизика
Александра Проханова 228

Александр БОБРОВ
Слабакам – не по плечу! 231

Людмила КАЛИНИНА
Костёр на Моховых горах 239

Мир Свиридова

Александр БЕЛОНЕНКО
Шостакович и Свиридов:
к истории взаимоотношений 242

В конце номера

Виталий МОЛЧАНОВ
Город роз 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов; Оператор: Н. С. Полякова;

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп". Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 05.02.2018. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 484-2018. Тираж 4500 экз.

Подписаться на журнал по минимальной цене можно в редакции (пн.-чт. с 12 до 17 ч.)

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

ЧИТАЯ ГОМЕРА

Всё злей, всё быстрее, всё грозней времена.
Нельзя и представить, что будет в итоге...
Читаю Гомера.
Любовь и война.
Там боги, как люди, и люди, как боги.

Отважен Геракл и хитёр Одиссей,
Там что ни герой — то в крови по колена.
В чём суть величавой истории сей?
Где Троя?
И где молодая Елена?

Где та же Эллада?..
Тем дням в унисон
Враждебно тревога стоит у порога...
Читаю Гомера.
Эпический сон.
Там люди, как боги.

И только нет Бога.

РАЧКОВ Николай Борисович родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России, литературных премий им. А. Твардовского и "Ладога" им. А. Прокофьева. Победитель 2-го Московского международного поэтического конкурса "Золотое перо" в номинации "Лучшее стихотворение года". Живёт в г. Тосно Ленинградской области.

НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Мы здесь в безбрежный окоём
Судьбой посеяны —
На Русском Севере своём,
На Русском Севере.

Дорогой белой шли и шли
Не зря, не кстати ли
Мечтатели родной земли,
Её старатели.

Снегов и льдов из века в век
У нас не густо ли?
Шёл к Беловодью человек,
Не зная устали.

Непостижим священный храм
В незримой скатерти.
И Белозерск, и Валаам —
К нему лишь паперти.

Из синего как будто льна
Цветут, не старятся
Печора, исстари вольна,
Двина-красавица.

Санкт-Петербург, как монолит,
Весь в злате-серебре,
Почти на Севере стоит,
На Русском Севере.

На Севере наткнулся враг
На крепь застылую.
Пройти её не смог никак
Всей страшной силою.

До Полюса, чтоб отдохнуть,
Снега расстелены.
Он не окончен, Русский путь
На Русском Севере.

ОСЕННИЙ САД

Недолг в сентябре закат
Среди родных окраин.
Тоскует яблоневый сад,
Тоскует и хозяин.

И не унять тоски ничем,
И урожай — не в милость.
Он думает: зачем, зачем
Так много уродилось?

Кому нужны его труды?
Идёт хозяин в сѣнцы.
И глухо падают плоды,
И отдаются в сердце.

Горчит осеннее вино,
Бессильно виснут руки.
И дети в городе давно,
И не приедут внуки.

Любого угостить бы рад
Он яблочком из сада...
...Усыпан яблоками сад —
И никому не надо.

СВЕЧИ ИЕРУСАЛИМА

Их зажигали так далече...
Который год уж у меня
Священные хранятся свечи
От Благодатного огня.

Их пламенем неопалима
И утверждая с вечным связь,
Мне дочь из Иерусалима
Их привезла, душой светясь.

Притронусь к ним — и вся квартира
Задышит запахом иным.
В нём тайна ладана и миро,
Нетленного незримый дым.

И словно душу кто уносит
В другие времена, края...
И всё, что жизнь мне преподносит,
Смиренней принимаю я.

* * *

Им снится, чудится, пророчится
Неисполнимое опять.
О, как им взять Россию хочется,
Как хочется её распять.

И люто закричать: “Виктория!”,
Чтоб пламя радости из глаз.
И нравы наши,
и история
Уже оболганы не раз.

Растёт духовная агрессия,
Как повторенье старых драм.
Лукавый вирус
чужебесия
Уже давно запущен к нам.

...Тамбовские, тверские, курские,
В своём краю,
в родном доме
Пока мы помним, что мы русские, —
Не взять Россию никому.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

МАМОЧКИН СЫНОК

Повесть из романа “Русские мальчики”

1

Начать надо с того, что свою маму я называл не мамой, а мамочкой. И лишь вырастая, уяснил, что это не мамина и даже не бабушкина прихоть или каприз, а правило, пришедшее откуда-то издалека, из-за горизонта, из-за революции. Бабушка-то моя, то есть мамина мама, родом из поморских, как выражалась она, мещан, бывших рыбаков, вроде как небольших, да начальников над прочим людом. Но раньше они были рыбаками, получается, крепкими рыбаками, раз других превзошли, что даже выдвинулись, стали чем-то и кем-то управлять. А пока эти бывшие рыбаки, маленькие начальники, росли и поднимались, принимали они свои — а, может, и не свои — небольшие правила.

Это уж потом, переходя из класса в класс и уясняя крупные и малые достоинства и недостатки нашего дальнего прошлого, я вычитал, что правила-то эти не такие уж небольшие, и вовсе не мещанского происхождения, а что ни на есть дворянские, да и пришли-то к нам из разных расфуфыренных, в париках, заграниц.

А бабушка поясняла мне, что лично она-то звала свою маму не мамочкой, а вообще — маменькой. А с меня, мол, уж ладно, и этого хватит. Но к оставшейся вежливости обращения была строга и неуступчива.

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

Маму надо звать мамочкой, а обращаться к ней на вы. “Вы, мамочка! Вам, мамочка! Что вы сказали, мамочка!” И далее — в том же духе.

Сказать честно, я искренне слушался бабушку, покорно ей подчинялся, уважал рыбаков с сетями, а мама моему ласковому обращению не противилась, хотя к своей-то маме обращалась на ты.

Окружавшие взрослые в малые мои годы даже гладили меня по голове, принимая за образцово воспитанного ребёнка — раз я обращаюсь к мамочке на вы. Но вот с годами слышавшие моё обращение, внимательно, даже как-то подозрительно, вглядывались в меня, а я постепенно обучался невинному, но лукавству: говорить таким образом, что в моей речи не было обращения — ни вы, ни ты! Составлял этикие рубленые, как коротенькие полешки, фразы, надрессировался и слово “мамочка” опускать.

Она поглядывала на меня испытующе, но кротко, мимоходом, ничего не говорила мне, но и согласия перейти на “ты” почему-то не давала.

Хотя ведь я этого и не просил...

2

Мамочка моя была молодой и прекрасной. Да и всё, происходившее со мной до войны, слилось во мне в светлое, лучезарное, радостное пространство, где все любили меня, гладили меня, носили на руках или на спине. Но ближе всех всегда была мама.

Это она уже смотрела на меня, улыбалась, когда я просыпался, и тут же целовала. Это она умывала меня и одевала, как будто нарочно оставляя бабушке всякую прозу жизни — горшок, зубную щетку, ничего не обозначающие фразы и много чего значащие наставления, которые всякое дитя пропускает мимо ушей, озираясь по сторонам, постепенно освобождаясь от тёплого, сладкого сна, вступая в новый праздник своей жизни и вовсе не думая о том, сколько будет ещё таких дней.

Мама убегала на работу — она всегда торопилась, оставляя на свои передвижения самое малое время. А когда прибегала, то кричала с порога моё имя, приближалась ко мне и тесно прижимала к себе мою голову.

Она работала в лаборатории железнодорожной поликлиники, а во время войны — в военном госпитале, но от неё никогда не пахло лекарствами или ещё чем-то не домашним. Но всегда — свежестью, чистотой и ещё чем-то поразительно приятным, вроде, к примеру, лесной хвои.

Теперь-то я знаю, что так пахнет молодость.

Когда человек полон желаний, радости, не заглядывая далеко, живёт счастливыми намерениями, которые непременно исполнятся, тогда от него веет свежестью, особым духом надежды, какой-то особенной силы, передающейся другим. Да! И сила имеет свой крепкий аромат!

Я вдыхал запахи мамы, я прижимался к ней, самой главной и самой справедливой моей надежде и ведь как в такой миг не прошептать с благодарностью — мамочка!

Но это — до войны!

До войны мама шла после работы за мной в детский сад. На ней часто была очень яркая, будто сияющая электричеством, светло-зелёная кофточка, а в руке — мандаринка в полупрозрачной хрустящей бумажке. Я бежал к ней навстречу, раскинув руки, будто самолёт, а она протягивала мне свой ароматный подарок. Но я бросался к ней на шею и слышал, вдыхал её запахи, где к чистоте ещё примешивался запах сияющей мандаринки.

Так вот — мама... У неё были серые волосы, зачёсанные назад, серые глаза, но щёки сияли тонким румянцем, и вся она сверкала — для одного меня, что ли? — какой-то неведомой мне по малости лет неугаваемой свежестью.

Так что довоенная пора — а это, между прочим, пять с половиной моих лет, вполне осознанный возраст — слилась во мне в светлое, чистое, радостно пахнущее и счастливо звучащее пространство с мамочкой в начале всего сущего.

Может, всё от того, что родила она меня, когда ей был двадцать один год, а отцу двадцать шесть. Война началась в её двадцать семь, а закончилась — в тридцать один! Бог ты мой!

Отец работал слесарем на заводе, вступил в партию, и когда началась война, пошёл на неё добровольцем. Мама, закончив медицинское училище, работала лаборантом. В первые же недели войны её перевели в госпиталь.

Цвета и запахи жизни переменялись.

Запахло чем-то прогорклым.

Так пахнет, когда перегорает машинное масло.

3

Вот и снова война заходит в мою душу, уже не детскую, но удивительным образом сохраняющую давнее прошлое во всех его запахах и цветах. Будто не выцветающую цветную открытку.

Она заходит так, как было в самом деле, потому что невозможно что-то выдумать за незнающее, неопытное детство.

А было так, что я в свои неполные шесть лет не понял страха войны. В киножурналах, которые показывали перед началом фильма, и куда меня брали с собой родители до войны, катались грозные танки, маршировали надёжные солдаты, которые кричали “Ура!” — и я просто видел это, просто узнавал, а потом забывал, потому что жизнь после кино шла своим счастливым чередом, а мама и папа при мне не говорили ни о какой войне.

Но, может, говорили — а я не понимал? Да нет, всё-таки что-то понимал. В садике мы рисовали эти танки, самолёты, которые видели всё в том же кино или на картинках. Пририсовывали на них, высунув языки, наши красные звёзды. И ещё откуда-то знали, что мы победим, если враг нападёт.

И вот она началась.

Стало пусто.

По утрам отец не уходил на работу, а вечером не возвращался.

Всё сжалось. Может быть, даже вещи стали меньше размерами. И совершенно точно, они разом постарели — наш комод, шкаф, стул со стульями... Посерели и усохли.

Мама с бабушкой говорили реже, меньше, тише. Будто в нашем доме кто-то тяжело заболел.

Только утром, когда я просыпался, надо мной, как всегда, склонялось мамино лицо, розоватое, безмятежное, улыбающееся. Словно не было никакой войны, никакой беды, а у папы просто очень длинные смены на работе.

В госпитале мама узнала, что все, кто идёт на войну, сначала проходят короткую подготовку. Привыкают к оружию, к правилам, к командам и разным там действиям. Почти тут же ей передали, что в таком военном лагере находится и отец. А до лагеря надо ехать часа три поездом, а дальше как-нибудь добираться ещё десять километров.

Я слышал всё это от мамы, разволнованной до самого предела. Мне ещё не приходилось видеть её такой. Она торопливо передвигалась по комнате, открывала и закрывала шкаф, собирала какие-то отцовские вещи и тут же возвращала на место. Бабушка успокаивала её: он в армии, в солдатской форме, он сыт, ему ничего не позволят передать. Опомнись!

Примерно так окорачивала мою маму наша мудрая бабушка, но та не успокаивалась, объясняя: её отпустили на три дня в госпитале, даже дали предписание на железную дорогу — принять её как командированную до нужной ей станции с медицинскими поручениями от этого её эвакогоспиталя!

Будто какой-то неожиданный снегопад или крупный ливень, упали на нас тогда новые слова. Это были слова военной поры!

Эвакогоспиталь номер такой-то означал, что туда эвакуируют из боёв раненых военных. Ну и слово “эвакуация” означало новую жизнь. Поезда с эвакуированными, значит, организованно отправленными людьми, шли без всяких расписаний в тылы, подальше от фронтов. Эвакуировали, конечно, людей, но ещё и коров, например, если успевали, целые заводы — ими оказывались открытые платформы с промышленными железными, даже подъёмными кранами. Слово “эпидемия” обозначало болезнь, которой болеет

сразу много народа. Под словом “диверсия” подразумевали таинственных врагов, одетых в штатскую одежду, которые могут сигнализировать фонариком в небо, чтобы прилетели и сбросили на нас бомбу вражеские самолёты. Появилось слово “затемнение”, когда требовалось закрывать окна к вечеру плотной материей, чтобы светящиеся окна не привлекали врага.

В городе стало не только тихо, но и темно по вечерам.

А мама, “откомандированная” из “эвакогоспиталя” в “лагерь”, металась по комнате и наконец села на стул.

Я пришёл к ней, прижался, обнял, как мог, своим почти шестилетним объятием, и сказал с нежностью:

– Мамочка...

Вот когда я споткнулся первый раз самым серьёзным образом!

Я боялся за неё, боялся пока ещё не войны, а перемен, которыми она одаривала, включая новые слова, и мне было страшно за то, что ей придётся уехать почти что неизвестно куда! И как она оттуда сможет вернуться... Но! Но она же хотела добраться до отца, вот что! Она хотела увидеть его ещё раз! Обнять его и поцеловать, сказать какие-то особенные слова, которые говорят друг другу взрослые. Отцу, который вот-вот уедет на войну, как уже уехал его родной брат Борис, из этого же самого лагеря пославший открыточку их с отцом маме. Всего три слова: “Уезжаю в действующую армию...”

Дядя Боря уехал, отец – следующий. А я приготовился сказать маме: “Мамочка! Не уезжай!”

Но я сказал, снова и снова вдыхая её чистый запах:

– Мамочка, поезжай! Вот моя картинка папе.

И дал ей листок, где был нарисован корабль с парусами. Таковую картинку нарисовать очень нетрудно, меня папа и научил: сначала делаешь треугольник, только вниз головой, над ним, посередине – мачта, а там уж прибавь к нему паруса с двух сторон, ну, а дальше изобрази волны.

Вот такой парус я тогда нарисовал, как мог, и приписал самое простецкое: “Папе”. Я уже знал некоторые буквы и мог написать главные слова.

Мама глянула на мою картинку и заплакала. Но плакала она очень странно – слёзы катились к краешку носа по щекам, а лицо было очень решительным.

4

Я и подумать не мог, что без мамы станет так страшно. Моя мудрая бабушка водила меня по утрам в детсад, а там шла бодрая жизнь, без всяких упоминаний о войне, нас поили и кормили, как и раньше, как и всегда мы учились петь и танцевать, ходили гулять парами вокруг нашего двора, усаженного акациями, и двухэтажного дома, где до революции жили какие-то богатеи, и мы с моим приятелем Димкой – в спальне наши кровати стояли рядом – обсуждали всякие всякости, кроме одной. Войны.

У него отец стал артиллерийским офицером, мой – простым солдатом, но до фронта они ещё оба не добрались. Один принимал орудия, другой учился в лагере. Всё-таки ещё не на войне.

Но мама? Где она?

Я, не понимая сам, вдруг останавливался, замирал, мои глаза, наверное, стекленели. Я ни о чём не думал, вот ведь что. Просто леденел. Отчего – и сам не понимал, ведь с мамой ничего не случится. Эта уверенность переполняла меня, как будто я какой-то счастливый сосуд с волшебным знанием внутри себя. Но сосуд, оказывается, протекает. Самоуверенность какими-то рывками вытекала из меня, и я замирал, стекленел, леденел. А вдруг...

Это “вдруг” каким-то образом крепчалю, повторялось всё чаще. И ничем не подтверждаемая тревога притискивала меня.

Так что, если первые сутки без мамы я ещё держал себя в руках, то на вторые, к концу дня, кто-то будто постучался ко мне внутри меня, и многие годы пройдут, пока я пойму, что вот так стучусь к себе я сам.

Как это называется? Предчувствие? Тревога? Неуверенность? Беспокойство? А может, всё это вместе взятое, взявшись за руки, и стучит, будит, предупреждает? А потом – и кричит?

Весь этот день я прожил, то спотыкаясь на ровном полу, то надолго замирая возле подоконника, то совсем не слыша вопросов, обращённых ко мне... Моё обледенение нарастало, а уверенность вытекала...

Вечером я засыпал с трудом, вытребовав у бабушки согласия завтра в садик не ходить, а вместе с ней отправиться в эвакогоспиталь, где служит мама, чтобы узнать, где она и что с ней.

Но до завтра дело не дошло. Ночью послышались какие-то стуки и бряканья, я проснулся и сразу вскочил.

Мама, моя мамочка сидела на стуле, а ноги её были в тазу. С воплем я кинулся ей на шею и едва не опрокинул. Она вскрикнула, целуя меня, но не от радости, а от боли. И я только тут увидел, что мамины ноги в тазике окровавлены, а рядом стоят её почерневшие, и так-то тёмные, туфли.

Моё просыпание маму будто освободило, она громко заплакала, потом стала рассказывать, что и как с ней произошло.

На поезде ей пришлось уехать сразу, потому что предписание эвакогоспиталья было вроде волшебной палочки. Поняв, что она медицинский работник и направляется по делу, начальник первого же эшелона на запад сразу приказал пристроить её в теплушку. Поезд был по-настоящему военный, длинный, он тащил платформы, укутанные брезентом, а под этим укрытием прятались танки. Ну и несколько вагонов с танкистами. Ребята были молодые, весёлые, пели да смеялись, кто-то к маме попробовал пристать, но старший громко проговорил, что это медсестра и едет на срочное задание. Веселье сразу погасло. Мама заметила мимоходом, что, наверное, каждый подумал тут о том, как может понадобиться медсестра ему самому совсем скоро.

— В общем, — сказала она, — испортила им настроение. Запели снова, только когда я сошла на своей станции. Махали руками!

Но потом! Потом она познакомилась ещё с двумя женщинами на почти сельском вокзальчике. Про лагерь требовалось говорить негромко, осторожно, потому что там собирались военные перед отправкой на фронт. От станции их доставляли грузовиками. Но вышел приказ, грузовики все ушли в лагерь и на станцию не возвращались. По слухам, там объявили карантин.

В войну ведь всякие болезни бродили — и брюшной тиф, и может быть, холера, и туберкулёзы всякие, но я эти слова узнавал постепенно и подрастая. А тогда мама назвала болезнь дизентерией.

Людей, как выразилась мама, несёт, — я, хоть и маленький, уже знал, что означает это слово. Зараза передаётся от человека к человеку даже через рукопожатие, нужна серьёзная дезинфекция — тоже словечко почти военное — особенно, когда вместе собраны несколько тысяч взрослых мужчин.

Мама, может, лучше двух этих других женщин знала, что такое эпидемия, карантин и дизентерия. Но женщины двигаться дальше пешком, да ещё десять километров, отказались. А упорная мама решила идти. Конечно, в карантин никого не пустят, но она надеялась на свою медицинскую подготовку, а ещё — на свои почти военные бумаги.

И она пошла. Но не по дороге, а по берегу реки. Ей сказали, что по берегу выйдет километра на три поближе. И она ринулась по этому берегу: песок, тропки, колдобины, бездорожье, лес.

Пробовала идти босиком, но всё-таки она горожанка и плохо это у неё получалось. Туфли, хоть и без каблучков, ноги натёрли до мозолей, мозоли лопнули, пошла кровь.

Добралась до лагеря совсем обезножив — вот такое мама проговорила слово. И бабушка кивнула, понимая. А я снова посмотрел на тазик. Мамины ноги уже не кровоточили, но распухли. Бабушка сыпанула в тазик соды.

И вот мама стоит перед забором из колючей проволоки, по углам вышки с часовыми, а сам лагерь за проволокой — обыкновенный жилой посёлок из бараков. Мама стала обходить забор, отыскивая КПП, контрольно-пропускной пункт, её несколько раз окликали часовые, велели отойти подальше от забора, она отвечала, что у неё предписание эвакогоспиталья, и часовые меняли голос, добрели, объясняли, как подойти к воротам.

Скоро она увидела палатки с красными крестами на стенах, обрадовалась и удивилась: палатки стояли перед забором, а не в лагере. Заглянула, показала документы, объяснила, зачем пришла.

Женщин в палатках она не встретила, там были одни мужчины, тоже в военной форме. Один командир ей сразу присоветовал убраться домой — никто её в лагерь не пустит. Да мама и сама знала это. Смирненно попросила:

— Могут его позвать?

— Если не лежачий, — проговорил этот хмурый командир и велел передать запрос охране. — Но будете говорить, не приближаясь. Через проволочку.

Она ждала очень долго. Ей дали бинт, она перебинтовала ноги, но туфли не налезли, и она, пополивав их из чайника с холодной водой, опять как-то влезла в них.

И тут, как из тумана, появился папа.

Он был в солдатской форме, стоял метрах в десяти от колпочки и ласково сердился:

— Ну зачем ты пришла? Зачем мучилась? Я в порядке. Меня пока обошло. Сына целуй.

Она просила передать охрану мою картинку, и солдаты согласились. Отец ее посмотрел. И поцеловал.

Маме сказали, что на станцию идёт грузовик за хлоркой. И есть место рядом с водителем. Но, на всякий случай, ей лучше сесть в кузов, хотя она этой хлоркой уже провоняла насквозь. А водитель не болен, нет, но мало ли, если у неё дома ребёнок...

Это всё ей выговорил тот суровый командир из палатки с красным крестом. И мама только махнула отцу.

— Напиши!

— Пока карантин, писать нельзя! Напишу, когда всё пройдёт!

Она тряслась в кузове и радовалась до слёз: ведь обратно дойти пешком, и снова берегом реки, больше не смогла бы.

И тут мама рассказала про обратную дорогу. На восток, к нашему городу, шли один за одним эшелоны с беженцами. Её втолкнул военный комендант станции, посмотрев предписание и глянув на ноги. Она приткнулась к чей-то мешок в тамбуре. Хозяева мешка, когда маму посадил на ступеньку сам комендант, предложили сесть и всю дорогу рассказывали, что едут, не зная куда. Может, в наш город, а может, на Урал, где высадят и распределят к месту жительства. Эти попутчики бежали из Белоруссии, работали учителями, но знали, что все школы в тылу заняты эвакуированными учителями...

— А вагон, — сказала мама, — забит под потолок людьми, можете представить?

Бабушка кивала, представляя, а я не представлял: как это, под самый потолок? Лежат, что ли друг на друге? Но тогда верхние задавят нижних.

Спросил маму. Она ответила:

— Примерно так!

Рано утром, натянув на ноги маме несколько пар носков, а сверху отцовские калоши, бабушка отвела маму на работу в госпиталь: ей нельзя было опаздывать из командировки по военному предписанию.

К обеду маму уже привезли домой на машине и дали больничный. Я этого не видел, потому что был в саду и пересказывал мамини происшествия другу Димке.

На душе снова было чисто и светло: мама дома, а папа поцеловал мой кораблик.

5

И мы стали ждать весточку от отца.

Это слово походит на слово веточка, и я глядел на веточки, с которых слетали листья. Осень только наставала, но листья уже опадали, напоминая вести о разных разностях, и я думал, что всем-всем людям, раз наступает осень, скоро придёт много-много весточек откуда-то издалека, и уж среди них обязательно прилетит папино сообщение. Оно будет означать, что карантин кончился, что он не заболел...

А вот — дальше? Дальше я не знал, чему надо радоваться. Что отец уезжает на фронт?

Это краткое слово обозначало неизвестно что.

Мне было ясно, что такое хлеб. Даже кровь. Но — фронт? Что это такое? Небо? Земля? Люди? Танки и пушки, которые стреляют друг в друга? Может быть — это соединённое всё вместе, со страшным грохотом, стонами, страхом взрослых мужчин и их отвагой. Но как это можно вообразить сразу всё вместе? Да ещё малому человеку, каким я тогда был?

И тут мама достаёт из почтового ящика открытку, опять в три слова: “Здоров, целую, папа”. Ах, эти три слова! Почему не напишет про здоровье, что делает и как он выглядит, этот фронт, куда пошёл добровольцем?

Мама сидела, согнувшись над этой открыткой, на ней не обнаружилось даже номера полевой почты, а это, рассуждала она, по военному времени означало, что обратного адреса нет и написать в ответ некуда.

Мама вслух разбирала обстановку.

— Похоже, открытку бросили с дороги. Куда-то едут или идут. Но ещё не приехали, не пришли. И не знают, где они.

Ничего себе!

Она вздыхала, но не бродила по комнате без цели. Моя мамочка всегда чего-то делала или доделывала. Топила печку, варила картошку, пока она была ещё с довоенного времени. Что-то стирала и подстирывала. В той же печке грела железный утюг и подглаживала мою детскую одежку. Самым бездельным делом она считала штопку носков и чулок, но с продолжением войны её отношение к этому занятию изменилось, потому что новые носки и чулки можно было только выменять или задорого купить на барахолке. А на что менять-то? Ну, и деньги — их в обрез! Так что ценность чулок и носков не падала, а вырастала с каждой дыркой на них, и мама, вместе с бабушкой, стали пришивать к проношенным пяткам лоскутки от разных тканей. Эти лоскутки отличались цветом, а потому снимать обувь в каком-нибудь приличном месте было не здорово.

И вот рядом с нами грохнул снаряд. Да и какой! К нам пришла папина мама, моя вторая бабушка, которую звали Елена, и протянула маме листок. Он был из военкомата, и мама, прочитав его, сразу осела, чуть не промакнулась мимо стула.

— Боже! — прошептала она, а бабушка Елена стояла, опустив голову, а вместе с ней очки в чёрных дужках, и эти дужки со стёклами отошли от лица, от носа, где им положено сидеть, и висели, держась только за бабушкины уши. И с носа у неё часто капало. Я не сразу понял, что это слёзы.

Мама поспешно собрала меня и свою маму, бабушку Маню, погулять, и эта моя бабушка Маня всё охала и причитала, пока мы не покинули дом, а на улице сказала:

— Дядя Боря пропал без вести.

Дядя Боря был человеком крепким, сильным, не торопился жениться и таким вот неженатым человеком его забрали на войну раньше моего папы.

Ясное дело, я дядю Борю любил, а он обожал поднимать вверх пудовую гирию — она и сейчас ржавела под кустом сирени у дверей — и подбрасывать меня к небу. И вот таким — сильным, плечистым, смеющимся в голубой майке на фоне нашего благоухающего куста сирени он жил во мне. До сих пор живёт.

Только тогда я понял, что произошло, заплакал и остановился. Бабушка уговаривала меня, употребляла ласковые слова, но они меня унижали, эти успокоения!

Пропал без вести мой дядя Боря, и я, хоть и маленький, но понимал, что это обозначает.

Бабушка говорила, что это извещение лучше, чем похоронка, потому что дядя Боря может оказаться с партизанами, где-нибудь в немецком тылу, раненый, например, и, когда поправится, даст о себе знать. А я по-взрослому понимал, что этого ничего не будет, и бабушка просто уговаривает меня.

Впрочем, я ухватился за эти слова. Человек самого разного возраста спасается надеждой, и я не хотел, чтобы дядя Боря исчез просто так, не предупредив и толком не попрощавшись.

Разве можно считать прощанием, когда он поднял меня, почти шестилетнего, посадил к себе на плечи, уходя на войну, и пробежал со ржаньем до калитки и обратно? А потом накинул на плечо вещевой мешок и ушёл за угол.

Нет, он не мог просто так исчезнуть. Так не бывает. Эти надежды подтянули меня. Сделав небольшой кружок возле дома, мы вернулись, а мама сидела у стола одна.

Лицо её снова было в слезах, но открыто и спокойно. Она будто смотрела прямо в глаза чему-то страшному.

— Война! — сказала она как-то подавленно и добавила: — Теперь каждому надо быть готовым ко всему.

Она посмотрела на меня и поправилась:

— Кроме тебя.

Прибавила:

— Тебя я не отдам!

6

Маленький человек не знает жизни. Он не понимает, как именно поступить в трудном положении. Не знает, как и что ответить другому, особенно если этот другой старше его.

Но маленький человек обладает предчувствием. Слово-то какое: пред и чувство! Это значит, он говорит с взрослым, например, человеком, слушает его, видит его поступки, и вдруг понимает, что этому взрослому, даже твоей собственной маме, тревожно и горько. Она смотрит на тебя, но думает о другом и видит что-то другое.

А когда перекрещиваются, как лучи, окружающие события — например, малопонятное письмо отца, извещение про дядю Борю и эшелоны с ранеными, идущими прямо с фронта, — то всё это перекипает в маме и становится тревогой.

Беспокойный взгляд на меня, рассеянные разговоры с бабушкой, ответы, невпопад — всё это мама. Изменившаяся как-то неожиданно, переставшая не то что смеяться, а даже улыбаться, серенькая от роду и посеревшая ещё больше, иногда даже со сжатыми губами — так она выглядит долгие часы, пока её не отпустит. Тогда вздохнёт, что-то сбросит с плеч, будто вспоминая забытое, посмотрит на меня, и себя ругнёт — о чём, мол, ты думаешь, когда вот он, твой сын, перед тобой!

Однажды моя ласковая мама как-то задумчиво наклонилась ко мне, чтобы поцеловать перед сном, и я спросил её, похоже, грустно, совсем не по-детски:

— О чём думаешь, мамочка?

И она сразу отозвалась, как будто давно знала, что ответить на мой такой важный вопрос.

— О папе!

— Где-то он сейчас? — вздохнул я. И мама молча заплакала.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, разглядывая меня, будто незнакомого. — Что я думаю именно этими мыслями?

— Я же ваш сын! — как взрослый ответил я.

Она ещё раз поцеловала меня, подтянула моё стёганое одеяло, подоткнула его края под меня и быстро, словно опаздывая куда-то, отошла.

Из-за забора детского сада, где я проводил всю неделю, кроме воскресенья, нам, конечно, мало что было видно. Женщины, служившие там, и особенно наша воспитательница Варвара Клавдиевна, кажется, нарочно вели себя так, чтобы мы меньше знали о войне. Ну, пройдёт под окнами колонна грузовиков с солдатами на лавках, так мы и без всяких объяснений знали, это едут они на вокзал, а оттуда под Москву. Ну, процокают копытами лохматые лошадки, тянущие за собой пушку с дулом, закрытым брезентовым чехлом, так они тоже цокают колонной, движутся к станции. Не то чтобы всё, но очень многое выгалося к железной дороге. И от неё тоже.

Людей с мешками и чемоданами, даже по одежке видно, не наших, возили больше на подводах, высаживали возле разных домов — больших, же-

ковских, и маленьких, частных, и это означало, что им дали жильё, устроили. На сколько — никто не знает. Это называлось эвакуация.

Грязь на улицах заледенела, просыпался первый снег, ударили морозы, небывало жестокие, как сказала бабушка.

Дома мы слушали радио, чёрную тарелку, висевшую на гвозде, и я не раз потом думал, почему эти тарелки всегда были чёрного цвета? А, может, лучше бы голубой, как небо, и жилось бы тогда, глядишь, повеселей, ведь голубым бывает весеннее утро. Или жёлтым — как букет одуванчиков. А светло-зелёным, таким салатovým?..

Но я быстро распростился с цветовыми иллюзиями. Кто-то очень мудрый выбрал для радиотарелок именно чёрный цвет, потому что глупо слушать об отступлении Красной Армии из голубого или жёлтого репродуктора. Даже с ума можно сойти, наверное. Голос Москвы горький, тревожный, мучительно тоскующий о радостных сообщениях, а звучит, допустим, из прибора радостной окраски! Чёрная тарелка скажет добрую новость, так про её цвет никто ничего не подумает — и так будет светло! А вот горькая новость — из цветного круга — это же прямое издевательство!

Небывалые морозы тоже ударили неспроста. Мама сказала, что в госпиталь стали поступать сильно обмороженные, особенно снайперы, и среди них женщины. Бабушка удивлялась, что в снайперы берут женщин, наверняка, молодых, а мама вздыхала, примеряя, видно, к себе такую военную службу: лежать в белом масхалате где-то в снегу и не шевельнуться от темна до темна! Это ей рассказала одна такая обмороженная героиня.

По радио тогда не шутили, что Дед Мороз воюет с врагами на нашей стороне, что он нам помогает побеждать. Это уже после войны стали рассказывать, что некоторые немецкие части в сильные морозы не выдерживали и отступали. Потом про морозы перестали говорить совсем.

И вдруг... Вдруг с работы в детсад прибегает мама.

Я ничего не соображаю, но всё вокруг говорят, кричат, смеются мне:

— Папа! Папа! Твой папа!

Я скатываюсь с лестницы и только тут постигаю великую — ну просто небывалую, невероятную, никак нежданную новость — папу привезли в эвакуогоспиталь, где работает мама.

Раненого!

Мама обнимает меня, торопливо одевает, перевязывает горло шарфом, и мы бежим к ней на работу. В эвакуогоспиталь! К отцу!

По дороге она рассказывает, что папу ранило под Москвой, но он не мог, не имел права писать, где находится, да и времени даже на письмо никак не находилось — всё ждал какой-то остановки, пусть минутной, — а их пересаживали с поездов на машины, и с машин на поезда, потом они двигались пешком, окапывались, готовились к бою. Чуть ли не первым же вражеским снарядом отца зацепило, как он потом объяснит мне, “чиркнуло” осколком.

Но в тот раз мы почти бежали от детского сада к маминому госпиталю, и она без конца повторяла, какие же чудесные у неё подруги по лаборатории: узнав, что в госпиталь привезли моего папу и маминого мужа, пошли к своему начмеду Викторову, и тот сам велел маме бежать за сыном! То есть за мной!

Во мне, конечно, немножечко разливалось что-то хорошее, почему-то же все сразу поняли, что отцу надо срочно повидаться со мной, с мамой-то они уже встретились! Но все нежности и добрые чувства отодвигались в сторону, пока мы пересекали полгорода пешком, потом мама вела меня в госпиталь через вход для сотрудников, раздевала в лаборатории, брала меня за ладонь, мы двигались по коридору, отчего-то крепко пропахшему щами — и поднялись, наконец, на обширную площадку, откуда шла вниз широкая лестница, ведущая к красивым, старинным, но закрытым дверям.

По существу это пространство было обыкновенной лестничной площадкой, только очень большой, предназначенной не только для передвижений, но даже для прогулок по ней красиво одетых старинных людей, курящих длинные папиросы в красивых мундштуках, дам в платьях до земли и в шляпках. Да ещё и с бокалами шампанского в руках.

Но теперь здесь стояли вплитык друг к другу железные госпитальные койки, много коек. Неожиданно я услышал чей-то стон, сжался мгновенно и стал оглядываться. Тут-то меня и окликнули по имени:

— Николай!

Я сразу узнал голос отца и не успел удивиться, что он окликнул меня совсем по-взрослому, полным именем. Я развернулся на голос и торопливо, обходя кровати, двинулся на него, ещё не видя папу! Потом увидел!

Он не лежал, а сидел на койке возле ещё одной двери, ведущей в зал — а там было как на вокзале! На этом странном вокзале лежали и сидели люди в белых госпитальных рубахах, с перевязанными руками, с поднятыми вверх ногами, с головами, закатанными в бинты.

Я лишь мельком глянул туда, на этот вокзал, содрогнулся от страха, но тут же бросился к отцовской койке. Одна рука у папы была в гипсе, как крыло подбитой птицы, а вторая — обычная. И вот он схватил меня ею, поднял на кровать и повалил меня спиной на себя.

И засмеялся!

— Папка! — шептал я и только краем глаза видел маму — в белом халате, которая присела на папину кровать.

Губы у неё тряслись, но я плохо это видел, потому что в моих глазах всё смутилось: может, это слёзы радости слились со слезами недоумения?

Мы все троём обнялись.

И тут возле нас остановился дядька в исподнем: белые кальсоны, белая рубаха и два костыля под мышками.

— Эх! — сказал человек, лица которого я не запомнил, потому что это было совершенно неважно.

— Эх! — повторил он и прибавил каким-то плачущим голосом:

— Как же вам повезло!

7

Мама ушла в свою лабораторию, а я сидел в отцовском гнезде, прижавшись к его небритой щеке. Мне уже была известна во всех подробностях история его, как он выражался, среднего ранения и особенная удача, когда отправляли в тыл. Он быстро понял, что поезд идёт через наш город, добился, чтобы к нему подошёл начальник санитарного поезда, врач, пожилой, седой, бывалый, и попросил выгрузить в родном городе, который был по пути, чтобы оказаться в мамином госпитале. Тот начальник имел такое право — выгружать раненых по дороге, если там были военные госпитали, и он легко согласился на высадку. И утром папа маму просто ошарашил! Она пошла брать кровь, и видит — в списке фамилию отца. Прибегает, а он тут как тут, хоть и раненый, и в гипсе.

Пока я сидел с отцом, мама несколько раз подходила к нам — вся такая строгая, напряжённая, присаживалась на кровать и, как фонарик, зажигалась улыбкой.

Но с отцом не целовалась, не обнималась, только вот меня они будто на разрыв тянули друг к другу и ласково обнимали. Я был невелик и тискать меня просто полагалось, это уж потом, вырастая, я понял, что мама с отцом друг друга мысленно целовали и обнимали, когда делали это со мной. Так ведь тоже, оказывается, можно выражать взрослые чувства.

И всё-таки, какими они были, мои родители, в тот день, в те минуты, когда всем нам выпало нежданное счастье сидеть (отцу — лежать) на одной госпитальной койке, бесконечно улыбаясь и друг дружке, и всему миру, который почему-то именно нам устроил невозможную встречу.

Я был не слишком ещё смышлён, но в сказки уже не очень верил, откуда-то зная, что они, наверное, для души, для выдумки, а не для жизни. А в жизни всё по-другому — беспощадно и горько.

Но вот же! И это случилось со мной! Уверенно и правдиво явилась в нашу общую жизнь настоящая сказка, которая совершенно не выглядит выдумкой, а только радостной правдой!

Я осторожно трогал отца, прикасался к гипсу на его руке, я гладил мамин халат — только себя не оцупывал, чтобы поверить в происходящее, потому что я-то был посреди всего этого праздника.

Моя ласковая мамочка рассказывала почему-то обо мне строгими словами, объясняла, как рано утром, перед работой, которая у неё начинается в восемь, мы с ней топаем в детский сад, и это только кажется простым делом, хотя бы из-за морозов, которые так неожиданно, будто тяжёлая артиллерия, ударили не только по нашему городу.

В сад, как и в школу, разрешалось не ходить, но детей девать некуда — матерям надо на работу — и вот детсады всё-таки дверь перед ребятами не закрывали. Ходили по морозу и мы. В этом месте мама меня всё тем же строгим голосом хвалила, я смеялся в ответ, не понимая, за что же это такое она меня хвалит. А папа трепал меня по голове здоровой рукой.

Я просил его рассказать про войну, но он, смеясь, отвечал, что рассказывать ему пока нечего — его ведь “чиркнул” первый же снаряд, с которым он встретился, а вот что будет, когда встретится со вторым, пока не знает. И опять смеялся. Но это не казалось забавным, мы притихали, я смотрел на взрослых, и я вдруг думал, что это они смеются для виду, чтобы показать, какая всем нам удача выпала. А на самом деле им не до смеха.

Потом мама стала беспокоиться, как отправить меня домой.
— Сам дойду, — сказал я. Ведь шесть лет мне уже стукнуло.

Мама вздохнула и сообщила:

— Больше мне отпрашиваться неудобно. Но что-нибудь придумаю.

С отцом мы крепко-накрепко обнялись, я вскочил с его госпитальной койки, и мы с мамой отправились в её лабораторию.

Ох, эта лаборатория! Настоящее царство чистоты — белые стены, блистающий кафельный пол, микроскопы на столах и ещё какие-то приборы. Но больше всего мне нравились круглые табуретки с винтами под сиденьем, на которых было удобно поворачиваться лаборанткам — ведь они всё время двигались — туда-сюда, вставали, ходили, переносили мензурки и колбочки с жидкостями, пробирки с человеческой кровью. Ну так вот, на этой табуретке я и крутился, когда мама вставала с неё и переходила в другой угол лаборатории.

В госпитале я был не новичок и не посторонний, хотя других детей никогда тут не встречал.

Мама однажды проговорила мельком, что у неё есть покровительница, заведующая её лабораторией Елена Ивановна, эвакуированная из Ленинграда, очень крупная специалистка, учёная, доктор наук, а начмед Викторов тоже ленинградец, и они были знакомы там ещё до войны. Вот он и разрешает всё, что попросит Елена Ивановна.

Ну, а тот раз был, конечно, совершенно особенный: моего папу в звании старшего сержанта, никакого не командира и не офицера, взяли и высадили в родном городке, мимо которого собирались везти дальше, на Урал, и он встретился с семьёй, надо же! Так что Елена Ивановна не только добилась, чтобы мама срочно привела меня в госпиталь, но и отпустила её, без всякого спроса, довести меня теперь обратно. Но не к бабушке, а домой.

И вот мы вышли с мамой из служебного входа, я схватил её за руку, и, припрыгивая, поскакал рядом.

Мне хотелось кричать от радости, громко разговаривать, смеяться без всякой причины, а мама плакала, вытирала глаза оборотом варежки из козьей шерсти, и спрашивала кого-то:

— Я не понимаю! За что? Почему это случилось с нами? А Боря?..

Про Бору они говорили прямо при мне, вздыхали, повторяли, что, может, ещё образуется, и он отыщется, но быстро возвращались мыслями ко мне, друг к другу, к тому месту и времени, где мы находились. И радовались опять! Как радовались!

А тут на улице, мама снова заплакала.

— Мне страшно! — вдруг проговорила мама, обращаясь к кому-то, но совершенно явно, что не ко мне.

— Да ты что! — крикнул я. — Папа! Папа приехал! И всё снова! Снова... Я формулировал свою мысль с трудом, и мне было хорошо сегодня, сей-час, только что в госпитале.

— Снова! Как до войны! — договорил я потише, и на меня уставился какой-то пожилой прохожий в шляпе — совершенно не приспособленной к морозу. Ясное дело — эвакуированный.

На углу, от которого до нашего дома оставалось два больших квартала, мама сказала:

— Ты беги, а я постою! Когда ты подойдёшь к калитке, махни рукой. Мне надо возвращаться на работу.

— Папе привет! — крикнул я.

И побежал домой. У калитки, прежде чем махнуть рукой, оглянулся на маму. Маленькая, тоненькая фигурка на далёком пустынном перекрёстке. Она подняла руку, и я знал, что это знак мне и всё, в общем-то, в порядке.

Но, странное дело, неожиданные мурашки покатались по моей спине. Непонятная тревога сжала горло и не отпускала никак.

Малым своим, совсем не опытным умом я подумал, что это неожиданное беспокойство, сменившее нечаянную радость, может быть мне предупреждением.

Мол, погоди, мальчик. Не радуйся так безмерно! Остановись. А ещё лучше призадумайся!

8

Раньше мамочка моя приходила с работы в пятом часу, а зимой это было уже темно, и я всегда начинал волноваться с наступлением сумерек. Электрические фонари, пусть даже и редкие, теперь не горели. А люди ходили не по тротуарам, а по дороге: от снега ведь исходит свечение, и можно разглядеть идущего навстречу человека или повозку. Да ещё мерцающие звёзды помогали людям с неба. Мороз их как будто подновил, почистил и даже припустил к нам с неба, поближе к народу, чтобы видней виделась дорога и все на ней препятствия.

Теперь мама возвращалась каждый день поздно, после госпитального отбоя, иногда я дожидался её в постели, куда меня запечатывала бабушка. Всякий раз приносила новости: вот отцу сделали повторный рентген, а вот и сняли гипс, теперь надо разрабатывать руку — и я подробно расспрашивал, как это выглядит — “разрабатывать”.

Мамочка улыбалась почти непрестанно, но вид имела не просто усталый, а измождённый. В госпитале она никогда не обедала, бежала домой, а когда там оказался отец, этот обед переносился на поздний час, и бабушка маму ругала за то, что она голодает, наносит урон своему здоровью, хоть и сама — медик.

Но мама легкомысленно улыбалась, быстро ела, спрашивала меня про детский сад, не дожидаясь ответа, залезала под одеяла и сразу засыпала.

Бабушка уходила на цыпочках, ей ещё предстояло ночное путешествие в темноте, я накидывал крючок на дверь, босиком возвращался в кровать и следовал за мамой в царствие сна.

Однажды мама сообщила, что через два-три дня отца выпишут из госпиталя, но ещё с неделю он проживёт на домашнем режиме, и потом снова — на фронт.

Ещё она сказала, что мы втроём — папа, она и я — пойдём в фотоателье и сфотографируемся на память.

Меня это объявление удивило, хотя кто же отказывался сфотографироваться в те времена, да ещё в каком-то ателье.

День возвращения отца из госпиталя не получился праздником, хотя мы все принарядились. Накануне мама сразу после работы убежала к какой-то знакомой, и та сделала ей завивку. Папин довоенный костюм уютжила бабушка уютгом на углях, добравшимся до наших времен из какой-то далёкой старины: она раскачивала его, и угли внутри краснели, радовались и жгли. Она же выгладила мой, ясное дело, довоенный костюмчик — матроску. Где-то

в шкафу валялась бескозырка к матроске с надписью “Урицкий”. Но я не знал, кто такой “Урицкий”, и бабушка не взялась объяснить, что означает это слово. Ответила:

— Просто корабль.

Но какая бескозырка, если за окном трещит мороз, дай Бог добежать, не обморозившись, до фотоателье. А этим заграничным словом обозначалась дощатая пристройка с высокими гладкими стенами в светлых обоях ровного цвета, со стеклянной крышей, откуда лился солнечный свет. Фотографом оказался человек моложе отца, но с деревянной ногой, как в сказках, в телогрейке и шапке-ушанке, потому что в ателье была ледяная холодина.

— Сначала, — обратился он к нам, — вы сядьте прямо рядышком, как есть, в ваших пальто. А я прицелюсь, чтобы получился будущий снимок.

Мы сели, и мне показалось забавным, что мама с отцом ходят на послушных детей, вроде меня, — все трое мы молчали, краснели, терялись.

Фотограф — липовая нога — накиннул на себя большой чёрный платок, крутил какие-то колёсики на жёлтой большой установке, потом резко чем-то хлопнул, скинул платок. Воскликнул:

— Теперь раздевайтесь побыстрее! Чтоб не замёрзнуть!

Когда мы уеслись готовые, приказал:

— Смотрите прямо! Чутьочку улыбнуться! Не шевелиться!

Настала тишина, что-то щёлкнуло — потом всё это повторилось, и мы оказались свободны.

Мама принялась запоздало шутить, а отец натягивал на неё пальто, приговаривал:

— Не горячись! Не простудись!

А сам дрожал от холода.

Домой мы не шли, а почти бежали. Нас ждал стол, который мама с бабушкой сделали каким-то чудом, прикупив что-то на рынке, заняв у соседей, отоварив карточки, чем только можно, и даже раздобыв бутылку без наклейки. И как будто все готовились к празднику. Но его не получилось.

Пришла бабушка Елена, папа обнял её, и они долго стояли так. Старушка не то чтобы подвывала, а скулила, как, например, большая, усталая, больная собака. И папа гладил её, гладил, не переставая.

Потом с неё сняли шубейку, посадили за стол, и отец налил вина из бутылки без наклейки.

— Давайте, — сказал он, — выпьем за Бориса!

И добавил:

— Без вести пропавший ещё не значит навеки исчезнувший.

Все взрослые пригубили, стали постукивать вилками.

— Самое несправедливое, — проговорила бабушка Елена, — когда родители переживают детей.

— Война, мама, не разбирает, — сказал отец.

Опять помолчали. И слова про то, чтобы угощались, попробовали того или сего, будто блёклые мотыльки трепыхали крылышками и падали в тишину.

— Куда ты теперь? — спросила бабушка Елена отца.

— Не куда — я, а куда — меня! — задумчиво ответил папа. Но закончил бодро. — Не знаю, ведь я просто солдат. Куда пошлют.

Снова помолчали.

— Но у тебя, мама, — очень медленно, будто отыскивая всякое слово, проговорил отец, — есть две мои старшие сестры — Августа и Людмила. Конечно, они живут в других городах, но далеко от фронтов, и тебя не оставят. Даже если враги займут наш город.

Все встрепенулись от таких отцовских слов. Ведь никто и никогда не думал, что немцы доберутся за тыщу вёрст от Москвы.

Но папа не закончил свою мысль. Обращаясь к своей маме и моей бабушке Елене, он почему-то попросил её:

— Не забудь моего сына, если станет совсем худо. Понимаешь?

Бабушка Елена тревожно вскинула на отца глаза и спросила:

— Ты что-то знаешь? Мы проиграем?

Отец махнул рукой:

— Зачем же тогда я. Миллионы, наверное, таких. Мы не проиграем. Но я говорю о другом. Вся война ещё впереди. Она только началась.

Все уже положили свои винки и сидели, опустив голову. Не лезла в горло, может, последняя предвоенная еда.

Так и разошлись ни с чем — отец поцеловал свою маму, она поцеловала меня и мою маму. Папа ушёл её проводить.

Через день или два мама принесла фотографии из ателье.

Они лежали на столе, и на обороте одной из них синели обыкновенные чернила. Я уже умел читать, может, не так бегло, как книги, но надпись я одолел.

Там маминой рукой было написано:

“Фотографировались 3/ХП 41 г. после госпиталя перед отъездом в часть. Не забывай своих жену и сына”.

Эту фотографию папа увёз с собой.

Мой папочка.

9

Они ушли на вокзал в сумерки, конечно, я просился с ними, но отец поставил меня на стул, вровень со своим лицом, и сказал:

— Давай попрощаемся здесь. Расти. Будь здоров. Береги маму.

Мама была рядом с нами, её лицо мелко подрагивало — то ли она хотела заплакать, то ли засмеяться.

Когда она вернулась, я не услышал, только утром, запивая чаем кусок пеклеванного хлеба, сказал задумчиво:

— Мамочка, а мы папу-то проводили на войну второй раз.

Она сидела рядом, тоже чего-то жевала, а от моих слов сначала окаменела. Потом закрыла лицо руками.

Какое-то мгновение она сидела неподвижно, потом выдохнула, отняла руки, глянула на меня и спросила:

— И зачем дети так быстро растут? Оставались бы несмышлёными!

Ещё помолчала и прибавила:

— Шушлёпиками!

— Несмышлёными шушлёпиками? — еле выговорил я.

— Ну да! — засмеялась она натужно.

— А кто это? — спросил я. — Несмышлёные шушлёпики.

Мы шли по морозу в детский сад, я крепко держался за мамину руку, воображая себя шушлёпиком, представляя себе, каков этот шушлёпик бывает и какая жизнь шушлёпиков в детском саду военного времени.

И ничего-то у меня не получалось.

Наверное, всё-таки шушлёпики — это добрые, но ничего не понимающие в жизни маленькие люди, то есть дети, но разве есть сейчас такие? Ну разве те, кого только пеленают и только кормят соской, но ведь такие вообще ещё ни о чём не думают, а как только человек задумался и задал первый вопрос, он уже не шушлёпик, а мыслящее существо. Небольшого роста. Зависимый от всего подряд. Но ведь думающий, значит, не шушлёпик.

Я с довольно большой задержкой сообразил, что про шушлёпика мамочка просто со мной пошутила, чтобы уйти от моих серьёзных соображений и не плакать у меня на глазах в который раз. Прощаясь в саду, сняв с меня шубейку, она только добавила, что папу взял с собой литерный поезд — ещё одно взрослое слово военных лет. Пояснила: такой поезд идёт почти без остановок, на больших станциях усталые паровозы отцепляют, а прицепляют сменные, уже заполненные углем и водой, полные сил, и они мчат к Москве танки, пушки, солдат. И летит такой поезд без всяких расписаний, и все составы, что попадают ему навстречу, даже с ранеными, задерживают на запасных путях. Потому что новые силы должны сразу вступить в бой.

Конечно, это было сообщение не для мальчика на седьмом году жизни, если бы жизнь стояла мирная. Но для того дня, для тех дней и часов декабря первого года войны — мамыны слова я услышал, как разговор женщины с почти взрослым сыном.

Она не наклонялась, например, ко мне, не разясняла что-то пока мне недоступное, а говорила так, как говорила бы, наверное, Елене Ивановне в своей лаборатории или даже начальнику госпиталя Викторову, который чем дальше, тем больше казался мне не человеком, а глыбой, на плечах у которого целый госпиталь с ранеными, которых надо спасти.

Да, второй отъезд отца на войну, а перед этим госпиталь, койка в красивом зале старинного дома, где он лежал, уже загипсованный, но ещё, как оказывается, и не воевавший по-настоящему, чему-то уже крепко научил меня.

Чему? Толком и не обозначишь, но нечаянная радость почему-то выбрала именно меня. А за это надо если и не рассчитывать, то отвечать. Самому себе, хотя бы.

Отец ушёл на войну во второй раз, значит, что-то хотело, чтобы я по-настоящему, даже по-взрослому, понял, что такое снова расстаться с ним.

Выходит, я не постиг этого как следует в первый раз? Раз мне — но ведь, прежде всего ему и маме — дают попробовать проститься снова.

И чем это кончится?

А ведь совсем рядом какая-то сила или случай, или горе настоящее, не сказавшись горем, спрятало от нас дядю Борю: не погиб, но пропал без вести! А папа не пропал, его ранило, он вернулся к нам — ещё раз попроситься, может быть? И уехать на литерном поезде, перед которым расступаются все иные поезда и паровозы?

Ну, нет, такое просто так не происходит. И что-то это значит.

Я, конечно, поднялся в группу, покатался на коне с колёсиками и красноречивыми нарисованными попонами, на котором скакал маршал Ворошилов, рассказал другу Димке о ночном отъезде отца, потом ел, слушал сказку про Конька-Горбунка, которую читала воспитательница Варвара Клавдиевна...

И всё время чувствовал какую-то непонятную и совершенно взрослую печаль.

Никто не знает, как исчезают в нас легкомысленные, прекрасно глупенькие и бестолковые шушлёпки. Наверное, они исчезают из всех по-разному. И не в один день, даже не в один год.

Но в тот день, перед которым ночью второй раз уехал на войну отец, я, ничем не переменявшись внешне, простился с шушлёпиком внутри себя.

Как жалко мне теперь того шушлёпка-то!

А тогда жалко не было.

10

Опять мы очутились в одиночестве.

Конечно, днём оно пряталось в какую-то странную тень. Я был в детсаду, мама на работе, понятно, что ни я, ни, особенно, она, не оставались один на один с самими собой, но вечером обязанности отступали, мы ели, что Бог послал, и почти всегда в этот же самое время слушали, что сообщало по радио Информбюро.

Сначала я пугался человека, который произносил тяжёлые слова. Он как-то отрывал немножечко их друг от друга и как будто нажимал на них. Мама сначала медленнее жевала, потом откладывала ложку, лицо её леденело, глаза опускались, а спина сгибалась. Я смотрел на нее и изо всех сил вслушивался в строгие слова, где было много непонятных названий, неизвестных мне городов и селений, и не умел ещё соединять их с землёй, где они располагались, плохо представлял, что такое Москва. Но я хорошо видел, что мама сгибается, что слова, прилетавшие через радио, её сжимают, сдавливают, склоняют, и очень желал, чтобы этот командир со строгим голосом поскорее перестал говорить из чёрной тарелки, и слышалась хоть какая-нибудь музыка.

Почему-то человек со строгим голосом из радио представлялся мне тогда непременно командиром.

Музыка, в конце концов, включалась, мама медленно оживала, доедала свой остывший ужин, мы начинали разговаривать о всяких разностях, потом умолкали. Вот так и вползало одиночество.

Какое-то время мама читала мне книжку, например, “Мойдодыра” Корнея Чуковского, но это не помогало, потому что “Мойдодыра”-то я уже повторял вслух вместе с ней — она раз в двадцатый или тридцатый зачитывала мне эту совсем уж малышовую забаву. И тогда я притихал, может, это меня тащил за собой в сладкие дали подступающий сон. И совершенно точно, что ему помогало одиночество. Причём, не лично моё, а наше с мамой.

Она читала медленно старую книжку, и её тоже тащил к себе сон вместе с одиночеством. Тихо становилось в нашей комнатёнке, какое-то, может, даже успокоение от прожитого дня наваливалось на лоб, на щёки, на грудь, на ноги, и тебя освобождало от тебя же. Уходили тревоги, и радости, и ты плыл в темноте или даже при свете лампочки. Книжка из маминых рук выпадала, она откидывала голову и проваливалась в свой — а может, тоже наш общий — сон.

Я спал, чувствуя свет непогашенной лампочки. Потом она выключалась — это спохватывалась мама. Она поворачивалась на бок, встрескивали пружины в матрасе горьким звоном, и мы отплывали в мир, где нам являлись самые разные сны — и чёрные, и цветные, и горькие, и сладкие — а одиночество всё-таки было у нас с мамой общее, хотя сны разные.

Ведь я мог в любой миг вполыхнуться, открыть глаза от страшного провала в никуда, крикнуть: “Мама!” — и она тут же оказывалась возле меня на корточках, гладила меня по голове, спрашивала, что со мной, и приговаривала разные словечки, чтобы я утешился:

— Спи, сынок! Не бойся ничего!

Я трогал её руку или её голову, её волосы, переворачивался на другой бок и отчаливал дальше. В наше общее одиночество.

Только был я не один.

Точнее: никогда не был один.

И ещё — мы ждали писем от отца. После того, как мама проводила его на войну второй раз, открытки и треугольнички стали приходить на удивление часто. Некоторые из них, особенно вначале, и это были открытки, он написал чернилами. Потом тетрадные странички, вырванные откуда-то, были заполнены дрожащими карандашными строчками. Папа не писал ничего особенного. Особенно про себя. Только желал.

Мне желал слушаться старших и беречь маму.

Маме желал здоровья и беречь меня.

Пришла жёлтая открытка и к Новому году, правда, она опоздала, и мама очень нервничала, хотя взглядывала на меня, улыбалась и тревогу свою прятала.

— Конечно! — говорила, обращаясь не столько ко мне, сколько к самой себе. — Там так тяжело! Столько раненых привозят! И почта полевая идёт с трудом!

II

Один раз в месяц мама учиняла капитальную стирку. Кипятила на печи пару ведёр воды, выливала их прямо-таки в доисторическое деревянное корыто. Иногда она даже варила в ведрах особенно грязное бельё, но я видел такое только один раз. Обычно она замачивала наши тряпки, кусок хозяйственного мыла и принималась драть мои рубашки и трусы, носки и, если надо, штаны, как и свою одежду, потом отжимала их от лишней воды и кидала в большую корзину. Порой она применяла ребристую железную доску, о которую тёрла тряпье.

Я уже знал, что после этого, прибрав себя, расхристанную во время стирки, мамочка угостит меня и себя чайком, и мы отправимся бельё наше полоскать.

В соседнем овраге, поперёк его, было деревянное сооружение с двумя крохотными оконцами. Внутри этого барака стояли два слегка наклонённых лотка, деревянных же, из небывало толстенных досок — длинных, промокших насквозь и чёрных. Может, из таких делали когда-то старинные корабли,

а тут по колодам этим, — так их называли женщины — денно и ночью текла быстрой струёй ключевая вода от источников на краю оврага.

Мы с мамой корзину с неполосканным бельём грузили на мои санки, я легко, без всяких трудов, катил её по хрусткому морозному снегу, подходили к краю оврага и спускались вниз, по крутой и высокой лестнице в несколько пролётов. Корзина была тяжеленная, мама тащила её обеими руками, и на каждой площадке мы передыхали. Потом спускались ниже.

Не помню, чтоб хоть копейку брали в этой прачечной-полоскальне. Не помню, чтоб и была над ней хоть какая начальница или начальник. Но кто-то же на ночь её закрывал?

Мы распахивали дверь, и сразу тебя окатывал шум стремительно льющейся воды — не как при горных водопадах в теплых краях, — но всё же это был звук льющейся энергии, стремительной струи, мчащейся силы. Если был свободный подход к колоде, я сразу подбегал к ней, перегибался через край, норовя опрокинуться, и протягивал ладошку воде. Меня тотчас обжигал её ледяной холод, я выхватывал руку, не различая, чем отличается мороз от ожога, и дул на кулак, до основания сотрясённый этим ударом ледяного холода.

Мама, конечно, выкрикивала моё имя, одновременно укоряя и предупреждая об опасности, а сама!

А сама выгружала кучу белья на доску, пересекающую колоду, и начала его полоскать.

Как же это было больно и холодно! Нестерпимо! Но мамочка моя терпела, улыбалась себе, продираемая до основания ледяной водой, и старалась управиться с полосканием как можно сноровистей и быстрее. Полоскать приходилось по два раза, чтобы чище, да ещё выжимать, скручивая бельё обеими руками почти досуха, чтобы из корзины не лилось, да и легче было прополосканное бельишко.

Две колоды, с двух сторон окружённые женщинами разного роста, разного возраста и телосложения, были похожи почти одинаковой чёрной одеждой, к концу войны — телогрейками, всех выравнивающими в единый строй, — платки только на головах имели небольшое отличие, да и те-то, за малым и редким исключением, — чёрные.

Бельё полоскали молча, наверное, остервенело от боли. По крайней мере, когда бывал там я, женщины молчали, может, терялись, что тут говорить при ребёнке? Правда, одна тётка, моложе мамы, заматюгалась однажды вдруг ни с того, ни с сего, может, просто потеряв терпение от пронизывающего холода, так все остальные почти хором заткнули её:

— Эй ты, умолкни!

— Распялилась при ребёнке!

И та умолкала.

Пока мама полоскала, я устраивался у оконца со всё тем же затасканным “Мойдодыром” и незаметно для себя учился буквам и словам, складывал их в строчки и шёпотом повторял узнаваемые и давно запомнившиеся выражения.

Так что говорить, в чёрной полоскальне было трудно, поэтому женщины помалкивали — не речи ведь говорить сюда притащились с тяжкими корзинами. Но однажды одна тётка при нас запела. Да таким крепким, почти мужицким голосом:

*— Широка страна моя родная!
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!*

Почти разом женщины бросили своё бельё — кто выпрямился, а кто так и оставшись согнутой — и воззрились на певицу.

Она была статной, высокой, черноволосой, с пучком волос, завязанным на затылке. Какая-то не наша. Она сверкала глазами и зубами, оглянула тех, кто согнулся, и вдруг приказала:

— А ну, разогнись!

Велела:

— Запевай!

Но никто и не подумал выполнять команду. На минуту прервавшись, женщины снова взялись за своё. Тогда молодайка быстро скинула в корзину свои пожитки, даже не выжав как следует, и не вышла — вывалилась из полоскальни. На пороге крикнула:

— Не гнитесь, бабы!

Дверь, как и все в этом мокром бараке, была пропитана сыростью, была осклизлой, поэтому не хлопнула громко, а только чвакнула, едва притворясь.

Чей-то голос спросил:

— Сумасшедшая?

Другой ответил:

— Зэчка. Отпросилась в штрафбат, отпустили к матери повидаться. Вот всё перестирала...

Этих слов я не понял, в них не разобрался, если бы мама, пока мы поднимались по крутой лестнице с корзиной, ставшей ещё тяжелее, не сказала:

— Её не в штрафбат отправляют, а в школу снайперов. Я по работе знаю. Брала у неё кровь на анализ.

Когда пришли домой, мама согрела горячей воды, налила её в тазик и опустила руки.

— Больно? — спросил я её.

— Нет-нет, — ответила она, улыбаясь. — Разве это больно?

12

К счастью, мало кто знает, что как только приходит беда, например, война или землетрясение, откуда-то к людям являются вши. Не всякий человек-то теперь знает, что это за слово и кого оно обозначает, и, может, слава Богу. А вши — это такие очень мелкие и страшно кусачие насекомые, крохотные, злые и живучие. Они прячутся в человеческих волосах и в одежде и рожают потомство, называемое гнидами, из которых эти вши снова вырастают. Человек — существо терпеливое, он бы и гнид всяких перетерпел, если бы они, вырастая или кусая людей, не переносили бы самые страшные болезни. Например, тиф — тоже признак почти всякой большой беды.

Картинка, чтобы знать, как выглядят вши и гниды, висела в нашем детском саду на разных стенках, чтобы мы узнавали противника, а слова эти — “вши” и “гниды” во все времена и эпохи имели ругательный смысл. Да ими ещё людей обзывают!

Зимой сорок второго года в нашем детском саду взрослые яростно воевали с вшами. Это означало, что каждого малыша заводили в медицинскую комнату, и там тётенька в белом халате придирчиво рассматривала твои волосы, копалась в них, заглядывала за воротник, а некоторым велела расстегиваться, и рассматривала рубашки и платица изнутри.

Всем, кто приводил нас в садик и уводил обратно — мамам, бабушкам, тётушкам и всем другим, исключительно женщинам, медсестра два раза в сутки — утром, на входе, и вечером, при прощании, повторяла, как заведённая: “вши” и “гниды”, “гниды” и “вши”.

А потому моя мамочка, и так-то имеющая самое серьёзное отношение к медицине, уж раз-то в неделю, чаще по воскресеньям, расстилала на столе какой-то чертёж, неизвестно как сюда попавший, переворачивала его обратной стороной, чистой стороной, наклоняла мою голову над белой бумагой и начинала меня скрести частой-частой стороной довоенного женского гребешка, который самую мелкую крошку выгребет.

Время шло, ничего мама в голове моей не находила, но однажды всё-таки просто завопила:

— Вот она!

Как-то ловко она прижала почти невидимую, почти прозрачную тварь, ногтём прижала её и громко щёлкнула. Я поразился: почти невидимая и совсем прозрачная, а так громко лопается.

Мама чертёж свернула, объявила, что уничтожена гнида, и мою одежду надо прожарить, потому что сам я гниду вырастить не мог, значит, принёс её из дetsада — она перебралась с одной одежды, конечно, чужой, на другую, естественно, мою.

Мама и свои волосы постоянно расчёсывала мелким гребешком, ничего не находила, а однажды явилась какой-то совсем молодой, сняла свой пушистый беретик с хвостиком на вершинке, и тряхнула волосами — совсем короткими! Оказалось, она подстриглась. И не где-нибудь в городской парикмахерской, а прямо в госпитале, потому что среди раненых и выздоравливающих оказался разговорчивый парикмахер из Белоруссии, мастер на все руки с шикарным именем Кондрат — так вот этот Кондрат подстригал всех врачей и медсестёр за конфетку. Ну, мама и заняла у кого-то конфетку, а домой явилась девочка-девочкой, встряхнула серыми своими волосиками и воскликнула:

— Надоело гнид этих бояться!

Жизнь показала, что мама сделала верный выбор. В детском саду объявили, чтобы всех мальчиков подстригли наглотку, ну, можно оставить тонкую, почти прозрачную чёлочку, а девочкам — всем поголовно! — отрезать косички, если они имеются.

Что тут началось! Но это были пiski маленьких комариков. Им строго объяснили, что в парикмахерских длинные очереди и школьников стригут всех, как один. Под Котовского. Ходила такая шутка. Ну, да и фильм, где героем был стриженный под ноль красный командир Котовский из гражданской войны, ещё был известен совершенно всем.

Однако стрижка ведь ещё полдела. Главное, каждую неделю в баню ходить. И всё почему-то выбирали субботу.

Как узнал я попозже из разной литературы, русские вообще моются по субботам. В деревнях топят свои собственные бани, а в городах же и бани городские — для всех сразу. Поэтому к вечеру, а это значит, после работы, в бане не протолкнуться. Стоят очереди, заняв собой всё пространство, и даже выползают на улицу, за дверь.

В общих мойках — цементные лавки, на четыре, на шесть, на восемь душ, в середине зала по восемь кранов, направленных в разные стороны, из них — поверни ручку — хлещет холодная вода и кипяток.

Народу, как на вокзале, только все голые, мылятся и поливаются, охают и перекликаются, кто-то идёт в примыкающую дверь — там парилка и клубы горячего пара вырываются, когда кто-то входит или выходит — белого, густого, будто это и не горячий воздух, а морозное дыхание!

Ну так вот — каждую субботу мамочка моя тащила меня в баню.

Охо-хо! В женское отделение! Вот ведь что война наделала!

Конечно, маленьких мальчишек, своих сыновей, женщины и до войны в женское отделение забирали — куда ещё? Отцу, может, несподручно, а мать сама — раз-раз! — и всё прочистит, промоет, ей это удобно и понятно. Но как началась война, матери стали брать с собой и пацанов постарше, но только дошкольников. Попал и я под этот распорядок.

Мне уже случалось замечать, что в войну дети взрослеют скорее. Сам ростом мал по-прежнему, но что-то такое происходит в голове совсем не детское. Глядишь на сотню голых тёток, и твоё отличие вдруг превращается в неловкость, неудовольствие, даже в отвращение.

При чём тут — думаешь, неожиданно ты, — все эти тётки, девки, старухи? Зачем они тебе-то нужны? Глаза косят в сторону, голова опускается, ты смотришь в ноги, в свою шайку, а мамочка, как будто ничего не понимая, подгоняет, ополаскивает, трёт спину и места пониже, никого не стыдясь и никого не замечая.

Однако она всё-таки что-то чувствовала, ощущала мою смуту, но твердила всё одно, видно, им только и убеждая:

— Я надеюсь? Ты не хочешь завшиветь? Чтоб кормились тобой какие-то гниды!

После такой санитарной пропаганды голова моя, хоть и почти начисто остриженная, опускалась ещё ниже — чтоб никого и ничто не видеть.

Но всё это рано или поздно кончается! Всякая санитарная агитация!

Я поднимаю голову в одну такую санобработку и вижу перед собой Гальку Каратаеву из нашей группы, голую от макушки до пяток. Она узнаёт меня, издаёт визг, будто режут курицу, а я, осознав происшедшее, вырываюсь из мамочкиных рук и бегу в раздевалку, чтобы мгновенно спустя увидеть непонимающее, а то и глубоко возмущённое мамочкино лицо и услышать её не самый пронизательный вопрос:

— Что случилось?

Да ничего, мамочка! Или ты не понимаешь? Ровно ничего?

Но в женскую баню я с тех пор не ходил. И на Гальку Каратаеву в детском саду не смотрел.

Когда она случайно оказывалась передо мной, я отводил глаза.

А в баню научился ходить один. Странно: в детсад по утрам мама меня водила за руку. А в баню, по вечерам, отпускала одного.

И я справлялся.

13

В ту же пору, — как только мама и бабушка сходились вместе, да ещё и я был под рукой, — со всех сторон обсуждался самый главный вопрос моего будущего. В наступившем году мне исполнялось семь лет, и надо было записываться в школу.

Но беда в том, что моё семилетие наступало чуть позже начала занятий. Тех, кто не добрал своих полных семи лет, в школу вообще-то брали, но — вот изобретение! — не в первый, а в так называемый приготовительный класс. Чтобы подучить азбуке, начальным действиям арифметики, но, главное, на большой перемене — накормить школьным обедом. Школа просто выкармливала не доросших до первого класса.

Мамочка с бабушкой испытующе поглядывали на меня.

Еда, конечно, едой, но меня и в садике кормили, а что касается алфавита, я его знал давно, бегло читал и умел считать до ста. Сдай меня мамочка в приготовительный класс, я бы стал называться приготовишкой! В одном только слове сколько унижения! Будто к первому-то классу надо готовиться целый год!

И вот они по очереди, а то и враз внимательно вглядывались в меня, ждали моего ответа, а я всматривался в них! Ведь они старшие! Им решать! И я уже изложил свои соображения.

Про один только таинственный страх я не мог заикнуться. А он-то и укреплял моё сопротивление. Вдруг, если отдадут в приготовишки, мамочка скажет: ну вот, ты, сыночек, ещё не первоклассник, пойдём со мной в баньку!

Однако разум победил. Моя готовность к первому классу не вызвала подозрений, из сада меня не выгоняли, и я остался там ещё на год, отправившись в первый класс через целый год почти восьмилетним, старше едва ли не на год моих грядущих одноклассников.

Но это будет чуть погодя.

А пока мамочка всячески ограждала меня от всего и всякого. Утром вела в детсад и тогда бегом двигалась потом в свой госпиталь. А из сада меня забирала бабушка. Она жила в другом месте, поэтому вместо мамы торопилась за мной и отводила к себе, где и кормила. К вечеру вела домой. Даже в хорошую погоду ни та, ни другая не отпускали меня одного — с какими-нибудь мальчишками, например, поиграть. Да и мальчишки-то — однажды я вырвался на бабушкин общий двор — только и делали, что махались палками или руками, щедро осыпая свои битвы крепкими взрослыми выражениями.

Я такие слова слышал, но никогда ими не пользовался, и знал, по мамочкиным наставлениям, что это не просто дурно, а стыдно и наказуемо.

К вечеру, стараясь совместить это с маминим возвращением из госпиталя, бабушка вела меня домой. Если мы приходили раньше, бабушка что-то протирала, где-то прибирала, а я сидел дома и рисовал, или листал книжки потолще, где изредка встречались картинки, и прочитывал подписи под ними.

Как всякое растущее существо, я скучал, но зато слушал радио, и, кроме военных сводок, которые наполняли меня названиями городов, селений, армий, я обучался ещё казенным, государственным оборотам, которые самым таинственным образом размещались в моём сознании до времен созревания и взрослости и потом вдруг выплывали, как сила, как опора, как даже мудрость. Ну, например: “Войска Белорусского фронта нанесли массированный удар по противнику и отшвырнули его от города Можайска...”

Я и сейчас вздрагиваю, угасающей уже своей памятью вспоминая те слова и интонации, и не перестаю поражаться: как же они важно звучали и как сотрясали самые слабые души!

Мне, может быть, иногда бывало скучновато, но когда ты один на один с собой, это ведь не означает, что ты бездельничаешь. Напротив! Ты начинаешь думать!

Сперва потихоньку, маленькими мыслями и обрывками, потом уже целыми отрывками, где предыдущее срастается с последующим и что-то важное складывается при молчаливом слиянии этих отрезков. Возникает если и не окончательный вывод, то приготовление к нему. Может, именно в таких положениях человек, даже маленький и не очень готовый к жизни, начинает думать о ней складно для себя. И растёт!

Незаметно для себя растёт, размышляя.

Словом, думать — занятие полезное, хоть и непростое.

Думая о разных разностях и прилагая эти мысли к себе, я как минимум внушил маме и бабушке, что могу ходить в баню один, не обязательно в субботу, пусть бабушка и провожает меня, а потом встречает, хотя это совершенно не нужно, даже глупо, ведь на улице светло и безопасно.

Мама, горюя, согласилась. Вот я после садика, в сопровождении бабушки, и отправился в мужское отделение, выстояв короткую дневную очередь человек в десять — разве это очередь! — вышел оттуда победителем, не до конца, правда, протёртый полотенцем. И хотя бабушка-бедолага со скучным и несогласным видом ждала меня на лавочке, был доволен собой.

Больше к этой теме мы не возвращались.

14

Говорят, людям живётся легче летом. То травка вылезет, то яблоки появятся — пусть зелёные, не готовые, но даже из них можно сварить кисленький компот. А в нём много витамина “С”.

Но лето второго года войны для нашей семьи веселей не стало. Отец опять перестал писать, сводки по радио стучали молотком: мама от них плакала, а потом говорила, что раненых всё больше и больше. А я стал пока чувствовать какую-то лёгкость в голове, и оказалось, что это плохо.

Однажды, и это было утром перед садом, я заулыбался и пополз со стула. Очнулся оттого, что мама брызнула мне водой в лицо. И как-то стремительно исчезла, подвинув ко мне чай с сахаром.

Вообще-то мы пили чай с сахарином, это такие кристаллики, вроде сахарного песка, но в них какая-то крепкая сладость, а сахар давно стал редкостью — ведь его выдавали по карточкам. Но тут мама наболтала мне ложки три из заветного запаса, велела, чтобы я не ходил, исчезла, а явилась с пробирками, пипетками и острой такой штучкой, которой протыкают налец, чтобы кровь взята. Опять исчезла. И сделала что-то ещё такое, что будто из-под земли, по волшебству какому-то, появилась моя бабушка Мария — уж как она мамой вызвалась, не знаю.

Обе они смотрели на меня с тревогой, а я ничего не понимал, удивлялся и всё спрашивал, когда мы в сад отправимся.

Отправились, но с опозданием, и вела меня туда бабушка. Потому что мамочкино утро кончилось. Вечером она сообщила мне, что у меня малокровие. Мало, значит, крови, а по-лабораторному — мало красных кровяных телец, которые обозначают, что человек сыт и здоров.

В глазах у мамочки стояли слёзы, но они не скатывались, не проливались. Она вскакивала, ходила по нашей маленькой комнатушке, о чём-то

тяжело думала, как и ступала по полу — тяжёлой походкой. Потом она открыла наш узенький гардеробчик, подвигала платья свои на плечиках — их было три, совершенно подходящих к лету — белое, с васильками, ещё одно, слегка серенькое, её рабочая одежда, и темно-синее, надев которое мама ходила в гости. Но по гостям ходили до войны, теперь не звали. Мамочка решительно сдёрнула это торжественное платье и белое с васильками, и неаккуратно завернула их в газету.

— Куда их? — скорее по привычке, а не из интереса спросил я.

— Да отнесу в скупку, — легко ответила мамочка.

На другой день она намазала кусок белого хлеба топлёным маслом и, протянув его, велела съесть до конца. Белый хлеб тогда стал редким яством, а такого масла я не ел совсем давно, однако ни то, ни другое не было моей вожаделенной мечтой.

Я ел вяло, запивая чаем, и не испытывал никаких радостных чувств. Зато мама ликовала. А мне читала целую лекцию про красные и белые кровяные тельца: когда красных в человеке не хватает, надо есть витамины, красные и белые в крови нашей вообще сражаются без конца, и когда белые побеждают, люди болеют. Даже сознание теряют.

— Значит, — догадывался я, — во мне красные отступили, а белые наступили?

— Вот-вот, — улыбнулась мамочка, но я её огорошил:

— Это как на фронте: наши отступают, ведь армия-то у нас красная!

— Наверное, — подумав, ответила она, — можно и так.

15

Бабушка съездила на заросшие поля по другую сторону реки и притащила две авоськи щавеля, а ещё и пестики, из которых, говорили, можно сделать муку, если высушить в печи и измельчить. Но муку мои хранительницы делать не стали, зато из щавеля варили суп, делали салаты и требовали, чтобы я наелся этой кислятины до отвала. Сначала я ел эти травы с удовольствием, но скоро мне они надоели. Мама приносила с рынка молоко с толстым слоем чего-то жирного, похожего на масло, и я радостно нападал на новые яства.

Мамочка не уставала мне повторять, что за лето и осень я должен набраться сил, чтобы пережить новую зиму, потому что для меня она последняя перед школой.

Осенью, когда снова стало рано темнеть, мамочка объявила мне, что у них в госпитале по вечерам теперь показывают кино, и она будет просить начмеда Викторова разрешить мне иногда приходить на киносеансы для раненых.

Хотя я уже видел всемогущего Викторова, и был он, в общем, нормальный и даже уж не такой строгий начальник, мамыны рассказы каким-то необыкновенным образом увеличивали его размеры. Иногда он казался ростом до потолка холла, в том зале над лестницей, где лежал отец, и все его заранее боялись. Поэтому любое его милостивое согласие казалось манной небесной — знаете, что это такое? Я — нет, но это точно не манная каша, хотя многие так выражаются. Чудо, может, какое?

И вотжданное, и довольно долго, чудо совершилось и мамочка сказала, мол, разрешение мне получено, а лично она познакомилась с киномеханицей по имени Полина.

В госпитальном холле, где лежал отец и стояли койки с другими ранеными, между ними появился обычный стол, на нём какая-то деревянная подставка, а уж на ней кинопроекторный аппарат, в общем, штука, которая показывает кино. А напротив, на стене, под которой спускалась вниз лестница с закрытым парадным входом, висел белый экран, сшитый из госпитальных простыней.

Возле аппарата энергично двигалась женщина с длинной косой, почему-то в гимнастёрке, правда, сильно выцветшей, неновой и как будто купленной на барахолке, и чем-то щёлкала, вставляла куда-то киноплёнку, подкручивала колёсики, на которые она была намотана.

Полина, как я догадался, раза три улыбнулась маме, кивнула ещё кому-то рядом с ней, так что я даже обернулся, но рядом никого не увидел. Выходило, это она кивнула мне, и я стал ждать, когда она снова обернётся к нам, чтобы кивнуть с улыбкой в ответ.

Кинокартина называлась “Весёлые ребята”, и если кто не понимает, про какой фильм я говорю, объясню в двух словах, что это очень весёлая комедия, где много музыки и всё вокруг смешно и радостно. Несмотря на мой дошкольный возраст, я видел его раз пять до войны, хорошо помнил героев — целую кучу музыкантов — и смеялся вместе со всеми, когда было смешно. Но это совершенно не означало, что я не захотел бы смотреть это кино ещё, ещё и ещё раз. Потому что смотреть фильмы — было развлечением, несмотря ни на какие повторения. Так и должно же быть! Хорошее в жизни должно обязательно повторяться по многу раз!

Раненые дружно смеялись, а когда в фильме наступала недолгая тишина, я слышал откуда-то издалека стоны и тревожные разговоры. Но играла музыка, смеялись артисты, и всё это глушило неудобные звуки. И даже, может, отодвигали от нас всю нашу жизнь.

После киносеанса Полина, пожав мне руку, пригласила нас к себе пить чай, и хотя мамочка всячески отнекивалась, нам пришлось довольно скорым шагом достигнуть дома Полины и подняться на второй этаж старинного деревянного сооружения. Сверху он был голубой, с добротной, но с деревянной же крышей и резными наличниками на окнах. Не то, чтоб домик-пряник, но довольно приветливое, добродушное строение.

Едва мы стали подниматься на второй этаж, как дверь распахнулась, и трое ребят выскочили навстречу. Они громогласно называли Полину мамой, прыгали ей на шею, хватали её за косу, а она смеялась в ответ им радостным смехом, называя по именам, рассказывая про нас с мамой, подталкивая навстречу им меня, как нового гостя и возможного друга.

В комнате, где жила Полина с детьми, у стены, противоположной окнам, стояло пианино у окна — небольшой столик с книгами и тетрадами, а все остальные стенки были как будто подперты железными кроватями. Три из них, правда, оказались небольшими, и только одна взрослая.

— Ну вот, — кричала Полина, — знакомьтесь: Люба, Юля, Борис! Кого ещё не хватает! Ивана? Так мы задумали, понимаете! Получится — Люби! По первым буквам-то! Только бы войне конец!

И она обнимала самую маленькую, Любу, лет трёх от роду, Юлю, старше на год. Разве что Борис был под стать мне.

— Вот так и оставляю их втроём! — говорила Полина маме. — Разве могу я смеяться этим комедиям! У меня кошки скребутся на душе-то. И присмотреть некому!

Мы уселись в кружок за квадратный низенький столик, прихлёбывали жидкий чай из разномастных чашек и кружек, и мама просила Полину зайти к нам, чтобы взять всякие мелочи, хоть пару кружек, хоть неновый чайник. Оказывалось, Полина — жена пограничника, он отходил с боями от белорусской границы, писал из госпиталя, но снова умолк. Им помогает военкомат, просто так, без всяких похоронок и других сообщений, она считается женой офицера, а маленькие — её дети.

Честно сказать, встреча эта была какой-то мимолётной и ни о чём не говорящей. С Борисом мы даже не начали дружить, просто посмотрели друг на друга и пожали руки, потому что всё время говорили наши мамочки.

Мама наутро унесла в госпиталь две неновых чашки, какую-то мою старую, довоенную ещё, одежду, из которой я вырос, но которую можно было бы подогнать для Бориса.

И время от времени я стал ходить в госпиталь смотреть бесплатное кино. Тётя Поля всегда передавала мне приветы от Бориса и девочек, но я никогда не видел их на госпитальных сеансах. Моя мамочка объясняла это тем, что это не разрешается, а я — приятное и единственное исключение.

Спасибо начмеду Викторову!

Но каким же коротким и горьким оказалось это знакомство!

В госпитале Полина показывала кино дополнительно к своей работе. А главное место её службы оказалось в самом главном и большом кинотеатре нашего города “Октябрь”. Но ведь нигде зрители не видят киномеханика? В зале одни стены — и из одной светит лучик — вот он и есть это чудесное кино.

Борис и его сестрёнки ходили в детсад, поэтому Полина всегда работала в первую смену — остальные киномеханицы и киномеханики понимали это, ведь ей надо бежать за детьми! Но вечером, именно вечером, Полине не с кем было оставить ребят! И она тряслась, рассказывала потом мама, всячески наставляла Бориса, как он должен, самый старший и самый ответственный, вести себя.

Быстро убежала тревожная осень, грянула новая зима — мёрзлая и тёмная. В Новый год все мы только и думали, что вот и пробил мой час — осенью в школу, а я уже далеко не маленький — мне стукнуло семь, а в сентябре придёт восемь.

Война ломала своим непостоянством. То объявят, что наши наступают. То скажут, что мы вынуждены отступать. Это, конечно, мама переводила сводки Совинформбюро для моего понимания. А самому мне были понятнее отцовские письма: иногда они приходили пулемётной очередью, одно за другим, потом вдруг замолкали и месяца два, если не больше, ничего от него не было.

Мама менялась в лице. Мне казалось, она худела без вестей от отца, реже говорила с бабушкой, а со мной и вовсе обходилась редкими репликами: как, мол, вымыл руки, что сказала Варвара Клавдиевна в садике и придут ли письма от отца дружка моего Димки, артиллеристского офицера? Письма Димке проходили именно что с артиллерийской точностью, чуть ли не в один и тот же день недели, и мамочка, улыбаясь чужому, печалилась своему.

Однако дни отлетали, в почтовый ящик падал к нам треугольник от папки, и мамочкино лицо разглаживалось, распрямлялось, она улыбалась даже не себе, а жизни.

И вдруг...

И вдруг она пришла домой совсем поздно, так поздно, что бабушка, — да и я, — хотели бежать в госпиталь или, если придётся, в милицию, потому что мамы не приходят домой до самой ночи, только если случилась беда.

Так и было...

Она вошла какая-то изломанная, исплаканная, опустошённая и, не сказав ни слова, только скинув пальтишко, стала долго громыхать рукомыльником.

Мы предчувствовали беду. Бабушка даже закрыла лицо руками. А я ничего не понимал и не знал, что я должен подумать.

Мамочка, наконец, вошла в комнатку, села на краешек стула и бессильным, наверное, до конца издержанным голосом сказала:

— Вчера вечером! Когда Полина показывала кино в госпитале! В доме у неё погас свет. Наверное, Борис попытался зажечь керосиновую лампу. Может быть, уронил её, кто знает?... В общем, сгорели все трое. Соседи не пострадали, но от дома — горелые брёвна. Полина сошла с ума. Её увезла “скорая”...

Я слушал этот рассказ, как будто какую-то выдумку. Вот ещё два-три слова, мама рассмеётся и скажет, что, может быть, такое и могло быть, только не в нашем городе и не у наших знакомых, а в каком-то другом случайном месте, далёком от нас и совсем не настоящем.

Но мама зачем-то упорно разглядывала меня, смотрела очень строго, будто чего-то от меня ждала, что-то требовала, и меня мутило, было нехорошо от такого меня рассматривания, пусть это даже моя мамочка.

— А ты, — спросила она глухим голосом, — можешь зажечь керосиновую лампу?

— Да что ты, Миля! — заступилась за меня бабушка. — Зачем это ему? Детям вообще нельзя ничего такого делать.

— А вот и нет! — не воскликнула, а твёрдо и упрямо проговорила мама.

— Ну-ка, — велела мне, — принеси эту лампу.

И я встал, будто заворожённый, подошёл к широкому подоконнику и осторожно перенёс на стол эту лампу. Конечно, я не зажигал её никогда. Но сто раз видел, как это делается.

— Достань стекло, — сказала мама и не двинулась с места, пока я это не сделал.

— Чуть выкрути фитиль!

Я уж старался не глядеть на бабушку. И так знаю, что она просто дрожит и, пусть безгласно, но запрещает маме делать то, что она делает.

— Возьми спичку и осторожно чиркни.

Я чиркнул и поднёс огонёк к фитилю, он охотно и даже приветливо вспыхнул.

Отключившись от мамочкиных слов, будто убавив звук в нашем репродукторе, я взял стекло и аккуратно вставил его в лампу. Потом прибавил фитиля, чтобы стало поярче.

Обтёр руки о штаны, обернулся к ней, но она быстро встала и ушла за перегородку, а бабушка перекрестилась и прошептала мне:

— Зови меня, когда я есть. Говори маме! А сам!.. А сам!..

— А сам, — громко сказала мамочка из-за перегородки, — будь... будь... Она так и не договорила, каким мне надо быть, если зажигаю лампу.

17

Чем старше я становился и чем дальше в прошлое отходила эта печаль, тем чаще я ловил себя на мысли, что мамочка моя крепко жалеет о том киносеансе в госпитале, после которого мы пошли к Полине. Ей хотелось бы, догадывался я, — будто киномеханику, — вырезать из целлулоидной ленты жизни всю эту встречу! Острыми ножницами! Чтобы её не было в моей памяти. И, наверное, её тоже.

Не говоря друг другу ни слова, ни я, ни, оказывается, мама никогда не ходили по той улочке, вернее, по тому кварталу этой улочки, где стоял когда-то резной домик.

Когда пройдёт время, закончится война, вернётся отец, а я закончу четвёртый класс, она не мне даже, а отцу, вспоминая, как мы жили в войну, скажет про детей Полины:

— Их похоронили в закрытых гробиках.

Но до этого мы с мамочкой всё-таки Полину увидели.

Было воскресенье, мы отправились на рынок, чтобы купить чего-нибудь съестного — и зачем я увязался с мамочкой, одному Богу известно. Впрочем, может, для того и увязался, чтоб это увидеть.

Мы шли по рынку, по слякоти его весенней. Отвратительное, но нужное — куда денешься? — это место, где люди продают и покупают еду и одежду, чтобы быть сытыми и одетыми, считай, самое что ни на есть место во имя жизни. Но какой же неприветливой гляделась тут эта жизнь. И в этот миг точно из-под земли перед нами явилась женщина.

Волосы её были короткими, торчала кучками, тряпица на голове свалилась в грязный клоч, а вместо пальто на женщине висела урезанная, снизу изношенная шинель.

Она остановилась перед нами, молча протянув руку, а мамочка выдохнула:

— Полина!

Я сжался, вглядываясь в эту бродяжку. Но ничего от Полины в ней не увидел. Может, глаза только — да разве же я мальчонкой вглядывался в глаза взрослых женщин?

Полина не откликнулась на мамино восклицание — смотрела равнодушно, пусто, слегка покачиваясь: стоял полдень, а она была уже хороша.

— Полина! — снова воскликнула мама. — Ты меня узнаешь?

Казалось, она глухая, ничего не слышит вообще, потому что ничего в ней не шелохнулось. Она снова протянула руку, и тогда мама сунула ей бумажку — нерешительно, не зная и в самом деле, что делает. Мы обошли ту женщину с двух сторон и, оборачиваясь, глядя на спину её, двинулись дальше.

Больше я не встречал её. Мама тоже. Потом настало время, когда я нарочно пошёл по улочке, где был когда-то сгоревший голубой дом. Там лежали чёрные брёвна. Они проросли крапивой. Высокие такие охвостья.

Да, когда приходит война, откуда-то являются вши. Это в животном мире. И когда приходит беда, в растительном мире буйствует крапива.

А может, она благородна, эта крапива: скрывает собой, затупёвывает зелёным цветом чёрные следы огня и неисправимой беды?

18

А потом настала школа! И хотя всякие переходы пугают — из сада, где тётки горшки подают, в класс, где с тебя чего-то спрашивают, — этот перевал достался мне легко. Пока другие мекали и мыкали, собирая буквы из алфавита в части слова, я свободно читал и считал до ста, а потому частенько ловил себя на том, что на уроках мне скучно.

В общем, я промучился весь первый класс, не вылезая из пятёрок по всем предметам, которых и было-то — раз, два и обчёлся.

В городе все школы разделились на мужские и женские, и только наша начальная, да ещё несколько таких же, которые учили до четвёртого класса, остались по-довоенному штатскими: мальчишки и девчонки вместе. И всё бы ничего, кабы не туалеты. У девчонок всегда очередь, у нас — никогда.

Все подробности этого раздела жизни, тогда негласного, придут к нам не спеша, без всяких противоречий и много лет спустя, а пока мы только этой очередью и различались.

Учительница наша Юлия Николаевна, благообразная старушка с белыми приглаженными волосами, почти всегда улыбалась нам, была терпелива и доброжелательна, из себя не выходила, да и куда тут выйдешь — перед ней вчерашние детсадовцы в лучшем случае, а в худшем — дети, явившиеся прямо из дому. Многие мальчонки и брюки-то застёгивать, где полагалось, забывали, потому что всё дошкольное время провели в штанах на резинках — признак мальков, не призываемых к ответу. Но наша Юлия Николаевна даже на ширинки эти несчастные внимания не обращала, отводя лишь потупленный взор — и это был её деликатнейший сигнал.

Только с годами, со взрослостью приходят в голову мысли о таких почти невидимых несовпадениях: идёт война, каждое утро мы слышим тревожный голос по радио, а в классе нас встречает улыбкой очень, как и полагается, молодая учительница и разговаривает так, будто за окном ленивое лето, ласковое небо и стремительные стрижи в небе — этаким райский мир, а нам, его маленьким жильцам, надо только учиться себе в радость, уметь читать, писать и считать, чтобы чуть позже подступиться к знаниям потруднее.

Пока же нет никаких тревог. И никаких трудностей. А эти трудности легко одолеть и научиться умению. Учиться же этому следует с радостью, забыв о другом, хотя бы пока ты на уроке.

Много лет спустя, когда никого из наших наставников давно уже нет, не устаю удивляться тому, почему, скажем, Юлия Николаевна была так уверенно улыбчива и покойна?

О! Теперь-то я знаю, что у Юлии Николаевны, как раз когда мы сидели у неё за партами в первом классе, под Москвой погиб сын. Но тогда узнать это было нам не дано. Она и одного дня не пропустила — уроки тикали, как по часам. И улыбаться не перестала...

Или мы были неразумны и невнимательны? Просто малы?

А, может, эта бронированная улыбкой седая женщина в тот день тоже оказалась на фронте? На своём личном фронте? И получила незалечимую рану. И ей было нестерпимо больно. Но закричать, убежать, бросить нас, бестолковую малышню, она не могла, не имела права, и ей пришлось сжать в себе своё страшное бедствие...

Из школы я бежал к бабушке. Её дом был в трёх кварталах от школы, и я одолевал это пространство бегом, изредка переходя на быстрый шаг.

Почему-то почти все мы не выходили из школы, а выбегали. Дверь хлопала — как не разлеталась в щепки? — все отчего-то выкрикивали разные междометия или громко говорили. Будто освобождались от какой-то тяготы, что ли? Но уж и тягот-то особых мы не знали пока, потому что учились в начальной, а значит, смешанной школе. Наверное, это такой знак детства: собравшись в кучу — толкаться и шуметь, а выскакывая из школы, освобождённо орать.

Освобождаясь от чего?

Крик этот затихал через несколько метров ускоренного бега и превращался — у меня, по крайней мере, — в молчаливый и сосредоточенный бег на известную дистанцию с понятными поворотами, очевидными спусками и необходимыми подъёмами. Чтобы споткнуться о бабушкину дверь.

Отворив её, я попадал в известный мне покой.

Кот Тимофей сидел на подоконнике и без конца разглядывал пробегающую за окном действительность. Старый сундук, с обитой жёстью крышкой, над которым висела вешалка с полкой, а на ней то, что одевают, выходя из дома. Рядом древний диван с вылезшими пружинами. Далее — комод, где зеркало, слоники и чёрный репродуктор. Обочь ножная швейная машинка “Зингер”, этажерка с книгами, среди которых самая толстая, с непонятным названием “Капитал”, без картинок, с маленькими буквами и толщиной в три, наверное, мои ладони.

Дальше — буфет, кровать, шкаф, за плетёной загородкой — вроде кухоньки с самоваром и кастрюлями, но готовить всё приходилось на столике в коридоре. Такое вот обозрение — от двери и обратно к той же двери. Вот ещё посередине, чуть правее — обеденный стол. Пока пустой.

Сейчас же, как только я вымою с мылом руки, баба Маня нальёт мне сушка, и мне нет дела, из чего он сварен — капуста, кусочки окунька из нашей реки, гороха или американского пакетика с неведомым порошком.

Потом, без передышки, бабушка протирает стол, и я готовлю уроки.

А дальше я слушаю какую-нибудь сказку по радио. Например, про недобрую девочку, называется “Айюга”. Или рассказы про природу Виталия Бианки. Артисты читают так, будто бы всюду мир и покой, а война где-то в такой дали, что никогда тебя не заденет. Став взрослым, я однажды сообразил, что детские радиопередачи военной поры, никак не забываемые мной, задуманы кем-то вроде успокоительных для нас таблеток. Наподобие валерьяновых пилюль, которые тебя успокоят и утешат.

Трудно описать, как именно я слушал эти передачи. Ну, прежде всего, я удобно устраивался на старорежимный диван с выпирающими пружинами. Садился в уголок и внимательно вслушивался в каждое слово. Мужчины и женщины, которые читали рассказы, обладали голосами, всегда подходящими содержанию. Сильные, мужские, иногда басоватые, но всегда добрые, как и женские, немолодые, будто бы уговаривающие, объясняющие тебе одному, как там происходит и что. И вроде перед тобой прямо живая являлась хитрая Лиса Патрикеевна. А муравьишку, который домой спешил, было жалко до слёз, и как здорово, что он всё-таки успевал прибежать до заката солнца к маме своей.

Это удивительно не совпадало с жестокостью войны, но именно радио той поры обучило меня такому странному, но твёрдому нежеланию придавить муравья, жука, гусеницу — разве что на комаров это не распространяется. Потому что они — кровососы. И этот уголок давно несуществующего дивана я помню тоже, как полезный урок. Потому что, принимая меня в свои объятия, он научил меня слушать и слышать... А это не одно и то же, как известно.

Я, конечно, гулял под бабушкиными окнами, чтобы она могла в любой миг видеть меня и вернуть домой своим нестрогим приказом, я, конечно, рисовал, крутил педаль швейной машины, представляя себя мотоциклистом,

а чуть позже, во втором классе, записавшись вместе со всеми в библиотеку — без усталости читал. А в конце дня, зашло солнце, мы с бабушкой собирались и шли к нам домой.

Бабушка меня сопровождала.

Они с мамой никуда не пускали меня одного. Утром мама вела до школы, вечером домой меня приводила бабушка. Единственный отрезок от школы до бабушки после уроков я несся бегом, ни с кем из встречных не разговаривая и ни на какие вопросы не отвечая.

И это все неспроста.

В сорок третьем по городу разнеслась чудовищная молва. В подвале дома, мимо которого мы с мамой всякое утро шли сначала в садик, а потом в школу, поселились какие-то приезжие люди.

Я пробовал много раз представить их лица, их одежду, и всякий раз мне мерещились мохнатые чудовищные морды в рваных одеяниях, даже на телогрейку не похожих. Так вот эти люди поймали то ли какую-то девчонку, то ли мальчишку, убили его, мясо провернули в мясорубку и напекли пирожков с этим малышом. Стали продавать на рынке. И вроде пирожки эти шли бойко. Пока кому-то в пирожке не попался детский ноготок. Вот!

Даже сейчас, когда вечно спустя я рассказываю об этом, история эта мне кажется выдумкой, придуманной хитроумными взрослыми, чтобы ребятня, расшатавшаяся в войну без отцовского присмотра, остерегалась и не шлялась по улицам до ночи, а подчинялась правилам военного времени.

Но, странное дело, у того подвала действительно сколько-то дней дежурили милиционерши с кобурами на поясе, где — а это все, даже дети, хорошо знали — вместо пистолетов были драные чулки и носки. Оружия не хватало, а надо же было как-то придать милиционерскому облику грозный вид.

Слухи про пирожки с младенцами подогревали взрослые, мамочка и бабушка были в их первых рядах, а моей силы воли ещё не хватало, чтобы самостоятельно и надёжно преодолевать в одиночку путь от бабушки до дома.

Так что я следовал вместе с бабушкой, которая обожала брать меня за руку и вести рядом, как послушного барашка или молоденького пёсика. По природе вещей я сначала был покорным. Но всё чаще пацаны, незнакомые мне, да и неведомые прохожие, смотрели на нашу с бабушкой парочку с лёгким удивлением, а то и просто с изумлением.

Я стал вырываться.

Бабушка настаивала на моём послушании, я сопротивлялся. Она обращала своё требование в педагогический манифест, утверждая, что послушание старшим вообще серьёзное дело и может помочь мне в жизни. Как же, к примеру, без послушания в армии? Или без послушания многообразному начальству, которого, ох, много встретится мне в моей предстоящей взрослой судьбе.

Я не отвечал, но руку не давал, и с очень-очень глубоким вздохом моя любимая бабушка Маня уступила мне после многодневных, даже многомесячных препирательств.

Теперь мы ходили рядом. Теперь уже никто не паялся на нас. Ну, идут старушка и внучек — чему тут удивляться?

Посидев со мной дома уже у нас, бабушка чаще всего дожидалась мамы и передавала меня с рук на руки. Ещё она зажигала дрова, положенные в печь мамой с утра, и комната наша потихоньку нагревалась.

Иногда, впрочем, бабушка почему-то спешила, и я оставался один! Какая удача! Я мог петь, кричать, декламировать стихи по книжке, и дело дошло до того, что я стал становиться на руки перед платяным шкафом: ноги вверх. Похоже, всё это помогало утверждению моей личности: я и в одиночку мог развиваться по всем правилам воспитания!

При этом, оставляя меня в одиночестве, бабушка наказывала, чтобы я дал протопиться печке до конца, шуровал кочергой и обязательно давал прогореть маленьким синеньким огонькам, уже когда дрова превратились в угли, и только тогда — запомни, только тогда! — закрывал заслонку на самом верху печки. Для чего мне следовало приставить стул, а встав на него, подняться на цыпочки.

Пару раз я строго следовал бабушкиной инструкции. Пару раз вовсе забыл закрыть эту печально памятную задвижку.

А забывал я потому, что мне иногда становилось не весело одному, а сначала скучно, потом совсем грустно. А то и страшно. За обоями кто-то шуршал, даже зимой, когда всё насекомое царство спит. В мороз бревенчатый наш домишка стреляет, как, может быть, миномёт на фронте. Даже включённое радио не помогало: вдруг музыка прерывается, и тебе говорят тяжёлые известия. А ты один. Mamochka на работе.

Тогда я одевался, шёл к воротам и по их перекладинам забирался на столб, который держал калитку.

С этого столба было хорошо видно на два квартала в обе стороны, и я всматривался туда, где большая улица пересекалась с нашей, узенькой.

Всё моё существо сжималось в этом ожидании. “Скорей бы, скорей!” — шептал я про себя, подгоняя мамочку. Она всегда укладывалась точно в срок, отведённый на скорое передвижение от госпиталя до перекрёстка.

И вот я видел её сначала маленькую фигурку.

Она никогда не шла эти два кварталчика, она всегда их пробегала, моя мамочка. И я точно знал, что она торопилась ко мне.

Ещё издалека, увидев, что я сижу на приворотном столбе, она махала мне рукой. И я махал ей двумя руками — как только я не сваливался всякий раз, размахивая ими и не держась за столб?

И вот она приближалась. А я скатывался со столба и бежал ей навстречу. И я тыкался головой ей в живот, и она прижимала меня к себе, приговаривая всякий раз новое:

— Сидел бы дома, в тепле!

— Читал бы лучше книгу, сынок!

— Ну чего ты, я и так бегу!

А я отвечал:

— Да я просто так!

В результате пару раз печка прогорала. Мама не ругалась, не корила меня, но снова накладывала дрова.

Мне даже казалось, что она радовалась этой моей забывчивости. Но я чувствовал себя виноватым.

20

И вот я наказал себя.

Маму встречать на столб не полез. Чувствовал себя усталым, что-то позванивало в ушах, какие-то нежные колокольчики, маленькие, как у ландыша.

Это был мой второй класс, и я считал себя личностью, освободившейся от наивной бабушкиной охраны. Утром мама ещё провожала меня до школы, вернее, до ближнего к ней угла — дальше было уже неприлично, потому что остальной народ приближался к ученью вольно и неопасливо. А вот уж от бабушки, среди бела дня, выучив предварительно уроки, я шёл теперь независимо и свободно, раз в десять дней заглядывая в библиотеку для обмена книг, прохаживаясь вдоль вовсе не пустых полок городского универмага, где товары, неширокого, впрочем, ассортимента, продавали по ордерам.

Это такие талончики с печатями. Их выдавали взрослым на работе, и в общем-то никакого серьёзного интереса к рулонам мануфактуры или женским кофточкам у меня не было, кроме разве познавательного. Ведь познание мира происходит не у доски с учёными формулами, не на звёздном небе ясными ночами — хотя и там, и тогда тоже, кто же спорит! — а при узнавании сущей ерунды. Помню, как удивился вдруг одеколону в красной коробочке “Огни Москвы”. Сначала — что его продавали без ордеров, потом, что цена была доступна даже для меня, если я насобираю какую-нибудь мелкую сдачу: оставив её, когда меня пошлют, например, отоварить карточки. А прилетит Восьмое марта, и тогда я принесу маме эту коробочку — вот удивится-то она!

Одним словом, я познавал мир самым бытовым образом, освобождаясь от бабушкиной опеки.

Ну, и, ясное дело, оказался наказан.

Я пришёл домой, затопил печь. Поглядывал на часы, стоявшие на комодике: до маминою возвращения ещё оставалось приличное пространство. Книжка, которую я принялся читать, называлась “Серая шейка”. А писатель — Мамин-Сибиряк. Я жалел Серую шейку, у которой сломалось крыло и она плавала в озере, которое медленно замерзало от холода. Я боялся за неё, потому что по берегу прогуливалась безжалостная лиса. Но почему-то думал ещё и совсем про другое. Я думал, зачем такая фамилия у писателя? Ну, Сибиряк, это понятно, наверное, родился где-нибудь в Сибири. А вот — Мамин? Почему он не как я — не Мамочкин? Как бы это звучало? Мамочкин-Сибиряк. В общем, вот такая ерунда посетила мой лоб, и мне стало сладко и как-то протяжно.

А очнулся я от голоса моей мамочки. Он слышался откуда-то издалека, словно сквозь густой туман. Я открыл глаза и увидел её испуганное лицо.

— Не закрывай глаза! — кричала мамочка, а я слышал это будто писк.

Потом снова всё умолкло.

Я только почувствовал, как стукнул обо что-то мой ботинок, а меня бросало в жар, пока не стало прохладно.

Наконец, я понял, что мама хлопает по моим щекам.

— Сынок! — говорила она твёрдо и настойчиво. — Сынок, открой глаза.

Я послушался, но перед глазами плыло низкое небо и чёрные кусты. Наконец я вздохнул и очнулся.

Мама прикладывала к моим вискам что-то холодное и едкое. А к носу поднесла ватку. Я сразу чуть не вскочил. Правда, это только показалось. Мама рассказывала потом, что я просто встрепенулся.

Никаких врачей, никакой “скорой” мне не вызывали, мамочка заметила, что её медицинского образования хватило понять — я угорел, закрыв печку раньше положенного. Не отгорели синие огоньки. Но я же видел, что они отгорели, пошуровал кочергой.

— Надо было ещё подождать! — ласково поясняла мне мамочка. — Ну, а если не было синих огоньков, совсем плохо...

Ей пришлось настезь отворить дверь и форточки, начисто выстудить, выветрить нашу комнатку, потом снова затопить печку.

Утром мамочка проводила меня к школе, к самым дверям, я помахал ей рукой на прощание, а она всё пристально и тревожно вглядывалась в меня, наконец, мы разошлись.

В классе было прохладно, обыкновенно, я чувствовал себя нормально, а потом снова поплыл куда-то.

На меня брызгала водой из стакана Юлия Николаевна, впрочем, не обеспокоенная, не встревоженная. Теперь уже приехала “скорая”, и мне сделали какой-то укол в руку. Потом из класса перевели в учительскую и дали эмалированную кружку с горячим и сладким чаем.

Появилась бабушка. Вызвали маму.

Она приехала на легковой машине начмеда Викторова, сразу её отпустив, погладила мне голову, но не заплакала, не распустилась, а прошла в комнатку директора, где слышался голос нашей Юлии Николаевны. Она говорила что-то негромко, а мама отвечала ей в полный голос, и во мне остались только её фразы.

— Да, я знаю, что у него малокровие. Без всяких анализов.

— От талонов не откажусь, но вряд ли поможет.

— Спасение не в карточках, а на рынке. Но денег нет.

Потом мама сопротивлялась:

— Нет, нет! Ни за что!

— Я сама! Сама!

Она вышла разгорячённая, как была в своём пальтишке, даже розовая от возбуждения. За ней показалась Юлия Николаевна. Она качала головой, пожимала плечами, но ничего при мне не сказала.

Все втроем мы отправились к бабушке. И там мама заставила меня вышить столовую ложку рыбьего жира. Бабушка жарила на нём картошку.

Он вонял страшной вонью, этот жир, и меня всегда тошнило, когда мама пробовала меня принудить проглотить эту гадость.

Но на этот раз она впервые повысила на меня голос. И крикнула на меня совсем по-взрослому:

— Ты мужчина или сопля!

Я изготвился зареветь от такого оскорбления, но мама сбавила обороты:

— Представь, что ты просто ешь жирную рыбку!

Я проглотил, и мама дала на закуску кусочек чёрного хлеба с солью. Прошло.

21

Мы посидели, помолчали, послушали радио. Женщины разменивались пустыми фразами — так говорят, когда говорить не о чем. Может оттого, что слова произносились редко и вяло, меня потянуло в сон. Голова моя, наверное, поникла, свесилась, и со стороны, вероятно, я походил на вытянутую из грядки редиску: тело моё — это хвостик, корешок, а голова — главная часть этого овоща, красный шарик. В общем, мой шарик повис, а я, возможно, даже всхрапнул.

Потом я будто бы покатился по какой-то лестнице. Меня потряхивало, — не сильно, но всё-таки — я скользил вниз, и мне было приятно, пока вдруг резко не ударился обо что-то нетвёрдое.

Я открыл глаза и увидел лицо мамочки. Я улыбнулся ей и попробовал снова спрятаться в сон. Но опять что-то встряхнуло, и только тут я понял: да это трясёт меня моя собственная мама. Я ей улыбнулся снова, что-то пробормотал, но из сна своего отчего-то выбраться не мог.

Мама, видно, похлопала меня по щекам, потом брызнула на меня водой. Только тут я вздрогнул и начал вылезать из темноты, из приятного тепла, из какого-то малинового сна, потому что любил малиновое варенье.

— Ты что? — спрашивала мама громко. Даже и не спрашивала, а допрашивала. — Ты что?

— Ничего, — еле слышно лопотал я, и тогда мама схватила меня, поставила на ноги, потёрла мне ладонями уши.

Вот! Уши! Оказывается, если их потерять, не сильно, конечно, но устойчиво и быстро, то человек оживает, просыпается, и если не приходит в себя, то всё-таки возвращается в этот мир из снов своих и сновидений, из обмороков, потерь сознания, что, вероятно, случилось и со мной.

Мама вскочила, принесла мокрое полотенце, отёрла моё лицо, шею, уши. Потом поставила меня на ноги и, взяв моё лицо в свои руки, вдруг ловко — но ведь она же медицинский работник! — оттянула веки моих глаз, заглянула туда и вымолвила одно слово:

— Боже!

Все последующее я воспринял как затянувшуюся, скучную, неинтересную мне, но зачем-то нужную маме киноленту.

Мы шли, шли, шли, и мамочка двигалась, как мощный паровоз, например, серии “ИС”, что означало “Иосиф Сталин”, а я, лёгонький, пустой вагончик, волочился за ней в неизвестном направлении.

Я плохо понимал, не только зачем мы идём, но даже и в каком направлении-то. Только вот паровоз уверенно двигался по снежной дороге.

Потом хлопнула дверь, мы вошли в какое-то пространство, белое и чистое, с белыми скамьями, вообще-то похожее на больницы, но не больницу, хотя бы по тому, что коридор был пуст.

Бел и пуст.

Мамочка усадила меня на скамью, сняла с себя пальто, потом размотала серый шерстяной платок, которым оборачивала свою голову, наклонилась ко мне и очень строго приказала:

— Сиди спокойно. Не засыпай. Я скоро.

И исчезла в белой стене, которая перемежалась такими же белыми дверями.

Пока я сидел в белом коридоре на белой лавке, его пересекли две или три тётеньки. Одна из них, последняя по счёту, пробежала. Точнее, она выскочила из двери, куда зашла мамочка, пробежала по коридору, заскочила в другую и оттуда вернулась обратно и снова бегом.

Всё это довольно тихо. Я даже подумал, что, наверное, у неё на ногах тапочки — она бегала бесшумно.

Всё это ко мне не относилось, я держал мамино пальто и платок, и в этом состояла моя скромная обязанность. Потом дверь отворилась, и в проёме я увидел мамочку.

Мне хотелось обрадоваться, — да я и обрадовался, но ещё испугался. Мама была в своей нарядной довоенной зелёной кофточке с серыми обшлагами — яркая зелень мамочку молодила, будто она какая-то летняя, светлая, солнечная, даже в зимние холода от мамочки из-за зелёного цвета её одежды веяло теплом и надеждой... А вот теперь я увидел зелёным её лицо.

Чёрные круги под глазами и зеленоватое лицо, да ещё и зелёная кофточка, вдруг совсем не оказавшаяся нарядной.

Маму поддерживала та медсестра, пробежавшая по коридору. И они как-то медленно подошли к скамье, где я сидел, и мама села рядом.

— Вы минуточку подождите, — сказала женщина в белом, исчезла и очень быстро вынесла маме эмалированную кружку с чаем.

— Вот выпейте! Посидите! Не торопитесь!

Она снова исчезла и опять вернулась с ваткой в руках, от которой шёл резкий запах средства, уже известного мне.

Она протерла виски моей мамочке нашатырным спиртом, а потом ещё дала какие-то бумажки.

22

От чая мамочкино лицо медленно порозовело. Она шепотом поблагодарила опустевший коридор. Кружка осталась в одиночестве на лавочке, а мы вышли на улицу.

Мой могучий паровоз утратил свою мощность. Он двигался медленно, хотя и твёрдо. Так же твёрдо он останавливался, будто получал чьё-то высшее приказание. Стоял минуту или две, а потом дёргал свой лёгкий вагончик дальше, и мы двигались куда-то вперёд.

Опять я ничего не знал, а просто шевелил ногами. Они не уставали, мои ноги, не наливались тяжестью. Но и лёгкости я не чувствовал. Механически передвигал их, и снова что-то в голове моей то ли замыкало, то ли отключалось. Похоже, я покачивался и тогда мой паровоз останавливался. Наверное, мамочка смотрела на меня сверху вниз, но у меня не доставало сил посмотреть ей в ответ снизу вверх.

Мы просто останавливались. Потом двигались дальше.

Мамочка шла по улицам мне вообще-то известным, но конечную цель я определить не мог. А шли мы к новым домам.

В нашем городе, почти сплошь деревянном, до войны построили несколько каменных, нам казалось, красивых домов, где жили значительные люди. За ними приезжали две или три “эмки”, перед которыми все разбегались, вглядываясь вослед им с терпеливым непониманием — в общем, дом не для всех и всяких.

В первом его этаже до войны работал магазин, а когда началась война, всякие торговые вывески с него сняли. Но окна по вечерам там светились, народ туда заходил, но редкий, и город постепенно узнал, что еда, которую там не столько продают, сколько выдают, доступна в обмен на кровь.

В те свои лета, не всё понимавший ещё и уж, тем более, не всё знавший, я плыл по течению общей жизни, брёл по тропинке судьбы — моей ли, общей ли, — и не сразу — ох, как не сразу! — мог понять происходившее. Это происходившее текло, как вода, придвигалось к тебе и отступало самыми простыми событиями, которые ты поймешь спустя десятилетия, а оценишь и ещё позже, содрогнувшись в один нечаянный миг и устыдившись: как же ты не понимал происходившее с тобой в тот самый миг, когда оно происходило-то?..

Но мы бываем подслеповаты и не видим ясного, бываем глуховаты и не слышим произнесённого, бываем обыкновенны и, увы, не чувствуем необыкновенности, происходящего с нами... Как это горько и несправедливо!

Но вот точно так было со мной.

Я плёлся рядом с мамой, которая крепко держала меня за руку, я слышал, как тяжелеет её шаг, совсем уставший, я глядел на заборы нашего городка, на снег, свисающий с этих заборов затейливыми змейками, я всматривался в лица домов и был похож, наверное, на усталую собачонку или на ослика, бредущего неизвестно куда и зачем. Я был маленькой животинкой, в валенках, в меховой шапке и пальтеце, в которое задувал ветер, и меня вела моя мамочка, с какой-то непонятной мне целью, и мне надлежало идти рядом с ней и быть во всём послушным — а что я мог и способен был сделать иное?

Мы добрались до берега, до красивых довоенных домов, вошли в дверь без вывески, и мама усадила меня на широкий и невысокий подоконник.

Я мельком разглядел за полукруглыми довоенными витринами всякие вкусоности, но то ли от затянувшегося путешествия, то ли от безразличия к недоступному, отвернулся к окну и стал смотреть на улицу.

Ветер там завинчивал снег в спирали, переметал дорожки, чистить которые никто не спешил, люди проходили поспешно, норовя побыстрее укрыться в домах, сумерки гудели сине-серым цветом, только здесь было тепло и тихо.

Мамочка подошла ко мне с кульком из серой обёрточной бумаги. Бумага эта будто промокла какими-то непонятными пятнами. Она сказала:

— Открой рот.

Я послушно открыл рот и даже прикрыл глаза. А дальше почувствовал, что во рту разливается какое-то тёплое и чудно пахнущее яство.

Масло! Это было топлёное масло!

Оно растаяло и утекло в меня, а мама положила в меня ещё один кусочек и ещё один.

Они были совсем маленькие, эти кусочки, может, с половинку школьной резинки, но в них было столько добра и радости, что я ощутил чуть ли не сразу, как светлеет моя голова.

Кулёчек был невелик. Кроме него, мамочка держала свёрток с ещё какой-то едой, но топлёное масло обладало волшебной и мгновенной силой.

Что-то во мне включилось. Я ожил. Я встал с подоконника. Я распрямился.

— Ну, идём! — сказала мамочка, и мы вышли на ветреную улицу. Снег сёк моё лицо. Ветер распахивал полы пальтеца.

Нет, я вовсе не предвкушал радостного ужина, не думал ни о чём съедобном. Я просто шёл, дышал, моргал глазами, спасаясь от летевшего снега. Я снова жил. И мамочка опять вела меня за руку.

Но ведь и ей снег сёк лицо. И ветер распахивал полы её тонкого пальтишка. А в отличие от меня, она не позволила себе проглотить хотя бы маленький кусочек топлёного масла.

Ну почему же, почему я не заставил её сделать это?

Почему я не заплакал, не встал перед ней на коленки? Ведь я уже понимал, что эти спасительные кусочки ей дали за её кровь!

Вот в этом и заключается детскость детства.

Понимая или догадываясь, мы не умеем поступать по-взрослому.

Иначе мы уже не дети.

23

А детство продолжалось.

Шла война, взрослые страдали и теряли жизнь, и дети делили их муки. Но тыл потому и называется так, что в тылу должна быть не просто справедливость, но — спасительность, что ли...

В тылу переводили дыхание беженцы, которые бежали от врага, в тылу лечились раненные в боях солдаты, и без остановки работали заводы, делав-

шие танки, самолёты, снаряды, без которых не победить. В тылу собирались новые армии взрослых мужчин.

Но в тылу ещё жили дети. И взрослые учили их, лечили их, кормили и поили их, чтобы выросли новые люди, которые совсем скоро сами станут взрослыми.

Утром, зимой, я вставал, завтракал, и мама опять и опять вела меня в школу. По городу бил мороз, как тяжелая артиллерия, даже дышать было трудно, но мы пробивались сквозь него к школьным дверям, потом уроки, потом к бабушке, где я выполнял домашние задания, потом домой. Мамины летние платья из родительского шкафа исчезли уже давно. Но я не заметил, как пропала одна-единственная драгоценная пара довоенных туфель-лодочек, до которых мама, по её словам, не знала жизни.

В шкафу совсем одиноко висел безработный отцовский костюм – пиджак и брюки, – но вот с ними мама не расставалась. Она никогда не обсуждала судьбу этого костюма, и всё.

А сама ходила в одном-единственном тёмно-зелёном платье, которое носила и зимой и летом, без всякой смены, изредка его простирывая, этакое всеесезонное обмундирование медицинской лаборантки в военном госпитале. Даже по цвету армейское.

Правда, у неё были ещё две юбки и две кофточки, которые то и дело развезжались по швам.

Но так дозволено рассуждать из взрослости моей, жалея маму. А тогда я и не понимал, что можно жить по-другому, как-то выворачиваться и одеваться иначе. Нет, ничего иначе и по-другому быть не могло. И следовало радоваться, что всё слава Богу, и я в малокровные свои обмороки падать перестал. Зато мамочка совсем пересохла! Похоже, она продолжала сдавать кровь без моего сопровождения, и на глазах превратилась в сухонькую старушонку, переливающую в меня свои последние силы.

Так что я, кинув портфель, влезал на столб, державший калитку, и ждал, когда прилетит, а верней, прибежит моя совсем исхудавшая, истощённая, но всегда улыбающаяся мне мамочка.

И вдруг!

И вдруг нас ограбили. Какая же это была глупость этих самых грабителей. Не знали, куда лезут? Просто выломали окно, забрались, всё перевернули, отыскивая – что?

Разве, глядя на наш старческий комод со слониками, на репродуктор, зацепленный за длинный гвоздь, на жалкую этажерочку с книгами, на стёганое одеяло, истончавшее от старости, можно было рассчитывать на поживу в такой комнатёнке? Но они нашли, гады. Из шкафа исчез отцовский костюм.

Даже малым своим умишком я удивился мамочкиному отчаянию.

Как плакала она, даже рыдала!

Ну ладно же, думал я, и даже произносил эти слова! Папа вернётся, и купим новый. Да вообще, костюм, конечно, отцовский, но он всего лишь костюм, а не человек!

И лишь чуточку спустя мне тоже пришло это в голову. Мамочка думала, раз украли костюм, значит – всё.

Тогда я заплакал вместе с ней. Завыл маленьким волчонком. Хотя совершенно не знал, как воют волчата.

Нас остановила бабушка, сказала, что пришла милиция, и она воров найдёт. И ещё она шепнула маме:

– Сходи в церковь и помолись.

Но мамочка с трудом приходила в себя. Милиции рассказывала про взлом сухо, коротко, без всяких надежд. И оказалась права, костюм не нашли.

Сходила ли она в церковь, я так никогда и не узнал. Но уже на другой день, после того, как в нашей комнатке заделали сломанное стекло, мамочка выглядела спокойной, может быть, даже весёлой. В школе мне выдали талоны на дополнительное питание, я теперь бегал после уроков в столовую № 8, где кормили недоедавших детей, в госпитале мамочке выделили ордер на американский подарок для меня же, и им оказалась шубейка из

какого-то кожзаменителя под тигровую шкуру. Я впервые узнал, что был когда-то такой грузинский рыцарь, то есть витязь. В тигровой шкуре.

И тут я услышал притчу, принесённую мамочкой от её учёной начальницы Елены Ивановны, заведующей лабораторией, подруги начмедка Викторова, а главное, эвакуированной ленинградки и доктора медицинских наук.

Она рассказала ей, будто всякие материальные утраты означают, что обязательно наступит равновесие и в ответ на беду наступит радость. Причем радость духовная. Например, вместо костюма ты не найдёшь на дороге свёрток с другим костюмом и всякой такой ерундой. А произойдёт с тобой что-то другое, невероятное, по сравнению с которым твои страдания покажутся просто глупостью и ерундой. И мамочка этому поверила.

Но кто-то будто испытывал её.

В госпиталь прибывают раненые, она берёт у них кровь, идут операции, и снова всякие анализы, потом бегом домой, приготовить еду, накормить меня, хорошо, что хоть уроки я учу с бабушкой, стирка, письма отцу, короткий сон, в шесть подъём, чтобы завести меня в школу, и снова работа. И вот в этой карусели кто-то неведомый не забывает мамочку и испытывает её.

Однажды она прибегает с работы и держит в руке тощенький кошелёчек, а в нём карточки. На хлеб! На жиры! На сахар! И в кошелёчке этом жалком ещё такие же жалконькие денежки — рублики и трёшка.

Кто-то другой поди бы взорвался! Воскликнул — какое счастье подвалило, наверное, это, как Елена Ивановна предсказывала, и есть расчёт за потерю!

Но мамочка отложила кошелёк на подоконник. Молча перекусила, не отвечая на мои вопросы — что, мол, теперь? А убрав тарелки, оделась и взяла кошелёк в руки. Сказала:

- Ну, пойдём, если хочешь!
- Куда? — удивился я.
- В милицию. Карточки надо вернуть.

До милиции добежали быстро, вошли к дежурному, а там — одни милиционерши. Мужчин нет, но все курят. Я ещё подумал, что, наверное, так положено, ведь милиционером быть — занятие мужское, а если все мужчины на войне и теперь их заменяют женщины, то они их и в курении тоже должны заменять.

Мамочка с порога проговорила решительно, что вот нашла карточки на улице, и милиционерши оживились. По крайней мере, три из них подошли к маме и осмотрели кошелёк.

- Твоя? — спросила одна.
- Нет, — ответила другая.
- Похоже, моя! — проговорила третья.
- Это девочка потеряла, — добавила она. — Прибежала сразу сюда, рыдает! Семья погибшего офицера! Сейчас мы через военкомат их найдём.

И пошла звонить.

Удивительное дело, но нашлась та девчонка быстро. Она бегом прибежала. А минутой позже пришла старушка.

За эту минуту девчонка сначала бросилась целовать ту милиционершу, которая узнала по продуктовой карточке потерявшую её, та вырывалась — показывала пальцем на маму, объяснила, кто нашёл её кошелёк, тогда девчонка бросилась уже к нам, меня как-то неловко задела, повисла на маме, не говорила даже ничего, просто шептала:

- Спасибо! Спасибо! Спасибо!

А старушка, как выяснилось, бабушка её, прямо на колени перед мамочкой бухнулась.

Но всё-таки мамочка работала в военном эвакогоспитале, рядом, можно так выразиться, с войной, много чего навидалась и наслушалась, и она бабушку силой подняла, даже её встряхнула, воскликнула рассерженно:

- Да разве вокруг вас не люди?

Оглядела всю эту дежурную комнатушку, обвела взором всех этих прокуранных милиционерш и, как будто обращаясь не только к старухе, к её внучке, но и ко всем вообще, воскликнула:

— Вы что! Что вы!

— Ой, матушка, — плакала старушка, — как не люди! И военком, и милиционерки, и ты, благодетельница!

— Да какая я благодетельница! — просто возмутилась мамочка. — Шла, увидела, подняла! Всё! Слава Богу, что вы-то нашлись!

Бабушка эта крестилась, что-то говорила, а глядеть на неё было тошно. Одета будто нищенка, и хоть бедно одетых в войну было в городе нашем пруд пруди, эта старая женщина казалась худей худого. Телогрейка как у чернорабочего, платочек, изношенный до рвани, валенки, всунутые в калоши, — так у нас и ходил народ — но эти валенки и эти калоши были старее старухи, и жалостливая жалость сжала моё горло.

А девчонка! Видать, это она потеряла карточки, и вот они нашлись, редкий ведь случай, чтоб нашлись, да ещё их и отдали тем, кто потерял! Так вот, она мне показалась красивой. Может, это беда так её обожгла — она была какой-то блестящей, блестяще-угольной, похожей, может, на цыганку. И глаза у неё сияли, просто жгли...

А может, так жгла беда: вот она нависла над ними и вдруг отпрянула, отошла, передумала! Какая это радость — вновь найденные хлеб на целый месяц, жиры, сахар!..

Мамочка неловко развернулась, обошла девочку и старушку, но та милиционерша закричала:

— Женщина, как ваша фамилия? Давайте протокол составим!

Но мамочка махала руками, молчала и теперь, после бурных восклицаний, сама плакала в три ручья.

Мы вышли на улицу, не оборачиваясь, прибавив шагу, почти убегая от того, что было.

24

Но прошло ещё много месяцев, пока предсказание Елены Ивановны из Ленинграда, как утверждала она, вполне научное, сбылось.

Мы жили по-старому, и зиму сменила весна, лето, появились цветы, а потом и ягоды, и чеснок, и мой любимый луговой лук, который совсем не походил на лук огородный, потому что не жёг глаза, был не горький, а сладкий на вкус, и соль совершенно не требуется, когда ешь его.

Мы повеселели, и мама, кажется, помолодела, потому что, как я догадался, перестала сдавать кровь. Она больше не приносила маленьких кулёчков из донорского магазина. Не знаю отчего, но мне от этого полегчало, будто какой-то груз свалился с души. Хотя, спроси меня в ту пору построже, о чём это таком я соображаю, ни слова толкового из себя бы не выжал.

Весной я уже не сидел на столбе в ожидании мамочки, а просто шёл ей навстречу, всё-таки я был почти взрослым человеком, а она, бегущая по тротуару, хватала меня за плечи, целовала, и дальше мы шли спокойно, потому что я был у неё на глазах. И не имело никакого значения, если мы придём домой на пять минут позже. Таким образом, я сократил её каждодневные пробежки.

Когда начались каникулы, мама радостно сообщила мне, что я могу поехать в пионерский лагерь, хотя ещё и не пионер. Лагерь образуется для детей работников городских госпиталей, и вот лаборатории выделили две пультки — мне да Лёвке Наумову, его мама работала такой же лаборанткой, как и моя, и в той же самой лаборатории.

Настал момент, когда мамочка собрала мне маленький рюкзачок, вернее, его следовало назвать простым мешочком небольших размеров — только шнур внутри горловины: вытаскиваешь этот шнур, горловина сжимается, и ты шнуром его перевязываешь — и всё. И лямки за плечи. Когда такой мешок большой и его несёт на себе взрослый, его называют оскорбительным именем мешочник. Ведь вот того, кто несёт рюкзак, рюкзачником не называют, потому что не оскорбительно. А мешочником обзывай сколько хочешь — за что, за какую такую провинность? Ну, а небольших людей с маленькими мешочками как обзывать — ещё, мне кажется, не придумали...

Ну так вот, мы с мамой пришли во двор госпиталя, а там уже гудел-жужжал человеческий улей: в открытые грузовики приделали сиденья и на них усаживали мелкий народишко, вроде меня. Кто-то даже всхлипывал, из слабоверных, кто-то чересчур возбуждённо хихикал — тоже от волнения.

Тут вышел начмед Викторов, строго оглядел стихший муравейник, потом остановил взгляд на Елене Ивановне, пришедшей зачем-то на погрузку, потом на маме, потом на мне, подошёл ко мне, подхватил меня под руки и усадил — хо-хо, куда бы вы думали?! — рядом с шофёром первого грузовика. Сказав при этом водителю:

— Пусть он рядом поедет!

И неожиданно обратился ко мне:

— Как тебя зовут-то?

Пришлось признаться. Получилось слабовато и хриповато, наверное, от неожиданного разворота простых событий.

Грузовик добирался до лагеря часа два, и я стыдился, что меня сморило. Дорога была колдобистая, полевая, поначалу я радовался выпавшей привилегии, потом меня укачало, и пару раз водитель спрашивал меня, не остановиться ли машину. Но я стыдился, что из-за меня вдруг все остановятся. И ещё приходила простая мысль: если мне, в кабине, худо, то как же чувствует себя ребятня наверху, в открытом кузове, который трясёт и качает покруче, чем кабинку.

Лагерь оказался церковью, только без креста над куполом и без икон, правда, с росписью на стенах. А круглое помещение, где люди молятся, было уставлено железными, но заправленными свежим бельём койками. Они стояли впритык друг к другу, с узенькими кое-где проходами, и строгаая, довольно пожилая тётенька в пионерском галстуке, Серафима Ивановна, крикнула нам, едва народ слез с кузовов, чтобы мальчики и девочки зашли в разные двери, а кровати каждый выбирал себе сам.

Я выбрал быстро, толкнул свой мешочек под койку и свалился в койку. Конечно, я слышал крики Серафимы Ивановны, что надо мыться и обедать, но не мог шевельнуться. Сон утянул меня на дно морское, и всё стихло.

Минут через тридцать, всплыв в действительность и оглянувшись, я увидел, что сопят все мальчишки. А тётенька в галстуке сидит на стуле возле столика, опёрлась на руку и тоже спит. Только сидя.

Мы с Лёвкой Наумовым оказались соседями. Удивительное дело, лаборатория эвакогоспиталя, где работали наши мамы, объединила и нас. А уж коли все выдели, как начмед Викторов усадил меня рядом с водителем на передовую машину, это означало и ещё что-то невидимое и важное и для лаборатории, и для нас.

Проснувшись, те, что постарше, доставали из укромных уголков свои галстуки и надевали их. В пионеры, как известно, принимали с четвёртого класса, так что мы с Лёвкой ещё не достигли таких высот. Нас зачислили в младшую группу.

И хорошо! Пожилая пионервожатая Серафима Ивановна, которая, похоже, управляла здесь всеми делами, больше командовала пионерами. К нам приставили молоденькую Груню, которая то была в галстуке, то без него. Была она худюющая и, похоже, голоднюющая — доедала за ребятами, если кто и что не съест, хотя её и так подкармливали за кулисами столовой.

Груня наедалась долго, терпеливо, мы, её подопечные, поглощали свои порции на больших скоростях, и вот тут возникала некоторая случайная свобода. Мы уже вышли из столовки и толкаемся на улице, а Груня всё ещё ест — могла бы и поторопиться.

Серафима же Ивановна, несмотря на возраст, ела вместе с пионерами, ровно столько же, сколько все остальные, и выходила строить отряд сразу после того, как доел свою порцию последний отстающий. Ребята строились, уходили по пионерским делам, а мы всё толклись, неорганизованное комарьё, хорошо хоть солнышко грело, принекало — в общем, походили мы на комаринов-толкунцов, которые вьются в лучах солнышка. Особенно годилось это сравнение по вечерам.

Селение с простым именем Митино — в честь какого-то Мити, то есть Дмитрия — состояло из этой полуразрушенной, но с куполом церкви, где устроился пионерский лагерь, поделённый на две половины — мальчиковую и девочковую, далее по улице скромно сжавшись, стояли два или три домика с огородами за их спинами, потом — довольно длинное здание школы.

Она была покрашена в голубой цвет, ясное дело, ещё до войны, но шумела и бурлила народом — там располагался детский дом для ребят из Ленинграда.

25

День на второй, на третий, нас, малышкой, и пионеров Серафима Ивановна с Груней выстроили в колонну и организованно повели в детдом, для знакомства. По дороге старая пионервожатая попробовала дуть в горн, но у неё вырвались какие-то хрипы, похожие на бараньи вопли, она засмеялась, покраснела, сунула горн первому, кто шёл за ней в галстук. Ещё несколько раз ударил в барабан какой-то мальчик из старших. Тоже без успеха.

Зато ленинградцы произвели серьёзное впечатление. Они стояли, выстроившись, все в одинаковой форме, и знамя пионерское у них было, и флажок для флага, и трещали четыре или пять барабанов и всерьёз, без фальши пели горны. Было чем восхищаться.

Сначала нас провели на линейку, чтобы мы построились напротив ленинградцев, при этом Серафиме и Груне помогали не взрослые хозяева, а старшие ребята. Все, кто смотрел на нас, были внимательны, доброжелательны, улыбки и строги враз. Какими должны быть настоящие хозяева.

Мальчик-командир подал команду высоким голосом, мы — как могли, а они, как положено, выровнялись, сжались в стойке смиренно, снова застучали барабаны, запели горны, и на флажок ихний командир медленно поднял красный флаг.

Вперёд вышел взрослый дядька, похоже, начальник этого детского дома, и сказал, что воспитатели и воспитанники приветствуют новых соседей, то есть нас, и готовы оказать любую помощь.

Потом нам предложили разойтись, поговорить друг с другом, познакомиться, пояснив, что детдом и лагерь теперь друзья. На летнее, конечно, время.

Я этому внимал, поражённый, неопытный. Что я, да и, например, Лёвка Наумов, могли знать про такие детдома, про ребят из Ленинграда, ведь они все до одного эвакуированные, а мы — здешние, тутошние. Вообще, что знаем о жизни мы, и что они — приезжие прямо из блокады?

Словом, мы стояли в смущении, хотя уже дали команду разойтись. И тут к нам подошёл парень в голубой рубашке и по-взрослому пожал руки: сначала Лёвке, потом мне.

— Меня зовут Леонид, — сказал он. Мы назвали тоже.

— А вы знаете, — спросил он, — что через день будет солнечное затмение?

— А что это? — спросил Лёвка. Да и я не знал.

Леонид коротко рассказал: луна выйдет на одну линию с солнцем и затмит его. А потом уйдёт дальше, и солнце вновь засияет. Оказывается, всё это можно увидеть, если смотреть в это время на солнце.

— А как? — вырвалось у меня. — Ведь оно спит.

— Ерунда! — весело ответил Леонид. — Через законченное стекло! Приходите, мы всё организуем!

И уточнил: куда и когда.

Весть об этом затмении разлетелась, как рой перепуганных пчёл. Все только и жужжали на эту тему, и Серафиме Ивановне, пока Груня насыщалась за дощатой стенкой, даже пришлось повышать голос во время обеда: мол, надо пищу жевать, а не о каком-то там чуде болтать.

Жару этим наивным рассуждениям поддал один шкет по имени Валерка, из нашей группы мелких недомерков. Он болтался как-то в одиночку, не приставая ни к каким объединениям — ни соседским, имея в виду рядом стоящие кровати, ни возрастным, может, он и был самым младшим из нас?

Но самым худым — точно. Таких обычно зовут доходягами, но до клички у нас пока не дошло, наверное, потому что приехали-то недавно.

Так вот тихий и худой малыш с не улыбочивым лицом, прямо на обеде, поднял руку, и Серафима спросила его:

— Ну, иди, Валера, раз приспичило!

А он поднялся и сказал:

— Я не за этим.

А потом прибавил непонятное:

— А когда окна закрывать будут?

— Почему закрывать? — насторожилась Серафима.

— Ну, одеялами, например. Или чёрной бумагой...

Пожилая тётя в пионерском галстуке отложила ложку и поднялась, вся прямо напрягаясь. Спросила, строящая всё сильнее:

— Про что ты говоришь, Валера?

— Про затемнение, — ответил он, — перед бомбёжкой всегда закрывают.

Но догадалась всё-таки не наша взрослая начальница. Чей-то звонкий голос крикнул:

— Это не затемнение, бомбить не будут!

Серафима даже за галстук схватилась, осела, махнув рукой. Сказала:

— Я и забыла, что Валера тоже из блокады! Нет, нет, мальчик. Это просто солнечное затмение. Затмение, а не затемнение. Сначала потемнеет, потом рассветёт!

Надо сказать, что это Валеркина путаница в двух, таких похожих, словах, никого не развеселила и не позабавила. Напротив, наша младшая группа так даже примолкла, ещё соображая, что к чему. Пионеры зашевелились, загалдели раньше, а мы всё ещё сидели, прижав уши. Пока Лёвка Наумов не спросил Валерку:

— Так ты из блокады?

Тот просто кивнул.

— А когда эвакуировали? — дотошно допрашивал мой приятель.

— Зимой. Через Онегу, это озеро такое. На грузовиках.

Лёвка приготовился спросить ещё что-то, но Валерка его прервал.

— Прямо за нами шёл такой же грузовик. С ребятами. Снаряд жажнул перед ним. И он сразу провалился.

Было глупо спрашивать ещё о чём-то. Но Валерка сам сказал, что его перевезли к бабушке, она операционная сестра в нашем госпитале. А мама осталась в Ленинграде. Она хирург.

Мы эти слова, конечно, знали, они содержали страх, чью-то боль, и хотелось про такие слова забыть. Но не получалось. Наверное, потому вокруг Валерки образовалось какое-то уважительное пространство. Молчанием его не назовёшь, но пустая болтовня на любые мальчишеские темы затихала, когда он приближался.

И вот настал этот день, когда солнце должно было ненадолго, но уйти, спрятаться от людей. Чтобы, может, они поняли, увидели, что будет, испугались, наконец, и остановили всякие войны?

Весь наш лагерь переместился к детскому дому, а там шла горячая работа. Какой-то взрослый человек резал старые, но до блеска вымытые куски стекла старинным прибором по имени алмаз — надо же, какое название, — а старшие ребята коптели их почти индустриальным образом, одни — обжигая их на свечках, другие на коптильях, раздобытых откуда-то, а потом тут образовалась то ли очередь, то ли толпа.

Наконец, прокатилась почти что тревога, и все, у кого были закопчённые стёклышки, повернулись к солнцу — хорошо, что небо было чистое. Нас было трое — мы с Лёвкой да и Валерка, и первым мы отдали стёклышко ему. Он глядел вверх, губы его растянулись то ли в улыбке, то ли в плаче, и правда, глаза оказались мокрыми, когда он отдал стёклышко другому.

Когда оно дошло до меня, луна заслонила солнце примерно на треть.

Я вглядывался в эту картину, заметив, что движение происходит, если и не очень быстро, то вполне заметно. Как я понял, луна не просто закрыла солнце, но ещё ведь и кружилась земля вокруг своей оси. Нам говорили

об этом в школе. И хоть шар земли был громаден, как и лунный, и солнечный, всё получилось довольно быстро. Вот ты стоишь тут, перед школой и сломанной церковью, где наш лагерь, смотришь вверх, и запросто видишь, как медленно, но и как быстро вращаются светила!

Я отдал стёклышко Валерке, он Лёвке, тот снова мне, и мы стали быстро меняться: хотелось увидеть, увидеть это, как говорят, редкое событие, это затмение самого солнца, надо же!

Потом настало самое главное и самое страшное: чёрная луна закрывала солнце насовсем. Это длилось немного, даже, наверное, несколько мгновений. А потом солнечный серп загорелся снова.

Луна сдвигалась, солнце сияло ярче, и настал миг, когда оно освободилось от лунной тени. И все закричали:

— Ура!

Мы оглядывались по сторонам, толкались и хлопали друг друга по спинам.

Жизнь продолжалась!

26

А в воскресенье приехала мамочка. Она, конечно, приехала не одна — был целый пузатый автобус зелёного цвета, заполненный мамами и бабушками. Это называлось — родительский день.

В этот день отменялись все режимы и нарушения правил, о нём знали заранее и готовились, кто как мог.

Приготовился и я. Возле нашей церкви, буквально рядом и на полянах в лесочке, краснела поспевающая земляника. Я нашёл где-то мятую газету, оторвал от неё кусок, пригладил, как мог, и набрал для мамочки кулёк земляники. Положил его в тумбочку.

А мамочка, приехав и расцеловав меня, потащил меня за руку на какой-то церковный приступок, раскрыла сумку и протянула мне пол-литровую банку земляники.

Вот как бывает! Сходятся мысли людей! Я рассмеялся, убежал в спальню и принёс моей мамочке мою землянику. А дальше мы сидели и ели — я её ягоды, а она — мои.

Мне, конечно, было чем поделиться, и я разрисовал в красках и чувствах солнечное затмение, про которое мама — как удивительно! — даже не слыхала. Помянул я и Валерку, спутавшего затмение с затемнением.

— Я знаю его бабушку! — ответила мама. — Да она и приехала сейчас. Ох, золотые руки! Хирурги меняются, почти на каждой операции, а она почти всегда в операционной.

Мы их и встретили — Валерку с бабушкой — когда стали прогуливаться по деревушке. Они сидели на брёвнышке, почти как мы, но Валерка ел не землянику, а курицу. При этом он приговаривал:

— Да нас ведь здесь хорошо кормят, ба!

— Хорошо-то хорошо! — отвечала женщина. — Да ведь с пустыми руками в гости не ездят.

Лицо этой пожилой женщины было каким-то строгим, неулыбчивым, к тому же она курила, смяв папиросу по-мужицки, прямо в гармошку.

Как курили милиционерши в той милиции, куда мы с мамой относили найденные карточки на продукты.

— Ну как? — спросила она то ли меня, то ли маму. — Наш любимец начмеда?

Мама сильно смутилась, покачала головой, потом ответила ей почти укоризненно:

— Вы же знаете, Ольга Николаевна! Это всё ваше ленинградское братство!

— Охо-хо, — ответила та, — вон тут их, — она кивнула головой, — целый детский дом маленьких бедолаг.

— Не такие уж они и маленькие! — усмехнулся Валерка, — у них и знамя, и горны, и барабаны! Завтра в бой!

— Война не щадит... — погладила его по голове бабушка. — Давай-ка набирай вес. И радуйся, что ты не с ними.

Меня это пожелание как-то запутало, я потом переспросил маму, она уверенно ответила:

— Так ведь у ребят, кто в детском доме, родители погибли! Понимаешь! Почти у всех, наверное!

Я притих, ничего не ответил, а думал про линейку, про стройный отряд мальчишек, уверенных в себе, Леонида, который подошёл первым и сказал про затмение. Концы как-то не сходились с концами в моих незрелых соображениях. И я спрашивал сам себя: а ты бы смог так?

Нет, конечно, я бы не смог. Как и Валерка этот, на глазах у которого грузовик с ребятами ушёл под воду...

Но родительский день продолжался, мы не раз и не два пересеклись с Лёвкой и его мамой, Верой Ивановной, которая служила в одной лаборатории с мамой. Мы останавливались, говорили о чём-то незначительном, потом расходились, обошли все ближайшие перелески, снова и снова возвращаясь к церкви без креста.

Мамочка вздыхала, но ничего не говорила, просто смотрела на облупленные каменные стены, а потом как будто и нашла объяснение своим мыслям:

— Ну прости, Господи! Всё-таки! Под крышей храма твоего малые да сирые хоронятся! Разве же это не твоё! Не Божье дело?

Мир стоял над этим храмом без креста! Тепло было, стрекозы целыми стаями недвижимо стояли в тихом воздухе, треща крыльями. Лежали в кулке ягоды лесной земляники, собранные мной для мамочки в ответ на её гостинец.

И как будто никакой войны! А мир и благодать!

27

Мамочка уехала обратно в город госпитальным автобусом. Вместе с Верой Ивановной и с Валериной знаменитой бабушкой.

Перед тем, как забраться в зелёное брюхо госпитальной машины, Ольга Николаевна потянулась, улыбнулась, глубоко вздохнула, всячески показывая, как ей хорошо, а проговорила совсем другое, обращаясь к двум сразу лаборанткам:

— А вы знаете, что сегодня ночью приходят сразу два эшелона по нашу душу?

Ни мама, ни Вера Ивановна не знали, и операционная сестра добавила:

— А нас предупредили!

С этими вот словечками они и уехали.

А на другой день, где-то к обеду, возле храма затормозила легковая “эмка”, на которой когда-то подвозили мамочку к нашей школе. Помните? Я грохнулся в обморок, и её вызвали. И вот эта легковушка подкатила к порушенному храму, и водитель, вышедший из неё, крикнул Серафиме Ивановне:

— По приказанию начмеда! Николая Кузнецова из младшей группы! С вещами!

Я напугался.

Я слышал, как Серафима, понизив голос, полюбопытствовала — что, мол, и как, — у шофёра, но тот ответил, что не знает, но ночью прибыло много раненых, госпиталь перегружен, и узнавать подробности ему не полагалось.

Я схватил свой мешочек и, не замотав его, бухнулся рядом с водителем. Он меня поощрил, сказал, что впереди меньше качает, и мы понеслись в город.

На прощанье я навсегда запомнил два взгляда: Лёвки Наумова — удивлённый и ничего не понимающий, наверное, такой же, как у меня самого. И второй — Валеркин.

Валерка меня почему-то жалел. Смотрел как-то смущённо, что ли, как будто он что-то знает — настоящее, взрослое и тяжёлое.

Сердчишко моё трепыхалось. Валеркин взгляд будто отразился в нём. Я не мог, не имел права думать ничего плохого. Но что-то неведомое и горькое летало надо мной. Время от времени я сжимал глаза, и из меня вытекали слёзы. Я стыдливо смахивал их, и водитель замечал это. Он курил мягкую по-шофёрски папироску и неуверенно говорил мне:

— Всё будет хорошо, пацан! Всё будет хорошо, мальчик!

Где-нибудь через час он привёз меня к госпиталю, во двор, и хотя уже вечерело, почти сразу ко мне прибежала мама.

Она наклонилась ко мне и обняла меня. В белом халате, в строгой белой шапочке, она плакала и смеялась сразу.

— Сынок! — говорила она, захлёбываясь. — Сынок! Это нельзя придумать! Понимаешь! Это какое-то чудо! Такого не бывает, понимаешь!

Я кивал, как болванчик. Стоял и кивал головой, со всем соглашаясь, и ничего не понимая.

И тут она сказала!

Только тут она воскликнула:

— Папу! Опять! Привезли! Он снова ранен! И сейчас операция! А начмед, когда я заплакала, послал за тобой свою машину.

И я закричал.

Я закричал не так, как кричат маленькие дети. Я закричал, как кричали от радости и горя дети сорок третьего года прошлого века.

Где-то шла война, и к нам она приходила по-всякому!

И страшной бедой. Но и нечаянной радостью!

Есть, есть что-то такое в небесах! И оно называется нечаянная радость. Неведомо, кому она даётся и за что?

И может, вовсе не за что... Никто этого не знает и никому не дано это ведать.

Я закричал, как взрослый. Я кричал не горлом, а всем своим существом, нутром, кишками! Я кричал легкими и сердцем, потому что мне показалось, будто меня ждёт самое страшное.

А оно оказалось радостным, счастливым, невероятным!

Я увижу снова папку. Ведь всё, что мы хотели, и в чём таилось моё понимание победы — спасение отца! Его возвращение!

И вот...

А точнее сказать, но вот...

Ведь его оперируют. Прямо сейчас. Именно здесь, где работает мама.

Мы повернулись и пошли к заднему крыльцу госпиталя. И именно в этот момент на него из здания вышла Валеркина бабушка, операционная сестра Ольга Николаевна. Она курит папиросы, как курят их милиционерши и шофера.

И вот она вышла, закурила папироску, втянула дым, потом выдохнула его. И только тут увидела нас.

— Всё в порядке! Не такая уж тяжёлая операция! Сложная, но не тяжёлая.

И мамочка наклонилась ко мне и обняла меня. И я повис у неё на шее.

28

И это была лишь половина войны, лето сорок третьего года.

Отец, как будто с Божьей помощью, второй раз оказавшись в госпитале, где работала мама, поправился и опять, уже в третий раз, ушёл на войну.

И долго ещё придётся ждать, пока он не вернётся с неё аж из Маньчжурии.

Он привезёт моей мамочке коробочку с тремя округлыми кусочками ароматного японского мыла. И ещё он привезёт маме отрез китайской светлой материи, похожей на крепдешин. Для платья. И это не были трофеи. Он сказал, что купил это на рынке у китайцев. В далёком далеке.

Но мамочка так и не сшила себе нарядное платье из восточной нарядной ткани.

Она подарила его моей невесте, будущей жене, когда мы решили жениться, и, одетое только один раз, оно хранится у нас по сей день.

Может, как добрая память об живших, страдавших, ушедших. О том, как всё это было.

Как мамочка моя — конечно же, мамочка! — вырастила, охранила, спасла меня...

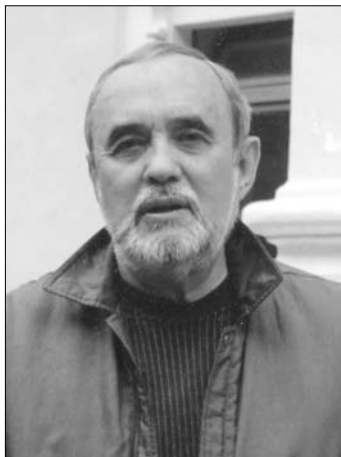
29

А дядя Боря, папин брат, так и пропал без всякой вести. Его пудовая гиря совсем заржавела под старой сиренью. Никто и никогда не прикоснулся к ней с тех пор.

Где же лежит он?

Про это никогда и никто не узнает...

БОРИС СИРОТИН

Я К ГОСПОДУ ВСХОЖУ

* * *

Вдруг сразу расступились тучи,
И чуть я нынче не ослеп.
Господь отзывчивый, могучий,
Благослови на скудный хлеб.

Еды тяжёлой нам не надо,
Есть каша на столе и щи,
Пусть мирное пасётся стадо
Там, где побеги и хвощи.

И даст нам молока — забелить
Те щи достаточно вполне.
Пускай роскошествует нелюдь,
Она не наверху — на дне.

Я не о тех, что, словно волки,
В делах проворны и тощи,
В них есть понятие о долге,
Знакомы им и наши щи.

Пусть добиваются достатка,
Пусть сверхдостаток обретут.
И у поэзии есть хватка,
Хотя она не к месту тут.

СИРОТИН Борис Зиновьевич родился в 1934 году в оренбургской деревне. Автор многих стихотворных сборников, постоянный автор журнала, Лауреат Всероссийской премии им. А. Фета. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

Небрежно в угол затолкали,
И вызов царственный нелеп.
Но солнце вон в каком накале,
Что чуть я нынче не ослеп.

А следом — радость и прозренье,
И пчёлы добывают мёд,
И это вот стихотворенье,
Кто вовсе не ослеп, поймёт.

* * *

Жаворонок запел, значит, будет
Настоящее скоро тепло.
Клювом в самое темечко будит
Он весну: эй, мол, время пришло!

Ей такие не нравятся шутки,
Но проснулась, теперь не перечь,
И стоит она, милая, в шубке,
В снежной шубке, сползающей с плеч.

Вот и вовсе она обнажилась,
Обнажённая дева как есть.
И теперь вот выпрашивай милость,
Чтоб могло всё запеть и зацвести.

Чтобы пашню она подсушила,
После сдобрила крепким дождём.
В ней, царевне, и яркость, и сила,
А плодов её мы подождём.

Ближе к осени примем новину
Каравая от тучной земли.
Помашу журавлиному клину:
Журавли вы мои, журавли.

И опять опустеет округа,
Тучи застыт небес синеву.
А в дому ни подруги, ни друга...
Зиму как-нибудь переживу.

* * *

Люблю грозу в начале мая...
Ф. Тютчев

Пусть не в начале — в середине
Разбушевдалася гроза,
И ливень, что так к месту ныне,
Промыл мне сонные глаза.

Я сразу стал намного зорче
И, кажется, помолодел.
Господь, неутомимый зодчий,
Готовит славный нам удел.

Он яровых подбодрил всходы,
И, значит, с хлебом будем мы.
И поднялись на Волге воды —
Разлились до лесной каймы.

Мокры гранитные ступени
На набережной, что к воде
Спускаются, в одно мгновенье
Весь парк, как я, помолодел.

А то нам засуха грозила
И насылала суховей...
Но в ливне эдакая сила!
Он кое-где листву с ветвей

Сорвал, но выглянуло солнце,
И чайки снова на волне.
Уже не тучи — волоконца
Сияют городу и мне.

И томик Тютчева снимаю
Со стеллажа, ищу опять:
“Люблю грозу в начале мая”, —
И так мне радостно читать.

* * *

Мне столько лет, а я стихи строчу,
Уж тысячу страниц вспахал, как лемехами,
Мне дочери твердят, чтобы я шёл к врачу,
А я сижу, молчу, а я лечусь стихами.

Я к Господу всхожу ступеньками стиха,
А слышит ли Господь, как я бренчу на лире?
Когда-то царь Давид — рука его легка —
Высо́ко восходил, играя на псалтири.

И слышал Бог его, и отводил врагов,
И приближал друзей — такое было пенье.
С тех пор, как миг, прошло немислимо веков,
Но слышим мы от струн псалтири дуновение.

Ах, дочери мои, голубушки мои,
Вы любите меня и не судите строго.
Пропели вам давно небесные струи,
Что лучшие стихи всегда идут от Бога.

Небесные струи, невидимые нам,
Но тонкий звук от них — то звук тысячелетий...
Писать стихи, страдать и верить вещим снам,
И соблюдать завет, мол, будьте словно дети.

* * *

Припекает — ни рифм и ни денег,
XXI веку под масть.
Но журнал есть — он наш современник,
Если что, не позволит пропасть.

Средь растущего умысла злого,
Где всё доброе сходит на нет,
Есть заступники Русского слова,
Дай им, Господи, пламенных лет!

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ

УДАР СКОРПИОНА

РОМАН

(Журнальный вариант)

В “московской пирамиде” можно бить по любому шару.

Из правил игры на бильярде

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

“Вчера поблизости от Авиньона, в небольшом французском городке Лакосте, где находится замок знаменитого маркиза де Сада, был задержан человек, подозреваемый в убийстве российского бизнесмена господина Шевалье. Покойный активно содействовал при жизни успешному развитию детского и юношеского спорта в России”.

Голос телевизионного комментатора новостных известий был утомлённо-ровным и мог бы показаться скорбно-сочувствующим, если бы не насморочный прононс, придававший смыслу сказанного оттенок мрачной скуки.

Андрей ещё раз взглянул на беспросветное лицо телеведущего и переключил канал. Вот-вот должен были начаться полуфинальный матч чемпионата

ИГНАТЬЕВ Олег Геннадьевич родился в 1949 году на Южном Сахалине. Окончил Ставропольский медицинский институт и Высшие литературные курсы. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии журнала “Наш современник”. Автор двенадцати книг поэзии и прозы, среди которых несколько романов: “Магия крови”, “Пекинский узел”, “Ключи от Стамбула” и “Константинопольский крест”. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

Испании по футболу. Пока по экрану раскатывали на роликовых коньках бутылки с “витально-энергезированной” бормотухой, рекламируя новый “стиль драйва”, Андрей сходил на кухню, достал банку ирландского пива и перелил содержимое в бокал. Пить из банки он отвык с тех пор, как стал встречаться с Дашей. Её отец при личной встрече намекнул, что питаться в “Макдоналдсе” и глотать пиво из банки неприлично. У него самого, в отличие от Даши, отца не было, а подсказать, что эстетично, а что — нет, никто не догадался. Разумеется, отец у него был, но вскоре после рождения Андрея он погиб в Афганистане.

С годами Андрей осознал, что свобода действий и отсутствие мужской, строгой опеки самым наилучшим образом соответствовали его самостоятельной натуре. Уже к десятому классу он понял, что юность — период напряжённых исканий, духовных и нравственных, борьба с уловками ума, попытка разорвать путы лицемерия и ханжества, которыми опутана жизнь взрослых, бунт против диктата лжи и прагматизма с их жёстким каноном подчинения не лучшему, а сильному, ослепленному властью и наглостью.

Андрей отхлебнул пива, кинул в рот несколько фисташек и уселся в кресло перед телевизором.

Глава вторая

“Красота футбольной комбинации будет видна и понятна многим только в том случае, если мяч оказался в воротах, — не уставал повторять когда-то его первый тренер. — Это так же верно, как и то, что на футбольном поле много лжи и лицемерия. Это знают игроки, это знают судьи, но возмущаются этим лишь болельщики. Им невдомёк, что самые безжалостные удары наносятся исподтишка”. И ещё он говорил, что футболисту, прежде всего, надо научиться думать. “В футболе нельзя обезьянничать. Надо самому кумекать, позиционировать себя, давить клопа”, — часто повторял Валерий Сергеевич.

Что значит “давить клопа”, Андрей не спрашивал. Какая разница? Ясно, что надо самому играть, ни на кого не глядя. Дело трудное и зачастую наказуемое. Это он уже усвоил. Так же, как усвоил уроки игры на бильярде, которые ему преподавал сосед по лестничной площадке Израиль Кельманович Немзер. Показав несколько основных подходов к столу, он удивлённо хмыкнул, когда Андрей отправил в лузу сразу несколько шаров.

— Ты как барс перед прыжком, — сказал с похвалой в голосе. — Нюх у тебя бильiardный. Прицел верный.

— Научусь играть? — поинтересовался Андрей, втайне желая услышать утвердительный ответ.

— Вполне! — заверил Немзер. — Хочешь, я тебе удар скорпиона покажу?

— Хочу! — нетерпеливо согласился Андрей, стараясь как можно больше узнать о “фишках” мастеров.

Израиль Кельманович, оставив два шара на одной линии, коротко ударил. Биток, подстёгнутый “щелчком”, направил “чужой” шар в лузу, а сам покатился назад. Медленно вращаясь, он остановился там, где находился до удара. Повёл себя, как бумеранг.

— Попробуй. — Израиль Кельманович, приставил кий к столу и вышел из зала. Вскоре он вернулся с чайным стаканом, доверху наполненным водой.

— А теперь, — торжественно заговорил он, — смертельный трюк. Волшебный номер. Ставим сей драгоценный сосуд в центр стола, берём забытый нами кий и просим слабонервных покинуть шашито.

Андрей живо убрал лишний шар. Немзер выставил левую руку, уперся пальцами в сукно, прицелился и резко щёлкнул.

Андрей невольно вздрогнул, представив, как разлетается стакан на радугу осколков и разливается вода, но никакого форс-мажора не случилось. Ни капельки влаги, ни единого стёклышка. Шар стремительно подлетел к стакану, чмокнул его в бок и покатился назад.

— Удар скорпиона, — с явным удовольствием объявил Израиль Кельманович, как объявляют выход на арену звезды цирка.

— Цимес! — выразил своё восхищение Андрей. — Офсайд и аут.

Израиль Кельманович подмигнул.

— Можно гастролировать и делать деньги.

В отличие от многих молодых москвичей с типично столичным представлением о престижности той или иной профессии, Андрей не считал занятие спортом, тесно связанным с тяжёлым физическим трудом, чем-то унизительно-пошлым, “колхозным”, откровенно “отстойным” в эпоху финансовой экспансии и деловой предприимчивости. Дети солидных родителей не стеснялись признавать, что надеяться на собственные силы — слишком рискованно в мире корпоративного диктата и потребительских запросов. Бегать за мячом по полю в жалкой надежде забить гол и получить подачку в виде примитивного оклада или премиальных — что может быть глупее и бездарнее? Только игра в “жмурки”. Но Андрей прекрасно понимал, что в мире клановых сцепок он был бы в лучшем случае обыкновенным клерком, безродным и смешным в своих честолюбивых претензиях, мелким служащим в храме чистогана. Нет, когда твоими поручителями выступают гордость и бедность, никто тебе не предоставит золотой кредит доверия и не введёт в круг избранных. В общем, у Андрея был футбол, друзья, приличные деньги, крепкое здоровье и фонтанирующее честолюбие. Иногда он вспоминал, что ему уже восемнадцать лет, что пора жить по-взрослому, по-своему, но как это — “по-своему” — слабо себе представлял. Хочешь достатка — удиви богатых. У тебя ничего нет? Реши, что тебе нужно, и добейся этого. Золотое правило успеха.

Глава третья

Не успел Андрей открыть на звонок дверь, как в прихожую ворвалась Даша, резко подалась к нему и сделала движение рукой, словно подхватила теннисный мяч, зажав его в ладони. Андрей инстинктивно сжал колени и согнулся, прикрывая пах. Даша рассмеялась.

— А, боишься!

— Хулиганишь? — он перехватил её запястье и потянул к себе. Даша запрокинула лицо для поцелуя.

Юношеская привлекательность Андрея действовала неотразимо как на сверстниц, так и на девушек постарше, студенток, вполне зрелых и лукаво-опытных в тех играх, что завещала женщинам богиня любви Афродита.

— Я тащусь от тебя, — переведя дыхание, призналась Даша. — Чем дольше я с тобой, тем больше.

Ужин она начала с десерта и, с удовольствием уписывая клубнику, принялась расспрашивать Андрея о новостях “на футбольном фронте”, о предстоящем матче, кто сильнее: москвичи? казанцы? — и весело смеялась, выслушивая забавные истории из жизни его новых друзей, уставших, как и он, от всевозрастающих нагрузок и тренерских “накруток”.

Когда Андрей сказал “прошу заметить”, Даша захлопала в ладоши.

— Класс! Ты как наш профессор по дизайну. “Прошу заметить”.

Андрей нахмурился: он не любил сравнений подобного рода. Ревновал.

— Ну, рассказывай, рассказывай, — поторопила Даша. — Про челов и фанов.

— Так вот, — продолжил разговор Андрей. — Самые правильные фаны — менеджеры среднего звена. Для них просить автографы у футболистов — себя не уважать.

— Слишком попсово?

— Да. Они не нажираются до поросычьего визга, не корчат из себя гениев дзюдо, устраивая махаловки в общественных местах, и вообще им завтра на работу — строить подчинённых, пригребать хозяйские бабки и заводить гарем.

— А у тебя гарема нет? — репём вцепилась Даша в его фразу.

— К сожалению, — притворно опечалился Андрей. — Ты у меня одна.

— Смотри, — она поднесла к его носу кулак. — Узнаю — зашибу.

И так это было сказано, что Андрей расхохотался. В это время раздался звонок.

— Сама, сама, — подхватила Даша, хотя раньше к телефону не бросалась.

— Да, — прижала она трубку к уху. — Нет, всё верно. Да, квартира Куренцова. Хорошо, сейчас. Это тебя. — Андрей взял трубку.

— Куренцов.

Голос телефонного визави был ему неизвестен.

— Простите за звонок, но вот в чём дело. Вы завтра вылетаете в Казань, встречаетесь с местным “Сапфиром”?

— Должны, — уклончиво сказал Андрей и поинтересовался, с кем имеет честь говорить.

— В принципе, это неважно. У нас есть предложение: постарайтесь завтра не светиться на табло. Вы меня поняли?

— Допустим.

— По возвращении получите презент.

— Да я в нём не нуждаюсь.

— Я вас понимаю. Все будет тип-топ и строго анонимно.

Подобный звонок уже был. Перед встречей с питерской “Плеядой”. Ему даже бросили в почтовый ящик банковский чек на десять тысяч евро, но он его тут же порвал на мелкие кусочки, чтоб зарубили на носу: Андрей Куренцов не продаётся.

— Простите, — сказал он незнакомцу, — у меня так много подобных предложений, что выполни я даже часть таких просьб, я не забил бы в матчах премьер-лиги ни одного мяча. — Сказал и засмеялся.

— Вы намекаете на сумму в пять нулей? — озабоченным тоном спросил незнакомец.

— Я ни на что не намекаю, — мрачным тоном ответил Андрей и положил трубку. — Мне это просто не нужно.

— Что не нужно? — вцепилась в него Даша. — Я хочу знать.

Андрей передал суть разговора.

— Вот собаки! — возмутилась Даша и отошла к окну. — Совсем за людей не считают.

— Как раз наоборот, — усмехнулся Андрей. — Всем прочим деньги не нужны. Даже обезьянам, больше всех похожим на людей. — Подумав о том, что звонок может повториться, он прошёл к телефону и заблокировал свой номер. Теперь хоть обзвонитесь.

— Ты квартиру закрыл? — озаботилась Даша. — Вдруг начнут ломиться?

— Не переживай. Такого быть не может.

— В жизни всё может быть. — Она указала на левую грудь. — Что-то у меня вот здесь нехорошо. Расстроилась ужасно.

— Было бы из-за чего! — отмахнулся Андрей. — Их дело — предложить, моё дело — отказаться. Как говорит Джозеф Норбейн: “Все гражданские свободы сводятся к одной: к свободе купли-продажи граждан”.

— А он кто, этот Джозеф Норбейн?

— Английский футболист, писатель.

Видя, что она внимательно смотрит на него, Андрей принялся посвящать её в околофутбольные тайны. Выяснив всё, что ей было интересно, Даша чмокнула свою ладонь и сдула в его сторону воздушный поцелуй.

— Ты лучше всех.

— А если это так, — поднялся из кресла Андрей и глянул на часы (пятнадцать минут первого), — любимый тренер может спать спокойно: ничего страшного его команде не грозит.

Когда он выходил из ванной, Даша повисла на нём сзади.

— А покатать меня слабо?

Он молча подхватил её под колени и так, на закорках, донёс до постели.

Глава четвёртая

Утром машина не завелась, хотя считалась новой. Её движок всегда работал, как часы, ходовая была безупречной. Свой жёлтый “JAGUAR — KUMO VENTURE ST” — двухдверный спортивный “XJS V 12” — Андрей купил полгода назад на призовые, когда в составе молодёжной сборной выиграл международный турнир имени Гранаткина, и считал его вполне надёжным аппаратом. Радовался своему первому автомобилю, как дитя соске. При первой же возможности загонял на мойку, любовался шарабанными колёсами — со спицами. А вот теперь “JAGUAR” козлил, не заводился. Хмыкнув и откровенно расстроившись, Андрей захлопнул дверцу, убедился, что замки сработали, и направился к метро.

— Клёвые у тебя кроссовки, — заметил Иван Милованов, здороваясь с Андреем возле клубного автобуса с броской надписью “Армада”.

— “Адидас”. Последней выпечки.

— Понятно, — тоном обзавидовавшегося человека протянул Иван и привычно уместился рядом. Впереди уторкался Ефим Леман, центральный полузащитник, в соседстве с правым хавом Саттаром Гюльязиловым — азербайджанцем из города Ханлара. “Как ты оказался в Москве?” — спросил его как-то Андрей, и он отшутился: “Сел не в тот поезд”.

И Саттар, и Ефим с Иваном, так же, как и Андрей с вратарём Глебом Семенихиным, — все они почти одновременно подписали контракт с “Армадой”, приняв предложение главного тренера.

Чуть выше среднего роста, крепкий, ладный, с правильными чертами лица и живыми карими глазами, Николай Николаевич Кучер на первом же собрании команды жёстко заявил: “Всякий, кто посмеет во время игры действовать в собственных интересах, всякий, кто будет вносить раскол в команду, лодырничать и конфликтовать, тотчас получит открепительный талон под зад коленом”.

“Круто”, — подумал Андрей, испытывая оторопь от столь высоко поднятой планки и гордость за того, кто дерзнул это сделать. Хотя чего робеть? Не далее, как три года назад он искренне считал, что попасть в молодёжную сборную страны, поехать на чемпионат мира и выиграть его — просто нереально. А всё же понал и выиграл. Да и вообще, могущество команды всегда достигается ценой чрезмерно напряжённых тренировок, а главное, сплочённости, длительного единения, но повара отечественного футбола часто забывали, что качественная пицца может быть дурно приготовлена. Даже результативная игра способна вызвать скуку. Если продаются игроки, значит, продаются судьи и покупаются победы. А кто кому и сколько заплатил — какая разница? Кучер сам в сердцах однажды рубанул: “Футбол задуман, как прекрасная игра, а превратили его в балаган, в параллельный мир со своим отстоем!”

Иван Милованов толкнул Андрея в бок.

— Хорошо, что наши олигархи гоняли в детстве мяч, иначе многие из нас оказались бы на улице или подались в стриптизёры.

Кстати, “стриптизёром” он за глаза называл Саттара, любившего срывать с себя футболку после забитого гола. Ефим Леман засмеялся. Смешливый, бойкий, не питавший иллюзий, свойственных молодости, он был замечательным товарищем и великолепным опорным полузащитником. Прекрасно разбирался в хитроумных комбинациях соперников и мгновенно предпринимал контрдействия. Как напарник был незаменим. На два года старше Андрея, Ефим частенько выступал в роли “учителя жизни” и страшно обижался, когда к его советам не прислушивались. “Оттого нам, евреям, так трудно, что никто не хочет говорить по-русски”, — жаловался он вслух и минуты две предавался вселенской скорби, уподобляясь витязю на распутье. На более длительное осознание мировых проблем его не хватало. Наследственное жизненное и заводной характер мешали ему войти в образ несчастья Иова, о котором он всегда говорил с почтением, как о ближайшем родственнике.

— Все на месте? — зычным голосом поинтересовался Кучер и, убедившись, что команда в сборе, занял свое персональное кресло. — Поехали.

Автобус направился в аэропорт.

Глава пятая

Несмотря на летнюю жару, в салоне самолёта было зябко. Может, оттого, что все пассажиры одновременно включили вентиляторы, может, оттого, что очередной футбольный чемпионат напоминал собой московскую зиму — слякотную, длинную, уныло-беспросветную. Федерация футбола тонула и пускала пузыри, как турецкий флот при Чесме, окутанная гарью скандалов и потрясённо взвращающая на гремучие столбы огня — это одна за другой взрывались пороховые бочки разоблачительных статей. Спорткомитет напоминал собой заезжий балаган, в котором разыгрывались комедии, вызывающие ужас. Увы, но это так. В России, где издревле любили сходить к стенке на стенку, выказывая удал молодецкую да силушку богатырскую, в стране, можно сказать, традиционно бойцовой, бойцов не осталось. Произошла перемена. Те спортсмены, кто ещё держался на ногах, свалили за бугор, по футбольному полю ползали навозные жуки, натянув на головы футболки. Скука смертная. И трибуны стадионов заполняли те, кому деваться было некуда, кому и летом знобка — приходилось посылать гонца. Московский турнир напоминал перебранку четырёх братьев. Старшему отец сам подыскал невесту, а остальные лаялись, мол, поделись с нами.

Отец повел их, костерил, обзывал лежебоками, но братья ещё пуще кобенились и раздражались из-за своей горемычности. Им разумно предлагали погодить, поднабраться силёнок, чтоб “женилки”, стало быть, соответствовали данному обряду, но они ещё больше ярились — страшен был скрежет зубовой. С бедной футбольной братией, с московскими клубами, случилось нечто похожее, если не хуже. Чемпионат с участием столичных клубов представлял собой своеобразную пирамиду, право разбить которую оспаривали все. Любовь к спорту окрыляет, но не настолько, чтобы оторваться от земли.

Казань встречала гостей ясной солнечной погодой и радостным настроением тех, кто поспешал на стадион. Весёлый, необычный день сегодня в городе. Местный футбольный клуб “Сапфир” — прошлогодний чемпион России — принимал у себя дома московскую “Армаду” — команду яркую, дерзкую, юную. Уже с полудня все улицы, бульвары и тротуары, ведущие к стадиону “Центральный”, заполнились людьми. “Как вы думаете, — спрашивали одни у других, — кто выиграет? Мы у гостей или гости у нас?” “Смешной вы дядя, — слышался ответ. — Тут и гадать не надо. Всё будет так, как было сказано по телеку: “Казанцы ждут гостей, чтоб показать им класс игры””.

Минута в минуту, ни раньше, ни позже, на трибуны стали пропускать болельщиков — лохов ряженых и правильных фанов: “попугаев”, “громил” и просто классных чуваков. Местную братву и шелупонь. До слуха то и дело долетали фразы вежливых до приторности контролёров: “Канай, придурок! Объясняю. Вход только по билетам”.

Ровно в пять часов полудни проходы закрылись. После вступительного слова комментатора, в чрезвычайном напряжении и плохо скрываемом волнении, под грохот, звон и заполошный вой на поле появились команды.

Андрей переминался с ноги на ногу и с нетерпением ожидал, когда диктор назовёт его фамилию. Стройный, высокий, с голубыми выразительными глазами, он казался самым опытным и уверенным в своих силах игроком команды. Его замечательный рост метр девяносто, атлетическое телосложение, длинные мускулистые ноги сразу притягивали к себе взоры тележурналистов и фотокорреспондентов. Чувствовался его искренний интерес ко всему происходящему на стадионе, хотя сам он, возможно, не вполне осознавал это. С твёрдой уверенностью он мог сказать о себе одно: его волновала предстоящая игра, увлекала непредсказуемость поединка. Он решительно был готов делать то, чему научен, к чему призван.

В раздевалке Андрей вместе со всеми выслушал последние наставления коуча.

— Эта игра наша, — закончил свою речь Кучер и стал похож на командира подводного ракетноносца, преследующего вражеский линкор. Увидев его в перископ и определив координаты, он сделал всем понятный жест: “Хлеборезки закрыть! Приготовиться к атаке. По движущейся цели — пли!”

Но и тренер казанцев, по всей видимости, потребовал от своих “дворняг” того же самого, поскольку те сразу заиграли с позиции силы, уподобляясь тиграм — яростным и беспощадным.

Их вратарь, поддавшись общему порыву, прыгал, как заведённый, пытаясь достать перекладину, словно испытывал при этом такое удовольствие, о котором даже не мечтал до начала матча.

Казанцы сразу решили загнать москвичей в угол и содрать с них шкуру. Первые пятнадцать минут они просто пёрли буром, отвоёвывая пространство и занимая позиции. Андрей с Иваном дважды прорывались в их штрафную — решительно, бескомпромиссно, по-бойцовски — и создавали серьёзную угрозу для соперников, хотя судья на поле был омерзительно придирчив и напоминал управителя дома, страшно недовольного бесчисленной прислугой и качеством её работы. Он словно мучился ответом на вопрос, что делать, если кто-то не следует закону? Настаивать на исполнении наказания или милосердно закрывать глаза на преступления? Он никак не мог понять, что истину и золото в одном месте не ищут, что надо исходить из блага общества. Коллективная безопасность правомернее личного своеволия.

На двадцатой минуте Андрей почувствовал, что выдохся. Словно он бежал не от одной штрафной к другой в пределах одного поля, а от ворот Московского кремля до ворот Казанского, дважды, по запарке, добегая до Бранденбургских ворот. А тут ещё солнце палило, отнюдь не по-вечернему. Волны горячего воздуха напоминали ему бурную ночь, проведённую с Дашей. Он глазами стал просить Ивана не ломить, подумать, отдохнуть. Саттар с Ефимом тоже переглядывались между собой, как спецназовцы, проникшие в осиное гнездо наркобарона. Когда Глеб Семенихин отбил мяч на угловой, а затем пропустил гол при добивании, у Андрея запершило в горле, будто он трясся в раскалённом “ПАЗике” по пыльному просёлку.

Казанцы повели в счётё. Ой, что будет! Это на трибунах двадцать первый век, а в спортивных раздевалках — мрачное Средневековье. Со всеми его предрассудками и святой инквизицией.

— Не спа! — заорал Глеб на своих помощников, повинных в том, что профукали острый момент.

Андрей ещё несколько раз бил по воротам, но безрезультатно. За пять минут до окончания первого тайма казанцы удвоили счёт. Страшное дело. Стадион грохотал, как подорванный. Кто-то врубил магнитофон — траурный марш Шопена. “Армаду” откровенно хоронили. Не хватало вытащить в центр поля стол, поставить на него рюмку водки и накрыть чёрной горбушкой, как на поминках усопшего.

И непонятен был весёлый тон диктора, объявившего на весь стадион, что команды удаляются на перерыв.

Глава шестая

У Ник-Ника был вид сутенёра, чья дочь подалась в проститутки.

— Это не игра, а моча гонорейная! Слони дебила! Казанцы молодцы, но у них дыры. Не вольните. Работать надо, жилы рвать. — Он сделал вид, что всё ему ужасно опротивело, и кротким голосом затраханного психиатра, свихнувшегося на почве возвращения кретинков к полноценной жизни, глухо сообщил, что пора ориентироваться не только в пространстве, но и во времени.

— Второй тайм всегда короче.

Выслушав всё, что он обязан был выслушать в свой адрес, Андрей молча сделал стойку на лопатках и стал крутить педали воображаемого велосипеда — разгружал ноги. В полемику и в разговоры не вступал, хотя давно заметил, что в раздевалке, несмотря на общий гвалт и возбуждение, ему хорошо думается. Видимо, это особое место, намоленное, что ли, сотнями и сотнями спортсменов. Будь это полутёмная каморка выпавшего из всех городских балансов стадиона или фешенебельное кашпце столичного бленд-клуба. Именно здесь, в захудалом или сверхновом средоточии спортивных терминов, едкого пота и дурманящего запаха победы, выплёскивается кипяток

амбиций, обжигаются сердца, плетутся всевозможные интриги. Восторженное поклонение футболу — это где-то там, хрен знает где, а здесь — ходули ярости, подмостки хвастовства, застенки оптимизма и пугающие тени поражений. Инкубатор злости. Решёта сплетен и бесстыдных баек. Здесь летают бутсы, а порой и кулаки. Каждый, кто когда-то выбегал на поле, кому однажды посчастливилось попасть мячом в судью и раза два в ворота, помнит запах раздевалки, сквозняки и сырость душевых. Помнит атмосферу матча. Мучительная жажда обладания доступным женским телом не действует с такой магической силой, как предвкушение то ли пароксизмов счастья, то ли ещё чего покрепче. Страсть вокруг каждого, даже выпавшего из турнирной таблицы футбольного матча настолько перегревается, что карикатурная действительность наслаивается на рекламу пива и бросается в глаза. Так реклама женских прокладок затмевает гнусную реальность, превращая жизнь в пародию. Местные игроки, ослеплённые бенгальскими огнями фанов и возбуждённые ритуальными танцами каннибалов с островов Новой Гвинеи, непонятно каким образом попавших на стадион, ревностно прислушивались к чмокающим звукам откупориваемых бутылок в стане их поклонников и разбегались по полю. Они заранее опьянялись величием тренерских замыслов и далеко идущими планами хозяина команды, чтобы клубы фимиама, расточаемые в их честь, не воспринимались как дымовая завеса бессмыслицы и торжества фальши.

Били бубны, грохотали барабаны, сипели сорванные криком глотки. Все сорок пять минут первого тайма — без передышки. Местные фанаты ликовали. Их речёвки были насыщены убийственной патетикой: “Порвём! Натянем! Сделаем!” Кто-то приплясывал от возбуждения, кто-то стаскивал с себя лишнюю одежду. Жарко. Трибуны извергали огнедышащую лаву сленга и воровской фени. Этим же потоком расплавленной агрессии накрыло и второй тайм. Так прорывает доменную печь.

Завладев мячом и обыграв двух полузащитников, Андрей решил дальше не финтить, а сразу перевести мяч Ивану, но казанский защитник опередил его: подставил ногу, бросил корпус влево и сильным пасом в центр поля заставил своих нападающих рвануться к воротам “Армады”. Андрей, не раздумывая, ринулся назад. Всё то время, пока он внешне казался безучастным к разговорам в раздевалке, он упорнее, чем когда-либо, думал о предстоящем продолжении матча. Он понял, что должен сам придумать что-то остроумное, неординарное, и непременно размочить счёт, а лучше расквитаться полностью. Притом как можно скорее, едва ли не на первых минутах. Иначе можно оказаться на скамейке запасных, вылететь в дубль, а то и вовсе очутиться в каком-нибудь провинциальном клубе без всяких перспектив и приличной зарплаты, если её вообще будут платить. И что тогда? Устраиваться грузчиком на книжный склад? Становиться подсобным рабочим на стройке, вкальвать по ночам, лишь бы иметь возможность играть днём и не прерывать футбольный стаж? Быть в “обойме”, лезть из кожи, чтоб вновь заметили и оценили?

Прокручивая мысли в голове, Андрей вступил в борьбу за мяч, завладел им и погнался к воротам. Куда ткнуться? Куда бежать? Там засада, там “кеша с бугра” — стопперы-защитники. Андрей заметался с мячом, как помешанный, втайне надеясь на чудо. Каждый футболист, геройски завладев мячом, молит, чтобы всех его противников хватил удар и поразила слепота, пусть временная, пусть куриная, но затянула чёрную повязку на глазах! Не хотелось выглядеть бараном, угодившим в волчью яму. И, опять же, стыдно бляеть: “Не фолите!” Наконец, он изловчился, кинул мяч себе на грудь, крутнулся на одной ноге, ушёл от объятий любвеобильного казанца и, подыграв себе, рванул назад — быстрее! — к угловой отметке, заметив, что Иван остался неприкрытым, а Ефим готов “лохматить” сетку. Андрей перевёл мяч на Ивана, тот в одно касание отдал его Леману, который бить не стал, сделал замах и резво “катанул” кругляш Андрею. Класс. Андрей мысленно похвалил Ефима и уже выскочил один на один с вратарём, когда подлый стоппер так саданул по ноге, что Андрей взвыл от боли. Теряя равновесие, он инстинктивно захватил руку громилы, крутанул и шмякнул того оземь.

Разумеется, и сам перевернулся, грохнувшись спиной. Упав, он схватился за колено и жутко заорал: бузить так с музыкой.

Судья цапнул было жёлтую карточку, но, видя искажённое болью лицо Андрея и догадавшись о причине его “некорректного” поведения, показал рукой в сторону ворот “Сапфира”, справедливо назначив штрафной. Казанцы что-то поорали в своё оправдание и скоренько стакнулись в стенку. Кучер крикнул, чтобы штрафной бил Иван.

Вратарь казанцев сдвинулся влево, Иван набежал — стенка распалась — и по мячу пробил Андрей. Этого никто не ожидал. “Обманку” провели навскидку, с одной переглядки, доверившись себе. Своему чувству. 1:2! Нормально.

Андрей потрепал по шее Ивана, принял поздравления и побежал вдоль бровки, глянув на Ник-Ника. Не влети мяч в ворота, тот съел бы его с протрохами, но победителей не судят, и Кучер обрадовано вскинул кулаки.

Даёшь два-два!

Трибуны пошатнулись. Доменную печь опять прорвало. От рёва тысяч голосов можно было одуреть. Кто-то крутил над головой сорванной с себя рубашкой, кто-то — пёстрой тубетейкой, явно подавая знаки инопланетянам, которые также были не против размахивать флагами, пробовать на зуб ругательства и отбивать такт ногами под разудальный хип-хоп ротозейства. Кто-то неистово скандировал “Фу! вам!”, должно быть, приветствуя китайцев.

Все выглядело так и не иначе.

“Своих” славили до исступления, до умопомешательства. Только теперь клокочущая лава сразу остывала, стоило Андрею овладеть мячом.

Казанский защитник, предупредительный, как девушка с ресепшн пятизвёздного отеля, и расторопный, как вокзальный шаромыга, долго не мог понять, что забыл Андрей в его штрафной площадке? И лишь тогда смекнул, когда остался без мяча, влетевшего в ворота.

Мяч угодил в самую сердцевину атаки, прямо на ногу Андрея, и он воткнул его в ближайший угол. Есть! Бутсы от “Найк”, футболка от “Аدیدас”, а гол от Куренцова.

На табло 2:2.

Огнедышащая пасть стадиона будто захлебнулась, повисла оглушающая тишина, которую тотчас прожгли брызги кипящего металла. Это фанаты “Армады” завопили: “Ура!”

— Ку-рень! Ку-рень!

И началось что-то ужасное. С налётом неизбежной крови. Загрохотали щиты, склёпанные из листовой стали. ОМОНовцы схватились за дубинки. Напуганные их решимостью, бунтовщики притихли — в страшной ярости и лютой злобе.

Казанцы отчаянно сопротивлялись, настойчиво атаквали, но Андрей с Иваном садили и садили по воротам, лупили из всех положений, при первой же возможности и даже не имея таковой. Вратарь соперников растерянно топырил руки, словно прикидывал на глаз, пройдёт или не пройдёт в его малагабаритную “хрущобу” концертный рояль “Блютнер”?

Нет, рояль застрял, зато проскочил мяч, пришпоренный Иваном.

Казанцы повесили головы. Богиня победы, казавшаяся им раньше сытой, дебелий молодой, торгующей сметаной на рынке, стремительно теряла в весе и вскоре усохла, как египетская мумия, датированная пятым веком до нашей эры.

Три — два. Сушите сопли.

Глава седьмая

Любой футбольный клуб, особенно московский, — это такая постройка, в которой не одна и не две потайные комнаты, не говоря уже о дверцах, замке и ключах. И всеми этими потайными дверцами и потайными комнатами безраздельно владеет тот, кто по праву именуется хозяином клуба и не собирается уступать свою собственность кому бы то ни было. Владеет и ревностно оберегает своё имение от тех, кто нечист на руку. От всяких

там домушников, погромщиков, лихих людей. Порой не спит ночами. Думы думает, дозоры выставляет. Времена-то, сами знаете, какие — рейдерские! То норвежцы прищучат наш сейнер, словно пираты сомалийские, то мы у них под носом косяк сельди выловим. Не то, так это. Все хотят богатства, не понимая, на какие муки себя обрекают.

В российской столице было четыре клуба, участвовавших в турнире премьер-лиги. Первые три — “Литейщик”, “Путеец” и “Зарядь” — держались особняком без малого семьдесят лет, время от времени уступая друг другу царскую корону победителей российского чемпионата и считая своим долгом задвинуть путавшуюся под ногами “Армаду” в самый конец турнирной таблицы. Пшла вон, приبلуда! Кто приобрёл их в частное пользование после развала Советского Союза, по сей день остается неясным, но “Армада” принадлежала Широглазу, крупному отечественному промышленнику и предпринимателю, но не настолько богатому, чтобы его без зазрения совести можно было ущемить словом “олигарх”. Аркадий Львович Широглаз сам играл в футбол за институтскую команду и болел за вечно слабую “Армаду”. Теперь он решил сделать её чемпионом России. И вот вчера его “Армада” показала зубы.

Молодой центральный нападающий Андрей Куренцов, которого заглазно величали “Циркачом”, произвёл фурор, переломив ход встречи и обеспечив команде победу над чемпионом России казанским “Сапфиром” с убедительным счётом 3:2. Аркадий Львович даже руки потёр от удовольствия, когда ему позвонил президент клуба Стародубцев, решивший лично сообщить добрую весть.

— Движемся к цели! Пыхтим.

— Молодца! — на восточный манер похвалил его Широглаз и спросил: — Что ещё?

— За нашего Циркача предлагают хорошие деньги. Тридцатник.

— Отбой.

— Но почему? — удивился президент клуба. — Это солидный куш. Кто-то просто охренел от лишних бабок.

— Я знаю этого “кого-то”. Пятьдесят “миленьких” и баста.

— Так и передать?

— Так и передай. — Аркадий Львович обращался к своему “смотрящему” на “ты”. — Ни центом меньше.

Глава восьмая

Игра с “Литейщиком” не строилась. Андрей завертел головой, ища поддержки, и упал навзничь — его сбил с ног типичный подкат сзади. Явный фол и дежурная грубость, но главный арбитр, явно заряженный на “хитрое” судейство, искал глазами прошлогодний снег. Отвлёкся.

Андрей выругался, преодолевая боль в спине, поднялся и, понутив голову, побежал занимать позицию. Настроение отвратное. Его шикарный жёлтый “JAGUAR”, который пропал со стоянки у дома после разгромного матча с казанцами, так и не нашли. Он понимал, что ему грубо отомстили за его приверженность к честной игре. Страховая компания тянула с выплатой денег, милиция уверяла, что “следствие ведётся”, с угонщиками разберутся. А тут он ещё с Дашкой рассорился.

— Мне не нравится, как ты ко мне относишься! — с обидой в голосе сказала она как-то утром.

— А как я к тебе отношусь? — сонным голосом спросил Андрей.

— Как барчук к дворовой девке. Как в постель, так — оп! — а как жёниться — мамка не велит. — Глаза сверкают — обиделась. Андрей впоплаза посмотрел на неё. Ему стало весело.

— Ты же сама сказала, что Стрелец с Тельцом не уживутся. Зачем же начинать?

— Мы уже начали!

— Ты так считаешь?

— Да!

— Всё, — объявил он обиженно, — мы так не договаривались. — Натянул одеяло на голову и замолчал.

Даша оделась и хлопнула дверью. Больше они не виделись.

Спускаясь в раздевалку, Андрей привычно бросил взгляд на зелёный газон и усмехнулся, вспомнив, что некоторые горячие головы, можно сказать, отчаянные, дерзают сравнивать футбольное поле с шахматным, но это в том случае, если поблизости нет суровых сторонников древней индийской игры, столь же пылких и не менее ревнивых. Если уж с чем и отождествлять поле стадиона, так это с зелёным сукном бильярдного стола, поскольку эти две арены азартного ристалища имеют общий цвет травяного газона, который, как мы знаем, успокаивает даже буйных, а мяч или шар застревают после удара в сетке.

Два дня назад “Армада” устроила кровопускание уссурийскому “Тигру”, перед этим загасила грозненский “Факел” и вот теперь пыталась показать “Литейщику”, как надо варить сталь. Выиграв встречу с казанским “Сапфиром” в гостях и закрепив успех у себя дома, команда Андрея сразу попала в основное число претендентов на турнирное золото. Разумеется, до конца сезона оставалось ещё море времени — целых четыре месяца, — понятно, что большинство кораблей погибает у берега и всякое может произойти, но надежда, словно новорождённый младенец, с каждым днём заметнее прибавляла в весе, активно сосала и марала подгузники. Кучер потирал руки. Его “недотёпы” набирались ума-разума, и он всё реже напоминал им о том, что живущий в долг обязан быть голодным. Для царствования ему не хватало царства — чемпионства. Впрочем, как и любому игроку его команды.

Что мнится по ночам слепому? Что он видит. Задумавшись, Андрей пропустил мяч, посланный ему “на опережение”, и услышал свист болельщиков.

— Курень, проснись! — крикнул кто-то с трибуны, и он виновато понурился. Его плохое настроение, обусловленное резким разрывом с Дашей, сильно мешало игре. Но вот судья показал угловой, и вратарь “Литейщика” стал расставлять защитников в своей площадке. Андрей удачно затесался в их компанию и, как только Иван навесил, головой отправил мяч в сетку ворот. Один-один. Куда ни шло.

Он шлёпнул себя открытой ладонью по лбу и вскинул руку, дескать, как же я раньше-то не догадался! Фанаты ответили рёвом.

После игры Иван спросил:

— Что это у тебя глаза в канаве?

Андрей рассказал о ссоре с Дашей.

Иван ободрил:

— Может, оно и к лучшему. Винтовая она девка, с присвистом.

Глава девятая

Разгром, учинённый красно-белой “Армадой” небесно-голубому “Сапфиру” и чёрно-желтому “Литейщику”, стал полной неожиданностью не только для поклонников этих двух явных фаворитов чемпионата страны, готовых перегрызть глотки любым диссидентам, но даже для самых упёртых фанатов молодых триумфаторов. В самом деле, команда победителей по возрастному составу казалась самой “фуфлыжной”, сформированной по принципу “нам ещё расти и расти”, несурзкая в своих амбициях, как одежда с богатырско-го плеча, наброшенная на худенькие плечи подростка.

“Блефуют казанцы, блефуют”, — думал главный тренер “сталеваров” и не мог взять в толк, как его “орлы” продули матч “салагам”?

“Блефует “Литейщик”, блефует”, — рассуждал, в свою очередь, тренер клуба “Сапфир”, и оба прекрасно понимали, что больше всех блефует коуч “Армады” — Николай Николаевич Кучер, — ввязавшийся со своими подопечными в неравную борьбу за престижное и оттого недостижимое золото чемпионата. Нет, в самом деле. Золотые медали чемпионов на груди у желторотых юнцов, не способных толком зашнуровать бутсы, это чёрт-те что и сбоку бантик. Картина столь же дикая, сколь и нелепая. “Армада” — чемпион? Это так же трудно представить, как сидячую забастовку карманников,

возмущённых милицейским произволом. Впрочем, “исчо” не вечер. Так или примерно так думали наставники самых сильных и уверенных в себе команд, утешая себя мыслью, что набрать победное число очков “Армаде” не удастся — кишка тонка. Они и в мыслях не могли допустить чужого превосходства, отказывались в это верить с тем же непонятным упорством, с каким дотошные телеоператоры показывали крупным планом пугающий натурализм кучи-малы, когда из-за трусов ушей не видно. Любили футболисты навалиться друг на друга, радуясь забитому мячу и совершая греко-римское братание.

А когда “Армада” вторично встретилась с питерской “Плеядой”, уверенно занимавшей четвёртую позицию в таблице, и уже к перерыву имела результат 3:0, растребушив её, точно лягушку в студенческой лаборатории, за головы взялись не только тренеры столичных клубов, но и другие “тяжеловесы”. По сути, игра была сделана. Ждать, что питерцам удастся отквитать три мяча, не приходилось. Так оно и вышло. Красно-белые во втором тайме забили ещё два гола и заставили “Плеяду” покинуть газон с плачевным счётом, явно заимствованным у коллег с Гавайских островов: “Аргентина — Ямайка 5:0!” Потопили питерский дреднот и пикнуть не дали.

После развала Советского Союза Николай Николаевич несколько лет провёл в Китае, тренировал молодёжные команды и привёз оттуда древний миф о Чаншаньской змее — символе непобедимости.

— Когда её ударяют по голове, она бьёт хвостом, — восхищённо говорил Кучер, и глаза его азартно загорались. — Когда её ударяют по хвосту, она бьёт головой.

— А если её перепоясать? — спросил Андрей, впервые услышавший о легендарной змее. — Хряснуть чем-нибудь посередине.

— А если её ударяют посередине, — обрадовался его вопросу Ник-Ник, — она бьёт и головой, и хвостом! — При этом он резко выбросил вперёд обе руки с плотно прижатыми пальцами и стал похож на шаолиньского монаха, обучающего молодых воинов боевым искусствам.

Андрей понял его замысел. Голова команды — это два, три, четыре центральных нападающих, в зависимости от того, какой схемы придерживаться. Середина — опорные полузащитники. Левый крайний и правый. А хвост — оборона. И все бьют, все колотят по воротам и участвуют в контратаках при первой возможности.

Андрей представил себе атакующую слаженность в игре и восхищённо подумал: “Атас! Непобедимая змея — непобедимая команда”. “Армада” рулит.

— Тебе сколько лет? — неожиданно спросил Кучер у Андрея, что-то помечая в своём тренерском гроссбухе.

— Восемнадцать, — ответил Андрей, почему-то смутившись. — Девятнадцатый пошёл.

— Это хорошо, — сказал Ник-Ник. — Найти себя в столь юном возрасте — это удача, и удача великая. Когда человек находит свой путь в жизни, ему уже не страшно ничего. Впереди — свет. Всё дело в поисках пути.

Первые такты концерта для гитары с оркестром итальянского композитора Томазо Альбинони известили о том, что звонят из страховой компании.

Андрей раскрыл мобильник и услышал, что на его счёт переведены деньги за угнанную машину. Он поблагодарил своего агента и тотчас перезвонил Ивану, сообщил радостную весть:

— Страховку получил! Рванули?

— Тачку покупать?

— Ну, да!

Глава десятая

Андрей приобрёл “бумер” представительского класса. Автомобиль поражал мощью двигателя и лёгкой управляемостью. Глубокий чёрный цвет радовал глаз и казался таким же респектабельным, как чёрный смокинг делового человека. Великолепный салон, обтянутый светло-салатовой кожей, отвечал

самым высоким требованиям роскоши и комфортабельности. Теперь Андрей по-хозяйски клал левую руку на обтянутую светлой кожей “баранку” и уверенно вырубил на трассу, болтая по “мобиле” с друзьями или новыми подругами: Галей и Дианой. Но если Галя чаще слушала, что говорит Андрей, то Диана сама любила “потрещать”.

Решив объехать намечавшуюся впереди “пробку”, Андрей резко свернул в сторону Бутырского вала.

Откуда она выскочила, эта чокнутая тварь — чёрная кошка, пулей метнувшаяся под колеса, он так и не понял. Не успел сообразить. “Стопом” дал по тормозам — и тут же ощутил короткий толчок в спину. Его хорошенько мотнуло. Ремень безопасности врезался в плечо. Андрей повернул голову. Золотистая “Toyota Camry” виновато мигала подфарниками.

Когда он отстегнул ремень и вышел из машины, первой его мыслью было упрекнуть виновницу “наезда” в неосторожном вождении автомобиля, но увидел милое лицо без каких бы то ни было признаков агрессии. Девушка выбралась из-за руля.

— Прошу простить, что всё так глупо вышло, так обидно и некстати. Я готова тотчас компенсировать расходы на излечение той “ссадины”, которая осталась на бампере вашей машины.

— Два дня, как из салона! — воскликнул Андрей, пытаясь оправдать зверское выражение своего лица, которым он явно напугал девушку.

— Всё так внезапно, — повинулась она.

Царапина действительно была едва заметна. Как бы там ни было, она не стоила того, чтобы качать права. Андрей хотел сказать: “Да, ладно, пустяки”, — но неожиданно для себя назвал сумму компенсации. Она была столь смехотворно-малой, что девушка улыбнулась.

— Вы благородны, как граф Монте-Кристо.

Это был явный намёк на знакомство, желание узнать его настоящее имя, и он тотчас назвался.

— Вообще-то я Куренцов. Андрей.

— А меня зовут Светлана.

— Очень приятно.

— Сегодня нет, — улыбнулась она и тут же добавила: — Но я польщена вашей дипломатичностью.

— Нет, в самом деле, очень приятно.

— Я понимаю, — сказала Светлана и раскрыла сумочку. — Позвольте возместить ущерб?

Андрей кивнул и тут же отказался.

— Нет! Потом... В смысле, не надо. — Кажется, он покраснел.

— Если денег, как вы только что, обмолвились, не надо, — прервала затянувшуюся паузу Светлана, — то, как же мне иначе загладить свою невольную вину перед вами и вашим верным “бумером”?

Сказано это было с таким простодушно-вопросающим видом, что Андрей невольно опустил глаза — уставился на её изящную, всё ещё раскрытую сумочку.

— Не знаю.

Теперь он точно покраснел, смутившись ещё больше.

— Может, телефон...

— Вы хотите записать мой телефон? — почти утверждающим тоном заинтересовалась Светлана и кротко улыбнулась. — Это ваше право. Записывайте.

— У вас счастливый номер, — не зная, что ещё сказать, брякнул Андрей, загрузив мобильник замечательными и легко запоминающимися цифрами, с повтором троек и семёрок.

— Тройка, семёрка, туз? — лукаво улыбнулась Светлана, и он понял, что ему для счастья больше ничего не надо — лишь бы слышать её голос, да чтобы она смотрела на него вот так: смешливо-ласково и улыбаясь, как родному. И он, напрочь забыв все правила хорошего тона, столь свойственные людям благородного происхождения, первым протянул ей руку.

— Извините, я хотел спросить...

— А надо ли? — В её голосе послышалась нотка отчуждения, и он заметно ступешвался, ощутив её ладонь в своей руке.

— Простите, — оборвал он начатую фразу, но разжать пальцы не смог. Светлана сама высвободила руку, ещё раз улыбнулась, теперь уже прощаясь, по-видимому, навсегда, и, тронув мыском туфли небольшую вмятину на переднем бампере своей “япошки”, деловито уселась за руль. Машина подалась назад. Потом библикнула. Андрей сообразил, что ему предлагают двигаться дальше, и сделал рукой “чао”. Через два квартала “Toyota Camry” повернула на Третье транспортное кольцо.

С этого момента Андрей потерял покой и каждую свободную минуту высвечивал на дисплее телефона её счастливый номер. Мысли о новой знакомой занимали весь его световой день и лишали сна. Даже игра в составе элитной команды, обещавшая в скором времени разрешить его честолюбивые планы (а он имел все шансы стать лучшим бомбардиром года) и оправдать надежду на приличный трансферный контракт, подписанный с мадридским “Реалом” или каким-нибудь английским клубом, отступила на второй план. Даже эти, сокровенно зреющие устремления, казалось, пожирившие его всецело считанные дни назад, не шли теперь ни в какое сравнение с его желанием увидеться со Светланой. Ему хотелось пригласить её в театр, преподнести цветы, повезти в кафе “Пушкин”, похвастаться своими знакомствами, очаровать и пригласить... куда? Не в казино же, нет, скорее всего, в оперу — нет, снова нет, куда? Наверное, на танцы. На дискотеку. В элитный ночной клуб. В тот же “Орфей”, где его знают. Пригласить на танец, лучше, если вальс, почувствовать ладонью её талию, привлечь к себе, галантно закружить и, может быть, поцеловать. Без пафоса, конечно. Так, будто шутя, но с чувством. А потом... Дальше лента обрывалась, и “киношку” с названием “Светлана” крутили по новой.

Он стал похож на тех влюблённых чудаков, которые блуждают меж людей, как будто только что с Луны свалились.

Глава одиннадцатая

Возвратившись из Дании, где “Армада” провела два матча с местными клубами, распушив их в хвост и в гриву, а также узнав об увеличении своего денежного содержания сразу в двукратном размере — это ли не радость? — он выждал ещё два дня, показавшиеся ему вечностью, собрался с духом и набрал заветный номер.

— Андрей? — переспросила Светлана и какое-то мгновение молчала, словно выпытывала у себя поблажку поговорить с новым знакомым. — Куда же вы исчезли? Я ждала, ждала, когда вы позвоните...

— Я не исчез, — повинился Андрей и пригласил её в театр.

После спектакля он понял, что ему никто не нужен, кроме неё. Теперь все его мечты о будущем, все его житейские фантазии и даже мысли о ежедневных тренировках и календарных матчах были связаны с неистощимым желанием видеть Светлану и чувствовать её прикосновения. Всякий раз, когда они встречались в городе, ему приятно было сознавать, что многие прохожие смотрят на них, идущих рука об руку, с явным одобрением и даже восхищением. А что? Он строен, симпатичен, великолепно сложен, а про Светлану и говорить нечего — каблучки цок-цок, причёска — прелесть, фигурка — само совершенство.

Все прошлые увлечения Андрея, даже любовная связь с Дашей, не говоря уже о всяких там Гаях и Дианах, выглядели теперь ошибочными, глупыми и неуместными. Все интересные девушки, казавшиеся раньше красавицами, все запомнившиеся когда-то лица расплывались в тёмные, смутные пятна, словно в его жизни никогда ничего не было реального, и, если его воображение чем и питалось, так это одними химерами, жалкими иллюзиями счастья и любви.

Светлане тоже не нравилась попса, она предпочитала классику, любила книги по искусству, училась, как он и предполагал, на филфаке МГУ,

немножко рисовала, как и он, но больше увлекалась ландшафтным дизайном, облагораживая дачные участки родных и знакомых.

— Обожаю композиции из полевых цветов: они такие милые, — призналась она Андрею и стала вдохновенно описывать загородный дом родителей, построенный в викторианском стиле. — Папа у меня упёртый англоман.

Упомянув в разговоре родителей, она напряжённо взглянула на Андрея, ожидая естественных расспросов: “Кто они? Чем занимаются?” Но он как бы оглох на это время и делал всё для того, чтобы ей стало ясно: его интересует лишь она — его желанная, любимая и ненаглядная.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Несколько дней Андрея не было дома. “Армада” играла на выезде. Сначала выясняла отношения с челябинским “Раскатом”, затем в Дюссельдорфе демонстрировала класс игры, а после вылетела в Пермь. И всё это время Андрей перезванивался со Светланой. Они слали друг другу самые нежные послания, превращая СМСки в крохотные поэмы и японские любовные трёхстишия.

“Ты мой Сяо Бао Сюн, — написала ему Светлана, используя китайские слова, и расшифровала послание: — Маленький белый медвежонок”.

Андрей не удержался, показал эпистоле Ник-Никю.

Тот прочёл и кивнул.

— Все верно: Сяо — маленький, Бао — белый, Сюн — медвежонок.

Видя, что Андрей придаёт так много значения сентиментальной чепухе, настороженно спросил:

— Кто она?

— Студентка, — поспешно ответил Андрей и рассказал забавную историю их первого знакомства, деликатно умолчав о том, как он поразился её прелестью и красотой фигуры, и что первое, о чём он тогда подумал, заключалось в желании жениться — разумеется, на ней. Чем раньше, тем лучше. Немедля.

По мере того, как Андрей с непередаваемым восхищением описывал Светлану, делая упор на её уме и замечательном характере, лицо тренера мрачнело. Он завыл на лавке и глянул исподлобья.

— Я так понял, вы просто созданы друг для друга?

Андрей не уловил скепсиса и с радостью подтвердил, что, как только они со Светланой познакомились, как только были произнесены первые лёгкие и, вместе с тем, особо значимые фразы, ему стало ясно, что они созданы друг для друга. Тонкие губы тренера превратились в жёсткую линию. Ему явно не понравилась восторженность Андрея и хорошо прочитываемое желание обзавестись семьёй.

— Жениться надумал?

— Да! — со счастливой улыбкой воскликнул Андрей.

Лицо Ник-Ника озабоченно вытянулось, как будто он стал на эскалатор подземки и услышал леденящий душу призыв: “Если вы обнаружите подозрительных лиц в метро, просьба сообщить об этом машинисту поезда или обратиться к экстренной связи в центре зала”. Хоть стой, хоть падай, хоть в зеркало на себя смотри, соображая, подозрительное у тебя лицо или лояльное — среднестатистического лоха.

— Болван, — грустно заключил тренер и стал похож на телевизионного императора Николая I, в чём лексиконе это слово считалось самым бранным. — Болван, — повторил он через какое-то время, не глядя на Андрея. — Через два года чемпионат Европы, событие, можно сказать, эпохальное, есть шанс отличиться.

Андрей насупился.

— Я ещё лучше заиграю, — клятвенно пообещал он и после небольшой паузы добавил: — Вот увидите!

— Увижу, — без особой радости в голосе отозвался Кучер, словно его внутреннему взору представились руины стадиона.

Раздумывая над его словами, Андрей вышел на игру: ломать второй тайм. Теперь все свои голы он посвящал Светлане.

Разгромный “сухой” счёт отбирал у пермяков последний шанс удержаться в премьер-лиге. А что касается команды Андрея, то она прочно закрепилась в тройке лидеров, оставив позади себя хамоватого “Литейщика”, буквально зубами вцепившегося в ляжку питерской “Плеяды”, которая сама не ослабляла своей бульдожьей хватки.

Добавленные судьей три с половиной минуты прошлись ржавой пилой по нервам игроков, но всё же не изменили результата матча.

Глава вторая

Когда Андрей сообщил друзьям о своей помолвке и скорой женитьбе (уже и документы отнесли), Ефим не поверил: “Ты что, Андрюша, с ума спрыгнул?” — а Иван неодобрительно покрутил пальцем у виска.

Следуя логике выдавших виды ловеласов, девушка, выходя замуж первый раз, любит совсем не жениха, а свои детские мечты о счастье и сексуальные фантазии. Если даже допустить, что она способна в это время здраво рассуждать и прислушиваться к собственному сердцу, что весьма спорно, она скорее предпочтёт скромного банковского клерка без особых примет, нежели стройного блондина, наделённого всеми качествами лидера и талантом центрфорварда.

Видя, что Андрей всё ещё смотрит в сторону загса вместо того, чтобы бежать от своей невесты к друзьям-товарищам, Ефим многозначительно кашлянул, прочистил горло и решил развеять колдовские чары.

— Для женщины любой мужчина, признавшийся ей в любви, — глупец!

— Почему? — нахмурился Андрей, все эти дни без устали объяснявшийся в любви и не заметивший в глазах Светланы даже тени осуждения.

— Потому что перпендикуляр! — прозвучал ответ с немислимой категоричностью. — Если мужчина, которого женщина искренне считает умным, то есть равным себе, выказывает желание жениться на ней, попасть под каблук и лишиться навсегда свободы, совершенной и безумно-притягательной, она тотчас отвечает презрением.

— За лоха считает? — задумчиво спросил Андрей, в очередной раз поражаясь эрудиции Ефима.

— Представь себе! — воскликнул Ефим и пытливо посмотрел на Саттара, вежливо молчавшего всё это время. — Я верно говорю, мой закавказский друг?

— Завидуешь, — коротко ответил Гюльязизов.

— Чему? — покосился на него Иван.

— Андрей лубит, Света лубит, свадьбу играть нада.

— После тебя, кунак, — предупреждающе сказал Ефим. — После тебя, родной.

Они заспорили, но азербайджанец не сдавался: “Жениться это хорошо — детишки будут”.

Результат бурной дискуссии оказался “ничейным”. Два человека были за вступление Андрея в брак, два — категорически против: “Не дело ты затеял, ох, не дело”. Андрей промолчал. Любящий надеется на чудо.

Глава третья

Они встречались со Светланой вторую неделю, и необыкновенно-радостное чувство привязанности друг к другу нарастало с каждым днём. О том, что его возлюбленная — дочь весьма состоятельных родителей, чьё состояние исчисляется не одним миллионом евро, Андрей как-то не думал. А после очередного разговора с Иваном, который сказал, что Андрей рубит дерево не по себе, “не в свои сани садится”, его стали мучить опасения, что свадьба может быть кем-то расстроена, да хотя бы его будущей тёщей, крайне

недовольной скоропалительным романом дочери. Мысль о том, что Светлана может стать заложницей родительских амбиций, была настолько тягостной, что он невольно хмурился и погружался в свои страхи. Кто-то увидел в его неожиданной замкнутости деловую сосредоточенность предприимчивого человека, сумевшего влюбить в себя богатую невесту, кто-то заподозрил тайное сожаление по поводу наметившегося бракосочетания: быть мужем-футболистом юной состоятельной жены — доля нелёгкая, можно сказать, кабальная.

Свадьбу решили справлять в одном из столичных ресторанов, принадлежавших матери Светланы, но управлявшихся наёмными директорами. Сначала выбор пал на небольшой уютный “Сириус” в Уланском переулке, но потом решили расположиться на Пречистенке в роскошной “Аркадии”.

Мать Андрея, врач по образованию, работавшая участковым терапевтом в поликлинике и уступившая свое место рядом с сыном Ивану Милованову, игравшему роль “дружки”, время от времени отворачивалась от стола и промокала глаза влажным платком. Никого, кроме сына, у неё в жизни не было, и вот он оставлял её одну. Обидно и несправедливо. Роды, вскорми, поставь на ноги и отдай в чужие руки. Кто будет заботиться о нём так, как пластала она? Кто поймёт его душу, поддержит в трудную минуту, уберёжёт от ошибок, отдаст себя всю, без остатка? Только она, мать.

Когда церемония бракосочетания подошла к логическому завершению, и всем захотелось кричать “горько”, заглушая звон бокалов, она немного успокоилась. Поднимая фужер с розовым шампанским в честь новобрачных, Ольга Владимировна отважно посмотрела на сватов — родителей Светланы — и улыбнулась самой искренней улыбкой, представив себя бабушкой. В самом деле, грустить не о чем. Жизнь продолжается.

Андрей убедил Свету добиться от своих родителей согласия на замужество, ибо неопределённость только усугубляла бы его положение в команде, да и их отношения тоже. Он ведь не отказывался ни от венчания, ни от заключения брачного контракта. Он даже готов был взять кредит и приобрести элитную квартиру на кабальных для себя условиях. Андрей рад был полностью содержать семью, жену и будущего ребёнка и поклялся, что сделает всё от него зависящее, чтобы у них появился загородный дом. Собственный коттедж. С камином, бассейном и бильярдным залом. Всё, как у людей, как у её родителей. Андрей чувствовал в себе такую мощь, такие силы, что встретиться ему Иван Поддубный, он уложил бы его на лопатки. Честное слово! Если Света захочет, она будет ездить с ним на сборы, на игры и повидает весь мир. Его клятвы, уверения, мечты о будущей совместной жизни были искренними и предельно страстными. Именно эта самозабвенная преданность их будущей семейной жизни, ещё, конечно, красота и обаяние Андрея так взволновали Светлану, что она почувствовала головокружение и, чтобы не упасть, бросилась ему в объятия.

“Держи меня, — шепнула она тихо, выходя из загса, — а то я упаду”.

Он подхватил её на руки и закружил на месте.

Когда Андрей увидел её в свадебном платье, с роскошной фатой и букетом белых роз, он онемел от восхищения. Золото её волос как нельзя лучше сочеталось с бездонной синеваой больших, ликующе-счастливых глаз. Не было человека, который бы не сказал, что они со Светланой — чудесная пара.

Колебался ли Андрей перед столь серьёзным шагом, как женитьба, сомневался ли в правильности своих действий, способных круто изменить все его планы, честолюбивые замыслы, всю его жизнь? Конечно, нет. Нет, нет и тысячу раз нет. Ни на секунду он не поддался естественной для разнузданной юности панике. Порвал с беспечной молодостью так же легко и просто, как обрывают нитку, торчащую из шва.

Президент клуба прислал молодожёнам приветственную телеграмму из Милана, где находился по делам российского Футбольного союза, а владелец “Армады”, Аркадий Львович Широглаз, уполномочил генерального директора команды передать им ключи от трёхкомнатной квартиры в новом элитном доме. Радость новобрачных была неописуемой.

— Впряглись в тягло, — буркнул себе под нос Кучер, но его реплики, похоже, никто не расслышал. Как выяснилось позже, именно он надоумил Аркадия Львовича сделать столь щедрый подарок.

Друзья преподнесли Андрею наручный хронограф, на корпусе которого он с удовольствием обнаружил две “счастливые” девятки. Андрей понял задумку ребят. Ему всегда нравилась цифра девять. Он играл под этим номером и свадьбу наметил на девятое октября, тем более что этот день совпал с днём рождения Светланы — всё так счастливо сошлось!

Он не сводил восхищённого взора с невесты, а она — с него, изредка любуясь обручальным кольцом. Рук они не разымали, и все попытки гостей украсть молодую жену оказались напрасными.

Глава четвёртая

После свадьбы Светлана накупила уйму всяких тестов и едва не лишилась чувств, когда в один из дней проба показала “полоску беременности”.

Андрей был с командой в Голландии, когда она позвонила ему на мобильник и радостно выпалила: “У нас будет малыш!”

Крайняя неопытность Светы как в интимной жизни, так и в бытовых вопросах позволили ему почувствовать себя главой семьи, непререкаемым авторитетом, но длилось его “царствование” не больше двух месяцев.

Как только Света убедилась в том, что счастливая и желанная пора материнства не за горами, она тут же взяла на себя роль полновластной хозяйки дома, имея смутные представления об истинном характере взятых на себя обязанностей. Трудности ведения домашнего хозяйства её не пугали по той простой причине, что она едва ли знала о них больше, нежели любая “папенькина” дочь, избалованная родительским доглядом. Она не представляла себе, как материнство может повлиять на её восприятие ребёнка и мужа, как изменит мир её привычек и растревожит воображение. С малых лет приученной к идеальному комфорту, ей совершенно не приходило в голову, что с рождением ребёнка она станет меньше уделять себе внимания, реже общаться с подругами, бывать в театрах, на званых вечерах и концертах. Она наивно полагала, что статус замужней девушки никак не скажется на её сокровенных чувствах и пристрастиях, в лучшем случае, вовлечёт в иные формы общения с людьми, прежде всего, с юношами и мужчинами, и ничего, помимо восхитительных эмоций, ей не принесёт.

В первые месяцы после замужества Светлана старалась не пропускать ни одного матча с участием Андрея. Если игра была в Москве, она приезжала на стадион: место в VIP-зоне было забронировано, а когда команда играла на выезде, смотрела по телевизору, бурно комментируя после возвращения “блудного мужа” его игру, самые неприятные эпитеты оставляя на потом, наутро, чтобы не испортить ночи с её жарким шёпотом, сдерживаемой страстью (чтоб не навредить ребёнку), и коротким, но до слёз восторженным “люблю”.

УЗИ показало девочку, которую решили назвать Софьей. С этого дня Светлана стала налегать на бутерброды с красной и чёрной икрой, с удовольствием поглощала котлеты, причём холодные, с застывшим смальцем. Андрей смеялся, когда она тайком пробиралась на кухню во втором часу ночи и ушисывала за обе щеки горбушку чёрного хлеба, натёртую чесноком.

— Есть хочу, нет сил!

— Смотри, не раскорми ребёнка, — остерегала её Ольга Владимировна. — Порвёшься в родах.

Светлана пугалась и несколько дней стойко боролась с “волчьим аппетитом”.

Затем всё повторялось: ночь, кухня, холодильник, котлета. При этом она принималась канючить:

— Если бы ты бросил свой дурацкий футбол, как предлагает моя мама, и взял в свои руки управление золотодобывающей компанией отца, о чём он тебе говорил не единожды, у нас таких квартир было бы уже с десяток. Пора взрослеть, Андрей. Ты человек женатый.

Это были не её слова — это были слова её матери.

Андрей услышал их впервые ровно через месяц после свадьбы, когда тёща гадливо промолвила:

— Футбол вещь малосимпатичная. Можно сказать, постыдная. Бегать за мячом в трусах семейным людям не пристало.

— Да у нас в команде уже пятеро женатиков, детей имеют, — простодушно ответил Андрей и услышал обидный упрёк:

— Я вас считала умнее.

Светлана сама не заметила, как весёлость Андрея стала её раздражать. Она не могла уловить, чему он радуется, если приступы тошноты и головокружения стали мучить её непрерывно? С утра до полуночи, а там — до рассвета. И ему ни разу не стукнуло в голову прийти домой пораньше, а то и вовсе пропустить ряд тренировок, как это делает она, пропуская лекции и даже семинары.

Когда Андрею рассекли подбородок — зацепили бутсой во время игры, — а он пощучивал, что “шрамы украшают мужчину”, она ткнула его пальцем в лоб и заявила, что “шрамы украшали” кавалеров в те далёкие времена, когда не было мобильных телефонов, японских внедорожников и действенных средств для борьбы с тараканами.

— Теперь, — уязвила она обескураженного её натиском мужа, — когда всё это имеется и обновляется каждые полгода, символом мужественности стал банковский счёт в его золотовалютном эквиваленте.

Ещё её ужасно раздражали поклонницы Андрея. Перед каждым матчем и после него они собирались у дома, правда, к подъезду их не подпускала охрана, караулили и клячили автографы. Некоторые оторвы осаждали его просьбами осчастливить хоть одну из них более близким знакомством и даже доходили до того, что нагло оскорбляли Светлану скабрёзными шуточками.

Может, их сборище льстило самолюбию Андрея, но лично её бесило, и она часто просила его:

— Пора прекращать это безобразие!

Раза два она обращалась в милицию, оставляя заявление участковому, но никаких действенных мер предпринято не было. Тогда она пожаловалась отцу, и его друзья из управления по борьбе с нелегальным оборотом драгоценных металлов быстро навели порядок в стане ретивых фанаток. Если они теперь и собирались, то у перекрёстка, через который так или иначе должен был проезжать Андрей.

Оскорблять Светлану перестали.

В общем, она стала в доме настоящей хозяйкой, тем более что Андрей нередко уезжал с командой на длительный срок, если игры были где-нибудь в Европе.

Возвращаясь домой, Андрей видел, как мучается Света, изнурённая частыми рвотами, и старался ни в чём ей не перечить. Иной раз его личная жизнь напоминала американские горки — то захватывающие дух взлёты, то леденящие душу падения; то беспричинные ссоры, то безумные объятия, и всякий раз страсть захлёстывала с головой и не давала опомниться. Складывалось впечатление, что после свадьбы их пылкий роман только начал набирать обороты, требуя всё новых и новых любовных признаний, неизъяснимо желанной, прямо-таки ненасытной физической близости и непонятно чем навеянной тревоги, словно судьба вознамерилась навсегда лишить их сердечного успокоения.

Глава пятая

Андрей любил Свету до озноба, до сердечной дрожи, до блаженного безпамятства, точнее, до... футбола. Он был игрок. И с этим ничего нельзя было поделать. Как ничем не остановить его стремительно растущую славу лучшего бомбардира российской премьер-лиги и настойчивое желание многих клубов перекупить его у несговорчивого владельца “Армады”, небезызвестного Аркадия Львовича Широглаза.

Хозяин итальянской команды “Портофино” предложил за Андрея семнадцать миллионов евро.

— Это на пять единиц больше его трансферной оценки, — деловито объявил он президенту “Армады” по телефону, совершенно уверенный в реальности сделки.

— Минутку, — попросил тайм-аут президент “Армады” и побеспокоил Аркадия Львовича звонком. — Нам за Куренцова дают семнадцать миллионов.

Широглаз скорчил обиженную мину. Такое выражение лица бывает ещё у одинокого дачника, пожелавшего виски со льдом и к глубокому своему разочарованию узнавшего, что в холодильнике нет ни того, ни другого.

— Мимо кассы, — ответил он хмуро и положил трубку.

Минут через пять Аркадий Львович сам набрал номер Кучера. Хотелось ещё раз услышать его мнение о Куренцове.

Николай Николаевич ответил, не задумываясь:

— Чрезмерная страстность мешает ему совершенствоваться мастерство в той мере, которая меня устроила бы, но игровое чутьё потрясающее. Уверен, пройдёт ещё несколько лет, и он один будет стоять, как добрая сотня футболистов.

— Страстность — залог нищеты, — раздумчиво сказал Аркадий Львович, почёсывая голень. Отдых на одном из купленных им островов в Индийском океане был явно подпорчен кровожадными москитами.

Кучер дипломатично промолчал. *Нет правды на земле.* Но в том, что без страсти нет футбола, он был абсолютно уверен.

— Ладно, — закончил разговор Широглаз, видя, что наставник “Армады” не собирается вступать в полемику, — присматривайте за ним. Впереди чемпионат Европы. Я постараюсь сделать так, чтоб сборную России доверили тренировать вам.

Поговорив с Кучером и услышав от него самые оптимистические прогнозы в отношении спортивного будущего Андрея, Аркадий Львович отказал ещё одному “приставале”, владельцу футбольного клуба “Зарядье”:

— Он один стоит десятка игроков.

— Аркаша, — засмеялся хозяин “Зарядья”. — Мы не на Привозе. Ты не тётя Циля, а я не Хаим Грач. Давай по делу.

— Я и говорю: Циркач не продаётся.

— Ты уверен? — в голосе кушца послышались пугающие нотки сомнения.

— Абсолютно, — ответил Широглаз, задирая брючину и огорчённо разглядывая места комариных укусов. — Это так же верно, как то, что меня зовут Аркадий, а народ нуждается в победах, даже самых маленьких. Я говорю о болельщиках “Армады”, не забывая при этом себя.

— Ой-ёй-ёй! Ты ещё скажи, народу кушать нечего.

— Сам знаешь, не скажу. На хлеб все могут заработать.

— Так ведь хлебушка охота с маслицем.

— Ещё добавь: с икоркой.

— С удовольствием добавлю. Человек слаб, сила соблазна велика, — ответил собеседник, намекая на своё желание купить Андрея Куренцова.

— Надо бороться.

— С тобой?

— Ну, зачем же со мной, — отозвался Аркадий Львович, невольно кривя губы и представляя себе лицо набычавшегося конкурента. — С соблазнами нужно бороться, со своей натурой.

— Натура — дура, штык — молодец!

— Ты угрожаешь? — Аркадий Львович поморщился и погладил расчёсы на ноге. — Тогда ты ошибся звонком.

— Я? Да ты что? Заговор, сговор — удел подлецов, как говорит мой знакомец.

— Не знаю, что говорит твой знакомый, но я повторяю: Андрей Куренцов стоит денег, и денег серьёзных. У него абсолютный нюх на голевую ситуацию, автором которой он сам зачастую и является.

— А если у него, — купец замялся, — нюх внезапно пропадёт?

— Продам! Цену ломить не буду.

— О'кей! Ловлю тебя на слове.

Поговорили, как мёду напильсь. Да иначе и быть не могло: в Москве люди добрые, это они понарошку злые. Для видимости, для смычки города с деревней в условиях ползучей классовой борьбы.

Глава шестая

— Ага! Обосра-зу в кусты! — засмеялся Иван, шутливо замахнувшись на Ефима, позволившего себе вякнуть нечто ехидное в его адрес. — Быстро в “чуху” приведу.

Андрей улыбнулся. Ребята нарочно дурачились, подкалывали друг друга, ловили кураж. Поглядывая на них, он старался понять общий настрой команды: оседлает она сегодня дальневосточного хищника, выпустит из него горячую кровь на холодный газон “Лужников” или не выдержит его звериного наскока, обратится в бегство?

Николай Николаевич был немногословен.

— Милованов, твоя задача — отвлекать. Куренцов — сам знаешь. А вы, — обратился он к Саттару и Ефиму, — освобождаете линию.

Стадион уже гудел. Финальный матч — это всегда событие.

Андрей привычно обежал трибуны взглядом, отметил колоссальное число болельщиков и помахал тому сектору, над которым свисало полотнище “СТОЛИЦА РАДА — РУЛИТ “АРМАДА””. Ему дружно ответили.

Судья — глиста из подворотни — дунул в свисток, матч стартовал, и Саттар ловко перекинул мяч Ефиму, стремительно и ловко увильнувшему от встречного полузащитника.

Кучер уместился на своём стуле.

Финальный матч на первенство России по футболу между столичной “Армадой” и уссурийским “Тигром”, решившим одним махом вспрыгнуть на золотое крыльцо чемпионата, со второй минуты начал терять высокий темп заявленной игры. Вялая перепасовка, скучные обводки и непонятная рыхлость атак. Для финального матча — позор. Складывалось впечатление, что это не решающая схватка двух сильнейших команд российской премьер-лиги, готовых ноги переломать друг другу за возделенное “золото”, а театрализованная репродукция картины Перова “Охотники на привале”, показанная на стадионе “Лужники” при массовом скоплении народа. “Не слышны в саду даже шорохи”. Оно и понятно: ноябрь, морозец, грязный снег.

Наконец, левый крайний уссурийского “Тигра” пробил по воротам, хорошо пробил, целя в “девятку”, но Глеб Семенихин молниеносно перехватил мяч и отправил в центр поля. Устремившись за ним, Андрей поскользнулся и проехал на заднице. Белые трусы стали грязно-зелеными. Работёнка не пыльная, но попотеть придётся.

Пас — мимо. Пас — выше. Нога, как чужая. Батарейки сели?

— Курень, глуши! — орали фаны.

“Какой “глуши”? — мысленно оправдывался Андрей, в очередной раз теряя мяч в штрафной площадке и подтягивая гетры. — К ним в защиту идти, как голым задом в крапиву садиться, — тут же взвосьшь, пробкой вылетись!”

Пас — рывок — удар! Пустые хлопоты. Игру закоротило. Андрей поматал головой и даже вскинул руки, изображая отчаяние. Не шёл мяч в ворота, не шёл. Да и “лесорубы” щерили клыки. Играли кость в кость. Иван слегка прихрамывал. С его лица не сходила маска недовольства: сложно всё как-то. Задолбало. Андрей потащил мяч на угловой. Уссурийцы защищались стойко. Никаких разрывов в обороне пока не предвиделось, да и голкипер стоял вмертвую, как файл с паролем. Дальневосточники хамили, но судья на поле “ничего” не видел. Цеплялся за свисток, как утопающий за соломинку, но никого не карал. Поглядывал то на табло, то на часы.

Ефим смазал штрафной, схватился за голову и заскулил, как чистоплотный пёс, которого хозяин трое суток не выпускал на двор.

Андрей похлопал его по плечу.

— Прорвёмся.

Он уже приновился к грубой игре уссурийцев, раскусил систему их защиты: трое прикрывают вратаря, четвёртый валит с ног. Все стопперы хорошо бегали, слаженно действовали в стандартных ситуациях, но мячом владели слабо, долго его не держали, а старались выбить как можно дальше, восхищая “лохов” силой удара. Одного не мог понять Андрей: где слабое место голкипера? Если бы ему сказали, что такого места нет, он бы не поверил. Тем не менее, все мячи, летевшие в ворота, тот парировал с необычайной лёгкостью.

Андрей сам трижды ударил так, что, казалось, гол верный, но вратарь в подскоке переводил мяч выше ворот. Угловые тоже не приносили успеха. Стандартные положения соперники просчитывали чётко. Андрей не знал, как поразить ворота, и у него от напряжения даже свело мышцы шеи. Пришлось усиленно вертеть башкой.

Трибуны засвистели. Раньше это надо было делать.

И тут “лесорубы” отличились: Глеб с отворачиванием вынул мяч из сетки.

Глава седьмая

— Да вас что, в морозильнике везли на стадион? — задохнулся от гнева Кучер, возмущённый медлительностью своих подопечных и тугоподвижностью их членов. — В мертвецкой веселее! — Выражений он не подбирал, и многие фразы, вылетающие из его разгорячённых уст, вполне могли принадлежать проголодавшемуся вождю людоедов, говорившему на хрен знает каком диалекте. На папуасском, наверно. Ефим скорчил гримасу непередаваемого ужаса. Ник-ник рассвирепел.

— Козлы на ходулях!

Кажется, он вспомнил русские слова.

— Ладно, — успокаиваясь и радуясь тому, что нагнал на своих остолопов страху, миролюбиво проговорил Кучер. — Всё нормально. Спокойно отдыхайте и выходите на игру.

Классный он всё же мужик. Мировой. Создать команду, задать ей вертикальный вектор — для этого особый талант нужен. Талант организатора и, если хотите, идеолога.

После перерыва Андрей заметил, что соперники успели расписать свои лица боевым узором диверсантов, маскирующихся под густо пересечённую местность, и теперь искали, кого бы “мочкануть”? В их глазах горел восторг: “Золото наше!” Андрей им не поверил и правильно сделал. Уйдя от костоломного заслона, он точно пасанул Ивану, и тот, не мешкая, стремительно пошёл вперёд, бросая поспешные взгляды по сторонам и страдальчески кривя рот, словно попал в винный отдел магазина в момент его закрытия и теперь не знал, как угодить своему вкусу и кассирше, прооравшей ему вслед: “Совести у вас нет, мужчина!” Всё это несколько взбудило болельщиков “Армады” и облекло их грустные думы в оптимистическую оболочку. Нигде, как в футболе, живуч бессмертный постулат: “Люби меня, как я тебя, и будем вечные друзья”.

— Иван! — крикнул Андрей, но тот его не слышал — ушёл в самоволку. Ефим, не будь дураком, ринулся за ним. А почему бы и нет? Получив мяч от Ивана, он великолепно обыграл соперника и, сделав вид, что пробивает по воротам, перебросил мяч Андрею, ждавшему удобного момента.

К середине второго тайма уссурийские защитники откровенно выдохлись и шарились в дымовой завесе своей обороны в поисках противогазов. Слово дело было в них одних, да ещё в отсыревших тротиловых шашках.

Андрей сжалился над ними и острым пасом вразрез, как раз на ногу Ивана, чётко показал, где находятся индивидуальные средства химзащиты. А средства эти, как ни странно, были свалены в ближнем нижнем углу “полосатых”, куда влетел мяч, направленный Саттаром. Умница Ефим не стал испытывать судьбу, дёрнул голкипера ложным замахом и расчистил коридор атаки.

Вой раненного зверя — ничто по сравнению с тем воем, который издал сектор, заполненный фанатами “усато-полосатых”. Шелест камыша в лунную ночь.

Посеревшее лицо тренера таёжных “лесорубов” напоминало картину Репина “Не ждали”. Да это уже было и не лицо, а ключевая фраза эротического триллера: “Он расстегнул ширинку — и все ужаснулось”.

— Есть! Один-один.

Ничейный результат отбирал у “саблезубых” пальму первенства и лишал их возможности подержать кубок России в своих натруженных, но вовсе не мозолистых руках.

Все телекамеры и фотообъективы нацелились на Гюльазизова.

Когда Саттар забивал гол, он падал на колени и закатывал глаза, как бы посылая благодарение Аллаху. Не потому, что прозревал его пределы. Ему нравилась эксцентрика — так делал Марадона. Правда, тот ещё целовал нательный крест. Впрочем, это не важно. Главное, какой эффект ты производишь. Понты дороже денег.

Судья на поле, требовательный, как молодой учитель, и щепетильный, как девушки из скорой сексуальной помощи, долго устанавливал мяч в центре поля, долго не подпускал к нему рвущихся в бой противников и, наконец, свистнул. Башли в лузу — и погнались. На гребне хорошо закрученной атаки Андрея осенило: а не пустить ли мяч пыром — по кочкам, по кочкам, по ровной дорожке? Ему показалось, что вратарь уссурийцев бережёт свой левый бок, старается не падать, перехватывая мяч в прыжке.

Получив очередную передачу от Ефима, он поспешил к штрафной соперника. На её подступах, испытывая величайшее желание прорвать сетку ворот, Андрей мимоходом “лажанул” двух стопперов, устроивших ему засаду, и, не обращая внимания на их озверелые рожи и запоздалое гавканье, кубарем, перелетев через чье-то колено, мгновенно вскочил и пырнул — мяч пошёл низом, почти по траве. “Мне нужен гол”, — сказал он сам себе и тут же рухнул, сбитый наземь. На секунду, на какую-то долю секунды опередил он ярого защитника, дышавшего в затылок. До вратарской оставалось меньше метра.

Как прореагировал голкипер, он не видел, но по безумному реву трибун понял, что попал — удвоил одну цифру на табло. “НАС — РАТЬ”, — зывал гигантский баннер, целиком укрывший сектор “Армады”. Два-один — прекрасный результат.

У вратаря был вид кастрата, попавшего в женскую баню. Кстати, вы когда-нибудь видели голкипера, который хихикает, вынимая мяч из сетки собственных ворот? Нет? И не дай вам увидеть подобное. Наблюдать, как человек сходит с ума, занятие печальное, особенно для натур тонких, впечатлительных, каковыми являются футбольные болельщики.

Смотреть, как корчатся два форварда, боднувшие друг друга при борьбе за верховой мяч, конечно, больно, эстетически невыносимо, но вид хихикающего вратаря, согласитесь, мучителен.

Поймав кураж, Андрей ровно через две минуты увеличил счёт. Один гол за другим и оба — в “точку”. Пуля в пулю. Вратарь метнулся и упал — плашмя. Лёг и отключился. Затем начал подниматься. Сначала встал на четвереньки, словно хотел показаться группе проктологов. Не дождавшись обещанного осмотра, сел на пятки и упёрся кулаками в землю, словно привыкал к инвалидной каталке, на которой собирался развезжать по вагонам метро после окончания сезона: “Помогите, кто может!”

Трибуны сердечнольно взвыли.

Это был разгром. В раздевалку Андрея несли на руках: его хит-трек обеспечил команде чемпионское “золото”.

На послематчевой пресс-конференции кто-то из журналистов заметил, что у Андрея вдохновенное лицо: с таким лицом и слава не нужна. Но слава уже рисовала ему сказочные виды. Его белопёрый “Мазератти”, имевший под капотом табун чистокровных скакунов, стоял у парадного крыльца роскошного особняка. Водитель в белых лайковых перчатках нежно поглаживал руль. Охрана выстроила коридор. Пахло морем, дорогим одеколоном и цветущей магнолией. Из глубины сада — навстречу — спешила жена: золотая-золотая в лучах заходящего солнца.

В июле она родила.

Глава восьмая

Как и в любой семье, у них случались споры, ссоры, но Андрей не придавал им значения. Он любит, чего ещё надо? А желание Светланы “попилить” его за мелкие провинности: “Опять твоя куртка на кухне?”, “Разберись с телефоном: пищит!” — считал закономерным — мать его тоже “строгала”, причала к порядку. В быту он ужасно не собран.

Но какие бы перепалки между ними ни происходили, дымовая завеса домашних баталий не застилала ему сердце горькой обидой, хотя Светлана могла дуться на него полдня и даже больше. Он первым шёл на примирение, сводил глупые размолвки к общему знаменателю таким образом, чтобы в числителе были совет да любовь, покой и согласие.

Но одного его желания в последние дни не хватало.

Целые числа не делились на чётные, а если делились, то в результате оставались дроби. Дни дробились на “люблю-не люблю”, а ночи на “нельзя” и “погоди”.

После родов у Светы началась депрессия, но спустя месяц она немного успокоилась. Ей уже не казалось, что ребёнка подменили или он уже не дышит.

— Ух, красавица какая! — воскликнул Андрей, когда впервые взял на руки крохотную Сонечку с её обиженной, младенческой гримасой. — Вылитая мама.

— Да и от папы кое-что есть, — засмеялась Светлана, имея в виду рост новорождённой — пятьдесят четыре сантиметра и вес — три восемьсот.

В доме воцарился мир, и теперь Андрей всякую свободную минуту стремился проводить с Сонечкой и женой — милой, чуточку строптивой, но от этого не менее желанной.

Очередной футбольный турнир “Армада” отыграла на “бронзу”. Так вышло, что Саттара Гюльазизова приобрёл для себя английский “Рейдер”, уплатив за него двенадцать миллионов фунтов стерлингов, а Николай Завражный, занявший его позицию, на одной из тренировок порвал икроножную мышцу и после операции играл далеко не лучшим образом. Несмотря на то, что “Армада” заняла третье место, Андрей вновь был признан лучшим футболистом страны и удостоился чести сфотографироваться с владельцем клуба, который на этот раз лично преподнёс ему букет пунцовых роз и ключи от изумрудного “Лексуса RX 400 h”. Позируя перед фотообъективом, Андрей поблагодарил Аркадия Львовича за подаренный автомобиль, ответил на вопрос, как ему “живётся-можется”, и крепко пожал руку. Этот снимок украсил подарочное издание, посвящённое спортивным успехам “Армады”, и даже попал на первую полосу газеты “Тайм-аут”, вышедшей в печать с броской фразой: “Футболисты — реальные рыцари нашего времени, давшие клятву верности своим возлюбленным, венценосным дамам сердца: Страсти, Игре и Удаче”. Рыцарем номер один был признан Андрей Куренцов.

Глава девятая

— Вот я сегодня плохой сон видела, — испуганно сказала Света утром.

— Да ладно, — отмахнулся Андрей, пытаясь её успокоить. — Куда ночь, туда и сон.

— Не скажи, — всё ещё находясь под впечатлением приснившегося, отозвалась она. — Я в нашем доме землю копала. — Она помолчала и добавила: — Копать — к похоронам.

“Надо же”, — хмуро подумал Андрей и вспомнил свой сон. Сначала он пил водку с незнакомыми парнями, даже вкус её отвратный ощутил: явное “палево”, а затем угодил в смоляное болото, в растопленный битум — ел ноги выдрал.

Семейный отдых они запланировали на Сицилии, уже и билеты купили, и номер в отеле забронировали, но ничего путного из их затей не вышло. Звякнул мобильник. Высветилась СМСка: “Андрей, ты утверждён в составе сборной”. Он даже подпрыгнул от радости. Круто! Его мечта сбылась: защищать футбольную честь России на европейском чемпионате — это ли не

счастье? Когда он прочитал сообщение Свете, реакция оказалась совсем неожиданной:

— Ты вновь меня отшвыриваешь в угол, словно тряпку. Вытер ноги и пошёл!

Она стояла перед ним в красивой белой блузке (только что показывала, в чём собирается ехать на море), и лицо покрывалось красными пятнами гнева.

— Но это же почётно, это мне необходимо, — пытался привлечь её к себе Андрей, чтоб как-то успокоить, объяснить, что чемпионат Европы проводится не каждый год, и сотни, тысячи известных футболистов мечтают на него попасть, но Светлана вырывалась из его объятий: — Отпусти! — И упиралась в грудь руками. — Прощлый раз, уезжая на сборы, ты говорил то же самое.

Андрей пытался успокоить:

— Ты же знала, что меня вот-вот должны зачислить в сборную, что я не могу изменить себе.

— А мне, значит, можешь?

— Да не изменяю я тебе! — возмутился Андрей. — В конце концов, я игрок.

— Ага, игрок! Дурак на повозке. Всем добренький, кроме семьи. Ребёнок, вон, тебя не узнает. Плачет на руках. Если бы тебя на самом деле уважали, то за полгода бы предупредили, чтоб ты семью мог на море свозить — в кои веки!

— Света, — умоляющим тоном заговорил Андрей. — За полгода сборную не формируют. Это очень серьёзный вопрос. Понимаешь?

— Конечно, где мне, дуре, разобраться! — размазала по лицу слёзы Светлана, продолжая сидеть на полу и отчаянно жалуясь наборному паркету на свою несчастную судьбу. — За кого я выходила замуж? Боже мой! Куда смотрела, что я видела? — Она скинула с ног босоножки и отшвырнула к двери. — Уезжай! И я уеду.

Андрей ждал, что она утихнет, поразмыслит над своими вздорными словами и рассудительно скажет: “Да, конечно. Представлять Россию — это большая честь. Тем более, на Евро. Поезжай, вместе мы ещё наотдыхаемся”. Но услышал иное.

— Вали!

— Совсем? — ужаснулся Андрей. — А как же дочь? Зачем же отравлять ребёнка жизнь?

— Да это ты нас в бочку с дёгтем окунул, всю жизнь нам отравил!

— Неправда.

— Правда! Хотя бы раз сказал: “Пошли вы на фиг со своим футболом — у меня семья”! Так нет же, нет! Мужик ты или кто?

“Мужик”, — ответил сам себе Андрей и стиснул зубы. Можно предать себя, но не предавать женщину, можно предать женщину, но не предавать себя, а лучше никого не предавать. Так думал он, приходя к неутешительному выводу, что его семейная жизнь расплзлась, как ветхая марля. Временами он сомневался в правильности своих выводов, надеялся, что всё ещё наладится, но... кто сомневается, уже страдает.

На клубные сборы, как это делали жены других футболистов, Светлана принципиально не ездила. “Я не бомж. Спать привыкла в собственной постели”. Нет, не хотела милая, желанная, страстно любимая Света подниматься до небес в его глазах. Напротив, уменьшалась в ярости, в настаивании на своей, одной лишь ей известной правоте. Может быть, они бы и расстались, осознав, что сделали ошибку, поженившись, что незачем мучить друг друга, если бы не Сонечка — маленький радостный ангел.

Когда у дочери заподозрили рак крови, Андрей чуть ума не лишился. Не может этого быть! Это так несправедливо. А тут ещё играть на выезде пришлось.

Весь месяц “Армада” колесила по миру, набирала необходимые очки для участия в европейских турнирах, и он вместе с одноклубниками набирался опыта и впечатлений.

В Риме Андрей нанял белый кабриолет с красными колесами и разъезжал на нём по столице Италии, щёлкая фотоаппаратом. А потом послал снимки Светлане, сопроводив их любовным посланием с шутливой укоризной: “Жаль, что ты у меня не декабристка: за мужем в ссылку не поедешь”. “Типун тебе на язык! — отозвалась она СМСкой. — А сошлют — переживёшь. Мне ребёнка лечить надо”.

Когда Андрей вернулся, не узнал жену. Это уже были не глаза Светланы, яркие, лучистые, небесно-голубые, в которых, словно воробьи в весенней луже, трепыхались искры счастья и восторга. Это были глаза ужаса — чёрного, провального, безумного.

Сонечку положили в больницу, выделили отдельный бокс, и Света осталась с дочерью в стационаре.

Андрей внёс в кассу клиники необходимую сумму, оплатил дорогостоящие лекарства и закупку донорской крови. Сделал всё, что велели врачи, и теперь мучился сознанием собственного бессилия: он не мог что-либо изменить коренным образом. Рак крови — это хуже, чем он думал. Это приговор. Мать Андрея, узнав о злокачественном заболевании своей любимой внучечки, долго не могла произнести ни слова, а родители Светланы сразу заговорили о том, что Сонечку надо везти в Германию и непременно в ту клинику, где лечилась Раиса Максимовна Горбачёва. Выслушав их, лечащий врач сказал, что острой необходимости в зарубежной госпитализации пока нет, и Андрей теперь каждый день навещал Свету, если был в Москве, или справлялся о здоровье Сонечки по телефону, уезжая на игры.

— Свет, — позвонил он ей как-то после тренировки. — Меня капитаном сборной утвердили.

— Лучше бы денег подкинули! — разгневалась она. — У тебя ребёнок болен, нам придётся ехать за границу. Ты знаешь, сколько стоит пересадка костного мозга? Не знаешь? Я тебе скажу. Это сотни тысяч евро! Со-о-отни! — подчеркнула она голосом, полным неподдельного отчаяния. — Траты сумасшедшие.

О днягах Андрей не беспокоился. С каждым днём их становилось больше. А вот здоровье — да, его ни за какие фунты-стерлинги не купишь.

В один из тёплых майских дней, когда Сонечка повеселела и, глядя на неё, трудно было предположить, что этот подвижный ребёнок болен, Андрей отправился на сборы.

Глава десятая

В аэропорту Бонна ребята натрясли пыли в журналистские уши, дескать, мы такие: разоримся — заработаем, — и айда! — набирать очки в контрольных матчах, вправлять мозги всем, кто не верит в российский футбол и страдает глупым самомнением.

С трудом одолев в отборочной подгруппе драчливых хорват и занозистых швейцарцев, разгромив Андорру и Азербайджан, двуглавые орлы России вошли в свой групповой отсек с желанием хлебнуть кваску: жара стояла несусветная — Европа задышалась.

Андрей с друзьями “парился” в гостинице. Читать не хотелось, играть в шахматы тоже. Валялись на кроватях, проминали кресла.

Во дворе отеля, прямо на асфальте, российские болельщики стелили яркие полотнища — готовили зримые лозунги. Поглазев на одуревших от жары и своего фанатского рвения шумливых плакатистов, сочинивших слоган: “Россия — слон, ломай заслон!” — Андрей одобрительно кивнул, словно остался доволен хорошо исполненным заказом, и услышал первые такты вальса Мендельсона: звонила Светлана.

Рыдающим голосом она сообщила, что у Сонечки кризис, состояние резко ухудшилось и врачи опасаются за её жизнь.

— Андрей, я умру, если что-то случится...

— Это так серьёзно? — помня об её излишней эмоциональности и способности сгущать все краски до одного цвета — битумно-чёрного, уточнил он и рывком сел на кровати, готовый тотчас сорваться с места и мчаться в аэропорт.

— Да, — почти на крике, притопленном слезами, ответила Светлана. — Сонечке так плохо, ей все хуже...

— Еду! — на ходу прокричал в трубку Андрей и метнулся к тренеру.

Когда Николай Николаевич понял, о чём идёт речь, его лицо потускнело и как-то болезненно вытянулось. Даже очки поползли с переносицы.

— Без тебя — труба. Даже не знаю, как быть?

Андрей тоже не знал. Жизнь футболиста, как любого гастролёра, с её бесконечными перелётами, соревнованиями и постоянными нагрузками, целиком и полностью зависит от тех, кто составлял график его выступлений. Но эту жизнь с круговертью матчей, тренировок, интервью и всевозможных шоу, в которых он обязан участвовать, будучи связанным по рукам и ногам контрактом, подписанным с клубом, он выбрал сам, по своему желанию, ещё не сознавая, какую фигу она может ему вывернуть в самый неподходящий момент.

— Николай Николаевич, отпустите. Я всё понимаю, но у меня дочь при смерти! Я по-любому свало.

— Что же ты раньше молчал! — воскликнул Кучер. — Я бы тебя не включал в сборную.

— Раньше терпимо было.

— Терпимо, — передразнил его тренер. — Говорил болвану: погоди, не лезь в хомут — шею натрёт.

Он походил из угла в угол, глянул на часы. Покачал головой, не представляя, кем заменить Андрея в предстоящих играх, и тяжело вздохнул.

— На две игры, не больше.

Подвёл его Андрей, конечно, капитально.

Глава одиннадцатая

Прилетев в Шереметьево, Андрей взял такси и вскоре доехал до клиники. В приёмном покое его дождалась Светлана.

— Андрюша! — воскликнула она и запахнула на груди халат. — А нам сегодня лучше.

Он привлёк её к себе, и она заплакала.

— Как хорошо, что ты приехал, что ты с нами. Я прямо извелась. Ты представляешь? — Жена повела его по коридору, объяснив, что в бокс зайти будет нельзя, но она покажет ему дочь через стеклянную дверь. — Как только где послышатся шаги, даже малейший шорох, Сонечка вся превращается в слух, поднимает пальчик и говорит: “Па-па!” Я думала, у меня сердце разорвётся! Представляешь?

— Представляю... — У Андрея защекотало в носу. Навернулись слёзы.

Он передал дочери игрушки, которые купил в Германии перед отлётом, нужные лекарства и красочно иллюстрированную книгу “Курочка-ряба”.

В одиннадцать часов, после утреннего обхода лечащий врач Сонечки, известный гематолог с прекрасной репутацией опытного клинициста, позвал Андрея к себе в кабинет. Первым делом поблагодарил Андрея за добытые им лекарства, ознакомил с ходом лечения и сказал, что кризис миновал, дня через два Сонечку можно будет выписать из клиники.

— Сделаем ещё одно переливание крови и отпустим домой.

Андрей почувствовал, что у него заныло где-то глубоко внутри, словно насквозь проморозило. Перед глазами всплыло исхудавшее личико дочери.

— Она может... поправиться? — Слово “умереть” он так и не смог говорить.

Игорь Петрович вздохнул.

— Надежда всегда остаётся.

Возникла пауза. Давящая камнем тишина. Мёртвая, как в морге. Андрей опустил голову. “Всё, что угодно, только не это, — билось у него в мозгу. — Всё, что угодно”.

Через три дня Сонечку выписали, и он, крепко прижав к себе дочь, поспешил за Светой, которая несла пакеты с детскими вещами.

Глава двенадцатая

С тяжёлым сердцем возвращался Андрей в команду, на чемпионат. Перед отъездом со Светланой случилась истерика. Рушить карьеру, подчиниться воле жены? Остаться дома или возвращаться на чемпионат? Ехать, не ехать? Это было одно из самых трудных решений в его жизни. Самое трудное. Футбол любят все, но лишь немногие бросают всё ради него.

Первую игру в своей группе сборная России провела с Турцией. Этот матч Андрей смотрел у себя дома по “ящику”. Волновался и переживал ужасно. В первом тайме кривой ятаган турецкой атаки располосовал нашу защиту и уложил Глеба. Один-ноль. Держись, не падай.

Светлана демонстративно удалилась на кухню: было бы на что смотреть!

Низенький, коротконогий, но ужасно моторный нападающий турецкой сборной ещё дважды бил по воротам, но оба раза мяч уходил выше планки: Глеб переводил его на “угловой”. Турки думали о бакшише, о сладчайшем шербете и арбузной мякоти победы, в то время, как команда Андрея сушила сухари, мечтая, как о хлебной корке, о ничейном результате и дополнительном времени. Он это видел, чувствовал на расстоянии. Иван и Ефим, ломовые лошади атаки, еле ноги таскали по полю. Вымотались зверски. Ник-Ник держался молодцом. Даже с судьёй препирался.

Андрей сходил на кухню, выпил сока, поиграл с дочерью и вернулся к телевизору в тот момент, когда Иван красиво дал “на ход” Ефиму, и тот не сплеховал — убойно расквитался с янычарами.

Ничья. Нормальная ничья.

Пусть сухари, но зато ржаные, самые вкусные.

Через два дня он понял, что пора улетать на турнир: второй матч ребята проиграли 0-1, причём кому — словакам! И это лишний раз указывало на то, что место Андрея сейчас там, в команде.

Увидев его в дверях своего номера, Николай Николаевич обрадованно встал навстречу, потряс руку и расспросил о дочери. О разладившихся отношениях с женой Андрей рассказывать не стал. Сам виноват. Как говорит Иван: “Хорошо тому, кто в детстве слушал маму”. Ещё, разумеется, тренера.

На следующий день играли с немцами. Ничья не давала шансов пройти в плей-офф, только победа. Но как её вырвать у немецкой машины, да ещё на родном поле?

Стоя в шеренге рядом с Рамзаном и Ефимом и окидывая взглядом предстоящее футбольное ристалище, Андрей снова подумал, что зелёное поле стадиона, травяной газон и добротное сукно бильярдного стола удивительно похожи. Подумал и вспомнил “удар скорпиона”, о котором он как-то забыл и который поразил его в своё время: резко и точно подкрученный шар превращался в бумеранг.

Как только Андрей услышал стартовый свисток и завладел мячом, в него влилась наглая уверенность в победе, которую принесёт ему “удар скорпиона”.

При первой атаке он отдал мяч Рамзану, тот перекинул Ефиму, и мяч от ноги немецкого защитника ушёл за пределы поля. Клубок хитросплетений чёрно-жёлтых фигур у вратарской площадки после подачи углового начал стремительно разматываться. Ефима грубо “кованули”, он двинул обидчика доктем — тот понёс буром. Плохо воспитанный мальчик. Самый настоящий “немец-перец-колбаса”. Андрею тоже досталось. “С таким чугунным лбом только в футбол играть”, — обозлился он, потирая ушибленный нос: проверил, не пошла ли кровь?

Эх, немчура, ведь вы уже разгромили и турок, и словаков, вам даже ничья не нужна с нами. Ну, что вам стоит проиграть нам?

Немцы беспрерывно атаковали весь первый тайм и до половины второго, но ближе к концу матча Андрей на контратаке всё же заставил немецкого голкипера скорчить мину недоульства, когда так закрутил мяч, что он тотчас отскочил назад — прямо под удар ноги и сверкнувшей молнии. Разразилась гроза. Ливень хлестал так, что через пять минут газон превратился в болото. Бутсы квакали, точно лягушки. Порывы шквалистого ветра выворачивали

наизнанку зонтики болельщиков. Но Андрей ликовал: он сделал, что задумал, — исполнил “удар скорпиона”! Забил гол. Расписался в мастерстве. Оставил автограф в книге почётных гостей. И вообще, когда он работал, молотал по полю, даже под проливным дождём, он всё равно “гулял”, душа его летала, а сердце переполнялось восторгом. Что ни говори, он занимается любимым делом! Это ли не радость? И финальный свисток озарил табло радостными словами и цифрами: Германия — Россия 0-1. Немцы и русские в четвертьфинале.

Лишь бы Сонечка выздоровела...

Вечером на форуме чемпионата появился провокационный слоган: “Нападение на Европу! Русские идут!”

Затем сборная России рублилась за выход в четвертьфинал.

“Сыны любимые победы, сквозь огонь окопов рвутся шведы...”

Не прорвались.

В матче с ними Андрей дважды исполнил “удар скорпиона” и дважды вратарь доставал мяч из сетки.

— Поздравляю, — сказал Кучер на собрании. — Команда выполнила программу-минимум. Впереди у нас три дня отдыха и тренировок.

Шаткая, непрочная конструкция европейского турнира напоминала собой грубо сколоченную этажерку, на верхнюю полку которой, и так уже заваленную книгами, взгромодили сундук с барахлом и коробку с новогодними игрушками. В любой момент всё это могло рухнуть и похоронить надежду русской сборной на выход в полуфинал. Короче, не забрасывайте женское бельё на люстру — вам же его и доставать. О финале, честно говоря, не думали, хотя и петушились.

Глава тринадцатая

Бумс!

Французские защитники прошляпили передачу Ивана, и первый гол от ноги Ефима влетел в сетку ворот.

— Хорошо ты им впендиорил! — похвалил его Андрей и поправил капитанскую повязку. Второй четвертьфинальный матч начинался неплохо. Казалось, вот только что отзвучали гимны России и Франции, только что Андрей подтянул до колен красные гетры и чиркнул мизинцем по белому просвету: загадал, чтобы игра прошла без травм, а уже есть повод сказать: “Дорога ложка к обеду”.

Ник-ник перехватил его взгляд и жестом показал: играй! Рано победу праздновать. Французы произвели замену, и в это время пошёл дождь. Да оно и шло к тому: с утра нещадно парило, к началу матча небо потемнело.

Тренеры забились под навесы. Болельщики дрожаще кучковались под зонтами, укрывались транспарантами. Одни лишь боковые судьи пристально следили за игрой и не отвлекались на такие пустяки, как гром и молнии. Их назойливая услужливость могла навести на мысль, что ещё недавно они подрабатывали официантами в шикарных ресторанах.

В раздевалке, во время перерыва, Кучер пристыдил ребят.

— Вы кого испугались? Французов? Да у них, кроме амбиций и звания экс-чемпионов мира, ничего нет. Милованов, Куренцов, Темирхоев? В чём дело?

— Да мы это, — начал оправдываться Иван, поглядывая то на Андрея, то на Рамзана. — К штрафной никак не подберёмся.

— Скользко, — пояснил Андрей.

— Бутсы, блин, размокли на фиг, — в тон ему отозвался Ефим. Этот довод, по-видимому, казался ему столь же мощным и неоспоримым, как негласное утверждение, что каждый немец — американец, а каждый американец — шпион. Не зря у них все фильмы про “агента 007”.

Ник-Ник минуты три корректировал его ответ с таким расчётом, чтобы тот понял: не надо стучать ему по черепу — там никого нет. Поспешая дать последние наставления, он не стеснялся в выражениях.

— Повторяю, не грубите. Кто скозлит, получит по рогам. Вперёд, паршивцы! — Это у него, как присказка, знак доброго расположения духа и веры в победу.

— Дождик лил нам на рыло, — выбегая на поле, по-блатному загундосил Ефим, и ребята рассеялись.

Комментируя этот матч, закончившийся поражением французов, многие футбольные эксперты сходились во мнении, что сборная России представляет собой “прекрасно сыгранный оркестр”. Все они выделяли игру Андрея и отмечали его виртуозное владение мячом. О нём заговорили, как о футболисте экстра-класса, который любого “обстучит”, обставит, восхитит зрителей и утрёт нос вратарю. Сам определит момент удара, сам пробьёт или прострелит так, что не забить с его подачи просто стыдно.

Электронная почта “Армады” была переполнена восторженными отзывами фанов. Все они сводились к одному: “Курень — ты супер! Циркач в натуре”.

В полуфинале играли с голландцами.

Они завозились около нашей штрафной, ещё не понимая, что их стоперам не справиться с ушедшими в отрыв Андреем и Ефимом. Никто из них не ожидал, что очередной шквал контратаки сметёт их плотную защиту. На стремительной скорости Ефим обвёл левого крайнего голландцев, и тот, крутанувшись на месте, помчался за ним, пытаясь сорвать с него футболку, — хрена тёртого!

Ефим резко тормознул, раскинул руки и сыграл корпусом. Голландец, которому так понравился чужой “прикид”, что он готов был примерить его прямо на поле, кубарем перелетел через бедро и проехал по газону метров десять. Ефим тотчас стукнул по мячу, как раз под ногу набегавшему Андрею, и тот — в одно касание! — отправил его в нижний угол: резанул.

Вратарь голландцев сел на шпагат и болезненно поморщился: воткнул ему русский бомбила! Один — ноль. Уже адреналин.

После подачи углового в голландской вратарской “вырубили свет”. Куча мала. Мяч исчез в битве ног, свалке тел. Мелькали бутсы, локти, сбитые колени. Вроде и большое футбольное поле, а тесно на нём, ох, как тесно! Особенно, когда идут последние минуты матча. Боковые судьи смахивали на служителей зоопарка, бегавших вокруг клеток с экзотическими хищниками и гонявших сердобольную малышню, сующую представителям дикой фауны пряники и жвачку.

“Так и без костылей останешься, — возмущённо подумал Андрей, чувствуя на своём затылке жаркое дыхание волкодава — голландский стоппер повис у него на плечах. — На протезы не заработаешь”. Казалось, каждый голландский футболист, прежде чем выйти на газон, прошёл усиленный курс по спецпрограмме “Антикиллер”.

Андрей выпятился вбок, заметил мяч, отбитый чьей-то пяткой, и, пока никто не понял, что к чему, нашёл просвет и засандалил — мяч ушёл в ворота без возврата. Вратарь проводил его взглядом, повернувшись по-волчьи, всем корпусом. Видно, шею заклинило, продудло на сквозняке чужой атаки. Правильные финты — это хорошо, но правильные голы ещё забойней.

Андрей отбежал к бровке, под прицелы телеобъективов, и ладонью припечатал лоб. Трибуны отозвались рёвом: этот его жест ушёл в народ. Краем глаза он заметил, что Ник-Ник тычет в небо кулаком — рот до ушей. Счастливым. Со счётом 2:0 сборная Россия вышла в финал, обеспечив себе “серебро”.

Теперь журналисты не находили слов, чтобы выразить своё восхищение действиями русских игроков. В интернете писали, что Андрей Куренцов “проникал в штрафную площадку с изощрённостью маньяка” и третирует вратарей с особым цинизмом, оставляя их один на один с ужасом неизбежного гола. Какой-то остряк-самоучка напутствовал удручённых проигравшим голландцев обидной эпитетом: “Не выбрасывайте использованные презервативы: они могут заменить вам “Орбит” без сахара”.

Не только в Москве, но и во всех крупных городах России народ высыпал на улицу, заперудил площади и перекрёстки, а доблестная милиция

спустилась в метро, как в бомбоубежище. Очень уж неординарно вели себя фанаты. Народ бесновался: выход в полуфинал, победа в нём — за это стоит выпить. Серебро евротурнира на дороге не валяется. Выбить русских из чемпионата какой угодно ценой не получилось. Впереди — финал. И не с хозяевами чемпионата, а с итальянцами, которые в полуфинале своей скучной, но непробиваемой обороной изнурили немцев, и те проиграли в послематчевых пенальти.

Андрей связался с домом, спросил, как чувствует себя дочь, и услышал грустное “неважно”. Долго молчал, потом выдал из себя:

— Я тебя люблю.

— Я тоже, — ответила Света усталым голосом.

О своих голах, о победе сборной над голландцами он говорить не стал. Когда болен ребёнок, любая новость кажется печальной, а радость — неуместной.

На последней тренировке перед финальной встречей с итальянцами Николай Николаевич внёс поправки в план игры и захлопнул блокнот.

— Голландцы проиграли оттого, что намудрили в обороне. Итальянцы опасней. Во-первых, они техничнее французов, быстрее немцев, а во-вторых, они любят играть в футбол так же, как и мы. Это всё я говорю к тому, что нас тоже голыми руками не возьмёшь. Хотя, — он усмехнулся и отчего-то глянул на Рамзана, — итальянцы, как и мы, русские, более всего склонны умиляться своими прошлыми победами и авантюрно-острой игрой.

Слушая его рассуждения, Андрей уловил скрытый вопрос: готова ли команда к авангардной, по-настоящему высококлассной игре? Не успокоилась ли на достигнутом? Не допускает ли мысли о поражении, не перегорело ли в ребятах желание всеми силами удерживать лидерство на чемпионате?

А накануне финала в Берлине у Андрея вновь состоялся отвратительный телефонный разговор. Позвонил тот же самый человек, который звонил перед матчем с “Сапфиром”:

— Андрей Юрьевич, я буду краток. Надо, чтобы ворота итальянской сборной остались сухими. Благодарность будет безмерной. Вы меня поняли?

— Нет, не понял, — зло ответил Андрей.

— А у вас всё хорошо в жизни складывается? — Вопрос был задан угрожающим тоном.

— А вас это не касается! — И Куренцов отключил свой мобильник.

Звонил явно сумасшедший. Маньяк, строящий из себя таинственного властителя мира сего.

Глава четырнадцатая

Итальянцы сразу завладели мячом и устремились в атаку. Их форварды хорошо бегали, валом пёрли на ворота Глеба, но он трясся над их неприкосновенностью, как директор старого кладбища над последней вырытой могилой. Отправляя мяч на угловой, он всякий раз был похож на человека, который сел перед экраном телевизора, чтобы насладиться музыкой Вивальди в исполнении “Виртуозов Москвы”, и неожиданно узнал, что вместо Владимира Спивакова дирижировать оркестром будет Максим Галкин.

Кто-то из наших защитников грубо “тормознул” итальянского полузащитника в штрафной площадке, и судья сразу назначил пенальти. Шум, гам, свист. Где-то открылась мыловарня, и “русская” трибуна хотела сделать всё, чтобы судья туда попал. Отнюдь не для знакомления.

Итальянский форвард разбежался — и Глеб пропустил мяч. Один — ноль. Теперь всё было предсказуемо: они уйдут в глухую оборону, и их не пробить, как черепаху. А если забьют ещё, то никакое чудо не спасёт россиян.

Начиная с центра поля, Андрей перекинул мяч налево и бросился следом. За ним, как борзые за русаком по первотропу, ринулись “опекуны”. Он сильно и точно перевёл мяч Рамзану, и тот, не мешкая, перевёл его Ивану — длинным навесным пасом. Получив мяч, Иван погнался к воротам, да как погнался! На спринтерской скорости. Не менее семисот километров в час! Как будто он ощутил пульсацию космоса в своём ретивом сердце.

Куда там “Формуле-1”! Рамзан припустил следом: взыграла кровь вайнаха. Иван обошёл защитника, промчался вдоль бровки, вильнул влево и пробил. Зараза! Штанга. Это поезда ходят по расписанию, их локомотив тянет, а мячи, блин, круглые, у них свой график попадания в ворота.

Кончился первый тайм, второй тянулся долго и беспросветно. Итальянцы ушли в глухую стену обороны. И всё же во время очередной, казалось, безнадежной, как все предыдущие, атаки наших, находясь спиной к воротам, Андрей непостижимым образом рассчитал посыл Ефима, подпрыгнул, успел подставить голову и удачно направил верховой мяч под планку в ближний угол. Гол! Не может быть! Один — один!

Теперь можно было надеяться на серию послематчевых пенальти. Но её не понадобилось. На последней минуте основного времени Куренцов, завладев мячом, откатил его Ивану и махнул, мол, двигай сам, и тот пошёл, пошёл, как за последней электричкой. Параллельно ему устремился Андрей. Бровку контролировал Ефим. Обыграв двоих соперников, Иван сильно прострелил на ход Андрею, и Куренцов не сплеховал: ударил с лёту — в левый нижний угол. Амба!

Итальянцы опупели. Бросились к судьям, требуя признания офсайда. Но те, вопреки ожиданиям, трясли башкой: офсайда не было! Всё чисто.

Как ни сильна, как ни вынослива была итальянская сборная, но и она слетела с катушек. Punto finale! — русские поставили последнюю точку, и началось то ликующее рукоприкладство, без которого ни один матч не может быть признан состоявшимся. Что творилось на трибунах — уму непостижимо. Триумф полный. Стадион в одно мгновение превратился в гигантскую летающую тарелку, решившую стартовать с обезумевшей Земли с помощью пороховых ускорителей. Евроконтинентальный форум салютовал достойным.

Николай Николаевич Кучер сиял и был похож на любительский снимок жениха на сельской свадьбе, обработанный в фотошопе мастером однозлого глянца.

На послематчевой пресс-конференции, чувствуя в своих руках приятную тяжесть Кубка Европы, Андрей не знал, что сказать, бормотал что-то банальное, что это его самая желанная победа. Золото чемпионата — это великий предел, достичь которого желают многие...

Глава пятнадцатая

— Ты жуткий эгоист! — услышал он на пороге своего дома. — Почему ты так редко звонил?

Андрей втащил сумку в прихожую и обнял жену.

— Соскучился — нет сил.

Он ещё не сознавал, что с каждым его успехом стена, разделяющая его со Светланой, будет становиться всё прочнее и непреодолимей.

На следующий день команду чествовали в “Лужниках”, а вечером в Кремле состоялся званый ужин — бал в честь победителей. Его готовили и в случае выхода в полуфинал, а тут — не только финал, но и победа в чемпионате Европы! Первая после 1960 года. Администрация президента не поскупилась: столы ломились от яств и напитков.

Андрей аплодировал награждённому вместе со всеми и ждал, когда наступит его очередь. Ждал с тем загаённым нетерпением, с каким не ждал, наверно, дня своей свадьбы и того момента, когда работница загса объявит его со Светланой мужем и женой. Ждал, когда назовут его имя, но всё равно прослушал: оглох от ожидания. Он лишь почувствовал толчок Ивана, стоявшего рядом, и услышал его шёпот: “Тебя”.

От волнения Андрей запомнил, что говорил в своей ответной речи, получив первый в своей жизни орден, но хорошо запомнил слова главы государства.

— Надеюсь, не последний.

Уже вернувшись на место, в шеренгу друзей по команде, он мысленно пообещал себе, что станет чемпионом мира. Во что бы то ни стало.

Затем был банкет, на который съехались видные предприниматели, знаменитые артисты и заправилы масс-медийной индустрии. Присутствовали на нём и члены правительства. Среди знакомых Андрей увидел Широглаза, оживлённо беседовавшего с главой кабинета министров. “Надо будет подойти к нему”, — решил он вначале, но потом передумал: нескромно всё это.

Большинство приглашённых были с женами и даже с детьми, достигшими совершеннолетия. После застолья молодёжь пригласили на танцпол.

Светлана тоже могла пойти с Андреем и даже стала собираться, решив оставить дочь под присмотром няни и Ольги Владимировны, но в последний момент передумала: “Езжай один. Я что-то плохо себя чувствую”. Андрей не стал настаивать. Не хватало, чтобы она устроила ему сцену ревности на людях или, придравшись к какой-нибудь мелочи, потребовала везти её домой немедленно. Что ни говори, а российский спортивный истеблишмент пополнился ещё одним именем: Андрей Куренцов. И всего того, что сделало его невероятно знаменитым, он добился сам. Не угодничал, не трусил, не шёл наговор с околоспортивной шатией, был честолюбив, но не тщеславен, и никто не мог сказать, как говорят о многих популярных людях, что он профессиональный негодяй, галантный аферист или обаятельный циник. Он даже не амбициозный плейбой, что в его возрасте было бы простительно, нет, он просто классный футболист — центральный нападающий московского клуба “Армада” и национальной сборной, признанный лучшим бомбардиром Европы. Пусть кто-то этого не понимает, интригует и завидует, но теперь он может с лёгкой душой повторять слова президента, сказанные о нём: “Капитан нашей команды, Андрей Куренцов, финальную игру построил, как парус натянул! Поймал попутный ветер, а заодно с ним и победу в чемпионате. Настоящий морской волк, прошедший грозы и шторма спортивных состязаний. Мы думаем, что и тайфун чемпионата мира он сможет укротить. Честь и слава герою!”

Сколько Андрей раздал автографов — уму непостижимо! Чуть рука не отвалилась. Людей понять можно. На протяжении стольких лет российский футбол вызывал отчаяние, особенно игры сборной, а тут такое дело — потрясающий финал! Море эмоций.

К Андрею подошёл с фужером коньяка громоздко-тучный увалень, лет сорока пяти, представился: “Кайманов”, — и предложил выпить за успех.

— Лучше за знакомство, — ответил Андрей. — От успеха у меня и так голова кружится.

— Ха-ха! А ты мне нравишься, — обрадованно чокнулся с ним человек гора, сразу обращаясь на “ты”. — Чувство юмора наше.

По тому, как он держал себя, а перед этим весьма непринуждённо разговаривал с премьер-министром, можно было предположить, что новый знакомый Андрея является крупной акулой в мире транснациональных корпораций, типичный олигарх. Из тех, кто много знает, но ещё больше имеет наличных и безналичных средств. Официант с подносом услужливо принял из рук Андрея опустошённый бокал и предложил взять новый, наполненный виски. Андрея слегка повело, но он не отказался. Имеет право. Сегодня его день.

Олигарх выпил с ним и, пробурчав что-то невнятное, больше похожее на перемещение газов по кишечнику, нежели на логически связанную речь, пожелал узнать, когда Андрей “изволит навестить его в качестве *“persona grata”*”?

— Я не знаю, — честно признался Андрей и даже приложил руку к сердцу, видя явное неудовольствие на лице гостеприимного миллиардера. Заодно почувствовал, что малость опьянел. — У меня дочь.

— У меня тоже, — посмотрел по сторонам Кайманов и сделал неопределённый жест рукой, — где-то здесь. Дочурка. — Он полез во внутренний карман и вручил Андрею визитную карточку. — Понадоблось, звони. — Прощаясь, предупредил с нажимом: — Не тяни с визитом.

Андрей проводил его взглядом и не успел спрятать визитку, как зазвучала музыка, и кто-то тронул его локоть.

— Разрешите?

“Да я вроде как не танцую”, — хотел ответить Андрей, но вслух сказал: — Пойдём.

Конечно, лучше было бы отказаться, а если и не отказаться, то хотя бы ответить солидней, типа: “Извольте”, — но он уже брякнул: “Пойдём”, — и повернул голову. Перед ним стояла коротконогая деваха с тёмно-фиолетовыми тенями вокруг глаз и полными губами, зовущими жемчужным блеском. На её шее, перекрывая ключицы, сияло бриллиантовое ожерелье.

Андрей извинился, поставил опустошённый бокал на поднос официанта и повёл девушку в танце. Вальс его научила танцевать мать, а до всего остального он доходил сам.

— Вы хорошо меня ведёте, — отчего-то хриплым шёпотом поощрила его девушка и прижалась ближе. Андрей почувствовал её живот и бёдра. — Кстати, — оборвала она себя на полуслове и скосила глаза так, чтобы видеть выражение его лица, — я давняя ваша поклонница.

— Да меня все теперь знают, — ответил Андрей, не понимая ни своего самонадеянного тона, ни своей настороженности, поскольку прекрасно понимал, что ничего пугающего он не услышит, но сказал так, как сказал: “Меня все теперь знают”.

— Нет, — с какой-то особой проникновенностью в тоне возразила она. — Так, как знаю вас я, вас никто не знает. — Видя, что Андрей не собирается ей отвечать, она вздохнула. — К сожалению, я знаю вас больше, чем себя. — Она отстранилась, напустив на себя загадочность и непритворный ужас. И без того крупные глаза ее расширились, рот приоткрылся.

— Себя можно не знать, — великодушно ответил Андрей. — Людям это свойственно.

Она уловила его отстранённость и на какое-то время умолкла. Выдержала небольшую паузу и негромко позвала.

— А вам не хочется узнать, с кем вы танцуете, как меня зовут?

— В принципе, нет, — прямодушно ответил Андрей. — Но если вы сочтёте мой ответ бестактным, я тотчас откажусь от своих слов и вежливо спрошу, как вас зовут?

— Ой, клёво! — воскликнула она с тайным восторгом ребёнка, которому впервые в жизни доверили спички, чтобы развести костёр. — Я просто угораю.

— Итак, — он галантно замедлил движение в танце, — меня зовут Андрей. А как зовут вас?

— Вероникой. Мой папа сейчас с вами разговаривал и шил на брудершафт.

— Понятно. Красивое имя.

— Мерси.

Звуки вальса стали затихать, и Вероника ласково предупредила, отпуская его руку:

— Следующий танец за мной. Надеюсь, пригласишь?

Лицо её стало расплываться — Андрей почувствовал головокружение. “Мне совсем нельзя пить”, — подумал он и заявил вслух:

— Никак нельзя.

Такого ответа дочь олигарха никак не ожидала. Губы её задрожали.

— Ты — мне? — она едва справлялась со своей обидой. — “Никак нельзя” — это мне? Я не могу рассчитывать на танец?

— Рассчитывать мы все, конечно, можем, — пьяно пошатнувшись, уточнил Андрей, когда музыка смолкла, — но мне надо домой.

— К жене? — пальцы её ослабли, но руку его не отпустили. Андрей заметил взгляд Ивана: “Это кто?” Махнул ему, мол, всё путём, всё под контролем, и утвердительно сказал:

— К жене. Я, если хочешь знать...

— Молчи, — она закрыла ему рот своей ладонью. — Твоей женой отныне буду я.

— Почему ты? — удивился Андрей, почувствовав сухость во рту и непонятную злобу.

— Потому что я тебя люблю! — прошептала ему в грудь Вероника, запрокидывая голову, чтоб он имел возможность посмотреть в её глаза. —

Давно. Без горбылей. — Она приподнялась на мысках туфель, чмокнула его в подбородок и подтолкнула к выходу.

— Всё. Предки согласны. Ты мой.

— Никогда, — трудно справляясь с дурнотой и нарастающим раздражением, твёрдо ответил Андрей. — Я твоим не буду никогда.

— Ты хорошо подумал? — прошипела Вероника, тыча ему пальцем в грудь. — Ответь.

Андрей не ответил. В голове шумело, пол уходил из-под ног, и он наконец забыл, что молчание — невыносимейшая из реплик.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

Честное слово, приятно сознавать, что своему успеху ты проложил дорогу сам, сам протянул ему руку и ощутил ответное пожатие. Задумал — сделал. Так было, а вот так стало. Это ощущение счастья, успеха, собственной удачливости и, чёрт возьми, вполне понятной исключительности отродно веселило, ошпыняло, щекотало самолюбие — до лёгкой дрожи и головокружения.

Глянцевые журналы без устали лакировали его изображение, известные телепродюсеры наперебой предлагали огромные призовые за участие в их грандиозных проектах и феерических шоу. Денег с каждым днём становилось всё больше, и Андрей просто не понимал, на что их ещё можно потратить. У них со Светланой была роскошная квартира, эксклюзивная мебель, в доме появился антиквариат, и он всерьёз подумывал купить приличный особняк в Немчиновке или на Рублёвке. Как говорит Ефим: “Счастье не зависит от денег, но какая-то его доля напрямую зависит от них”.

Можно было поменять машину, но изумрудный “Lexus RX 400 h”, подаренный Широглазом, Андрей отдал Свете и продолжал ездить на своей “бэхе” — седьмой модели BMW. Он к ней привык, и она его вполне устраивала.

Правда, вчера на Крымском мосту, напротив метро “Парк Победы”, Андрея подрезал старый “мерин”, за рулем которого оказалась симпатичная девушка, вынужденно нарушившая правила дорожного движения. В результате столкновения левая фара “посыпалась”, и он отогнал свою машину в сервис, где совершенно случайно встретил дворового хулигана Жабу — Виктора Жулебина, сильно раздобревшего и внешне как-то залоснившегося.

Разговорившись с ним, Андрей узнал, что после школы Жабка вписался в шуструю “бригаду”, повесил на шею золотую цепь толщиной с буксирный трос и стал наезжать на торговцев: требовать денег за “охрану” товара. Сначала дань составляла чисто символическую сумму в десять баксов, но потом повышалась до среднестатистических показателей добросовестного рэкета. “Покайлив на люберов”, он сколотил какое-никакое состояние и резко пошёл в гору, расширяя сеть автомоек и сервисных центров дорогих иномарок, преимущественно немецкого производства.

— Оставляй тачку и ехай, — обнадёжил он Андрея. — Уж кому-кому, а другу детства, Циркачу, мои мастера всё сделают тип-топ, без брешешь. Завтра утром заберёшь.

Он предложил “обмыть встречу”, но Андрей наотрез отказался. Дел по горло, да и дочь лежит в больнице, надо съездить проведать.

— Ясно, — с лёгкой обидой поёрзал в кресле Жабка и протянул руку. — Гуд бай.

Пожимая его потную ладонь, Андрей услышал вопрос: — Слушай, а ты в Роттердаме бываешь?

— Изредка, когда играем с местным клубом.

— Мне вот что надо, — выбрался из-за стола Жабка. — Презентик один передать. Тебя встретят.

Андрей выдержал испытующий взгляд “друга детства” и отрицательно покачал головой.

- Нам запрещено.
- Да там всё чисто, просто информация одна. Не для чужих.
- Не обижайся — отказал ему Андрей. — Найди кого-нибудь другого.
- Без проблем! — пряча от Андрея жюльнический взгляд, торопливо согласился с его доводами Жаба. — Всё понятно.

В доме спортивной моды, куда Андрей часто заходил по приглашению знакомого дизайнера, щедро оплачивавшего его визиты, он совершенно случайно встретился с Дашей. Она сделала такой изумлённый вид, словно на его голове вместо привычной бейсболки хищно топорщился затёрханный трехсельского сторожа или сидела ворона. Едва кивнув и фальшиво улыбнувшись, напрямую спросила, хочет ли Андрей увидеть её голой.

— Ты уже, наверно, позабыл, какой у меня зад и всё такое, — вильнула она бедрами и приподняла грудь двумя руками. — Признавайся.

— Нет, — устыдившись её развязности, ответил Андрей, сам не понимая, отчего ему так неприятно видеть свою бывшую подружку.

— Я слышала, что ты женился? Когда успел?

— Успел, — чувствуя, что не справляется с улыбкой и нахлынувшим самодовольством, ответил Андрей.

Даша полезла в свою сумочку из кожи какой-то змеи, окрашенной в жемчужный тон, пошурудила в ней, удостоверилась, что всё на месте, и щёлкнула замком.

— Значит, всё? Ты весь из себя правильный? Погрузился в идиллию семейной жизни по самые помидоры? — В её вопросах сквозила издёвка. Узвлённое самолюбие требовало сатисфакции. Андрей промолчал. Почувствовав его холодность, она снова взялась за сумочку. — Может, заглянешь, выручишь по старой дружбе? Когда жене будет “низзя”? Прочистишь кран на кухне? — Она вульгарно подмигнула и ткнула себя пальцем в грудь. — Надо склеить разбитое сердце.

Андрей отставил бокал с минералкой и твёрдо сказал:

— Нет. Забудь, что было.

Она закусил губу, развернулась и зашагала прочь, гордо вздёрнув подбородок. Проходя мимо стайки светских хроникёров, неожиданно обернулась и погрозила пальцем.

— Будь внимателен на перекрёстках!

Через несколько дней после этой негаданной встречи, получив машину в автосервисе, Андрей отправился на тренировку и по пути подвёз симпатичную девушку, мокнувшую под дождём в одном лёгком платье. Не успела она сесть в салон, как дождь усилился. Через две минуты он уже хлестал, заливал лобовое стекло, — “дворники” мотались, как бешеные, и не успевали смахивать воду.

— Вот спасибо, — рассыпалась в благодарностях девушка, поглядывая на промокших пешеходов и мутные потоки, несущиеся по мостовой. — Забыла дома зонтик.

Андрей резко притормозил перед “зеброй”, пропустил старуху с мопсом на руках, затем бродягу с детской коляской, доверху набитой каким-то барахлом, пацана на “роликах” и спросил девушку, что она ищет у себя в ногах?

— Мобильник уронила, — покраснев, ответила она и разогнулась. — Вы так резко затормозили.

— Извините, — буркнул Андрей, наклонился, пошарил рукой и подал ей скромненькую “мотороллу”. — Она?

— Она, — кивнула девушка, и они разговорились. Андрей вскоре узнал, что зовут её Таней и что работает она в редакции газеты “Дейли-спорт”.

— Нет, не журналист, менеджер по рекламе, — ответила она на его вопрос и одарила благосклонной улыбкой. — Я вас сразу узнала, — расправляя влажное платье на коленях, обрадованно заговорила она. — Девчонки обалдеют, когда я им скажу, что познакомилась с самим Куренцовым!

Он уже привык к тому, что его узнавали на улицах, и девушки в последнее время сами заговаривали с ним.

— Любите футбол?

— Больше теннис, — смутилась она, и он понял, что кривить душой она ещё не научилась.

— Всё равно, — сказал он. — Запишите мой контакт. Если захотите посмотреть финальный матч “Армады”, одна или с подружкой (билеты на него всегда достать проблематично), позвоните: я организую. Только звоните заранее.

— Ой, — произнесла она и занесла номер его телефона в свой контактный файл. — Если это вас не затруднит.

— Ничуть, — отозвался Андрей и высадил её там, где она указала. Рядом со станцией метро “Новослободская”.

Двенадцатого июля возобновился чемпионат России по футболу. Сборная распалась. Игроки вернулись в свои клубы. Кто-то сел на лавку запасных из-за давних трений с коучем, кто-то “добегивал” перед новым трансфером. Андрей никуда не собирался уходить из “Армады”, в которой отыграл уже два сезона и добивал третий. Да его бы и не отпустили. Он теперь не просто Курень-Циркач, нападающий и капитан команды, он ещё и чемпион Европы. Настоящая звезда, чёрт бы вас побрал! Теперь никто не скажет: “Здрасьте, это ещё что за чмо? Вас здесь не стояло”. Стоял. Навеки встал на пьедестал почёта. Историю чемпионатов не переписать. Это не история болезней или история страны. Это нечто иное, нейтрально-стабильное. Никого особо не волнующее и оттого незбылемое.

На одном из футбольных сайтов он прочёл, что цена на него в европейских трансфер-листах поднялась до двадцати пяти миллионов евро. Московское “Зарядье” и питерская “Плеяда” готовы были вести речь о сумме, значительно большей. На вопрос Аркадия Львовича о его “заветном желании” Андрей дипломатично ответил:

— Хочу играть в “Армаде”.

Новый контракт обещал новую ставку, как зарплаты, так и премиальных, но менять команду не хотелось. Сыгранность дорогого стоит. Да и с ребятами сдружился. Аркадий Львович ничего не сказал, но руку пожал с чувством. В общем, ничто не предвещало ближайших перемен в судьбе, и Андрей оставался доволен собой: неплохо потрудились.

Ему лестно было читать о себе хвалебные отзывы, но он понимал: то, что говорилось о нём как о футболисте сегодня, вряд ли останется верным какое-то время спустя. У спортсменов век короткий.

После тренировки Андрей вместе со всеми вышел на улицу, зашагал к своей “бэхе” и уже собирался сесть за руль, как его окликнули:

— Андрей!

К нему приблизилась симпатичная рыжеволосая девушка в белом топике и белых шортах, с красивым “цейлонским” загаром, и, представившись подружкой Ивана Милованова, попросила подбросить её до метро или на Куззовский проспект, как ему будет удобней.

— Можно на “ты”? — спросила девушка и назвалась Жанной.

— Как вам угодно, — без видимой охоты согласился Андрей и тронул машину с места. Жанна назвала адрес. Это было не совсем по пути, но Андрей решил, что вполне может оказать любезность, довезти подружку Ивана до дома, тем более что она, сославшись на ссору с его другом, просила передать ему те вещи, что он оставил у неё. Ветровку, махровый халат и ещё что-то по мелочи.

— Сама не хочешь передать?

— Нет, с меня хватит, — жёстко отрезала Жанна, но уже через минуту с жаром рассказывала о своей испепеляющей любви к Ивану и о том, что, будь её воля, она бы его “своими руками удушила”.

— Кобель чёртов!

Из её пламенного монолога Андрей понял, что она — “коренная москвичка скромного достатка”, но после окончания театрального училища стала сниматься в телесериалах и надеялась на успешную карьеру в мире киноискусства. Внешность у неё была смазливая, речь — модно-похабная, вот разве что движения... как бы заучены: раз и навсегда. Претензия на изящество всегда выглядит вульгарно. Быстро сообразив, что она собой представляет,

Андрей потерял к ней интерес и врубил магнитофон с доисторической композицией “Led Zeppelin” на полную катушку.

Глава вторая

Когда Андрей вошёл вслед за Жанной в квартиру, ему в глаза бросился беспорядок.

— Проходи, — довольно грубо подтолкнула его Жанна и сунула ему в руки спортивную сумку. — Держи. Это Ивана. А на раскардаш не обращай внимания. Это я вещи отбираю для своих родственников. — Она быстро прошла в ванную, подала ему тюбик зубной пасты, щётку и расчёску, велела подождать, открыла платяной шкаф, попросила придержать дверцу, и Андрею ничего не оставалось делать, как помогать ей.

— Чертова куртка! Куда же она, блин, запропастилась? И шлепанцы, зараза, не могу найти. Где-то здесь, а где? — Жанна резко выдвигала ящики комода, швыряла на пол их содержимое и не уставала повторять, что с Иваном, “этим гадом”, просто невозможно жить нормальной девушке. — Я на съёмки, он в бордель! — Часть вещей она отгребла ногой в угол и велела Андрею увязать их в узел из старой простыни. — Я эту шваль уже носить не буду, а в деревне любой тряпке рады. Ближним надо помогать, не так ли?

— Конечно, — согласился Андрей, не понимая, почему сортировкой вещей нельзя было заняться в другой раз? Он даже чертыхнулся про себя: умеют бабы мужика запрячь, заставить делать то, что нужно им.

— Да ты садись, я быстро, — направились она к двери. — Возьму у соседки ключи, дубликат. Я была в отъезде, просила её почту забирать, да и вообще, присматривать, вдруг кран прорвёт или ещё чего? Иван в таких делах плохой помощник. — Она посмотрела на дисплей своего мобильного и как-то нервно передёрнула плечами. — Да брось ты эту сумку.

— Может, я пойду?

— Ты что? — чуть ли не силком усадила она его на кухне. — Я ещё ветровку не нашла. Ключи заберу и вернусь. Туда и обратно.

Она выскочила из квартиры и захлопнула за собой дверь.

Торчать на кухне Андрею никак не хотелось, и он вышел в коридор в тот самый момент, когда в квартиру вломились ОМОНовцы.

Его сбили с ног, заломили руки за спиной, сцепили их наручниками. Короткоствольный автомат упёрся в ухо — по щеке потекла кровь. Обшарили карманы, изъяли документы и мобильник. От растоптанных ботинок милиционеров остро разило потными ногами и жирным гуталином.

Андрею вменили в вину попытку ограбления квартиры гражданки Водозовой Жанны Анатольевны. Эксперты-криминалисты обнаружили отпечатки его пальцев на дверце холодильника, кухонном столе и полированных поверхностях мебели.

Ошеломлённый натиском ОМОНа, сбитый с ног, с заломленными руками, намертво стянутыми наручниками, Андрей никак не мог собраться с мыслями, чтобы понять толком, что произошло. Да и снимки с него “ментовские браслеты”, посади в кресло и отведи от него короткие стволы десантных автоматов, он и тогда не понял бы значения случившегося. Слишком быстро всё свершилось. Неожиданно.

Андрей ощутил себя жертвой розыгрыша. О том, что это целенаправленный заговор, он ещё не думал. Он стоял перед решёткой камеры, как перед лицом своего несчастья, — убитый и раздавленный случившимся, и никак не мог найти ответа на горькие и гневные вопросы: почему это произошло именно с ним? Кто испытывает радость, причиняя ему горе и совершая очевидное зло? В глубине души он надеялся, что справедливость восторжествует. В его деле разберутся, и всё образуется, его освободят как арестованного по ошибке, по недоразумению. Он верил, что руководство клуба удастся сделать это без труда. Что ни говори, он капитан команды, европейский чемпион, ему пожимал руку президент страны; к тому же он ни в чём не виноват. Всё, что с ним произошло, подлая инсценировка. Перевод стрелок, как

говорят “блатные”. Его разум отказывался сознавать, что ещё никому в мире не удалось отделить тюремную камеру от ошибок правосудия так же, как невозможно представить ложь, коварство и предательство, царящие в мире, без сопровождающих их наветов, поклёпов и вероломства.

Затем Андрея вызвали на допрос, предварительно “откатав” его пальцы на дактилоскопической карте. Связаться с домом и руководством клуба не дали.

— Много хочешь, мало получишь, — мрачно отшутился узкоплечий капитан с впалыми щеками курильщика дешёвых сигарет. Он повертел в руках его водительские права, удостоверение игрока футбольной команды “Армада” и, внимательно сличив фотографию с “оригиналом”, презрительно швырнул документы в ящик своего стола. — Я таких ксив сколько угодно намалюю. Тоже мне, рисовщик!

Было, было в этой “подставе” что-то такое, чего Андрей никак не мог понять. Согласно заявлению гражданки Водовозовой у неё пропали золотая цепочка с кулоном в виде сердечка “из того же металла” и антикварный гарнитур, состоящий из диадемы с бриллиантами и колье, доставшиеся ей в наследство. Поскольку данных предметов у задержанного гражданина Куренцова Андрея Юрьевича при обыске не оказалось (тщательный осмотр квартиры результата не дал), дознаватели решили, что от вещественных улик “подозреваемый” успел избавиться, спустив их в унитаз, воздуховод или выбросив с балкона.

Через два дня участковый милиционер нашёл под окном квартиры гражданки Водовозовой Ж. А. золотую цепочку с кулоном, стоимостью в пятьсот восемьдесят рублей, которую опознала потерпевшая как свою личную. Данный факт прямо указывал на оперативную смекалку сыщиков и давал право рассматривать его как неопровержимое свидетельство умышленного сокрытия следов преступления со стороны задержанного. Суд выдал санкцию на арест, и Андрея поместили в следственный изолятор № 2. Сфоткали на память. Этому способствовало подлое стечение обстоятельств. Оказывается, спустя сутки после задержания Андрея в городскую прокуратуру поступило заявление от гражданки Паниной Алевтины Савельевны об исчезновении её дочери Татьяны, работавшей в отделе рекламы газеты “Дейли-спорт”. Девушка ушла на дискотеку и не вернулась домой. По чистой случайности, она забыла дома свой мобильник, в котором оперативники уголовного розыска обнаружили контактный номер Андрея. Он сразу же попал в круг подозреваемых и рассказал следователю прокуратуры, каким образом познакомился с пропавшей без вести Татьяной.

— Шёл дождь, смотрю, девчонка мокнет, взял, подвёз.

— Кончай трепаться, — не поверил ему коренастый крепьши с погонами майора, которому было поручено вести дело. — Классных тёлочек просто так в машину не сажает.

— Говорю, как было.

— Это ты сейчас так говоришь, — ухмыльнулся следователь, не сводя с Андрея изучающего взгляда, — потом запоёшь по-другому. Лучше сразу признайся, что грохнул девку, а труп закопал.

Андрей покачал головой: не было этого.

На следующий день его вновь вызвали на допрос и показали несколько фотографий, на которых был запечатлен труп Татьяны Паниной, найденный в лесном массиве Одинцовского района. Теперь ему предъявляли обвинение в её изнасиловании и убийстве путём удушения.

Андрею стало дурно. Чем тяжелее, несправедливее обвинение, тем труднее на него ответить. То, что произошло, вернее, то, что с ним сотворили, казалось актом какой-то дикой, ужасной по своей циничности пьесы, сюжет которой оставался не подвластен его разуму. Мир его жизни, его спортивной карьеры и семейного счастья рухнул на глазах и превращался в прах. И это при всём при том, что никакой его вины не было.

— А как вы объясните тот факт, что под задним сиденьем вашего автомобиля “BMW” седьмой модели следствием обнаружены два пакета с кокаином, общим весом полтора килограмма, и сто граммов героина? — майор

хищно прищурил глаза, точно собирался выстрелить по движущейся мишени. — Вы перевозили наркотики, употребляли их или являетесь дилером?

Андрей сделал удивлённые глаза. Что он мог ответить? Ничего.

— Это не моё. Я оставлял машину в автосервисе.

— Где, когда? — живо поинтересовался следователь и велел подробно описать свою встречу с владельцем ремонтной мастерской Жулебиным Виктором Степановичем.

Андрей постарался как можно точнее описать свой разговор с “другом детства”.

— Нормально, — прочитав его показания, удовлетворенно хмыкнул следователь. — Есть над чем подумать.

Через полчаса двери камеры с лязгом закрылись за Андреем.

Один и тот же вопрос не давал ему покоя: кто, а главное, зачем вырыл ему яму и заманил его в неё? Жаба? Да, скорее всего, он. Подбросил в “бэху” наркоту. Но с какой целью? Отомстить? За давнюю ли, новую обиду? Вряд ли. А вдруг бы Андрей сам обнаружил наркотики? Нашёл и вытряхнул в помойку, в мусоропровод? Выходит, Жабу попросили это сделать. Кто — неважно. Попросили те, кому он не мог отказать. Был у них на “крючке” или ему заплатили. И те, кто платил и просил, знали, что вскоре Андрея возьмут, арестуют, и он не успеет найти наркоту и спустить её в канализацию. Выходит, все они в одной связке: и Жаба с его наигранной радостью встречи, и мнимая подруга Ивана, заманившая и разыгравшая Андрея, как лоха. Он сразу отнёс предположение, что “актёрка” и “друг детства” Жаба знают о существовании друг друга и объединены тайной заговора. Вероятнее всего, их использовали втёмную. По одиночке. Чтобы в случае чего так же, по одиночке, и убрать. Любой свидетель, как изжога: хочется избавиться.

На следующий день Андрея перевели в знаменитую Бутырскую тюрьму.

— Неподражаемый Циркач? — всплеснул руками долговязый парень в воровских наколках по всему телу. В камере было душно, и он сидел в одних трусах. — Андрей Куренцов?

— С нами в одной камере? — не поверил худорёбный мужик в порванной тельняшке и возбуждённо потёр руки. — Братва, есть повод выпить!

Узнав о том, что Андрей хотел бы позвонить домой, он пошептался с коридорным “дубаком”, и тот за двести пятьдесят рублей дал свой мобильник.

Андрей отослал СМС: “Света, отзовись!” Молчок. Тогда он позвонил матери. Она всхлинула, услышав его голос, но тут же взяла себя в руки и сказала, что Света в больнице: Сонечку вновь поместили в бокс для тяжёлых пациентов.

— Мне сказали, что ты арестован. Тебя подозревают в серии домашних краж и убийстве какой-то девушки... — Ольга Владимировна снова заплакала.

— Не верь ничему, — успокаивающим тоном ответил он ей. — Нанимай адвоката, свяжись с руководством клуба. Это грубая инсценировка.

Ольга Владимировна позвонила Кучеру, чей домашний номер нашла в телефонном справочнике. Николай Николаевич встревожился не на шутку и сразу созвонился с Широглазом. Аркадий Львович не был брезглив в средствах для достижения цели и незамедлительно связался с нужным ему человеком.

— Вытаскивайте Куренцова, — сухо распорядился он, уверенный в том, что в жизни нет такой ситуации, которую нельзя использовать с выгодой для себя, но его командное распоряжение не возымело силы. Кто-то более влиятельный, нежели Аркадий Львович, был заинтересован в том, чтобы “Армада” оказалась обезглавленной: лишилась основного “забивальщика”.

Нанятый Кучером адвокат встретился с Андреем, с его матерью, пообещал всячески содействовать им в ходе предварительного следствия, но уже через два часа сослался на чрезмерную загруженность и срочно убыл в загранкомандировку. Охваченная недобрым предчувствием Ольга Владимировна кинулась в ближайшую юридическую контору и заключила договор с понравившимся ей адвокатом: женщиной лет пятидесяти с ранней сединой в красиво уложенных волосах и сочувственным взглядом.

— Держите меня в курсе событий, — попросила юрист. — Вам могут звонить неизвестные люди, угрожать, запугивать, требовать выкуп, провоцировать на совершение противоправных действий, окончательно запутывая следствие и усугубляя тем самым не только тягостное положение вашего сына, но и ставя под угрозу его выход на свободу.

— Всё так серьёзно?

— Времена такие, — ответила адвокат, не вдаваясь в подробности.

Глава третья

Несмотря на все старания матери и друзей, в выдаче Андрея на поруки было отказано, даже под большой денежный залог.

— Циркач, ты на крючке, — по-свойски сказал Федя-Судак, карманник из Таганрога, когда узнал о злонамеренной “подставе”. — Кабала свиданок обеспечена.

Вскоре Андрей увиделся с матерью. Ольга Владимировна выглядела сильно постаревшей и растерянной.

— Андрюша, — обратилась она с трудным для себя вопросом, — ты ничего от меня не скрываешь? Я должна знать правду.

— Нет, — повторил он твёрдо. — Я никого не грабил и не убивал. И никогда я не сознаюсь в том, чего не совершал...

Андрей попытался ободрить её, улыбнуться, но испугавшись, что улыбка выйдет жалкой и своей неуверенностью заронит в душу матери семя недоверия, буднично сказал:

— Честное слово.

— Ты не наркоман?

— Да что ты, мама! — отмахнулся он. — Если бы я сидел на игле, я уже башку бы рассадил о стену, выклянчивая дозу. Шизел от ломки. — Его смешливый, ласково-бодрый тон сразу успокоил Ольгу Владимировну, и она обрадовано улыбнулась:

— Слава Богу! Всё остальное можно пережить.

Из редких телефонных разговоров со Светой (мобильник ему давал контролёр следственного изолятора) Андрей узнал, что она шокирована и возмущена его дурацким поведением. Так и сказала: дурацким.

— Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай.

Это было похоже на предательство. Ведь знала же она, знала, не могла не понимать, что он совершенно не виновен в том, что произошло, а всё равно упрекала, выговаривала. Словно хотела сказать, что не будь у него этой страсти — футбола, может быть, он был бы куда счастливее. По крайней мере, в браке. И не сидел бы сейчас, как идиот, в тюрьме.

— Ты всё сказала? — спросил он грустно.

— Всё, — ответила Света.

Андрей прислонился к стене. Он не мог понять, откуда взялась её нервозность, её досада на него и чёрствость? Он понимал, что она предана семье, но не ему. И это обижало.

Когда Андрей в первый раз не вышел на игру, журналисты кинулись к тренеру: “Что случилось с Куренцовым? Где он? Запил, загулял?” Их вопросы остались без ответа. Тогда журналисты занялись своим любимым делом: гаданием на кофейной гуще и сочинением баек. Интернет запестрел сообщениями о том, что Куренцова купил Абрамович, но сделка держится в секрете. Как скоро он появится в составе королевского клуба, никто не говорил. Одним словом, до тех пор, пока не выяснилась истинная причина отсутствия Андрея на футбольном поле, журналисты держались определённых рамок приличия, ссылаясь на то, что им было рекомендовано избегать “самодельности” в добывании “жареных фактов” и категорически запретили использовать информацию, добытую из интернета. Заодно посоветовали крайне осторожно комментировать и озвучивать реплики ведущих игроков “Армады”, равно как и её руководство.

По клятвенному уверению редакторов, спортивная пресса “никогда не поощряла бесстыдную ложь” и впредь намерена чинить ей препоны.

Врали, подлецы! Конечно, врали. Как только им стали известны истинные причины исчезновения Андрея, пресса заулюлюкала. “Более невежественного футболиста в истории отечественного спорта ещё не было”, — писала “Футбольная лига”. Вырос среди уголовников. Выкормыш Мариной роши. В своём заявлении о зачислении его в команду мастеров сделал семь ошибок! (Кто бы их считал?) Единственным проблеском в его интеллектуальных пещерах можно считать тот факт, что он научился отвечать на все вопросы одной фразой: “Футбол не балет”.

Все спортивные газеты, все бульварные издания с возмущением и гневом описывали богемную жизнь вора-домушника и законченного наркомана Куренцова, не жалея красок и мрачных тонов. Бульварные газеты Москвы, спортивные еженедельники и телевизионные каналы, не говоря уже об интернете, не замедлили сообщить об аресте “вчерашнего кумира миллионов”, а ныне “убийцы и наркомана” Андрея Куренцова, сочинив сенсационные заголовки. Кричаще-броские и цинично-подлые.

“Оборотень в футболе”. “Звезда на игле”. “Форвард — маньяк”. Заголовки с каждым днём становились крупнее, а статьи — разоблачительней. Ни о какой “презумпции невиновности” речь не шла. Появились даже интервью с бывшими подружками Андрея. Больше всего ему нагадила Дашка. Отомстила. Не смогла простить сделанного им выбора, его скоропалительной любви с первого взгляда. Она назвала три или четыре десятка женских имён, чьи обладательницы якобы пострадали в своё время от сексуальных домогательств Андрея. Охранники ночных клубов и казино, ни разу не видевшие Андрея, кроме как по телевизору, тоже ухитрились “зашибить деньги”, сочиняя байки про его скандалы и драки с посетителями. Оказывается, чуть ли не все работники милиции наряду с инспекторами ГИБДД стойко терпели его “бытовое хамство и страсть к рукоприкладству”. Не счастье сбитых форменных фуражек, не пришить всех сорванных им погон, не утереть всех оплёванных и не отомстить за всех оскорблённых. Как говорится, никто так искусно не изображает жертв насилия, как уличные проститутки. На чужом несчастье многие хотят подзаработать.

Газетчики не оставляли в покое и Светлану, осаждая её во дворе дома или онкологической клиники, где тихо угасала её дочь.

— Какой позор жить с таким мужем! — фальшиво-сочувствующим тоном восклицали тележурналистки и старались показать крупным планом измождённое бессонницей лицо Светланы, в заплаканных глазах которой стоял страх перед людьми.

Воздух вокруг неё, как и вокруг личной жизни Андрея, был пропитан смрадом наживы и откровенной травли. Ату его, ату! Прессинг шёл по всему полю. Вчерашнего кумира втоптывали в грязь.

Андрей на личном горьком опыте узнал, что у толпы любимцев нет, она любит лишь себя саму. Ложь пугает людей честных, но радует всех остальных. Если раньше он думал, что слава — купель блаженства, то теперь он точно знал — это котёл с кипящей смолой.

Андрея вызывали на допросы, сверяли его показания с показаниями лжесвидетелей, якобы видевших, как он уводил свою “жертву” в лес, склоняли к самоговору.

— Раньше сядешь, моложе выйдешь. Сделка со следствием смягчит участь на суде.

Всякий раз, беседуя со следователем, Андрей понимал, что тот расставлял “флажки”, пытаясь затравить его, как волка. Загнать если не в яму, то в капкан, в ловушку.

— Всё против тебя, — сказал следователь при очередном допросе, словно замкнул круг, увешанный красными тряпками. — Готовься к червонцу, как минимум.

— Я стану защищаться, — твёрдо ответил Андрей, поверивший в профессиональную порядочность своего адвоката, заверившего, что его дело в суде непременно развалится.

— Догадываюсь, — ухмыльнулся дознаватель и обнажил клыки. Он словно знал, что у Андрея нет никаких шансов оправдаться в суде. Интрига

была сплетена не им, ему лишь позволили затянуть узел потуже, так, чтобы потом не развязать и не распутать. Даже тогда, когда говорить Андрею стало совершенно нечего, допросы не прекратились. Следователь продолжал “обхаживать” его в прямом и переносном смысле: вставал за спиной и бубнил-зомбировавал.

— Признание облегчит твою участь.

— Мне признаваться не в чем, — отвечал Андрей и умолкал. Его вновь отправляли в камеру.

— Руки назад, плечи вперёд — пошёл!

Следственный изолятор казался многоэтажным многосемейным общежитием с множеством железных дверей, межлестничных пролётов, затянутых панцирной сеткой, неисчислимыми постами надзирателей и бесконечно длинными, тягостно-гулкими коридорами с решётчатыми переборками.

Сначала Андрей считал про себя двери камер, число ступеней, лестниц, перемычек, встречающихся на пути, чувствуя себя не столько заключённым, сколько экскурсантом в хитроумном лабиринте, способном не только запутать, сбить с толку, но и стреножить любого, кто подумает о воле, рванётся на свободу, но потом сбился со счёта. Острота ощущений исчезла. Он теперь чисто механически воспринимал металлические прутья, решётчатые калитки, лязгающие замки. Угрюмые, сваренные из листового железа двери. Словно сам стал железным и трудно поддающимся нажиму. Раньше он и представить не мог, что способен будет жить в таком подлом “режиме”: допросы, очные ставки, показания каких-то тёмных личностей, которых он и в глаза никогда не видел, но те божились, что скупали у Андрея краденое. Вот уж верно: в тюрьме башку проломишь, а правды не найдёшь.

Иногда ему казалось, что “заказ” пошёл от самого хозяина “Армады”, про которого говорили разное, намекая на его патологическую жадность и влюбчивость. А что, как ему приглянулась Светлана? И он решил упрятать его за решётку? Развязав тем самым себе руки? От одной этой мысли Андрею становилось дурно. Он не представлял свою жизнь без Светланы. Но, с другой стороны, увещевал себя Андрей, какой резон владельцу “Армады” лишаться футболиста, который делал игру, делал “кассу” клуба? Андрей — первая скрипка в оркестре виртуозов. Разве ему станут подпиливать струну, чтоб она лопнула в первой четверти концерта? Муть всё это. Глупость несусветная. Заказал его кто-то другой, но вот кто?

Глава четвёртая

За те полгода, что Андрей провёл в следственном изоляторе, с конца июля по январь, он неплохо изучил тюремный быт и нравы заключённых. Незадолго до окончания следствия его перевели в другую камеру, повыше этажом и чуточкой просторней, где сидели “серьёзные люди”. Лёха-гопник, мужик лет сорока с воровскими “перстнями” на пальцах, деловито спросил.

— По какой статье?

— Грабёж, убийство.

— Лихо, — с ноткой сожаления в голосе произнёс блатной.

Андрей хотел сказать, что никого он не грабил и не убивал, что его подставили, но потом решил, что много говорить — себя не уважать, и промчал. Не успел он разложить свои вещи, как его повели на допрос. Он привычно заложил руки за спину и демонстративно ссутулился: готов идти и выполнять приказания “вперёд”, “лицом к стене”, “короче шаг”.

Корпусной надзиратель повёл его вниз по боковой лестнице. Знакомый дознаватель на этот раз был чрезвычайно корректен.

— Андрей Юрьевич, — обратился он к нему вполне официально, — я уполномочен заявить, что обвинение вас в убийстве гражданки Паниной Т. В. на сегодняшний день не актуально.

— Поймали настоящего маньяка?

— Будем считать, что так, — сухо ответил майор, хотя обычно приходил в штатском костюме. — Истинным убийцей оказался бывший одноклассник жертвы, который видел, как она вышла из вашей машины возле станции

метро “Новослободская”, обезумел от ревности, пригласил её на прогулку в лес, надругался над девушкой и задушил её. Он сам во всём сознался, изложил письменно, перед тем как покончить с собой. Так что радуйся, что сам её не тронул, — неожиданно перешёл он на “ты” и глумливо хмыкнул. — Сейчас бы на тебя повесили все изнасилования в районе за последние пять лет. Проходил бы по делу как серийный маньяк. Тема модная.

Андрей даже вперёд подался, ловя каждое слово следователя, веря ему и не веря.

— Меня освободят из-под стражи?

Тот понял его радостное ожидание и постарался его погасить.

— Этого не будет. Просто переведут в другую камеру и выдадут на руки все документы, на которые ссылаются во время судебного процесса сто-роны или суд.

Лицо Андрея потускнело. Его мечта попасть домой была раздавлена официальным отказом. Больше всего обрадовался новости адвокат.

— Самое страшное обвинение с вас снято! Спокойно дожидайтесь суда и не поддавайтесь унынию. Всё будет хорошо.

Но то, что сообщила Ольга Владимировна, не шло ни в какое сравнение со всеми его злоключениями.

— В четыре часа ночи умерла Сонечка.

— Как умерла?

В комнате свиданий было холодно, и нервная дрожь, прохватившая Андрея ознобом, заставила зажать ладони меж коленей. Он отказывался что-либо понимать. Сознание не воспринимало информацию.

Ольга Владимировна поднесла к лицу платок. Меньше всего она хотела расстраивать сына, но обязана была сказать ему всю правду.

— Крепись, сыночек.

У Андрея в глазах потемнело. Он не хотел верить, но верить приходилось. Эту страшную весть принесла ему мать. Значит, всё так и есть. У него больше нет его “манюночки”. Она была слишком маленькой, слишком хрупкой для такого невыносимо-тяжкого заболевания, как рак крови. То, о чём он боялся подумать, свершилось. Сердце сжалось так, что потекли слёзы. Ему впервые стало дурно. Он старался быть хорошим мужем, любящим отцом, но что-то у него не получалось. Ещё вчера он готов был пережить и вытерпеть любую боль, всякую несправедливость, лишь бы Сонечка выздоровела, а теперь, теперь... Жизнь теряла всякий смысл, представлялась издёвкой. Теперь он точно знал, что после смерти дочери ничто не потрясёт его и не заставит лезть на стену. Пик волнений пережит. Впереди — пустыня.

По ночам из его глаз текли слёзы, и он ничего не мог с ними поделать. Он явственно слышал голос дочери, она звала его: “Па-па!”

Через несколько дней Андрею объявили, что завтра повезут на суд.

— Кость ей в глотку, этой суке с погонялом “Москва”! — злобно выругался Лёха-гопник, много чего повидавший в своей жизни. — Чего можно ожидать от продажных судей?

Несмотря на то, что Андрей не признал своей вины и в своём заключительном слове просил не лишать его свободы, суд определил: “Приговорить гражданина Куренцова А. Ю. (по совокупности преступлений) на пять лет без поражения в правах с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом учреждении общего режима”.

Глава пятая

После ужина Андрея забрали на этап, обыскали под привычные команды: “Присядь, нагнись, раздвинь ягодицы”, — сводили в баню, велели одеться и закрыли на первом этаже — дожидаться тюремного транспорта. Опытные зеки забились в углы, присели на корточки. Многие из них закурили.

В двенадцатом часу этапникам вручили по буханке чёрного хлеба и вывели во двор, где уже стояли “автозаки”. На капоте одной из машин грелся чёрный кот.

— Во, лимон архангельский! — хлопнул себя по штанам гнилозубый зек. — Устроился.

Кто-то засмеялся. Начальник конвоя, брюхатый капитан с разгорячённо-красным, мясистым лицом, выстроил заключённых в две шеренги, произвёл переключку, насчитал двадцать шесть гавриков, сверился со списком, и конвоиры, образовав коридор, стали настороженно следить за погрузкой. Их указательные пальцы легли на спусковые скобы автоматов. Под угрожающий рык овчарок и лающий приказ: “Следующий — пошёл!” — Андрей нырнул в холодное нутро заплёванного “воронка”.

— Не переживай, — сказал Андрею гнилозубый зек, когда их выгрузили на вокзале. — Зима-лето, зима-лето, и два года в бюллетень.

В зарешённом вагоне для перевозки осуждённых они снова оказались рядом. Андрей потеснился и стал смотреть в окно. Ему до горловой спазмы, до внутреннего всхлипа захотелось увидеть родные лица: матери, Светы, лица друзей, но взгляд упирался в стены вокзальных строений, в груды почерневших шпал и потерянно скользил по мёрзлым лужам. Вдоль перрона змеилась позёмка. Санитары торопливым шагом пронесли какой-то ящик.

— Для “жмуров”, — пояснил сосед, тоже засмотревшийся в окно. — Кто-то дуба врезал, — добавил он радостным тоном, словно откровенно позавидовал покойнику, сумевшему скотить срок лишения свободы и “откинуться от хозяина” с пометкой: “За примерное поведение”. Казалось, что в груди у гнилозубого соседа дырка: дышал он со свистом. В горле булькало.

Андрей вздохнул. Не далее, как полгода назад, солнечным, жарким июлем он возвращался после игры и ликовал — у него было всё: любимая жена, ребёнок, деньги. Много денег. Громкая слава, верные друзья. Ничто не могло поколебать его убеждённости в том, что он “застолбил” счастливую жизнь на много лет вперёд и собирался показать на предстоящем чемпионате мира, как намывают золотишко в пределах футбольного поля. Не зарываясь в землю с головой. И его ничуть не обижала насмешка Светланы: “Дурак думкой богатеет”. Он знал, он был уверен: всё будет хорошо, ведь чем крупнее замысел, привлекательней мечта, тем безразличнее чьё-то мнение. А на деле вышло так, что выхватили его из жизни, выдернули! Так проворно и нагло выхватывают мобильники из рук полусонных пассажиров в метро или ключи из машины, если стекла опущены. На деле выходило, что успеху успеху рознь. Одному успех несёт благополучие, а другому — лишения; для одного он, как медвежья шуба на морозе, для другого — дырявый зонтик в ливень, когда гремит гроза и лупит град величиной с куриное яйцо.

Вагон дёрнулся и медленно покотился по рельсам. В голове Андрея крутилась чья-то строчка: “Уезжая от тебя, остаюсь с тобою”. Он, не переставая, думал о Светлане.

— Чуваки! — раздался чей-то балаганный голос. — А здесь кайфово, как на дискотеке.

Его “прикол” остался без ответа. Опытный зек тем и отличается от новичка, что всё видит и всё слышит, но делает вид, что ничего не видит и не слышит, как усопший глухонемой слепец. Меньше знаешь, крепче спишь.

Андрей смотрел в окно, провожал глазами панельные пятиэтажки и кирпичные “высотки”. За тонкими щелявыми шторами, плотными занавесями и тяжёлыми гардинами светились лампы кухонь, спален и уютных семейных гостиных. Убегали вдаль уличные фонари, собирались в цепочку огни автомобилей, заполонивших шоссе. Кто-то отмечал домашний праздник, кто-то спал, сидя перед телевизором, или курил на балконе, бездумно глядя на проходящий мимо почтово-багажный поезд, в котором было несколько вагонов с зарешёнными окнами. В одном из них смутно отражалось лицо Андрея, притиснутого к стеклу мрачными, прокуренными зеками.

Мысли о доме, о своей семейной жизни возвращали его в прошлое, рисовали будничные сцены, как приятные, так и не очень, напоминали сердцу о забытых днях с чередой удач и разочарований, грусти и восторга. Если и была вина Андрея, так только в том, что он имел прямое отношение к футбольному клубу “Армада”, принадлежал ему на правах собственности и уже из-за одного этого был ненавидим теми, кто стремился уничтожить конкурента

любимым способом. Да, Андрей был успешен, необыкновенно удачлив, ему откровенно завидовали. Да и как не завидовать, когда жена — красавица, и он — везунчик, фаворит, и дочь — чудный ребёнок, просто ангелочек — нет, так не бывает! Жизнь не любит сказок. Аккорды свадебного марша не громче похоронного, не громче. И, словно в подтверждение этих горстных мыслей, колеса почтово-багажного неистово загрохотали — поезд втянулся на мост.

“Теперь, — с непроходящей болью в сердце подумал Андрей, — я всегда вынужден буду говорить, что моя первая дочь умерла, и умерла тогда, когда я чалился в Бутырке”.

Он даже не заметил, что изъясняет свои мысли на воровском жаргоне.

Через два часа почтово-багажный прибыл во Владимир, где этап разместили в “пересылке”. Здесь, как и в любой тюрьме, одно и то же. Снова “шмон”, дежурные команды: “Присядь. Стань раком. Одевайся”. Вечером Андрея вместе с двумя заключёнными отправили в Ростов. Гнилозубый пожелал ему скорейшего освобождения и наставительно сказал:

— Держись особняком, и всё будет ништяк. Одиночек не терпят, но их уважают. Запомни. Такие парни, как ты, при дороге не растут. Курень — это, считай, твоя фамилия, а Циркач — народное звание.

Он хрипло рассмеялся, в груди у него засипело, а у Андрея потеплело на душе. Мир не без добрых людей.

После ростовского “белого лебедя” его ждала пятигорская “крытка” и зона — лагерная жизнь. Собаки рвались с поводков, конвоиры передёргивали затворы “АКМов”. Звучал триумфальный аккорд славы.

Глава шестая

Находясь в карантине, Андрей дважды назначался дневальным и убирал территорию “санпропускника”: выгребал мусор из “общаги” и драил полы. “Блатные” чурались подобной работы, оставляли её “мужикам” и “бакланам” — всем тем, кто получил свой срок за бытовые преступления и мелкое хулиганство. Через неделю его вместе с остальными новичками согнали в тесную комнату лагерной администрации, где заседала комиссия по распределению этапа. Возглавлял комиссию начальник колонии: дородный подполковник с рыжеватыми усами — “хозяин” зоны. Шмелёв. По всей видимости, он уже знал, что в новой группе заключённых есть редкая птица, и, перебрав пачку личных дел, вызвал Андрея.

— Осужденный Куренцов. Встать!

Андрей поднялся раньше, чем прозвучала команда, и смело посмотрел в его настырные глаза.

— Чему обучен?

Вопрос прозвучал издевательски. В самом деле, а что Андрей умеет делать, кроме как бить по мячу? Раньше он гордился выбранной “профессией”, делал всё, чтобы стать лучшим, первым, единственным и незаменимым, достойным похвал и удивления, а теперь выходило так, что и сказать нечего. Он чмо болотное, обсевок лагерный.

— Машину водить, — после короткого замешательства вспомнил Андрей и устыдился тому, что впервые в жизни изменил футболу, публично отрёкся от единственной неистребимой страсти. “Машину водить” сказал он так, словно внезапно охладел к футболу, разглядел его невидимые раньше недостатки или почувствовал влечение к чему-то более надёжному и совершенному.

— Машину, — почти нараспев протянул подполковник и, побарабанив пальцами по столу, недобро ухмыльнулся. — Будет тебе машина: “лэбэче” называется. — Видя, что Андрей его не понимает, разъяснил. — Лошадь, бочка и черпак. По-нашенскому: говновозка. Устраивает?

Андрей помотал головой:

— Для этого другие люди есть.

— Запахло? — окрысился капитан, оказавшийся начальником режимной части.

— Нисколько. Просто при моей “физике”, — Андрей расправил плечи, обращая внимание комиссии на своё могучее телосложение, — занимать место лагерного доходяги безответственно.

— Похвально, — криво усмехнулся майор с воспалёнными веками, всем своим видом показывая, что ничего похвального в отказе осуждённого Куренцова нет и быть не может.

Начальник колонии повернулся к седовласому соседу, сидевшему от него по правую руку:

— Валентин Евгеньевич, тебе на производстве работники нужны?

Тот обрадовался:

— Очень! — и ободряюще посмотрел на Андрея. — Устал я от блатных сачков. План давать некому.

— Ладно, — словно соглашаясь с его доводом, прихлопнул по столу ладонью начальник колонии и велел записать: “Осуждённого Куренцова поместить в третий отряд, испытать на лояльность и отправить на кирпичный завод”. “Испытать на лояльность” — это посадить на говновозку.

Андрей стиснул зубы и сел. Для себя он уже решил, что тяжёлый труд — это нормально, а ЛБЧ — прямое издевательство.

Он не знал, да и догадаться не мог, что в его личном деле, прошитом суровой нитью и скреплённом миноустовской печатью, имелась прокурорская приписка, гласившая о том, что “в связи с нераскрытостью особо опасного преступления считать впервые осуждённого Куренцова А. Ю склонным к побегу и подлежащим оперативной разработке”.

Обустроившись в спальном корпусе, Андрей обречённо мотнул головой и, чтобы не наложить на себя руки, вышел на улицу. Ничего отрадного для себя он там не нашёл. Унылый колючий забор, вышки с часовыми, чёрный дым, валивший из трубы котельной, сажка на истоптанном снегу. Февраль, ранние сумерки, тоска.

Глава седьмая

После “проверки на прочность” Андрей попал на кирпичный завод. Возили туда на хлипких, истрёпанных автозаках, чьё место давно было на свалке областной базы вторчермета, среди ржавого металлолома.

Андрея приставили к тачке — возить кирпич. Как сырец, так и “обжиг”. К концу смены руки от усталости становились неподъёмными, а ноги подгибались. Может, ему и легче было бы втягиваться в каторжно-тяжкий ритм налаженного производства, если бы не письмо матери, в котором она сообщила, что Светлана подала на развод, и суд сразу пошёл ей навстречу. Андрей ещё раз перечитал письмо и рухнул на кровать. Удар исподтишка всегда больнее.

Тысячу не тысячу, но добрую сотню ночей он не мог уснуть из-за горя и обиды, из-за ухода Светланы, из-за смерти дочери. Из-за всего того, что с ним произошло. Поверить в то, что Светлана покинула его и больше никогда не вернётся, было выше его сил. Даже справка о разводе, полученная им по почте, казалась нереальной. Он впервые — всерьёз! — осознал, что планировать что-либо в жизни бессмысленно. Ревность? Её почти не было. Накрыла волной, притопила, протащила по донным камням одиночества, ссадила сердце и выбросила на сушу — на лагерную “шконку”. И теперь, в обнимку с казённой подушкой, под гнётом судьбы, наедине с чувством утраты и жуткой опустошённости он вспоминал, как хотел видеть Светлану своей женой и как был счастлив, вынося её на руках из загса.

Андрей ворочался в постели, не знал, куда деть натруженные руки, как удобнее положить, чтобы они не болели, и думал, думал о том времени, когда они со Светланой были по-настоящему счастливы, когда ключ их семейного счастья держала в своих маленьких руках Сонечка. Её не стало, и пропало счастье. Ключ канул в пустоту, в провал минувшего.

Сознание того, что судьба жестоко посмеялась над ним, что жизнь пошла по ненастно-вязкой, чужой колее, всё больше и больше угнетало его, захлёстывало мукой безысходности, которая омрачала душу и не обещала для

него в будущем ничего путного. Он понимал, что, упрятанному за решётку на долгие годы, обречённому на тяжкий подневольный труд и полугодное существование, резко подрывавшие его здоровье, ему трудно будет наверстать упущенное. Спортсмены, утратившие навык игры, никого не интересовали. Мир жесток и практичен донельзя. Раньше Андрей чувствовал себя неотделимой частицей своей команды, а теперь ему казалось, что он пыль на ветру. Со всеми присущими ей качествами. И тогда он впал в оцепенение. Всё становилось безразличным. План “выживания”, составленный им для самого себя, казался наивным, а жизнь представлялась пустой и никому не нужной. В такие минуты даже письма матери, которые Андрей любил перечитывать, уносясь мысленно в Москву, в своё детство и юность, хотелось срести в один ком и непременно сжечь. Если у него ничего нет, кроме душевной боли, то пусть ничего и не будет. Он был вне игры, а значит, вне жизни. Чистый офсайд и аут. В своей арестантской робе он вынужден был чувствовать себя изгоем, парией, тюремным узником, отверженным благополучным обществом, униженным теми не известными ему людьми, которые считали себя особенными, не похожими на других и, прежде всего, на таких, как он, Андрей Куренцов — человек с непонятной профессией бывшего игрока в футбольном клубе.

Глава восьмая

Как только мартовское солнце согнало снег с пригорков, начальник третьего отряда старший лейтенант Николай Рябых с готовностью взялся помогать Андрею в организации лагерного чемпионата по футболу после того, как он дал согласие возглавить спортивно-массовый сектор колонии и приступил к тренировкам. Когда Андрей впервые за долгое время ударил по мячу, сердце сразу отмякло, как в тот день, когда Андрея первый раз повели на свидание с матерью. Ему тогда казалось, что за этой встречей непременно последует его освобождение. Вот такое наивно-глупое, чисто детское, с годами позабытое чувство радости и защищённости охватило его в тот момент: мама рядом — беда за порогом. И он как бы очнулся от болезненного забвения. “Стоп, — сказал он себе, — а разве меня не учили правильно падать, чтоб кости не переломать, внутренности не отбить? Разве не учили тотчас подниматься и вступать в игру, если руки-ноги целы? Учили? Вот и действуй!” На него накатила такая волна воодушевления, как будто его просьба о пересмотре судебного решения не только учтена, но и принесла освобождение.

Участники предстоящего турнира покрасили футбольные ворота, привязали к ним сетки и с удовольствием дурили по мячу, совсем не опасаясь, что тот улетит в “запретку”. Зек дуркует — все балдеют. И это понятно: будь жизнь радостней, люди меньше бы хохмили.

Мать писала, что здоровье её пошатнулось: стали беспокоить боли в сердце и головокружения. Пожаловалась она и на то, что Светлана уже не общается с ней. Попытки наладить отношения после развода, хотя бы в память Сонечки, не увенчались успехом. Сама Света ни разу не позвонила, не поинтересовалась, как она живёт, что слышно от Андрея?

Он горько усмехнулся и утвердился в мысли, что любовь слепа, а судьба пристрастна. Трудно пережить одиночество, и всё-таки его переживают. Но для чего? Чтоб вновь играть в футбол?

Летний тур российского чемпионата “Армада” открывала в Казани. Об этом Андрей случайно услышал от библиотекаря, когда возвращал ему “Красное колесо” Солженицына. Сердце дрогнуло, душа рванулась, но Андрей вернул её на место. Цыть и нишени! Никаких фантазий. Наигрался. Он чувствовал, что свисток судьбы на поле отныне будет восприниматься им, как окрик надзирателя в тюрьме: “Лицом к стене”! Жёлтая карточка напомнит приказ: “Руки за спину”, а красная — команду при шмоне: “Раздвинь ягодицы”. Да и само футбольное поле будет представляться узкой тюремной камерой со сводчатым потолком, тусклой лампочкой в железной обрешётке и грязным унитазом в заплёванном углу.

В выходные дни Андрей натаскивал сборные команды зональных отрядов. Им даже названия придумали. Команда восьмого отряда стала именоваться “Багирой”, пятого — “Ястребом”, а команда третьего отряда получила гордое название “Прогресс”.

Николай Рябых с радостью сообщал, что в лагерную библиотеку зачастили зеки. Всем хотелось взять старую подшивку “Спортивных новостей” и лично убедиться, что лучший нападающий Европы, капитан сборной России по футболу чалится вместе с ними на “зоне”. Убедившись, что Циркач из третьего отряда в самом деле похож на фотографию в газете: “В натуре он! Ты чо, козёл, не понял?” — многие блатные стали первыми здороваться с Андреем за руку, а “зачуханные” приветливо кивали, держась особняком, в сторонке.

Тренируя каждую команду в отдельности и знакомясь с их составом, Андрей неожиданно узнал, что в девятом отряде отбывал наказание за пьяную драку его сверстник, двадцатилетний полузащитник из ставропольского “Сенгилея” — ловкий, быстрый, заводной Никита Бичурин, а на место левого крайнего в команде первого отряда заступил хоккеист из псковской “Шелони”. Он сам признался, что сел за решётку по собственной глупости: провёл из Голландии в Россию новомодную косметику, представлявшую собой хитрую смесь героина и легко растворимого в спирте безвредного геля. Типичная подстава. Андрей сразу вспомнил Жабу, предлагавшего ему по дружбе стать нелегальным курьером.

Второго июня, в субботу состоялись первые матчи на первенство зоны. Судейство на себя взял заместитель начальника колонии по режиму капитан Уткин, заядлый болельщик и знаток футбольных правил. Для администрации колонии и почётных гостей соорудили трёхступенчатую трибуну, сколотив её из отходов местной мебельной фабрики.

Колонийское кабельное телевидение регулярно транслировало прямые репортажи захватывающих поединков. Равнодушных не было. А тут ещё по центральному телеканалу “Спорт” транслировали повтор финального матча прошлогоднего первенства Европы. Когда Андрей забил свой решающий гол, зеки прыгали до потолка. Знай наших! Андрей устал пожимать руки. Но вот на вопрос, сколько матчей он провёл в составе сборной, не ответил. Мучительно вспоминал, но так и не вспомнил.

В первой же встрече с “Багирой” — командой восьмого отряда — Андрей получил жесточайший удар по ногам. Соперники явно приветствовали индивидуальный террор, забыв о принятом парламентом законе “Об экстремизме”. Нервы дымили. Каждый тянул на себя лоскутное одеяло удачи.

Не менее агрессивной оказалась и команда пятого отряда, вышедшая на игру в футболках с изображением хищного ястреба, нанесённым с помощью трафарета и строительными белил. Они сразу дали ощутить, что это не газон чемпионата, а поле Куликово. Не хватало только убиенных.

— Ну, ты, облизана! — ударил по руке наглого защитника “ястребов” разгорячённый игрок третьего отряда. — Зачуханю.

Это называется — сказал без всякого намёка. А что делать? Без прессинга игру не переломишь. Андрей потёр ушибленную ногу, захромал и усмехнулся: раньше он играл против титулованных соперников, а теперь играет против татуированных. Игра в неволе была ему скучна. Радости не доставляла. Тягостно было бегать за мячом, тягостно кому-то отдавать, финтить, ловчить, стремиться забить гол. Он устал не от грубой игры, а оттого, что не давал себе играть в полную силу.

После того, как команда третьего отряда, возглавляемая старшим лейтенантом Николаем Рябых, завоевала первенство, “пахан” зоны первым пожал Андрею руку, возвысив тем самым его в своём мнении. Вместо приза команде вручили двухведёрную “отпидорасенную” до зеркального блеска кастрюлю, наполненную апельсинами, и устроили праздничный ужин. На столах появилось жаркое из свинины с овощами, выращенными лагерными огородниками, литровые бутылки с квасом — одна на двоих — и настоящий именинный торт, украшенный кремовыми купидонами, пинающими шоколадно-ореховый мяч величиной с двухпудовую гиру. Сводный зональный оркестр исполнил в честь

призёров “День Победы”, а затем, раздухарившись, музыканты сбацили шансон:

*Вы говорили мне — все люди сволочи,
А я не верила — любила вас...*

В областной газете “Губернский вестник” появилась восторженная статья о проведённом в колонии первенстве по футболу “среди тех, кто остушился”. В числе организаторов, принявших самое деятельное участие в подготовке соревнований и спортсменов, значилось много фамилий, кроме звонкого имени Андрея Куренцова...

Эпилог

— Как ты там, сыночек?

— Всё нормально, мам! — бодро ответил Андрей, прижимая к уху мобильный телефон. — Меня расконвоировали, перевели в другой отряд.

Спустя три года после его заключения под стражу в теленовостях мельком сообщили о разбившемся на Алтае вертолёте с двумя членами правительства и одним олигархом, вылетевшими на охоту в горный район. Следственная комиссия установила, что падение вертолёта произошло из-за внезапной остановки двигателя. Фамилии погибших не сообщались, но буквально на следующий день после трагедии начальник колонии подполковник Шмелёв вызвал Андрея к себе и официально сообщил, что включил его в список заключённых, подлежащих досрочному освобождению.

— Сделал бы это раньше, да не мог, — сказал он доверительно. — Начальство противилось.

Услышав эту новость, Андрей долго не мог прийти в себя от охватившей его радости. Наконец-то! Ему не верилось, что большую часть срока он уже отбыл, что, возможно, в марте или же в апреле он покинет зону, выйдет за её ворота и вдохнёт воздух свободы. Скорей бы. Он уже рвался на волю, как раньше — к воротам противника: азартно, безоглядно. А дни, словно в насмешку, тянулись убийственно медленно. Чтобы хоть как-то ускорить их бег, он стал чаще звонить Ивану, который сообщил, что дал согласие играть за “Армаду” в новом сезоне, предварительно договорившись с Ефимом, что тот тоже вернётся в родную команду, как только истечёт срок его японского контракта.

О том, что Андрею надо зайти в спецчасть, получить справку об освобождении и готовиться на выход с вещами, первым известил Николай Рябых.

— Подпишешь обходной лист, переоденешься и дуи на КПП.

Задержавшись на крыльце административного здания, Андрей глубоко вдохнул весенний воздух, сдвинул на затылок чёрную шапку-ушанку и ещё раз перечитал справку об освобождении со своей фотографией, приклеенной в верхнем углу. Стриженный “под ноль”, с глубоко запавшими глазами, он показался себе старым и угрюмо-непохожим. “Чмо болотное!” — выругался он, глядя на своё изображение, и аккуратно спрятал самый важный в его жизни документ во внутренний карман зоновского “лепёга” — бушлата.

Сдав постельное бельё, Андрей ещё раз проверил содержимое своей лагерной тумбочки, выгреб из неё ненужный хлам, оставил соседу пачку конвертов, две тетради в клетку, десяток авторучек и лишний тюбик зубной пасты. Ему хотелось как можно скорее покинуть спальный корпус с его междурядьем кроватей, тумбочек на двоих и спёртым запахом неволи. Когда-то его уперли за решётку, а теперь великодушно выпустили — освободили досрочно. Уж не новую ли каверзу готова в предстоящей жизни? Он пережил любовь, перенёс горе, изведал вероломство. Справился с тяжёлым грузом одиночества на людях. И теперь ему хотелось обо всем забыть, покинуть колонийскую “общагу” как можно скорее, и всё же он медлил, понимая, что часть его жизни, его молодости протекла именно здесь, где столько передумано зимними холодными и бесконечно душными июльскими ночами.

— Вали, Циркач, не трави душу! — грубовато напутствовал его дневальный, и через десять минут Андрей получил традиционный пинок под зад

дежурного на КПП — чтоб “летел, гундел и не оглядывался”! Не возвращался больше в “зону” никогда.

Андрей прикрыл за собой дверь, передавшую руке тяжесть листового металла, и поправил на плече сумку с вещами. Ну, вот! Он на воле. На воле... С ума сойти можно! Как будто не было ареста, следственной камеры, суда, лагерных “шмонов” и лая овчарок, не было ничего, к чему он вроде бы привык и что его гнетуще донимало. Колония, в которой его содержали как взятого преступника, где ему довелось узнать превратности и ухищрения лагерной жизни, — это не что иное, как миф, кошмарный сон, густой туман весеннего рассвета. Взошло солнце, и мир озарился, вновь обрёл своё величие. Может, “зона” где-то и существовала, но только не в судьбе Андрея. Да её никогда и не было, этой самой “зоны”, если смотреть вперёд, на ряд столбов, стоящих вдоль дороги, на синий лес вдали и облака над ним.

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

И ВЕЧНОЙ БЫВАЕТ РАЗЛУКА...

* * *

Он летнею ночью уснул навсегда,
Бессонница где-то отстала...
Я видел, как в небе погасла звезда,
Упав на его одеяло.

И минуло лето, и клин в облака,
Навечно с землёю в разлуке,
Поднялся...

Я видел крыла вожака,
Я знал эти сильные руки.

Когда в колеях заблестел гололёд,
И вьюги ложились на плечи,
Мне ведомо было, что он не придёт
Ко мне обогреться под вечер.

А ранней весной накрыло леса
Прибоем цветов-первоцветов.
Я в них отыскивал голубые глаза,
Прощенья просил и ответа.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор двенадцати поэтических книг. Член Союза писателей России, лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры и многих литературных премий. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ. Главный редактор альманаха "День поэзии — XXI век". Живёт в Москве и в Рузе.

Но мне не ответило небо, за что
Случилась отцовская мука,
И смертным бывает любви колдовство,
И вечной бывает разлука.

АВГУСТ 2017

Задумчиво листаю свод страниц
Своей судьбы

и, несомненно, вправе

Воскликнуть:

“Заповедный август — AVE!

Я ждал твоё мерцание зарниц
Из чёрных туч, парящих так весомо
Над линией лесного окоёма
В молчании к земле припавших птиц”.

Пусть голос грома, накалён и груб,
Рой ласточек спугнёт, чтоб те — над нами
Поднялись в небо, в суете и гаме.
Им вслед шепну, не разжимая губ:
“Родства не обрывая пуповину,
Мою молитву донесите сыну
И горький запах георгинов с клумб...”

Осенним одиночеством звенит
Хрустальный воздух,

и не может Руза

Стать Летой для вины отцовской груза,
С которым мне не улететь в зенит,
К тебе, мой мальчик, — журавлёнок в стае,
Которая крылами, как крестами,
Нас, грешных, напоследок осенит.

Гармония души — навек; прости,
Заложница судьбы поэта в споре,
Где на кону стоят печаль и горе,
И радость слов, которых донести
Не доведётся — людям в книг конверте,
Скрывающем забвенье и бессмертье,
Как персть земли, зажатую в горсти.

21 ДЕКАБРЯ /Полугодины/

Да лягут снега на обитель твою,
На новую,

с бабушкой рядом!

С седой головою в молчанье стою
Под жёстким седым снегопадом.

И купол церквушки, и абрис креста
Покрыла ворон плащаница.
За дальней оградой стучат поезда,
Погост огибает столица.

Ваганьково,

снеги

да камень-гранит,

Да тень прапрадедова стяга.
Пусть небо твой путь одинокий хранит
В туманности млечной, бродяга.

Я помню в ладони ручонку твою,
И кеды, спешащие рядом...
Немного осталось... Но я достою
Под нашим с тобой снегопадом!

СНЕГИРИНАЯ ПАНИХИДА

И падает снег, и, отбившись от рук,
В угрюмое, зябкое небо
Летит запоздалая стая на юг,
Где зрелищ хватает и хлеба.

Как выбранный невод, скукожилась ширь.
Повыползли Божие страхи...
А я остаюсь, как российский снегирь,
В кровавой отцовской рубахе,

Которую сын мой примерить успел.
Земля ему — прахом и пухом.
Я б песню ему средь трилистников спел,
Овеянных Троицы духом.

Он в жаркую пору июня унёс
Отцовское сердце в ладони.
И только с утра пробудился мой пёс,
Призвав к бесполезной погоне.

И что остаётся? Читать Псалтири
На жизнь возведённой плахе?
И клювом в окошко стучат снегири
В отцовской горючей рубахе!

У ИСТОКОВ РУЗЫ

Истоки реки Рузы лежат на Московской воз-
вышенности...

Истоки реки Иордан лежат у горы Хермон...
ранее принадлежавшей Сирии...

Материалы Википедии

Я хочу попросить прощения
Перед вами, мои стихи
Нерождённые...
Пусть Крещение
Грех омоет волной реки.

Да не будут они обузою,
До земли не оттянут плеч...
Над моею застывшей Рузою
Засвистела снегов картечь!

Пусть стихи остаются в заводи,
Щукой спрячутся в глубину.
А когда потеплеет — в паводье,
Как Ковчег, подплывут к окну.

Но пока у моей оконницы
Табунятся Крещенья сны.
Не прорвать им заплот бессонницы
Скоком святочной старины!

Так, глядишь, и замёрзнут, сырые,
Как в заволжских степях Орда...
Ведь Россия теплом — не Сирия,
Да и Руза — не Иордан,

Чьи истоки — в библейской местности,
У подножья высоких гор...
У России — свои окрестности,
У России — свой разговор.

Хоть над Сирией — небо синее,
Над Россией — ещё синей.
“Иордани” в морозном инее,
Грай вороний да скрип саней.

И под утро к Крещенской проруби
В час урочный, в урочный срок
Снегири слетят, а не голуби,
Как Предтечи грядущих строк!

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

“МОЛОДОЙ И НЕПОСЛУШНЫЙ...”

Поэзия Бориса Корнилова

Бориса Корнилова расстреляли в 30. В феврале исполняется 80 лет со дня его гибели. По нынешним меркам и обстоятельствам ему бы до 35-ти ходить в молодых поэтах.

Конечно, он не успел раскрыться полностью. Хотя лучшие стихи – “Соловьяха”, “Открытие лета”, “Вечер”, “Качка на Каспийском море” – свидетельство огромного дарования. Но что сказать о многочисленных стихах, написанных на “заданную тему”, восславлявших борьбу с кулачеством? “Семейный совет”, “Убийца”, “Сыновья своего отца” – натужные агитки, автор, похоже, не считал нужным работать над ними. Даже классово подкованные критики, которые должны были бы оценить пропагандистский эффект, отзывались о них уничтожающе: “Торопливейшая и безграмотная мазня”.

Нелёгкая задача – дать общую оценку столь разнородной поэзии. Массивный пласт дурных стихов нависает над ней, создаёт густую тень, мешая по достоинству оценить творчество одного из лучших поэтов 30-х годов. Наверное, поэтому оно до сих пор недостаточно глубоко исследовано и осмыслено.

Я зачитывался “Соловьяхой” в юности. Но, профессионально занявшись литературой 30-х, много лет не решался написать о Корнилове. Пока не нашёл ключевое слово, выговаривающее, на мой взгляд, суть его поэзии.

Молодость.

Не только возраст. Прежде всего – ощущение мира:

*Я ошалел от гама, свиста
и песни, рвущейся к окну, —
рубашу тонкого батиста
сегодня я не застегну.*

*Весь в летнем, словно в паутинах,
туда, где ветер над рекой, —*

КАЗИНЦЕВ Александр Иванович родился в 1953 году в Москве. Поэт, критик, публицист. Окончил факультет журналистики МГУ и Аспирантуру при МГУ. Автор 7 книг и около 200 статей в ведущих газетах и журналах, а также двух десятков поэтических публикаций. Лауреат Большой литературной премии, премии “Прохоровское поле”, премии им. Н. Гумилёва и Б. Корнилова. 37 лет работает в журнале “Наш современник”. Живёт в Москве.

*я парусиновый ботинок
шнурю быстрою рукой, —
туда, где зеленеет заросль,
где полводы срезает парус,
где две беды,
как полбеды,
где лето кинулось в сады...*

“Открытие лета”. 1934 год. Слово “молодость” не произнесено, но каждая деталь, поразительное телесное ощущение лёгкости, ветра, летнего кипения зелени и большой воды, динамика победительных слов — полногласно свидетельствуют о молодости.

А слова? Да их сколько угодно: молодость, молодой, молодая. Как пузырьки шампанского, они пронизывают стихи Корнилова. “Молодая моя голова” — 1927 год, раннее стихотворение, бесхитростно названное “В нашей волости”. А это на пять лет позднее: “Молодому сердцу моему”. Голос сына: “Только голос вечером услышал, // молодой, весёлый, золотой” (1935). И девушка поэта, понятно: “Хороша, молода, весела” (1933).

А вот коллективный портрет — “Поколение Октября” (1935): “Я речь о тех сегодня поведу, // кто молодостью славною украшен”. Моментальный снимок. А вот ещё:

*Я своему большому поколенью
большое предпочтенье отдаю.
Прекрасные,
тяжёлые ребята...*

Они и в работе ударники (“Они на промыслах Биби-Эйбата, // и на пучине Каспия они”). Они и песни поют, разумеется, молодые:

*Мы песню поём,
Молодую поём
Под алыми вымпелами.*

Молодость для Корнилова — это смелость, веселье, свобода. Избыток сил человека и природы. Весна — конец весны, наступление лета:

*Яхта шла, молодая, косая,
серебристая вся от света —
гнутым парусом срезая
тонкий слой голубого ветра.
.....
Не хватало вёсел и лодок —
с вышек прыгали прямо в воду,
острой ласточкой пролетая
над зелёными островами,
и дрожала вода золотая,
вся исколотая прыгунами.*

Настрой Бориса Корнилова совпал с настроем времени. Кумир эпохи Эдуард Багрицкий восклицал:

*Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лёд.*

Да что поэзия! “Поколение Октября” сломало традиционное летоисчисление. По воле победителей его теперь вели с 1917 года — “начала мировой революции”. Молодыми были время, страна, люди.

Но даже на этом фоне Борис Корнилов выделяется. В стихотворении “Молодой день” (1936) слово “молодой” с вариациями повторяется 8 раз! “Лёгкой

осенью молодую // пахнет первое сентября”, – начинает автор. И в упоении провозглашает: “Только есть // молодой, // огромный, // каждой осенью жаркий день”.

“Молодые поэты” пишут стихи, а их сверстники освобождают землю от старых порядков:

*Поглядите —
и там, и тут,
на любовь и молодость право
отвоёвывая, идут.*

Шествие охватывает земной шар:

*За полками идут колонны,
перестраиваясь в каре,
и по улицам Барселоны,
и в Париже,
и в Бухаре.*

Бумажная идея теоретиков – мировая революция – под пером поэта преобразуется в торжество молодости:

*Чтобы наша одна шестая
стала целую,
молодой.*

Конечно, с точки зрения бдительных стражей идеологии, такая внеклассовая апология молодости выглядела наивной. И всё же товарищ Корнилов мыслил в правильном направлении.

Если бы... Если бы не одна особенность его стихов. И не только стихов – мировоззрения.

В отличие от многих коллег по цеху, отрекавшихся от старины – косной, враждебной, – Корнилов не разрывал связи времён. Воспевая молодость, он не готов был рушить старину.

Нет, не защищал её – время не то!.. Это перед самой войной отношение к русской истории переменялось. Власть уразумела: без поворота к патриотизму Гитлера не одолеть. Один за другим выходят фильмы “Александр Невский” (1938), “Суворов” (1940), “Кутузов” (1943), “Иван Грозный” (1944), а роман “красного графа” Алексея Толстого “Пётр Первый” в 1941 году получает Сталинскую премию.

Хотя и этот поворот реабилитировал лишь давнее прошлое и его героев, но не Александров и Николаев, не Муравьёва-Амурского и Скобелева. Старина “ближняя” по-прежнему подлежала уничтожению.

Корнилов старался “соответствовать”. В его антикулацких стихах оппозиция “молодость–старость” намечена. Но вяло, без хищного вдохновения, диктуемого эпохой. Повторю: кажется, он сам не слишком серьёзно относился к таким стихам, оттого образы и речи кулаков в них откровенно шаржированы. В стихотворении “Семейный совет” решение бороться с колхозом принимает “самый старей, как стерва, зол”:

*И навеки пойдём противу —
бить под душу и под ребро —
не достанется коллективу
нажитое моё добро.*

Ходульные строки не трогали. А значит, не вызывали нетерпимости к классовому врагу.

Старая истина: в стихи надо вкладывать душу. Или не писать вовсе. Образчик ненависти дал тот же Багрицкий:

*Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головою твоей —
Прими на рогатину и повали.*

Как боец идеологического фронта (а литературу мобилизовали на борьбу с кулаком: призыв “Песней бей” — не случаен) Корнилов был нестоек. Впоследствии его самого объявят “кулацким последышем” (статья Льва Плоткина, опубликованная в “Ленинградской правде” 18 марта 1937 года — за день до ареста поэта).

Он то и дело оглядывался на деревню, с которой его связывали бесчисленные живые связи — родовые, культурные.

Корнилов приехал в Ленинград в 1926 году из Семёнова, городка Нижегородской губернии. Казалось бы, новая жизнь должна была захватить его. Но до начала 30-х он почти ничего не писал о невской столице — так, разрозненные строки, где упоминается Ленинград.

Зато первое же стихотворение, привлёкшее к нему внимание знатоков и читателей, начинается с признания:

*Усталость тихая, вечерняя
Зовёт из гула голосов
В Нижегородскую губернию
И в синь Семёновских лесов.*

И ещё задушевнее — и непоправимее, с точки зрения ревнителей нового пролетарского искусства:

*Ты не уйдешь, моя сосновая,
Моя любимая страна!
Когда-нибудь, но буду снова я
Бросать на землю семена.*

В 1926 году Корнилов открывает стихотворение “Тройка” приговором былой жизни:

*Жить по-старому Русь моя кончила,
Дней былых
По полям не ищи,
На степях отзвенел колокольчик
И отпел свои песни ямщик.*

Автор клянётся “не жалеть” ушедшее:

*Я не буду жалеть никогда...
Что на сердце разгул не шевелится,
Что не ухарь задорный с лица,
Что в степи красавица девица
Не целует в санях молодца.*

Поэт хочет убедить в своей приверженности новизне, но каждая строчка свидетельствует об обратном:

*Ой ли, тройка,
Разгульная тройка, —
Свищет ветер,
Поёт и скулит, —
Пронеслась ты, лихая и бойкая,
Как бывшее, пропала в пыли,
Отоснилась бывшая красавица...*

Однако прошлое не желало “пропадать в пыли”. В 1927 году написан “Лесной дом” об уходе из семёновских лесов:

*Я пошёл вперёд,
не взглянув назад —
на соломой покрытые хаты.*

*А когда ушёл,
знать, попутал бес, —
ничего не вижу я, кроме,
что за лесом дол,
а за долом лес
и в лесу притаился домик.*

Ещё драматичнее стихотворение “Чаепитие” (1930), также обращённое к деревне:

*И тяжко подумать — бродивший по краю
поёмных лугов, перепутанных трав,
я всё-таки сердце и голос теряю,
любовь и дыханье твоё потеряю.*

Говоря языком идеологии, это капитуляция. А на языке поэзии — обретение себя, своего голоса. Через боль. Через отчаяние. Через возвращение домой.

И тогда поэту открывается: “Деревня российская — облик России”.

Это сейчас, фактически потеряв деревню, мы провозглашаем: “Поставьте памятник деревне”. А тогда, в 1930 году, когда начал раскручиваться маховик коллективизации, заявить, что деревня — “облик России”, было отчаянной смелостью. Уводившей Корнилова с накатанной дороги официальной литературы в “стан погибающих”.

Взамен поэту открываются дали родной истории, её “Старина” (так названо стихотворение 1927 года):

*Полон, Золотая Орда,
Былины про Ваську Буслаева.*

Открывается, а точнее, заново осмыслится в стихотворении “На Керженце” (1927) животворная связь с истоками:

*И на каждой лесной версте,
У любого кержачьего скита
Русь, распятая на кресте,
На старинном,
на медном прибита.*

Без глумления, с любовью сказано. Советский поэт так говорить не должен! В 1934-м — за три года до гибели — Корнилов написал стихотворение “Ёлка” (при жизни не опубликованное) — многоплановое произведение с иносказаниями и пророчествами.

Оно начинается с описания осеннего леса:

*Рябины пламенные грозди
и ветра голубого вой,
и небо в золотой коросте
над неприкрытой головой.
И ничего —
ни зла, ни грусти.
Я в мире тёмном и пустом,
лишь хрустнут под ногами грузди,
чуть-чуть прикрытые листом.*

Вымороченная чащоба становится миром зла и гибели:

*Здесь всё рассудку не знакомо,
здесь делай всё — хоть не дыши,
здесь ни завета,
ни закона,
ни заповеди,
ни души.*

Когда в 1937 году поэта арестовали по обвинению в том, что он “занимается активной контрреволюционной деятельностью, является автором контрреволюционных произведений и распространяет их, ведёт антисоветскую агитацию”, его стихи отдали на экспертизу. Её проводил литературовед Николай Лесючевский (впоследствии главный редактор издательства “Советский писатель”). Особое внимание он уделил стихотворению “Ёлка”: “В нём Корнилов, верный своему методу двурушнической маскировки в поэзии, даёт якобы описание природы, леса. Но маска здесь настолько прозрачна, что даже невооружённому глазу становится полностью ясна откровенная контрреволюционность стихотворения. Написанное с большим чувством, с большим темпераментом, оно является враждебным...” (www.proza.ru. Поэт Борис Корнилов. Расстрелян. Подозревался в...). И далее ссылка на уже приведённые строки.

Может быть, эксперт ошибся, что часто бывало в подобных случаях: задача изобличить “врага” побуждала превратно толковать текст? Нет. Слишком красноречивы трагические строки:

*...Ну, живи,
расти, не думая ночами
о гибели и о любви,
что где-то смерть,
кого-то гонят,
что слёзы льются в тишине...*

Какой уж тут лес! Это та самая жизнь, которую Корнилов пытался представить торжеством ликующей молодости. И он снова повторяет дорогое ему слово в финале стихотворения – но в каком контексте!

*Уйду из этой жизни прошлой,
весёлой злобы не тая,
и в землю втоптана подошвой —
как ёлка — молодость моя.*

* * *

“...Злой и молодой и непослушный”, — сказал о себе Борис Корнилов. Поэты такого склада часто ходят по краю гибели. И по краю бессмертия.

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

МЫ ЖЕ РУССКИЕ!

– Если спорить, то с Василием Беловым, если молчать, то с Валентином Распутиным.

К такому выводу я пришёл после десятидневной совместной поездки с этими писателями в охваченную гражданской войной Югославию. Приглашение пришло от президента Республики Сербской Радована Караджича, а передал его нам советник посольства Сербии в Москве Живко Николич. Я сообщил Василию Ивановичу Белову о приглашении, и он тотчас же согласился. Помолчав немного, согласился и Распутин.

Наше путешествие в далёкую, раздираемую войной Югославию началась с неожиданного и приятного для меня происшествия. В аэропорту Шереметьево при прохождении таможенного контроля Белова и Распутина узнали. Молодая женщина в зелёных погонах призналась, что она давняя поклонница их творчества и даже слушала их выступления на съездах. Василий Иванович, побрятев, достал свою прихваченную в дорогу книгу “Лад” и подписал ей. Его примеру последовал и Валентин Распутин. Женщина обрадовалась – такого подарка она не ожидала.

“Классиков знают и читают даже на таможне”, – подумал я. Каково же было моё изумление, когда эта же женщина, заглянув в мой паспорт, сказала, что читала в журнале мою повесть “Сербская девойка”. Вот это да! Пришлось и мне достать из сумки книгу и подарить симпатичной читательнице. “Узнала, потому что волею случая оказался рядом с классиками, – про себя улыбнулся я. – Но повесть-то назвала верно. Значит, действительно читала!”

На этом приятные для меня сюрпризы не закончились. В аэропорту Белграда нас встретил знаменитый сербский поэт Зоран Костич и прямо у трапа сообщил, что перевёл мою книгу на сербский язык и она будет издана в Республике Сербской. И ещё Костич сказал, что завтра нас в Пале ждёт Радован Караджич. Мы сели в машину и в сопровождении весёлого и неунывающего профессора Веселина Джуретича помчались на переправу к Дрине. Так началась наша поездка по фронтам югославской войны.

Командировку на эту войну мы выписали себе сами, хотелось посмотреть и почувствовать, чем живёт и как отстаивает своё право жить не по западной указке, а по собственной воле сербский народ. Для меня та поездка была не первой, до этого я уже несколько раз бывал в Косово, Метохии, в Печь Патриаршей, в Сараево и в разбитом в щербёнку и хлам Вуковаре. Бывал со своими друзьями: Анатолием Грешневиковым, Сергеем Бабуриным, Владимиром Исаковым. Василий Иванович и Валентин Григорьевич своей детской памятью ещё помнили ту, нашу, Отечественную войну. Помнили по похоронкам, которые приходили в Тимонику и Аталанку, по слезам, горю родных и знакомых людей, но не видели и не знали тех разрушений, которые

мы увидели здесь, в Республике Сербской. Нам на глаза то и дело попадались обугленные дома, разрушенные церкви и монастыри.

В Пале Караджич вручил нам памятные медали, мы выступили перед десятком сербских и иностранных журналистов. Интерес, как иногда говорят, был неподдельным, не каждый день сюда в Пале залетают самые известные русские писатели, которые, не стесняясь и не прячась за обтекаемые формулировки, говорили то, что думают, о двойных стандартах в освещении событий, происходящих на территории бывшей Югославии.

После встречи с журналистами нас привезли в расположение русского батальона в Сараево. Там командир батальона полковник Васильев поведал нам, что бойцов в батальон отбирали по-особому, смотрели не только на профессиональные навыки, но и на то, чтобы солдат не был замечен в употреблении наркотиков, был непьющим. И тут же пригласил нас к себе отобедать. Валентин глянул на стол, на котором стояли бутылки с водкой, и, улыбнувшись, заметил:

— Нас в эту поездку отбирали по тем же принципам, о которых вы только что сказали.

Но пообедать мы не успели — неожиданно начался обстрел. Нас посадили в машину и через несколько минут доставили в самое безопасное место Сараево — на еврейское кладбище. Там Веселин Джуретич показал нам свежие могилы добровольцев из России, которые были убиты здесь, в Сараево. Обстрел прекратился, мы сели в машину и поехали обратно в Пале. Но поднявшись в гору, вновь попали под обстрел. Нас по-быстрому высадили из машины.

Надо сказать, что у солдат и ополченцев Республики Сербской невысокий, похожий на лесовика Василий Иванович пользовался особым почтением. Прикрывая нежданых гостей своими телами, сербы провели нас в блиндаж. Оглядев нехитрый солдатский быт, Валентин Распутин взял бинокль и сквозь щель начал осматривать позиции боснийцев, а мы с Василием Ивановичем устроились за пулемётами.

— Ничего, отобьёмся! — сказал Василий Иванович, наблюдая через амбразуру за стоящими внизу домами, в которых, как нам сказали ополченцы, были позиции боснийцев. И действительно, в той стороне были заметны силоватые вспышки выстрелов.

— Ведут беспокоящий огонь, — уверенно заявил Белов. — Сейчас мы им ответим.

И ответили...

— Никогда не думал, что я попаду на войну, — поглядывая на нас, вдруг сказал Распутин.

На другой день после ночёвки в Пале нам предложили поехать в Сербскую Краину. Путь был не близким, единственная дорога проходила через Пасавинский коридор. В ширину он достигал примерно двух километров, и ездить по нему можно было только ночью. Говорили, что отдельные смельчаки прорывались и днём. Где-то к обеду мы подъехали к городу Брчко на расстояние оружейного выстрела, эти выстрелы были хорошо слышны. Стали решать, что делать дальше: ждать ночи или попытаться счастья и прорваться. Масла в огонь подлил шофёр Небойша, он заметил, что несколько дней назад через Брчко днём уже проезжал Ратко Младич. И тут, сверкнув глазами, наш старейшина воскликнул:

— А мы что, хуже? Мы же русские! — Чего в его словах было больше — мальчишества или недооценки ситуации, — трудно сказать. Хорватам и мусульманам было всё равно, кто едет в машине: всемирно известные русские писатели или бойцы Республики Сербской. К тому же пострелять от нечего делать по движущейся прямо под носом беззащитной мишени — одно удовольствие. И мы благодушно согласились с Василием Ивановичем. Мы же русские!

Через несколько минут езды увидели за Саввой позиции хорватов, мы мчались мимо и были у них как на ладони. Затем въехали в городскую улицу, увидели свесивший ствол пушки обугленный сербский танк, взорванный мост через Савву, заколоченные досками выбитые окна в домах...

А затем началось такое, что не могло нам присниться в самом страшном сне: начался обстрел, били прицельно, именно по нашей машине. В голове крутанулись строчки из стихов Семёна Гудзенко:

“Мне кажется, что я магнит. Что я притягиваю мины!” И тут же их вышибло приближающимся свистом летящей мины. Почти одновременно перед машиной

вздыбился асфальт, и на лобовое стекло полетели серые крошки. Небойша проявлял чудеса вождения, отворачивал от воронок, тормозил, затем с ходу машина, как пришпоренная лошадь, летела вперёд. Разрыв впереди, разрыв сзади. “Значит, берут вилку!” — лихорадочно думал я. И вновь ощущение прострации и нереальности происходящего. Всё слилось: рёв мотора, визг тормозов, взрывы, и одна только мысль: зачем я втравил их в эту поездку! Одно точное попадание — и конец.

Только позже я осознал, как мы были близки к черте, после которой — бездна. . .

И ещё запомнилось полное молчание моих спутников. Они впервые попали на настоящую войну, а здесь были уже другие порядки и правила. Вернее, полное их отсутствие. Ты стал мишенью. И это мы понимали.

И — о чудо! Мы проскочили. Выстрелы отделились, и разрывы остались где-то за спиной. Я вспомнил, что ещё в девяносто первом здесь в Югославии пропали российские журналы: Виктор Ногин и Геннадий Куренной. Ещё с полчаса ехали молча. Затем Василий Иванович повернулся к Распутину:

— Валя, как ты думаешь, нас ещё долго будут читать?

Валентин помолчал, вдоль дороги были видны повозки беженцев из Верхней Словении.

— Не знаю. А вот стрелять ещё будут долго, — ответил Распутин.

Закончилась наша поездка встречей с сербскими писателями в Белграде. На ней Валентин Распутин пошутил, что в России, ориентированной на демократию, нас называют красно-коричневыми. Встреча прошла хорошо, нам надарили книг, да столько, что Василий Иванович не мог поднять пакет с печатной продукцией.

— Да, моих лет уже не хватит, чтобы одолеть всё это, — кивнув на книги, сказал он. И тут же добавил: — И сил — не то чтобы довести до Вологды, но даже поднять этот груз.

Утром он прочитал свежие газеты и с возмущением процитировал заметку о нашей встрече с сербскими писателями. В ней говорилось, что гостями были известные в России “красно-коричневые писцы”.

— Надо, чтобы газета извинилась и дала опровержение, — сказал он.

— Да ладно, Василий Иванович. Горбатых не исправишь! — отмахнулся Распутин.

— Нет, мы так не договаривались!

И Белов пошёл к организаторам встречи. На другой день опровержение и извинения были опубликованы.

Через год мы с Василием Ивановичем Беловым, художником Сергеем Михайловичем Харламовым и поэтом, фотохудожником и издателем Сергеем Николаевичем Дмитриевым приехали в Косово на ярмарку книг православных писателей. Там я познакомился с замечательным поэтом и переводчиком из Армении Бабкеном Симоняном, которого очень уважали в Сербии. Запомнились его поэтические строки:

*Когда умру, сожгите плоть мою,
Развейте прах мой средь армянских гор.
И лишь одну щепоть в другом краю —
Её пусть сербский приютит простор.*

Среди приглашённых были и наши украинские коллеги. Они старательно избегали встреч и разговоров с нами. А всего-то не прошло и трёх лет, как не стало нашего общего дома — Советского Союза. Было слышно, что через слово они упоминают братьев Карич, которые спонсировали проезд писателей на ярмарку. Нашим украинским “писцам” очень хотелось издать свои вирши на сербском языке, и они обговаривали возможные пути к карманам богатых братьев Карич.

— Эти ушли от нас ещё задолго до распада страны, — сказал Василий Иванович. — И будут делать всё, чтобы их читатели поскорее забыли “Сорочинскую ярмарку” и “Тараса Бульбу”. Эти будут поднимать на щит Бандеру и Шухевича. Гоголь для них москаль.

Каково же было наше удивление, когда поздним вечером к нам в гостиничный номер на огонёк заглянул народный художник из Киева Николай Иванович Стратилат, который был известен Харламову по многочисленным

графическим иллюстрациям книг украинских авторов. Конечно же, Николай Иванович читал Василия Ивановича Белова и давно мечтал познакомиться с ним. Стратилат пришёл не с пустыми руками, а принёс две бутылки горилки. Он тут же сказал Харламову, что высоко ценит его иллюстрации книг Гоголя, Есенина и другие работы. Говорили долго и расстались далеко за полночь. Мы поняли: он не хотел, чтобы о его визите знали его украинские коллеги. От его визита осталось хорошее доброе чувство: даже в необъятности пространства, которое порою существуют между людьми, звёзды всё же сходятся и согреваются своим теплом друг друга.

Стояла весна. Каждый день до обеда шёл дождь. Мы лежали на кроватях в гостиничном номере и вели обычные в таких случаях беседы. Только с одной поправкой, что моим собеседником был великий русский писатель Василий Иванович Белов.

“В неутраченной жажде познания главное свойство науки, её величие и бессилие. И если мир состоит действительно лишь из времени и пространства, то, думается, наука взаимодействует больше с пространством, а искусство — со временем...” Так начиналась его знаменитая книга “Лад”, которую он подписал мне во время той первой поездки: “Валерию Хайрюзову, в мужестве которого нет сомнений”. Валентин Распутин подписывал ещё короче: “Валерию Хайрюзову — от души автор”. Так он написал, передавая мне свою первую книгу “Деньги для Марии”. Слово поставил в личное дело свою печать.

С Распутиным мы были из одного города и состояли в одной писательской организации. Часто вместе ездили в лес по грибы и ягоды. Да и с Беловым встречались неоднократно: в Иркутске, в Москве, в Вологде...

А в девяносто третьем году, во время осады Белого дома, 3 октября, когда демонстранты прорвали кольцо окружения и, счастливые, вошли к нам в здание, то первыми на ступеньках лестницы мы встретились и обнялись с Николаем Петровичем Бурляевым и Василием Ивановичем Беловым. Они пришли к нам, прорывая милицейские и ОМОНовские кордоны. После я узнал, что уже вечером Василий Иванович помчался с демонстрантами в Останкино, и там лежал на земле, укрываясь от пуль правительственного спецназа, который у телецентра расстреливал безоружных манифестантов. Позже понял, что угодил, как кур в ошип, в расставленную силовиками ловушку. Мы вновь встретились с ним через неделю на трамвайной остановке возле ВДНХ. Я ему рассказал, что нас, занесённых в чёрный список российских депутатов, которые остались в Белом доме, мэр Москвы Юрий Лужков выгоняет из московских служебных квартир.

— Приходили ночью с автоматами и в масках. Сунули предупреждение. А утром отключили нам свет и телефон, — усмехнувшись, сказал я. — Говорят, отключили свет и Распутину. А некоторых наших депутатов, кто остался в Белом доме, вызывают для дачи показаний в прокуратуру. Теперь мы — государственные преступники. Вот такая нынче у нас пошла демократия!

— Да я уж начался “Московского комсомольца”, — сказал Белов. — После письма сорока двух так называемых наших коллег-писателей начался сплошной вой с требованием к Ельцину открыть охоту на красно-коричневых ведьм. — Глухо откашлявшись, Василий Иванович полез в карман и неожиданно предложил мне деньги на дорогу до Иркутска. — Мне только что выписали гонорар на телевидении в Останкино, — как бы извиняясь, сказал он. — Несколько дней назад чуть там не убили, а сегодня решили откупиться.

— Возьми, сейчас они тебе пригодятся, — глуховатым голосом сказал он. Проглотив подступивший к горлу комок, я отказался, по старой памяти я рассчитывал улететь в Иркутск в кабине самолёта. Всё-таки меня как лётчика там ещё помнили.

О писательских гонорарах мы с ним вновь заговорили во время ярмарки книг православных писателей. После развала страны, когда литераторов пустили по миру, пошли разговоры, что одним — по-прежнему густо, а остальным — пусто. И что премии и гонорары дают писательским зубрам за прежние заслуги.

— Василий Иванович! Я уже не один раз слышал от того же критика Владимира Бондаренко, да и от нашего иркутянина Анатолия Байбородина, что писателям старшего поколения — Распутину, Астафьеву — пора бы посторониться и дать дорогу другим, — сказал я, вспомнив про разговоры коллег о гонорарах и премиях. — Мол, всё внимание, все премии вам. А молодым ничего

не остаётся. Да и нынче премии не те, что раньше, – кот заплакал. И власть вас не обижала. . .

– Ты знаешь, нас никто в вагон не подсаживал, – помолчав немного, ответил Белов. – Дорога, она не бывает прямой, её чаще приходится одолевать самому. А вы что думаете, поезд привезёт вас к станции, где вам накрыты столы и приготовлены банковские счета? Чаще всего там ждут родственники и знакомые, у которых вечно не хватает денег, и они будут стучаться к вам, как в райсобес. И не просить, а требовать, чтобы оплатили их счета. Всем кажется, что их обошли, дети, да и они сами в нужде и болезнях, и они глядят на тебя не с любовью – за что любить бумагомарателей! – и не с уважением, для этого надо хотя бы уважать самих себя. Нам каждому Господь даёт по делам нашим. Бывает, что там, на станции, куда вы так спешите, ждёт суд глупца и смех толпы холодной.

– Кому много дано, с того и спрос особый, – подумав немного, согласился я.

– Поверь, я всё это испытал на себе, – сказал Василий Иванович.

– А насчёт размера премий, то в чужих руках всё толще. – И, глядя на запотевшее от дождя гостиничное окно, замолчал.

Но уже через минуту, отложив книгу в сторону, он начал рассказывать о своём детстве, о своей первой любви к девочке из седьмого класса, образ которой он пронёс через всю свою жизнь. Я его расспрашивал о Николае Рубцове, Василии Шукшине. Вспомнил, как гостивший у меня в деревне Добролёт Виктор Петрович Астафьев, вспоминая Рубцова, показывал, как тот пел свои песни. И попытался уже сам воспроизвести ту песню Рубцова.

*Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...*

*Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.*

Ещё я сказал, что пел Астафьев хорошо, точно передавая не только мелодию, но и самого Рубцова, как он прислонял голову к мехам гармошки и растягивал её чуть ли не до пола. Чего-чего, а уж артистизма Виктору Петровичу было не занимать. Выслушав меня, Белов усмехался и вспоминал, что, когда Рубцов пришёл к Астафьевым занимать деньги, Мария Семёновна начала читать ему нотацию о вреде пьянства и что ему давно пора взяться за ум.

– По себе знаю – не надо обижать и читать мораль детдомовцам, – сказал Белов. – Коля Рубцов сжал губы и ушёл, не взяв протянутую ему трешку. – Сделав небольшую паузу, Белов, как бы извиняясь и за Колю Рубцова, и за Астафьевых, и за всю нашу писательскую братию, добавил:

– Молоды мы были, глупы и почудили немало. Однажды звонят мне, я тогда на литературных курсах в Москве учился: пропал Вася Шукшин. Остановились съёмки фильма “Живёт такой парень”. Где и что с ним, никто не знал. Мы бросились искать и нашли у девиц – парень загулял. Мы ему: “Вася, надо идти сдаваться”. Он нам: “Как я пойду – уволят!” Тогда мы решили выхлопотать ему больничный. Нашли врачу, заплатили за бюллетень двадцать пять рублей, неслыханные по нашим карманам деньги, принесли. Он засиял, полез к нам обниматься. Одели мы его, вывели на улицу. Идём. Навстречу милицейский патруль, видят – ведут подвыпившего хлопца, попросили предъявить документы. Вася протянул паспорт, а в нём – больничный.

– Ах, ты ещё и пьёшь на больничном! – взревел старший.

Вася успел выхватить паспорт. Патрульный зорал, что упрячет его на пятнадцать суток. Вася в ответ ему сунул под нос две фигушки – и в бега. Мы снова по карманам, искать деньги на новый бюллетень. Наскребли, принесли ему опять в общагу. Смотрим, а он с этими девицами выплясывает, прыгает на своих жилистых ногах чуть ли не до потолка! Но утром был, как стёклышко, пошёл, повинился, и “Живёт такой парень” пошёл по кинотеатрам страны.

Наверное, уместно будет вспомнить, что сразу же после открытия ярмарки книг православных писателей хозяева о нас как-то забыли, мол, чем хотите, тем и занимайтесь. Вот мы и занимались, и я считаю те дни самыми счастливыми в своей жизни.

Распутин и Белов не были ораторами, каждый говорил, как бы понуждая себя. Василию Ивановичу мешали зубные протезы, но если он срывался с колодок, то высказывал всё, что думал, не пряча своих мыслей и не щадя собеседника. Бывало, затронешь ненароком, а у него уже засверкали глаза. Что объединяло Распутина и Белова, так это голос. Перед тем как начать разговор, Распутин как бы начинал неслышно перекачивать во рту камешки, у Василия Ивановича такие камешки катались при разговоре со своеобразной картавинкой, высокими и одновременно глуховатыми нотками. При беседах Распутин вёл себя сдержаннее, добавлял коротко, но всегда точно и вовремя, туда, куда надо. А вот Виктор Петрович Астафьев слыл шутником и балагуром, поначалу мне казалось, что он всё выдумывает на ходу, но понаблюдав, начал понимать: Виктор Петрович пользуется уже не один раз опробованными домашними заготовками. Но делает это с присущим ему блеском...

Белов же был во всём стихийным и непредсказуемым. Однажды мы втроем: Василий Иванович, художник Сергей Харламов и я – решили прогуляться после дождя в горы. И пошли вдоль Быстрицы мимо православного патриаршего женского монастыря. Обогнув монастырь, мы свернули и по тропе пошли в гору. По пути стали собирать белый цвет боярышника. Василий Иванович сказал, что его можно заваривать при сердечных болезнях. По пути нам попался пастух. Узнав, что мы из России, он приветливо произнёс:

– Добор дан! Ди ли говорите по-сербски? – сразу же признав в нас русских, спросил он.

– Добрый, добрый дан, – тут же отозвался Сергей Харламов, который при встречах с местными был у нас вместо переводчика.

– Разумеем, конечно разумеем. Ведь мы же одного рода-племени.

– Разумеем слабо, – поправил его Белов.

– Молим, кажите, что бы вами управляти эти люди? – глядя на Белова, спросил пастух. – Который понашенье у немочек?

– Что за люди? – прислонив к уху ладошку, переспросил у Харламова Белов.

– Который дирижировал оркестром у немочек, – перевёл пастуха Харламов. – Он хотел сказать – у немцев.

– Не понял? – вновь переспросил Белов. – При чём тут немцы?

– “Человек” по-сербски – “люди”. И он спрашивает о том, который дирижировал у немцев оркестром.

– Знамо-знамо, – махнул рукой Василий Иванович. – Ельцин!

– Срама, будала, педер! – начал ругаться пастух. И сплюнув, добавил: – Курва!

– А-а-а! Здесь всё понятно без переводчика, – засмеялся Василий Иванович. – Ну, он не мой! Да и не наш. Он нам всем в наказание. За грехи, за доверчивость.

Прощаясь, Белов протянул пастуху руку:

– Хвала лепо! – Довидженья.

– Довидженья, – отозвался пастух.

– Василий Иванович, чего я стараюсь! – воскликнул Харламов. – Ты и сам всё понимаешь.

– Даже когда они ругаются, в голосе сплошное доброжелательство, – заметил Белов. – Я когда-то переводил сербского поэта Джуру Якшича. Кое-что осталось в памяти.

И тут же с чувством, пристукивая зубами, глуховатым голосом прочитал:

*Где ангелов хор неустанно поёт
В лазури небесного края,
Серебряный месяц замедлил полёт,
Дневную звезду упрекая:
“В какой же нужде иль потребе
Два дня тебя не было в небе?”
Денница-звезда говорила в ответ:
“Тому и сама я не рада,*

*Что встретила дважды я Божий рассвет
В пылающем небе Белграда!
Едва от стыда не сгорела дотла,
Такие в Белграде творились дела... “
В самой середине недружеских стран,
Справляя отцовскую тризну,
Родимые братья Димитр и Богдан
На две поделили Отчизну.
И рощи, и пни по зелёным полям,
И храмы, и крепости — всё пополам!*

Переваривая неожиданную встречу и разговор с пастухом, мы поднялись в горы и, развернувшись, подошли к обрыву. Глянув вниз, увидели, что прямо под нашими ногами расположены купола известного на весь мир храмового комплекса, а чуть поодаль, в скалистую расщелину Руговского ущелья бежала Быстрица. В первый же день своего пребывания в Косово мы посетили монастырь и поставили свечи за всех ушедших и ныне здравствующих.

Печь Патриаршая — или патриаршее место — одна из тех святынь, которая была местом пребывания сербских патриархов. На этом месте ещё при жизни святого Саввы Сербского находилось церковное владение монастыря Жича, бывшего центром архиепископии. В 1253 году центр Сербской Церкви был перенесён в Печь. Монастырь стал резиденцией сербских патриархов и архиепископов. Вплоть до XVIII века монастырь был духовным центром, насчитывающим сотни образованных монахов. Богословы, видные писатели и талантливые художники оставили здесь свидетельства своего творчества.

Конечно же, шедевром архитектуры был монастырский храмовый комплекс, состоящий из четырёх объединённых церквей, построенных в XIII–XIV веках. В них находятся величайшие православные святыни: главы святых мучеников Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария.

Я прикинул: возвращаться той дорогой, по которой пришли, — часа два, а то и более. А что если попробовать спуститься прямо по крутому склону?

— Давайте я спущусь, а вы возвращайтесь по тропе, — сказал я Белову. И, улыбнувшись, пошутил: — Святые Евстратий, Авксентий и Мардарий мне помогут.

— Нет, ты посмотри на него! — засмеялся Василий Иванович. — Ему поможет Мардарий! А нам — Евстратий? Будем спускаться все вместе к этой самой Мардарии.

И мы, хватаясь за камни, пугая крупных, греющихся на солнце каменных черепах, цепляясь за коренья и кусты, начали спуск. Минут через десять я вспомнил наш прорыв через Брчко и вновь пожалел, что опять сунулся в воду, не зная броду. Полез наобум и своим необдуманным решением соблазнил своих попутчиков. Но отступить было поздно. Мы же русские! Через полчаса, практически съехав по грязи и траве, мы ступили на твёрдую заасфальтированную дорогу. Я глянул на Василия Ивановича: брюки — в грязи, ботинки — с оторванной подошвой. Собираясь в заграничную поездку, Василий Иванович соблазнился их дешёвизной и купил, не зная того, в похоронном бюро. Они не выдержали перегрузок и разваливались буквально на глазах. Но он шёл, как триумфатор, победно поглядывая по сторонам. Так ходят мальчишки, когда им удаётся сделать что-то большое и значительное. Из глухих ворот, все в чёрном, зыряка на нас, глазели албанки.

— Вот и гарпии тут как тут, — засмеялся Василий Иванович.

Вернувшись в гостиницу, мы решили сброситься ему на ботинки. Деньги он взял, но в магазин пошёл один, сказал, сверкнув глазами, что сделает это без посторонней помощи. Я вспомнил, как он в одиночку у себя на Вологодчине однажды поехал на рыбалку, лодка перевернулась, и он чуть не утонул в озере. А после, тоже в одиночку, пытался установить упавший крест на церкви в своей деревне Тимонихе. И сорвался из-под купола. Но природная хватка выручила его, каким-то чудом он уцепился за перекладину и с ободранными в кровь руками кое-как спустился на землю. Слушая его воспоминания, я ловил себя на мысли: везде и всюду он пытался решать свои и чужие проблемы в одиночку.

С ярмарки православных писателей мы возвращались на рейсовом автобусе. Купили на вокзале билеты, прошли по берегам Быстрицы, по пути

отметив, что возле мечетей свалены кучи мусора. С заснеженных албанских гор наносило холодком, тогда мы ещё не предполагали, что вскоре и сюда, в эти места придёт война. И тысячи сербов будут вынуждены покинуть насиженные веками места, оставив Косово, Метохию, свою православную святыню Печь Патриаршью и многое-многое другое. Прав был Распутин, когда сказал, что стрелять ещё будут долго. В Белград мы приехали поздней ночью. Нас там никто не встретил. До вылета в Москву ещё было несколько часов. Решили скоротать время на скамейках в белградском парке. После развала страны что-то пошло не так, и православные “писцы” даже здесь, в дружеской Сербии, стали расходным материалом: попользовались, провели мероприятие – и в корзину. В нашем случае – на лавку...

“А ещё недавно, пару-тройку лет назад, мы с Василием Ивановичем были депутатами Верховных Советов, я – российского, он – союзного, – ворочаясь на жёсткой лавке, думал я. – И нас в Белграде принимал президент Слободан Милошевич”.

Прилетев в Москву, я вновь достал книгу Белова “Лад” и уже не наискось, а спокойно, не торопясь начал читать её. И вновь, как и во время гостиничных разговоров, погрузился в пространство и время, в ту систему координат, в которой пребывал автор, работая над этой книгой.

“Нет, не бывает абсолютно одинаковых, другими словами, совсем бездарных людей! Каждый рождается в мир с печатью какого-либо таланта. Потребность творчества так же естественна, как потребность пить или есть, – она теплится в каждом из нас даже в самых невероятно тяжёлых условиях. Каждая личность по-своему талантлива, иными словами, своеобразна. Людей, абсолютно плохих внутренне и внешне, к счастью, не существует. Не научившись трудиться, нельзя узнать, чем наградила тебя природа. Творческому раскрепощению личности может помешать любой душевный, семейный, общественный или мировой разлад, любая неурядица... Найти своё лицо – нравственная обязанность каждого. Настоящий художник ждёт от других не подобострастия, а обычного уважения. Чем выше талант, тем меньше высокомерия и гордости у его обладателя. Злой человек склонен более к разрушению, чем к творчеству, и нельзя путать вдохновение создателя с героистратовским... “Уничуждение паче гордости”.

В этих размышлениях был весь Василий Иванович Белов. Пришёл к ним он не сразу, а через тернии, сомнения, преодолевая себя и в себе всё, что жило в нём и что его окружало... После тех ярмарочных весенних дней, бесед, прогулок по горным тропам албанских предгорий в Косово, через несколько лет мы неожиданно встретились с Василием Ивановичем в коридорах Государственной Думы. Одет он был по-походному, в потёртый, заношенный пиджак, через плечо висела такая же потёртая сумка, а из неё выглядывал лаваш. Ни дать ни взять – “ходок” к Ленину. “Уничуждение паче гордости”. Я вспомнил эту его пословицу, и у меня мелькнула горькая мысль – всё проходит: успех, слава, большие премии и приличные писательские гонорары. Остаются написанные книги. А уж как долго их будут читать, нам не дано предугадать...

Обнявшись, мы с ним разошлись по своим делам. Но уже через полчаса я увидел, что Василия Ивановича показывают по телевидению. Он всё в том же пиджаке стоял на трибуне Государственной Думы – прежний, собранный, неуступчивый, с нависшими бровями – и хрипловатым голосом с остановками, но с прежней болью в голосе говорил сидящим в зале депутатам, что не надо жалеть мозги, которые, по их мнению, утекают за границу. С них всё равно толку не будет. Нарастёт и придёт новое, молодое поколение, и Россия встанет с колен...

Тут я вспомнил его знаменитую фразу: “Мы же русские!” Да, у нас бывали разные периоды в жизни. Но нас не сломали и не сломят.

ВЛАДИМИР ПЛОТНИКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ САГА ПРОФЕССОРА МАЛИНОВСКОГО

Памяти писателя, первооткрывателя, подвижника

— Успокоюсь, но ненадолго. А если всё же она — птица-тройка, Россия?! То куда она мчится?.. Во что превратятся труд, стремления, отвага, подвижничество и усердие славных её сынов! Знаменитых и безвестных, но так преданных ей! Веривших в неё! Самара, 2014–2017.

Финальные строки книги
“Сага о первооткрывателях”

Долгие годы стену над моим столом украшала карта Магаданской области. Самый большой регион Советского Союза, включавший тогда и Чукотку, по площади перекрывал совокупные территории Франции, Испании, Бельгии и Болгарии. С карты той, как звёздочки, загадками манили чудные слова: Библино, Сусуман, Сейчман, Оротукан, Дебин, Мяжит, Анадырь, Певек, бухта Провидения, Уэлен, Ола, Талая, мыс Шмидта... Извилистым пунктиром стелилась там “зловещая” Колымская трасса. Зловещая? Ха-ха...

Это для жителей “материка” Колыма с Магаданом олицетворяли ГУЛаг, каторгу и несносный климат: “Колыма ты, Колыма, // чудная планета: // 12 месяцев зима, // остальное — лето”... Или, как в “Бриллиантовой руке”: “Приезжайте к нам на Колыму. — Нет, уж лучше вы к нам...”

Но я-то провёл на Колыме 5 лет (1974–1979), самых добрых лет жизни — с 5-го по 10-й класс. И для меня, и моих сверстников Колыма — “лучшая планета” с 30-градусным летом, удивительной природой, первозданной тайгой, весёлыми и горными ручьями меж уютных сопок и сахарных хребтов. А ещё это жизнерадостные лайки с пушистыми бубликами вместо хвостов, бескрайние ковры ягод и грибов, добротные и тёплые домики на сваях, в которых двери не запираются, а продукты в вёдрах и кастрюлях “охлаждаются” прямо в подъезде. И, конечно же, отличные люди со всего великого и дружного Союза. Такая вот была она, планета Колыма 70-х.

Это сегодня каждое слово с той карты — как забытый пароль, как заветное заклинание к утраченному сокровищу двух сказочных планет: Страны Детства и Страны Советов. А тогда мы мирно жили и счастливо росли в посёлке гидростроителей Синегорье в живописной долине среди заснеженных зимой и летом вершин. Осваивая леса и доли, мы, мальчишки, нет-нет да наткнёмся на заброшенный прииск с обтёрханным вашгердом. А что, обычное дело. Колыма же — это золото. Валютный цех страны. Такой была она почти век назад, такова и сейчас.

Промчалось 40 лет, и дивные “звёздочки” с той советской карты 1970-х всё больше напоминают руины необитаемой старательской артели. Метель забвенья гасит память. Так и у меня. Как вдруг...

Инженер Малиновский открывает...

Как вдруг всё разом ожило и засверкало с новой силой. Месяц с хвостиком назад мой старший товарищ Александр Станиславович Малиновский прислал для ознакомления книгу “Сага о первооткрывателях”. Ещё не изданную – ПДФ-вариант. Но уже после первых страниц я твёрдо знал: откликнусь. Причём на тот момент мною скорее руководила нахлынувшая волной ностальгия. Среднекан, Бохапча, Талая – никогда не бывший на Севере Малиновский писал о моей Колыме, о “звёздочках” моей карты! Увы, писатель властен только над своею книгой. Линии его собственной судьбы безжалостно редактирует Жизнь. И месяц спустя я делаю отзыв на совсем другой ноте...

26 ноября Александра Станиславовича не стало. И “Сага о первооткрывателях” невольно превратилась в реквием не только её героям, но и вдохновенному создателю. Руководитель самарской областной организации СП России **Александр Громов** предварил “Сагу” авторским портретом: “Удивительный человек – Александр Станиславович Малиновский. Казалось бы, столько уже всего пройдено и пережито, столько открытий, столько достижений... Ну, посмотрите: он прошёл путь от рядового рабочего до генерального директора и руководил несколькими крупными нефтехимическими предприятиями почти четверть века, он заслуженный изобретатель России, академик Российской инженерной академии, он член Союза писателей России, издавший более двадцати книг (причём весьма разноплановых), отмеченных несколькими всероссийскими литературными премиями, он профессор университета, проплывший на резиновой одноместной безмоторной лодке от истоков реки Самарки до её устья, он всю жизнь открывает миру своего земляка иконописца Григория Журавлёва, родившегося без рук и ног и писавшего иконы, зажав кисть зубами, он... Слово “открывает”, наверное, определяющее в Малиновском. Он действительно всю жизнь делает открытия и тут же стремится поделиться ими. Будь то открытия научные и производственные, будь – литературные или открытия в судьбах людей. И, наверное, книгу о первооткрывателях должен был написать именно он, потому что Малиновский и его герои близки по духу”.

Писано при жизни. Теперь же, после ухода Александра Малиновского, слова эти, став достоянием вечности, обретают почти сакральное значение. И, наверное, правильнее будет поговорить не столько о сюжете, литературных достоинствах книги, сколько о сути, попытавшись понять: зачем автор взялся за это, что хотел сказать? А сказать ему хотелось очень много. Ибо реквием в прозе, как и в музыке, целиком зависит от неуловимо завораживающей мелодии, интонации, что определяет результат.

Хочется верить, у Малиновского это получилось. Его “Сага” – не классический роман, но захватывает и (без сложносочинённых интриг) не отпускает. Почтище любой беллетристики мозаично-объёмная панорама реальных лиц, непридуманых судеб и живое многоголосье отзываются благодарным эхом в душе читающего. Подобный опыт хроникального реализма (или “летописи по голосам”) Малиновский уже опробовал в своей автобиографической прозе: “Дом над Волгой”, “Радостная встреча”, “В плену светоносном”, “Голоса на обочине”. Но именно в “Саге” он ещё осознанней – по максимуму – отдалился от повествовательной беллетристики...

И на этот раз перед нами совсем уже далёкие голоса людей науки. Не знакомых автора и не кабинетных книжников, а уникальных учёных – бесстрашных дальнеходов, неисправимых романтиков, ставших при этом академическими тяжеловесами, основоположниками научных направлений и пионерами неоткрытых трасс. Или, говоря словами автора, “много умевших и немало вершивших не великого, но необходимого! Они жили, как умели... И радовались жизни... Так и слышится голос... Мишеля Монтеня: “Я видел на своём веку сотни ремесленников и пахарей, которые были более мудры и счастливы, чем ректоры университетов, и предпочёл бы походить на этих людей”. Походить на многих первооткрывателей, о которых пишу сейчас я. Мне слышатся не только их голоса, я теперь вижу отчётливо их лица, чувствую дыхание, какой бы широченной и угрюмой ни была тайга, скрывающая их”.

До этой книги мне казалось, что последние зёрна того неудержимого и массового “порыва” геологов-романтиков давно уж осели в тучной ниве советской литературы. И более того, лет сорок-пятьдесят прошло с тех пор, как взошли блистательными колосьями в книгах Григория Федосеева, Олега Куваева, Юрия Рытхэу, Альберта Мифтахутдинова. А потом – лишь лунная позёмка и прах забвенья по выцветшей степи с пожухлыми обсевками и сонной повителью... Так нет же! Александр Малиновский решительно восстаёт, чтоб доказать: “Не может быть!” И делает книгу на свой “макар”. Не о мальчиках и головастиках теперешней – гашёной – зыби, а о волне первооткрывателей.

Русские волны первооткрывателей

– Массовые волны первооткрывателей в России случались трижды. Первая началась на рубеже 16–17 веков с освоения Дона, Волги, Севера и Сибири казаками Ермака, купцами Мангазеи, поморскими мореходами и знаменитыми землепроходцами Бекетовым и Москвитиним, Поярковым и Хабаровым, Атласовым и Дежнёвым. Волна эта катилась где-то до середины 17 века. Её появление объяснимо, наверное, тем, что старовееры, землепашцы, ремесленники и рыбаки бежали от царских и барских поборов, от церковной кабалы и крепостной неволи, что накладывала на них Москва. Бежали в поисках лучшей доли, вольной воли и свободной земли. В 18-м и 19-м веках эти народные выплески стали единичными. Снаряжённые или поддержанные правительством экспедиции – Беринга, Беллинсгаузена, Крузенштерна, Палласа, Лепёхина, Шелихова, Резанова, Челюскина, Литке, Анжу, Врангеля, Черского, Невельского, Семёнова-Тянь-Шанского, Миклухо-Маклая, Пржевальского, – это уже не совсем то. Не столько зов вольной души. Хотя дух пионеров влёт и эти великие сердца – вперёд, к новым землям. А вот в 20-е годы XX века социальный взрыв Великой Октябрьской социалистической революции вздыбил невиданные пласты дремавших в простом народе, особенно на селе, потенциально уже готовых сил, устремив их к открытию нового. Это и была вторая, чрезвычайно концентрированная – менее 20 лет – волна первооткрывателей. Мощный вал 1920–1930-х годов мог быть обусловлен, конечно, только социальным освобождением. Бессчётные легионы “освобождённого труда” из стомиллионной деревни и городских низов, вчерашних же крестьян, сотворили всё то лучшее, что потом способствовало нашей победе в Великой Отечественной войне. При помощи оставшейся верной Отчизне интеллигенции эти пионеры создали идейно-моральные скрепы и материально-техническую базу новой державы. Следующая волна – это 60-е и 70-е годы прошлого века вплоть до начала 80-х – те, что оскорбили “застоем”. На самом деле это была третья и последняя волна героев-пассионариев, которые усилили возрождённую из пепла страну. Но, к сожалению, уже к началу 1960-х силы и соки деревни иссякли. Деревня при Хрущёве почти вся перелилась в город. А город почему-то не даёт той энергетики, которая питала и подвигала деревенских мечтателей. Наоборот, город обладает страшным свойством унифицировать, нивелировать и строить в шеренги. Так оно всё и выдохлось, захлебнулось к концу 80-х. А тут мы и идеологическую войну продули. Однако я не поверил и решил проверить, решил понять и доказать: это не так. Так не может быть... на Руси!*

* Здесь и далее слова из последнего разговора с А. С. Малиновским. 20 ноября он позвонил мне, когда я возвращался домой в автобусе, и говорил долго, сбивчиво, но при этом с неким напором, который не хотелось, да и невозможно было прервать. Это был, скорее, монолог буквально по минутам слабеего, ужасно торопящегося человека, который хочет донести, прокричать что-то крайне важное... Я уже вышел из транспорта и слушал, слушал, всё реже вставляя успокаивающие междометия. И так где-то час с лишним. Ни сном, ни духом я не соображал, что это последний монолог писателя Малиновского, отчего-то адресованный лично мне. На следующий день узнал, что Александра Станиславовича срочно отправили в Германию – на роковую операцию. Так что теперь его предсмертные тезисы обретают иной масштаб, другой акцент. Последняя воля, писательское завещание, которое я и стараюсь максимально точно и полно воспроизвести.

5 декабря 2017 года.

Прологом к “Саге” послужила биография нашего самарского учёного-универсала **Валентина Александровича Цареградского** (1902–1990), сына дьякона из старинного села Никольское-на-Черемшане. По окончании Ленинградского горного института Валентин Цареградский участвовал в Первой геологоразведочной экспедиции на Колыму (1928–1929), после чего руководил Второй (1930–1931) и Третьей (1933–1935) Колымскими экспедициями, а в 1937–1938 годах – Индигирской экспедицией. Потом более 15 лет возглавлял Геологоразведывательное управление Дальстроя НКВД-МВД СССР. В 1948 году его дважды приглашал на приём сам Сталин. “За особые заслуги в деле промышленного освоения Дальнего Севера и обеспечение в трудных условиях военного времени успешного выполнения планов добычи редких и цветных металлов” в 1944 году ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. А за открытие и исследование новых месторождений золота на Северо-Востоке в 1946 году генерал-майор инженерно-технической службы В. А. Цареградский был удостоен Сталинской премии первой степени. Он составил первые обзорные геологические карты Северо-Востока, позволившие открыть множество месторождений полезных ископаемых, а в соавторстве с академиком С. С. Смирновым написал ряд важных научных работ.

Судьба выдающегося учёного и государственника, как и всей его незаурядной семьи, настолько захватила Александра Малиновского, что он углубил свои изыскания, подстёгнутые невежественным равнодушием нынешних инженеров “политеха”: “... В группах студентов, среди будущих нефтяников, механиков, нефтехимиков не оказалось знающих что-либо о замечательных выпускниках Цареградских. Ничего, говорил я себе, не в первый раз такое. Ведь на мои вопросы: “Кто такой Гарин-Михайловский? Что они знают о селе Гундоровке? Что знают о другом нашем земляке, известном писателе, который написал сказку “Аленький цветочек”?” – студенты отвечают чаще всего, только заглянув в компьютеры. Подумал: “Вина здесь не столько их. Корни её в нас, во взрослых, больше всего. Они дети перестроечных 90-х годов. Занятия выживанием, мы не дали им того, что надо было... Стране же сейчас необходимы созидатели. Во всех сферах нашей жизни. Такие, как В. А. Цареградский, И. М. Губкин, В. Г. Шухов, Н. К. Байбаков, В. И. Муравленко и другие. Инженеры своими талантами всегда крепили основы нашей страны. России нужны люди, объединяющие свой народ. И их мы должны знать!”

К слову, сам создатель “Саги” регулярно возникает в авторских отступлениях, комментирует дубль-ситуации, но только тогда, когда не может удержаться, ведь он – из той же породы. Это сейчас всё и вся поразил вирус “комфорт-конформизма”, множащий ряды изнеженных профанаторов и имитаторов. Породу первооткрывателей собирал и цементировал негласный девиз: **“Мне интересно, я не устаю удивляться и хочу делать это всю жизнь”**. Отсюда и стиль: факт и только факт, поскольку именно “его величество факт – вещь в жизни часто фантастическая! Особенно когда человек сталкивается с неизведанным. Мне интересен человек не придуманный, а живой, конкретный”...

Карта залежей и судеб

– Моя сага – это не кельтское сказание о героях-небожителях. Менее всего сегодня я расположен к сказительству. Мне больше по сердцу неспешная дума-размышление о самых обыкновенных людях, по некоей причине поднявшихся во весь рост, заглянувших за тучи и увидевших звёзды, так и ставших героями. Это, вместе с тем, и документально-художественное осмысление нерасторжимой связки прошлого/настоящего, но сквозь призму авторского опыта. Рассуждая о мною и не мною прожитом, я включаю авторский подстрочник, приглашая читателя к диалогу на равных. Только в таком контексте можно пробудить его интерес, сделать книгу работающей на самые разные аудитории. Это, так сказать, мировоззренческая программа-максимум. Есть и сугубо литературно-прикладная программа-минимум, возникающая из авторской мечты “возродить престиж инженера”, помочь молодым осмыслить значение жизни отдельного человека в судьбе своей страны, “заразить” его собственными побудительными мотивами. А из них главный: удивление перед выплеском, высверком созидательной энергии первооткрывателей.

Ведь почему я с такой любовью писал об этих людях? Да потому что Цареградский – это копия моего дяди. И наша деревня Утёвка всегда была полна таких самородков. Поначалу я недоумевал: откуда они берутся? Потом понял: да веками он накапливался, вот этот потенциал. Сельская община ковала этих людей, которые, пребывая веками во тьме невежества, от природы были талантливы, любознательны и при любой возможности искали место для выброса своей энергии. Они всегда мечтали узнать, найти, получить ответ на вопрос, открыть что-то новое. Эти импульсы и толкали их сначала покорять университеты, а потом – неведомые просторы Вселенной. Или вот мой дедушка. Он абсолютно, даже чисто внешне был похож на того же Степана Дуракова – скромнейшего, немногословного героя экспедиций Билибина и Цареградского. Вопрос: почему я взялся за эту форму? Перед нами не столько художественное произведение, сколько биографически-документальная, что ли, хроника... даже не хроника, а некая мозаика фактов и портретов. Казалось бы, тут сама тема столь благодатна, что я мог замахнуться на пятитомную эпопею, полную приключений и интриг. Не стал, и теперь рискну вступить в спор с моими коллегами – сторонниками классических форм, писанных законов жанра. А я против. Почему? Дело в том, что, преподавая в Самарском техническом университете, вот уже 20 лет я наблюдаю за современными студентами и вижу: они всё скептичнее относятся к литературе завиральной, высосанным из пальца героям, даже если эти герои реальны и списаны как бы с живого прообраза, даже носят историческое имя. Студент думает: вот писатель, он лет на 10 старше меня, накропал чего-то там по неким литературным формулам: завязка, кульминация, развязка. Уверен: уже из-за этих навязанных нам классических законов и правил студент не верит такому продукту. Жизнь-то другая. Зато, видя строго написанную книгу про конкретных людей, он понимает: этот писатель не врёт, он всё строит на живых свидетельствах и проверенных источниках. А значит, не уходит от правды, не пытается заморочить мне голову своими придумками, навязать свою мудрость. Так с годами я всё больше склонялся к мысли, что надо писать не сюжетные вещи, а правду. Последние мои книги сделаны именно в таком ключе. И построение их придерживается такой концепции: вырванные из жизни правдивые голоса, то хор, то соло, то а капелла. В “Саге о первооткрывателях” я сделал этот приём центровым.

На несколько лет инженер и профессор погрузился в архивы. Подобно записному старателю слова и добытчику факта, перерывая горы “пустой породы”, он скрупулёзно намывал золотые крупинки будущих самородных глыб-судеб героев своей последней “Саги”. Большую помощь в этой работе ему оказали земляки Цареградского Жамиля Кульчунова и Эмис Булатов. Скоро к поискам удалось подключить других родственников замечательного геолога: родовые цепочки и “их величества факты” потянулись со всех концов страны. Точно драгоценная карта, книга обрастала бриллиантовой вязью судеб. Среди её героев:

Юрий Янович Розенфельд (1874–1940). Эстонский геолог и первый колымский дореволюционный золотоискатель. Автор записки “Поиски и эксплуатация горных богатств Охотско-Колымского края”, вдохновившей целое поколение учёных и золотодобытчиков, в том числе организаторов Первой Колымской экспедиции. Отсидев 4 года (1935–1939) по обвинению в “мистификации и злостной утайке “богатого” Гореловского золоторудного месторождения”, он был досрочно освобождён, но в 1940 году найден убитым на 403-м км Колымской трассы;

Анатолій Капитонович Болдырев (1883–1946). Доктор геолого-минералогических наук, ведущий российский учёный-минералог. Основатель Фёдоровского института кристаллографии, минералогии и петрографии. Наставник Ю. А. Билибина, В. А. Цареградского, Д. В. Вознесенского. Осуждённый в 1939 году по доносу завистника на 5 лет и сосланный на Колыму, работал на строительстве Усть-Тасканской электростанции и в системе геологоразведочного управления Дальстроя. “Рыл котлованы и писал статьи”, а “походя” заложил основы для сводных работ по обобщению материалов многолетнего геологического изучения Северо-Востока, составил бесценный “Каталог минералов

Северо-Востока СССР” и подсчитал мировые запасы золотых месторождений. Во время выездной комиссии АН СССР его доклад и научный подвиг привели в восторг самого В. И. Вернадского, рекомендовавшего его в АН, но профессор Болдырев трагически-нелепо погиб во время командировки;

Александр Павлович Серебровский (1884–1938). Начальник Главного управления по цветным металлам, золоту и платине ВСНХ СССР (“Главлзолото”). Заместитель наркома тяжёлой промышленности (1931–1937) и организатор советской промышленной золотодобычи;

Эдуард Петрович Берзин (Берзинь, 1894–1938). Знаменитый латышский революционер, виднейший чекист, подавивший левоэсеровский мятеж в Москве и раскрывший заговор Локкарта, крупный хозяйственник, директор великолепно отлаженного треста “Дальстрой” (Колымлаг), куда мечтали попасть эки других “островов ГУЛага”. Основатель Магадана, колымского аграрного сектора и 600-километровой Колымской трассы, его человеческие и организаторские качества высоко ценил Варлам Шаламов;

Сергей Дмитриевич Раковский (1899–1962). Прораб 1-й и замначальника 2-й Колымской экспедиций, один из первооткрывателей золотоносных районов Севера, организатор геологической службы и горнодобывающей промышленности на Северо-Востоке СССР, лауреат Сталинской премии 1 степени;

Владимир Иванович Серпухов (1899–1977). Выдающийся геолог-теоретик и самоотверженный полевой практик. В конце 1930-х годов с товарищем в невыносимых условиях голода и стужи месяцами исследовал тундру, сам себе ампутировал отмороженный палец (позже отняли заражённую гангреной ногу). Профессор Горного института;

Вольдемар Петрович Бертин (1888–1964). Первооткрыватель Алданского золотоносного района, блестящий старатель, глава трудовой артели, начальник экспедиций “Союззолото” на Чукотку (1928) и Дервенской в Таджикистан (1949), директор золотых приисков и контор “Золоторазведки” (Якутской, Забайкальской);

Эрнест Петрович Бертин. Брат Вольдемара, прораб Эльконской партии в составе Первой Колымской экспедиции, “душа компании”;

Степан Степанович Дураков. Искусный промывальщик, плотник, лоцман-плотогон, мастер на все руки, герой Первой Колымской экспедиции;

Макар Захарович Мёдов. Отважный якут-проводник Первой Колымской экспедиции, советский “Дерсу Узала”, не убоившийся “чёрной метки”: “Покойник будешь!” – от Элекчанского родового совета, где главенствовали старорежимные тунгусские князьки.

И далее: Вронский, Вознесенский, Казанли, Рабинович... Судьба каждого и каждой достойны хорошей книги и первоклассного сериала...

“Оплаченный вексель Билибина”

Ну, а увенчал “карту Малиновского” бриллиант по имени **Юрий Александрович Билибин** (1901–1952) – тот самый, чьим именем названы город на “моей детской карте”, а также первая советская АЭС на Крайнем Севере. Могучая фигура Билибина, приравненного к величайшим корифеям советской науки, до сих пор мало изучена и, тем более, изображена во всём блеске и изобилии талантов. Ну, разве что – россыпь оцифрованных крупинок на Северных сайтах, как, например, опубликованная аккуратно к 50-летию Первой Колымской экспедиции (1928–1929) Магаданским книжным издательством заманчивая повесть **Германа Волкова “Вексель Билибина”** (1978), через 6 лет переизданная под заголовком **“Золотая Колыма”**. Плюс ей же посвящённая книга **Евгения Устиева “У истоков Золотой реки”** (Москва, 1976).

И вот ровно 40 лет спустя самарец Александр Малиновский взялся по новой воссоздать масштабный образ Юрия Билибина во всей полноте его неординарной личности. Так кем же он был, этот атлет и интеллектуал, искатель и учёный, боец и наставник, аристократ и трудяга?

Потомственный дворянин, сын полковника царской армии, Юрий Билибин в детстве учился в самарском реальном училище, вместе с отцом добровольно до 1921 года служил у красных в штабе 16-й армии. Демобилизовавшись, решил посвятить себя геологии. В стенах Петроградского горного института звезда фортуны и свела двух “перспективных” студентов: Валентина Цареградского и Юрия Билибина:

“У Билибина уже тогда были выражены не только задатки учёного, но и истинного философа с огромной внутренней интуицией... Подрабатывал, как и Цареградский, грузчиком в порту, который был рядом с институтом, расчищал снег на трамвайных путях Васильевского острова. Как это знакомо. Нам, ребятам выпуска 60-х годов политехнического института в Куйбышеве, часто приходилось разгружать баржи на Волге, вагоны на железнодорожном вокзале, лопатить земельные участки вдоль Волги на дачах и в пионерских лагерях. Но мы получали стипендию, не платили за обучение, плюс почти бесплатное место в общежитии. Другое дело — Юрий Билибин. Он дважды обращался к руководству института с единственной просьбой: “Вносить плату за обучение я не в состоянии. Не имея никакого постоянного заработка, я сейчас живу только тем, что мне удалось заработать осенью в порту, употребив на это полтора учебных месяца. Рассчитывать на поддержку из дому не могу, так как отец, член профсоюза транспортников, получает весьма ограниченное жалованье, содержит на своём иждивении мою сестру и мать”. На прошение легла суровая резолюция: “Оставить в силе прежнее постановление”...

Но... “Есть только миг между прошлым и будущим...” Строки из всеми любимой песни к кинофильму **“Земля Санникова”**. Не поверите, но многих героев книги Малиновского этим “мигом” на всю оставшуюся жизнь “пленит” автор “Земли Санникова”, настольной книги первооткрывателей, великий геолог Владимир Обручев, а затем и его не менее славный сын: “Их легко воспламенявшееся воображение было однажды поражено интересным докладом **Сергея Владимировича Обручева**, который только что возвратился из длительного путешествия в бассейн Индигирки и привёз оттуда массу новых геологических и географических сведений, — пишет Евгений Устиев. — “Послушай, Юра, — воскликнул после обручевского доклада Валентин, — ведь это новая Америка! Там можно ждать чего угодно!”

Будущий академик **Владимир Афанасьевич Обручев**, на ту пору консультировавший трест “Алданзолото”, и порекомендовал своего выпускника Юру Билибина на Алдан “геологом с явными задатками разработчика научных методов поисков золотых месторождений”. Автор “Плутоний” не ошибся. Очень скоро Алдан, Индигирка и Колыма навеки свяжут судьбы Билибина и Цареградского. Это случится во время Первой Колымской экспедиции (1928–1929), которая докажет повышенную золотоносность Колымского региона. А золото на тот момент для Страны Советов означало не меньше, чем воздух. Станки, заводы, хлеб и кадры — всё это имело общий синоним: “золото”.

Головокружительная эпопея последовавших одна за другой геологических экспедиций и открытий для тесных рамок нашего повествования неподъёмна. Важен результат. Имя ему — Золото Колымы, плюс новый город Магадан. Авторы результата — Билибин и Цареградский, их верные друзья и сподвижники.

Вот лишь избранные пункты той золотоискательской “одиссеи”: Самара, Москва, Ленинград, Владивосток, Ола, Оймьякон, Нагаево (Магадан). А ведь самолётов ещё не было! До Владивостока — недели тряски в вагонах, чтоб вовремя успеть на пароход до бухты Нагаево. А там на собачьих упряжках, на лошадях и на плоту — сотни верст по бешеным рекам или лютому морозу. То же самое обратно. Был случай, когда “дезертировавшая” со сплава лайка закошмарила весь посёлок с Управлением: это всё, что осталось от экспедиции!

Как и водится в этом мире, Билибин, на десятилетия опередивший современников в своих прогнозах и новаторских методах полевых работ, едва не поплатился за это карьерой и даже жизнью. Это сейчас золото Колымы — аксиома и, кажется, вечная данность. Билибину свою правду приходилось отстаивать научно на фоне дремучего невежества кондовых старателей и захолустных бюрократов, строгой теории предпочитавших мифы и побасёнки. О золоте Колымы много говорили, но мало кто мог похвастать хотя бы золотинкой. В таких условиях Билибину приходилось снаряжать Вторую экспедицию на Колыму, которую ему в итоге так и не доверили: “Разруха, нанесённая гражданской войной, последствия экономической блокады Советского Союза, предстоящая индустриализация требовали огромных затрат. И в этих условиях были выделены значительные средства на экспедицию (2 миллиона рублей). Было о чём думать и волноваться 28-летнему геологу... Лишь когда о плане Билибина узнал Молотов, всё изменилось. В ноябре 1931 года для промышленного освоения Северо-Востока страны был создан государственный трест “Дальстрой”... В начале 1932 года Ю. А. Билибин был назначен

главным геологом треста “Дальстрой”. Как отмечал в своё время Ю. А. Билибин, создание “Дальстроя” – решающий момент в истории развития всего Охотского побережья, включая Колымские прииски. Трест дал толчок развитию и Нагаевской бухты, и более удалённым пунктам на побережье...

Уже в 1932 году “Дальстрой” добыл 511 килограммов химически чистого золота, в 1933 году – 791 кг. В 1935-м – 14, 458 тонны, в 1936-м – 33, 360 тонны. В 1936 году Колыма практически догонит один из самых продуктивных золотоносных районов Америки – Калифорнию. Иосиф Сталин 25 декабря 1933 года в интервью газете “Нью-Йорк таймс” отмечал: “Наша продукция уже вдвое превысила продукцию царского времени и даёт сейчас более 100 миллионов рублей в год. Особенно за последние два года мы улучшили методы геологоразведочной работы и нашли большие запасы золота”. В 1936 году газета “Правда” привела высказывание Э. П. Берзина о том, что за день Колыма добывает столько золота, что на эти деньги можно прокормить один день целый мир”.

Более всего радовало, что, в отличие от других золотодобывающих предприятий, “Дальстрой” не входил в структуру “Главзолота”, а подчинялся непосредственному руководству СССР, что давало и льготы, и чрезвычайные полномочия, в том числе на использование труда заключённых. А это был не самый дружелюбный контингент: в июле 1935 года сбежавшие зеки из Тасканского горнопромышленного района убили инженера-геолога поисковой партии Зверева и, ограбив продовольственную базу, скрылись в тайге. Остаться без продуктов на безлюдных просторах Колымы в те годы означало почти гарантированную смерть от голода.

Но стужа и цинга, зеки и звери – ничто в сравнении с косностью коллег и, тем более, безбашенностью руководства. Слово Билибину: “Правда, осваивать Колыму было трудно, но суть всё-таки заключалась не в этом, а в полном неумении руководителей снабжения организовать своё дело, в их абсолютном незнании условий тайги, в полной беспомощности и растерянности во всех затруднительных случаях. Достаточно сказать, что за две зимы 1931–<19>32 г<одов> и 1932–<19>33 г<одов> в транспорте, обслуживавшем снабжение приисков, пало свыше 2 000 коней. Все отрасли приискового хозяйства – и эксплуатация, и разведка, и особенно геолого-поисковые работы – неизменно были остро недоснабжены”.

Сосредоточению работ на потенциально-золотоносных участках, гениально предугаданных и определённых Билибиным, изрядно мешали ненаучные, подчас мифические слухи о так называемом “золоте казачьего пятидесятника Попова”. Билибин с его уникальной научной интуицией сходу их опроверг. Однако “подход академика” жёлко высмеивали, по старинке предпочитая ему “старательское чутьё” и слепую веру в удачу. Это крайне дезориентировало людей и затягивало дело. Разумеется, “блеф Попова” будет разоблачён: казачий пятидесятник спутал золото с пиритом...

Но как же геологу да без её “благородия, госпожи удачи”? Когда уже казалось, что экспедиция вернётся с весьма скромными результатами, фортуна улыбнулась ей шире, чем героям Хаггарда и Буссенара:

“Цареградский взял полотенце и вышел из палатки, стоявшей на галечной террасе с редкими кустами стланика и ивняка. Пробравшись через линию кустов, оказался на подмытом зеленоватым речным потоком крутом берегу Среднекана... Он спустился к воде и разделся по пояс... Одеваясь, повернулся к лиственнице и увидел меж валунов ещё дореволюционную фунтовую банку из-под какао. На фирменном ярлыке значилось: “Какао Эйнем”... Смешанное чувство владело геологом. Он уже наверняка знал, что нашёл. В истлевшем мешочке весом не менее трёх килограммов, уплотнившись, лежало золото. И в таком количестве, какое пока экспедиция не находила... Его величество случай перекрыл все достижения экспедиции за сезон”.

Итоги Третьей Верхне-Колымской экспедиции превзошли все ожидания и прогнозы: помимо золота, на правобережье Колымы были обнаружены богатые залежи угля и меди. Наконец, везунчик Цареградский открыл для всех и минеральный источник, донине питающий всесоюзную здравницу – бальнео-грязевый курорт “Талая”. Между прочим, автор этих строк ровно 40 лет назад целый месяц вкушал там целительно-талую водичку.

“Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского порой упрекали, что трест “Дальстрой” – не Академия наук и прочее, что нужны не теоретические изыскания и умопостроения, а реальные открытия. Но в итоге всё равно оказывалось,

что практическая сторона дела – открытие месторождений – находится в прямой связи с познанием геологии края. Собранный Верхне-Колымской экспедицией материал позволил разрешить важный и принципиальный вопрос: какую структуру представляет из себя территория”.

Однако и “кистень” старательской рутинной так просто не собьёшь. А тут ещё “вумные” и сильно опередившие эпоху билибинские проекты “требовали значительных затрат и времени. А этого-то у “Дальстроя” как раз и не было. Был спущен план добычи золота по годам. Этот план мог быть выполнен на основе разработки именно рудного золота. Руководство “Дальстроя” стало недоверчиво относиться к прогнозам Ю. А. Билибина, как к журавлю в небе... В 1933 году Ю. А. Билибина отстраняют от должности главного геолога. По Магадану пошли слухи об ордере на арест Билибина... И жилья ему, вернувшемуся из тайги, в Магадане не предусмотрели – пришлось ютиться у Д. В. Вознесенского... Он оказался не у дел... По городу одиноко шёл человек, у которого не было собственного ночлега, человек, имя которого через несколько лет узнает огромная часть отечественного научного сообщества. В его труде “Основы геологии россыпей” впервые в мировой практике всесторонне будут освещены геологические особенности россыпных месторождений золота. Перед отъездом из Магадана Ю. Билибин дополнил своё заключение о запасах россыпного золота. Он указал в нём размеры добычи его по годам на десятилетие вперёд. Однако признание этого заключения и прогноза наступит только через три года, в 1936-м. Вопреки ожиданиям руководства “Дальстроя”, план добычи россыпного золота будет перевыполнен вдвое, и добыча его достигнет той величины, которая была намечена прозорливым учёным... Правота и прозорливость Ю. Билибина стали настолько очевидны, что на организованной по инициативе С. С. Смирнова Первой геологической конференции в Магадане (1936), в отсутствие Ю. Билибина, Э. П. Берзин вынужден был в своём публичном выступлении признать, что “вексель Билибина, выданный государству, полностью оплачен”. Фраза Э. П. Берзина – “оплаченный вексель Билибина” – вошла в историю освоения Колымы”.

Но это три года спустя, а тогда – в 1933-м – Юрий Александрович просто крепко напился в кругу товарищей и послал “по матушке разэтакую власть”. К счастью, свои не сдали, и “опальный” первооткрыватель золота Колымы в сиротливом одиночестве убыл в Ленинград, что, очень может быть, избавило его от участи старших товарищей Берзина и Серебровского (оба были расстреляны в 1938-м). Яркие деятели той сложной эпохи, они были сотканы из противоречий, обусловленных безжалостной кройкой по имени Революция.

Оставшиеся годы Билибин целиком посвятит большой науке, где откроет целое научное направление – региональную металлогению – и детально разработает вопросы образования россыпных месторождений золота. В годы Великой Отечественной войны Юрий Билибин защитит докторскую диссертацию (1944). Впрочем, академическое поприще немногим отличалось от диких просторов Севера. Скорее, наоборот. Вот как сам учёный характеризовал обстановку на “фронтах большой науки”:

“В отношении академиков занимаюсь тем же, чем и Вы на Колыме, – воюю. В последние годы я успешно занимаюсь разработкой вопросов металлогении, но не отвлечёнными вопросами, не бесплодным теоретизированием в стиле наших академиков, а сугубо насущными вопросами” (1949).

Его громадный вклад в открытие золотоносных районов на Северо-Востоке СССР уже отмечен Сталинской премией СССР (1946). В том же году Билибина избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. А ещё через 5 лет случится роковой инсульт, который осиротит Отчизну на одного академика, которым Билибин стопроцентно стал бы в ближайшие годы. Не сломленный Колымскою стихией витязь науки не выдержал укусов “столичных комаров”: “Беда наших крупных учёных-геологов в том, что, попав в академики (а некоторые – только в членкоры), они тотчас уходят на покой, перестают работать или, в лучшем случае, работая потихоньку сами, перестают быть научными руководителями крупных коллективов геологов. Совершенно естественно, что они не могут приветствовать моё вторжение в их мирную жизнь, так как мои рабочие гипотезы, мои прогнозы накладывают определённые обязательства и на них, зовут их из “тыла науки” на “передовую линию фронта”... Выступая сами против моих концепций и прогнозов, они мобилизуют и всякую мелкую сволочь”.

Всё это, сказанное 70 лет назад, как никогда актуально. И не только для баталий... научных. Тот же Александр Малиновский всю жизнь “оставался на острие”: в науке, в производстве, в литературе.

Жизнь геолога – отпечаток на граните

– Многие могут сказать, что вот, мол, Малиновский на старости лет изменил своему призванию писать о деревне, ударившись в сагу об инженерах, геологах-технарях. Да нет же, я сам инженер, профессор, автор 26 изобретений, не имеющих аналогов в мире. Да, родом я из села Утёвка, душой – простой крестьянин, по складу был и есть деревенский мужик. Когда полвека назад я поступил в Куйбышевский “политех”, один весь такой лощёнький однокашник обозвал меня крестьянином. Я ему тут же врезал. Не за то, что мне было обидно звание “крестьянин”, я им горжусь. А за то его пренебрежение к великому сословию крестьянскому, которое на протяжении тысячелетий кормило Русь, вынося на своём горбу тяготы самых страшных войн и нашествий, даруя ей лучших сынов в науке, мысли, слове – русской культуре. Так вот, я настаиваю: “Деревенщики в литературе – это хорошо. Но нельзя всю жизнь вариться в собственном соку. Без инженерного рывка, без технического прогресса, без средств связи безинженерная Русь закиснет, не сумеет ответить на вызовы времени. Без современных военных сил, новейших коммуникаций, передовой медицины не совладеет обороняться – противостоять отменно вооружённым недругам. Поэтому мой роман – это гимн инженерной мысли, подвигу геологов – самоотверженных первооткрывателей”. Только в прочном сплаве лучших представителей деревни, городских трудящихся, учёных, военных, врачей, через их волю и силу выстоит Россия. А это возможно при созидательной идее, которая увлечёт к новым высотам, дальним горизонтам. Развитие всегда требует новых идей и людей, новых целей и стимулов для будущих продолжателей – пассионарных личностей. Сейчас у нас ничего этого нет, вот потенциальные пассионарии и прозябают в одиночестве, чаще всего даже не догадываясь о своём предназначении. Сегодня весь ассортимент статусных, востребованных профессий напрочь исключает романтику. На виду банкиры, финансисты, клерки, программисты, юристы, менеджеры, пожизненные депутаты – “белые воротнички”. При этом до верхушки айсберга большинству никогда не дотянуться. А значит, остаётся что? Правильно, “офисный планктон”. Какие тут могут быть дальние горизонты и высоты мысли? Вместо человеческих качеств в цене то, что называется “отрицательный отбор”. Робкий серый отстой царствует всюду – во власти, в культуре, в мысли и в слове. Горький вопрос: так отчего угас могучий запал пионеров 1920–1930-х, да и позднейшей генерации конца 1960 – начала 1980-х? Всё дело – в замесе чистой, здоровой, земной и солнечной энергии интеллектуального пробуждения. Веками копаясь на селе, в общине, она переполняла его и редко взрывалась ползуновско-ломоносовскими протуберанцами или коллективной боевой смекалкой, как в Отечественную войну 1812 года, когда барские колодки на время отлетели прочь. Стягиваемый в веках сословно-местническими цепями, после революции 1917 года освобождённый космос крестьянской России жадно потянулся к знаниям, открытиям, вершинам, засверкал бесконечной лавой самородков...

“Держись, геолог”... Популярная “оттепельная” песенка в исполнении Ирины Бржевской породила “жанровый набор” представлений о профессии геолога: рюкзак, ружьё, палатка, байдарка, костёр, ну, и чуток “палящего солнца и нещадного ветра”...

Что ж, прикоснитесь к теневой стороне геологического житья 1920–1930-х. Владимир Серпухов, тот самый, что ампутировал себе отмороженный палец: “Бродить весной и осенью (март, апрель, май, июнь и октябрь) по колену в снегу, а коротким летом – по колену в воде или по каменной россыпи, по кручам и всё время с двухпудовой ношей на спине – больше чем тяжело!.. Мне не верится сейчас, что я и Бойков были способны на это... Нами исследована площадь в 30 000 квадратных километров. Это значит, что каждый из

нас прошёл пешком во время полевых работ на Чукотском полуострове с двух-пудовой ношей за плечами около 6 000 километров, то есть расстояние от Москвы до Иркутска... За время нашего пребывания на Чукотском полуострове мы на полярной станции пробыли всего около двух с половиной месяцев. Остальное время были в тундре. И всё это время мы впроголодь питались пресными лепёшками и чаем”.

Работа Серпухова “заинтересовала Сталина, и он потребовал отчёт об экспедиции. Прочитав отчёт, он вызвал Володю к себе и спросил: “Почему вы пишете только о себе и своём прорабе? Были же у вас рабочие, назовите их!” Володя ответил: “Серпухов и Бойков”. Сталин спросил: “Что же, и шурфы вы копали сами?” Володя ответил: “Сами””.

У геологов даже любовь тесно переплетается с разлукой, а то и гибелью любимого. Пропадали всяко, бывало, и по дури: “Прибывший на смену дежурившему ночью охраннику Пожарову его сменщик Поедавших повёл себя необычно. Подойдя к Пожарову, он спросил, не было ли каких происшествий во время дежурства. “Нет, не было”, – ответил тот. И тут Михаил Поедавших неожиданно, видимо, желая подзадорить товарища, спросил: “Что бы ты сделал, если бы к тебе бесшумно подошёл незнакомый человек? – Окликнул бы, скомандовал: “Ложись!” Позвал бы второго дежурного, мы бы его обыскали, связали до утра. – А если бы вместо того, чтобы лечь, он бросился на тебя, оглушил палкой или камнем? Ты бы ни прицелиться, ни выстрелить не успел?! – Ещё как бы успел!”... И тут Поедавших, стараясь выбить веслом из рук дежурного винтовку, бросился на него. Пожаров передёрнул затвор и, не прицеливаясь, нажал на спуск. Нападавший, оседая, свалился замертво в траву”.

Гибли и от злодейской руки, но что особенно обидно – за просто так: “Осенью Катюша с нетерпением ждала возвращения Коли. Однажды она пришла встревоженная в мою комнату и сказала, что почему-то погиб цветок, цикламен, подаренный ей Колей в день свадьбы... Коля не вернулся. Его и его коллектора убили в тайге два уголовника, недавно вышедшие из тюрьмы, убили из-за денег, которые он должен был получить на прииске. Денег для расчётов работников всей партии на этом прииске он не получал”.

Такие свидетельские факты и дневниковые строки – “как отпечаток на граните”, полагает Малиновский. Кто-то цинично хмыкнет: “А вы как хотели? Колыма же, известное дело”... Ан, нет! Время было другое, и народ не нашего замеса: “Не знали местные жители и воровства. Если хозяин уходил или уезжал на время, то просто снаружи подпирал дверь палкой, давая знать: дома никого нет... Ещё во время Первой Колымской экспедиции был такой случай. При перевозке грузов ослабли олени. Геологам пришлось оставить груз с продовольствием в тайге. Этим же маршрутом проезжал позднее местный оленевод-охотник, у которого закончились припасы. Он взял из импровизированного склада немного муки. Уезжая, затесал дерево, сделав расщеп, вставил щепу в виде указателя-стрелки в сторону своей юрты. Прошло время, к геологам в барак пришёл звенк узнать, почему никто не пришёл к нему в чум по указанному знаку? А так как муки у него нет, привёз взамен оленьё мясо и рыбу... И в моей Утёвке многие жители поступали подобным образом. Так делала и моя мама. Замок был. Но обычно он висел сам по себе рядом на стене. А на скобу петлю набрасывали без него. Так было до 60-х годов... Пришло разбойное время 90-х. В сёлах начали грабить всё, что можно. Родители мои не дожили до таких дней, когда я в городе поменял деревянную тощенькую входную дверь на железную, аж с двумя замками”.

Золото и “самородки”: “Моцарт и Аксаков русской геологии”

Универсальность личности Билибина, как и его друзей-единомышленников, камня на камне не оставляет от “диспута”, противопоставившего физиков лирикам. “Диспут” навязали “шестидесятники”, что зафиксировали фильмы Шукшина и Хуциева, где “утонченные интеллектуалы” – будущие “нувориши бомонда” – потешались над “картошкой”, над “колхозанами”, “дерёвней” вообще.

Генерации Цареградских и Билибиных такое пренебрежение было чуждо, при всём благодостве их происхождения. Каждый участник экспедиции, будь то якут Мёдов или еврейка Рабинович, ценили товарища не за род, а за дар. А даров у искателей золота были “жилы и россыпи”. Каждый был самородком. У писателя Малиновского ни разу не возникло нужды придумывать какие-то

изящные сравнения. Всё сделали сами герои. Наверное, поэтому “Сага” пестрит живописными фрагментами из дневников геологов, чему не стоит удивляться. Любый участник экспедиции Билибина-Цареградского брал с собой по 2–3 книги: изучал теорию на ходу и... на основе практики! Не потому ли, невзирая на разность фамильных корешков, все они были настоящими эрудитами, наизусть читали сотни стихов? Так, в колымской глуши, веселя и разнообразя рутинный быт местных добытчиков, неожиданно раскрывались и цвели талантливые самородки!

В глухом посёлке Усть-Нера с появлением геологов возник даже малый симфонический оркестр, который моментально поддержали не менее приличные вокалисты. Аж целая группа! А на вчера ещё угрюмых берегах Индигирки вдруг зазвучали меццо-сопрано **Анны Петровны Раковской** с колоратурным сопрано врача **Клавдии Фёдоровны Камальян**. И пролился божественный мелос: “Патетическая соната” Бетховена, “Времена года” Чайковского, “Я помню чудное мгновенье” и “Жаворонок” Глинки... Григ, Моцарт, Бизе, Гуно... “И это в суровой обстановке, когда жили и трудились индигирцы по законам военного времени. Когда наряду с изношенной землеройной техникой широко использовался ручной труд заключённых...”

Характерно, что такие вот творческие выходные летом устраивали строго в непогожие дни, когда нормально работать на земле было просто невозможно. В такие часы, помимо песен и танцев, первооткрыватели искрились юмором, экспромтами и бенефисами. А генератором был опять же Билибин. Вокруг начальника формировалась “могучая кучка” исследователей Северо-Востока и... художников-артистов. **Мария Цареградская** декламировала свои стихи. Лирика зажигала сердца. Не только на работу. Именно в экспедициях многие находили и вторую свою “половинку”. Так оно и потянулось по всей Колыме. Билибинский задел, он же завет – **“труд, творчество и смех”** – стал традицией колымских геологов.

Разумеется, дирижёрский и режиссёрский тон задавали лидеры компании: “Если Билибина друзья и коллеги называли “Золотым Моцартом”, то Цареградского, с его внешней сдержанностью, некоторой отстранённостью, безусловно, скрывающими натуру богатую, разностороннюю, тонко чувствующую звуки, краски и запахи окружающей жизненной стихии, можно назвать Сергеем Аксаковым в геологии”. Вот отрывки из дневника (или всё-таки “путевой прозы”?) руководителя Верхне-Колымской экспедиции (1933–1935):

“Поднялось и начало пригревать солнце. Неожиданно в синеве неба я увидел высоко и плавно парящего беркута. В пронизывающих лучах солнца крылья птицы становились золотисто-коричневыми. Его внезапное появление на фоне пустынного неба было столь неожиданным и так поразило меня, что я остановил лошадь и некоторое время следил за его парением. Широко распахнутые крылья его были почти неподвижны и лишь слегка кренились при поворотах внутрь плавного круга. Он то взмывал ввысь, подхваченный восходящим потоком воздуха, то опускался к вершинам деревьев, высматривая на полянах добычу. Полёт был необычайно красивым, лёгким, и потому, как в детстве, невольно возникала зависть: “А почему мы не умеем летать? Как легко и быстро можно было бы сейчас облететь все окрестности, высмотреть все обнажения горных пород, опуститься, где нужно, обследовать и спокойно вернуться в бухту Нагаева...”

Наконец, в разрывах посветлевших туч засияла голубизна ясного неба, на востоке, как через зашторенное окно, просвечивало солнце, готовое вот-вот брызнуть лучами и растопить остатки снега. Воздух благоухал пряным настоем разнолистной зелени, разогретой коры деревьев и оттаивающей земли. Распахнув широко полотнища палаток, мы высыпали на простор, любуясь преобразившейся природой. Азартно щебетали и пели свои нехитрые песенки синицы и прилетевшие с юга зяблики. Рьяно токовали на полянах петушки куропаток, успевшие сменить свой снежно-белый зимний наряд на серо-коричневый, в мелких крапинках, соответствующий окраске горных склонов. На косах и островах Бахапчи оживлённо посвистывали кулички. Утки почти исчезли: пролётные улетели на север, местные уже гнездились и, прячась в зарослях, высивывали утят. Теперь солнце всходило всё раньше и всё позже, и медленнее опускалось к горизонту. Наступили белые ночи”.

А вот с дураками боролись на остром языке сатиры, мастером которой был, конечно же, Юрий Билибин. Во время оно его понизили в “техзамы”

начальника Среднеканской базы – редкостного тупаря и буквоеда по фамилии **Шур**. Сему “уникуму” и бывшему дамскому парикмахеру посвящались сотни эпиграмм: “Как-то Билибин за один вечер начертал на большом листе писчей бумаги 110 рифм на имя Шур, они в дальнейшем широко были использованы основными творцами “Шуриады”. Ю. Билибин увлекал всех своим азартом. Отложит в сторону рукописи “Геологии россыпей” и даст азартную команду: “Все в волейбол!” В. Вронская пишет: “Можете себе представить, каково было Билибину – при его-то самолюбию! – находиться в административной зависимости от этого субъекта? Ведь вся организация экспедиции исходила от Билибина, но формально каждую свою заявку он должен был согласовывать с Шуром – с доступным тому размахом “дамского портного”... Билибин (ещё во Владивостоке, перед отплытием на север, в Нагаево) наметил покупку лошадей и перевозку их на место пароходом (мы ехали грузовым пароходом). Шуру представлялось это неоправданным расходом, и он предлагал перегонять лошадей по льду, когда замёрзнет Охотское море... Раз в неделю в один из выходных дней (вечером) все, вместе с Билибиным, проводили время в коллективных играх. Билибин был неистощим на выдумку. Заражал всех своей детскостью, изобретательностью. Мерились силой (Билибина одолеть не мог никто. – В. П.), разгорячённые вываливались на мороз, в снег. Часто организовывали музыкальные вечера. Пели. Такие вечера всем очень нравились. Каждый вечер геологи собирались в коллекторной (в большом бараке). Это насторожило бдительное око начальника базы... Однажды к нам в барак прибыл Шур (необычное явление!) и вежливо осведомился, можно ли ему послушать лекцию, разулся и скромно уселся в дальнем полутёмном углу коллекторской. Был час Билибина. Он читал главу о морфологии образований, возникающих в результате деятельности ледников. По сути это были части из его будущей книги о металлогении, которую писал он урывками от текущих дел... На этот раз по ходу изложения Билибин упомянул о происхождении так называемых “бараньих лбов” – характерных форм, образовавшихся в результате деятельности льдов. По окончании лекции задавались вопросы. Шур проявил активность – поднял руку:

– А что, и у нас на Колыме бараньи лбы есть? – спрашивает смиренно Шур.

Билибин, вцепившись рукой в край стола – так, что побелели на сгибах пальцы, чуть подавшись вперёд и глядя в упор на Шура, отвечает со свойственной ему чёткостью, отдельно и громко:

– **На Ко-лы-ме ба-ра-ньи лбы есть!..**

Больше Шур на лекциях не бывал... “Шуриада” продолжалась. И в жизни базы, и на бумаге:

*Среди других больших фигур,
Вполне достойных изваянья,
Твоя фигура, мудрый Шур,
Стоит вне соцсоревнованья.*

Гримасы чиновничества и поэзия жизни вечны...”

Эпилог, или Песнь об отважных рыцарях с золотыми копьями

– Я задаю себе и читателю мучительный вопрос: а есть ли Цареградские сегодня? Этим ответом и призвана стать “Сага о первооткрывателях”. Есть! Современная молодёжь ничуть не глупее той, что была раньше. В ней не меньше романтики. Она бы так же хотела путешествовать, ей просто не дано эти качества в себе выявить и развить. Молодые люди даже не догадываются, что это в них заложено! Условия диктует другая – техногенная – кибер-идеология. Молодёжь зажата в виртуальных рамках гаджетов, компьютеров, кислотных дискотек, тепличного прозябания. Её ориентируют на карьеру “офисного планктона”. А как может быть иначе у тех, кто никогда не играл в уличную “войнушку”, не ходил в ночное, на рыбалку, не скакал на лошадях, не вязал снопы, не заготавливал сено? Другого трудно ждать от такого поколения. Тем не менее, будучи потенциально заряжены той же пассионарной энергетикой, что и Цареградский с Билибиным, они терзаются от внутренней неудовлетво-

рѐнности. В них зреет, не может не зреть неосознаваемый бунт, который, к сожалению, проявляет себя совсем в других настроениях, формах и акциях. Ребята то бездумно скачут на флэш-мобах, то хлопают Навальному, то обрекают себя на какие-нибудь лимоновские выходы. У них просто нет тех ориентиров, флажков. А самое дикое: никто и не требует от них новых путешествий или открытий. Путешественник в наше время – это дорогое удовольствие, которое под силу не бескорыстному романтику, а богатенькому эгоисту, соскучившемуся по остренькому. Такой может позволить себя яхту, покорить Килиманджаро, поохотиться на льва, устроить дайвинг или даже полететь на воздушном шаре и собственном планере. Но это всего лишь экстремальный туризм, суррогат путешествия. Есть совсем уж редкие экземпляры-одиночки типа Конюхова и Шпаро. Но они, скорее, исключения из правил. Вдвойне печально: молодѐжь на них тоже не ориентируется, скорее реагируя на тупые или совершенно сумасшедшие лайки в ютубе, которые не имеют ничего общего с созидательной романтикой первооткрывателей. Всё зависит, повторяю, от правящей идеологии, от поколенческого заказа, либо целеустремляющего миллионы далеко и надолго, либо гасящего волны искателей. То есть при огромном внутреннем замахе молодых ребят существует чрезвычайно зауженный горизонт обозначенных возможностей и запросов общества (читай: власти) – сейчас крайне жалких.

Александр Малиновский своею книгой решил встряхнуть молодѐжь, особенно техническую, заразить её искательской энергией геологов, повысить престиж инженера – конструктора и изобретателя. Он ничего не придумывал – лишь из первых уст героев формулировал цели и задачи геолога, первооткрывателя. Для этого требуется ведь не так уж и много: “Молодой начальник экспедиции Цареградский признавался, что его так охватило желание прокладывать первые тропы, делать открытия, составлять первые географические и геологические карты, что ни о почестях, ни о славе он не думал, получив под своё начало экспедицию. Ощущение значимости пути в мир неизведанного не оставляло места для второстепенного. Начинало сбываться то, о чём мечталось с самого детства!”

– Долететь до цели! – с азартом подхватывает Малиновский. – А что чувствовала горстка плохо снаряжённых людей, оказавшихся непосредственно в объятиях дикой природы, будучи на тысячи километров оторванной от привычного? Ведь задача у геологов была не в том, чтобы просто выжить физически! Надо было свершить, наперекор всему, задуманное... Это был вызов! Так заманчиво прочувствовать, понять состояние отважных геологов... Каким был сам Цареградский? Многогранным!.. На склоне лет он напишет книгу “По экрану памяти”. Память у автора завидная! И если говорить про её экран, он не чёрно-белый. Это память инженера и художника, тонко чувствующего цвет, запахи и краски жизни. “Физик” Цареградский всё время в полевых условиях не расставался с фотоаппаратом. И рисовал! Составлял карты полудикого края. В моих записках тоже соединились золотоискатели и нефтяники, посёлки, месторождения, города Самара, Москва, Ленинград, Сургут, Тюмень... И всем этим я обязан Валентину Александровичу Цареградскому-старшему, золотодобытчику. Он, как мощный локомотив, потянул цепочку судеб из безвестности, подтолкнул к поиску, заставил прислушаться и услышать. Самое молодое поколение Цареградских живёт и работает сейчас на суровой земле Западной Сибири. Геологи, нефтяники, строители 1970-х годов свершили чудо! Они дали стране, миру нефть и газ Западной Сибири.

– Только начни читать дневник любого геолога, и станет понятно состояние, которое владеет им, когда он пытается прояснить то, что образовалось, сложилось за миллионы лет жизни Земли, – во вневременную переключку “врывается” ещё один легендарный колымский геолог – **Борис Иванович Вронский**. – Когда он со своими знаниями, опытом такой короткой, как выскерк, собственной жизни в сравнении с этой чудовищной глыбой – миллионными лет жизни планеты – стремится, как отважный рыцарь с картонным копьём, взять до сих пор никому не доступную крепость. Тут всё: и раздражение, и мука, и смятение. И радость открытий!.. Все жертвы, утраты, все трудности окупаются сознанием того, что ты первый ступаешь на новую, ещё никем не исследованную территорию, что ты первый имеешь возможность ознакомиться

с ней и поведать о её богатствах другим. Именно это, ни с чем не сравнимое ощущение первооткрывательства давало нам возможность легко переносить трудности, которые в других условиях казались бы почти непреодолимыми!

— Нечто похожее, конечно, в менее значительной степени, приходилось испытать и мне, — соглашается Малиновский. — Помнится то состояние окрылённости, когда я получил первое свидетельство на изобретение. То, что удалось сделать, не существовало до того в технике. Не было аналога! И вот изобретение есть, оно работает!.. Оно тиражируется. Ни с чем не сравнимое чувство...

* * *

И вот он оборвался, этот диалог... сквозь времена и судьбы...

Билибин, Цареградский, Серебровский, Вронский, Раковский, Берзин, Серпухов, Болдырев, братья Бертины...

Строй доблестных “рыцарей с золотыми копьями” величаво и безвозвратно ушёл за горизонт, оставив по себе освоенным гигантский и неисчерпаемо богатый край, стёр с земной карты миллионы квадратных километров “белых пятен”, совершил фундаментальные открытия и двинул вперед мировую науку. Они ушли...

А теперь нет с нами и замечательного певца их, коллеги по колену, соратника по стати — профессора, писателя и первооткрывателя Александра Малиновского. Нет его. Но в этой своей, увы, последней книге Александр Станиславович не просто попытался разобраться, в чём секрет научной удачи. Он здесь воздал — за нас за всех — дань благодарной памяти этим подвижникам науки, чьё забвение преступно, непростительно!

Что двигало им и ими? Мысль-озарение. Неугасимое горение. Смысл как поиск, и поиск смысла. Осознанная целеустремлённость. Удивительная цельность. Железная самодисциплина. Воля и разум. Плюс безмерная и бескорыстная любовь к родной стране, которую они хотели обогатить своими находками, открытиями и самородками, отдавая ей всё бескорыстно и безвозвратно, вкуче со здоровьем и судьбой, кои без того нещадно ломала, вознося до звёзд и вечности, Великая эпоха.

“Сага” закончена. Отзыв на неё я озаглавил: **“Памяти писателя, первооткрывателя”**. В первом слове допустима поправка: **“Памятник”**... Ибо уверен: будет ему памятник — в именных уличных и институтских табличках, в фамильном музее, будет и бюст писателя-инженера на родине его — в славной патриархальной Утёвке...

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

д. э. н., научный директор Института проблем глобализации

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Расчеловечивание и ценностный конфликт России с Западом

Оборотной стороной колоссальных возможностей, которые дают информационные технологии, стала концентрация человечества на преобразовании уже не окружающей среды, но себя самого. Человек как биологический вид и социальная общность всей своей историей и накопленным опытом приспособлен к изменению мира, и переход к изменению себя (пока в виде трансформации своего сознания и восприятия) закономерно порождает многообразный шок.

Среди прочего, эта трансформация проявляется как расчеловечивание, дегуманизация, наблюдаемые на современном Западе: сексуальные извращения как “новая норма”, агрессивно навязываемая всем обществам и всем поколениям, оборачивающаяся торговлей детьми ювенальная юстиция, поощрение исламского терроризма, поддержка нацизма (пока украинского) и насаждение русофобии на государственном уровне, отказ от реальности в пользу самой оголтелой идеологизации и пропаганды, чудовищная жестокость вроде бы милых и добрых поодиночке людей... Список можно продолжать долго, но входящие в него явления – не помутнение сознания, а результат трансформации уже не только общества, но и личности в соответствии с объективными требованиями информационных технологий и под их влиянием.

Информационные технологии создают возможности новых рынков, но, чтобы создать эти рынки и начать на них зарабатывать, приходится отказываться от многого из того, что мы привыкли считать человеческим.

Вакханалия разного рода поведенческих отклонений (порой переходящих в психические) и провозглашение их Западом “новой нормой” в значительной степени вызваны интересами бизнеса: новые нормы поведения открывают новые рынки потребления, приносящие прибыль.

Это уже обнажило ценностный, непреодолимый разрыв между русской и западной цивилизациями, превративший в последние три года рутинную конкуренцию в подлинный взрыв ненависти и непонимания.

Западная цивилизация в её нынешнем виде создана капиталом как инструмент извлечения прибыли. И, когда оказалось, что для её увеличения нужно трансформировать человека, вылепить из него, как из пластилина, нечто совершенно непривычное, а порой и шокирующее (ведь то, что мы полагаем извращениями, создаёт новые рынки и меняет потребительское поведение), западная цивилизация, существующая ради денег, не испытала и тени сомнения.

Русская цивилизация исходит из первичности не прибыли, но человека. Деньги для нас – необходимое, но всего лишь подтверждение справедливости своих действий и образа жизни. И когда оказалось, что ради денег надо расчеловечиться, мы не увидели здесь ситуацию выбора точно так же, как не увидел её Запад, но со строго противоположным результатом: при всех наших недостатках и даже пороках, мы остались людьми.

Валдайская речь президента Путина 2013 года, провозгласившая наше право и обязанность жить по своим ценностям, была именно об этом. Повод был ничтожным – неприятие гомосексуальной пропаганды среди детей (как и в целом их сексуального развращения): пусть сначала дорастут до 18 лет, а уже потом делают с собой всё, что взбредёт им в головы и другие части тела. Российское общество даже не осознало, что этой речью зафиксировано наше принципиальное, ценностное отличие от Запада, зато Запад понял это хорошо, ответив организацией украинской катастрофы и возрождением государственного нацизма как единственно действенного инструмента уничтожения русскости.

Россия выстояла под ударом Запада, Россия дождалась, когда провозглашённая президентом Путиным патриотическая революция, опирающаяся на обычные человеческие ценности, с победой Трампа получила шанс стать глобальной (как с победой Рейгана стала глобальной либеральная контрреволюция Тэтчер).

Пришло время от обороны переходить в наступление, создавая глобальные структуры, которые будут опираться на традиционные ценности так же, как глобальные спекулянты опирались на ценности либерализма.

Однако перед этим надо чётко осознать, что расчеловечивание в соответствии с потребностями информационных технологий отнюдь не является ни социальным прогрессом, ни объективной неизбежностью. Точно так же сохранение человеческих качеств, пусть даже и сокращающее ёмкость рынков и их число, не является обречённой на провал тщетной попыткой цепляться за отжившее прошлое. Ведь социальный прогресс возникает не из подчинения изменившейся внешней среде, а из преобразования её в соответствии с потребностями не личности, но человечности, которую она может в себе и не воплощать.

Подчинение изменившимся внешним условиям, принятие их, капитуляция перед ними, толерантность к ним отнюдь не означает гарантии успеха – ни для общества, ни для индивида. Классический пример – ледниковый период: подчинившиеся изменению внешних условий человеческие племена либо вымерзли, либо откочевали в тёплые края, где и прожили с весьма умеренным прогрессом вплоть до прихода колонизаторов. И лишь оставшиеся, не подчинившиеся неблагоприятным условиям, а сопротивлявшиеся им, ценой чудовищных усилий и жертв (абсолютно бессмысленных с точки зрения рукопожатных общечеловеков, перенесись они в ту реальность), научились добывать и сохранять огонь, охотиться на животных и одеваться в их шкуры и дали тем самым начало современной цивилизации.

Сравнение нынешнего технологического вызова с тогдашним природным вполне правомерно: подобно тому, как первобытный человек жил в “первой”, естественной природе, а человек индустриальной эпохи – во “второй”, технологической, образованной транспортной и энергетической инфраструктурой, мы во многом живём уже в “третьей” природе – в ментальной инфраструктуре, созданной социальными сетями и технологиями формирования сознания.

И подчинение новым требованиям изменившейся внешней среды, как и в ледниковый период, отнюдь не гарантирует нам ни прогресса, ни даже выживания. Более того, насколько мы видим по на глазах начавшему вымирать Западу (население США растёт за счёт роста рождаемости у мигрантов), в отличие от нас не испытавшему геноцида либеральных реформ, и по самоубийству Европы с помощью принципиально не интегрируемых “беженцев”, подчинение объективным требованиям и расчеловечивание означает не создание новой цивилизации, а лишь уничтожение старой под благовидными предлогами прогресса и прибыли.

Потому что на повестке дня – вопрос или самоуничтожения человечества в силу подчинения беспощадным внешним требованиям, или наш прогресс и выход на невероятный, не предсказуемый ныне уровень – через сопротивление неприемлемому, в какие бы одежды радикальной новизны оно нирядилось, и переработки его в новое качество.

Ключом к будущему является не изменчивость, а культурная матрица, и неимоверное везение Русского мира заключается в специфике русской культуры, уникально и неистребимо сочетающей самые дефицитные качества современного человечества: творчество, склонность к технологиям, гуманизм и мессианство. Главным сегодня становится наличие воли, единственно способной повернуть этот ключ – не только для себя, но для всего человечества.

Трансформация личности

Психологи отмечают большую пластичность структуры личности у молодых людей, сформировавшихся под интенсивным воздействием хаотичных потоков информации (в интернете и, особенно, – в социальных сетях). Новое поколение существенно легче, чем предшествующие, меняет своё мнение, точку зрения и базовые представления (включая представления о добре и зле), менее готово их отстаивать и склонно применяться к меняющимся обстоятельствам, а не пытаться изменить или хотя бы понимать их.

Способности к логическому мышлению и восприятию содержательной информации существенно ослаблены; можно сказать, что формирующиеся в информационную эпоху люди меньше управляются знаниями и волей и больше – эмоциями и настроениями, которые они во многом черпают из социальных сетей.

Люди информационной эпохи склонны, в том числе и совершенно осознанно, приносить в жертву свои интересы, даже самые насущные и неотъемлемые, ради получения новых эмоций. Сенсорное голодание, ещё четверть века назад бывшее болезнью заключённых и руководителей, стало нормальным состоянием жителей крупных, а часто и средних городов.

Это делает новые поколения более манипулируемыми и менее сознательными, чем прошлые. Трагедия Украины показывает, что Россия существенно отстает от своих противников на Западе в сфере применения социального инжиниринга, поэтому данные изменения структуры человеческой личности в рамках межгосударственной и междивизиационной конкуренции будут использоваться (и уже используются) не столько нами, сколько против нас.

Вероятно, главным вызовом современному человечеству является феномен “информационного кокона”: социальные сети, стремясь к удержанию внимания пользователя, предоставляют ему лишь комфортную для него информацию. В результате человек информационной эпохи не просто утрачивает связь с реальностью (так как видит в информационном пространстве только комфортные для себя её элементы, вплоть до заведомо выдуманных), но и лишается стимула к развитию. При всей несводимости множества индивидов к образуемому ими обществу исчезновение стимула к развитию индивидов может грозить аналогичным эффектом и деградацией и обществу в целом.

Завершение глобализации

На глобальных рынках сложились глобальные же монополии, которые, загнивая, разрывают их на макрорегионы. После обострения кризиса в 2008 году из всей “большой двадцатки” лишь Россия не усиливала протекционизм, но, если из всей роты в ногу идёт лишь один поручик, его приводят в норму – не мытьём, так санкциями.

Экономическая взаимозависимость США и Китая не сдержит их конфликт так же, как взаимозависимость Великобритании и Германии не предотвратила Первую мировую, прервавшую прошлый этап интеграции.

Распад глобальных рынков на макрорегиональные сорвёт мир в глобальную депрессию. Катализатором станет военное столкновение Китая с США, ожидаемое некоторыми китайскими аналитиками в 2020–2021 годах, или повышение ставки ФРС (для уничтожения врага Трампа – глобальных финансовых спекулянтов), или реструктуризация госдолга США, но итог в принципе одинаков.

США оттягивали срыв в глобальную депрессию с 2001 года, запугивая спекулятивные капиталы расширением “зоны хаоса” и загоняя их в пирамиду своего госдолга. Это расширение заглохло, упершись в Россию и угрозу Третьей мировой войны, неизбежной при хаотизации одной из двух основных ядерных держав.

Либерализм как идеология превращения государства в инструмент эксплуатации своего народа глобальными монополиями надорвался в тщетных проектах Транстихоокеанского и Трансатлантического партнёрств, отдававших споры государств с корпорациями на суд последних и приведших лишь к выходу Великобритании, испуганной готовностью евробюрократии на Трансатлантическое партнёрство, из Евросоюза.

Повысив производительность переходом от индустриальных к информационным технологиям, глобальный бизнес сделал ненужными для производства потребляемых человечеством благ огромные массы людей. Поскольку у глобального бизнеса нет социальной ответственности, они подлежат социальной (а в неразвитых странах — часто и физической) утилизации. Разрыв между потребляемым и производимым максимален у “среднего класса” Запада. Поэтому устранение “лишних людей” заключается в его обеднении, которое усиливает дефицит спроса (а с ним и протекционизм) и разрушает западную форму демократии.

Протест погибающего “среднего класса” становится протестом против доминирования убивающих его глобальных монополий и ведёт к восстановлению суверенитета государств в рамках создаваемых ими макрорегионов. Именно такова суть патриотической тенденции, которую обозначил президент Путин Валдайской речью 2013 года и воссоединением с Крымом и которая проявилась и в победе Трампа в США.

Распад глобальных рынков на макрорегионы означает конец современной модели глобального управления, основанной на доминировании глобальных монополий (прежде всего, финансовых спекулянтов) над национальными государствами, и современного либерализма, воспевающего эту модель как единственную и обслуживающего её в качестве идеологии.

Положение России в этих процессах двойственно и потому трагично.

Современная Россия – гибридное государство

В силу зависимости социально-экономического блока государства от уходящих глобальных спекулятивных монополий конфликт с Западом из-за организованного им переворота в Киеве и нашего воссоединения с Крымом привёл к формированию гибридного государства.

Внешняя, оборонная и во многом внутренняя политика переориентированы на суверенитет России и, соответственно, интересы народа. Социально-экономическая же политика “застряла” в 90-х и по нормам современного либерализма служит глобальным монополиям и их компрадорским прилипалам против народа.

Гибридность государства сложнее двоевластия, так как граница между системами ценностей проходит не только внутри структур, но и внутри личностей. Можно смеяться над патриотами, в паузах между речами о суверенитете воспевающими дачки в Финляндии, можно дивиться гордо идущим под санкции “офшорным аристократам”, но эти противоречия отражают реальность: граница между патриотизмом и либеральным предательством проходит внутри членов властной тусовки. Политический процесс пока заключается в движении этой границы: меньшинство уходит в либерализм, вычёркивая себя из России, большинство мучительно (поскольку это противоречит не только материальным интересам, но и социальным инстинктам из 90-х) дрейфует к патриотизму.

Но время инерционного дрейфа заканчивается: либеральная социально-экономическая политика уже не грабит, а уничтожает Россию в интересах глобальных спекулянтов.

Ведь жизненно важное для них расширение зоны хаоса требует разрушения нашей страны.

Кроме того, для бизнеса кризис — это время, когда он перестаёт получать привычные доходы и ради прибыли вынужден сокращать издержки. А поскольку самый сильный полевой командир продаёт нефть в разы дешевле самого слабого государства, сокращение издержек в отношении России требует замены государства стаями полевых командиров.

Поражение Клинтон ослабило реализующие эти стратегии структуры, но они никуда не исчезли, и в России тоже.

Истребление страны – движение к Смуте

Самая чудовищная ложь либералов – заимствованное из 90-х “нет денег” в то время, когда федеральный бюджет захлёбывается от них: на 1 декабря его резервы составили 7,5 трлн рублей. С 2004 года, когда их начали копить, на них можно было уже построить новый мир, не то что модернизировать страну.

Но у либералов другая задача: поддержка финансовых систем Запада в интересах глобальных монополий. Поэтому “заначка” (около 2,6 трлн рублей) хранится в рублях, а остальное – в виде основной части Фонда национального благосостояния – по-прежнему выведено на Запад, на благо стран, развязавших против России пока холодную войну.

В регионах же и муниципалитетах организован чудовищный бюджетный кризис, уничтожающий социальную и производственную сферу как таковую (ибо вынужденный любой ценой найти деньги на выживание региона налоговый начинает относиться к предпринимательству по лагерному принципу “умри ты сегодня, а я завтра”).

Ситуация усугубляется фактическим запретом на развитие, выраженным в проценте по кредиту, превышающем рентабельность большинства отраслей, и в отказе от ограничения финансовых спекуляций. Последнее необходимо для любой финансовой системы на уровне зрелости современной российской: не сделавшие это вовремя страны не имели шансов стать развитыми, так как направляемые на развитие деньги, как осенью 1992 года, убегали на спекулятивные рынки.

Либералы не могут ограничить финансовые спекуляции, так как служат глобальным финансовым спекулянтам (а их поставившие на Трампа глобальные противники не представлены в сформировавшемся “под крылом” Клинтонна социально-экономическом блоке нашего государства). Кроме того, развитие колонии неприемлемо для глобальных монополий, так как может породить конкуренцию с ними.

Зато им нужна коррупция: коррупционеры не менее эффективно, чем правительство Медведева и Банк России Набиуллиной, выводят из страны её активы, превращая их в ресурс глобальных монополий. Поэтому антикоррупционные истерики сопровождаются смягчением наказания за коррупцию вплоть до возможности откупиться за выявленные взятки за счёт не выявленных.

Квинтэссенция либеральной социально-экономической политики в итоге – даже не ограбление людей, а разрушение самой их жизни. По данным Росстата, 19,2 млн человек в III квартале 2017 года имело доходы ниже прожиточного минимума, то есть медленно умирало, но правительство Медведева отрицает саму возможность помощи бедным. В то же время регрессивное обложение доходов (по принципу “чем человек беднее, тем больше он должен платить”) и административный террор вытеснили в “тень” до 30 млн россиян! Падение доходов и потребления усугубляется кредитной кабалой, коллекторским террором и ростом поборов, включая грабительское обложение недвижимости (которое увеличится в 5 раз за 4 года) и произвольный (разница в ставках Москвы и Санкт-Петербурга – 7,5 раза) “сбор на капремонт”.

Демографический ущерб либеральных реформ (не родившиеся и досрочно умершие с учётом миграции), по оценкам, выше последствий войны: 21,6 млн человек (на 2016 год) против 17 млн (на 1946 год). А рост рождаемости во многом обеспечивается слабо интегрирующимися мигрантами, что разрушает наше общество.

Уничтожение образования либералами порождает отсутствие способных к труду людей и массовую неадекватность. Уничтожение здравоохранения ведёт к росту смертности и падению трудоспособности.

Отчаяние и безысходность, в которые погружены целые регионы России, непредставимы для мегаполисов.

Кажущаяся глупость российских либералов вызвана коренным разрывом между целями, которые они вынуждены декларировать в силу своего положения в государстве, и реальными целями глобальных монополий, которым они служат.

В их поведении нет и предательства, как нет его в поведении Штирлица: у них иная идентичность. Вольно или невольно, их политика ведёт Россию к обрушению в Смуту, которое может совпасть со срывом мира в глобальную депрессию.

Однако неумолимое движение к распаду глобального рынка и порождаемый им крах либеральной идеологии превращает привыкших к своей непогрешимости и безнаказанности либералов в куриц с отрубленными головами: они ещё бегают и пачкают, но уже никого не могут склевать.

Оздоровление государства – условие выживания

Сохранение гибридного характера государства до момента срыва мира в глобальную депрессию означает его разрушение и погружение страны в новую Смуту, в которой Россия станет полем борьбы других цивилизаций, а русская цивилизация может погибнуть.

Единственный путь гарантированного выживания – возвращение государства на службу народу, то есть завершение не столько “Крымской”, сколько русской весны.

В этом отношении консерватизм в эпоху постмодерна стал прогрессивной революционной силой, а либерализм давно выродился в самую чёрную реакцию.

С точки зрения развития человеческой цивилизации сегодняшний либерализм, требующий от государства службы не своему народу, а прямо враждебному этому народу глобальному бизнесу, решает ту же задачу, которую в 30-е годы прошлого века решал фашизм.

Фашизм был социально-политическим инструментом, которым крупнейший капитал индустриальной эпохи, тесно сросшийся с государством, обеспечивал покорность и даже энтузиазм масс разоряемых им ради своей прибыли мелких буржуа и весьма серьёзно ограничиваемых в правах и потреблении рабочих и крестьян.

К настоящему времени крупнейший капитал принципиально изменился: он стал глобальным, подчинив и вобрав в себя большинство даже крупнейших государств (включая США), и стал финансово-спекулятивным, освободившись от обязанностей по организации и поддержанию производства. Освободившись от обязанностей перед народами и производственными процессами, он стал качественно более разрушительным и в настоящее время завершает ликвидацию среднего класса, который оказался лишним в “дивном новом мире”: слишком много потребляет, слишком мало производит.

Чтобы обеспечивать покорность и энтузиазм разоряемых масс на новом этапе развития, обновлённый капитал взял на вооружение идеологию либерализма, проповедующую превосходство над “унтерменшами” уже не по национальному, а по социальному признаку. Теперь истреблению (причём не печами Освенцима, а более эффективно – нищетой, безысходностью и искусственно разжигаемыми формально гражданскими войнами) подлежат уже не евреи и славяне, а “недостаточно креативные” народы и целые континенты, не представляющие интереса для глобального бизнеса. И с этой точки зрения российскому “ватнику”, “реднеку” американского Среднего Запада и негру чёрной Африки уготована одна и та же участь, разница лишь в сроках и нюансах.

78 лет назад наши деды и прадеды спасли нас от этой участи.

Вчера и сегодня наши отцы и мы оказываемся бессильны спасти от неё своих детей.

Именно поэтому значительная часть России считает либеральные реформы большим злом, ведущим к большему ущербу, чем нашествие Гитлера.

На практике овладение народа государством и тем самым его спасение из-под контроля глобальных монополий выражается в модернизации инфраструктуры, создающей новую страну на основе технологий завтрашнего дня. Для этого нужно ограничение коррупции, финансовых спекуляций и произвола монополий, сознательный протекционизм хотя бы на уровне Евросоюза, гарантирование прожиточного минимума, а затем растущих социальных стандартов, восстановление здравоохранения и образования, преодоление пенсионного кризиса и теневой экономики введением нормальной, прогрессивной шкалы обложения доходов.

Возвращение от либеральных реформ к нормальности требует нормализации государства – мозга и рук общества. Такая нормализация упрощается по мере углубления глобального кризиса, но он оставляет нам всё меньше времени на жизненно необходимую подготовку к срыву в глобальную депрессию.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

НАРОДНЫЙ КАНДИДАТ

Наконец-то многие патриоты и государственники могут вздохнуть: появился выбор. Появился Павел Николаевич Грудинин.

Появился кандидат от русского народа, от всех левых сил и всех патриотов. Он объединяет сторонников Геннадия Зюганова и Бориса Миронова, Юрия Болдырева и Сергея Шаргунова. Вот что про выдвижение Грудинина сказал главный редактор “Свободной Прессы”, депутат Госдумы Сергей Шаргунов:

“Симпатизирую очень давно Павлу Грудинину. Он человек дела. И совершенно справедливо требует изменения социально-экономического курса. Желаю ему сил!”

Выдвижение Павла Грудинина перевернуло всю избирательную кампанию, затмило всех остальных липовых кандидатов, от Жириновского до Явлинского, от Собчак до Титова. О них сразу все забыли – пусть играют в свои игрушки.

Началась большая политика, большая игра. Кандидат от олигархической элиты Владимир Путин – кандидат от народно-патриотических сил Павел Грудинин.

Нам не надо излишне упрекать Путина. Ведь он поднял нашу оборонку, по-умному развернул нашу внешнюю политику, Грудинину почти ничего менять во внешней политике не придётся. Но самой Россией президент совсем не занимался, Россией, давно уже застывшей в своём развитии, с разрушенной экономикой и нищим народом. Конечно же, нам нужен новый лидер.

Самая богатая по ресурсам страна имеет двадцать с лишним миллионов голодающих людей. Так продолжаться не может. Грудинин не готов примириться с нищетой и бедностью 20 миллионов наших соотечественников. С безработицей. С коррупцией. С уничтожением основ советского образования и здравоохранения. С умиранием русской деревни. С поруганием советской истории. С деградацией культуры. . .

22 декабря Счётная палата РФ в лице её главы Татьяны Голиковой на съезде “Единой России” сообщила: за чертой бедности живут более 20 миллионов человек. Перспективы плохие, количество бедных, по словам Голиковой, будет только увеличиваться. Бедные россияне беднеют, а богатые богатеют (по данным финансовой кампании *Cargemini*, число долларовых миллионеров в 2016 году выросло до 182 тысяч человек, или на 19,7%). Для руководства страны это опасный прецедент: запрос населения на справедливость начинает обостряться.

Наш самый доверчивый и терпеливый народ во имя стабильности уже 17 лет терпит этот олигархический режим. Народу внушают: если нас хочет уничтожить американский империализм, почему бы и не потерпеть свою нищету? Только почему же не терпят эту нищету олигархи, почему они в ту же Америку и в другие офшоры переводят свои миллиарды долларов?

Наш режим вполне устраивала прозападная оппозиция, все эти Явлинские, Навальные и Собчаки. Народ никогда бы за ними не пошёл. Вот так бы и шла наша кукольная предвыборная кампания. Либералы что-то пищали бы в своём углу, а народ без лишнего энтузиазма голосовал бы всё за того же Путина.

И вдруг, как с неба, свалился реальный народный кандидат в президенты. Директор совхоза имени Ленина Павел Николаевич Грудинин. Замечательный хозяйственник и обаятельный русский человек. Опасность этого кандидата оценили сразу все его конкуренты. Навалились со всех сторон. Смешно, но именно его, по всем меркам крепкого среднего предпринимателя, объявили олигархом правительственные СМИ, восхваляющие нынешний абсолютно олигархический режим. А ведь загадка расцвета его совхоза имени Ленина в том и заключается, что Павел Грудинин не тасил все свои доходы в офшоры, не покупал яхты и виллы, а все деньги пускал в производство, чего не делали многие другие подобные ему хозяйственники.

Каждый из нас может это проверить сам, съездив на выходные в его совхоз в Подмоскowie. Потому и создал Павел Грудинин свой миниатюрный социализм для всех своих работников. Средняя зарплата около 80 тысяч в месяц, дома и квартиры со скидкой, прекрасные школы, детские сады... Он человек реального дела, человек земли, выходец из народа.

“Это новое лицо, это человек с реальной социально-политической позицией. У него есть неубиваемый лозунг: “Посмотрите на мой совхоз, я всю страну такой же сделаю”, – говорит политолог Журавлёв.

А почему бы и не попробовать распространить его опыт на всю Россию? В прессе ворчат: колхозник не может управлять государством...

Журналистам даже лень слегка повернуть голову чуточку на юг, в сторону Белоруссии, где весьма успешно по всем мировым стандартам управляет государством точно такой же бывший председатель колхоза Лукашенко. Да и все остальные наши президенты, что, уже президентами и родились? Владимир Путин из Питера приехал всего лишь мелким менеджером из команды Собчака, его-то почему допустили до Кремля?

Если не придёт к власти Павел Грудинин, то так и останутся на ключевых позициях в России все эти Мутко, Мединские, Дворковичи, Шуваловы, Грефы, Чубайсы, Абрамовичи и так далее – все про нём.

Помои на Грудинина льются с двух сторон: со стороны провластных СМИ и блогеров и со стороны радикальных левых и их СМИ. Для одних он вороватый олигарх, для других – рядовой колхозник без управленческого опыта.

Павел Грудинин опирается на два убедительных примера: скандинавский социализм и рвущийся в мировые лидеры большой Китай. За ссылки на Скандинавию его уже прозвали прозападным политиком, не объясняя, чем же плох пример скандинавского развития социально ориентированной экономики. Про Китай молчат, разве что вспоминают, что там и цензура есть, и компартия у власти. А иные критиканы добавляют, что китайская деревня в нищете живёт, и старики голодают. Эти слова я уже слышу тридцать лет от тех, кто отказывается от китайского опыта. Тем временем Китай по многим экономическим показателям уже обогнал Америку и становится мировым лидером двадцать первого века. Удивляюсь, когда Александр Халдей отрицает китайский опыт, как ненужный нам, он в обмен опыт Ельцина предлагает, что ли?

Поражает меня критика Павла Грудинина со стороны иных лидеров левых сил, недовольных решением Зюганова и всего левого блока. Понимаю, не всем он по душе, но что – для вас олигархический режим Путина ближе?

Скептики из левых обеспокоены: сможет ли Павел Грудинин допечь до конца русский пирог социализма?

Скептики из правых опасаются, что Грудинин свернёт всю рыночную экономику.

Павла Грудинина выдвинули в кандидаты национал-патриотические силы и КПРФ. Я восхищён моим старым другом Геннадием Андреевичем Зюгановым, сделавшим смелую ставку на талантливого хозяйственника и русского патриота. Не побоялся выдвинуть сильного и реального кандидата.

Победит ли на этих выборах Павел Николаевич Грудинин? Конечно, шансов мало, тем более, что в России мало кто верит в честные выборы. Сумеют ли коммунисты и патриоты взять выборы под контроль?

А при честной борьбе Павел Николаевич Грудинин вполне может и даже должен победить. Народ уже устал от громких слов и мелких коррупционных

дел, устал от совсем не обязательных в нынешний сложный экономический период олимпиад, чемпионатов мира и эффективных внешнеполитических акций.

Запутинские силы уже в тревоге, если все, не только коммунисты, но и державники, монархисты, империалисты и просто националисты, и даже часть путинского электората дружно поддержат Павла Грудина, он обречён на победу. Уже началась кампания замалчивания, высмеивания, его не увидишь на центральных телеканалах. Спасение – в вездесущем интернете, в социальных сетях, которые не контролируются властями.

Да и настроение народа меняется. Уже на разных интернет-площадках опросы показывают, что за Грудина может проголосовать количество сетевой публики, сопоставимое с запутинским, и даже больше. Никакая телепропаганда не поможет.

Всё бы хорошо, но когда люди получают в большинстве своём от десяти до тридцати тысяч рублей, а пенсионеры и того меньше, в то время как у наших “слуг народа”, у министров нынешнего никчёмного правительства зарплата от 1,5 до 2 миллионов рублей в месяц, на таком контрасте всеобщего предвыборного энтузиазма вряд ли Путин дожждётся ожидаемой победы. Даже старый либерал, бывший министр Ясин, вспомнив про свою министерскую зарплату в 82 тысячи, поразился полтора-миллионной зарплате своего нынешнего преемника. Если бы чиновники вместо народных 20–30 тысяч получили бы 80 тысяч в месяц, вполне хватало бы, даже если бы получали 200 тысяч, народ бы молчал, но полтора миллиона рублей в месяц – это призыв к революции, к новому Октябрю!

Если скажет Павел Грудин с ТВ-трибуны, которую ему вынужденно, как кандидату в президенты, дадут, всю правду о результатах деятельности правительства за последние 18 лет – это будет шок. Эти результаты настолько плачевны, что после их многократного озвучивания проголосовать за кого-то, кроме него, будет невозможно. И получается, что с каждым днём для нынешнего режима Грудин становится всё более опасным, не сравнимым ни с каким выдвижением Навального или Собчак.

В кабинете у Грудина стоит бюст Ленина, в программе у него ставка на социализм, он явно объединит всех сторонников левого крыла, от Удальцова до Зюганова, от Болдырева до Лимонова. Но он притягивает к себе и большинство русских патриотов. Я с удивлением узнал, что его поддерживают крутые русские националисты Б. Миронов и А. Савельев. Даже какие-то инородные корни у далёких дедушек Грудина Миронова не смутили. Он высказал абсолютно здравую мысль: почему русские не ценят в других русскую кровь? Почему даже какая-нибудь восьмушка еврейской крови всегда будет замечена и поддержана евреями, а русские часто любую мелочь в ущерб себе отмечают. Так можно и Валентина Распутина назвать бурятом, Станислава Куняева – татаринком, а Александра Проханова – грузинком.

Конечно же, и по духу, и по характеру своему Павел Николаевич Грудин – природный русак. Этакий Микула Селянинович, знающий хорошо и русскую землю, и русский народ.

Когда иные предполагают, что Павел Грудин выдвинут пропутинскими силами для усиления явки на выборы, я думаю, даже если поначалу так и было задумано, они, эти пропутинские силы, явно не рассчитали, что кандидат оказывается абсолютно реальным и самым опасным для самого Путина.

Подобрана у Грудина и сильнейшая команда на все посты в правительстве, вместо нынешней проворовавшей элиты, среди них умнейший политик Юрий Болдырев, и генерал Соболев, и Сергей Глазьев.

Как говорит друг и соратник Грудина Юрий Болдырев: “Мы договорились сформировать команду правительства народного доверия. Это ключевые специалисты по основным направлениям... Дело в том, что нужна фигура, которая сплотила бы и коммунистов, и не коммунистов – государственников, центристов и националистов, то есть широкие слои. И с моей точки зрения, если именно так проводить кампанию, то есть все основания выбить почву из-под нынешней власти. Есть все основания добиться второго тура, а во втором туре у нас – безусловная победа. Общая победа истинных патриотов России...”

Меня поражают наша пресса и телевидение! До выборов президента осталось два месяца, и никакой предвыборной кампании не слышно, разве что о самом Путине. Неужели так беспардонно приказали замолчать всем остальным?

Или так испугались интернетного успеха Павла Грудинина? Решили нарисовать нужный результат, остальное не заметить? Неужели наш режим настолько фальшив и лжив?

Да и люди наши могут всерьёз взволноваться. Тем более перед ними предвыборная программа Грудинина, острая, деловая и предельно жёсткая.

Программа, предусматривающая национализацию сырьевых ресурсов, реиндустриализацию, развитие науки и культуры, возрождение финансовой независимости, повышение реального жизненного уровня всего народа. Как утверждает Павел Грудинин: “Я уверен, что, опираясь на команду КПРФ, левых и национально-патриотических сил России, мы можем и должны одержать победу на выборах Президента. Решив эту задачу, опираясь на поддержку народа и высшего Государственного совета во главе с Г. А. Зюгановым, мы вновь сделаем наше Отечество сильной и могучей державой, преодолеем бедность, обеспечим достойную жизнь гражданам...”

Главный акцент предвыборной программы Павла Грудинина – повышение уровня жизни россиян. Это самый реальный оппонент Путину, думаю, он заставит власть прислушаться к нему, поставит под контроль ход выборов и победит!

Выбор Павла Грудинина прост и ясен, и голосовать за него будут тоже просто и ясно. Чем больше на него будут лить грязь и левые, и правые, чем больше его будет атаковать пропутинская пресса, тем проще будет сделать выбор избирателю. Кто такой Грудинин – олигарх (сомнительно), бывший единороссовец и одновременно ЛДПРовец, подавшийся в коммунисты? Так он и в КПРФ не вступает, он яркий хозяйственник левых взглядов, такой и нужен народу. Его совхоз имени Ленина на самом деле – обычное коммерческое предприятие? Ну, и что? На этом предприятии все работники получают по 80 тысяч рублей, строятся детские сады и школы. Кто мешал и мешают другим подмосковным предпринимателям также не класть прибыль себе в карман, а пускать на развитие? Кишка тонка?

Враги его упорно сравнивают с Порошенко, но что-то я не помню даже у предвыборного Порошенко таких хозяйственных успехов, не помню его государственности и ставки на социально ориентированную политику... Врут эти сравнители! Явно Павлу Грудинину гораздо ближе белорусский Лукашенко.

У нас говорят, что нынешняя власть “позиционирует себя на политическом поле как единственную защитницу обездоленных, бедных, национально ориентированную силу, которая что бы ни творила, сдавала интересы страны, гнобила образование, науку, здравоохранение, уничтожала предприятия, хранила 100 миллиардов \$ в американских казначейских обязательствах и так далее, она всё равно единственная, в противном случае – “всё пропало”...”

Конечно, когда в противовес этой власти идут одни собчачки, навалынные и явлинские, они просто всё сдадут Америке. Но появился кандидат от народа, от патриотических левых сил Павел Грудинин. И теперь уже в противовес олигархическому режиму идёт союз всех созидательных национал-патриотических сил России, с единым кандидатом. Он обречён на победу!

Даже иные коммунисты роптали: почему от них выдвигается бывший единорос и ЛДПРовец, капиталист. И клубнику продаёт турецкую, и дружит с Абрамовичем, и вообще – еврей...

Но всё оказалось притянуто за уши, и экономика крупнейшего подмосковного агрохозяйства всем известна, и связи с ЛДПР и единороссами легко объяснялись хозяйственной необходимостью, и даже из еврейской родни нашли одного только дедушку, так что израильское гражданство Павлу Николаевичу никак не светит.

Парадигма пропутинских выборов всем известна: ты или за Путина, или за предателей России и ЦРУшников. Сюда легко подставляются и Собчак, и Навальный, и все остальные либеральные кандидаты. Но с Грудининым этот номер не пройдёт. Он стёр эту парадигму раз и навсегда.

И Крым наш, и промышленность надо восстанавливать, и науку, и сельское хозяйство. Не болтать, а делать!

Теперь никому не интересен кандидат Собчак, никому не интересен кандидат Жириновский. У всех здравомыслящих людей, у всех патриотов появился интересный, новый кандидат.

За него, кроме левых и патриотов, готовы проголосовать и многие жириновцы, справедливороссы и даже немалая часть путинского электората, уставшая от бесплодного ожидания реального развития страны.

Вспомним, что Путина предложил Ельцин, и его дружки вывозили за рубеж миллиарды долларов. А Грудина – националисты и коммунисты, озлобленные судьбами нашей несчастной Родины. Грудинин создал лучшее в стране “предприятие социального оптимизма”. Не выводил деньги за рубеж, а вкладывал их в развитие отечественной экономики.

Сам Павел Грудинин размышляет о путинском периоде правления: “Самая главная наша проблема – это отсутствие денег у подавляющего большинства населения. Только вдумайтесь: в стране со 140-миллионным населением почти треть живёт меньше, чем на 10 тысяч рублей в месяц! Это узаконенная нищета, и с этим позорным положением дел надо кончать. Мы же вместо того, чтобы помогать своим гражданам, списываем долги другим государствам. Что касается внешней политики, то сперва надо разобраться с проблемами внутри страны. Потому что, когда ты сильный, с тобой начинают все считаться. А если ты сделал свою страну нищей... Когда СССР заканчивался, у нас было более 20% мирового ВВП, а сейчас меньше 3%. Как в этих условиях можно на что-то влиять в мире?..”

О судьбе России: “Если русскому человеку не дать работу, он начинает пить. А если он пьёт, он становится деклассированным элементом. Но кто привёл Россию к тому, что уже даже Герман Греф во всеуслышание позволяет называть нашу страну “дауншифтером”, то есть неудачником? Именно те люди, которые продолжают быть у власти сегодня! Общество в апатии: теряется надежда на обновление, конкретное решение перезревших экономических, социальных, политических проблем. На четвёртом сроке властвования ожидать чего-то нового от старого президента, по меньшей мере, странно. И тут беспокоит жизнестойкость страны: останется ли она единой державой или развалится на наделы?..”

О бедности и нищете: “В первую очередь, необходимо поднять доходы населения. У нас, говорят, самая богатая страна мира, но почему тогда народ такой бедный? Нефтяной дождь, который пролился на нашу страну, перераспределился так парадоксально, что появилось огромное количество нищих. Деньги-то в России есть на всякие игрушки типа олимпиад, а вот на лечение детей почему-то должны собирать сами граждане с помощью эсэмэсок. Так что делать? Не воровать. И не врать, что денег нет. Надо вернуть их из офшоров, не дожидаясь, когда Америка прижмёт наших олигархов. Вернуть деньги от национальных богатств. Саудовская Аравия арестовала своих коррупционеров-принцев, и пока они не вернули по миллиарду долларов, не отпустила. А потом эти ресурсы надо направить на улучшение благосостояния простых людей...”

Об идеологии, с которой Грудинин идёт на выборы: “Есть одна идеология – социалистическая: справедливость, равенство, братство, когда люди в богатой стране должны жить богато, а не бедно. Когда человек труда получает достойную зарплату и всеобщее уважение. Вот эта идеология должна победить”.

Вот я и призываю: голосуйте за народного президента!

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ПОДВОДЯ ИТОГИ-2017

Политический обзор 2017 года настраивает оптимистически в одном и пессимистически в другом отношении.

1

Оптимизм связан с внешней политикой. Не может не радовать стабильный курс на размежевание с Западом. Причём курс этот последовательно проводят обе стороны: как Америка с Европой, так и мы. А это дорогого стоит, об этом мы, русские националисты, мечтали ещё в первые дни путинского правления, писали президенту соответствующие “наказы”. Сближение с Китаем, Турцией, Ираном, арабским миром, Латинской Америкой – наша давняя мечта и надежда.

Понятно, что Запад смотрел на нас благосклонно, пока мы полностью соответствовали его установкам и так называемым “ценностям”. Понятно, что он стал нас воспринимать в штыки, как только мы вспомнили про свои национальные интересы и попытались их соблюдать и отстаивать. Мы получили (и продолжаем получать) довольно суровые уроки, которые заставляют понимать: мир и дружба с Западом возможны только на условиях нашей безоговорочной капитуляции. А это нас устраивать не может в принципе. Поэтому так жизненно важна для нас, для России и русских, преемственность внешнеполитического курса – прежде всего и больше всего. Начиная с Горбачёва, внешняя политика нашей страны полностью определяла и нашу экономику, и нашу внутреннюю политику. Катастрофический результат этого налицо. И только при Путине, и то не сразу и ещё не вполне, положение стало меняться. Следует во что бы то ни стало сохранить вектор этих перемен.

Понятно, что условием *sine qua non* (непременным и обязательным) такого сохранения внешнеполитического курса является наша военная мощь. Укрепление обороны – не прихоть президента, “играющего в солдатики”, а жизненная необходимость номер один, без которой все попытки вести самостоятельную жизнь будут бессмысленны. Если мы хотим спокойно и независимо жить, работать, развиваться, растить детей, мы должны быть вооружены только самым лучшим, самым современным оружием.

В силу всего сказанного важнейшим событием года я считаю нашу победоносную кампанию в Сирии, которая сопровождалась и рядом дипломатических побед на Ближнем Востоке, под каковыми я понимаю сближение с Турцией и Ираном, неоспоримый рост авторитета России в арабском мире, ценящем силу и отлично сообразившем, кто есть кто в этой войне и кто как умеет воевать. Чего стоит один только факт использования нами в боях свыше шестисот

военно-технических новинок! Не случайным результатом всего этого стал беспрецедентный визит в Москву саудовского владыки. Скажу честно: я не ожидал таких успехов от России ни на военном, ни на дипломатическом поприще; я весьма впечатлён. Как и остальной мир, впрочем. Мы заставили считаться с собой – это, безусловно, очень важно, ведь это укрепляет нашу безопасность и независимость.

Конечно, издержки этих побед неизбежны. Запад всегда стремился нас наказать за подобные успехи, “вознаградив” за победу над Наполеоном Крымской войной, а за победу над Гитлером – войной холодной. И на этот раз Запад, конечно, не успокоится, недаром США официально признали Россию одной из главных угроз себе. Правда, надо заметить, что многие европейские страны пересматривают своё отношение к России и не очень-то стремятся следовать американскому курсу в отношении нас, но пока ещё вынуждены его придерживаться.

Как будет действовать противник? Понятно, во-первых, что предстоит передел Сирии, который может стать затяжным и очень кровавым. Верные правилу воевать чужими руками и платить за всё чужой кровью, американцы вооружают против нас и своих вчерашних противников-игиловцев (так после Второй мировой они вооружали немецких военнопленных), и своих новых сателлитов и марионеток – прибалтов и украинцев. А во-вторых, Запад заинтересован в русско-украинской войне, которую он хотел бы использовать как фактор нашего ослабления.

В любом случае, мы понимаем: только сила поможет нам выстоять в предстоящем близком противостоянии, когда “общая борьба с ИГИЛ*” уже не сможет камуфлировать истинную суть наших взаимоотношений с США и с Западом вообще.

2

На фоне общего отрадного внешнеполитического итога прошедшего года есть, конечно, и определённые удручающие моменты. Это, в первую очередь, некоторое охлаждение отношений с некогда в высшей степени дружественной Индией, которая в какой-то момент оказалась на периферии наших дипломатических и экономических усилий, чем немедленно воспользовались США, сближаясь с этой очень важной и перспективной страной и вытесняя нас с её рынка вооружений. Возможно, это ещё не поздно поправить. Но для этого нужна экстраординарная активность.

Впрочем, главная для нас задача, требующая скорейшего разрешения, – это Донбасс, непризнанные республики ДНР и ЛНР, в которых происходят тревожные процессы, чреватые бедой для России. Украина, продолжая военные действия против мятежных республик, бессмысленные только на первый взгляд, добивается важных изменений в массовой психологии жителей региона. Увлечённые искренним порывом к России в 2014 году, жители за четыре года оказались измучены страхом, опасностями, нищетой и беспросветностью, они устали от этого ада, от отсутствия нормальной жизни. Растёт стремление покончить со всем этим любой ценой – хоть возвращением в лоно Украины (понятно, что такое настроение невозможно для властей и бойцов ополчения, но они – это далеко не большинство). Растёт и разочарование в России, раздражение от того, что мы не защищаем их решительно, не применяем по отношению к Украине такую же операцию “принуждения к миру”, какую применили против Грузии, защищая абхазов и осетин. Растёт ощущение, что Россия просто использует эти республики против Украины под красивые разговоры. Мы, поставляя властям ДНР и ЛНР оружие, кадры и продовольствие, курируя политически каждый их шаг, даже не признали их до сих пор, как признали некогда Абхазию и Южную Осетию. Наша половинчатая позиция не вызывает понимания. В том числе в других, прежде пророссийских областях Украины, оценивающих теперь по-иному собственные перспективы. И время тут однозначно работает против нас. Выиграв в далёкой Сирии, мы очевидно проигрываем на своей, в сущности, территории!

К чему клонится дело, чем может всё разрешиться в Донбассе? Заставить Украину отложить в сторону оружие мы почему-то не можем, а Запад, по вы-

* Запрещённая в России организация.

шеуказанной причине, и не хочет. Поставляя Украине летальное оружие, предоставляя ей кредиты, размещая там своих консультантов и ЧВС, США со товарищи явно заботится о том, чтобы война России с Украиной, буде она начнётся, стала не скорой и решительной, какой она была бы в 2014 году, а затяжной, изматывающей нас. В этой войне проблематичной станет и судьба Крыма, не имеющего на сегодня материкового сообщения с Россией, который может быть подвергнут, несмотря на всю свою военную состоятельность, жестокой блокаде, ведь 19-километровая артерия – Крымский мост – слишком легко уязвима как с воздуха, так и с воды.

3

Теперь о пессимизме. Во внутренней политике на первое место я поставил бы откат от идей и идеалов “русской весны”. Проявлений этого немало:

- 1) загнивание ситуации в Донбассе, являющееся симптомом завершения тренда “Русского мира” (эта тема вообще больше не озвучивается);
- 2) инициатива президента, спровоцированного такими советниками в национальном вопросе, как пресловутые Валерий Тишков и Александр Михайлов, предложивших разработать законопроект “О российской нации”, что вызвало немало возмущения в самых широких кругах не только политического класса, но и населения, даже не исключительно русского. Пока мыслящей общественности удалось торпедировать законопроект, но надолго ли? Тишковцы и сурковцы так просто не успокоятся. Останется ли президент с ними?
- 3) знаковые перестановки в администрации президента, где на смену прорусски настроенным Сергею Иванову и Вячеславу Володину пришли эстонец Антон Вайно и Сергей Кириенко (израильянин по матери);
- 4) расправа с руководителями Русского движения Александром Беловым (2016) и Дмитрием Дёмушкиным (2017), получившими реальные сроки, в отличие от “ужасного оппозиционера” Алексея Навального; фактическая ликвидация Русского марша; вынужденная эмиграция других лидеров того же направления – Игоря Артёмова, Даниила Константинова;
- 5) продолжение репрессий, включая уголовное преследование по ст. 282 и запрещение “экстремистской” литературы в отношении прорусских писателей, блогеров и т. п.;
- 6) закрытие телепрограммы “Русский вопрос” (ведущий Константин Затулин) на канале НТВ, некогда открытой по прямому указанию Путина. То ли Путин сам охладел к теме, отказался от неё, то ли гендиректор НТВ г-жа Быстрицкая, почуяв перемену конъюнктуры, смело действует по принципу “жалует царь, да не жалует псарь”? В прошлом она курировала информационные программы НТВ при Гусинском. Её решение – показательно.

Возможно, что-то я и упустил, но суть ясна и так. Всё перечисленное – это и есть откат от “русской весны”.

Опасность и негатив этого явления не в последнюю очередь в том, что только настоящим ненавистникам России могло прийти в голову вбивать клин между президентом и государствообразующим русским народом, да ещё накануне выборов. Вместо того, чтобы множить число его сторонников, ценителей того хорошего, что им сделано, проводники антирусской политики множат число его противников, чего он сам, возможно, даже не замечает, по привычке трагически мало интересуясь национальным вопросом, игнорируя русскую проблему. Как бы не вышло ему боком разминоение с основным народом, на котором стоит Россия.

Как всё это скажется на результатах выборов? Об этом ниже.

Наряду с негативом необходимо отметить и позитив. В прошедшем году стало ещё заметнее, что наша жизнь, вопреки многим трудностям, экономическим в первую очередь, входит в некие нормальные берега, обретает стабильность. Я смотрю, как люди одеваются, какую носят обувь (в советские времена мы о такой и не мечтали!), какими обзаводятся гаджетами, что покупают в продуктовых магазинах, что читают в метро (опять начали читать книги!), какое выражение на лицах. Я вижу, как ушли напряжённость и враждебность, трагизм в выражениях лиц, как спокойно и весело общаются между собой молодые ребята, сколько людей выходит на прогулки в моём Коломенском (а по праздникам – настоящие народные гуляния!). Вижу, как преобразается,

хорошеет Москва, как много появляется не только новых автотрасс, но и детских и спортивных площадок, скверов, дорожек для прогулок. Упростились, стали удобнее формы общения с властями, с бюрократией. Оборудуются больницы, появляются новые формы соцобеспечения. Это отмечают и те мои знакомые, что большую часть жизни проводят за границей, а в столице появляются время от времени: с каждым разом, говорят они, всё заметнее стабилизация, подъём, расцвет. Наши учреждения науки и культуры получают всё больше грантов, наши дети занимают всё больше призовых мест на международных олимпиадах и форумах. И т. д. Кое-какую статистику озвучил и президент Путин на последней пресс-конференции, мало что там оспоришь.

Жизнь налаживается, становится нормальной, пусть трудной и небогатой. О людях, хорошо ли, плохо ли, но вновь стали хоть как-то заботиться. Это видно глазами, это ощущается кожей. До рая, конечно, ещё очень далеко, но ведь и ад ушёл в прошлое. Это надо понимать и ценить. Нам, пережившим и хорошо помнящим кошмар девяностых, это особенно заметно и чувствительно.

Постепенно на этом фоне стабилизации, нормализации жизни власть перехватывает повестку дня у оппозиции. Чего требовали “белоленточники-бандерлоги” в 2011-2012 годах? Честных выборов? Пожалуйста! Путин в них сегодня заинтересован более, чем кто-либо другой. Поставив Эллу Панфилову во главе Центризбиркома, он сделал точный ход: ведь другого гаранта не может желать и самый придирчивый оппозиционер-демократ. Чего ещё? Борьбы с коррупцией? Пожалуйста! Резонансные дела Улюкаева, Белых, Захарченко, Серебrenникова, ряда губернаторов, мэров и даже главы УФСИНа – ко вниманию наблюдателей. Оружие традиционной критики не только выбито из рук либералов, но и по временам обращено против них самих, против людей из их лагеря. “Воют хором и поврозь” (Райкин), а что поделать? Хотели? Получите!

В итоге из привычного набора обвинений и требований у либеральной оппозиции осталось не так уж много. И сегодня оппозиционеры ставят акцент на другом: народ-де устал от Путина, от несменяемости власти, народу надоело и т. д. Словом, как в 1980-е: “Перемен! Мы ждём перемен!” В этом, в частности, основной пафос выступлений претендентки на президентский пост Ксении Собчак. Простенько, на первый взгляд, и небогато по мысли. Но на самом деле неглупо: ведь людям действительно свойственна тяга к новизне. Но всегда ли она уместна? Представим себе, что Петру Первому в разгар Северной войны или Сталину в 1943 году сказали бы: ну, знаешь, ты довольно уже правил, подвинься, дай-ка теперь мы порулим! Не смешно...

4

Либералам на грядущих выборах явно ничего не светит. Не только Навальному, которому на стопроцентно законных основаниях Центризбирком во главе с Эллой Панфиловой дал от ворот поворот. Но и тряпичному Явлинскому со старыми опилками в голове, уверяющему, что надо вернуть Крым и признать тотальную правоту Запада с его “ценностями”. И такой же, как и он, поклоннице Запада, мечтающей видеть Россию “нормальной страной европейского типа”, Ксении Собчак. И даже старому политическому клоуну Жириновскому, который давно исчез бы с российского горизонта, если бы не армия партийных функционеров, состоящая у него на содержании.

Конечно же, главная интрига выборов связана в этом году не с ними, а с реальным кандидатом, впервые появившимся на российских выборах с тех пор, как в 1996 году Зюганов отдал свою победу Ельцину. Этого кандидата зовут Павел Грудинин, он председатель подмосковного совхоза им. В.И. Ленина.

Разумный и спокойный, подкованный в вопросах хозяйственных, экономических, приведший свой совхоз нелёгкими путями к процветанию, заботящийся о людях, Грудинин заметно вызывает симпатию не только у простых избирателей, но даже и у таких прожжённых политиканов, как искушённый Владимир Соловьёв. По долгу службы он должен был бы публично гнобить Грудинина, но сквозь соловьёвские профессиональные приёмчики игрока “на раздевание” пробиваются нотки уважения и приятия, потому что Грудинин хорошо держит удар и не говорит глупостей и пошлостей.

Грудинин прошёл через процедуру своеобразных “праймериз”, в которых участвовали, с одной стороны, КПРФ, а с другой – так называемый Народно-патриотический союз России. Поэтому Грудинин считается как бы ставленником

от блока коммунистов и патриотов, хотя на деле реальной силой здесь является только КПРФ. Основным соперником Грудина был Юрий Болдырев, человек известный, за которого я бы сам охотно агитировал и голосовал. Но он, увы, не прошёл, и я лишился выбора.

Я считаю, что у Грудина есть реальный шанс набрать до 30% голосов и выйти во второй тур президентской гонки. Понятно, что либеральное меньшинство Грудина поддерживать не будет, но этот электорат сегодня, я думаю, вообще очень мало весит на весах российской истории. Его поддержат жители села, а это, по максимуму, 25% населения. Его поддержат многие пенсионеры, согреваемые памятью о Советском Союзе и советской власти, поскольку Грудин открыто декларирует приверженность социализму и СССР. Его поддержат многие бизнесмены, поскольку он сам бизнесмен, знает правила игры и реальные нужды класса предпринимателей. Его поддержат не только коммунисты, что само собой, но и вообще широкие силы левого сектора. А также в значительном количестве социально обделённые массы. Так что можно зафиксировать важный факт: у Путина впервые появилась нешуточная, немарионеточная альтернатива, на фоне которой прочие кандидаты просто не видны.

5

“Кого ж любить? Кому же верить?” – как восклицал Пушкин в “Онегине”...

Сложность в том, что в таком важном для меня национальном вопросе Путин сегодня, как я писал выше, не оправдал наших надежд, разочаровал. Немало претензий к нему накопилось и в экономической, и в социальной политике, и ряд из них очень грамотно озвучивает Грудин (к примеру, проблему прогрессивного налога, в чём я его поддерживаю). И вообще – Путин не идеал.

И всё-таки. Я начал с того, что вот уже более тридцати лет для нашей страны внешняя политика является всеопределяющей, что от неё полностью зависит политика внутренняя, политика экономическая.

В этом плане Путин меня полностью сегодня устраивает. И я считаю, что обеспечить преемственность его внешнеполитического курса можно только одним способом: продлить его полномочия хотя бы ещё на один срок. Ему отступать некуда, в отличие от любого другого кандидата. Это тот случай, когда безопасность нашего государства и личная безопасность президента соединены “в одном флаконе”. Как ни у кого другого. В этом – и только в этом – гарантия того, что откат к позорной “kozyревщине”, вообще к эпохе Ельцина невозможен. И что нас ждут новые победы.

Кроме того, Путин относится к “людям длинной воли”, по выражению Льва Гумилёва. Его потенциал велик; он умеет планировать на перспективу. Я не сомневаюсь, что эту перспективу он видит хорошо. И не даст себя обмануть ни Америке, ни Европе.

Сохранить неизменным сложившийся курс внешней политики – это, на мой взгляд, сегодня самое главное. Это основные рамки нашей жизни. А внутреннюю политику, при этом условии, будем, конечно, стараться изменить по мере наших сил. А кто сказал, что будет легко?

На этом заканчиваю. Умному достаточно.

ПЁТР КРАСНОВ

РУССКИЕ В ИМПЕРИИ

После публикации моей статьи “Лимиты” революции” (“Наш современник” № 8, 2017) стали поступать ко мне отзывы и вопросы читателей по существу нескольких положений, высказанных в ней. И потому возникла необходимость некоторых дополнительных разъяснений и уточнений, по возможности, не повторяя уже сказанного в статье.

Так сложилось в отечественной историографии, что поднимать вопрос о полном “онемечивании” в XVIII веке царской династии Романовых не было ни возможности до революции 1917 года, ни особой политической необходимости после неё. В силу существовавшей в этом отношении жёсткой цензуры историк В. О. Ключевский смог только констатировать, что после неудавшегося и во многом “антинемецкого” восстания декабристов из-за укрепившегося недоверия династии к русским “кончается политическая роль русского дворянства... В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря...” Да и вывод этот, чрезвычайно значимый для нашей истории, он сделал и записал как бы “на полях” своих трудов, в надежде, что будущие историки получат наконец-то возможность развить эту тему, детально исследовать все её, мало сказать, драматические “последствия”...

Но до сих пор этой исторической проблемы, насколько я знаю, никто из историков впрямую не ставил, так и осталась она, по сути, “белым”, а вернее – донельзя мутным пятном в нашем прошлом. Правда, сама возможность этого появилась после Октября, но в её реализации у новой власти уже не было какой-либо идеологической нужды: угнетателей-эксплуататоров, как и угнетаемых, не делили по признаку национальному, а только по классовому. Проблематика национальности тех и других и сейчас является официально табуированной, толерантность (в одном из значений этого слова – потеря иммунитета) и мультикультурализм здесь у российского политика образцово-показательные, вплоть до ликвидации этой графы в паспортах и отсутствия русских как народа-нации в ельцинской Конституции РФ, тогда как в конституциях национальных республик в её составе субъектность этих “титულных” народов прописана... Политически, а значит и социально нас, национального большинства России как субъекта с соответствующими правами попросту нет – и всё это, разумеется, для сокрытия крайне значимых диспропорций и неравенства по этническому признаку: самые бедные, обделяемые в финансировании, в социокультурных и прочих планах области – исконно русские...

Как я уже писал, православная обрядность Двора не делала Романовых русскими, и не было допущено ни одного случая женитьбы очередного наследника престола на русской; в любовницы – это, как говорится, всегда пожалуйста, но не более того. Кровь “немецкая”, а с ней и все многочисленные

и многосмысловые связи с западноевропейским *Vaterland* береглись пуще зеницы ока, и рискнувший жениться на русской, хотя бы и Рюриковых кровей, женщине член династии лишался какого бы то ни было шанса на престолонаследие. Ползучий, однако очень быстрый по историческим меркам захват ими верховной власти в Империи имел огромное, нами ещё, повторю, до сих пор не осознанное значение в её дальнейшей судьбе. Бироны-минихи-остерманы работали в этом направлении, надо признать, весьма эффективно, искусно отводя аборигенам роль исполнителей своего целеустремлённого дела.

Первостепенным по замыслу здесь, судя по всему, стало “дарование” Петром III (сиречь Карлом Петером Ульрихом) в 1762 году дворянству вольности, освобождения от обязательной даже в мирное время 25-летней военной и гражданской службы, а также и других весьма значительных привилегий, послуживших своего рода социальным и политическим подкупом “немцами” дворянского сословия (подтверждённых потом “жалованной грамотой” Екатерины II в 1785 году). И совсем не зря дворяне в порыве эгоистичной сословной благодарности собирались поставить этому горе-императору золотую статую; правда, когда он сдал Фридриху II все завоевания Семилетней войны, дворяне ещё имели силу свергнуть его, посадив на престол его жену Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербстскую, каковая и стала основательницей уже, считай, не замутнённой славянской кровью новой династии “Романовых”...

Всё это разрушило прежнюю, именно русскую систему государственной повинности, накладывавшую сравнительно соразмерные и потому более справедливые доли державного тягла и на дворянство, и на крестьян. Уже по смерти Петра I в мутную “эпоху дворцовых переворотов” правящей дворянско-немецкой верхушкой ускоренно велось закабаление, окончательное закрепощение основной части русского населения — крестьянства, и даже по сравнению с мобилизационными отягощениями петровских реформ степень эксплуатации помещичьих и заводских крепостных возросла к концу XVIII века, по некоторым утверждениям историков, в разы.

Землю и крестьян на ней, которыми ранее наделяли дворян для должного несения ими государственной службы, они теперь получили в полную личную собственность и распоряжение вместе с правом судебно-полицейской и хозяйственной опеки над ними, сбора подушных денег-податей, определения и исполнения наказаний вплоть до отправки в Сибирь, а работников навечно прикрепляли к заводам. И если в Европе того времени дело постепенно шло к какому-никакому освобождению крестьянства от феодальных пережитков и улучшению их условий жизни, то в России феодализм приобретал, наоборот, всё более жёсткие, крайние формы и уже мало чем отличался от рабства колониального толка.

Разрыв между верхним меньшинством и самым нижним подавляемым большинством окончательно принял цивилизационный характер, весьма чётко обозначив себя и в языковом плане, не говоря уже о социально-имущественном. Французский и немецкий в высшем свете вытеснили аборигенский русский, и даже наша национальная героиня, пушкинская Татьяна, “выражалась с трудом // на языке своём родном...” “Если бы каким-нибудь случаем сюда занесён был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, — писал А. С. Грибоедов, — он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племён, которые ещё не успели перемешаться обычаями и нравами...”

Нет, успели так радикально разделиться, разойтись, что казались порой выходцами из совершенно разных народов.

Этот цивилизационный разрыв и является едва ли не главным признаком как классического вообще, так и “внутреннего” колониализма в России XVIII–XIX веков вместе с утверждаемой Ключевским утратой “политической роли русского дворянства”, русской элиты, а фактически ведь и потерей субъектности, независимости её, с отстранением от принятия важнейших, а подчас и судьбоносных для страны и народа решений. Потеряв верховную власть, отдав её в чужие руки, она утратила вместе с нею и стратегическое, проектное мышление, саму возможность постановки и достижения своих, русских долговременных целей, то, что называют прозревающей в грядущее “длинной волей”. Это и стало началом длительного её и бесславного конца.

Гораздо раньше Ключевского в этом убедился сполна Ф. И. Тютчев, посвятивший российской дипломатии всю свою жизнь, с великой горечью видя “непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого (то есть которого нельзя обойти. — П. К.) противника, но старалась только служить ему подкладкой” и “только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих. . .”

Да это и немудрено было: ещё до Екатерины II императорский Двор стал “проходным двором” всей Европы, для всех и всяческих интернациональных проходимцев, слетевшихся “на ловлю счастья и чинов”, чего стоила одна драма жизни и борьбы М. В. Ломоносова. Хотя несомненно, конечно, что некоторые “иностранные специалисты” привнесли немалый вклад в развитие самых разных сторон научной и общекультурной жизни, делясь богатым опытом и знаниями Европы.

Но ведь именно наличие взыскательной и целеустремлённой “длинной воли”, выражающей главные чаяния и домостроительные принципы своего народа, и делает из его верхов истинную элиту. Державная традиция первых Романовых прервалась-переменилась уже на Петре Великом, и само государственное устройство России всё более становилось искусственным, навязанным со стороны, несообразным и не отвечающим многим запросам и нуждам, интересам и даже религиозно-идеологическим установкам общерусского бытия. Царство русское сменилось на Империю “вообще”. Онемеченную династию уже мало что родового, тем паче родного связывало с управляемой ею страной, разве что “графья” Бобринские; зато Европа была полна самими близкими, алчными и весьма требовательными родственниками, что не могло не ввязывать “Романовых” во все европейские склоки и разборки, самой России чаще всего не нужные, а то и противопоказанные и ничего не приносящие, кроме беспрестанных и значительных трат в средствах и силах. Та же Екатерина II, свергнув с помощью дворян негодного мужа, тем не менее продолжала его политику сдачи Пруссии всех результатов Семилетней войны, куда как дорого обошедшихся русским. Надо сказать, при этом она очень умело, чисто по-женски подчас и весьма щедро — за счёт казны, разумеется, — подкупала расположение к себе и преданность русских аристократов, что завещала и своему потомству.

Но вопиющая несправедливость “дворянской вольности” с попутным лишением крестьянства последних прав вызывала законное возмущение народа, и ей пришлось уже в первые годы правления жестоко усмирять около 100 тысяч помещичьих и 50 тысяч заводских невольников, не говоря уж о грянувшей позже Крестьянской войне, пугачёвщине. А все внешние, даже самые успешные завоевания при ней и её потомках никак, считай, не сказывались на положении подавляемого большинства народа, и как тонула большая часть русской деревни в нищете, схожей порой с какой-нибудь индусской, в середине века восемнадцатого, так и продолжала тонуть в начале двадцатого. . .

Дармовая “вольность”, сверхизбыточные привилегии исторически сыграли с русской аристократией недобрую шутку — как, впрочем, и реформа 1861 года, о роли и грозных последствиях которой я уже писал. Землевладельческое дворянство в продолжение XIX века всё более впадало в системный кризис, обусловленный у нас, в первую очередь, экономическим иждивенчеством, а вернее — прямым паразитизмом на крестьянстве, эксплуатацией дармового тоже рабского труда, который, как известно, развращает господ куда больше, чем рабов. Всё меньше занималось оно собственно хозяйством сельским своим, перепоручая его хватким посредникам, корыстным старостам-приказчикам, переселяясь в города или вовсе за границу, с попустительством верховной власти мало заботясь о коренном улучшении его, а уж тем более о жизни своих крепостных, отдавая их под бесконтрольный произвол управляющих имениями, и толстовские “константины левины” встречались, увы, всё реже, замещаясь больше “облонскими”. . .

Избавившись от какой-либо ответственности за своих бывших крепостных и получив при “освобождении” 1861 года гигантскую по тем временам сумму прямых выкупных платежей за землю в один миллиард рублей (а косвенных было, по некоторым прикидкам, раза в два-три больше), дворянство не потратило, не инвестировало хотя бы половины её в “подъём сельского хозяйства”

своего, по-нынешнему говоря, а попросту “проело” в привычном барском потребительстве, а то и роскоши. Только в 1882–1901 годах русскими “путешественниками” было вывезено на Запад 1,37 миллиарда рублей, вполне напоминающая этим сегодняшнюю, тоже массовую “четвёртую волну” эмиграции своим отношением к Родине, к своему национальному делу и долгу.

Результатом стало повальное разорение “дворянских гнёзд”, обернувшееся форменной драмой того времени, но ни немецкая династия, ни служивая русская аристократия в силу своего классового эгоизма не сумели, не смогли предпринять ничего рационального, действенного, чтобы усовершенствовать хозяйственные и социальные механизмы и вывести из кризиса всю земледельческую экономику, а не цепляться до последнего за свой шкурный интерес и отжившие сословные, едва ли не кастовые привилегии в расколотом обществе. Как не могли по-настоящему поднять и технологический уровень промышленности, угодив в ростовщическую кабалу Запада, полностью утратив финансовую независимость.

Почему мы должны брать западные кредиты, спрашивал тогда исследователь экономики генерал А. Д. Нечволодов, чтобы на собственной земле, своими руками и материалами построить железную дорогу?.. С Ельциным и его, прости Господи, “элитой” посредством “Вашингтонского консенсуса” повторили извне тот же мошеннический трюк, что и с Николаем II при навязывании “золотого рубля”. И эти же заучивные мантры об “иностранных инвестициях” мы слышим от правительства компрадоров и сейчас, что яснее ясного говорит о нашей финансовой несамостоятельности, а значит и о державной несостоятельности тоже. И видим третий десяток лет то же отсутствие “длинной воли” во внутренней политике, какого-либо значимого и понятного народу проекта, кроме ненасытной корысти продажной олигархии и пресловутого “выживания” для низов, обрекающего нас на вечное отставание и, вместе с тем, на деградацию, а вот она-то всегда конечна...

Одновременно с этим переживало острейший и всё нарастающий безвыходный кризис и крестьянство, составлявшее более восьми десятых всего человеческого ресурса Империи. Рождаемость была высокой и с перебором “съедала” жалкие приросты производительности труда и урожайности, население стремительно росло, а пашни, сельхозугодий на душу его становилось всё меньше, как и рабочего и прочего другого скота. Агротехника в основном оставалась самая примитивная, ещё зачастую с сохой, и прироста хлеба на выпаханной, без должного удобрения земле почти не давала. К тому же во второй половине и ближе к концу XIX века из-за провального внешнеторгового баланса правительством всё усиливался так называемый “голодный экспорт” зерна и всякого другого продовольствия под чиновничьим циничным посылом “не доедим, но вывезем”. Царская “продразвёрстка” работала вовсю, не озабочиваясь пропитанием самих землепашцев, и Александр III даже запретил в официальных документах слово “голод”, заменив его “недородом”...

Между тем, по статистике тех лет, хроническое недоедание крестьян в среднем на треть ниже самой минимальной нормы (около 20 пудов зерна в год на человека) было, по сути, постоянным фоновым голодом в деревне. А при неурожае, случавшемся каждые 4–5 лет, а то и чаще, страшный голодомор охватывал сразу десяток-другой губерний и десятки миллионов людей с неисчислимыми, в прямом и переносном смысле, жертвами-смертями, с тифом и цингой, не говоря уж о массовом разорении дворовых хозяйств... Всякий желающий знать может набрать в поисковике интернета работу А. Д. Нечволодова “От разорения к достатку”, другие материалы на эту скорбную тему и получить исчерпывающие сведения, статистику, факты. Сравнение же питания, не помяная условий жизни вообще, с сельским населением Европы и Северной Америки было просто убийственно позорным для России, где дело дошло уже до физического, телесного вырождения русского сельского населения...

Кое-как организованное и без действенной государственной поддержки проводимое переселение на свободные земли Сибири и Туркестана не могло решить проблему малоземелья и даже покрыть прирост населения, то есть положение его продолжалось лишь ухудшаться. Бедствия переселенцев были подчас неимоверными, а “столовых (для них. — П. К.) от Пензы до Манчжурии только шесть”, писала газета “Русское слово” в 1907 году, тогда как лишь за февраль в Челябинском переселенческом управлении было зарегистриро-

вано около 20 тысяч беженцев из голодных губерний... Каковы были пути-дороги в Сибири, мы имеем представление от Гончарова, Чехова и других писателей наших. Столыпин, пытавшийся найти выход из крестьянского "чёрного тупика", успел сделать сравнительно немало, но решить проблему постоянного голода и массового разорения на селе в принципе не мог, потому что она в "периферийном капитализме" романовского образца имела системный, неотделимый от него характер. Уже в разгар столыпинских реформ при сильнейшем голоде 1911 года за границу было продано 53% собранного товарного хлеба: фигурально выражаясь, десяток-другой пароходов с российским зерном шёл на Запад, а навстречу в Россию один пароходик милосердного Красного Креста с прокормом для голодающих русских землепашцев...

Этим сдвоенным кризисом верхов и низов (при сравнительно слабом промышленном производстве, вдобавок большей частью контролируемом, как и банки, из-за рубежа) и была подорвана "станова жила" Российской империи, её реальная, а не показная мощь, которая в любом государстве может быть обеспечена только независимым и успешным, экономически гармоничным развитием промышленности и сельского хозяйства. Крайнюю запущенность всех этих не только экономических, но и политических, социальных, военных диспропорций большевикам пришлось преодолевать и выправлять ради спасения страны и народа в кратчайший предвоенный срок и самыми жёсткими, подчас жестокими мерами, иных выходов из всего "наследства" Империи просто не оставалось: "иначе нас сомнут..." Вопросом жизни и смерти стало получить путём навязанной, а то и насильственной коллективизации государственной контроль над "хлебом насущным", иначе армию и город не прокормить, и ускоренной индустриализацией (с переброской на неё избыточных рабочих рук из деревни) создать оружие защиты.

Надо умудриться сейчас, с нашим-то историческим опытом, "не понимать" всей грозности той ситуации, причём в условиях послевоенной разрухи и враждебного внешнего окружения, и жёсткой невозможности других решений, разве что сдаться и стать уже безусловной колонией многочисленных хищников вокруг. И 1941-й, несмотря на все трагические перехлёсты тех мер, подтвердил единственность этого пути.

Ведь ещё в 1918 году американский конгресс официально объявил, что России как государства больше не существует, а её территория, подразумевалось само собой, становится зоной "свободной охоты", международного раздела-разбоя, очевидно, в благодарность за помощь русского флота Штатам, тогда ещё разьединённым, в их гражданской войне в 1863 году... И тут же вместе со всеми прочими интервентами американцы высадили оккупационные войска на Русском Севере и во Владивостоке, попутно дочиста грабя и вывозя всё ценное. "Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских, — не стал скрывать позже Черчилль. — Напротив того, русские белогвардейцы сражались за НАШЕ дело..." А переформатировать оккупационные зоны в "страны СНГ" — дело недалгое. И в этом смысле нашу гражданскую войну можно с полным правом считать антиколониальной, а значит и отечественной — пусть со строчной, в память о всех павших с обеих сторон, буквы...

Всеохватный кризис государства, напрямую связанный с двухвековой утратой русской аристократией "длинной воли", с разложением и упадком ответственности за народ в национальной элите, и привел к "внутреннему колониализму" в отношении к большинству населения России. Но это сказалось и на других сословиях, на всём строе той государственной и общественной жизни, и потому даже идейный монархист, известный публицист М. О. Меньшиков задаётся возмущённым вопросом: "Чьё государство Россия?" — так и назвав свою статью в 1908 году. И приходит к выводу, что русские в массе своей лишены даже элементарного равноправия с другими национальностями в собственной стране, что "коренной русский народ до самого последнего времени был опутан целой сетью затяжных бессмысленных ограничений — при основной и тяжкой повинности нести на себе всю ответственность за громадное, раскинувшееся на два материка государство... Для начала хотя бы уравнили нас в правах с господами покорёнными народностями! Для начала хотя бы добиться только пропорционального распределения тех позиций власти, богатства и влияния, что при содействии правительства захвачены инородцами. Если немцы, которых 1 процент в Империи, захватили кое-где уже

75 процентов государственных должностей, то на первое время смешно даже говорить о русском “господстве”...” И описывает, в том числе и в других статьях своих, широко распространённую практику утеснения и вытеснения русских во многих областях политической, деловой, социальной и культурной жизни, говоря даже о “тяжёлом засилье инородчества”, что напрямую переключается с ситуацией нынешней.

Надо сказать, что и советская, к середине тридцатых годов в большинстве своём русская по национальности номенклатура во многом переняла этот “интернационализм за счёт русского народа”, куда больше зачастую заботясь о национальных окраинах под политически недалёким самооправданием, что, дескать, “свои поймут и потерпят”... Именно грубые ошибки в определении и поддержании должного статуса русского народа в стране (с разделением на союзные республики, в том числе, а не на губернии), недалёковидность в решении “русского вопроса” и стали одной из самых главных причин распада Советского Союза. И задача восстановления русского самоуправления, суверенитета во всей полноте этого понятия и сейчас стоит перед нами как категорическое, в императив возведённое требование.

Вообще же, это “при содействии правительства” дорогого стоит в устах убеждённого монархиста... Меньшиков видел, конечно же, что немецкая династия на российский троне не могла не бояться русского большинства и всячески разбавляла его более сговорчивыми инородцами, ограничивала его как могла во власти, влиянии, инициативах, в распоряжении свои национальным достоянием. Весьма показательным здесь является настороженное и мало сказать — неприязненное отношение “немецкого самодержавия” к идейному движению славянофилов — Аксаковых, Хомякова и других выразителей русского самосознания, всяческие запретительные цензурные и прочие санкции, закрытие журналов и даже аресты, более чем странные, казалось бы, в родном Отечестве... И если позже правящая верхушка поспешно поддержала, отчасти сама организовала возникшее в начале нового века патриотическое черносотенство, то лишь из-за страха перед надвигавшейся революцией.

А она становилась всё неизбежней, поскольку давно и намеренно унижена была и оскорблена сама “народность” из пресловутой уваровской триады “Православие, Самодержавие, Народность”, где впали в системный кризис все её составляющие, в том числе и синодальный, издавна лишённый патриаршества клир. И тютчевское грозное предчувствие “дыхания Бога — дыхания бури” жило и в Меньшикове, чутко выразившем тогда критическое, предгрозовое самочувствие самого русского духа: “Я думаю, что столь глубокий упадок чувства народности — накануне восстановления её или смерти. Одно из двух...”

Народ и восстановил своё попорченное достоинство, свою “самость” и историческую значимость тем способом, какой был ему доступен, — свержением власти, которая не исполняла возложенных на неё Богом и нацией обязанностей. Большевики, как раз обладавшие “длинной волей”, смогли достаточно убедительно сформулировать свой проект, в перспективе решающий главные проблемы бытия народа, и тот согласился на него, поддержал и принял его к осуществлению.

Крайним же выражением антинациональной политики “Романовых”, а по сути — предательства ими высших интересов России стало ввязывание страны в Первую мировую, поистине империалистическую войну в качестве “пушечного мяса” Антанты, западных ростовщиков-заимодавцев, своих хоть сколько-нибудь истинных, жизненно важных целей и причин на то не имея. То есть, по Тютчеву, чтобы в который раз “служить подкладкой” чужих и чуждых интересов, влезая вдобавок в огромные дополнительные долги перед “союзниками” и неся в ней беспримерные человеческие потери.

К раскрученной накануне её военной истерии в стране, кстати, вдруг, как по команде, подключилось большинство российских газет (которые сам же Меньшиков в открытую называл “еврейскими” и считал сугубо антирусскими), поднявших нежданно-негаданно прямо-таки ура-патриотический вой в поддержку войны “за Царя, за Отечество”... На этот раз ему, видно, не хватило пронизательности понять, что команда-то была из недр всё той же Антанты (как, впрочем, и на убийство эрцгерцога в Сараево) с целью втянуть русских в эту бойню, и сам он тоже увлёкся воинственной риторикой “войны до победного конца”...

Все эти факторы вместе и предопределили закономерный во многом крах царизма и самой Империи. И нынешние попытки навязать некий религиозно-публицистский культ последнего царя по меньшей мере антиисторичны и противоречат всему огромному массиву данных, документальных свидетельств слабости, неукоренённости в народе этой лжеромановской династии и её неспособности работать на истинное благо нации и страны. Простительно даже, что нынешние радетели монархизма сочли “исконно-посконной”, авторитетной и безальтернативной колониальную администрацию “Романовых”: достаточных целенаправленных исследований этого феномена в нашей исторической науке действительно нет, опереться в ней особо не на что, и заблуждаться на этот счёт можно, наверное, вполне искренне. Но поражает, как они, радетели, бесчувственны, по-барски пренебрежительны к многовековым тяготам и издевательствам, к полнейшему бесправию большинства нашего народа, крестьянства и рабочего люда вообще. Понятно, что не радетелей же этих продавали оптом и в розницу, и что – простите за грубость – не их матерей заставляли откармливать грудью легавых щенков. . .

Куда как показательно, что белогвардейское дворянство так и не почувствовало, не признало никакой исторической вины своей во всём происшедшем, считая себя жертвой “взбунтовавшегося хама”, сваливая все грехи свои и огрехи на народные низы и тем пытаясь оправдывать свой “социальный расизм” (С. Кара-Мурза), что так нагляден, например, в “Окаянных днях” И. А. Бунина. . . Похожим образом ведут себя и “ревнители” Николая II, вынося за некие скобки все его “вольные и невольные” проступки и прямые преступления как несущественные. . . За какие такие скобки? Своего беспамятства и равнодушия, своего монархического ража? И требуют не менее чем “всенародного покаяния” перед ним – в унисон, кстати, с “либеральной” люмпен-интеллигенцией, требующей того же и за всё семидесятилетие советской власти.

Всё это говорит не только о том, что исторические уроки этими властными, околотовластными и просто “любительскими” кругами никак не выучены. Симптоматичная смычка “поклонских” монархистов и прозападной “либерасни” впрямую работает на интересы российской олигархии, которую вполне бы устроило, как вариант, “самодержавие” романовского толка с его разнузданной свободой корысти, рвачества, нещадной эксплуатации людских и природных ресурсов России.

Ко всему прочему, приходится делать вывод, что “хрустобулочники”, рьяные почитатели “России, которую мы потеряли” если и читали, то, похоже, очень поверхностно “святую русскую литературу” (Т. Манн), в том числе второго-третьего ряда от Радищева до Писемского и братьев Успенских. Она, горькая и родная, и является полным “сводом доказательств” того, что в двух статьях моих лишь обозначено как предмет дальнейших исследований и трезвого осмысления всеми, кто неравнодушен к поискам правды в нашей сложнейшей истории.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

СОЦИАЛИЗМ. КАПИТАЛИЗМ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Записки обывателя

ВСТУПЛЕНИЕ

26 лет я прожил при социализме и 28-й год живу при капитализме.

Не выезжая из собственной страны, оказался эмигрантом. Как все мы.

В этой статье я хочу сравнить жизнь в СССР и в новой России. На мой взгляд, и там, и там были свои плюсы и минусы. В чём-то мы все проиграли, а в чём-то выиграли.

Это, разумеется, не научное исследование, а записки частного лица, обывателя.

ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ

Я родился в 1964 году в Москве, в Марьиной роще, в роддоме № 9 на Шереметьевской улице. Когда мне было два года, наша семья переехала в частный дом в Кускове, который отцу подарил его отец, мой дедушка Александр Алексеевич Степанов. В этом прекрасном (пусть и ветхом) частном доме мы прожили до 1970 года. Дом был небольшой, дощатый. Посередине стояла печка. Мама её с утра до вечера топила. Она работала переводчицей с немецкого языка, занималась нами и хозяйством. Она почти не отдыхала. Иногда, плотно прильзвившись к экрану, смотрела маленький, скромный телевизор “Рекорд”.

Мама познакомилась с отцом в Сибири, в студенческом Томске, где они учились в институтах (отец – в строительном, а мама – в педагогическом, на факультете иностранных языков). Отец приехал из Москвы вместе с моим

СТЕПАНОВ Евгений Викторович — публицист, поэт, прозаик, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах “Наш современник”, “Нева”, “Звезда”, “Дружба народов”, “Знамя”, “Урал”, “Арион”, “Юность”, “Волга”, “Дон”, “День и ночь” и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живёт в Москве и посёлке Быково (Московская область). Главный редактор журнала “Дети Ра” и портала “Читальный зал”. Лауреат премии имени А. Дельвига.

дедом (его Сталин туда направил на руководящую работу), а мама – из маленького городка Красноярского края Ужура.

Детство я вспоминаю с нежностью и трепетом. Я теперь знаю: всё, что нам нужно, у нас есть с рождения. У меня с рождения был (он остался во мне) родительский дом. В этом доме на окраине Москвы, в боголепном Кускове я прожил пять лет своей жизни. Это были, конечно, мои лучшие годы. До шести лет ребёнок совершенен, он часть Бога, природы и космоса, он не отравлен цивилизацией, тотальной борьбой за выживание, он не знает, что он умрёт, а значит, бессмертен. До шести лет я был абсолютно счастлив. Мама, папа, брат, двоюродные сёстры, точнее – тётки, грядки с клубникой, родная земля (сорок соток!), дворцы Кускова на берегу графского пруда, Гайские горы, кинотеатр “Гай”, где показывали фильмы про индейцев, яблоня китайка, жёсткие и очень сладкие груши тёти Клавы, наш личный домашний прудик, кот Дикий, отцовский гараж, снежные барханы, куда мы с братом прыгали с гаража, печка, телевизор “Рекорд”, отцовский мотоцикл “Ковровец”, бабушка (на самом деле прабабушка) Паша, которая угощала нас с братом конфетами, а сама пила чай из блюдечка. Она прожила 95 лет, и прожила бы ещё столько же, но мы переехали в бетонные (во всех смыслах) квартиры, которые нам дала Советская власть вместо нашего прекрасного дореволюционно-го потомственного дома на земле...

Всю свою последующую жизнь я искал (и ищу) этот (похожий) дом, куда бы я хотел поселить всю свою большую интернациональную семью, всех своих родных людей. Строил и покупал дачи и квартиры в Подмосковье, Тамбовской области, за границей... Что-то мне удавалось. Но дом, где я рос первые годы своей жизни, не заменит ничто.

...Сейчас я успокоился, осознав, что никогда не найду на земле то, что живёт в моём сердце, в моей душе... И мысленно очень часто нахожусь в том старом московском доме, в котором вырос...

Снесли наш дом в 1970 году, и нам дали, как я уже говорил, трёхкомнатную квартиру (60 кв. метров) в панельной девятиэтажке неподалёку, в том же районе, рядом с метро Ждановская (это нынешнее Выхино). И мы стали там жить. Большую часть времени я, впрочем, проводил на улице, во дворе.

...Недавно смотрел телевизионную передачу про бывшего знаменитого тяжелоатлета и хорошего современного писателя Юрия Власова. Он с болью говорил о том, что нынешние дети мало знают разнообразных игр. Это действительно очень грустно. Мы же, московские ребята 70-х годов, играли во всевозможные уличные игры: и в чижика, и в пробки (расшибец), и в городки. Во всё, что угодно. А я вообще, по сути, воспитывался на улице. Знал многие её тайны. И тёмные, и светлые закоулки... Моя мама, до семнадцати лет жившая, как я уже писал, в небольшом сибирском городке, заставляла меня в летнее время постоянно гулять босиком и без рубашки. И всё время гнала на улицу – заставляла дышать свежим воздухом. Мама делала правильно. И воздухом я надышался, и воспитала меня улица, как надо. Подготовленным – более или менее – к жизни. Там я научился устанавливать контакты со сверстниками, выходить из трудных ситуаций, добиваться своего. А если бы я сидел дома да смотрел телевизор? Я бы тогда, конечно, не смог с семнадцати лет жить вдали от отчего порога.

...Мои гастрономические советские воспоминания относятся именно к этому периоду – к семидесятым годам прошлого века. Рядом с нашим домом в Вешняках быстро построили продуктовый магазин. Что там продавалось? Картошка в бумажных пакетах или на развес, крупы, сливочное и подсолнечное масло (бутылка по пятьдесят копеек, автомат сам наливал), шоколадное масло, супы из пакетиков, сайра и шпроты, куры и утки, яблоки “Джонатан” (по 3,50 за кг), сыры “Российский”, “Пошехонский”, “Колбасный”, сгущёнка (не всегда), колбасы “Докторская” и “Любительская”, был шикарный кондитерский отдел, где продавались шоколадные конфеты, леденцы, печенье, пастила, зефир, торты “Подарочный” (мой любимый, за 2,40), “Ленинградский” (тоже за 2,40), “Сказка” (за 1,90)... Продавались и бананы (правда, зелёные), и мандарины (не всегда), и хурма.

Осенью завозили арбузы и дыни, виноград...

Что ели мы?

Мама готовила нам жареную и варёную (часто в мундире) картошку, суп из пакетиков или консервов, жарила утку (на гарнир – рис), пекла сладкие пирожки и пирожки с капустой и рисом.

В доме всегда были зефир, пастила, иногда отец привозил из командировок воблу (это был страшный дефицит).

Покупали мы постоянно квас. Бидон стоил 32 копейки. Большая кружка – 6 копеек, а маленькая – 3. Большой роскошью я считал “Лимонад” и особенно “Байкал”, который стоил 45 копеек. “Байкал” был аналогом американской кока-колы и пепси-колы – их я впервые попробовал во время Олимпиады-80.

Летом почти каждый выходной мы ездили с ребятами за грибами – в деревни Овражки, Коренёво, Донино (это по Казанской железной дороге). Я всегда привозил много грибов, и мама их варила и жарила.

Во дворе нашего дома росли яблони, я собирал яблоки и приносил домой, и мама варила компот.

Также она делала нам кисель, оставляла нам с братом на день целую бадью киселя с белым хлебом. И мы легко могли продержаться на киселе. Часто оставляла варёные яйца, воблу, бутерброды с маслом и сахарным песочком.

Всегда в доме были урюк, курага, изюм, компот из сухофруктов.

Потом я в семнадцать лет, в 1981 году оказался в провинциальном Тамбове. Там обеспечение продуктами было хуже, чем в Москве. Не продавали, например, сливочного масла, сгущёнки, но я часто ездил в Москву и привозил и Наташе (моей жене, с которой мы поженились в возрасте 18 лет, в 1982 году), и своим педагогам в педагогическом институте дефицитные в Тамбове продукты...

В Тамбове в брежневскую эпоху продавали колбасу по 3,50, хлеб, крупы, консервы, яблочное вино по 50 копеек, яблоки, груши, картошку, конфеты, разнообразные пирожные (ром-бабы, заварные, “корзиночки” с кремом), яйца... То есть с голоду никто не умирал. Необходимый минимум в магазинах был.

Капитализм, конечно, изменил продуктовые магазины. В крупнейших супермаркетах (“Магнит”, “Пятёрочка”, “Перекрёсток”, “Дикси” и т. п.) купить продукты можно на любой вкус – правда, неизвестно какого качества.

Появилось много морепродуктов, разнообразные колбасы, сыры, мясо, рыба, фрукты, конфеты, не дефицит теперь даже торт “Птичье молоко”.

Но мои вкусы остались прежними. Я по-прежнему покупаю картошку и яйца, овощи и фрукты, курагу, изюм, чернослив. Покупаю печенье и конфеты, каши и мясо, сайру и шпроты...

Никаких разительных перемен в моём рационе нет. И восхищения продуктовым изобилием у меня тоже нет. Это для меня, честное слово, не самое главное.

БИЗНЕС

Был ли бизнес в советской России? Был, да ещё и какой! Е. Т. Гайдар в одной из своих книг справедливо писал, что СССР был интегрирован в мировую экономику. Нефть, газ, лес, рыба, пушнина, оружие... Мы всегда торговали с Западом.

Был бизнес и на более приземлённом, житейском уровне. Что я имею в виду? Во-первых, всегда существовал продовольственный рынок, на котором можно было купить хорошее мясо, рыбу, овощи и фрукты... Существовал рынок аренды жилья (нелегальный или полуполегалный), все, кто имел возможности, сдавали комнату, квартиру, угол и т. п. Процветал частный извоз. На Птичьем рынке (он тогда размещался в районе Таганки) москвичи и гости города могли купить всё, что угодно (об этом ниже).

Творческая и научная интеллигенция была прочно интегрирована в торгово-денежные отношения. Редакции платили за статьи, рецензии, стихи, прозу. Лекторы общества “Знание” и “Клуба книголюбов” получали гонорары за свои выступления – я сам таким образом постоянно подрабатывал.

Можно было заработать на строительной шашке, в стройотрядах и т. д. Наконец, процветали (зачастую, правда, недолго) так называемые “цеховики”, которые занимались бизнесом (чаще всего, пошивом и сбытом одежды) нелегально.

Все энергичные, предприимчивые люди находили себе (законное или незаконное) занятие, зарабатывали немалые деньги.

Частный бизнес существовал даже при И. В. Сталине, которого я как правнук репрессированного, раскулаченного кулака, конечно, не хочу идеализировать. Но отрицать положительные факты тоже нельзя.

Вот цитата из книги, составленной Л. Г. Коноваловым: “Сталин. Цитатник / — М.: издательство “Махаон”. — 336 с.: ил.”: “...Сталин создал великолепно работающую систему предпринимательства — честного, производственного, а не спекулятивно-ростовщического. В то время функционировало сто четырнадцать тысяч частных мастерских и предприятий в сферах пище-прома, химической промышленности, металлообработки, ювелирного и даже оборонного дела. На них работало около двух миллионов человек. Частными предприятиями производилось 40% мебели, 70% металлической посуды, более трети всего трикотажа, почти все детские игрушки. При этом на два года частные предприятия освобождались от большинства налогов и госконтроля над розничным ценообразованием. У госпредприятий таких льгот не было. В предпринимательском секторе работало около 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальных лаборатории и даже два научно-исследовательских института. В этом секторе действовала своя, негосударственная пенсионная система, а артели могли предоставлять своим членам ссуды на приобретение скота, инструмента, оборудования, строительство жилья. Всё это было уничтожено после смерти Сталина Хрущёвым в 1956 году, когда были ликвидированы структуры предпринимательства вместе с приусадебными участками (при Сталине они составляли до 1 гектара)”.

Наша семья хорошо знала, что такое артели. Мой двоюродный дед Виктор Алексеевич Степанов работал сначала в артели паяльщиком, паяя на дому разные металлические предметы, а потом — в артели печников. Иногда он брал на подработку моего отца, тогда студента МАДИ. Дядя Витя зарабатывал больше моего родного деда Александра Алексеевича Степанова, который имел высшее образование и работал инженером.

...Ни Хрущёв, ни тем более хорошо понимавший человеческую природу Брежнев не могли отбить у народа тягу к предпринимательству, к созидательному труду на себя, а не на “дядю”.

Я начал зарабатывать довольно рано. В 7 классе я провёл четвёртую четверть в интернате имени О. Кошевого в Крыму, привёз оттуда домой, в Москву, два полиэтиленовых мешка рапанов (красивых морских ракушек, которые сам собрал на черноморском евпаторийском берегу). Всё это богатство я продал оптом на Птичьем рынке за 10 рублей. Это была моя первая сделка.

Потом я увлёкся аквариумистикой, стал разводить рыбок, у меня хорошо размножались живородящие гуппи и меченосцы, их я тоже продавал на Птичьем рынке.

Будучи студентом, я подрабатывал летом на подмосковной стройке, у шабашников. Работа была очень тяжёлая — я таскал и перекладывал кирпичи. Платили мне двадцать пять рублей в день. Это были огромные — астрономические! — деньги.

А с 19 лет я стал жить (точнее подрабатывать) литературным трудом.

А что же сейчас? Я и сейчас живу литературным трудом. У меня собственное издательство (о моём опыте предпринимательской деятельности и насущных проблемах современных бизнесменов см. подробнее в журнале “Знамя”, № 10, 2009), выходят мои книги, которые продаются в крупнейших магазинах страны. Никакой помощи от государства я не имею. Но, впрочем, я и не жалуюсь. Меня всё устраивает. Помогать нужно слабым, а сильные (к коим, грешным делом, я отношу и себя) сами должны о себе заботиться. И о себе заботиться, и другим помогать.

МЕДИЦИНА

В советское время, будучи московским школьником, я занимался в 70-е годы прошлого века спортом — футболом, хоккеем, боксом. Каждый год мы, юные спортсмены, проходили жёсткий медицинский осмотр в диспансере, который размещался в Перовском районе, рядом с замечательным кинотеатром “Берёзка”. Обследовавшись у врачей, мы стремглав бежали в кинотеатр и смотрели детские и подростковые фильмы, особенно часто ходили на легендарный фильм “Акваلانги на дне” (билет, кстати, стоил 10 копеек).

Следили за нашим здоровьем очень строго. Медицина была реально бесплатная.

Отец работал в Госстрое РСФСР, и вся наша семья была прикреплена к поликлинике Госплана СССР, где я частенько лечил — совершенно бесплатно! — зубы.

В 11 лет я сломал руку, и меня положили в городскую больницу. Там меня лечили тоже, разумеется, бесплатно. А потом, выписавшись, я ещё ходил на специальные процедуры, чтобы разрабатывать руку.

Рядом с домом находилась детская поликлиника. И нередко мы ходили туда с друзьями со двора, чтобы хитроумным способом получить справку-освобождение от школьных занятий... В поликлинике нам давали градусники, мы ухитрились незаметно стучать по ним, они начинали, как сумасшедшие, показывать повышенную температуру, и мы опять бежали играть в любимый хоккей на каток, а не в школу.

Летом мы, футболисты и хоккеисты клуба “Крылья Советов”, ездили на месяц в спортивный лагерь. За это мои родители платили 25 рублей.

Проживая в советской Москве, я был убеждён, что о моём здоровье должны заботиться мама и папа, учителя и тренеры, врачи и медсёстры, государство. Так и было. Проходили, как я уже писал, ежегодные диспансеризации, в школе работали медпункты. Все за нашим здоровьем следили.

Когда рухнул Советский Союз, я, слава Богу, сильно не болел. Но понял, что ситуация с медициной изменилась. Годами я не был прикреплен ни к какой поликлинике.

Потом меня прикрепил – благодаря моему другу Владимиру Георгиевичу Бояринову, руководителю МГО СП России, – к поликлинике Литфонда (точнее, к поликлинике № 220, услугами которой писателям позволили пользоваться вместо литфондовской), и я стал на вполне законных основаниях ходить в поликлинику на улицу Заморёнова. Там мне бесплатно чистили зубы от кариеса, а удаляли их и пломбировали уже за деньги. В этой же поликлинике мне писали новые очки. Потому что зрение довольно сильно испортилось в последние годы. А больше я к врачам особенно не обращался. Слава Богу.

Что касается моей семьи, то, поскольку мой отец занимал довольно высокий пост в Госстрое России, он до сих прикреплен к так называемой “кремлёвке”. Там же лечилась и мама.

Я там, в “кремлёвке”, часто бывал, навещая родителей. 14 лет назад моя мама перенесла клиническую смерть, но “кремлёвские” врачи её тогда вывели.

Мама умерла 23 августа 2017-го, не дожив 10 часов до своего восьмидесятилетия. Врачи ей помочь уже не смогли.

Если сравнивать советскую и нынешнюю медицину, я, конечно, отдаю предпочтение тому, что было. То, что сейчас, это уже совсем другая песня.

ТУРИЗМ

Море я впервые увидел в 12 лет, в 1976 году, в шестом классе. Мы поехали с мамой по туристической путёвке в Грузию, в посёлок Чаква (это недалеко от Батуми). Нам там очень понравилось. Мы отдыхали на турбазе, номера были сделаны из бывшего поезда, купались в тёплом Чёрном море, я собирал ракушки, бегал босиком по галечному пляжу – лечил плоскостопие, ходил по трубе через овраг – тренировал волю, смотрел кино, которое крутили под открытым небом. Мы ходили на рынок в посёлок, там далеко не все говорили по-русски, в магазинах было много книг, вывесок на грузинском языке. В посёлке все говорили с могучим грузинским акцентом либо вообще не говорили по-русски. Фактически мы оказались за границей.

На рынке мы покупали груши, грецкие орехи. Экономили. Но отдыхали хорошо. Море, субтропики, персики, растущие на улице, чистейший воздух...

Нас, отдыхающих, всё время развлекал весёлый массовик-затейник. Помню, он начал нас пошловато разыгрывать:

– Пчела залетела в купальник к пани Монике. За что она укусила?

Все начали гадать.

Массовик-затейник торжествующе резюмировал:

– За руку пана директора.

... За границу я стал выезжать в 1987 году, в 22 года. Побывал в кризисе по Дунаю в Югославии, Австрии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Венгрии. Для того чтобы выехать, я должен был пройти собеседование в горкоме партии. Со мной беседовал 2-й секретарь горкома КПСС т. Шелковников (дело происходило в г. Рассказове Тамбовской области, где я тогда жил и работал

в школе воспитателем группы продлённого дня и внештатным корреспондентом районной газеты “Трудовая новь”). Собеседование длилось 2 минуты. Т. Шелковников сказал: “Мы читаем ваши статьи в нашей районной газете. Учить вас, как надо себя вести за границей, нет необходимости. Езжайте”. Валюты тогда в свободном хождении не было. Нам разрешили купить, если память не изменяет, 150 долларов. Причём получить их оказалось не так просто – пришлось побегать по всевозможным инстанциям и постоять в разных очередях.

Во всех моих зарубежных туристических поездках в советское время у нас был руководитель, ходить разрешалось только группами.

Работая редактором в издательстве “Известия”, я много раз ездил за границу по туристическим путёвкам. В основном в социалистические страны – Болгарию, Чехословакию. На море, в Болгарии, никаких руководителей я уже не помню, и ходили отдыхающие не группами, а преимущественно парами. Это враньё, что секса в советское время не было.

После перестройки, в капиталистическое время, я, выпускник провинциального иняза, дорвался до заграничных вояжей и приключений, жил во Франции, работал во французской прессе, в основном переводчиком для тамошних журналистов (это отдельный большой разговор), учился в Женеве, в Университете христианского образования, стажировался в американской газете, отдыхал в Африке и Турции и т. д.

Словом, я стал ездить ещё больше, чем при социализме. Объездил полмира. И надо признать, выезжать за рубеж мне стало намного легче. Сейчас у меня шенгенская виза на 4 года, и я могу поехать в любой момент в любую страну Евросоюза. Всё это так. Но ведь я и раньше выезжал. А моя мама, царство ей небесное, и мой брат так никогда и не побывали за границей. И многие другие мои родственники и друзья никуда не ездили. По разным причинам. В основном по экономическим – просто нет денег. А мама моя и не хотела никогда никуда выезжать из собственной страны.

Те же, кто ездил, и сейчас продолжают ездить. Мне возразят: а как же Турция? Ведь сейчас все ездят в Турцию. Во-первых, не все. А во-вторых, что такое Турция? Климатически – это та же самая Грузия. От Батуми до Турции – 15 (!) км. Да, всего 15 км. Фактически, это один регион.

Границы сейчас открыты для сильных людей. Как были открыты всегда. Только раньше деньги от туристической индустрии шли в казну нашего государства, а теперь – в казну чужого.

Границы всегда открыты-закрыты условно. И не для всех. Я считаю, что сейчас они закрыты даже больше, чем при Советской власти, когда был железный занавес. Раньше у среднеобеспеченного и даже бедного человека существовала возможность поехать на море по профсоюзной путёвке, сейчас такой возможности у большинства, особенно живущего за пределами МКАД, нет. А моря стали заграничные – и в Грузии, и в Прибалтике...

Итак, выводы: успешные стали жить ещё лучше. Неуспешным (обычным, нормальным людям) при нынешнем строе делать нечего. Ни здесь, ни за границей.

ОБРАЗОВАНИЕ

Я учился в советское время в четырёх школах. В трёх московских и в евпаторийской (это была школа-интернат, там я учился в 7 классе, четвёртую четверть).

Я считаю, что учили в СССР хорошо. Каждый получал те знания, которые ему были необходимы и полезны. Я, например, всегда имел хорошие оценки по гуманитарным предметам, а контрольные по алгебре и другим точным предметам зачастую списывал, когда не мог решить сам. Учителя на это закрывали глаза. Было очень много замечательных учителей, которые остались в моей памяти. Постоянно вспоминаю свою любимую учительницу – Альбину Петровну Арзуманян. Она была у нас в 9–10 классах классным руководителем и учителем по химии (это старинная московская школа № 456, 1980–1981 годы). Святой человек! Верила в нас, своих непутёвых учеников, всячески поддерживала. Когда был выпускной экзамен, одна не слишком тактичная учительница сказала, что мы, выпускники, – шалопаи и недотёпы. Альбина Петровна ей уверенно ответила: “Нет, они замечательные ребята. И теперь – во взрослой жизни! – мы о них узнаем только хорошее!”

Я вот думаю: чему она нас учила? Химии? Конечно. Я до сих пор многие формулы помню. Но, прежде всего, Альбина Петровна учила нас любить людей, уметь видеть в них добро, положительные стороны. Она развивала в нас наши способности. Например, она всячески поощряла мои увлечения литературой, лингвистикой, историей, педагогикой... Понимала, что здесь я могу хоть чего-то добиться, а в химии – навряд ли.

Не знаю, как выразить свою любовь, своё благоговение перед Альбиной Петровной!

Она – действительно святой человек.

После школы я волею судеб оказался в провинции, в Тамбове. Учился в педагогическом институте на факультете иностранных языков. Изучал латынь, французский, русский, немецкий языки. Программа была тяжёлая. Наизусть приходилось учить километры текстов. Экзюпери, Гюго, Верлен, Элюар... Теоретическая грамматика приводила нас, студентов-старшекурсников, в ужас. Сдать этот предмет доценту Н. А. Кудриной было предельно сложно. Я занимался языками с утра до ночи, иногда по 12–15 часов в сутки. После занятий ещё зубрил дома. И при этом не был отличником. Учился в основном на четвёрки. В институте я всегда получал отличные оценки по стилистике.

Изучали мы, инязовцы, французскую стилистику, и я, как ни странно, в ней разбирался.

Потом (в постсоветское время) я и сам преподавал стилистику в институте, рассказывал студентам о разных литературных стилях, тропах и фигурах поэтического текста и т. п. Мои студенты (точнее – студентки) слушали неохотно, это им не очень было интересно. И я сам себе напоминал учителя Мирою из “Безымянной звезды”, который что-то говорил о своём предмете, но на него никто не обращал внимания. Ну, в самом деле, какая стилистика, когда в Москве столько соблазнов, столько красивых юношей, столько театров и ночных клубов!.. Но всё-таки нужна и стилистика, нужно уметь анализировать литературное произведение, отличать ямб от хорея, очерк от репортажа, интервью от беседы, научно-популярный стиль от научного.

... Стипендия в Тамбовском педагогическом институте у меня была 40 рублей. За общежитие я платил 3 рубля в месяц. Плюс помогли родители (мама, царствие ей небесное, ежемесячно все пять лет учёбы присылала мне 50 рублей!), и ещё я писал во всевозможные тамбовские газеты. То есть денег на жизнь вполне хватало.

В 18 лет я женился. Всё шло хорошо. Мы с женой в материальном плане совершенно не бедствовали. Снимали квартиру, комнату в частном доме, потом жили у тёщи. Да, конечно, нам помогали родители. Но в любом случае у нас была уверенность в завтрашнем дне.

С большой теплотой вспоминаю декана нашего иныза Валентина Григорьевича Евстратова. Прозвище у него было Отец. Он, действительно, заботился о студентах, как папа. Много раз меня, например, выручал из беды. Исключили меня в 20 лет (из-за какого-то пустяка) из комсомола – не лишил стипендии. Украл у нас с женой вещи на практике (мы тогда с Наташей преподавали французский язык в тамбовской средней школе) – тут же выделил нам материальную помощь. А ещё он нам, студентам, никогда не врал. Не прославлял власть. И не учил нас быть приспособленцами. Он – тоже выпускник иныза – читал курс психологии (был кандидатом наук). И я помню, как сдавал ему экзамен по психологии. Я ответа на билет не знал и, спасая безнадёжную ситуацию, начал что-то пафосное трендеть про то, какой огромный вклад сделал вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин в развитие психологии и т. д. Евстратов меня жёстко одёрнул: “Евгений Викторович, хочу вам заметить, что психология как наука не входила в сферы интересов Ленина. Говорите по существу!” И это в присутствии экзаменационной комиссии.

Вот такой это был могучий человек. Очень часто его вспоминаю. Большая беда, что он уже ушёл из жизни. А какие у нас были преподаватели-лингвисты – блистательные знатоки французского языка: И. Ф. Мишин, Л. Ф. Гуляева, Н. А. Спиридонова, И. А. Свиридова, А. С. Кустарёва, Н. А. Кудрина!.. Каждый год к нам приезжали носители языка из Франции, мы, как могли, говорили с ними, они чаще всего преподавали фонетику.

Потом, после института, я учился в ВКШ при ЦК ВЛКСМ, на отделении журналистики. Там учили отнюдь не только коммунистическим теориям (их, кстати,

знать тоже полезно, и они во многом перекликаются с христианскими). Учили журналистике, экономике, английскому языку, умению управлять людьми, вести переговоры, гоняли нас, как сидоровых коз, в спортзале и т. д. Каждый из нас мог пройти трёхмесячную практику в любом печатном советском СМИ. Я, например, стажировался в “Огоньке”, газете “Комсомольская правда”, работал на ТВ, в передаче “Музыкальный ринг”. К каждому из слушателей был прикреплен журналист-наставник, который учил мастерству, профессии. Меня азам публицистики обучала Ольга Андреевна Кучкина, обозреватель “Комсомольской правды”. Заведующим кафедрой был Геннадий Николаевич Селезнёв, в то время – главный редактор “Комсомолки”, впоследствии – спикер Государственной Думы. Он, кстати, давал мне рекомендацию в Союз журналистов СССР. Очень горько, что Геннадий Николаевич рано ушёл из жизни.

Стипендию в ВКШ я получал в размере 200 рублей. Это очень приличные по тем временам деньги. А до этого я работал старшим научным сотрудником в музее Н. А. Островского и получал 170 рублей.

На эти деньги (170–200 рублей) жила моя молодая советская семья, у нас с женой к тому времени уже подрастала маленькая дочка.

В постсоветское время я учился на экономическом факультете провинциального (республиканского) университета. Это уже был другой мир. Во-первых, образование стало платное. Уровень преподавания, конечно, снизился. Впервые я тогда столкнулся с ситуацией, когда студенты собирали деньги преподавателю, чтобы получить зачёт по тем или иным предметам. В советское время я про такое даже не слышал.

Также в постсоветское время я закончил аспирантуру факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и докторантуру другого престижного вуза. В аспирантуре МГУ я уже был отличником, все экзамены кандидатского минимума сдал на пятёрки, учился бесплатно, но стипендию не получал. Учиться было легко. Так, как в провинциальном педагогическом институте советской поры, нас уже никто не гонял.

В докторантуре обучение было платное. Обучение заключалось в написании докторской диссертации, которую я до сих пор пишу. Это обычная практика для докторантуры.

Если делать выводы, то я убеждён, что советское образование было очень сильным. Нынешнему – не чета.

РАДИО

Слушал не так давно “Эхо Москвы”. Выступал политолог либерального крыла Юрий Сапрыкин. Он говорил о том, что, что у нас на ТВ сплошная пропаганда. И вообще, мол, в России нет свободы слова. Сапрыкин – умный, образованный человек, философ, окончил МГУ, помню его ещё юношей, мы с ним пересекались по рекламным делам в далёкие 90-е годы. Что меня удивило в его речах? Он говорил о том, что свободы слова в России нет. Но ведь он об этом говорит по радио! Значит, у него такое право всё-таки сохраняется. И я всегда говорю то, что думаю. И многие другие. А теперь что касается пропаганды. Да везде эта пропаганда! Я недавно в Чехии смотрел украинские каналы. Ну и что, вы думаете, там шибко хвалят русских? Ничуть. Факт очевидный: журналистика давно стала частью пропагандистской машины. И не только в России. Все страны отстаивают свои интересы.

Поговорим конкретно о радио. Я слушаю радио довольно часто. Полагаю, я специалист в этой области.

Могу ответственно заявить: по сути, в стране единственный профессиональный информационный канал – “Эхо Москвы”. Серьёзных конкурентов (ну, может быть, только “Коммерсант FM”) у него нет.

И вот этот могучий информационный канал с утра до ночи говорит о том, что правительство у нас плохое, Путин ужасен и т. д.

То есть это как бы антиправительственное, антипутинское информационное радио. При этом финансируется оно ГАЗПРОМом. Более того, и принадлежит оно ГАЗПРОМу. А ГАЗПРОМ, в свою очередь, как известно, принадлежит (хотя бы отчасти) государству. Парадокс? Нет, не парадокс. А дьявольски-изошрённая игра и правительства, и журналистов, которые в ней принимают участие.

Кремль и журналисты-оппозиционеры работают, на мой субъективный взгляд, на одну сверхзадачу. Они работают на власть. Кстати, образ жизни у представителей власти и представителей оппозиционной журналистики во многом схож. Частые вояжи за границу, постоянные “звёздные” тусовки и т. д. Всё, как надо. То есть власть и журналисты-оппозиционеры, по сути, едины.

Один из основных законов PR заключается в следующем: нужно сделать так, чтобы о тебе говорили. И неважно – что. Хорошее или плохое. Важно – быть на слуху.

Что говорят по “Эху” о Путине? Что он пахан (Н. Фатеева), что он и его дружки из пресловутого кооператива “Озеро” – коррупционеры (А. Троицкий), что он плохо играет на пианино – “тычет одним пальчиком” (Е. Альбац), что он своих не сдаёт, даже проворовавшихся (М. Ганапольский), и т. д. Цитирую, возможно, не точно, на память, но за смысл ручаюсь.

Пахан... Ну, это просто в нашей стране комплимент.

Коррупционер... Значит, ловкий богач. А ловких богачей в России признают и даже подобоострастно мечтают с ними подружиться.

Плохо играет на пианино... Он и не должен играть хорошо. Удивительно, что вообще умеет.

Своих не сдаёт. Даже проворовавшихся... Это, по-моему, скорее напоминает грубую лезть. Получается, что Путин – действительно настоящий друг: дружит даже тогда, когда товарищ оступился.

То есть образ вырисовывается вполне симпатичный. К тому же гонимых, обруганных у нас обожают. Чудаковатый и алкогольно зависимый Б. Н. Ельцин, с которым я познакомился более 30 лет назад, вообще стал президентом во многом из-за протестных настроений народа.

Итак, выводы.

Пресса (казалось бы, оппозиционная), ругая власть, играет на руку власти.

Власти хорошо со всех сторон. Образ сильного, обаятельного и при этом гонимого, поруганного Путина создан? Создан. В России нет свободы слова? Да нет же, есть. Послушайте “Эхо”! Там говорят всё, что угодно. Иностранцам не грех продемонстрировать.

А вот телевидение, которое смотрит 95% населения, это уже совсем другой разговор. Тут я во многом соглашусь с Юрием Сапрыкиным. Это сейчас настоящий инструмент отупления нации, и здесь тотальной критики власти, конечно, не будет. Ну, если только иногда. В определённых дозах. Опять-таки для вида. Здесь, будьте любезны, господа-товарищи, слушайте правильные новости, сладкоголосых политических комментаторов, певцов Баскова, Киркорова и других особенно интеллектуальных и одухотворённых персонажей.

Что в этой ситуации не нравится лично мне?

Мне совершенно не интересно слушать о том, кто на пианино играет плохо, “тычет одним пальчиком”.

Мне интересно слушать о том, кто на пианино играет хорошо.

Мне интересно слушать о том, кто хорошо поёт. Хорошо пишет стихи. Хорошо рисует. Хорошо заботится (заботился) как государственный чиновник о России, о её гражданах, о её престиже в мире!

Давайте проведём маленький эксперимент!

Каждый из нас знает хоть одно стихотворение Пушкина. Или хотя бы одну его строчку. Но все ли из нас помнят, при каком царе жил Александр Сергеевич? И чем этот царь прославился? Вопросы, как вы понимаете, риторические. Пушкина знают все, а царя, при котором он жил, помнят лишь редкие интеллектуалы.

Давайте, наконец, поймём, что Путин и Медведев – это обычные люди, на время волей неразборчивой фортуны оказавшиеся большими начальниками. Ну, побудут они большими начальниками – и придут (рано или поздно) им на смену другие.

А вот пианист Святослав Рихтер останется, и дирижёр Владимир Спиваков останется, и художник Валерий Мишин останется, и поэт Белла Ахмадулина останется, и редактор и поэт Наталья Гранцева, редактирующая хороший литературный журнал “Нева”, останется. И много ещё в России есть талантливых людей, о которых потомки вспомнят и через сто лет. Вот о них-то и надо говорить.

Что в сложившейся ситуации плохо?

Плохо то, что в России сейчас революционная ситуация (дай Бог, чтобы я ошибался!). Разрыв между классами стал огромен. Элита (а сюда входят,

в частности, и политики, и журналисты) живёт в одном мире, а большинство народа за чертой кольцевой дороги – в другом. И достаточно махонькой искорки, чтобы загорелся совсем немахонький костёр. Костёр жутковатый, пожирающий всё, что нажито этой пресловутой элитой непосильным трудом. Летние пожары 2010 года тогда покажутся лёгкими солнечными ваннами.

А какое радио было при социализме?

По-моему, замечательное. Были радиопостановки классики, была передача “Пионерская зорька”, которую мы, дети, слушали по утрам, собираясь в школу, была передача “Встреча с песней”, которая радовала сердца меломанов и обычных слушателей. Транслировалось очень много разнообразных радиопрограмм.

Как ни странно, именно тогда, в так называемую эпоху “застоя” и тоталитаризма, было совсем немного идеологических передач. Сейчас, на мой взгляд, их на радио значительно больше.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ТВ в брежневское время я смотрел мало. Учился, занимался спортом – не до того было. Помню любимые передачи “В мире животных” (ведущие В. Песков и Н. Дроздов), “Клуб кинопутешественников” (Ю. Сенкевич), “Вокруг смеха” (А. Иванов), прекрасную “Кинопанораму” (Э. Рязанов и Д. Орлов), великолепные научно-популярные фильмы, невероятно-талантливые художественные фильмы, гениальные мультики. Считаю, что ТВ тогда работало очень хорошо.

Сейчас хорошие фильмы тоже иногда показывают (хорошие – в основном советского производства). Что же касается всевозможных ток-шоу, развлекательных программ, то здесь, конечно, крах, катастрофа, смотреть это просто опасно для морального (а то и физического!) здоровья человека.

Как надоели эти бесконечные шоу по первому каналу про личную жизнь Армена Джигарханяна и его жену (теперь бывшую) Виталину Цимбалюк-Романовскую, как надоел Джигурда со своей бывшей женой Анисиной! Кому всё это нужно? Зачем постоянно смаковать “клубничку”, развращая людей?

Не лучше и передачи для детей. Смотрел наемдн (19.02.2017) по ТВ шоу Максима Галкина “Лучше всех”. Всё-таки незабвенный В. С. Черномырдин оставил после себя великую фразу: “Хотели, как лучше, а получилось, как всегда”.

Вроде бы идея у этого шоу первого канала хорошая – показать на ТВ талантливых детей.

Но почему эти талантливые дети обязательно “лучше всех”?

Чем лучше других девочка, которая умеет в пять лет кататься на лыжах? В чём тут гениальность? В чём гениальность семилетнего мальчика, который учится в специальной англо-американской школе и знает английский язык? Я видел десятки детей, говорящих на двух языках. Ну и что? Разве они лучше всех? И, конечно, изумляет сама манера М. Галкина вести передачу. Ведущий игриво расспрашивает ребёнка (семилетнего мальчугана) о его подруге, двусмысленно и фривольно называет малыша бойфрендом... (Напомню, что бойфренд – это мужчина, который живёт со своей подругой интимной жизнью!). Разве подобная манера вести передачу – не чудовищная дикость? И самое страшное – в какое положение ведущий ставит этих детей?! Ведь завтра им идти в детский сад, в школу. И многие будут им говорить (или думать): “А, это тот, который лучше всех, лучше нас!”

То есть взрослые оказывают детям медвежью услугу, противопоставляя их одноклассникам.

Нужно понять простую вещь: даже если ты хорошо и смешно подражаешь голосам других людей, это не значит, что ты хороший журналист. И уж тем более – педагог.

Ну, кто-то должен это сказать талантливому М. Галкину?

Что же касается музыкальных программ, то тут и вовсе творится что-то запредельное.

Я привык, что кабацкая песня – в кабаке. Она теперь – везде. Звучит, гремит, оглушает. Более того, нынешняя “звёздная попса” даже не дотягивает до уровня лучших ресторанных певцов советской эпохи.

Я убеждён, например, что Аркадий Северный был великий шансонье. Но он был вне закона.

Сейчас его явный ученик Александр Розенбаум, миновав очень яркий “одесский период”, стал вполне номенклатурным (и, на мой взгляд, заурядным) автором-исполнителем. (Может быть, я ошибаюсь, но я говорил в глаза Александру Яковлевичу, что не считаю его выдающимся поэтом и выдающимся музыкантом.)

Почему произошла такая вакханалия на отечественной эстраде? Откуда взялись все эти безголовые Лолиты, Шуры, Анжелики Варум?

Нет у меня ответов на эти вопросы.

А вот передачу “Песня года” (в советском варианте) я всегда вспоминаю с нежностью. И новогоднюю передачу “Мелодии и ритмы зарубежной эстрады” не забуду никогда.

КИНО. МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ

Актеры советской эпохи и нынешней...

Я вспоминаю...

Крючков, Андреев, Мартынов, Меркурьев, Марецкая, Жаров, Грибов, Яншин, Целиковская, Рыбников, Вертинский, Харитонов, Леонов, Кадочников, Смоктуновский, Баталов, Ульянов, Высоцкий, Джигарханян, Мкртчян, Кикабидзе, Будрайтис, Адомайтис, Волонтир, Роговцева, Леонид Быков, Роман Быков, Жжёнов, Бондарчук, Бурков, Евстигнеев, Ефремов, Спиридонов, Табаков, Даль, Кайдановский, Гринько, Аркадий Райкин, Константин Райкин, Рыжов, Шукшин, Янковский, Тихонов, Папанов, Броневой, Кваша, Мордюкова, Доронина, Басилашвили, Лавров, Гурченко, Неёлова, Варлей, Лановой, Юматов, Михалков, Самойлов, Светин, Светличная, Смирнов, Вицин, Никулин, Моргунов, Басов, Крамаров, Пуговкин, Куравлёв, Кононов, Кузнецов, Луспекаев, Филиппов, Юрский, Жариков...

Глыбы, миры, гиганты...

Можно перечислить и перечислять... Множество великих имён!

Кто из нынешних так называемых молодых “звёзд” встанет с ними вровень?

Или это у меня старческое брюзжание?

Я очень люблю советское кино.

Разместил эту заметку в Фейсбуке. Мой пост прокомментировал известный киновед Леонид Павлючик. Он написал:

“Сегодня талантливых актёров не меньше. Маковецкий, Серебряков, Е. Миронов, Хабенский, Машков, Фёдор Бондарчук, Евгений Ткачук (Мишка-Япончик и Григорий Мелехов), Виктор Сухоруков (гений!), Мерзликин, из более молодых Александр Яценко (посмотрите его работу в “Аритмии” — это улёт!), Пётр Фёдоров, Максим Матвеев, Александр Петров... Да туча прекрасных актёров! То же самое с актрисами. Какая глубокая, яркая, разносторонняя актриса Вика Исакова! Юлия Ауг! Елена Лядова! Лиза Боярская! Юлия Пересильд! Это навскидку, те, что сию секунду пришли на память. А если порыться в памяти и киноафишах, то прекрасных актёров обнаружатся сотни!”

Спасибо за отклик, однако не буду вступать в дискуссию. Лет через пятьдесят продолжим разговор. Время всё расставит по своим местам. Но уже сейчас мне очевидно, что советское кино было очень профессионально. Это была грамотно и тонко выстроенная система. Да, была там и пропаганда, но в целом кино рассказывало о человеке, о нормальном (маленьком) человеке в традициях русской классической литературы. А если и была пропаганда, то делалось это очень талантливо и подлинными мастерами.

...Смотрел недавно в очередной раз гениальный советский фильм “Большая перемена” (режиссёр Алексей Коренев). Действительно, замечательная картина — добрая, трогательная, смешная. Сделано превосходно. Никто и не задумывается, что это не просто кино, а кинематографическая социальная реклама, прославляющая рабочий класс (пролетариат!), призывающая “учиться, учиться и ещё раз учиться!”

Увы, нет сейчас такой социальной рекламы в России. Нет добрых, светлых фильмов о рабочих, школе, тем более о ШРМ.

Вообще, советское общество было построено настолько изощрённо, что только сейчас начинаешь понимать, что к чему.

Было провозглашено, что мы построили общество рабочих и крестьян. Да, отчасти построили. Однако на самом деле и тогда существовал реальный

государственно-промышленный капитализм, при котором рабочие работали в наилучших условиях на заводах и фабриках, привозили их в большие города по лимиту, селили в далёкие от комфорта общежития и т. д. Но их труд тогда хотя бы поэтизировали, прославляли в стихах, романах, песнях, фильмах (та же “Большая перемена”).

...Управляют обществом, конечно, никакие не рабочие, а всегда одни и те же (одинаково устроенные) люди (а также их потомки). Это крошечный процент наиболее активного и пассионарного населения, который будет управлять при любом режиме, будь то социализм, капитализм, анархия или республика людоедов имени диктатора Полпота.

Этим пассионариям, по сути, всё равно, как называться. Например, бывший губернатор Нижегородской губернии Шанцев раньше был первым секретарём Перовского райкома партии, а президент Ельцин – первым секретарём Свердловского обкома партии. Подобные примеры могу приводить долго. Множество олигархов (некоторых из них я знаю лично) раньше работали в ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, райкомах и горкомах партии и комсомола (кстати, М. Б. Ходорковский, если не ошибаюсь, трудился во Фрунзенском райкоме ВЛКСМ), КГБ, профсоюзах и т. д.

Я думаю, что общественно-экономическая формация не имеет большого значения для развития, скажем, экономики – пример богатейшего коммунистического (условно) Китая, главного работодателя демократических (условно) США, у всех перед глазами.

При этом всегда важны нюансы. Советская власть советской власти рознь. Эффективный, жизнеспособный нэп не надо путать с рабовладельческой индустриализацией, а кровавый 1937 год – с максимально не кровавым (есть с чем сравнивать!) брежневским так называемым “застоем”.

Что было сделано в брежневское время? Над пассионариями-управленцами был колоссальный контроль – партия, Пельше, КГБ и т. д. Да, они, пассионарии-управленцы, конечно, были состоятельными людьми, имели лучшие квартиры в домах ЦК, казённые дачи, путёвки в Пицунду и Ялту, спецпайки, но не более того. И при этом работали. Очень много и эффективно работали. Свой инстинкт пассионариев-управленцев они реализовывали, прежде всего, в силу заложенных природой дарований, жажды власти, даже чувства ответственности.

Перестройка отменила (как выяснилось, на время) контроль. И вот тогда эти самые пассионарии-управленцы пустились во все тяжкие, превратившись реально в феодалов (а мы сейчас, на мой взгляд, ближе всего именно к феодалной общественно-политической формации). И сейчас, конечно, фильмы вроде “Большой перемены” появиться не могут. К великому сожалению.

...Когда я сейчас смотрю советские фильмы о заграничье, то понимаю: они во многом были правдивы.

Недавно по ТВ передавали давний (1982 года) советский (литовский) фильм “Богач, бедняк...” (по роману Ирвина Шоу). Замечательное кино. Об Америке 40–60-х. О нравах этой страны. Всё, конечно, там плохо. Бедные беднеют, богатые богатеют, мафия, наркотики, алкоголизм, проституция, заказные статьи в СМИ, бои без правил на ринге, убийства, расовая сегрегация, коррупция, митинги, студенческие волнения, толстосумы назначают мэров и т. д. Короче говоря, всё правда. И всё это на самом деле так похоже на нынешнюю Россию... Один в один.

Что меня более всего огорчало и огорчает в советском (и нынешнем) кино, так это явная или неявная поэтизация алкогольного дурмана. Самые обаятельные герои не прочь поддать. Верещагин не просыхает (“Белое солнце пустыни”), Гоша – в запое (“Москва слезам не верит”), Подберезовиков и Деточкин напиваются в пивной (“Берегись автомобиля”). Самый, конечно, яркий пример – это всенародный хит “Ирония судьбы, или С лёгким паром”. Если вдуматься и снять радужные очки, о чём это кино? Попарился в баньке, напился до беспамьтства – и оказался в Ленинграде, и встретил красавицу Надю (Барбару Брыльску) и забыл про ворчливую невесту Галю. Главное – не работать и пить, не работать и пить. Тогда будет счастье. Каждый год нам целенаправленно внедряют в сознание эту весёлую сказочную мысль. Срабатывает. Не работаем и пьём. Не работаем и пьём. И каникулы длятся больше недели. Как хорошо! А потом удивляемся, что у нас медленно растёт ВВП. Если бы я был кандидатом в президенты РФ, я бы всем пообещал скатерть-самобранку, ковёр-самолёт и т. д. Уверен – поверили бы.

Но в целом, конечно, советское кино служило высоким человеческим идеалам. В СССР были великие режиссёры – Шукшин и Параджанов, Захаров и Тарковский, Иоселиани и Герман, Данелия и Козаков... Всех и не перечеистишь. Созвездие великих мастеров!

И все они говорили кинематографическим языком то, что считали нужным. Кто-то говорил прямо, а кто-то завуалированным эзоповым языком, как, например, Марк Захаров.

Когда мне говорят, что в СССР не было свободы слова, я в это не верю. Пересмотрите ещё раз, например, фильм “Убить Дракона”, который был снят М. Захаровым в 1988 году. По-моему, это абсолютно гениальный фильм. Мне до сих пор не понятно, как он вообще мог выйти в СССР, где существовала цензура? Этот фильм жутковато и поучительно смотреть даже сейчас. Он про нашу страну, про наших правителей, про наших граждан. Про всех нас.

А какие там диалоги!

– Все должны любить Дракона.

– А кто это сказал?

– Дракон”.

– Кто у нас сидит?

– Все.

– Это правильно”.

А ещё в советском кино был прозорливый – страшный, сермяжный! – взгляд в будущее. Вот характерный диалог из легендарного сериала “Вечный зов” (авторы сценария К. Исаев и А. Иванов, режиссёры В. Усков и В. Краснопольский).

Не могу удержаться от обильного цитирования.

“Лохновский:

– Как там у вашего Маркса? Бродит призрак по Европе?

Полипов:

– А я так думаю, что скоро этот призрак начнёт обретать плоть и кровь. Эта война закончится в Берлине. А для этого Красная армия должна будет пройти пол-Европы, а там не только ваши сторонники! И неизвестно, какая идеология победит...

Лохновский:

– Идеология! Есть только одна идеология у всех людей – ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ ЖИТЬ И ЖРАТЬ! Причём жить как можно дольше, а жрать как можно слаще! Вот и вся ИДЕОЛОГИЯ! Всех стран и народов!

Полипов:

– Не скажите... Почему же тогда наши солдаты идут в бой, не щадя своих жизней? В тылу женщины и дети стоят по двадцать часов у станка! А крестьяне отдают фронту всё – до последнего зерна, до последней нитки!

Или вы скажете, что ими руководит тоже животная страсть?

Лохновский:

– Фанатизм! Обыкновенный коммунистический фанатизм! Вы так воспитали людей. Но! Как человека ни воспитывай, остаётся один, никогда не стареющий закон – СВОЯ РУБАШКА БЛИЖЕ К ТЕЛУ! И мы сделаем так, чтобы эта рубашка намертво приросла! Мы вытравим из мозгов людей этот коммунистический фанатизм. Вот закончится война, всё как-то утрясётся, успокоится... Тогда и начнётся настоящая борьба! За нами идеологическая машина всего остального мира! **ДА И МНОГИЕ ИЗ ТВОИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ БУДУТ НАМ В ЭТОМ АКТИВНО ПОМОГАТЬ!**

Полипов:

– Я не думаю, что вы найдёте много активных помощников...

Лохновский:

– Мы найдём... Нет, мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько нам будет нужно! **ДЕНЬГИ СДЕЛАЮТ ВСЁ!** Мы подорвём монолит вашего общества! **ВОТ ВОЙНУ ЗА ДУШИ ЛЮДЕЙ МЫ ВЫИГРАЕМ!**

Полипов:

– Так же, как выиграли эту...

Лохновский:

– Что? Не веришь? Ну, что ж, зятьёк дорогой... Раз не веришь, родственник ты мне, иль не родственник, но раз ты непримиримый враг, к тому же враг идейный... Кузин! Расстрелять его! Готовьте комендантский взвод.

Полипов (испугавшись):

– К-к-как?

Лохновский:

– Ну, вы же слышали. Скоро рассвет, а расстреливаем мы, как и везде, на рассвете... ЧТО?! Ты же не разделяешь моего исторического оптимизма!!!

А дохнуло смертью, и сразу согласился подумать и поверить мне...

И большинство людей такие!!! СВОЯ РУБАШКА БЛИЖЕ К ТЕЛУ!

Хе-хе-хе... А ты говоришь, что мы не найдём себе помощников... Убирайся отсюда! Пшёл вон! МРАЗЬ!”

Страшный диалог, который, увы, не лишён актуальности в наше время.

Сейчас, надо признать, тоже стали появляться довольно качественные, на мой взгляд, сериалы.

Например, часто смотрю замечательный фильм “Исаев” (режиссёр Сергей Урсуляк). Хорошее, глубокое, добротное кино, снятое в 2009 году по мотивам произведений советского классика Юлиана Семёнова. Какая главная мысль в этом фильме? Во время революции (переворота), гражданской войны практически нет счастливых судеб. Под карательный меч красного режима попали Пожамчи, Яков Шелехес, Фёдор Шелехес, Белов, Прохоров. Постышев, Блюхер, Гиацинтов, Бокий... На 12 лет осуждена шифровальщица Оленецкая. Белые погубили Чена (Марейкиса), Васильева... Германские спецслужбы убили Лиду Боссе, редактора эстонской газеты... Профессор Никитин уезжает из страны. Сам Исаев разлучён с женой. Итак, практически все герои фильма несчастны. А во имя чего? Зачем? Чтобы всё опять – спустя годы! – вернулось на круги своя?

Конечно, не все нынешние многосерийные фильмы удачны. Например, сериал “Есенин” (2005 год, режиссёр Игорь Зайцев) мне иногда напоминает ленту “Бандитский Петербург”... В фильме про русского национального гения есть трогательная сцена, когда Борис Леонидович Пастернак избивает Сергея Александровича. Избивает, надо сказать, очень профессионально – и кулаками, и ногами. Удары поставленные, точно у Майка Тайсона. А каким бездарем и негодяем показан в этом фильме Алексей Кручёных, который на самом деле был выдающимся поэтом-авангардистом! Вообще, более непотребное зрелище, чем фильм “Есенин”, представить крайне затруднительно.

* * *

... Отдельный разговор – мультипликация.

Советские мультфильмы. Невероятное количество шедевров!

“Чебурашка”, “Малыш и Карлсон”, “Винни-Пух”, “Фильм, фильм, фильм”, “Ограбление по...”, “Маугли”, “Ну, погоди!”, “Каникулы Бонифация”, “Бременские музыканты”, “Жил-был пёс”, “Шайбу-шайбу”, “Ёжик в тумане”, “Пластилиновая ворона”, “Петя и Красная шапочка”, “Аленький цветочек”, “Золотая антилопа”, “Приключения Мурзилки”, “Дядя Степа – милиционер”, “Как казаки в футбол играли...”, “Весёлая карусель” (серия мини-мультфильмов)...

Это Кинематограф с большой буквы!

Была индустрия мультипликационного искусства – высокого, подлинного, неповторимого.

А что сейчас?

“Маша и Медведь”... Что ещё?

Уничтожение нации начинается с детства. Если дети не смотрят хорошие мультфильмы... Даже думать страшно на эту тему.

В целом, по моему глубочайшему убеждению, советское кино и мультипликация были намного интереснее, чем сейчас.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Я начал печататься в 1981 году в Тамбове, где учился в Педагогическом государственном институте на факультете иностранных языков. В нашу институтскую многотиражку “Народный учитель” мои стихи отнёс поэт Сергей Евгеньевич Бирюков, с которым я был хорошо знаком, и редактор Лариса Кузнецова их напечатала. Публиковался я под псевдонимом Евгений ИС.

В 19 лет я уже широко печатался в тамбовских центральных изданиях – в газете “Комсомольское знамя” (орган обкома ВЛКСМ) и в “Тамбовской

правде” (орган обкома КПСС), а также в районной газете “Трудовая новь” (газете Рассказовского горкома КПСС).

В тамбовской периодике я печатал заметки о местной культурной жизни, рецензии на книги, переводы стихов поэтов народов СССР. Мои собственные стихи тамбовские областные газеты не печатали. В районной рассказовской газете “Трудовая новь” меня публиковали постоянно, в том числе как поэта. В “Трудовой нови” работал замечательный журналист (мой наставник) Валерий Васильевич Артюшин, кстати говоря, автор журнала “Наш современник”, и он публиковал мои стихи, переводы из французской поэзии, очерки, статьи на всевозможные темы.

В “Комсомольском знамени” мне за небольшую заметку платили 3 рубля, а в “Тамбовской правде” – 10 рублей. В “Трудовой нови” – по 2–3 рубля за материал.

На круг у меня в месяц выходило по 30–50 полноценных советских рублей. Плюс студенческая стипендия 40 рублей. Плюс, как я уже писал, мама мне присылала 50 рублей в месяц. То есть всего рублей 130 (в среднем) я имел. На 130 рублей можно было вполне сносно жить. Средняя зарплата тогда составляла примерно 150 рублей. Квартиру (точнее, комнату в частном доме) мы в студенческое время снимали с моей женой Наташей в Тамбове за 25 рублей в месяц, а потом стали жить у тестя с тещей. И материально мы жили очень неплохо.

В Москве тогда, в начале восьмидесятых, я не печатался. Относил стихи и в “Юность”, и в “Литературную учёбу”, и в “Советскую культуру”. Не брали.

В Тамбове я ходил в литературную студию “Слово”, которая впоследствии стала Академией Зауми. Руководил ею замечательный поэт и филолог Сергей Евгеньевич Бирюков, который ныне – доктор культурологии, преподаватель в университете г. Галле (Германия). Постоянными (частыми) посетителями студии были Саша Федулов (яркий визуальный поэт и художник), Вадим Степанов (прозаик), царство ему небесное, Володя Карпейкин (историк), Наташа Лихтенфельд (моя жена, поэтесса и переводчица, тогда, как и я, студентка иняза), Антонина Щербак (аспирантка филфака, в настоящее время – доктор филологических наук), Андрей Хворостов (поэт, студент Литературного института им. М. Горького), Виктор Эквист (журналист, впоследствии главный редактор газеты “Комсомольское знамя”), Валентин Бондаренко (детский поэт), Владимир Попов (прозаик)... Приходили к нам в гости Марина Кудимова, профессор Владимир Георгиевич Руделёв, доценты Борис Николаевич Двинянинов и Валерий Анатольевич Монастырский и многие другие яркие люди.

Все мы, студийцы, были как бы в андеграунде. Стихов наших в Тамбове не печатали. Зато часто печатались студийцы лито “Радуга”, которое вёл поэт Семён Семёнович Милосердов.

Я несколько раз ходил в “Радугу”, но ничего интересного там не услышал.

Я тогда был убеждён, что у нас в стране есть запрет на профессию (профессия поэта, литератора). Мы пытались с Антониной Щербак составлять коллективные сборники стихов и прозы, даже не особенно надеясь, что их когда-нибудь напечатают.

Более удачливая (на мой взгляд) судьба (в литературном плане) была у нашего руководителя Сергея Евгеньевича Бирюкова. Он жил литературным трудом. Постоянно печатался как литературовед и критик в “Литературной учёбе” и “Литературном обозрении”, его стихи печатали “Литературная газета” и альманах “Поэзия”. У него в 1980 году даже вышла тоненькая книжечка стихов “Долгий переход” в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве в Воронеже. Но Бирюков жил, конечно, совсем не богато. Как он сам мне говорил, зарабатывал он литературным трудом примерно 100 рублей, и полставки (30 рублей) он получал за работу руководителем студии “Слово” при Тамбовском областном Доме учителя.

Мы с Бирюковым тогда общались практически каждый день и были, конечно, недовольны советской властью.

Сейчас, когда прошло более 35 лет, мы вспоминаем те времена с нежностью и понимаем, что тотального запрета на профессию всё-таки не было. И самое главное – тогда профессия литератора точно существовала.

Это не значит, что не было недостатков. Айги, например, тогда в СССР не печатали. Книгу за свой счёт издать было невозможно, меня за написание

невинных анаграммных и палиндромных стихов уpekли в психушку с подозрением на шизофрению (но, слава Богу, вскоре выпустили).

Но повторю, главное — мы тогда (и я, и Бирюков) могли жить литературным трудом, могли реализоваться (пусть не на 100%) в любимой профессии.

В конце восьмидесятых мы с Наташей переехали (вернулись) в Москву. В 1988 году я стал стажёром отдела литературы, а потом и литконсультантом на договоре в журнале “Огонёк”. Потом критик Владимир Вигилянский (ныне священник отец Владимир) устроил меня на работу в отдел литературы и искусства еженедельника “Семья”. Мне положили оклад жалования 170 рублей. Это была средняя московская зарплата, на которую мы могли худо-бедно жить с семьёй.

Я стал ходить по редакциям. Отнёс в 1988 году стихи в “Дружбу народов”. Меня тепло встретили Татьяна Александровна Бек и Наталья Борисовна Иванова. Вскоре Татьяна Бек написала про меня лестные слова в “Комсомольской правде” на первой полосе. Я становился известным человеком. И в 1989 году меня напечатала “Дружба народов” — 2 стихотворения. Этот журнал тогда выходил тиражом 1 млн 200 тысяч экземпляров.

В 1989 году я отнёс стихи в журнал “Новый мир”, со мной уважительно разговаривал минут сорок Олег Григорьевич Чухонцев, он даже нашёл у меня одно хорошее стихотворение. Но публикация не состоялась.

В 1990 году меня напечатал альманах “Поэзия”, тут мне помог Геннадий Николаевич Красников, который отнёсся ко мне очень внимательно и добро-сердечно. Тогда же у меня вышли стихи в альманахе “День поэзии” — это была уже вершина поэтической карьеры по советским меркам. В “Дне поэзии” печатались только “сливки” московского поэтического общества, как правило, члены СП СССР.

Потом я ещё печатался в журналах “Сельская молодёжь”, “Дружба” (как переводчик с болгарского), тут меня поддержал поэт и редактор Всеволод Михайлович Кузнецов, “Рабоче-крестьянский корреспондент”, “Мы” (где я вскоре стал зав. отделом поэзии) и других.

Потом я довольно долго жил за границей.

Лет 15 я стихов никуда не предлагал. Когда же в конце девяностых я вернулся в Москву из Франции, я попробовал напечатать свои стихи в журнале “Арион”, их туда отнёс, как всегда, мой друг и наставник Сергей Евгеньевич Бирюков. Но получил отказ. Тогда я попытался издать книжку за свой счёт, мой литературный товарищ Владислав Кулаков порекомендовал мне обратиться к Дмитрию Кузьмину, с которым, созвонившись, мы встретились в клубе “Авторник” на Лубянке, и Дмитрий пообещал дать мне ISBN.

Но я решил идти своим путём, смекнув, что времена изменились, что меня никто здесь, в России, не ждал. И путь у меня один: создавать свой собственный журнал и своё собственное издательство.

Я сам сверстал книжечку стихов “Прикосновение”, сам её отпечатал на купленном ризографе, который стоял у меня дома, сам эту книгу переплёл и подарил нескольким своим друзьям, в том числе Татьяне Александровне Бек и Серёже Арутюнову.

А в 1999 году я вместе с коллегами (Сергей Евгеньевич Бирюков, Сергей Арутюнов, Женя Доброва, Павел Анатольевич Богомолов, Геннадий Николаевич Айги) создал журнал “Футурум АРТ”.

После этого я и вовсе перестал предлагать свои сочинения в другие издания, и более 10 лет меня никто (кроме меня самого) не печатал.

В 2000 году уже работало мое издательство “РСТ”. Я стал выпускать книги. Но в издательстве было несколько учредителей, и начались неизбежные в таких случаях конфликты. Я принял решение выйти из состава учредителей. И в 2003 году создал издательство “Вест-Консалтинг”, в котором стал единственным учредителем.

С 2003 по 2017 год я издал сотни наименований книг, выпустил множество журналов, альманахов и газет (“Футурум АРТ”, “Дети Ра”, “Зинзивер”, “Зарубежные записки”, “Илья”, “Другие”, “Персона ПЛЮС”, “Литературные известия”, “Поэтоград”, “Наша Смоленка”, несколько лет издавал журнал “Крещатик”...). И примерно с середины 2000-х опять стал печататься в других толстых журналах.

Казалось бы, вполне удачная карьера. И нет теперь никакого запрета на профессию, и можно издать всё, что ты хочешь.

Но так ли это? Так ли всё благополучно?

Ситуация теперь такова, что тиражи журналов катастрофически упали (например, тираж журнала “Новый мир” — всего 2 тысячи экземпляров). Гонорары очень небольшие, а во многих изданиях их и вовсе нет. Ясно, что даже на рецензиях (а они всегда востребованы!) прокормиться сейчас нереально, что было возможно в моей тамбовской советской юности.

29 июня 2015 года по ТВ прошла очень интересная передача писателя и журналиста Андрея Максимова, посвящённая толстым литературным журналам. Участвовали Андрей Василевский (“Новый мир”), Александр Ливергант (“Иностранная литература”) и Валерий Дударев (“Юность”).

Впечатление не самое радостное. Журналам, в самом деле, очень тяжело. Подписка падает, розница — минимальная. И т. п.

Как сообщил А. Василевский, в розницу “Новый мир” (отдельные номера) можно купить только в редакции и в магазине “Фаланстер”. Больше нигде.

Был суров самокритичный А. Ливергант, который, в частности, сказал, что “мы не дорабатываем, мы плохо продаём <журналы>...”

На самом деле, это передача очень важная — одна из немногих, которая говорит о сути дела. Она показывает, что в настоящее время не решены главные проблемы литературного процесса. У многих журналов (а это основа лит-процесса) нет нормального распространения. Ну, ведь не дело, что один из самых известных в стране “толстяков” — легендарный “Новый мир” — можно купить в розницу только в одном магазине!

Не менее печальная ситуация, на мой взгляд, и в книгоиздании. Книги давно перестали быть книгами. А стали чтивом (для широких масс) либо сувенирной продукцией, которая нужна только автору и нескольким его друзьям. Культура книгопечатания сошла практически на нет, поскольку институт редактуры и корректуры упал ниже плинтуса. Система распространения оказалась разрушена.

В советское время я мог купить самые лучшие книги в каком-нибудь заухудалом магазинчике, например, на станции Платоновка Тамбовской области. Сейчас это невозможно. Число книжных магазинов резко сокращается. Например, давным-давно закрыта Лавка Литературного института, которая была, на мой взгляд, лучшим магазином некоммерческой книги.

Так есть ли сейчас профессия литератора? Она, конечно, есть. Можно зарабатывать сценариями (но в клан сценаристов совсем не просто попасть), можно зарабатывать на текстах песен (но в шоу-бизнес и вовсе не пробиться!), можно писать в глянцевах журналы, где за интервью заплатят примерно 2–3 тысячи рублей. И т. д. И всё-таки нынешний среднестатистический литератор обязан где-то служить — в пресс-службах, в рекламе, в пиар-отделах, школах, университетах и т. п.

Запрет на профессию литератора пришёл оттуда, откуда не ждали, — от рыночной экономики.

И вот теперь, когда половина моей литературной жизни прошла при социализме, а половина — при капитализме, я задаю сам себе вопрос: а где же лучше? И не знаю точного ответа на этот вопрос.

Что хорошо сейчас? Мой главный аргумент в пользу беспощадного, ужасного, несправедливого нынешнего строя заключается в том, что всё-таки я сейчас свободен. Я могу написать всё, что я хочу. Я могу издать всё, что я хочу. Я могу напечатать всё, что я хочу, в собственных журналах и в сети интернет. У меня есть все возможности для творческой реализации. А то, что она (эта творческая реализация) никому, кроме меня, по большому счёту не нужна, так это дело десятое. Ведь “цель творчества — самоотдача, // А не шумаха, не успех...”

Да, и ещё один важный момент: сейчас за палиндромы и анаграммы в психушку не сажают. Более того, в 2015 году за моё трёхтомное исследование, посвящённое авангардной поэзии, я получил одну из самых крупных литературных премий — премию имени А. Дельвига. Так что всё не так безнадежно.

МОИ ЛИЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Чего я достиг при Советской власти?

В детстве-юности я был, как писал выше, спортсменом: футболистом, хоккеистом, боксёром. Тренировался — на износ! — каждый день. Стал в составе

команды “Крылья Советов” двукратным чемпионом Москвы по хоккею, получил первый взрослый разряд по футболу, 9 боёв провёл на ринге, в 7 победил.

Начинал я с игровых видов спорта, потом перешёл в бокс, потом (когда сердце перестало выдерживать нереальные боксёрские нагрузки) опять вернулся в футбол. В коллективе всё-таки полегче.

... Мой тренер по боксу А. П. Герасимов готовил меня к очень серьёзной спортивной карьере. Тренировки были суровые. Иногда он выпускал на ринге против меня двух боксёров и не разрешал мне наносить ответные удары, можно было только защищаться – нырками, уклонами и т. п. И я как-то всё это выдерживал. До поры до времени. В 15 лет сердечко стало шалить.

Но я очень благодарен боксёрской школе. Если бы не бокс, я бы, конечно, уже давно сгинул. Спасибо великому тренеру.

Самоотверженно со мной занимались и мои тренеры по футболу и хоккею Валерий Павлович Прокольчев (царство ему небесное!) и заслуженный мастер спорта СССР, чемпион страны Аркадий Юрьевич Николаев (он был в “Крылышках” главным тренером, а играл за “Динамо”).

Я считаю, что моя спортивная карьера сложилась успешно, всё-таки я стал двукратным чемпионом Москвы. Этого добивались далеко не все.

Работал литературным редактором еженедельника “Семья”, который выходил тиражом 5 млн экземпляров. Меня приглашали на работу редактором отдела культуры номенклатурного журнала “Молодой коммунист” – я отказался, брали пресс-секретарём в ЦК ВЛКСМ – я тоже отказался.

Если бы сохранилась Советская власть, я бы, наверное, дослужился до главного редактора. Возможно, мне бы дали квартиру. Двухкомнатную – на троих. Это всё, на что я мог рассчитывать.

При капитализме я закончил университет христианского образования в Женеве, экономический факультет университета (специальность – “Финансы и кредит”), потом с отличием (кандидатский минимум сдал на пятёрки) завершил учёбу в аспирантуре МГУ им. М. В. Ломоносова. Учился в докторантуре РГГУ. Стал главным редактором многих газет и журналов, книжным издателем. Много писал (и пишу). В разных странах мира вышло около тридцати моих книг. Печатаюсь в толстых журналах, в газетах, в популярных изданиях. У меня родились внучка и внук. Квартир у меня несколько. И загородный дом есть, и собственный офис, и квартира в Болгарии, на море. Я объездил полмира. Вкальваю, как прежде, с утра до ночи.

Есть прогресс? Наверное, есть.

И всё-таки...

И всё-таки я не считаю, что нынешний политический курс лучше прежнего.

Я думаю, что социализм был удобнее для большинства. А могучие пассионарии, как я уже писал, тогда грамотнее и эффективнее контролировались. Была мораль. Были нравственные ориентиры. Государство было более справедливым и более социально ориентированным. И не было такого чудовищного расслоения общества, как сейчас.

Я полагаю, что в нынешней России капитализм (такой капитализм, как сейчас!) выжить не может. Жизнь показала, что у нас слишком мало людей, способных вкальвать с утра до ночи. Не случайно малый бизнес так и не прижился в России. Прочитал 15.10.2013 на сайте <http://news.mail.ru/economics/15193800/?frommail=1> “... российский малый бизнес начал переезд за границу. Процесс исхода уже не остановить, но замедлить можно. Малые и индивидуальные предприниматели закрывают бизнес в России и переезжают за границу, пишет “Российская газета”.

Что сказать? Сильные уезжают. Большинство остаётся. И пытается устроиться на крупные предприятия, которых, увы, не становится больше. Люди по-прежнему рассчитывают не на себя, а на дядю. И во всём винят кого угодно, но только не себя. Люди, конечно, не виноваты. Они такие, какие есть. Изменить их сейчас невозможно. А значит, их нужно пожалеть. И перестать над ними издеваться. Не надо заставлять всех быть предпринимателями. Это невозможно. Но и малочисленных предпринимателей-пассионариев не следует уничтожать. Важно уметь соблюдать баланс интересов. Вот для этого и нужно государство. А вовсе не для того, чтобы набить боярские карманы дармовым золотом. Государство обязано направить креативную энергию

пассионариев в нужное – созидательное! – русло, а пассивному (это не уничтожительная характеристика, а констатация факта) большинству обеспечить достойный минимум. Пришло время комбинированной общественно-экономической формации. И в основе её должен лежать гуманизм, поддерживаемый государством. Гуманизм – это единственно верный практицизм современности. Единственно возможный способ всем нам выжить.

И, конечно, нам необходимо выработать национальную идею. А национальная идея в России не может быть в отрыве от аграрного вопроса.

Земля – это главное.

50% сельскохозяйственной продукции сейчас производят малые предприятия, частники, в том числе – дачники-садоводы. Это очень хорошо. Я лично в прошлом году сварил 50 банок варенья. И мне хватило на осень-зиму-весну. Ни одной банки варенья в магазине я не купил. А мои замечательные соседи производят не только варенье, но и соленья, соки, выращивают картошку, кабачки, зелёный горошек, капусту, лук, чеснок, держат коз и кур...

– Мы можем сами себя прокормить! – говорят они.

Вот и надо дачников-садоводов (других мелких аграриев и животноводов) максимально поддерживать. Первым делом – провести во все СНТ газ, чтобы жильё было максимально комфортным.

Нужно максимально использовать ту человеческую энергию, которая есть. А нам, дачникам, энергии не занимать.

Наша радость – это земля. Наша основа основ – это дом и семья. Наш национальный поэт – это Сергей Есенин! И Бог нам в помощь!

Пока же российская политика – это не политика, а мощнейший, дьявольски изощрённый структурированный сетевой бизнес, где, как это ни грустно, о благополучии простых граждан, похоже, никто заботиться не намерен, а кадры для оппозиции готовятся в номенклатурных элитах.

Мне возразят: так не может быть.

Но давайте рассмотрим факты.

Итак, кто же в оппозиции?

Михаил Касьянов. В прошлом премьер.

Владимир Рыжков. В прошлом зампред Госдумы.

Алексей Кудрин. В прошлом министр финансов. Да и сейчас при власти.

Алексей Навальный. В прошлом советник губернатора.

Неужели нужно кому-то доказывать, что власть и оппозиция – это единый организм, очень напоминающий двуглавого орла? Мне это очевидно.

Отдельный вопрос – отношения нашей страны с Западом.

В советское время эти отношения были плохими, шла “холодная война”. Но существовал Варшавский блок, СЭВ, Советский Союз был реальной сверхдержавой.

Что же теперь? Как нам ладить с Западом в нынешнее постсоветское время? Сейчас СМИ (и наши, и западные) переполнены материалами о противостоянии Запада и России (Путина). Да, конечно, это противостояние существует, оно не менее драматичное, чем было в советское время. Но полагаю, что в этом противостоянии есть элементы политической игры. Западу, на мой взгляд, абсолютно всё равно, под какой юрисдикцией будет, например, Крым – под украинской или российской. Не сомневаюсь, что все эти вопросы давно согласованы в высших (невидимых) эшелонах власти. И Путин, как это ни странно, Запад устраивает. Всегда нужен “плохой парень”, на которого можно списать собственное несовершенство и дополнительные расходы... Реальное и кромешное противостояние между Россией и Западом (США и Евросоюзом) началось бы только тогда, когда в России были бы отменены доллар и евро. Вот это привело бы к реальной войне.

А пока можно говорить что угодно. Суть вопроса – в деньгах.

Мой старший товарищ и бывший начальник по газете “Совершенно секретно” Артём Боровик, царство ему небесное, однажды сказал мне: “Кошку можно назвать как угодно. Можно даже поругать её. Она не обидится. Но вот если ей не дать молока... она этого не простит”.

В этой статье я не говорю о том, что нужно немедленно отменять хождение валюты в стране, я говорю, надеюсь, о сути вещей. Она – в финансах. И мы это должны понимать. Делать своё дело и рассчитывать на самих себя, думая – в перспективе – не только о продуктовой безопасности, но, прежде всего, о безопасности финансовой и цивилизационной.

Итак, что же лучше для русского человека – социализм или капитализм? Я думаю, что каждый должен ответить на этот вопрос самостоятельно. Но, в любом случае, при любом строе должна быть социальная защищённость. Я считаю, что подобной защищённости в брежневское время было больше, чем сейчас.

А закончить эти заметки я хотел бы своим очень коротким стихотворением, в котором надеюсь выразить суть вопроса.

* * *

*Раньше был дефицит харчей,
А теперь дефицит рублей.*

*Раньше был дефицит одежды,
А теперь дефицит надежды.*

*Раньше я был молодой,
А теперь я седой...*

ИГОРЬ ЯНИН

РЕЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Кабы реки и озёра

“Кабы реки и озёра слить бы в озеро одно...” – памятная с детства шуточная песенка на слова поэта Самуила Маршака. Сочинил он её по мотивам английского фольклора. В ней – лёгкая насмешка над ребячливым фантазмом. Но в нашем случае имеется в виду вполне реальное и серьёзное намерение – восстановить единую систему речного судоходства, если не в масштабе Российской Федерации, то хотя бы в бассейнах крупнейших “голубых магистралей”.

Стоит разговориться с ветеранами “речной” отрасли, да и просто с людьми старшего поколения, многие начинают вспоминать те времена, когда в юности, выходя на берег реки, они видели вереницы проплывающих барж со строительными материалами, конструкциями, белоснежные пассажирские теплоходы, танкеры, земснаряды, плавучие краны, суда-скороходы на подводных крыльях. Река жила. Даже зимой в замёрзших затонах продолжалась работа; там велись ремонтные работы, сверкали огни электросварки. Центральная Россия нетерпеливо дожидалась сезона, когда потянутся с юга на север караваны судов, доверху заставленных ящиками с овощами из южного “помидорного края”, с полосатыми арбузами и прочими бахчевыми. Для выращивания таких качественных продуктов нужно много тепла и солнечного света. Теперь в железнодорожных контейнерах и автофургонах привозят продукты в основном импортные. На вид они красивые, аппетитные, но на вкус какие-то мёртвые, убитые, и запах у них одинаковый – химический. Да, “далеко химия простирала руки свои”.

Раньше в каждом речном порту красовались крепкие мужчины в форменных куртках, в фуражках с якорями. Мальчишки завидовали им, мечтали стать речниками. Не так уж много времени с тех пор прошло, но российские реки опустели. По выражению бывшего министра речного флота РСФСР, коренного волжанина Леонида Васильевича Багрова, “реки у нас украли”. По сравнению с 1980 годом перевозки грузов по рекам и озерам России сократились в 4 раза, пассажирские – почти в 7 раз. При этом средний возраст судов перевалил далеко за тридцать лет.

Почти на треть уменьшилась протяжённость внутренних водных путей. Маловодность рек привела к сокращению грузовых перевозок. По внутренним путям России перевозится теперь всего 1,2 процента перемещаемых по стране внутренних грузов. Так нужен ли нам вообще речной транспорт? Надо ли тратить силы и средства на развитие этой отсталой, “консервативной” отрасли, которая перемещает (притом ужасно медленно!) какой-то один жалкий процент грузов? Если сравнивать с грузооборотом в СССР, нынче у нас увеличились

перевозки железными дорогами, автомобилями и по воздуху, что связано с развитием этих отраслей и хорошей окупаемостью. Автобаны, скоростные магистрали, мегаполисы, рокады, хорды, кольца, трубопроводы, дроны, “цифра” – вот наш тренд, наше будущее. А что реки? Это для отсталых туземцев?..

Но давайте обратимся к опыту стран иных. Общая протяжённость судоходных рек и каналов мира составляет 550 тысяч километров. Лидерами по протяжённости путей, пригодных для судоходства, являются Китай и Россия (примерно по 100 тыс. км), США (более 40 тыс. км), Бразилия (около 30 тыс. км). По общему грузообороту речного транспорта лидируют США. К основным видам грузов, перевозимых речным транспортом, относятся строительные материалы (щебень, песок), зерно, уголь, нефть и нефтепродукты. Протяжённость Великого китайского канала составляет 1774 км, это самый длинный канал в мире. Он строился с VI века до нашей эры и в XIII веке уже новой эры соединил пять рек: Хэйхэ (Амур), Хуанхэ, Хуайхэ, Янцзы и Цяньтан. После образования КНР (1949) канал реконструировали и практически на всём его протяжении открыли сезонную навигацию. Кроме того, вода из канала используется для орошения прилегающих земель. Древнейшая магистраль успешно действует одновременно со сверхскоростными поездами. Максимальная грузопропускная способность канала составляет 10 миллионов тонн в год. В Европе сеть водных транспортных путей образуют реки Сена, Рейн с притоками, Эльба, Одра, Висла, Дунай, Днепр, Волга, Дон. В Азии – Ганг, Инд, Иравади, Янцзы, Обь с Иртышом, Енисей с Ангарой, Лена, Амур; в Северной Америке – Миссисипи с притоками, Св. Лаврентия и др.; в Латинской Америке – Амазонка и Парана; в Африке – Конго, Нигер, Нил; в Австралии – Муррей.

Оставим пока в стороне страны дальние. Посмотрим, какова роль речного транспорта в соседней и более понятной нам Европе. Казалось бы, речники Старого света “по законам свободного рынка” не могут конкурировать с железнодорожным, автомобильным или трубопроводным транспортом. И, тем не менее, постояв несколько минут на берегу Рейна или Дуная, нетрудно убедиться, что это реки рабочие: непрерывно в обе стороны идут гружёные суда под флагами разных стран. Ведётся интенсивное строительство искусственных водных путей. В Западной Европе по внутренним водам перевозят 11 процентов всего объёма внутренних грузов и собираются поднять эту долю до 17 процентов. В Германии этот показатель составляет сейчас 11 процентов, в Нидерландах – 34, во Франции – 10. Несколько лет назад в Евросоюзе стали развивать речной транспорт как “приоритетный вид перевозок”. Что неудивительно, так как основные конкурентные преимущества водного транспорта – дешевизна, экологичность и безопасность.

Грузонапряжённость наших внутренних водных путей, напротив, существенно сократилась. В Китае на 1 километр водного пути приходится около 10 тысяч тонн перевозимого груза, в США – примерно 12 тысяч тонн, а в Германии – более 30 тысяч тонн. На один километр внутренних водных путей в России приходится всего 1 тысяча тонн перевозимого груза. Столь бездумно и расточительно ведут себя только бомжи.

Но как современной Европе удалось создать работоспособную и эффективную систему перевозок по внутренним водным коммуникациям? Да элементарно: посредством введения в практику продуманных социально-экономических “кнутов-пряников”. Европа упорно и последовательно обзаводилась самыми разнообразными каналами и “канализированными” реками. И не по знаменитым автобанам, а по Рейну ежегодно перевозят теперь 250–300 млн тонн грузов – строительных материалов, изделий из металла, химикатов, тканей и другой продукции. Активно действуют программы по переключению с автомобильных на водные грузоперевозки. В ЕС существует программа MarcoPolo, целью которой является перевод грузооборота в объёме 20 млрд тонно-километров с автомобильного на морской, внутренний водный и железнодорожный транспорт, а также программа NAIADES по развитию именно внутреннего водного транспорта. Такая политика продиктована социальной ответственностью руководителей государств. Всем понятно: если вдруг миллионы тонн груза вернутся с рек на автострады, то на сухопутных магистралях упадут скорости, появятся пробки, возрастёт загазованность, снизится и качество самих дорог. Конечно, жители будут недовольны деятельностью властей и найдут способ проявить это своё недовольство.

В Германии берегут и стремятся всячески разгрузить свои прекрасные дороги. И речной транспорт живёт за счёт большой поддержки государства. У них отменён акциз на судовое топливо (судовое в два раза дешевле автомобильного), применяется дотация до 90% на замену дизельных двигателей, бесплатное пользование инфраструктурой и т. д.

Грузовые порты в Европе, как правило, вынесены за черту города. У нас в 1930-е годы порты строились тоже на окраинах. Но постепенно они оказались самым центре городов. А кто сегодня будет их переносить? Кажется, никому нет до этого дела. Во второй половине 90-х годов, когда “дорогие россияне” раздирали по кускам уникальные единые отечественные энергетические и транспортные системы, европейцы впервые в истории начали осуществлять грандиозный проект создания единой транспортной сети. В мире обострились проблемы энергетики и экологии. Каждый транспортный коридор включает в себя и автострады, и железные дороги, и водные пути. Отработаны соглашения и правила, открывающие возможности равноправного использования важнейших внутренних водных путей всеми европейскими странами. С созданием ЕС возникла необходимость унифицировать, согласовать основные правила организации перевозок по всем этим, в том числе водным системам.

По Дунаю и Рейну суда идут потоками. В Париже наши туристы любят смотреть, как уверенно буксиры толкают баржи по Сене. Практически на всех крупных реках действуют диспетчерские службы, решаются проблемы графика прохождения судов, развёрнута сеть логистических центров. Автомобильные грузовые перевозки в Европе используются только на коротких дистанциях. В Германии, например, за перевоз груза на фуре больше ста километров взимается дополнительный налог – за дорожное полотно, за экологию, за увеличение загруженности дорог. Поэтому, если есть малейшая возможность, довозят груз до ближайшего порта и доставляют по реке.

У речного транспорта самая низкая себестоимость перевозок. Не требует он и больших финансовых вложений в инфраструктуру. Если сравнить стоимость 1 тысячи километров железной дороги и средства, необходимые на оснащение 1 тысячи км реки под судоходство, включая постройку пристаней, портовых механизмов, складов, установку гидрографического оборудования, дноуглубительные работы, то окажется, что обустройство речных путей обходится в 8–10 раз дешевле.

Еврокомиссия предложила многолетнюю программу действий на основе сочетания речного и автомобильного транспорта. Речной транспорт востребован и быстро развивается во всём мире. Формы государственной поддержки деятельности перевозок по воде за рубежом разнообразны. Это и развитие речной портовой инфраструктуры, и участие морских портов в развитии и обеспечении грузовой базы речных “коллег”, и льготное кредитование, и финансовая поддержка бизнеса, занимающегося оптимизацией грузопотоков и переводом грузов с автомобильного на внутренний водный транспорт. Кроме того, для стимулирования перераспределения грузопотоков странами ЕС принят ряд директивных документов по переключению перевозок с автомобильного на железнодорожный и внутренний водный транспорт. В соответствии с транспортной политикой ЕС до 2050 года примерно треть всех грузовых автоперевозок на дистанции более 300 км должна быть переключена на “железку” и на реку. В целом предусматривается сократить магистральные автомобильные грузоперевозки на 50 процентов.

Весьма перспективным считается подключение к евроазиатскому транзиту развитой сети водных путей России. Причём необходимо иметь в виду то, что использование для плавания судов типа “река-море” позволит избежать двойной перевалки грузов. В интересах углубления международного сотрудничества на повестку дня встаёт вопрос интеграции транспортных систем на всей территории европейского пространства – от Ла-Манша до Урала и от Средиземного моря до Белого и Балтийского. На совещании министров транспорта Европы и Азии ещё в 1994 году была официально сформулирована и одобрена концепция международных транспортных коридоров (МТК). Их девять, из которых три пролегают по территории России. Проблемы инженерные, экономические, экологические в основном решены. Дело только за политиками.

Важным участком в направлении интеграции транспортных систем России является, например, речной порт Калининград. Международный транспортный коридор (МТК) № 2 берёт начало в Германии, проходя по территории

Польши, Белоруссии и России в направлении Урала, Сибири и Средней Азии. МТК № 9 соединяет страны Северной Европы (Финляндия) и Балтии со странами Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов. В его состав, помимо объектов железнодорожной и автомобильной инфраструктуры, включены внутренние водные судоходные пути по рекам Волге и Дону, Волго-Балтийскому и Волго-Донскому каналам, речные порты на этих путях. Особенностью МТК № 9 является возможность интеграции с МТК № 7 (река Дунай), что обеспечивает транспортировку грузов из России в страны Средней и Южной Европы.

В соответствии с Европейским соглашением о важнейших внутренних путях международного значения, принятым в январе 1996 года в Женеве и подписанным 17 государствами, вся Единая глубоководная система европейской части России отнесена к разряду магистральных внутренних водных путей. В эту систему входят Нижний Дон, Кама, Волга, Свирь, Нева, Ладожское, Онежское озёра и соединяющие их судоходные каналы.

Таким образом, в перспективе возможна организация сравнительно дешёвых перевозок по Большому воднотранспортному кольцу. Оно включает участок Единой глубоководной системы от Санкт-Петербурга до Волгограда, а далее – Волго-Донской канал, Азовское и Чёрное моря, межбассейновые соединения реки Дунай с Майном, Рейном, Северное и Балтийское моря до Санкт-Петербурга. Уже разработаны нормативы и типоразмеры флота, обеспечивающие возможность смешанных железнодорожно-водных интермодальных сообщений с использованием балкеров, контейнеровозов, лихтеровозов и баржебуксирных мелкосидящих модулей. Проблема, однако, заключается в закрытости внутренних водных путей России для свободного плавания судов под иностранным флагом и, наоборот, Дуная, Рейна и других европейских рек – для российских судов.

К использованию российских внутренних водных путей всё больший интерес проявляют грузовладельцы Индии и других стран Центральной Азии для доставки своих грузов в скандинавские страны (через Каспийское море и Единую глубоководную систему Европейской части страны). Таким образом, интеграция транспортных систем России и Европы может принести взаимные выгоды всем участникам и даст новый импульс развитию внешних экономических связей и международной торговли.

Однако было бы неверно полагать, что на Западе всё идёт гладко, потому что там особо благоприятные природно-климатические условия. Да, навигационный период там несколько продолжительней, чем у нас. Но у волжан, например, на зависть европейцам, есть свои весомые преимущества. С созданием каскада водохранилищ на Волге угрозы подтопления городов ушли в историю. А вот на Рейне, где крупных водохранилищ нет, паводки доставляют массу неприятностей. Из-за малой ёмкости водохранилищ их гидроузлы не способны осуществлять регулирование речного стока. В густонаселённых районах Западной Европы, где высоки и стоимость земли, и затраты на переселение людей, на вынос сооружений, гидроузлы строятся низконапорные. Крупные ГЭС с большими водохранилищами там неприемлемы. Поэтому используется весь доступный гидропотенциал – гидросооружения обычно располагаются в пределах речного русла и выходят на берега реки в незначительных пределах, не прерывая естественного течения реки.

За последние годы в Европе произошло несколько сильнейших наводнений, и климатологи считают, что это только начало. Наводнения всё чаще случаются на многих реках Западной Европы – Дунае, Сене, Роне, По и других. Сильные ливневые паводки отмечались в Португалии, Испании, Франции, Бельгии, Великобритании, Германии, Швейцарии, Австрии и других странах. Страдают от разрушений населённые пункты, дороги, ЛЭП, сельскохозяйственные угодья. Особо высокие паводки охватывают целые речные бассейны, парализуют хозяйственную деятельность и резко нарушают бытовую уклад жизни населения. Очень трудным стал 2013 год. В Центральной Европе были эвакуированы из своих домов десятки тысяч немцев, венгров и чехов. Солдаты при помощи мешков с песком пытались сдерживать подъём уровня воды. На Балканах сотни домов оказались затоплены, разрушенными оказались несколько мостов. Здание парламента Венгрии в центре Будапешта оказалось в окружении воды. Уровень воды в Дунае поднялся на 31 см выше рекордного уровня. Одновременно с развитием внутреннего водного транспорта идёт непрерывный поиск способов регулирования речных потоков.

Призрак Цусимы бродит по мелководью

Российский водный транспорт развивался всегда — и при царях, и при императорах, и при генсеках. Однако в 90-е годы XX века от величия отечественного речного флота практически остались одни воспоминания — корабли были либо проданы на металл, либо брошены, либо ушли под другие флаги — во многом из-за непродуманного налогообложения и из-за особых условий получения кредитов. В России в результате “шоковой терапии” самый дешёвый и самый испытанный вид транспорта — водный — пострадал более всех. Наше внутреннее водное хозяйство было раздавлено и разорено “невидимой рукой” дикого рынка. Ни войны, ни природные катаклизмы, ни диверсии не наносили ему подобного урона. От речного флота осталось буквально “мокрое место”.

В ходе Великой Отечественной войны наш речной флот потерял пятую часть своего состава: 1092 самоходных судна. Всё это было восстановлено в короткий срок, и в последние годы существования Советского Союза на реки в навигацию выходило до 35 000 грузовых самоходных судов, более 400 пассажирских теплоходов. Весной 2016 года в навигацию вышли всего около 9000 грузовых судов, 150 пассажирских теплоходов.

А никакого умышленного злодейства тут не усматривается: достаточно было отдать ресурсы в руки временщиков, чтобы те использовали инфраструктуру, ничего не вкладывая в её развитие. Действовали по принципу трёх “Д”: донашиваем, доедаем, доживаем. И до сих пор по логике многих “продвинутых” реформаторов вкладывать средства в развитие внутреннего водного транспорта России представляется делом заведомо убыточным.

И это просто чудо, что железнодорожный, автомобильный, да и воздушный и морской транспорт худо-бедно как-то сумели выжить в условиях гайдаровских реформ. Естественно, подминающемуся с колен государству российскому на пороге XXI века первую помощь потребовалось оказать стратегически важным видам транспорта. Железнодорожники всеми правдами-неправдами удержали свою инфраструктуру. В то же время некогда шикарные речные вокзалы, воздвигнутые в стиле “сталинского ампира”, представляли собой печальное зрелище. Они, как правило, были отданы в аренду коммерсантам. С гидротехнических сооружений посшибали каменные изваяния кумиров. Но добротные плотины и шлюзы, построенные в “застойные” времена, всё ещё действовали, хотя по возрасту уже нуждались и в ремонте, и в реконструкции. За годы новой России построены речные вокзалы только в Ханты-Мансийске да в Чебоксарах. Теплоходы, созданные в основном на верфях государств социалистического лагеря, близзились к пенсионному возрасту.

Бесконечно повторяемые с разных трибун доводы, призывы, воззвания, наконец, требования возродить, восстановить отечественный речной флот постепенно стали восприниматься не более чем благими пожеланиями. То есть в том, что самым роскошным в мире супер-яхтам — “быть!”, сомнений у общественности не возникло, а вот в том, что на речной флот, на пристани-причалы, на расчистку фарватеров у отечественных либералов денег не найдётся — так это к гадалке не ходи. На внутреннем водном транспорте государственно-частное партнёрство мучительно медленно обретало правовые основы.

Последствия не замедлили сказаться. Бесконтрольность, нарушение правил безопасности, потеря квалифицированных кадров обернулись чередой аварий на этом считающемся самым безопасным виде транспорта. В июле 2011 года в конференц-зале Волжского пароходства прошло совещание, посвящённое вопросам безопасности судоходства на внутренних водных путях. В нём приняли участие руководители судоходных и туристических компаний, транспортной милиции. Целью совещания была выработка мер, исключающих повторение аварий на внутренних водных путях.

Разговор получился прямой и нелицеприятный. При этом выявилась масса противоречий. От Ассоциации судоходных компаний поступило предложение ввести систему управления безопасностью на флоте (СУБ) во всех судоходных компаниях. Многие крупные компании подобную систему уже ввели у себя добровольно, в том числе и Волжское пароходство. Эта система хорошо зарекомендовала себя на морском транспорте. Однако подобное ужесточение требований к безопасности плавания привело бы к тому, что на рынке осталось бы всего 15–20% перевозчиков, ведь компания, которая берёт в аренду только одно-два судна, не сможет выполнить все требования СУБ.

Кроме того, в прессе стали раздаваться радикальные призывы запретить эксплуатацию судов старше 25 лет. Но если ввести такое ограничение, речного флота в стране практически не останется. Хотя в воде пресной (она менее агрессивна, чем морская вода) при хорошем надзоре и техническом уходе суда могут служить и пять десятков лет, и более. Другое предложение Ассоциации касалось такого важного вопроса, как страхование пассажиров. Но если туроператоры станут заключать договоры со страховыми компаниями на выплату каждому пассажиру удвоенной суммы, то какие же счета им выставят страховщики? Стоимость путёвок и так высока, и перекладывать все затраты на туристов – это значит потерять клиентов. Если ввести страхование жизни пассажиров на экскурсионно-прогулочных маршрутах, цена билетов также автоматически возрастёт.

В ходе совещания специалисты не раз возвращались к проблеме создания администраций речных бассейнов – структуры, которая должна заниматься оперативным решением вопросов. Одна из причин необходимости создания речных администраций – несогласованность в действиях надзорных органов.

Самый большой пассажирский флот – у Волжского пароходства. Суда не молодеют, и компания вкладывает сотни миллионов рублей в год в их ремонт и обслуживание. Причём средства приходится тратить как на ремонт механизмов, так и на улучшение эстетического вида теплоходов. А самая большая статья расходов – топливо. Все судоходные компании в год потребляют около шести миллионов тонн. Покупка топлива и ремонт флота требуют немалых средств. А ведь есть неременное условие создания речных администраций – содержаться они должны не за счёт федерального бюджета. Следовательно, выход один – введение дополнительных сборов. Вынесут ли судовладельцы дополнительное бремя?

На выполнение требований всех надзорных органов – Ространснадзора, Регистра, санитарной службы и других – приходится тратить колоссальные средства. Порой эти требования, по мнению судовладельца, чрезмерны. Замучили туроператоров и визиты контролирующих органов. Приходит один проверяющий, им заняты капитан, старпом, механик. Следом идёт второй, третий. Капитан не вправе поторопить их. Проверили судно в Нижнем Новгороде, следующая стоянка – в Чебоксарах, и там повторяется всё сызнова – один проверяющий, второй, третий...

Заложниками рьяных проверок становятся туристы. Они начинают пугаться: если надзорные органы что-то настойчиво ищут, значит, теплоход не в порядке? Начался отток туристов. Туроператоры работали на пределе рентабельности. Топливо дорожает постоянно, растёт и стоимость обслуживания судов на причальных стенках. Так, цена судозахода на остров Валаам безо всяких на то оснований за год увеличилась втрое.

К 2012 году были созданы 15 администраций бассейнов внутренних водных путей. Внедрена система государственно-портового контроля, назначены капитаны бассейнов, персонально отвечающие за обеспечение безопасности судоходства, введена система управления безопасностью в судоходных компаниях и на судах. Организована регулярная аттестация капитанов судов, внедрялись современные навигационные технологии на основе ГЛОНАСС и электронной картографии, введена обязательность страхования гражданской ответственности судовладельцев за причинение вреда. В совокупности эти меры привели к существенному повышению уровня безопасности судоходства и снижению аварийности на реках. Но общее состояние речного флота оставалось удручающим.

Стратегия или декларация намерений?

Наконец, в сентябре 2013 года экспертный совет при Правительстве Российской Федерации обсудил и одобрил проект «Стратегии развития внутреннего водного транспорта до 2030 года». Проект прошёл обсуждение, в том числе с участием Союза транспортников России, союза «Национальная палата судоходства», Ассоциации портов и судовладельцев речного транспорта, проработан с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти.

В результате были сформулированы основные цели: обеспечение приоритетного использования внутреннего водного транспорта в транспортной системе России; создание условий для переключения грузопотоков с наземных

видов транспорта на внутренний водный транспорт; обеспечение роста конкурентоспособности внутреннего водного транспорта по отношению к другим видам транспорта; повышение доступности и качества услуг внутреннего водного транспорта для грузоотправителей; обеспечение социальной функции внутреннего водного транспорта по перевозке пассажиров и повышение уровня безопасности.

Вот так, с помощью отглагольных форм великого русского языка весь многосложный комплекс проблем внутреннего водного транспорта был запрессован в один абзац. Да, всё, изложенное в “Стратегии”, было верно. Но к реальной жизни эта “дорожная карта” имела весьма умозрительное отношение и даже отдалённо не напоминала ни бизнес-план, ни тем более план ГОЭЛРО. Так что “Стратегия” на свет появилась, а практического сдвига в решении “водяных” проблем не наступило. Похоже, что никакого реального продвижения даже и не предвиделось.

За прошедшие с тех пор годы ситуация резко усложнилась, но отношение к проблемам водных сообщений со стороны как высоких финансовых кругов, так и производителей осталось неизменным, то есть губительным. Кто-то ссылался на недостатки законодательства, кто – на кризис, кто – на санкции. А кто-то фаталистически сетовал на непреодолимые обстоятельства, заявляя, что главная беда заключена в глобальном изменении климата, то бишь в обмелении рек. Имея в виду, что надо смириться с реальностью, ибо “с Божией стихией царям не совладать”.

Наконец, в 2016 году впервые за последние сто лет на Волге было прекращено сквозное судоходство. Суда доходили до Городца (район Нижнего Новгорода), там упирались в недостаточные глубины реки (было 3,7 м – стало 1,8 м) и поворачивали назад. Грузовые суда с небольшой осадкой ещё проходили, а большегрузам и пассажирским прохода не было. Дополнительные сложности возникли из-за обмеления Оки, по которой как раз было много движения небольших грузовых судов.

Этого следовало ожидать. Согласно докладу Комиссии Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) по транспорту и транспортной инфраструктуре, общие убытки судоходных компаний по итогам навигации 2015 года достигли 20 млрд рублей. Добавился кризис на Нижнем Дону, вызванный обмелением Цимлянского водохранилища. Там суда вынуждены были осуществлять частичную разгрузку с последующей обратной загрузкой, что увеличивало время рейса в 1,5–2 раза, при этом дополнительные потери грузопотока оценивались более чем в 3,5 млн тонн. Больше всего ситуация с обмелением российских рек повлияла на перевозки нефти и нефтепродуктов, серы, нерудных материалов, минеральных удобрений. Также недостаток глубины негативно отразился на перевозке крупногабаритного тяжеловесного оборудования, которое иначе как по реке перевезти вообще невозможно.

Хищническая, вразнос эксплуатация речного флота и остатков его инфраструктуры привела к тому, что положение становилось всё более нетерпимым. И 3 декабря 2015 года Владимир Путин в Президентском послании Федеральному Собранию заявил о намерении выработать реальную программу действий и добиться перелома в ситуации.

“Мы продолжим модернизацию транспортной инфраструктуры, – сказал президент. – Будем развивать мощные логистические центры, такие как Азово-Черноморский, Мурманский транспортные узлы, современные порты на Балтике, на Дальнем Востоке, укреплять систему межрегиональных авиaperевозок, в том числе в северных и арктических территориях”. И особо глава государства выделил проблему: “На одном из предстоящих заседаний Государственного совета мы детально рассмотрим состояние внутренних водных путей”.

Если с делами железнодорожными, морскими, автодорожными, даже авиационными в принципе удавалось добиваться заметных, а порой и решительных сдвигов, то на речном транспорте попытки решения проблем на каждом шагу увязали, как в трясине. Даже жёсткие меры, принимаемые по следам аварий и трагических происшествий, не смогли коренным образом повлиять на ситуацию. Российский речной флот погибал.

Между тем, глава государства поставил задачу чётко: выработать реальную программу восстановления речного флота России. И лёгких решений здесь не предвиделось. Для этого необходимо было с головой погрузиться в эту сильно замутнённую воду и шаг за шагом развязывать тугие задубелые

узлы. В ходе подготовки к заседанию Госсовета было высказано много дельных предложений, и организационных, и экономических, по технике и по логистике. Советы руководителей предприятий, экономистов, экспертов, администраций прошли во всех регионах. Наиболее конструктивно выступали речники Лены и Енисея. Ведь у них положение наиболее серьёзное – над ними довлеет ответственность за северный завоз.

Местом проведения заседания Госсовета первоначально наметили Астрахань, город-порт в устье Волги, главные ворота в Каспийское море.

Астраханская предыстория

Каспийское море, по одной из гипотез, получило своё название в честь древних племен коневодов – каспиев, живших до нашей эры на юго-западном побережье. Историки насчитали около 70 наименований моря-озера у разных племён и народов: Гирканское, Хвалынское, Хвалиское море – название, происходящее от названия жителей Хорезма, торговавших на Каспии; а также море Хазарское, Абескунское, Дербентское, Сихай и множество других. В Иране его и сегодня называют Мазендеранским (по названию народа, населяющего прибрежную провинцию Ирана).

В Каспий впадают 130 рек. Крупнейшая из них – Волга, её среднегодовой водосток составляет 215–224 кубических километров. По данным современной науки, Каспий сформировался миллионы лет назад, когда Сарматское море, терявшее связь с Мировым океаном, разделилось надвое: на Каспийское и Чёрное. Каспий сильно подвержен изменениям уровня воды. Так, за последнюю четверть XX века его уровень поднялся больше чем на 2 метра, вызвав значительные разрушения на берегах. Но эти колебания – ничто по сравнению с тем, что здесь происходило ранее.

В период Валдайского оледенения и последовавшего затем таяния материковых льдов уровень Каспия повышался на десятки метров, превратив Волгу до Саратова в открытый морской бассейн. Хвалынское море распространилось вверх примерно до современных Чебоксар. А когда 14–15 тысяч лет назад воды схлынули, морские отложения стали материнскими породами для почв, которые до сих пор отличаются повышенной солёностью.

Торговый маршрут, связывавший Балтику с низовьями Волги и Каспием, имел для древнерусского государства не меньшее значение, чем пресловутый путь “из варяг в греки”. И первые военные походы русы совершали вплоть до южного берега моря, где в то время правили местные династии. К этому же времени относятся и первые появления русских дружин в византийских владениях. Низовья Волги контролировались могучим государством хазаров, которые воевали с мусульманскими правителями Кавказа. Но в IX веке политика Хазарии переориентировалась с завоевательных походов на развитие международной транзитной торговли. Наступил период относительной стабильности в приволжских и причерноморских степях. В Восточной Европе основной торговой артерией стала Волга. Из устья реки, где находился город Итиль, купцы попадали в акваторию Каспийского моря и, высаживаясь на его южных берегах, затем по суше добирались до Багдада или в Среднюю Азию.

Контроль над важными транзитными путями привёл к тому, что в IX–X веках основным источником доходов Хазарии стали торговые пошлины. Итиль превратился в крупнейший торговый пункт по перепродаже меха и рабов. Хазария чеканила собственную монету. На острове Готланд в Швеции были найдены монеты, сделанные в подражание арабским дирхемам (арабизированное греческое слово “драхма”), только вместо надписи “Мухаммед – посланник Бога” стоит “Моисей – посланник Бога”.

Население города Итиля было чрезвычайно пёстрым в этническом отношении. Тут были и представители гуннских, иранских и угорских племён, и евреи, и славянские племена. Причём представители религиозных общин были выходцами из разных стран. Каган – высший титул суверена в средневековой кочевой иерархии – означает “Хан ханов”. Для нужд каждой конфессии существовали культовые храмы: церкви, мечети и синагоги. Для решения споров существовало семеро судей: по двое для иудеев, мусульман и христиан и один для всех язычников.

Однако вскоре ситуация стала меняться. Нарастала очередная волна великого переселения народов, новые азиатские кочевники стали переходить

Волгу. Венгров вытеснили печенеги, которых, в свою очередь, оттеснили огузы, а тех – половцы. Пытаясь укрепить свои северо-западные рубежи, хазары с помощью Византии соорудили серию крепостей по притокам Дона. Деньги у торговой Хазарии были. Была и немислимая роскошь, и наверняка рачительные иудеи прятали своё серебро и золото, ведь времена в каганате были неспокойными – то набег, то война. К радости современных археологов, они оставили немало кладов вдоль берегов Дона, в том числе на дне Цимлянского водохранилища. Охотников поискать хазарское золото и серебро можно встретить на Кубани, в Донецкой области, в устье Волги.

В первой половине X века хазарский каганат заметно ослаб, но ещё лавировал между тремя крупными силами: Византией, кочевниками и Русью. В 939 году один из русских вождей – Хельг (возможно, князь Олег) напал на хазарскую заставу на Таманском полуострове. Хазарское войско, в свою очередь, разграбало византийские владения в Крыму. Тем временем окрепли исламские эмираты. Правители волжской Булгарии перешли в ислам, и Хазария неожиданно оказалась в исламском окружении.

После падения каганата причерноморские и прикаспийские степи попали в безраздельное владение кочевников. Вновь территории оказались объединены только в составе Золотой Орды. В русских источниках свидетельств о хазарах немного. Основной источник – “Повесть временных лет”, куда данные попали частично из византийской литературы, а также из устных преданий. Упоминается посольство хазарских иудеев к Владимиру в 986 году. Другим древнерусским источником является “Память и похвала князю Владимиру” Иакова Мниха, где приводятся подробности политики Владимира. На место хазар пришли половцы, договариваться с которыми было трудно из-за отсутствия у них централизованного государства. Да и сама Русь оказалась раздроблена на мелкие княжества. Затем последовало нашествие монголо-татар, и Хвалынское море надолго оказалось отрезанным от русских земель.

Новый этап освоения русскими Каспия связан с деятельностью казацких шаек, особенно разгулявшихся, когда Россия погрузилась в Смуту. В 60-х годах XVII века атаман Степан Разин вывел в Каспий “за зипунами” флотилию из нескольких десятков стругов, вооружённых пушками. Грабежам подверглось всё побережье моря – от Дербента до Горгана (город в Иране). Разбой на Каспии достиг не меньших масштабов, чем в Карибском море. Вернувшись в Астрахань, Разин бил царю челом и сдал часть добычи, за что был прощён. В Москве на всё это смотрели сквозь пальцы, примерно так, как в Лондоне на “подвиги” корсаров.

Терпели волжских грабителей до той поры, пока жизнь не потребовала очистить коммуникации. В ответ на жалобы персидских правителей царь Алексей Михайлович распорядился обеспечить безопасность торговли на Волге и на Каспии. Но казацкая вольница признавала только силу; Разин поднял восстание, первый русский военный корабль “Орёл”, построенный для плавания по Каспию, был сожжён в Астрахани. Однако силы были неравны, и Разин окончил свою жизнь на плахе.

Первый русский император Пётр I, одолев шведов в Северной войне и потерпев фиаско на Балканах, обратил взоры на Каспий. Итоги похода 1722–1723 годов, в котором участвовало несколько сотен грузовых и военных кораблей, были скромными, но влияние России в регионе усилилось.

В ходе Русско-персидской войны 1804–1813 годов Россия получила исключительное право держать на Каспии военный флот. В конце XIX века по числу приписанных пароходов (90 единиц) астраханский порт был на втором месте в империи после Одессы, а по парусникам – на первом (1152). Это было связано с развитием добычи нефти. В 1899–1901 годах Баку давал более половины всей мировой добычи “чёрного золота”.

Советская власть отказалась от монопольного права на Каспий. Бессрочные советско-иранские договоры 1921, 1935 и 1940 годов определили равные и исключительные права на осуществление морской деятельности на Каспии двух прикаспийских государств – СССР и Ирана. На море действовало правило 10-мильной зоны территориальных вод, которое обе стороны время от времени нарушали; о проведении отдельной морской границы ни в Москве, ни в Тегеране особенно не задумывались.

После развала Советского Союза пришлось заново определять статус моря-озера и очертить морские границы прикаспийских стран. Бассейн Каспийского

моря охватывают теперь пять государств – Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан. Преимущества Каспия были оценены, в первую очередь, бывшими союзными республиками Азии и Кавказа. В российской же внешней политике каспийское направление оказалось на периферии.

Интерес российских правящих кругов к Каспию определялся теми задачами, которые приходилось решать, чтобы навести порядок на Северном Кавказе. Каспийская военная флотилия участвовала в боевых действиях в Чечне и Дагестане. Свой вклад в борьбу с ИГИЛ внесли российские корабли, обстрелявшие ракетами позиции боевиков в Сирии из акватории Каспийского моря. Каспийская флотилия РФ сегодня насчитывает десятки боевых кораблей и катеров, превосходя все остальные военные флоты прикаспийских стран. Но с точки зрения экономики России на Каспии похвастаться пока нечем. Было проведено несколько Каспийских саммитов, однако единственное, чего смогли добиться заинтересованные стороны, – это договориться о мерах по сохранению поголовья осетровых рыб, которое к 90-м годам XX века оказалось в катастрофическом состоянии.

Каспийское направление – единственное, где объёмы перевалки грузов падали. За шесть лет, с 2010 по 2016 год, три порта – Махачкала, Астрахань и Оля – потеряли в общей сложности 10,9 млн тонн грузооборота. Во многом это было связано с международной изоляцией Ирана. Лишь в последнее время Каспий стал привлекать всё большее внимание. Правительство выразило намерение развить порты Каспия и железнодорожные подходы к ним. Каспийские порты – это важные элементы международного транспортного коридора “Север – Юг”, по которому предполагается перевозить грузы из Индии, Ирана и стран Персидского залива в Европу и в обратном направлении. Для увеличения трафика необходимо сделать российские порты в Каспийском регионе узлами международной торговли, модернизировать портовые мощности, реконструировать дальние и ближние автомобильные и железнодорожные подходы к морским портам.

Бурлаки и водоходы

Речное судоходство имеет в России многовековую историю. Уже в IX веке славяне совершали плавания на речных судах по Дону, Днепру, Волге и Каспийскому морю с торговыми целями. Размеры судов, плававших по русским рекам, возрастали, в XVI веке грузоподъёмность речных судов на Волге достигла 250–300 тонн. Суда того времени были неуклюжи и тяжелы на ходу. В царствование Петра I взамен судов “разового пользования”, то есть предназначенных для одного рейса, начали строить суда прочной конструкции, долговечные, с хорошими судоходными качествами. По представлению самого Петра, Россия была не сухопутной, а водной страной. Даже в самом названии Министерства путей сообщения первоначально имелись в виду сообщения важнейшие – водные, а первые железные (чугунные) дороги воспринимались широкой публикой всего лишь как увеселительный аттракцион. На месте волоков строили искусственные водные системы: Вышневолоцкую, Тихвинскую, Мариинскую. В конце XVII века первый российский император предпринял попытку соединить Волгу и Дон в месте наибольшего их сближения, у современного Волгограда.

Речные суда были гребными или парусными. Позднее стали применять тягу при помощи шедших по берегу лошадей или людей (бурлаков). В отдельные периоды численность бурлаков достигала шестисот тысяч. Вообще бурлачество – явление сугубо российское, волжское, связанное с тем, что берега судоходной части реки в основном пологи, а скорость течения не так уж велика. Гениальный механик-самоучка Иван Кулибин разработал способ движения судов вверх по течению за счёт самого течения реки. Его “водоход” в 1782 году испытали – изобретателю премию выдали. Но конструкция казалась его современникам слишком мудрёной, проще было нанять бурлаков.

Веками бурлаки, или “судорабочие”, служили тяговой силой на водном транспорте, доставляя ежегодно миллионы пудов всяких товаров в торговые и промышленные центры. Работа, естественно, была сезонная и укреплению здоровья не способствующая. Выбившись из сил и перебрав все песни, бурлаки заводили мелодию без слов – бесконечный вой, о котором поэт Николай Некрасов писал: “Этот стон у нас песней зовётся”.

Впрочем, не всё так просто было в “институте” бурлачества. Существовала профессиональная специализация, известны были и нормативы. Наиболее активно бурлаки работали на участке от Рыбинска до Астрахани. Условия найма определялись “Уставом купеческого водохозяйства”, составленным в 1781 году. Нередко платой наёмному бурлаку был бесплатный провоз его товара на барже, которую он тянул. Крестьяне для доставки излишков своего урожая на рынок собирались командами и тянули баржи сами, платя только за аренду баржи. Серьёзной проблемой для торгового судоходства на Волге были разбойники, “вольные люди”, ватагами до 50 человек поджидавшие караваны купцов в укромных местах по всей Волге. Для защиты от их нападений купцы объединялись в огромные караваны по 500–600 судов и двигались в сопровождении охраны. Грабежи прекратились лишь в середине XIX века.

Рыбинский памятник бурлаку скульптора Леонида Писаревского – единственный в мире. Установлен он здесь не случайно. Рыбинск в то время называли “столицей бурлаков”. К открытию навигации тут собиралось до 170 тысяч “судорабочих”, тогда как население городка насчитывало не более 7000 жителей. Бурлаки объединялись в артели по 10–45 человек. Чтобы накопить за лето деньги для семьи, питались простой и дешёвой пищей. Чёрного хлеба в день бурлак съедал до двух килограммов.

Преобладала среди бурлаков крестьяне, уходившие на заработки из Симбирской, Саратовской, Самарской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерний. Шли в бурлаки и бездомные люди, бродяги. В целом “судорабочие” способствовали развитию торговли и промышленности; их трудом богатели и государство, и купцы, и судовладельцы, и предприниматели. С развитием промышленности и некоторой механизацией труда – коноводных судов, кабестанов, пароходов – численность бурлаков сократилась сначала до трёхсот тысяч, потом до 150 тысяч. Своих знаменитых “Бурлаков на Волге” Илья Репин написал, когда на Волге пароходы уже приходили на смену парусным лодкам-расшивам. В 1846 году к рыбинской пристани пришвартовался пароход с двумя баржами, гружёнными 150 тысячами пудов хлеба. Расстояние от Самары до Рыбинска пароход покрыл за 16 дней; бурлакам на преодоление того же пути требовалось два месяца. Началось быстрое развитие парового судоходства не только на Волге, но и на других реках. К 1868 году на реках России уже плавало 646 пароходов.

К началу XX века бурлачество исчезло вовсе. Рыбинску это пошло только на пользу. Здесь с первых шагов разместили собственные пристани крупнейшие российские пароходные общества: “По Волге”, “Кавказ и Меркурий”, “Самолёт”. Пароходные компании “Общество крестьян” и “Товарищество рыбинского пароходства” держали свои главные конторы непосредственно в Рыбинске. Город из “столицы бурлаков” сделался важнейшим внутренним портом страны.

В этот период был достигнут значительный технический прогресс в речном судостроении. Появились такие отечественные судостроительные заводы, как Сормовский, Коломенский, Ижорский, Пермский, заводы Нобеля и другие. На отечественных заводах строились уже металлические нефтеналивные баржи грузоподъёмностью до 10 тысяч тонн, не имевшие себе равных в мировой практике танкеры с паровыми силовыми установками. На Сормовском заводе впервые в мировой практике были построены наливные самоходные теплоходы “Вандал” (1903) и “Сармат” (1904). На “Вандале” были установлены отечественные двигатели с электропередачей на гребные валы, на “Сармате” двигатели на переднем ходе непосредственно вращали валы гребных винтов, при заднем ходе использовалась электропередача. Темп роста перевозок нефти по Волге почти в 2 раза превышал темп роста их на железнодорожном транспорте. Уже в 1913 году по Волге транспортировалось 5,3 млн тонн (в 1880 году эти перевозки составляли только 500 тысяч тонн).

Россия держала мировое первенство не только по количеству, но и по качеству речных судов. Число пароходов здесь достигло 5467, несамоходные суда исчислялись десятками тысяч. Везли всё: хлеб, лес, нефть, соль, сыпучие грузы. Выдающуюся роль в создании новых типов судов и силовых установок сыграл талантливый нижегородский конструктор и новатор В. И. Калашников. Под его руководством на Волге было реконструировано более ста пароходов, построено свыше 50 новых судов и более 150 паровых котлов. Число перевезённых пассажиров превышало 11 миллионов человек.

Для поддержания рек в нормальном судоходном состоянии Правительством на затруднительных перекатах выставлялись дежурные буксиры, которые помогали караванам проходить трудные участки, открыты обстановочные посты и др. На Волге, на Днепре, Северной Двине часто повторялись мелководья. Например, в 1897 году на Волге положение сложилось столь серьёзно, что уже в июле пришлось прекратить судоходство от Рыбинска до Твери и с большими трудностями продолжать его от Рыбинска до Нижнего Новгорода. Инженерами путей сообщения Н. С. Лелявским, В. М. Лохтиным и В. Е. Тимоновым была изучена структура речного потока, выявлены его закономерности и разработана специальная система выправления речного русла потоками воды. Особенно много для улучшения судоходного состояния рек сделали инженеры В. Г. Клебер и Н. Н. Жуковский, которые впервые в мировой практике научно разработали систему предварительной подготовки перекатов.

Речное чудо: леса воз

Верховья Волги богаты лесами, а низовья всегда отчаянно нуждались в древесине, в лесоматериалах. Как перевезти по реке лес? Конечно, сплавом: пустил вниз по реке – и через месяц со скоростью течения он дойдёт. Но огромные неповоротливые плоты перекрывали судовой ход. А на реке уже появились пароходы. Тогда-то и возникли несамостоятельные плоскодонные барки нового типа – величественные белоснежные сооружения. Называли их “белянами”. В отличие от просмоленных барж и плотов они грузились только очищенным от коры “белым” лесом – более ценным и дорогим. Основным грузом была древесина и в некоторых случаях попутные товары. Наш современник, если бы ему довелось глядеть на контуры этих плывущих громадин, сравнил бы их с авианосцами. Строились они из дерева, являясь одновременно и перевозочным транспортом, и грузом. “Лесовоз”, плывущий сам по себе вниз по течению, предназначался исключительно для перевозки брёвен, теса, дров, шпал, лыка и рогож.

Наши предки были людьми творческими и находчивыми, умевшими за один сезон создавать высокоэффективные безотходные производства. Кору с брёвен снимали на месте, из неё тут же гнали смолу, которой смолили все прочие деревянные суда. Строились беляны вначале без единого гвоздя, и только позднее их начали сколачивать железными коваными гвоздями. Плоское дно барки делали из еловых брусьев, а борта – из сосны, надёжно скрепив корпус шпангоутами. Существовали беляны длиной до 120 метров, высотой свыше 5 метров. Швы конопатили еловой паклей, чтобы обеспечить герметичность. Обшивка беляны снаружи – обыкновенные струганные доски.

Грузоподъёмность иных белян доходила до 800 тысяч пудов (12 тысяч тонн)! Плавали они исключительно в один конец с верховьев и до низовьев Волги и никогда не уходили дальше Астрахани. Лес в беляне укладывался ровными рядами с широкими проёмами, чтобы иметь доступ к днищу судна на случай течи. К тому же правильно уложенные бревна быстрее подсыхали, что сохраняло их от гниения. При погрузке лес располагали так, чтобы не нарушить равновесия судна. Роспуски выступали за борт на четыре и более метров в стороны, так что ширина судна по верху оказывалась значительно больше, чем по низу, и достигала у некоторых белян 30 метров.

Палуба беляны настигалась либо из теса, либо из пиленых досок и бывала настолько велика и ровна, что, действительно, походила на палубу современного авианосца. На ней ставили 2–4 ворота для подъёма якорей и натяжения удерживающих канатов. Ближе к корме ради равновесия устанавливали по две избушки – “казёнки”, служившие местом обитания команды судна, и вышку лоцмана.

Это странное судно двигалось по реке не носом – кормой вперёд. Несмотря на всю свою громоздкость, беляна обладала достаточной маневренностью. Управлять помогали огромный кормовой руль и носовые лоты (чугунные отливки в форме пирамиды, которые волочились по дну и сдерживали скорость). Менять направление помогали также парус из рогожи и небольшой якорь, который на лодке отвозили в нужную сторону и сбрасывали. Останавливали беляну тремя большими разлапистыми якорями. Экипаж на “беляне” составлял от 15 до 35 человек, а на самых больших – до 80. Посменно работали на помпах, которыми откачивали воду из корпуса.

Особого расцвета строительство белян на Волге достигло в середине XIX века в связи с началом массового пароходного движения. Сплавлялись беляны, в основном, в Царицын (ныне – Волгоград). На месте прибытия беляну разбирали до последней щепки, от неё не уходило в отходы абсолютно ничего. “Казёнки” продавались как готовые избы-пятистенки, белый лес шёл на срубы для других домов и на шпалы. Сам корпус беляны рубили на дрова, а пенька, рогожи, канаты, железный крепёж – всё, абсолютно всё шло на продажу и приносило доход владельцам белян.

В пути эти одноразовые суда имели праздничный вид. Они украшались огромными флагами – государственными, торговыми или владельческими, изображавшими чаще всего святых покровителей или какие-нибудь подходящие к случаю символы. Лоцманская будка вся покрывалась резьбой, а иной раз даже красилась под золото. Делалось это в целях рекламы товара или просто для души – судить теперь трудно.

Некоторые из белян за одну навигацию собирались и разбирались по два раза. Например, небольшие беляны в том месте, где Волга близко подходила к Дону, причаливали к берегу, весь груз с них конными повозками перевозили на Дон. Разбирали и само судно, везли вслед за грузом, вновь собирали и грузили уже на новом месте. Затем лес сплавляли в низовья Дона, где беляны разбирались в последний раз. По сохранившимся документам, только в 1885 году были построены 152 беляны. Особым типом волжских судов были также живорыбные садки. В них были огромные ящики с прорезями для поступления свежей воды, в которых плавала живая рыба.

Декретом Совнаркома от 26 января (8 февраля) 1918 года речной флот был национализирован. Знаменитый план ГОЭЛРО предусматривал в том числе приведение в совершенный вид внутренних водных путей Европейской части РСФСР, широкое использование гидроресурсов. Высоконапорная плотина ДнепроГЭС подняла уровень воды на порогах, и Днепр стал судоходным на всём его протяжении. В 1933 году вступил в строй Беломорско-Балтийский канал, соединивший Белое море с Балтийским. Относительно канала Москва-Волга ни споров, ни сомнений не возникало. Вопрос стоял ребром: или строить канал, или возвращать столицу в Питер. 17 апреля 1937 года в 18 часов 40 минут были открыты нижние ворота шлюза № 1 канала Москва-Волга. Тогда, в 30-х годах никто всерьёз не задумывался о негативных последствиях для экосистемы Волжского бассейна. Голоса отдельных учёных, призывавших отнестись к гидростроительству с большей осмотрительностью, воспринимались враждебно. Ведь речь шла о самом выживании: “... либо нас сомнут!”

За годы довоенных пятилеток самоходный речной флот увеличился в 2,2 раза, несамоходный – в 2,7; в приречных городах были созданы порты, до половины погрузочно-разгрузочных работ удалось механизировать, объём речных перевозок возрос более чем в 3 раза. В ходе Великой Отечественной войны речным транспортом перевезено около 200 млн тонн грузов. Речники работали на переправах Сталинграда и на Ладожском озере, через которое проходила “Дорога жизни” в осаждённый Ленинград. В 1952 году было завершено строительство Волго-Донского судоходного канала, который соединил важнейшие экономические районы Европейской части СССР – Урал, Поволжье, Центр с Донбассом и Югом. Гарантированная глубина на Волге и Каме увеличилась.

Так как скорость грузовых речных судов составляет 10–20, редко более 25 км/ч, по внутренним водным путям перевозят в основном грузы, не требующие быстрой доставки – стройматериалы, уголь, кокс, зерно и т. п. Перевозят по рекам также нефть и нефтепродукты. Существуют суда, перевозящие грузовые автомобили вместе с их грузом и речные суда-контейнеровозы. Самые крупные грузовые речные суда длиной более ста метров могут брать на борт около пяти тысяч тонн грузов. Однако использовать такие крупные суда можно далеко не везде.

Над созданием грандиозного плана освоения Волги трудилась большая группа учёных и инженеров. План этот получил название “Большая Волга”. При его разработке были учтены нужды судоходства, орошения, энергетики, водоснабжения и многое другое. Ведь если зимой сбрасывать воду в угоду энергетикам (при возрастающей зимней потребности населения и промышленности в электроэнергии), то весной и летом для судов воды не остаётся.

Волга должна была превратиться в широкую водную магистраль, соединиться с северными и южными морями, стать фабрикой электрической энергии и часть своих вод направить для орошения в засушливые районы.

Пагуба гигантомании

— В чём дело, граждане затопляемые?

Валентин Распутин.
“Прощание с Матёрой”

Всё же несправедливо сваливать всю вину за бедственное состояние речного флота на “шоковую терапию”, на “проклятые 90-е”. Реформы были необходимы. И, может быть, в отношении водного хозяйства эта необходимость проявилась в наибольшей мере. Истоки многих ошибок проистекают из 50-х годов XX века. Дело в том, что успехи первого этапа осуществления плана ГОЭЛРО, создание великолепного ДнепроГЭСа, других гидротехнических комплексов, каналов породили безудержный оптимизм, который выразился в пренебрежении к экологии, в порочной практике безоглядного возведения каскадов крупных гидроэлектростанций на равнинных реках. Если в горной местности высоконапорные плотины дают дешёвую электроэнергию, а на Дальнем Востоке они к тому же просто спасают людей и природу от разрушительных наводнений, то на равнинной России работать надо особенно осторожно и расчётливо, иначе вреда можно получить едва ли не больше, чем пользы.

Но мощь, набранная гидростроителями, сделалась непомерной. Речь шла уже о создании Нижнеобской ГЭС, водохранилище которой распласталось бы на гигантской площади, о повороте северных рек на юг, о подрыве истока Ангары (проект Григоровича) с целью увеличить сток воды из Байкала и ещё ряде проектов вплоть до сногшибательных (с применением ядерных зарядов). Стремление выжать из рек как можно больше электроэнергии вело к затоплению огромных территорий. Многие здравомыслящие учёные предупреждали о грозящей опасности, указывали на грубые просчёты проектировщиков. Русские писатели выступили с решительным протестом против бездумного уничтожения своей земли. Повесть “Прощание с Матёрой” Валентина Распутина стала настоящим манифестом, призывом воздержаться от решений, грозящих тяжелейшими последствиями.

Непродуманная политика в отношении гидросферы непосредственным образом сказалась и на речном транспорте. Со строительством каскада гидроузлов Волга и Кама должны были превратиться в глубоководные магистрали. В 1967 году Минречфлотом принято решения об увеличении гарантированной глубины на главных артериях с 365 см до 400 см. С этого момента началось строительство крупнотоннажных самоходных судов с большой осадкой. Суда строились для плавания по искусственным “морям”, а объявленные глубины не обеспечивались, в результате крупнотоннажный флот стал ходить с недогрузом и таким образом терял главное преимущество — экономичность. Эффективность речных перевозок стала падать.

После того, как были достигнуты “основные результаты” по регулированию стока Волги, Пленум ЦК КПСС 1966 года принял программу широкого развития мелиорации земель по всей стране. Выполнять её должно было специально созданное в 1965 году Министерство мелиорации и водного хозяйства (Минводхоз) СССР. Это ведомство было сопоставимо по богатству и влиянию со знаменитым в те годы “атомным” Минсредмашем, а по количеству занятых научных сотрудников — с Академией наук. Минводхоз превратился в настоящего монстра, который интересовался только одним: максимизацией объёмов и бюджетов строительных работ. Ни социальные, ни экологические, ни даже экономические последствия выполнения этих планов Минводхоз особо не стремился просчитать и обосновать.

В проекте переброски стока рек по существу речь шла об изменении всей системы крупных водотоков и водоёмов Европейской и Западносибирской частей СССР. Минводхоз брал на себя миссию по изменению направления течения рек, перемещению огромных масс людей — тех, чьи дома попадут в зоны затопления, по масштабному преобразованию природы всей страны. Эти планы были слишком масштабны, чтобы можно было обеспечить детальную проработку даже краткосрочных последствий.

Против подобных замыслов резко возражал премьер-министр Алексей Косыгин. Простить ему это партийная элита не могла. Косыгин начинает резко терять своё влияние в партии. На XXV съезде КПСС в 1976 году было объявлено о начале работ по осуществлению гигантского проекта, выделялись огромные государственные средства. Подключались к работе десятки научных институтов, их задача – придумать оправдание для поворота сибирских рек.

Одним из лидеров “академической оппозиции” проекту переброски стока рек стал академик Сергей Яншин, руководитель временной научно-экспертной комиссии. Среди творческой интеллигенции одним из явных лидеров был писатель Сергей Залыгин, главный редактор журнала “Новый мир”. Ему, гидро-строителю по профессии, несложно было понять, о чём идёт речь. Если бы ГЭС построили, под затопление попали бы все газовые и нефтяные месторождения Западной Сибири. Яншин и Залыгин обладали достаточным авторитетом, чтобы публично выступить против “министерской мафии”. Именно в это время во всём СССР начинаются широкие природоохранные общественные движения. В ходе протестов против нелепостей бездумной гигантомании были посеяны серьёзные сомнения в коллективной мудрости “нашего рулевого”.

“Выдь на Волгу!”

Однако вернёмся к сегодняшним заботам. Мероприятие, посвящённое проблемам развития внутреннего водного транспорта, готовилось очень тщательно. Анализ материалов, поступавших из многих речных бассейнов, подтверждал: практически по всей сети картина складывалась неблагоприятная. Речной флот России деградировал. Почти на треть (на 30%) уменьшилась протяжённость внутренних водных путей. Маловодность рек привела к сокращению грузовых перевозок. На совещании, которое состоялось 5 июля 2016 года, рабочая группа пришла к выводу, что картина складывается безрадостная.

В Астрахань из Москвы раньше ходили круизные суда, и это был самый лучший отдых, а теперь – в неделю одно, да и то с пересадками в автобусах. Устраивать всероссийский форум речников в городе, где судоходство ограничено, было бы нелепо. И, учитывая актуальность проблемы, было предложено провести выездное “речное” заседание Госсовета РФ не в Астрахани, а ближе к крупным транспортным узлам, к промышленным регионам страны, способным поддержать речной флот на плаву. Выбрали город Волгоград.

Члены Госсовета прибыли в город-герой ещё ранним утром 15 августа 2016 года. На рейде у речного вокзала выстроились на якорной стоянке с десятком кораблей внушительного размера и самого разного назначения, в том числе дноуглубительное судно “Соммерс”, сумевшее добраться в Волгоград из Махачкалы, несамоходная баржа, а также несколько танкеров компании “Палмали”. Были представлены также макеты проектируемых или уже выпускаемых отечественных судов, в том числе модели мелкоосидающего ледокола для Каспийского и Азовского морей, сухогрузов, танкеров, пассажирских круизных лайнеров. Подобная экспозиция появилась не случайно, ведь на совещании намечалось затронуть в том числе и вопросы обновления парка речных судов.

Заседание Госсовета под председательством президента Российской Федерации Владимира Путина началось около 17.30. В работе форума приняли участие члены Правительства, руководители ведомств, главы регионов России, представители организаций внутреннего водного транспорта, а также компаний, строящих и эксплуатирующих корабли. Во вступительной речи президент подчеркнул, что вопрос развития внутренних водных путей – чрезвычайно важный для всей страны.

Владимир Путин напомнил о том, что в 2014 году Правительству РФ уже было дано поручение пересмотреть логистику, задействовать речной транспорт в летний период, чтобы не создавать напряжённости на федеральных магистралях. По всей видимости, к перевозчикам, которые неактивно меняют привычные маршруты и накатанный путь, пришло время применять оперативные меры. Глава государства подчеркнул, что на первом месте должны стоять вопросы безопасности пассажиров.

Президент выделил несколько, по его мнению, самых важных направлений. Первое – преодоление инфраструктурных ограничений. Второе – достижение сбалансированности перевозок разными видами транспорта и, как

результат, снижение не только бюджетных затрат, но и издержек грузоотправителей. Третье направление – обновление речного флота.

“Сегодня более четверти федеральных автомагистралей работает в режиме перегрузки, особенно в период каникулярный, летом, когда люди едут в отпуска, возвращаются домой, а рядом грузовой транспорт со щебнем и песком, и всё это происходит в период навигации по рекам, возможности которой практически не используются или используются неэффективно”, – сказал глава государства.

Выступавшие затем специалисты речной отрасли отмечали важность принятого 21 июня 2016 года Госдумой РФ федерального закона “О внесении изменений в Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации и Федеральный закон “О приватизации государственного и муниципального имущества”. Его основная концепция – создание новой модели классификации внутренних водных путей по признакам “федерального” и “регионального” значения. Это позволит субъектам РФ вносить свой вклад в финансирование работ по содержанию судовых ходов.

Министр транспорта Максим Соколов проиллюстрировал высказывание президента конкретными цифрами: содержание одного километра водного пути обходится в 130 тысяч рублей, одного километра автодороги – в 4,5 миллиона. Он подчеркнул, что при росте загруженности автодорог многие направления перевозок совпадают с направлением речных путей. А только один речной состав грузоподъемностью 8 тысяч тонн способен заменить четыреста 20-тонных грузовых автомобилей. Сезонный пик нагрузки на железные дороги также приходится на летние месяцы, то есть на сезон речной навигации, и было бы целесообразно в этот период не предоставлять скидок на перевозку массовых и тяжеловесных грузов железнодорожным транспортом.

Поток автомобильных перевозок увеличился. Доставка от двери до двери напрямую, без перевалки, конечно, удобней. Но дороги с трудом выдерживают такие нагрузки. Если за железнодорожную структуру берётся плата, то государственные дороги бесплатные. То есть строительство и ремонт дорог целиком ложится на плечи бюджета. Введение системы “Платон” несколько прояснило реальное положение. Но плата дальнбойщиков соответственно ложится на цены перевозимого товара. И хотя отдельные эксперты уверяют, что не заметили сколько-нибудь ощутительного влияния, такая “нечувствительность” – это вопрос уже не глубины познания экономических закономерностей, а совести.

Речники предлагают вернуть ограничения, существовавшие во времена СССР, – убрать автоперевозчиков песка и щебня как самых опасных, разбивающих дорожные покрытия. В некоторых районах речные суда являются и важнейшим пассажирским транспортом. За пределами европейской части России, то есть на Урале, на Дальнем Востоке, в Сибири внутренним водным транспортом перевозится ежегодно около 5 миллионов человек. Деградирующий флот продолжает выполнять важнейшие социальные функции, но процесс физического износа ускоряется, а сама отрасль стремительно теряет кадры. Отсутствие дноуглубительных работ привело к тому, что судоходство исчезло не только на малых реках, но и на участках больших рек. Ситуация усугубляется тем, что до сих пор не урегулированы взаимоотношения между их собственником – государством – и эксплуатирующими организациями. Со времени приватизации портового имущества прошли годы. И за это время государство не выделяло средств для поддержания причальных сооружений в работоспособном состоянии.

Местные власти часто ссылаются на нехватку средств для развития береговой инфраструктуры. Между тем, транспортный налог, собранный с владельцев всех транспортных средств, попадает в дорожный фонд регионов и тратится на ремонт, содержание и строительство автодорог, хотя по логике должен идти и на развитие водной инфраструктуры.

Постройка судна гораздо дольше окупается, чем постройка большегрузного автомобиля или железнодорожного вагона. А наши банки не любят выдавать длинные кредиты. Российские судоходные компании вынуждены кредитоваться за рубежом. Но такие займы накладывают на них определённые обязательства: заказы на оборудование приходится размещать на зарубежных предприятиях, корабли регистрировать под иностранным флагом. Российское судостроение в рамках кредитов и налогов сильно отличается от

принятых в мировой практике схем. Длительные сроки окупаемости и высокие процентные ставки по кредитам не позволяют российским судовладельцам привлекать инвестиции в новое строительство. Сезонность работы увеличивает срок окупаемости судов. Крупные инвестиции могут позволить себе лишь крупные компании, которые владеют большим парком судов разного возраста. Вывод: окупаемость современного речного судна в России граничит с расчётным сроком его службы. Помимо нехватки денег обновлению речного флота препятствует и технологическая отсталость судостроительных заводов. У них износ оборудования составляет 75%, в итоге время строительства судна в России в 2–3 раза выше, чем на зарубежных верфях.

Завершая заседание Госсовета, Путин ещё раз подчеркнул: “Сама наша государственность складывалась там, где были берега рек, поскольку других способов сообщения не было. Сейчас есть автомобильные дороги, есть авиасообщение, но значение водных путей не становится меньше, и мы должны использовать преимущества этого вида транспорта”.

По итогам Госсовета Владимир Путин поручил Правительству обеспечить поэтапный переход на нормативное содержание внутренних водных путей и судоходных гидротехнических сооружений с 2018 года за счёт выделения дополнительных бюджетных ассигнований из федерального бюджета на целевое финансирование работ по содержанию и развитию инфраструктуры внутренних водных путей. При этом Правительство РФ должно предусмотреть возможность установления платы за проход судов внутреннего водного транспорта на участках внутренних водных путей, на которых после реализации крупных инфраструктурных проектов обеспечено значительное улучшение условий судоходства. Было также утверждено строительство Багаевского и Нижегородского гидроузлов, что позволит устранить транспортные ограничения на Волге и на Дону. С 2017 года субъектам РФ законодательно предоставлена возможность участвовать в софинансировании водных путей федерального значения и содержать водные пути регионального значения.

Заседание Госсовета было завершено. Выработан комплекс мер для восстановления потенциала “голубых магистралей”. Но работа продолжалась. Решения Госсовета могут остаться пожеланиями, если не будут подкреплены законодательными нормами, реальными действиями. За примерами не надо далеко ходить. Так, в ряду первоочередных задач Владимир Путин поручил Правительству принять оперативные меры для стимулирования перевозок по рекам. Конкретно было предложено в срок до 1 февраля 2017 года рассмотреть возможность повышения стоимости перевозки навалочных, тяжеловесных, крупногабаритных грузов по железным дорогам и автотрассам в период навигации. Цель такого манёвра – перенос части грузопотока на речной транспорт. Министр транспорта Максим Соколов подтвердил: действительно, пик нагрузки на железные дороги приходится именно на летние месяцы, то есть на время речной навигации (длящейся практически всего полгода), и на этот период не следует предоставлять скидки на перевозку массовых и тяжеловесных грузов железнодорожным транспортом.

Какова же была реакция на рекомендации Президента России, Государственного совета Российской Федерации и Минтранса РФ? Правлением ОАО “РЖД” 19 января 2017 года было принято решение, согласно которому в рамках действующих тарифов Прейскуранта 10-01 (основной тарифный документ РЖД) установлен понижающий коэффициент 0,75 к тарифу на экспортные железнодорожные перевозки дизельного топлива и мазута со станции Нефтяная и Князевка Приволжской дороги.

Ясно, что понижение на 25% железнодорожного тарифа серьёзно снижает конкурентоспособность внутреннего водного транспорта. “Это приведёт к вытеснению речников с рынка перевозок нефтепродуктов, что, в свою очередь, и может стать причиной банкротств множества судоходных компаний, особенно тех, кто реализовал программы по обновлению нефтеналивного флота и имеет в связи с этим значительную долговую нагрузку”, – жалуется Подкомиссия по морскому и речному транспорту и портовой индустрии комиссии Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП).

Перевозка одной тонны мазута из Самары к Керченскому проливу речным флотом стоит около \$30–40. Мазут и дизельное топливо поставляются из портов Самарской области и Саратова. Судоходные компании понесли серьёзные потери. Причём скидка была принята не на весь год, а выборочно: с 1 февраля

до 30 ноября. То есть именно на период навигации. Речфлот и без того едва держится на плаву, а тут ему вместо спасательного круга... Таков был ответ на прямое указание Президента. Как говорится, ещё чернила не просохли под решениями Госсовета, а в Центре фирменного транспортного обслуживания РЖД (ЦФТО) взялись топить конкурентов-речников. И были намерены продолжить эту линию в следующем, 2018 году.

Нет слов, конкуренция является одной из неотъемлемых составляющих рыночной экономики. Добросовестная конкуренция поддерживается Правительством, так как при ней выявляется и реализуется весь положительный потенциал; она выгодна потребителям. Создаются предпосылки для развития экономики в целом. Но конкуренция, связанная с демпингом, с нарушением принятых цивилизованных норм и правил, способна порождать серьёзные проблемы – монополизацию производства и распределения, ущемление прав добросовестных производителей, нерациональное расходование ресурсов, острые негативные социальные последствия и т. д. Поэтому против недобросовестной конкуренции создают соответствующие законы и в ряде стран применяют самые жёсткие меры.

Круизы не без сюрпризов

Весной 2017 года под Ярославлем встали пассажирские теплоходы. Ждали, когда будет открыт старый рыбинский шлюз. Из-за обильного паводка повышенный напор воды вывел из строя одну из рабочих створок. Створку эту, к счастью, быстро восстановили, и движение по Рыбинскому водохранилищу продолжилось.

Советский Союз славился речным туризмом. Основные линии туров: Москва – Астрахань, включая все более или менее значимые волжские города; Москва – Ленинград с посещением таких памятных объектов, как Кирилло-Белозёрский монастырь, Кижы. Весь флот был заполнен туристами на 100 процентов. Но рухнул СССР, речной туризм развалился на части. Суда перешли из одних частных рук в другие и, как правило, быстро оказывались в отстое. Практически все “Зори”, “Восходы” и “Ракеты”, являвшиеся ранее гордостью речного флота, из-за роста цен на топливо оказались убыточными и были выведены из эксплуатации.

Между тем, в 2016 году спрос на речные круизы вырос по сравнению с 2015 годом на 25%. А заявки на 2017-й год перекрыли аналогичный период предшествующего года втрое. Речной круизный туризм, по данным Международной ассоциации круизных линий, на подъёме во всём мире. Но в России за последние пять лет число туристов на речных круизах оставалось практически неизменным. Дело за малым – нужно обновлять флот. Если этого не сделать, к 2020 году в эксплуатации в России останется не более четырёх десятков круизных речных судов.

Не всё так уж безнадежно. Три судна новой отечественной серии заказаны в Санкт-Петербурге для пассажирских перевозок по Енисею. В Астрахани презентовали трёх новых речных “Астраханцев”. Это современные теплоходы, способные вместить по 141 пассажиру каждый, и они уже начали курсировать по Волге. За последние годы построено 21 судно для обслуживания туристов в Санкт-Петербурге. Планируется построить три теплохода вместимостью по 306 пассажиров. Их будут эксплуатировать на линиях Санкт-Петербург – Москва и Ростов-на-Дону – Москва с выходом до портов Крыма.

Осенью 2016 года из Хабаровска отправился в первый рейс по Амуру скоростной теплоход “70 лет Победы” проекта А45-2. Возможности лайнера были продемонстрированы во Владивостоке на Восточном экономическом форуме. Судно заинтересовало потенциальных инвесторов из Сахалинской области, Камчатского края, Республики Саха (Якутия) и КНР. На его борту побывал президент РФ Владимир Путин, который дал высокую оценку теплоходу. Судно оснащено специальными водомётными двигателями большой мощности, которые позволяют развивать скорость более 70 километров в час. Теплоход имеет небольшую осадку – около метра. Это позволяет использовать его на маловодных направлениях. Комфортабельный салон рассчитан на 100 пассажиров. На Хабаровском судостроительном заводе продолжается строительство двух подобных скоростных пассажирских судов, а также судна на воздушной подушке для внутренних перевозок от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре.

В СССР речной советский флот состоял в основном из судов, спущенных на воду с иностранных стапелей. К “речному” заседанию Госсовета РФ была приурочена закладка первого в истории современной России круизного лайнера. Размеры четырёхпалубного круизного пассажирского судна PV300VD определены путевыми условиями Волго-Донского судоходного канала. Его вместимость – 300 пассажиров, габаритная длина – 140,19 метра, ширина – 16,6 метра, наибольшая осадка – 3,20 метра. Экипаж и обслуживающий персонал будут насчитывать 75 человек. Автономность по топливу составит 15 суток.

Планируется, что новый лайнер будет работать на линии “Москва – Санкт-Петербург – Астрахань”. Но не только там: смешанный тип четырёхпалубного пассажирского судна позволит эксплуатировать его и на линиях, соединяющих порты Санкт-Петербурга и Москвы; по Волго-Донскому судоходному каналу с выходом в Азовское, Чёрное, Средиземное, Красное моря; по Волге с выходом в Каспийское море, а также по Волго-Балтийскому водному пути с выходом в Балтийское и Северное моря. Строят его корабли судостроительного завода “Лотос”, в городе Нариманов Астраханской области. Предприятие входит в состав Объединённой судостроительной корпорации.

Этот первый круизный лайнер российского производства должен быть готов в 2019 году. Он будет соответствовать пятизвёздочному отелю. На борту к услугам пассажиров рестораны, тренажёрные залы, сауны. Большая часть кают планируется площадью 15 квадратных метров, а номера класса люкс и вовсе будут занимать площадь 20–25 “квадратов”. Стоимость проекта, по предварительным оценкам, составит 2,5 миллиарда рублей. Срок окупаемости – от 15 до 25 лет. Предполагается, что первый за постсоветское время круизный лайнер будет состоять наполовину из отечественных комплектующих. В целом к 2025 году строительство круизных лайнеров позволит решить эту задачу. И это лишь малая часть комплексной программы восстановления речного флота России, проработанной Государственным советом. Но она может быть осуществлена лишь при условии серьёзной поддержки.

А пока новости не радуют. В январе 2018 года пришло характерное сообщение: Московское речное пароходство продаёт теплоход “Максим Горький”, более известный как “яхта Сталина”. Просят за него всего 20 миллионов рублей. Раритетное судно вполне на ходу, но хозяевам оно приносит серьёзные убытки. Ещё в прошлом году на нём совершали небольшие круизы. Но теплоход элементарно не окупается. Им уже заинтересовались в Азербайджане, там готовы пустить его в плавание по Каспию. Ещё СМИ сообщают, что в качестве покупателя рассматривали администрацию Нижнего Новгорода.

Точно известно, что “Максим Горький” строился на нижегородской верфи в 1934 году как личный теплоход для вождя, хотя бывал ли на нём Сталин или нет – вопрос спорный. А вот А. М. Горький-Пешков – один из самых значительных и известных в мире русских писателей и мыслителей (его 150-летие страна готовятся торжественно отмечать в 2018 году) точно бывал – это установлено. Вполне могли бывать на шикарном теплоходе Берия, Каганович, Микоян, Орджоникидзе, Молотов, Хрущёв, Брежнев, многие другие исторические персоны. Уникальное судно готовили для отдыха первых лиц великого государства и обустроили, что называется, по первому разряду: мраморные лестницы, звукоизоляция кают, перила из дорогих пород дерева. И скорость приличная – 30 километров в час. После ремонта в двухтысячных годах теплоход превратили в плавучий ресторан, банкетное судно, которое ходило по каналу имени Москвы. На нём устраивали прогулки, дискотеки и корпоративы. На судне пробовали сделать музей, но даже стоять у пристани тоже получается накладно. “Максим Горький”, вполне годный, не окупается ни как теплоход, ни как ресторан, ни как музей. Вот так речники и наша “речная” цивилизация обложены со всех сторон “либеральными” финансистами.

Впрочем, любое речное судно в России – что старое, что новое – в нынешних экономических условиях становится убыточным, потому что у нас до сих пор так и не появилось логичной, твёрдой, вразумительной государственной политики в отношении речного транспорта.

НИКОЛАЙ ПЛИСКО

СЛУЧАЙ ЛЁТЧИКА ЛЕВАНЕВСКОГО

12 августа 1937 года с подмосковного аэродрома поднялся в небо огромный четырёхмоторный самолёт с экипажем из шести человек под командованием прославленного лётчика, Героя Советского Союза Сигизмунда Александровича Леваневского. Это был его последний полёт... Тому уже исполнилось 80 лет. Всё вроде бы забылось, но давайте вернёмся в те годы, вспомним наше героическое прошлое, попытаемся разобраться в причинах неудачи этого трансантарктического перелёта из СССР в Америку. Загадка этого события до сих пор волнует людей по обе стороны океана.

1. Пролог, который стал началом эпилога

Внешняя канва событий выглядела так: 12 августа 1937 года на Щёлковском аэродроме было необычно оживлённо и многолюдно. Операторы кинохроники устанавливали на голенастых треногах свои громоздкие аппараты, осветители возились с прожекторами для подсветки съёмки. Пишущая журналистская братия толпилась у огромного четырёхмоторного самолёта, стоявшего рядом со специальной двенадцатиметровой взлётной горкой из бетона, уже прозванной аэродромными старожилками «чкаловской».

Корпус воздушного гиганта сиял свежей тёмно-синей краской, крылья были красными. Так традиционно, ещё со времён полярного лётчика Яна Навурского, окрашивали самолёты северной авиации.

После всех необходимых предстартовых действий самолёт, носивший на фюзеляже хорошо различимый номер «СССР Н-209», совершив долгий пробег, взлетел в воздух. Тяжёлую машину мастерски поднял в небо опытный лётчик-испытатель Николай Кастанаев.

Так начался трансарктический перелёт из СССР в США через Северный полюс экипажа Сигизмунда Леваневского. Это был третий (после полётов экипажей В. Чкалова и М. Громова) перелёт. И первый – на многомоторной машине с коммерческим грузом. Предполагалось, что такие трансполярные перелёты в Америку теперь станут регулярными.

Первые радиограммы с борта самолёта были спокойными – всё шло по плану.

Тринадцатого августа, через девятнадцать с половиной часов после вылета из Москвы (в 13.45 по московскому времени), Н-209 прошёл над Северным полюсом.

Через час, когда самолёт летел точно вдоль 148-го меридиана и позади остались более 4000 километров, в штаб перелёта, находившийся на Центральном аэродроме, пришла девятнадцатая по счёту радиограмма Галковского, переполошившая всех, там собравшихся: «Отказал правый крайний мотор

из-за неисправности маслосистемы. Идём на трёх моторах. Очень тяжело. Идём в сплошной облачности. Высота 4600 метров..”

Штаб, в котором находились самые опытные полярные лётчики, штурманы и метеорологи, тут же послал ответную радиограмму на борт Н-209, предложив экипажу снизиться до 2000 метров.

Но на эту радиограмму Галковский не ответил. Радиостанция самолёта Н-209 с позывными “РЛ” замолчала навсегда..

Поиски пропавшего самолёта длились более девяти месяцев. За этот период советские и американские лётчики обследовали огромный сектор Арктики между 120-м и 150-м меридианами западной долготы. Однако следов пропавшего самолёта и шести членов его экипажа обнаружить не удалось, несмотря на все усилия.

2. Счастливое время рекордных перелётов

Незадолго до начала Первой мировой войны солидная английская газета “Дейли мейл” объявила о премии в 25 000 фунтов (огромная по тем временам сумма!) тому лётчику или экипажу, который первым перелетит Атлантический океан. Но только в 1919 году этот заманчивый приз получили англичане Джордж Оллок и Артур Браун, перелетевшие из Америки в Ирландию. Одиноким же перелёты начались, пожалуй, с того дня в 1927 году, когда на поле парижского аэродрома, пошатываясь от нечеловеческой усталости, выбрался из своего самолёта американец Чарльз Линдберг – первый человек, перелетевший Атлантику на маленьком аэроплане. За 33 часа 30 минут он преодолел 5800 километров. Этот полёт положил начало целой серии дальних перелётов, в которых приняли участие лётчики многих стран.

В Европе и в Северной Америке начали создавать машины, способные на длительные беспосадочные перелёты. Лучшие пилоты вступили в борьбу за право занять самую первую строчку в таблице рекордов ФАИ (*Federation Aeronautique Internationale* – Международная авиационная федерация). Завоевать звание “рекордсмен прямой дальности” стало более престижным, чем достижение максимальной скорости или высоты полёта.

Руководство советской страны очень внимательно и даже ревниво следило за успехами зарубежной авиации. В Советском Союзе тоже началась эпоха “Великих перелётов”. В сентябре 1927 года из Москвы в Токио и обратно отправился двухмоторный Р-3 (АНТ-3) “Наш ответ”.

В августе 1929 года из Москвы в Нью-Йорк вылетел тяжёлый цельнометаллический бомбардировщик ТБ-1 (АНТ-4) “Страна Советов”, совершивший двадцать одну посадку на маршруте длиной 21242 км. Летом того же года пассажирский самолёт АНТ-9 “Крылья Советов” с восемью пассажирами на борту совершил круговой перелёт из Москвы по девяти городам Европы протяжённостью 9037 км за 53 лётных часа.

Несмотря на большой пропагандистский эффект от этих перелётов, в Кремле прекрасно понимали, что они не решают основной задачи, поставленной в главном партийном лозунге: “Догнать и перегнать!”

Догнать-то вроде бы догнали, но как – перегнать? Здесь нужен большой рывок, такой, чтобы соперник сразу не мог не только подойти близко к советским достижениям, но и остался далеко позади. А для этого нужна была новая и более современная авиационная техника.

В конце 1930-го – начале 1931 годов был создан четырёхмоторный бомбардировщик-гигант АНТ-6 (в армии он получил наименование ТБ-3). Этот первый в мире серийный четырёхмоторный свободнонесущий моноплан с крылом сорокаметрового размаха мог нести бомбовую нагрузку в две тонны. Это было хорошо, но хуже обстояло дело с дальностью – она составляла всего одну тысячу километров. И эту проблему – проблему дальности – надо было решать как можно скорее, тем более, что за границей активно работали в том же направлении. Наша страна, стремительно становившаяся крупной авиационной державой, не могла оставаться безучастной и просто наблюдать за событиями в авиационном мире.

Тем более, что в ночь с 12 на 13 июля 1931 года произошло событие, заставившее высшее советское руководство вплотную заняться этим вопросом. В ту ночь в Сибири совершил аварийную посадку французский самолёт D-33, построенный компанией “Девуатин”. Машина была разбита, но экипаж остался

цел. Сняв с потерпевшего аварию самолёта приборы и мотор, французы вернулись в Париж, а почти целый фюзеляж и крылья местные авиационники аккуратно разобрали и отправили в Москву для подробного изучения.

В Москве стало совершенно ясно, что уровень самолётостроения за рубежом позволит в самое ближайшее время решить задачу дальности. Может быть, поэтому месяц спустя, в августе 1931 года в Реввоенсовете СССР (так тогда называлось министерство обороны) под председательством его главы К. Е. Ворошилова было проведено большое совещание ведущих специалистов авиационного и ВВС.

Вопрос был один: в дополнение к тяжёлому ТБ-3 требовался не просто дальний бомбардировщик, а самолёт, обладающий (пусть даже за счёт снижения грузоподъёмности) рекордной дальностью полёта. Подобное решение, как считали в Реввоенсовете, диктовалось текущим политическим моментом. Создать самолёт, способный установить новый рекорд дальности, было поручено известному авиаконструктору А. Н. Туполеву, ученику Н. Е. Жуковского.

Как раз к моменту проведения совещания американцы преодолели рубеж дальности в 8 тысяч километров. Туполев же гарантировал дальность в 10 тысяч километров.

Идею самолёта с подобными возможностями известный авиаконструктор вынашивал уже давно. Очень пригодилось и изучение остатков разбившейся французской машины. Сомнение вызывало лишь неубирающееся шасси, его сразу решили сделать убирающимся. Эскизный проект под девизом “Рекордная дальность” (РД) был представлен специальной комиссии довольно быстро. Эффектно выполненные художником Кондорским в разных ракурсах рисунки двухместного одномоторного самолёта с необычайно длинными крыльями и его схемы произвели на членов комиссии сильное впечатление.

Но замечания к проекту всё-таки появились. 7 декабря 1931 года вышло закрытое постановление партии и правительства, обязавшее ЦАГИ построить РД в трёхместном варианте, с дальностью 13 тысяч км. А особый комитет под председательством К. Е. Ворошилова обязан был обеспечить старт и рекордный полёт этой машины уже летом 1932 года. Времени на работу было катастрофически мало. Создание РД потребовало привлечения лучших научных и конструкторских сил страны, поскольку комплекс новых решений, заложенных в самолёте, не мог быть применён без серьёзных научных и экспериментальных обоснований. Так, многие теоретические вопросы решались группой во главе с известным учёным, профессором В. П. Ветчинкиным, а теоретическими аспектами конструирования крыла РД занималась специальная группа под руководством М. В. Келдыша.

Крыло нового самолёта кардинально отличалось от несущих поверхностей любых летательных аппаратов того времени. Оно было двухлонжеронное, с третьим дополнительным задним лонжероном. В крыле РД между главными лонжеронами расположились клёпаные баки почти семиметровой длины, что значительно повышало его прочность и жёсткость. Одновременно это давало существенный выигрыш по сравнению со схемой, где топливные баки размещались в фюзеляже. Дело в том, что у РД вес горючего компенсировался подъёмной аэродинамической силой, и в полёте не возникало чрезмерных напряжений в заделке крыла.

Рабочее проектирование новой машины осуществляла бригада П. О. Сухого. Работали ударно, буквально день и ночь. Ещё не были закончены все чертежи РД и его военного варианта ДБ-1, как 1 июня 1932 года состоялась закладка первого опытного экземпляра, а в августе началась постройка и “дублёра” РД. Интересно, что деньги на постройку этих двух машин – 600 тысяч рублей – выделил ОСОАВИАХИМ.

Через год, 22 июня 1933 года состоялся первый полёт РД, а через месяц в воздух поднялся и “дублёр”. Испытывал машины туполевский шеф-пилот М. М. Громов, позже к нему подключился Г. Ф. Байдуков. Позднее Громов вспоминал, что во время этих испытательных полётов у него и возникла идея беспосадочного перелёта через полюс. Он поделился ею с товарищами, но окончательное решение о перелёте зависело, конечно, не от них.

Однако первые же испытания показали, что РД с мотором М-34 без редуктора не сможет улететь дальше 7200 км. Только более совершенный мотор – М-34Р с редуктором – давал обещанную Туполевым дальность: 10800 км. Но к этому времени французские лётчики по прямой достигли дальности

в 9104 км и в 10601 км по замкнутой кривой. Надо было, чтобы советская машина покорила требуемые партией и правительством 13 тысяч км.

В ЦАГИ началась кропотливая работа по доводке планера и винтомоторной установки. Хотя РД имел весьма совершенную аэродинамику, резервы снижения сопротивления самолёта имелись. Этим вопросом стала заниматься специально созданная конструкторская группа. Профессор М. А. Тайц, занимавшийся в те годы подготовкой РД к лётным испытаниям, вспоминал: “Трудно сказать, кому первому пришла счастливая мысль – обтянуть обшивку полотном. Окончательное решение принял Павел Осипович Сухой. Было решено облагородить наружные поверхности крыла и оперения, имевшие традиционную для туполевских машин того периода обшивку из гофрированного дюрала. Весь гофр обтянули полотном, предварительно вложив в его впадины точно подогнанные бруски из сверхлёгкой древесины – бальсы. Полотно пришивалось к металлу через тысячи двухмиллиметровых отверстий, просверленных в выступах гофра. Десятки женщин делали это вручную с помощью кривых хирургических игл. Затем поверхность покрывалась аэролаком.

Были также тщательно отлакированы носки крыла, стабилизатора, киля, зализы, а поверхности нового трёхлопастного винта отполированы до зеркального блеска. Дальность полёта увеличилась на 15 процентов. Аэродинамическое качество самолёта выросло с 13 до 17. Что это значит, можно понять на таком примере: если у самолёта на высоте одного километра остановится мотор, то он пролетит, планируя, ещё семнадцать километров. Усовершенствовали систему охлаждения двигателя. Самолёт снабдили новейшим навигационным и связным оборудованием, радиостанция имела радиус действия в 5000 км.

Все эти работы заняли почти год.

Повторные испытания летом 1934 года показали, что часовой расход топлива уменьшился на 20%. Это обеспечивало продолжительность полёта 80 часов и дальность 13020 км. Теперь все убедились: на такой машине можно рассчитывать на беспосадочные перелёты на расстояние около 13 тысяч км.

Международный рекорд дальности определяется дугой большого круга, соединяющей точки вылета и посадки. Любые отклонения от этой линии не учитываются. Несмотря на колоссальные размеры СССР, проложить отрезок дуги длиной до 13 тысяч км по нашей территории невозможно. Учитывая это обстоятельство, комиссия остановилась, по предложению М. Громова, на трёх вариантах маршрутов:

1. Хабаровск – Харьков – Алжир;
2. Москва – Дакар (западный берег Африки) – Бразилия;
3. Москва – Северный полюс – Западное побережье США.

В навигационном плане все три маршрута были весьма сложными. Первый пролегал над тайгой и болотами Сибири, а заканчивался в Африке, где никаких ориентиров не было.

Второй, или – южный, маршрут шёл над Сахарой, где тоже ориентироваться было не на что, и Атлантическим океаном. И проходил он вблизи от центров наиболее активной грозовой деятельности, помехи от гроз могли прервать радиосвязь, а обход грозových фронтов увеличивал бы фактическую длину полёта.

Не следовало забывать и о дипломатической стороне вопроса. Не все страны горели желанием видеть у себя “красных”. Надо было получить и согласие тех стран, над территорией которых пролегал намеченные трассы.

Наибольший интерес представлял третий, северный, маршрут. Хотя сама мысль лететь через полюс казалась поначалу нереальной. Но надо вспомнить, в какое время всё это проходило. Шло буквально наступление на Арктику.

Ещё в 1914 году русский офицер морской лётчик Ян Нагурский совершил первый в истории полёт в Арктике. Через десять лет после этого полёта, в 1924 году Борис Чухновский облетел на своём самолёте Шпицберген, а ещё спустя два года они с лётчиком Кальвицем совершили первый перелёт из Ленинграда на Новую Землю.

И, начиная с этого года, самолёты всё дальше и дальше проникали в глубь Арктического бассейна. Смелые полёты Бабушкина, потом полёт Чухновского для спасения экспедиции Нobile, челюскинская эпопея. Полёт Водопьянова и Махоткина на остров Рудольфа (архипелаг Земли Франца-Иосифа), наконец, высадка десанта на полюсе. Полёт через Северный полюс мог явиться логическим завершением продолжения этого наступления.

3. “Я из рабочей семьи...”

Первым, что ввела молодая Советская власть после Октябрьской революции 1917 года, было всеобщее анкетирование. Каждый, кто хотел получить какую-либо приличную работу, должен был заполнить в нескольких экземплярах длинную анкету, из которой была бы видна не только вся его биография – весь он насквозь, но самое главное, был бы ясен его политический облик, а ещё точнее – социальное происхождение. И трудно приходилось тем, у кого оно было “неподходящим”...

Но тот, кто не был отягощён капиталом или “приличными” родителями, мог торжествовать – перед ним открывались почти все двери. Конечно, в тесных графах анкет много не скажешь. В одной из них (она сохранилась) Сигизмунд Леваневский с гордостью писал: “Отец умер, когда мне было 8 лет. Он был дворником...”

Леваневские – из крестьян, отец сначала работал кузнецом в местечке Сокулка Гродненской губернии (тогда это было Царство Польское в составе Российской империи), а потом отправился со всей семьёй в Санкт-Петербург за лучшей долей. Там он устроился дворником, мать зарабатывала шитьём на дому. Жили трудно. Отец умер в 1910 году.

В графе о наличии образования хорошим почерком выведено: “В 1916 году, окончив три класса уездного училища (вот странно – какое может быть уездное училище в столице империи? И окончил он три класса в возрасте 14 лет, поздновато... – Авт.), вынужден был бросить учение. Денег не было, а семья – пять человек...”. И дальше: “Пошёл работать на завод акционерного общества “Рессора”. Был я рослый, крепкий и широкоплечий. Мне было 15 лет, когда захватила меня Октябрьская революция. Вместе с другими рабочими я поступил в “Красную гвардию”.

Потом было участие в гражданской войне. Судя по анкете, по ступеням военной карьеры Сигизмунд поднимался достаточно быстро. Стал командиром роты, батальона, начальником штаба и потом командиром стрелкового полка на Восточном фронте, должность высокая для восемнадцатилетнего парня, не имевшего никакого военного образования.

В брошюрке “Моя стихия”, изданной в Ростове-на-Дону в 1935 году, Леваневский несколько иначе описывает события той поры:

“Завод наш закрылся в конце 1917 или в начале 1918 года. Я вместе с другими рабочими поехал в Вятскую губернию, в хлебные места. В Петербурге было голодно... Я поступил работать весовщиком на ссыпной пункт. С утра до вечера крестьяне клали мешки на весы, а я орудую с гирями и взвешиваю... Так проработал я примерно до 1919 года. Весной положение стало особенно тяжёлым. Колчак быстро продвигался через Сибирь. Кулачье восставало. Тогда я решил, что моё место не здесь, а на фронте...”

Я пошёл к продкомиссару и попросил, чтобы меня отправили на фронт. Продкомиссар сказал: “Пожалуйста...”

Я получил назначение командиром роты. Она состояла исключительно из дезертиров. Мне было тогда семнадцать лет. Парень я был рослый, энергия во мне била через край. Коммунистов, политработников не было совсем...”

Добавим, что не только коммунистов, но и снабжения не было совсем. Не было даже обоза и полевой кухни. Еду по пути отбирали у крестьян – возмут дня на два-три, а потом снова “снабжаются” в следующей деревне. Все куда-то шли, но в боях не участвовали. Поэтому никто из роты не разбежался. На общем уровне это было событием. И командир полка назначил Леваневского командиром батальона, тоже, правда, целиком из дезертиров.

Но Колчак опять прорвал фронт красных, и пришлось спешно отступить. Во время отступления Леваневский повредил ногу. Это не было боевым ранением, потом, в тыловом госпитале, врач определил, что это контузия ноги и острая невралгия. А тут ещё новая хвороба достала – сыпной тиф. Все думали – не выживет парень, а он выздоровел. Крепкий был. И вдруг опять – возвратный тиф. А потом и малярия. Медицинская комиссия дала длительный отпуск по болезни. Куда ехать? Поехал в Петроград...

С чем он возвращался? Наград у него не было, всё время в тылу, во втором эшелоне, но не было и взысканий. И анкета выглядела достойно: должности он занимал солидные и ответственные. В Петрограде Леваневский получил назначение в оперативное управление штаба Ленинградского военного округа. И малярия с переменной климата сама собой исчезла.

Однако канцелярская работа, хотя и на ответственной должности, энергичного парня не устраивала. Он хотел попасть в авиацию. И после многочисленных рапортов его перевели в управление воздушного флота Петроградского военного округа... Завхозом 4-го воздухоплавательного отряда.

Почему участник войны вдруг оказался на этой должности, подходящей, скорее, пожилому ветерану или инвалиду, а не девятнадцатилетнему парню, сказать трудно. Во всяком случае, в документах ничего обнаружить мне не удалось, а в своей брошюре Леваневский вообще обходит этот вопрос. Отделяется одной лишь фразой – страшно тянуло в авиацию, – и всё.

Два года Сигизмунд служил на этой спокойной должности, но в 1923 году вдруг решил: буду лётчиком!

Газеты с восторгом писали о “славных советских соколах” (они ещё не стали “сталинскими”, это произойдёт чуть позднее); киношники готовились снимать о них фильмы, а в деревнях девушки-колхозницы уже пели на вечерах новую частушку:

*Лётчик высоко летает,
Много денег получает!
Мама! Я лётчика люблю!..*

Получив направление, Сигизмунд едет в Крым, в знаменитую авиашколу, созданную ещё в царской России на речке Кача. Только теперь она стала называться Севастопольской высшей школой красных морских лётчиков и летнабов (лётчиков-наблюдателей). Поезда, особенно пассажирские, в то время ходили очень медленно, и Леваневский здорово опоздал к началу занятий. Что делать? Уезжать обратно в Питер? Но тут очень кстати приходится его прежняя профессия – авиашколе нужен завхоз. Сигизмунд с радостью берётся за предложенную ему работу. Главное – он в авиашколе! А через полгода, несмотря на трёхклассное образование, Леваневского благополучно зачислят курсантом авиашколы. На лётное отделение.

Учёба, несмотря на отсутствие образования, идёт успешно, школа закончена, надо ехать в войска и продолжать службу. Какое-то время молодой лётчик числится в 4-м отдельном авиаотряде, там он довольно быстро дослужился до старшего лётчика.

И снова удача: Леваневского откомандировывают в родную Качинскую школу на должность лётчика-инструктора. Это почётное назначение, выражение доверия и признание лётной квалификации. И личная жизнь устраивается. Женится. Жену зовут Наташа (Наталья Александровна Дягтерёва), тихая, скромная. Скоро родились дети – мальчик и девочка, Владислав и Элеонора. Всё шло как у людей.

Однако уже в 1928 году благополучный инструктор в возрасте 26 лет уходит в запас. Непонятно – почему? Со здоровьем у него вроде бы проблем нет. Может быть, характер подвёл? Скорее всего, именно он. По отзывам знавших Леваневского людей, из армии его удалили именно из-за сложного характера – в коллективе с ним трудно было работать. Человек высокомерный и замкнутый, он всегда хотел идти напролом. Его старались избегать, поскольку в общении он был неприятен. Среди его отрицательных качеств все единодушно отмечали редкое тщеславие. Плюс к тому родственники в буржуазной Польше имеются...

Через год мы встречаем фамилию Леваневского в списках Николаевской лётной школы ОСОАВИАХИМа. Здесь он снова лётчик-инструктор, потом старший инструктор.

Прослужив в Николаеве около года и, видимо, хорошо зарекомендовав себя, Леваневский получает повышение – становится начальником лётной части Всеукраинской лётной школы ОСОАВИАХИМа. Хорошая, руководящая должность. В Полтаве, где находится школа, новый наплёт на виду. Мужчина он видный, хорошо держится, умеет себя подать. И город ему нравится – уютный, тихий. Живёт здесь спокойно и сытно. На этой должности Сигизмунд проработал четыре года.

Оставаться в провинции? Можно, конечно. Но Леваневский крайне честолюбив, ему всегда мало. Он искренне считает, что рождён для большего. Но как его достичь, этого большего? Неутолённое честолюбие заставляет Леваневского искать новые пути. И к тому же он беспартийный. А это серьёзный

тормоз в карьере. Но с влиятельными лицами Полтавы отношения у него хорошие. Чекисты, от которых зависит всё, тоже с ним в дружбе. Тщательно всё подготовив и оговорив с нужными людьми, Леваневский подаёт заявление о приёме в партию.

И тут удача впервые ему изменила! Как раз в тот период началась чистка партии, и приём приостановили на неопределённое время. Но Сигизмунд не хочет ждать. Он отправляется в Москву к самому высокому начальству в ОСОАВИАХИМЕ.

4. Будущее – только на Севере!

В Полтавской авиашколе среди курсантов и преподавателей постоянно велись разговоры о рекордных перелётах, об авиационном покорении Севера. Да, именно там делаются имена и создаются карьеры. Но как туда попасть? Впрочем, полярная авиация в то время не представлялась чем-то эксклюзивным. Туда шли люди, уволенные из военно-воздушного флота и не нашедшие себе места в гражданской авиации. Брала туда почти всех, поскольку кадров катастрофически не хватало.

Леваневский появляется в кабинете председателя Центрального совета ОСОАВИАХИМа Малиновского и просит помочь ему перевестись в полярную авиацию. Говорит о своей мечте летать на Севере, о неведомых никому просторах, которые должны покорить наши советские лётчики. Пылкая речь действует. Леваневского переводят на работу в управление полярной авиации Главсевморпути.

Ознакомившись с лётной биографией нового лётчика, руководство полярной авиации учло его опыт, полученный в Николаевской авиашколе. Там ему приходилось много летать на самолётах конструкции Д. Григоровича – летающих лодках. К тому времени они представляли собой довольно устаревшую деревянно-полотняную конструкцию, других в стране пока ещё не было. Но творческая мысль конструкторов не стояла на месте. Молодой ленинградский инженер Вадим Шавров создал проект самолёта-амфибии, способной взлетать не только с небольшой сухопутной площадки, но и с воды. Авиаконструктор Георгий Бериев уже начал создавать свои ставшие вскоре знаменитыми летающие лодки, первую из них осторожно спустили по бетонному склону в севастопольскую бухту в 1932 году, и лётчик-испытатель Б. Бухгольц высоко оценил эту машину.

Готовил к испытаниям и свою первую летающую лодку конструктор И. Четвериков. Она оказалась настолько удачной, что позднее её в качестве экспоната выставили в советском павильоне на Парижской авиационной выставке в ноябре 1936 года. Но до серийного производства этого вида самолётов было ещё далеко и пока надо было пользоваться зарубежными конструкциями, более передовыми в техническом отношении, изготовленными из дюралюминия, снабжёнными более совершенными и мощными моторами. Самым популярным иностранным самолётом, используемым в народном хозяйстве Советского Союза, был в те годы двухмоторный “Дорнье-Валь” (“Дорнье-Кит”), германского производства, почти точная копия первого в мире цельнометаллического тяжёлого двухмоторного бомбардировщика-моноплана – туполевского ТБ-1 (АНТ-4), – испытанный и принятый на вооружение ещё в ноябре 1925 года. ТБ-1 стал классической конструкцией, с которой началось не только отечественное, но и мировое тяжёлое самолётостроение. После сенсационного перелёта “Страны Советов” в Новый Свет американские фирмы “Боинг” и “Мартин” приняли на вооружение схему машины и создали подобные цельнометаллические бомбардировщики. Воспользовались советской схемой и немцы.

Поскольку Версальские соглашения не разрешали Германии иметь свою собственную военную авиацию, фирма “Хейнкель” перенесла производство самолётов в Северную Италию. Построенный там “Дорнье-Валь” оказался очень удачной конструкцией двухмоторного поплавкового самолёта с открытой, правда, кабиной, рассчитанной на экипаж из двух человек. Лётчик и штурман сидели в отдельных открытых, как тогда говорили, кокпитах. Самолёт мог забрать на борт и дополнительный груз, и несколько пассажиров. Именно самолётами этой конструкции воспользовался Руал Амундсен во время своей последней экспедиции в Арктику.

Летом 1933 года Леваневскому поручили перегнать “Дорнье-Валь” из Севастополя в Хабаровск, по довольно сложному и протяжённому маршруту,

почти через всю страну. Самолёту присвоили индекс “СССР Н-9”, это была уже новая машина, штатные немецкие моторы на ней заменили на советские М-17, такие, что стояли на ТБ-1. Полёт был трудный, разделённый на 12 этапов. Лететь приходилось, стараясь придерживаться линий рек, чтобы в случае отказа моторов можно было приводниться.

Перелёт, хотя и с несколькими поломками и вынужденными посадками, особенно на Ангаре, прошёл благополучно, к назначенному сроку летающая лодка приводнилась на гидроаэродроме Хабаровска. И так совпало, что американский лётчик Джеймс Маттерн, совершавший свой второй кругосветный перелёт, в это же время готовился отправиться из Хабаровска в следующий этап перелёта. Он максимально разгрузил свой самолёт, оставив на земле даже аварийную радиостанцию, и “под пробку” заправился горючим. Маттерн торопился – он рассчитывал побить рекорд скорости кругосветного перелёта, ustanовленный В. Постом, и получить приз в 50 тысяч долларов. Стартовал американец благополучно и взял курс на Анадырь, но вскоре вернулся из-за сильного тумана. Подождал немного и опять взлетел – и вернулся. Так продолжалось три раза. Туман всё не расходился. Наконец, туман рассеялся, погода стала лётной, и американец улетел по намеченному маршруту. Улетел и пропал. В установленное время он в Анадырь не прибыл.

Во всех иностранных газетах появились сообщения о таинственном исчезновении американского лётчика. Японские журналисты дописались до того, что Маттерна в Советском Союзе... попросту съели – иначе как же объяснить его исчезновение?..

Начались поиски. Довольно скоро американца обнаружили – из-за перегрева мотора он сел неподалёку от реки Анадырь, километрах в 80 от окружного центра. При посадке лётчик сломал самолёт, и сам получил лёгкое ранение. Запаса пищи Маттерну хватило только на три дня. Через девять дней после посадки лётчик перебрался ближе к реке Анадырь, находившейся всего в четырёх километрах от места вынужденной посадки, а через пятнадцать дней после аварии Маттерна заметили проплывавшие по реке чукчи и не только не съели его, а накормили и доставили в свой посёлок. Там его и нашли посланные на поиски пограничники.

Экипаж Леваневского получил задание помочь американскому лётчику – взять его на борт и доставить в Америку, на Аляску. Тринадцатого июля 1933 года гидросамолёт “СССР Н-9” вылетел из Хабаровска на Чукотку по совершенно неизвестной экипажу трассе. Идти надо было сначала над океаном, затем над тундрой от бухты Нагаева до Анадыря, проложив, таким образом, новую трассу на Чукотку из Хабаровска.

Возле Охотска пришлось совершить посадку, во время которой слегка повредили кончики винтов, но лететь было можно. Из-за тумана пришлось остаться ночевать, чтобы на следующий день продолжать полёт над горами Северной Камчатки и Южной Чукотки.

Гидросамолёт Леваневского сел на реке Анадырь, рядом со стоявшим на берегу повреждённым самолётом американца. Первым вопросом местных жителей, обращённым к экипажу советского самолёта, было – что у вас есть из продуктов? Оказалось, что капризный американец очень хочет... шоколада! Леваневский передал американскому лётчику весь неприкосновенный бортовой запас шоколада – примерно полтора килограмма. Тот успокоился, повеселел, но стал настойчиво интересоваться, когда же полетим в родную Америку?

Полёт наместили на следующее утро. Весь вечер и часть ночи американец хлопотал – перегружал из своего самолёта в советскую машину всё, что можно, демонтировал приборы, собирал самые ничтожные запчасти, лишь бы ничего не оставить. Он так загрузил летающую лодку Леваневского, что она с первой попытки не смогла взлететь. Маттерну объяснили – Левченко, который хорошо владел английским, – что самолёт перегружен, надо оставить часть барахла. Но тот – ни в какую, упёрся – и всё.

Американец совершенно не считался ни с авиационными нормами, ни с тем, что только что был проделан гигантский перелёт через всю страну, ни с усталостью экипажа. По-хорошему, надо было бы послать его... к медведям. В конце концов, командир воздушного корабля сам определяет и решает, какую нагрузку возьмёт его машина. Но Леваневский лишь снисходительно махнул рукой: ладно, не хочу, чтобы о советских лётчиках болтали всякое. Это было умно и предусмотрительно.

Слили часть горячего, оставили некоторые личные вещи, даже ящик с консервами из неприкосновенного запаса. Взяли продуктов на день-два. Взлетели с трудом, но – взлетели. На перегруженной машине, на небольшой высоте пошли в сторону Аляски. Через полтора часа начался сплошной туман. Решили подняться над ним. Из облаков виднелись острые вершины гор, по которым штурман Левченко ухитрялся определять направление. Начинало темнеть, туман всё сгущался, даже показаний приборов нельзя было различить. Шли только по компасу. Ном был закрыт туманом, пробиваться сквозь него было рискованно, и Леваневский решительно повернул штурвал в сторону острова Святого Лаврентия. Там можно было сесть с меньшим риском, чем на Аляске. Сели хорошо, у самого берега. Кругом – ни души. Развели костёр и улеглись спать.

Утром взлетели на Ном. Перед стартом проверили горячее. Его оставалось на 1 час 10 минут полёта. А по расчётам, до Номы было лёта 1 час 15 минут. Сразу после взлёта Леваневский стал набирать высоту, чтобы в случае необходимости можно было спланировать. Механик ручным насосом подкачивал горячее из основного в расходный бак. Вот из тумана вынырнул американский берег, стали снижаться, и в этот момент остановились моторы – кончился бензин. Леваневский ловко спланировал и мастерски приводнился. Самолёт закачался на крупных волнах.

Спустили надувной клиппербот, в который первым вскочил Маттерн. На берег он выскочил с воплями: “Америка! Америка!” – бросился на землю и стал целовать камни бывшей российской земли Аляски. Экипаж советского самолёта молча смотрел на этот цирк. Сразу же собралась толпа. Ном – городок небольшой, и было похоже, что встречать лётчиков вышло всё его население. Появились репортёры, замелькали фотовспышки. На следующий день американские газеты зашлись от восторженных статей: “Лётчик Маттерн спасён!!!” Каждому из членов экипажа торжественно вручили по золотому кольцу с надписью “Ном”. Ведь этот городок был одним из центров золотодобычи на Аляске. Через короткое время Леваневского объявили Национальным героем Америки за спасение Маттерна. Потом лётчик с удивлением говорил друзьям: “Да разве я его спасал? Просто взял да вывез, как на рейсовом самолёте”.

5. На выручку челюскинцам

Освоение Северного морского пути началось в нашей стране в годы первых пятилеток. 14 декабря 1932 года в Политбюро слушали доклад О. Ю. Шмидта, начальника экспедиции на “Сибирякове”, прошедшем за одну навигацию Северным морским путём. Сталин задавал вопросы:

– Какие корабли могут пройти Северным морским путём? А миноносец пройдёт? А подводная лодка? Сможем ли мы снабжать золотые прииски, расположенные на Севере?

Много вопросов задали и другие руководители. Затем Сталин коротко подвёл итоги:

– По Северному Ледовитому океану проходит значительная часть нашей границы. Это наши моря, где никто и никогда не помешает нам плавать. Это единственный морской путь, который обеспечивает нам связь с Дальним Востоком. К тому же неосвоенные районы Севера с их огромными богатствами ждут своего часа.

Было принято постановление Совета народных комиссаров (СНК) об организации Главного управления Северного морского пути (Главсевморпути). Освоение Севера пошло быстрее.

14 июля 1933 года транспортный корабль “Челюскин” под командованием капитана В. И. Воронина ушёл в полярные моря с экспедицией, возглавляемой крупным советским учёным О. Ю. Шмидтом. В сентябре корабль застрял во льдах и начал дрейфовать вместе с ледяными полями. Дрейф продолжался несколько месяцев. 13 февраля 1934 года “Челюскин” затонул, не выдержав натиска льдин. Члены экспедиции и экипаж судна высадились на льдину. Их надо было срочно спасать. Немедленно организовали авиационную экспедицию к потерпевшим крушение. Их лагерь в газетах стали называть “лагерем Шмидта”.

Для спасения оставшихся на дрейфующей льдине людей была создана специальная Правительственная комиссия, которую возглавил 1-й заместитель

Председателя Совета народных комиссаров В. В. Куйбышев. Комиссию сразу же засыпали просьбами: все хотели принять участие в спасательной экспедиции. Особенно много было просьб от лётчиков: все понимали, что решающую роль в спасательных операциях должны были сыграть самолёты. С лагерем на льдине была установлена радиосвязь — полярникам удалось спасти аварийную радиостанцию, и они начали подготовку ледового аэродрома.

Всего в “лагере Шмидта” находилось 104 челюскинцев — большую часть из них — 83 человека — доставили на Большую землю три пилота, летавших на Р-5: Водопьянов, Каманин и Молоков. А первую партию спасённых вывез лётчик А. Ляпидевский на знаменитом ТБ-1 5 марта 1934 года. Работавшие вместе с ним лётчики Доронин и Слепнёв вывезли остальных челюскинцев.

Леваневский непосредственного участия в спасении челюскинцев не принимал, хотя, услышав по радио о том, что “Челюскин” раздавлен льдами, он послал в Москву, в Главное управление Северного морского пути, телеграмму о том, что готов лететь на помощь челюскинцам.

В Москве вместо того, чтобы отправить лётчика на Север, как он рассчитывал, ему сказали: “Завтра вылетаете за границу...”

Леваневского, по его словам, это поразило, он полагал, что будет лететь на самолёте Р-5 из Москвы прямо на Север. Однако в правительстве решили: Ушакова (крупного исследователя Арктики), лётчиков Слепнёва и Леваневского послать в Америку, чтобы со стороны Аляски скорее попасть к нужному месту. Впрочем, тут явно был политический и пропагандистский подтекст: Леваневского хотели показать миру, дать ему своеобразные рекламные “провозные”. И задача перед ним была поставлена вполне определённая: доставить Ушакова в Ванкарем. Всего-навсего.

Оперативно, через торговое представительство СССР в США, были закуплены два девятиместных самолёта пассажирского типа “Консолидейтед Флейстер” (максимальная скорость — 265 километров в час, крейсерская — 200-210 километров в час. Конструкция несколько устаревшая). Весь путь к месту назначения — через Берлин, Лондон и на пароходе через Атлантику, а затем экспрессом через всю Америку с востока на запад, и из Сизлта пароходом вдоль побережья Канады до Аляски — занял почти две недели.

Закупленные самолёты уже ожидали советских лётчиков. Перед тем, как принять машины, сменили американские опознавательные знаки на советские. Написали “СССР”, а кроме того, Слепнёв предложил, чтобы не спутать машины, на одной написать “М. С.” (Маврикий Слепнёв), а на другой — “С. Л.” (Сигизмунд Леваневский). Самолёты были окрашены в красный цвет, а надписи были сделаны чёрной краской.

25 марта погода была плохой, лететь было нельзя. Не улучшилась она и на следующий день. Но Леваневский решил лететь, несмотря на плохую погоду. Забрав с собой Ушакова и бортмеханика американца А. Клайда, Леваневский вылетел из Номы в Ванкарем. Ему настоятельно не советовали этого делать: северная стихия неумолима, и лучше переждать бурю, ведь вполне возможно попасть в обледенение, а есть там практически нигде. Но Леваневский заупрямился и решил лететь, произнеся на прощание два американских слова, которые он успел выучить: “Гуд бай! Гуд бай!”

Почти сразу же началось обледенение. С подобным явлением Леваневский раньше не сталкивался — какое там обледенение в Полтаве!

Через два с половиной часа из-за сплошного тумана пришлось сесть рядом с индейским селением Нулато. По радио запросили сводку погоды в Номе. Она была неутешительна: перевал закрыт облаками, по другую сторону горного хребта — низкая облачность, местами — туман, снегопад.

Решили отложить вылет до 28-го, может быть, к тому времени распогодится. И тут вышла из строя рация. Исчезла возможность запросить Ному о погодных условиях. В 11 часов 28-го чуточку прояснилось. Облачность небольшая, видимость хорошая. Перевал открыт. Взлетели.

Где-то миль за 50 от Номы погода резко испортилась, ухудшилась видимость, начала прижимать облачность. Снизилась до высоты 50-60 метров и летели, ориентируясь на чёрные пятна телеграфных столбов. И — вот он, Ном! Сели около берега, на льду была подготовлена посадочная площадка для самолёта на лыжах. На следующий день решили лететь дальше. С утра закупили продукты, тёплую одежду, авиамасло и прочее снаряжение. Деньги для этого были специально взяты с собой.

К 10 часам принесли сводку погоды по маршруту в Ванкарем. Она говорит о хорошей погоде: до Уэлена — ясно, а в самом Ванкареме облачность 500 метров. Можно лететь. Снова: “Гуд бай!”

Всего несколько минут полёта, и вот он, остров Диомида, граница СССР и США. Ещё немного — и видно мыс Дежнёва. На высоте 150 метров подлетели к Уэлену. Посадочная площадка там имеется, но посадочных знаков никто не выложил. Самолёт летит дальше по курсу к Ванкарему.

Внезапно, как это и бывает на Севере, начинает сгущаться облачность. Можно, конечно, набрать высоту, идти над облаками. Но стихия не даёт такой возможности. Сразу же всё заволочло, исчезла видимость. Лётчик сбавляет газ, самолёт идёт вниз. Высота уже около 500 метров. Показались льды. Минут через 20-25 открылся мыс Ояман, значит — курс верный.

И тут же поднимается пурга. Высота падает, самолёт прижимает до 20 метров. Вдруг по курсу — высокая скала. Леваневский резким движением бросает самолёт вверх и вправо. И сразу пропадает вся видимость. Снег мокрыми хлопьями падает на самолёт. В кабине темно, как ночью. Стекла кабины быстро покрываются ледяной коркой. Самолёт сильно бросает. Через специальный лючок Ушаков передает пилоту записку: “Самолёт покрывается льдом, и очень быстро”. Леваневский не отвечает. Он и сам чувствует обледенение по поведению самолёта. Пытаясь набрать высоту, лётчик форсирует двигатель. Мотору тяжело, он внезапно даёт несколько перебоев и работу прекращает.

Во избежание потери скорости, пилот переводит машину на планирование. Что с мотором? Видимо, в холодном тумане обледенел карбюратор. Но его можно очистить с помощью предусмотренного конструкторами самолёта приёма. Теперь мотор снова работает, хотя и с перебоями.

Вот что вспоминал Ушаков: “Машина начала проваливаться... Напряжение всё более и более увеличивалось. Каждое мгновение машина готова была сорваться в штопор и с огромной высоты врезаться в лежавшие под ней скалы. Но пилот умело выправляет машину и ставит её в нормальное положение. Это повторяется регулярно каждые 3-4 минуты. Наше падение было уже определившимся... Вдоль берега шла узкая полоска сравнительно тонкого льда. На этой полоске и произошёл первый удар, после которого машина взмыла вверх. Ударом снесло правую лыжу. Пилот выбил оледеневшее стекло своей кабины, чтобы видеть землю, вернее, торосы, привёл машину на ту же площадку, вторым ударом снёс левую лыжу и после этого, выключив мотор, бросил машину на фюзеляж таким образом, что она скользила по небольшой ледяной площадке. Раздался треск. В боковое окно я заметил летящие куски и ждал, когда машина ударится в торос. Но этого не случилось. Машина остановилась, не долетев до торосенных льдов. Механик — Армитедж Клайд — и я были невредимы...”

На мои окрики пилот не отозвался. Только когда я его встряхнул, он вздрогнул и медленно повернулся к нам лицом. По правой щеке от глаза у него текла густая струйка крови, убегающая за воротник кожаной тужурки. Вдвоём мы помогли выйти Леваневскому из кабины”.

Это была вторая авария Леваневского, произошедшая из-за его самонадеянности и полного незнания правил полётов в полярных условиях. Но, к счастью, раны лётчика были незначительны. Их быстро обработали йодом и забинтовали полосками порванного белья.

Мальчик-чукча, оказавшийся неподалёку, указал дорогу в своё селение. Это было совсем рядом, а до Ванкарема не долетели всего 30 километров. Ушаков пошёл к чукчам за помощью и через пару часов вернулся с двумя упряжками ездовых собак.

Через два дня Леваневский послал в Москву бодряческую телеграмму: “Побеждённым себя не считаю, готов снова к работе”.

Зачем была послана эта телеграмма? Здесь был скрытый расчёт. Распорядится Москва, и дадут ему новый самолёт, отобрав у другого лётчика. Тем более, что нечто подобное недавно произошло. Председатель правительственной комиссии В. Куйбышев в начале марта направил телеграмму командиру авиаотряда Н. Каманину с указанием передать один из самолётов его отряда полярному лётчику В. Молокову. А значит, и вторично могло быть принято подобное решение. Тем более, был и ещё один прецедент: Н. Каманин при вынужденной посадке в посёлке Кайнергин налетел на снежные заструги

и повредил шасси. Лётчик Б. Пивенштейн отдал командиру свой самолёт, а сам двое суток на собаках добирался до бухты Провидения. И уже оттуда – с бензином, ремонтным материалом – назад, чтобы всё-таки исправить самолёт и лететь дальше, к людям на льдине.

На следующий день после прибытия в Ванкарем Леваневский поехал к своему самолёту на собаках. Машину уже вытащили на берег. Проверив самолёт, лётчик убедился, что больших повреждений не было. Удар был удачным. И тут же он не удержался, чтобы не похвастаться: “Если бы я не успел дёрнуть самолёт в последнюю минуту, то он ударился бы гораздо сильнее – от нас осталась бы каша”.

И в Москве оценили “подвиг” пилота. Хотя здравый смысл и подсказывал, что этого неопытного, но очень заносчивого лётчика следует просто отстранить от полётов и наказать за фанфаронство и легкомыслие. Но тут всё решала воля одного человека...

Оба экипажа (и экипаж Слепнёва), даже американских механиков, наградили орденами Ленина. Ошеломлённому этим известием Леваневскому внятно объяснили, что своевременная доставка Ушакова – опытного организатора и полярника – большой вклад в дело спасения челюскинцев. Возможно, именно тогда Леваневский начал понимать, что он включён в какую-то неизвестную пока ему, но большую и сложную игру. А может быть, сыграла роль телеграмма Ушакова, направленная в Кремль: “Люди остались живы только благодаря исключительному самообладанию пилота Леваневского”.

5 марта Анатолий Ляпидевский первым вывез из лагеря женщин и детей, а на всю операцию по эвакуации советским лётчикам понадобилось всего 4 дня. Как и положено, отбили в Москву торжественный рапорт. Его подписали все шесть участвовавших в операции пилотов.

Но из столицы поступила сверхсрочная телеграмма. Было приказано поставить в рапорте ещё одну фамилию – Леваневского. Переглянулись лётчики, помолчали... и выполнили указание вождя. На следующий день этот рапорт появился на страницах всех центральных газет. Леваневский был официально включён в число спасателей челюскинцев – седьмым.

Обратно добирались из Хабаровска на специальном поезде, в котором даже действовал свой партком, снабжённый полномочиями ЦК. Что это значило, тогдашним людям объяснять было не надо. Все лётчики подали заявление о приёме в партию, и их тут же, в ударном порядке, без кандидатского стажа приняли в члены ВКП(б). Естественно, такой случай не пропустил и Леваневский. Когда 19 июня 1934 года челюскинцы и их спасатели прибыли с Дальнего Востока в Москву, в кармане Сигизмунда находился новенький партийный билет.

20 апреля 1934 года Сигизмунд Александрович Леваневский вместе с остальными шестью лётчиками был удостоен звания Героя Советского Союза. Точку в этой эпопее поставил сам Сталин. Встречая героев-лётчиков, он сказал скромно стоявшему позади всех Леваневскому:

– Леваневский?! Чего вы прячетесь и скромничаете?

Подошёл и подал лётчику руку. И тот, наконец, понял – настало его время. Он попал в случай! Тем более, весной того же 1934 года вновь возникла мысль о перелёте из Москвы в США через Северный полюс (впервые в авиационных кругах её высказал М. М. Громов). Этот полёт показал бы всему миру достижения советской авиации в области покорения Арктики и героизм советского человека. Мысль эта возникла после успешного полёта на дальность по замкнутому кругу на АНТ-25. Тогда был установлен абсолютный мировой рекорд, который держался много лет: за 75 часов экипаж (М. Громов, А. Филлин, И. Спирин) покрыл расстояние свыше 12 тысяч километров.

6. Волшебная жизнь героя

Уже через два месяца в составе делегации СССР Леваневский и Молоков отправились в Англию на международную авиационную выставку в Фарнборо. На обратном пути Леваневский задержался в Польше, навестил мать, которую не видел много лет, посетил воинское кладбище, где был похоронен его брат.

Советское посольство получило указание из Москвы обеспечить визит Леваневского в Польшу по высшему разряду. На кладбище его сопровождал специально прикреплённый ответственный сотрудник посольства. Проявили

активность и варшавские журналисты. Неизвестно, что им наговорил Леваневский и его родственники, а может, и сотрудники постпредства постарались, но польские газеты выдали сенсацию: “Лётчик Леваневский – гордость советских авиаторов, ас арктической авиации, выбросивший герб из своей дворянской родословной, мужеством, героизмом, отвагой водителя стальных птиц завоевал почётный титул новой России: Герой Советского Союза – он здесь, в Варшаве”.

Одним махом польские газетчики превратили сына дворника в благородного шляхтича. Да ещё и гордо отринувшего своё социальное происхождение, и сделали из него полярного аса.

В пропагандистскую компанию включилась и мать героя. Теофилия Леваневская написала благодарственное письмо в адрес посольства СССР в Варшаве. Письмо было опубликовано впоследствии в киевской газете “Заря”: “Я глубоко признательна советским властям за предоставление возможности встретиться с сыном Зигмунтом, которого я не видела 17 лет и с которым рассталась, когда он был ребёнком; он вырос, возмужал, стал зрелым и умным человеком, прославленным Героем Советского Союза. Я больна и не знаю, когда ещё его увижу, но радость от нашей встречи навсегда останется в моей памяти”.

Поистине, печать – великая сила! Но Леваневский и сам идеально подходил к системе. Успех надо закреплять, но от встреч и чествований Леваневский старательно уклонялся. Представьте, приехал бы он к пионерам, а какой-нибудь настырный шкет возьмёт и спросит:

– Товарищ Леваневский, а скольких челюскинцев вывезли вы на своем самолёте?

Что тут ответить? Признаться, что в ледовом лагере он даже не был? Нет, так не годится. Поэтому – ну их, эти встречи с молодёжью! Свою необразованность Леваневский сознавал и решил быстро её ликвидировать. Героя без всяких экзаменов приняли в Военно-воздушную академию РККА им. Жуковского. Кто же откажет фавориту Сталина? Его избрали (мгновенно! Так и хочется сказать – назначили) депутатом Верховного совета СССР, предоставили новую роскошную квартиру в Москве и персональный автомобиль с водителем. Жизнь прекрасна!..

Но подводные камни были впереди.

7. “Знаю, что это за человек...”

Год 1934-й был ознаменован новыми авиационными рекордами. Лётчики разных стран стремились не просто превзойти своих предшественников, а совершить что-то совершенно новое, не встречавшееся ранее.

Леваневский чувствовал себя неудобно. Учёба шла туго, сказывался недостаток образования. Но внешне он держался хорошо. Ступал твёрдо, смотрел уверенно. Но всё это было предназначено для широкой публики и корреспондентов, время от времени радующих читателя высказываниями одного из первых Героев. А говорить он умел. Но среди лётчиков у новоиспечённого героя друзей почти не было. Здесь, среди этих действительно мужественных и отважных людей, когда речь шла о профессии и профессиональном умении, царил “гамбургский счёт”.

Те, кто знал Леваневского (автору приходилось беседовать с ещё живыми тогда полярными лётчиками), почти единодушно оценивали его как человека посредственного, но преисполненного самомнения и самолюбия, считавшего себя на всё способным. Он был крайне высокомерен с окружающими, а Михаил Михайлович Громов очень точно определил и ещё одну основную черту в характере лётчика, косвенно, но имевшую большое значение в его неудачах, – он не был признан в профессиональной среде пилотов. Все лётчики тогда прекрасно знали, кто есть кто и кто чего стоит. Надо было сделать что-то особенное, из ряда вон выходящее, чтобы подтвердить свою авансом полученную славу.

После получения высокого звания Леваневский стал вхож на кремлёвские приёмы, даже самые интимные, с небольшим количеством приглашённых из узкого круга соратников вождя. И вот, во время одного из застолий Леваневский, уловив хорошее настроение Сталина, попросил у того согласия на организацию беспосадочного перелёта из Москвы в США, в Сан-Франциско, через Северный полюс.

Собственно, идея эта принадлежала Громову, но важно было, кто первый донесёт её до слуха вождя. А у Леваневского, удачно выбравшего время для своего обращения, был очень веский аргумент в пользу скорейшего совершения такого полёта: Вилли Пост, которого вполне заслуженно называли “великим американским лётчиком”, объявил, что намерен совершить перелёт на гидросамолёте с Аляски через Северный полюс и сесть в устье какой-нибудь сибирской реки.

С точки зрения пропаганды, это было бы демонстрацией больших достижений американской авиации.

Сталин, безусловно, знал о планах американца, ему сообщали все, даже самые незначительные авиационные новости. Автор идеи перелёта через Северный полюс Громов в это время был в госпитале. А Леваневский – вот он, тут, и настроен решительно. Сталин дал принципиальное согласие на перелёт.

В начале января 1935 года в “Правде” появилась статья за подписью Леваневского, избобиловавшая местоимениями “я”: “Я предлагаю совершить в 1935 году беспосадочный перелёт Москва – Сан-Франциско через Северный полюс... Цель этого перелёта: первое – установление рекорда дальности полёта по прямой; второе – беспосадочный перелёт именно через Северный полюс; третье – установление кратчайшего пути между двумя крупнейшими пунктами мира; четвёртое – обследование и нанесение на карту “белых пятен” Северного полярного бассейна; пятое – демонстрация достижений советской авиации”.

Что и говорить! Проект смело, по-большевистски, ставил великие задачи. И лётчик, автор статьи, был уверен, что способен их выполнить. Леваневский, правда, не упомянул М. Громова, что создало у читающей публики иллюзию уверенности в том, что именно он, Сигизмунд Леваневский, Герой Советского Союза, является автором этой прекрасной идеи.

Заявка на рекордный перелёт была публично сделана. Имя Леваневского опять прозвучало. Широкая публика встретила предложение лётчика с огромным энтузиазмом. Но те, кто хорошо разбирался в вопросе, отнеслись к этому заявлению крайне сдержанно. Поступивший к Валериану Куйбышеву проект был направлен им на заключение начальника Главсевморпути О. Ю. Шмидту, прямому начальнику лётчика Леваневского. Серьёзный учёный подробно проанализировал проект и дал ему объективную оценку:

“Основной смысл перелёта, очевидно, в демонстрации нашей авиации, ибо будущие международные полёты, конечно, пойдут не по этому пути – через полюс, – а по берегу Ледовитого океана, что будет ненамного дальше, а гораздо удобнее и безопаснее, так как там к 1936 году нами будет подготовлена оборудованная трасса... В случае неудачи мы не сможем ограничиться констатацией, что Леваневский не долетел, а будем, очевидно, напрягать все силы для его спасения или, по крайней мере, нахождения... Поиски Леваневского в случае вынужденной посадки или аварии будут неизмеримо труднее операции спасения челюскинцев (там от лагеря до Ванкарема было 150 километров, а от ближней базы до Леваневского может оказаться более 2000 километров). Пришлось бы организовать свои лётные операции на территории Канады, в местах гораздо менее обжитых, чем наша Чукотка, что и технически, и политически очень трудно... По этим причинам, если вероятность удаchi полёта Леваневского равна половине, то вероятность помощи ему в случае аварии близка к нулю. А неудача в оказании помощи означает не только потерю великолепного лётчика и героя, но большой моральный ущерб для СССР в глазах всего мира... По изложенным причинам я считаю долгом высказаться **против** предложения тов. Леваневского в его нынешнем виде”.

Прежде чем отправить свой отзыв в правительство, О. Ю. Шмидт встретился и подробно переговорил с самим автором проекта. Приведа все свои изложенные в отзыве аргументы, академик просил повременить с перелётом, дожидаться появления многомоторного самолёта и новых навигационных приборов.

Но Леваневский был непреклонен. У него не было ни малейшего сомнения в успехе. На каком основании могут появиться сомнения? Да нет никаких оснований: я уверен – и всё тут! Он чувствовал поддержку Сталина, понимал, что тому необходим успех в этой области.

И ещё в запасе у Леваневского имелась “страшилка” в лице американского пилота. По последним сообщениям заокеанских газет, он планировал в конце июля перелететь на новейшем образце двухмоторного самолета

“Локхид-Электра”, поставленном на поплавки, с мыса Барроу через Северный полюс в Архангельск!

Удастся план американского лётчика — и первый межконтинентальный перелёт через Северный полюс навсегда останется за американцами. Можно ли допустить такое? И Леваневский настаивал: надо лететь сейчас! Он подстёгивал этим не только себя, но и всех, кто имел отношение к планировавшемуся перелёту.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, несмотря на аргументацию академика Шмидта, проект перелёта через полюс был утверждён. Постановлением Совета Труда и Оборона (СТО) был создан специальный Комитет по дальнему перелёту во главе с наркомом тяжёлой промышленности С. Орджоникидзе и конструктором А. Туполевым.

Экипаж самолёта “АНТ-25” был утверждён в следующем составе: командир — Герой Советского Союза полярный лётчик С. А. Леваневский; второй пилот — слушатель инженерного факультета Академии ВВС имени Жуковского лётчик Г. Ф. Байдуков и штурман — морской лётчик Черноморского флота В. И. Левченко. Первоначально вторым пилотом планировался известный лётчик-испытатель Юмашев. Однако когда ему передали это предложение, он решительно отказался, заявив: “Я не знаю самолёт, но его (Леваневского. — Авт.) знаю. Знаю, что это за человек...”

8. Неудача в начале перелёта

Начались тренировки. Байдукову пришлось бросить занятия в академии и интенсивно заняться подготовкой. В слепых полётах вне видимости земли тренировались в основном на самолёте Р-5 — биплане-разведчике. Сам Леваневский в тренировках почти не участвовал — его поглощали организационные дела. К тому же он плохо знал и конструкцию самолёта АНТ-25 РД (Рекорд Дальности), на котором собрался покорять пространство, его аэродинамические характеристики и устройство бортовых систем. Он просто боялся показать свою некомпетентность в этих важных вопросах и всячески уклонялся от их обсуждения. В таких сложных вопросах он полностью полагался на Байдукова — действительно опытного лётчика. Наконец, провели последний испытательный 18-часовой полёт. Все работало штатно и устойчиво.

Теперь можно было лететь, и газеты получили отмашку — славить предстоящий перелёт. Чуть ли не ежедневно печатались интервью с командиром экипажа, шли репортажи, статьи, фотоснимки. Академику же Шмидту напомнили деликатно, что, конечно, он подготовил серьёзную записку в правительство, но сейчас будущих героев надо ободрить. Ведь решение Политбюро по этому вопросу уже подписано — значит, никаких сомнений! Поэтому в “Известиях” появилась статья начальника Главсевморпути, в которой говорилось: “Такого трудного перелёта ещё никто не совершал. Однако Сигизмунд Александрович Леваневский вполне уверен в благополучном перелёте”. Академик Шмидт эту статью подготовил, но не стал маститый учёный кривить душой, не написал: “Я уверен”, — а сказал: “Сигизмунд Александрович уверен”. Согласитесь, большая разница.

Ну, а дальше пошли просто ритуальные слова и обязательные комплименты: “...один из самых опытных полярных лётчиков (?), лётчик высокой культуры и разносторонних знаний (?), умеет не растеряться и найти выход из любого трудного положения”.

Не отставала и американская пресса. При первом известии о предстоящем полёте во многих городах стали готовиться встретить национального героя Америки, “спасителя” лётчика Маттерна, легендарного “полярного” пилота.

У американцев оставалась ещё надежда, что их “великий” Вилли Пост опередит советского лётчика и первым прочитается над Северным полюсом. Но в ночь на 3 августа телеграфные агентства сообщили, что из-за тяжёлой непогоды Пост застрял на промежуточном аэродроме и перенёс свой перелёт на более позднее время.

Дорога Леваневскому была открыта.

И наступил день отлёта. В маленьком домике экипаж заканчивал приготовления к полёту. Самолёт, стоявший на бетонной горке, как на пьедестале, был очень красив. Серебристый, капот мотора и нижние поверхности фюзеляжа — тёмно-синие. Крыло, горизонтальное оперение и кок винта — красные.

На левой плоскости сверху и на правой снизу надпись “URSS”. На правой сверху и левой снизу – “NO-25”, нанесённые белой краской. На рулях направления с обеих сторон были надписи “ЦАГИ-АНТ-25/САН-АНТ25” красного цвета. Наконец, последние бодрые слова провожавших, вспышки фотоблицев. Облачность, правда, низковатая, идёт дождь, но взлетать можно. А через час, на высоте, должно и совершенно развиднётся.

Спокойный ровный полёт длился недолго. Ещё не успели подойти к Кольскому полуострову, как Леваневский заметил, что по центроплану, совсем близко к борту фюзеляжа, медленно ползёт тонкая струйка моторного масла, морщась под потоком воздуха.

Первый пилот жестом подозвал Байдукова и спросил:

– Взгляни-ка, что это за масляная дорожка протянулась по левому крылу?

Утечка масла из мотора явно происходила. Но по какой причине, из-за чего? Если так будет продолжаться, хватит ли бортового запаса масла до конца полёта?

Байдуков хорошо знал машину, ее мотор, много на ней летал. Он сразу сообразил, что причиной может быть небольшая трещина в одном из подводящих трубопроводов или в расходном бачке. Он тут же ручным насосом-альвейзером подкачал немного масла в расходный бак. Но ничего не изменилось – поток масла оставался устойчивым.

Очень быстро Байдуков подсчитал: в расходном баке – 150 литров масла и ещё 350 – в резерве. Этого, по его мнению, было вполне достаточно, чтобы продолжить и благополучно завершить полёт. До Аляски или до Канады мотор дотянет. Так он и сказал Леваневскому, подчеркнув: “Надо продолжать полёт!”

Тем временем в кабине появились масляные пятна и явственно стал ощущаться запах горелого масла. Видимо, выброс где-то попал на горячие части мотора. С подобным явлением не сталкивались ни лётчики-испытатели самолёта Громов и Байдуков, не предполагал ничего подобного и конструктор.

Решать, как поступить в этом случае, должен был первый пилот. Леваневский передал на землю тревожную радиограмму: “Уходит масло, причина неизвестна”.

Это сообщение сильно встревожило собравшихся в штабе перелёта. Полёт АНТ-25 продолжался. Байдукову удалось протиснуться к расходному маслобаку, расположенному сразу за приборной доской. Он внимательно осмотрел его, взгляделся в метки масломера и сразу всё понял.

Склонившись к Леваневскому, второй пилот прокричал ему прямо в ухо:

– Командир, масло на зелёной метке... (То есть – всё в порядке...)

– Что за метка? – удивился Леваневский, стараясь перекричать гул мотора.

– Полный бак, нормальная заправка. Без подкачки масла хватит до самой Америки.

Но Леваневский предпочёл запросить штаб перелёта: “Что означает зелёная метка масломера?”

Можно сколько угодно притворяться опытным лётчиком и полярником, но один вопрос способен сразу же показать, кто ты есть на самом деле.

Туполев, уже почти сутки не смыкавший глаз в штабе перелёта, буквально взвился:

– Да что он, не понимает ничего? Не может разобраться с маслосистемой? Там же Байдуков!

Надо было принимать решение, но Леваневский медлил, застыв у штурвала. Неудача. Облечённый, так сказать, высшим доверием, наговоривший много красивых и правильных слов, он должен в самом начале пути повернуть назад? Что стоят тогда все его недавние бравые заявления?..

Наконец, Леваневский решился. Опять же жестом он подозвал к себе штурмана Левченко и приказал передать на землю: “Полёт прекращаю, возвращаюсь”. И сразу же положил тяжёлую машину в крутой разворот, лёг на обратный курс.

Через несколько минут Беляков принял радиограмму штаба перелёта: “Немедленно возвращайтесь. Посадка на аэродроме Кричевицы (это под Новгородом)”.

Леваневский передал управление Байдукову, протиснулся назад и растянулся на масляном баке, где так и пролежал до самой посадки.

Свой позор он переживал молча. Или думал, на кого свалить вину?..

(Окончание следует)

АНДРЕЙ УБОГИЙ

СОЧУВСТВИЕ СЧАСТЬЮ

1. “О тайнах счастья и гроба”

Nous sympathisons avec les malheureux par une espece d'egoisme: nous voyons que, dans le fond, nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une ame bieu noble et bieu deinteressee...*

Из письма А. С. Пушкина
П. А. Осиповой

Пожалуй, нет в русской литературе книги прозрачней, яснее и солнечней, чем “Повести Белкина”. Она всеми читана и перечитана, всем знакома ещё со школы, и страницы её перелистываешь с тем же чувством, с каким гуляешь в знакомом саду, наизусть уже зная, где какая скамья или тропка и где тебе встретится старый добрый знакомый.

Но, с другой стороны, нет и книги, по сей день вызывающей столько вопросов и споров. Уже сам её жанр – предмет самых разных суждений. От сборника анекдотов, “побасёнок” – до романа и чуть ли не эпоса: так популярно разбросаны в критике жанровые определения “Повестей покойного Ивана Петровича Белкина”.

Известно, что Виссарион Белинский, не последний человек в русской критике, считал их вовсе недостойными пушкинского пера. Это, дескать, даже не вполне художественные произведения – кроме “прелестного слога”, читатель в них не найдёт ничего. С другой стороны, такие титаны нашей литературы, как Толстой и Достоевский, давали “Повестям Белкина” оценки очень высокие. Да, в конце концов, и сам Пушкин, смачно описывая в известном письме Плетнёву читательскую реакцию Баратынского – как тот “ржёт и бьётся”, – не скрывал авторского удовлетворения.

Что же это такое “Повести Белкина”, до сих пор так изящно-легко ускользающие от сетей критиков, уходящие из-под гнёта различных оценок и формулировок и продолжающие так манить и так радовать нас? Разумеется, и мои мысли по поводу белкинских повестей – только очередная попытка поймать ладонями ветер: слишком многое, – может быть, главное – так и останется вне рассуждений.

Перво-наперво надо сказать, что, приступая к “Повестям Белкина”, Пушкин выполнял собственное обещание, данное им ещё в третьей главе “Евгения Онегина”:

*...Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,*

* Наше сочувствие несчастным есть род эгоизма: мы видим, что, в сущности, не одни мы несчастны. Лишь сочувствие счастью предполагает вполне благородную и бескорыстную душу...

*В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займёт весёлый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нём изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви томительные сны,
Да нравы нашей старины.*

*Перескажу простые речи
Отца иль дяди-старика,
Детей условленные встречи
У старых лип, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слёзы примиренья,
Поссорю вновь, и наконец
Я поведу их под венец...*

В этом отрывке указан и жанр – это, скорее, роман – и даже намечен будущий Белкин, чьи “простые речи” собирается пересказать нам Пушкин.

Что же касается “смысла”, иными словами, вопроса – о чём же написаны “Повести Белкина”? – то найти его можно только тогда, когда мы попытаемся посмотреть на весь белкинский цикл с той самой точки, откуда видел его и сам автор. Как писал Пушкин, “писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным”; это и значит довериться автору, вступить с ним в союз – и посмотреть на всё как бы пушкинскими глазами.

Что занимало Пушкина всего более, особенно в месяцы болдинского карантина, когда он томился в тоске по невесте, был “беспокоен и волнуем будущим” и когда посещало его вдохновение, редкое даже по пушкинским меркам? Ответ дан им самим: это “тайны счастья и гроба”. О счастье – о его недостижимости и необходимости, о его зыбкости и порою коварстве, о том, в чём оно состоит и чем нам угрожает – обо всём этом читаем мы и в пушкинских письмах, и в его стихах, и на страницах прозы. Вообще, слово “счастье” (как и близкие к нему слова “наслажденье”, “блаженство”, “восторг”, “упоенье”) – очень частое слово у Пушкина. Счастье – центр центров, средоточие пушкинских интересов, как жизненных, так и творческих, – то, над чем он напряжённо и неустанно не просто думал, а бился всю жизнь.

И вот на пике болдинской осени – в известном смысле, пике всей пушкинской жизни – между финалом “Онегина” и “Маленькими трагедиями” создаются “Повести покойного Ивана Петровича Белкина” – опыт художественного изучения счастья. Причём этот роман о счастье возникает в Болдино между двух произведений, повествующих нам как раз о несчастьях. И “Евгений Онегин” – роман о непоправимо несчастных судьбах героя и героини; и “Маленькие трагедии” – это именно трагедии, полные ужасов и мертвецов, злодеяний, предательств, убийств – гробовых, словом, тайн.

А вот “Повести Белкина” – они светлы, как солнце. Они кажутся совершенно прозрачны и ясны любому читателю, от подростка до академика; они, повествуя о счастье – и сами являются словно бы генератором счастья. Счастье как главная тайна, как цель и урок человеческой жизни (“счастье – лучший университет”, писал Пушкин) рассмотрено с разных сторон, в разных видах и ракурсах, даже в разных значениях этого слова, порой далеко отстоящих одно от другого.

Так, повесть “Выстрел”, открывающая белкинский цикл, говорит нам об уязвимости счастливого человека. Мрачный Сильвио (кто он таков, мы поговорим ниже) настигает графа, “вечного любимца счастья”, именно там и тогда, когда тот наиболее счастлив: в медовые дни “honeymoon”. Завистник Сильвио, выждав момент, пытается столкнуть графа с самой вершины судьбы; и ему удаётся если и не вполне погубить соперника, то всё же сильно его потрясти, смутить его совесть – и тем омрачить жизнь сиятельного счастливого.

В “Метели” мы видим счастье в ином, непривычном обличье: не как неожиданную удачу или как чаемое блаженство – но как неотвратимую поступь

судьбы. Интересно и важно, что в словаре Владимира Даля – не просто современника и знакомого Пушкина, но человека, на чьих руках поэт умирал, того, к кому он обратил свой последний призыв: “Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше...” – в “Толковом словаре” Даля у “счастья” есть и такое значение: “рок, судьба”. Для героев “Метели” тайна счастья – “глубокая, пленительная тайна!” – заключается именно в покорности року, в согласии с тем, что им суждено на роду. Быть послушными Промыслу, зову судьбы – это и значит двигаться к счастью, которое не забудет тех стойких и терпеливых, кто верит: судьба нашей жизни – не в одних только наших, людских, но ещё и в иных, всемогущих и мудрых руках.

“Гробовщик”, как ни странно, – тоже о счастье. Повесть, с которой Пушкин и начал белкинский цикл, а затем поместил её в середину “Повестей Белкина”, закончена 9 сентября, в тот самый день, когда поэт пишет Плетнёву письмо о “колере морбус” – об угрожающей всем и каждому смерти. Это надо же: стоило только Пушкину начать “бредить о счастье” – то есть решиться на брак с красавицей Гончаровой, – как он тут же оказывается в окружении холерных застав! Мысль, что счастье всегда живёт рядом со смертью, – или старуха с косою сама, словно тень, так упорно преследует счастье? – эта мысль была Пушкину очень близка. Где счастье – там и гробы; где солнце и свет – там же тени и тьма: в сопряжении и напряжении этих полярных начал живут многие пушкинские герои.

Когда вдруг светлеют и лик, и душа вечно угрюмого Адрияна Прохорова, этого Харона с Никитской улицы? Когда он вдруг осознаёт, что жизнь, как она есть сама по себе, – это уже несказанное счастье? Только после того, как ему приоткрылись врата преисподней, как сама смерть (со смешным, правда, именем: Пётр Петрович Курилкин) распахнула ему костяные объятия...

В “Станционном смотрителе” счастье увидеть непросто: уж очень грустна эта повесть. В ней нам поставлен жестокий вопрос: а возможно ли счастье на несчастье другого? В сущности, это вопрос о той самой “слезинке ребёнка”, на которой Достоевский отказывался строить дворец всеобщего счастья; по сути, это главный вопрос не только всей “последпушкинской” литературы, но и всей русской жизни.

В “Станционном смотрителе” рвутся связи, соединяющие людей – трещат узы родства, дочь забывает отца, – и с неизбежностью запустевает сама та дорога, по которой красавица Дуня укатила с гусаром в поисках счастья. “Не заблудились ли мы?” – словно спрашивает нас автор. Не пора ли вернуться в покинутый дом, подобно библейскому блудному сыну, или хотя б порыдять на отцовской могиле, как это сделала бедная Дуня? Раскаяние, хоть и позднее, тоже приносит нам счастье, ибо оно восстанавливает нечто цельное и драгоценное в треснутом, падшем, разорванном мире.

Но вот уж где связи не рвутся, а только крепнут, так это в последней, самой “счастливой” повести Белкина. Именно “Барышня-крестьянка” более всех говорит нам о счастье как единении, как “со-частье” и “со-четании” всех, некогда разделённых сословными – или условными – перегородками. Счастье – в единстве и примирении, в движении к центру и целостности, в том, чтобы не растравлять раны жизни, а, напротив, любовно и бережно их заживлять.

Теперь же, совершив краткий обзор всего цикла и обозначив его жанр и тему – роман о счастье – рассмотрим каждую из повестей поподробнее. И начнём с предисловия – с размышлений о том, зачем Пушкин вывел на сцену рассказчика, “славного малого” по фамилии Белкин?

2. Атлант Белкин

Покамест он уж может заказать вилльетку на дереве, изображающую меня голенького, в виде Атланта, поддерживающего на плечах “Литературную газету”.

Из письма А. С. Пушкина
П. А. Плетнёву

Хочется восстановить справедливость и вступить за Ивана Петровича Белкина – того самого, кого русская литературная критика поначалу так невзлюбила. Он-де не просто наивен, а почти туп, и, дескать, несчастен был бы народ, состоящий из одних “белкиных”.

Сам-то Пушкин Белкина очень любил. Он называл его “другом” и “славным малым”; а та деревенская скромная жизнь, какую вёл Белкин, была и собственной мечтою поэта. Известный отрывок: “О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические — семья, любовь etc — религия, смерть...” — рисует картину как раз белкинской жизни, полной “покоя и воли”, и тех самых “трудов поэтических”, которые составляли смысл жизни пушкинской.

Порой даже кажется, что эпитет “покойный”, которым Пушкин наградил своего Белкина, означает не столько “усопший”, сколько “спокойный”, то есть достигший, путём скромности и простоты, некоего идеала созерцателя и мудреца.

Но и всё же: зачем Пушкину нужен был Белкин? Почему нельзя было написать все пять повестей “от себя”, напрямую, не выводя перед читателем этой немного смешной и наивной, но при этом такой симпатичной фигуры? Возможных причин появления Белкина, думаю, несколько. Во-первых, это объединение всех пяти повестей в один цикл, написанный так энергично и плотно, и удержанный, кроме общей художественной задачи, ещё и фигурой рассказчика. Тут нельзя не припомнить пушкинских слов о своём “друге-соавторе”: “Кто бы ни был этот Белкин, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно”. Так и хочется вместо “голенького Атланта” Пушкина, каким тот шутейно представил себя в письме Плетнёву, поставить Ивана Петровича Белкина, удерживающего на своих плечах всю позднейшую русскую литературу. Ибо эта литература — особенно русская проза — вышла, скорее, не из гоголевской “Шинели”, а из “Повестей Белкина”.

Представляя пути русской прозы совсем уж коротко и упрощённо, мы можем сказать, что Гоголь, со всей его мистикой и чертовщиной, вышел из “Гробовщика”, Достоевский с его сочувствием “униженным и оскорблённым” — из “Станционного смотрителя”, а Толстой, так поэтично писавший дворянский усадебный быт, — вспомним сцены охоты или святочные катания в “Войне и мире”! — Толстой вышел, отчасти, из “Метели” и “Барышни-крестьянки”. Это не говоря уж о том, что Толстой в период его “опрощения” сам старался стать этаким “барином-крестьянином”: вот как удивительно и отдалённо отозвалась магия пушкинского пера!

А “Выстрел”, повесть о дуэлянтах, положила начало целому ряду дуэлей, без которых непредставима русская литературная классика. “Герой нашего времени”, “Война и мир”, “Отцы и дети”, “Дуэль” — все эти шедевры ведут, развешивают, варьируют ту дуэльную тему, которая была задана “Выстрелом”.

Не забудем ещё одно творение Ивана Петровича Белкина, “Историю села Горюхина” — это прямой, очевидный предшественник “Истории одного города” Салтыкова-Щедрина.

Вот и выходит, что Белкин — воистину *литературный Атлант*. Он удерживает на своих вовсе не богатырских с виду плечах целый свод, целый мир русской прозы, которая, утери из неё эту ключевую фигуру, имела бы совершенно иное лицо и судьбу.

Но, может быть, выводя перед публикой “славного малого” Белкина, Пушкин ставил ещё и иную задачу? Издавая свои сочинения как “Повести покойного Ивана Петровича Белкина”, которые, в свою очередь, выданы за пересказ историй, слышанных Белкиным от разных лиц, а в этих историях значительную их часть составляют рассказы героев, Пушкин как бы передавал своё авторство тому народу и тому языку, от имени которого он выступал и творил. Получается, что через Белкина заговорила вдруг сама жизнь. В этом смысле Белкин приближается к другому пушкинскому герою, летописцу Пимену из “Бориса Годунова” — тому, чей “труд усердный, безымянный” доносит до нас как бы голос народа — vox populi.

Вообще, “умаление” или даже “исчезновение” автора — явление одновременно и архаическое, и вполне современное.

Если посмотреть на послепушкинскую литературу, в ней можно заметить движение в сторону документальности, некое умаление авторского начала и вручение роли повествователя той самой жизни, о которой ведётся рассказ. В вершинном из русских романов — в шолоховском “Тихом Доне” — голос рассказчика вовсе не слышен, но жизнь, что показана в нём, словно сама говорит о себе. Не потому ли и поиски автора “Тихого Дона”, как и поиски настоящего автора трагедий Шекспира, доселе так будоражат умы, что Шолохов смог как бы “выйти” из текста, отстраниться от собственного творения и отпустить его на свободу, подобно тому, как Творец отпустил на свободу и нас с вами?

Но вернёмся к той мысли, с которой мы начали рассуждение о “Повестях Белкина”. То, что именно “тайны счастья”, как и неотрывные от них “тайны гроба”, более всего волновали Пушкина в Болдино осенью 1830 года, видно не только из пушкинских писем этой поры (где о счастье говорится едва ли не чаще всего), но ещё из того направления взгляда, каким смотрел на жизнь пушкинский Белкин. Сам Пушкин, и мучаясь, и сомневаясь — а стоит ли ему брать на себя роль счастливец? — всё же решает взвалить на себя это бремя и быть, несмотря ни на что, счастливым. Точно так и его друг Белкин выбирает счастливую чашу, сознавая, конечно, что люди, “обременённые” счастьем, вряд ли смогут спокойно и долго нести этот солнечный груз. Белкин, как и Пушкин, гибнет совсем молодым: возможно, что именно та ноша счастья, которую они выбрали, ускорила их преждевременную кончину.

То, что Белкин, следом за Пушкиным, избирает “счастливую чашу”, мы видим в “Выстреле”. Рассказчик, “подполковник И. Л. П.” — а под этой условною маской выступает Иван Петрович Белкин собственною персоной — повествует о своём деревенском житье и бытие. В этом отрывке слова “горький” и “горе” повторяются так часто, что становится очевидно: отказ рассказчика от “горькой чаши” и “горькой доли” — а, стало быть, выбор доли счастливой — есть важный, онтологический выбор героя. Итак, слово Белкину: “Принялся я было за неподслащённую наливку, но от неё болела у меня голова; да, признаюсь, побоялся я сделаться *пьяницею с горя*, то есть самым *горьким* пьяницею, чему примеров множество видел я в нашем уезде. Близких соседей около меня не было, кроме двух или трёх *горьких*, коих беседа состояла большей частью в икоте и воздыханиях. Уединение было сноснее”.

Так что наш славный Белкин — настоящий “эвдеменист”, последователь Эпикура и Аристотеля: он мудрец, обративший свой взор к тайне счастья. А уж если его — то есть собственно Белкина — жизнь счастьем была не так уж богата, то не поискать ли счастья вокруг, в судьбах героев тех повестей, которые вышли из-под белкинского пера?

3. В кого стрелял Сильвио?

По свидетельству многих и в том числе В. П. Горчакова, бывшего тогда в Кишинёве, на поединок с З. Пушкин явился с черешнями и завтракал, пока тот стрелял.

П. И. Бартенёв “О Пушкине”

Одна из тем “Выстрела”, как мы уже говорили, — это уязвимость счастливого человека. И не о своём ли собственном семейном счастье мечтал, в то же самое время его опасаясь, и Пушкин в 1830 году, когда писал о графе, собиравшемся “вступить в брак с молодой и прекрасной девушкой”?

Но всё же главный герой этой повести — не сиятельный и сияющий граф, “вечный любимец счастья”, а угрюмый, весь в чёрном, Сильвио. Непримиримый противник счастливого графа, человек глубоко несчастный, он кажется порождением тьмы. Недаром и ссора Сильвио с графом случается ночью, и уезжает Сильвио в ночь, и является на продолженье дуэли уже в густых сумерках: “...он спросил огня. Подали свечи...” То есть Сильвио с графом — чей титул, напомним, “сиятельство” — составляют бытийную пару: такую же, как свет и тьма, день и ночь, счастье — несчастье. Сильвио — “чёрный человек”, такой же, как тот, о котором пушкинский Моцарт вскорости скажет: “За мною всюду, как тень, он гонится...” Вот и Сильвио следует за блистательным графом, как тень, и его появление, “запылённого и обросшего бородой”, напоминает явление вдруг ожившего призрака.

Возможно, своё итальянское имя главный герой “Выстрела” получил по созвучию с именем другого завистника, рождённого Пушкиным в ту же самую осень, — то есть Сальери. Смертный грех зависти овладевает и тем, и другим; и тот, и другой пытаются восстановить справедливость (разумеется, так, как они сами её понимают), оба стремятся разрушить, затмить то свечение счастья, которое входит в мир вместе с музыкой Моцарта — или хотя бы с фуражкой графа, полной спелых черешен. Вспомним, что эта фуражка черешен — реальная деталь одной из дуэлей молодого Пушкина; как, впрочем, и выстрел, которого он тогда так и не сделал.

По-настоящему, ответ на вопрос “кто таков Сильвио?” требует отдельного и обстоятельного разговора. Прототипами этого неукротимого дуэлянта и виртуоза стрельбы явились, возможно, и Фёдор Толстой, и кишинёвский знакомый Пушкина Иван Липранди; даже сам Пушкин, носивший в Молдавии чугунную трость для укрепления руки и упражнявшийся в пистолетной стрельбе, — поэт ждал дуэли с Американцем-Толстым — даже сам молодой Пушкин, одержимый идеей мести, имел что-то общее со своим романтическим персонажем.

Кстати о романтизме. Ещё один прототип Сильвио — несомненно, лорд Байрон. Оба окружены зловещим облаком тайны, оба мрачны и одиноки, злы на язык — и оба, будучи примерно в одном возрасте (около 37 лет), погибают за греческую свободу. Сближений более чем достаточно для того, чтоб считать пушкинский суд над Сильвио в том числе и судом над романтическим идеалом собственной юности.

Но поиски первоисточника образа Сильвио ведут нас всё дальше, всё глубже, уводя в те библейские времена, откуда и начинается человеческая история. Человек, возненавидевший брата за то, что тот оказался отмечен особою милостью, даром небес, и возжелавший за это его погубить, — в Библии этот завистник и мститель именуется Каином. Да и сам принцип мести — “око за око”, или, в нашем случае, “выстрел за выстрел” — это принцип ветхозаветный, старый, как мир. Пушкин как личность и как художник стремительно перерастал в себе “ветхого человека”, двигался к новым, евангельским идеалам милосердия и прощения должников. И именно в повести “Выстрел” он показал нам всю тупиковость, бессмысленность, гибельность мести.

Чем живёт Сильвио? Единственно жаждою мести. Одержимый этою параноидальной идеей, он терпит не только нужду и лишения — ходит в поношенном сюртуке и живёт в бедной мазанке, голые стены которой источены пулями, — но гордый Сильвио сносит и оскорбления, и подозрения в трусости. Он превратился в тень собственной мести; отныне вся его жизнь нужна лишь для одного: для ответного выстрела.

Недаром названием повести служит не имя героя, а именно выстрел: то единственное, ради чего Сильвио существует. Выражаясь языком математики, выстрел из функции становится аргументом, а стрелок Сильвио превращается в функцию выстрела, то есть в зависимый и вторичный придаток, уже не имеющий собственной воли и ценности.

Поэтому, выстрелив, то есть исполнив своё назначение, Сильвио тут же и исчезает, “вычёркивается” автором из списка живых: он погибает в сражении под Скулянами. Как говорят нам историки, в этом сражении не было сделано ни единого выстрела: турки рубили повстанцев и кололи их пиками. Выходит, бедному Сильвио под Скулянами не удалось напоследок даже применить своё мастерство, ибо свой выстрел он уже использовал и, по сути, тогда же, ещё в имени графа, перестал существовать.

Так что вопрос “в кого стрелял Сильвио?” имеет единственно верный ответ: он стрелял в себя самого. И совершил он это самоубийство ещё тогда, когда стал завистником, возненавидел счастливого графа и превратился в заложника собственной зависти.

Но тексты Пушкина, как и сама жизнь, никогда не сводимы к единственной формуле: они и сложнее, и глубже любых умственных построений. Так и в случае с Сильвио всё гораздо сложнее, чем просто-напросто обличение Каина, “ветхого человека”, одержимого местью и завистью. Сильвио на протяжении повести очень меняется. Тот, кто буянил в гусарском полку и поссорился с графом, тот, кто в забытом Богом местечке рассказывает об этой ссоре, изображая себя именно как злого завистника, затем тот, кто приезжает к обидчику требовать продолжения дуэли и всё-таки не убивает врага, и, наконец, тот, кто гибнет за греческую свободу, — это всё разные люди. Ведь Сильвио мог и вторично оставить за собой выстрел — даже два выстрела! — и тем превратить всю дальнейшую жизнь графа в сущий кошмар, в непрерывное ожиданье возмездия. Но он вернул выстрел сопернику и тем отпустил на свободу не только его, но, вместе с ним, и себя самого. Узел выстрела оказался развязан, враг пощаждён, и в тот миг, когда пуля Сильвио легла в след графской пули, Сильвио победил самого себя, одержимого местью и завистью. И вздох облегчения вырывается в эту секунду из нашей груди: выстрел Сильвио — выстрел в тёмного, “ветхого” человека в себе, выстрел в то, что живёт и клубится во тьме наших душ, но что непременно должно быть, с Божьей помощью, побеждено.

4. Гармония хаоса

Пойми, кто может, буйную дурь ветров!

Алкей

Болдинская осень 1830 года открылась стихотворением “Бесы”:

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна...*

То есть тема метели зазвучала в Болдино сразу: можно сказать, сама Муза той осени влетела к поэту на крыльях метели, под завывания ветра и в завихрениях снега. Описание бурана в “Метели” – прозаическое переложение той же темы. Не забудем, что спустя несколько лет забушует ещё одна пушкинская метель – та, в которой из мрака и вихря перед Гринёвым появится Емельян Пугачёв. Так что метель – это пушкинский метасюжет; это не просто один из участников действия, но важнейшая сила, которая, собственно, и порождает всё то, что случается с пушкинскими героями.

И можно сказать, что метель в мире Пушкина – это судьба. Но отношение к ней у поэта меняется. Если в 1826 году Пушкин, утешая своего друга Вяземского, у которого умер ребёнок, сравнивает судьбу с огромной беснующейся обезьяной: “... Не сердись на неё, не ведает бо, что творит... Кто посадит её на цепь? не ты, не я, никто...” – то в пору болдинской осени отношение к судьбе у поэта иное. Теперь метель-судьба именно ведаёт, что творит; это лишь людям, подхваченным её вихрями, порой кажется, что в мире царствуют неразбериха и хаос. Но автор-творец видит дальше и глубже – он ведаёт, для чего и зачем так ярятся и крутятся вихри метели. Метель в болдинской повести 1830 года – не хаотичная сила, а, скорее, орудие автора, его слуга и помощник.

Но ведь творение гения не рождается из ничего – и законы, им управляющие, диктуются свыше. Пушкинский мир, словно в капле воды, отражает строение целой вселенной; так, может, и вся наша жизнь – её ход и сюжет, её скрытые смыслы – построена именно так, как выстроена пушкинская “Метель”? И наша судьба есть не просто слепая, бездумная сила, не просто взбесившаяся обезьяна, но проводник и орудие высших, ко благу направленных, сил?

Повесть “Метель”, которую Пушкин и завершил 20 октября белкинский цикл, есть, по сути, художественная теодицея. Всей структурой повести, всеми смыслами, в ней заключёнными, Пушкин нам говорит: наша жизнь и судьба – не пустая игрушка, не прихоть капризного случая, но творение Автора, твёрдо ведущего нас к единственно верной и нужной развязке. И счастье – вернёмся опять к “тайне счастья”, важнейшей из пушкинских тайн, – счастье в том, чтобы верить судьбе, чтобы чувствовать в этой игре хаотичных и путаных сил, управляющих нашей жизнью, благую и мудрую руку Творца. Счастье как рок и судьба – именно этот смысл слова “счастье”, особо отмеченный Далем в его словаре, выступает на первый план в повести, посвящённой метели-судьбе.

“Гармония хаоса” – вот наиболее краткая формула, передающая идею “Метели”. Интересно, что физика и математика в конце XX века – почти через двести лет после Пушкина – пришли к подобной же формуле, выражающей сущность процессов, которые раньше представлялись бессмысленно-хаотичными. Волны моря и облака, плывущие в небе, языки огня, пляшущие над костром, сплетение веток в древесной запутанной кроне – и эти, и ещё множество им подобных явлений, представлявшихся прежде игрой и гнездилищем хаоса, вдруг предстали исследователям в совершенно ином, гармоническом виде. Где была путаница и неразбериха – явился порядок; где взгляд человека терялся в бессмысленном коловращении разнонаправленных сил – там человеческий ум вдруг прозрел синергически-сложные контуры новой гармонии. Музыка сфер вновь пробилась сквозь ту какофонию броуновских частиц, каковую мы долго считали последнею истиной жизни.

Можно сказать, что наука последних десятилетий, искупая заблуждения целых веков, одержимых идеей механистически-мёртвого мира – мира, в котором “гипотеза Бога” казалась ненужной и устаревшей, наука стала выстраивать

новую теодицею. И мир, распадавшийся в мертвенный хаос бездушных частиц, вновь ожил, в этом хаосе вновь зазвучала гармония.

Пушкин словно предвосхитил то “возвращение Бога” в науку, без которого ныне никак не выстраивается сколько-нибудь цельное и правдоподобное мировоззрение. Недаром со слов Пушкина записана фраза: “Я нашёл Бога в своей совести и в природе, которая говорила мне о Нём”, – фраза, хоть во многом и повторяющая известную мысль Канта, но всё же характернейше-пушкинская, наделяющая целый мир – в том числе, и метели, которые в этом мире бушуют, – несомненно-живым, благодатным присутствием Бога.

Разумеется, повесть “Метель” – вовсе не об одной лишь метели. Она и о людях, что подхвачены её вихрями, о том, как нам следует относиться к метели-судьбе. Центр и узел “Метели” – венчанье, венчальная клятва, которая неразрывно связывает героиню с тем суженым, которого ей – против воли обоих – приносит метель. “Я никогда не могла быть вашей женою”, – говорит влюблённая Марья Гавриловна влюблённому в неё Бурмину. И нам тотчас приходит на ум другая Марья Гавриловна, героиня “Дубровского”, которая, оказавшись в подобных же обстоятельствах – то есть повенчанная против воли – произносит почти то же самое: “Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского”. А Татьяна и её горький ответ Онегину: “Но я другому отдана, // И буду век ему верна...”?

Очевидно, что верность венчальному слову, то есть тому, что тебе суждено, что назначено свыше, – один из важнейших узлов, на котором так многое держится в пушкинском мире. В сущности, верность судьбе – это верность замыслу Бога о нас, это согласие с тем, что мы с вами не можем знать всех Его планов и мыслей: “Пути Мои выше путей ваших”. И поэтому, лишь доверяясь судьбе, подчиняясь высокому замыслу Бога о человеке, мы способны быть истинно счастливы, то есть со-частны, при-частны Тому, Чья рука неуклонно ведёт нас сквозь все завихрения метели судьбы...

5. Счастье гробовщика

*Il n'est de ânonheur que dans les
voies communes...**

Из письма А. С. Пушкина
Н. И. Кривцову

Но, коли уж рассуждать “о тайнах счастья и гроба”, то без гробовщика, видимо, не обойтись. И вряд ли случайно Пушкин начинает писать “Повести Белкина” именно с “Гробовщика”, а затем помещает его в центр всего цикла, создавая своего рода ось, на которой вращается белкинский мир.

Тот волновавший поэта поворот к “суровой” – или “смирной” – прозе, который был заявлен в “Онегине”, как раз и свершился в “Гробовщике”. Вывод на страницах “Онегина” строки:

*Порой дождливою наведни
Я, завернув на скотный двор...
Тьфу! Прозаические бредни,
Фламандской школы пёстрый сор! –*

Пушкин, по сути, набрасывал контуры “Гробовщика”. Поэт словно испытывал: а выдержит ли его, Пушкина, гений весь этот “пёстрый сор” жизни, эти “бредни”, в которые нас погружает реальность? Не замолчит ли, не окаменеет ли его лёгкая муза при виде всех этих сломанных заборов, калиток и уток в грязи, этих гробов, самоваров, горшков со щами да пьяного трепака перед кабацким порогом?

Похоже, решение Пушкина шагнуть в сторону прозы и взяться за “Гробовщика” было глубоко связано и с его намерением жениться. Поэт в эти месяцы словно спускался с небес на землю. Недаром и в рукописи “Истории села Горюхина” – произведения той же болдинской осени – мы видим изображение приземляющегося орла...

И вот орёл, “тяжёлый и страшный”, приземляется в Москве, на Никитской улице – там как раз жила Гончарова – и видит, как гробовщик Адриан Прохоров

* Счастье находят лишь на избитых дорогах...

(совершенно реальное, кстати, лицо — московский сосед Гончаровых) переселяется, с дочерьми и гробами, в свой жёлтый домик.

Семантика — то есть смысловое наполнение “Гробовщика” — порой представляется неким бездонным колодцем. За слоем вскрывается слой, за одним смыслом — следующий; и уже начинает казаться, что это движение вглубь не имеет конца. Но это и есть главный признак истинно гениального произведения: оно, как и жизнь, неисчерпаемо.

Так, перемещение Адрияна Прохорова с Басманной улицы на Никитскую — это, с одной стороны, обретение нового дома. “Осьмнадцать лет” Адриян Прохоров ждал этой минуты; но отчего-то, когда мечта его, наконец, осуществилась, он вовсе не счастлив, а погружён в угрюмые размышления и предчувствия. Пушкин в пору создания “Гробовщика” тоже был озабочен и “волнуем будущим”. Женитьба и неизбежные тяготы будущей жизни семейного человека — всё это тревожило его непрестанно. Так что нет ничего необычного в мысли о том, что переселение на Никитскую улицу, обретение нового дома и обживание посреди новых, ещё непривычных и чуждых порядков и правил занимало не только гробовщика, но и его создателя.

Но присутствует в “Гробовщике” и масштаб исторический. Адриян Прохоров, русский из русских, проживший целую жизнь в старом доме, где “всё заведено было самым строгим порядком”, вдруг снимается с места и, погрузив пожитки на похоронные дроги, движется не куда-нибудь, а в европейскую сторону: к торгашам и ремесленникам, к “немчуре”. В Адрияне Прохорове намечен шарж на Петра Первого (тот тоже, как гробовщик, хоронил былую Россию), а в описании пира у Готлиба Шульца читается карикатура на петровские “ассамблеи”. Кажется, их, “ассамблей”, хмельной чад, их потешный и вместе с тем важный порядок перенесён в “Гробовщика” прямо со страниц “Арапа Петра Великого”:

“Во всю длину танцевальной залы, при звуке самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли в два ряда друг против друга; кавалеры низко кланялись, дамы ещё ниже приседали, сперва прямо против себя, потом поворачивая направо, потом налево, там опять прямо, опять направо и так далее...”

А вот “Гробовщик”: “Гости начали друг другу кланяться, портной сапожнику, сапожник портному, булочник им обоим, все булочнику и так далее...”

А три многозначительных “франмасонских удара”, которыми немецкая слобода лукаво приветствует недавно прибывшего соседа? А жёлтые шляпки и красные башмаки дочерей Адрияна Прохорова, то есть появление русских среди иностранцев в неуместном и шутовском виде? Недаром, почувствовав эту свою неуместность и чуждость среди “басурман”, хмельной Адриян восклицает: “...чему смеются басурмане? разве гробовщик — гаер святочный?”

Нет уж, — как бы хочет он выразить, — держись-ка, брат, своего: нам свои мертвецы дороже и ближе живых, но чужих иностранцев. Не забудем, что “отеческие гробы” — а именно ими и занимался всю жизнь гробовщик по долгу своего ремесла — всегда были для Пушкина предметом онтологически-важным: он без них не мыслил “самостояния” как отдельного человека, так и “самостояния” целой страны и народов, её населяющих.

Поэтому пир у Готлиба Шульца — чужой пир с таким неожиданно-страшным похмельем — это тоже своего рода сон, это морок и наваждение, от которого Адрияну надо проснуться, надо вернуться к себе самому и своим дочерям, чтобы радостно пить утренний чай в своём собственном доме, в привычном и строгом укладе своей, не заёмной, самостоятельной жизни.

Ну, хорошо: в этой повести мертвецов и гробов видим мы предостаточно, а как быть со счастьем? Где оно, в чём оно, да и есть ли оно вообще? Или оно, как в той чудесной пословице, словно вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащил — пусто?

В “Гробовщике” есть и то, и другое: и счастье как призрак, и счастье как совершенно реальное, близкое — протяни только руку! — событие. С развенчания счастья, основанного на материальном благополучии, и начинается “первенец русской новеллы”. Адриян Прохоров вовсе не счастлив, получив в свои руки мечту — тот жёлтый домик, “так давно соблазнявший его воображение”. Внимательные “белкиноведы” уже изумились тому, как тонко чувствует такой простой и грубый, казалось бы, человек: “старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось”. А чему же тут радоваться, когда каждый — и особенно русский — в глубине души осознаёт, что счастье

вовсе не в том, чтобы менять один дом на другой или торговать с барышом, или пировать там, где пиво с полшампанским льются рекой? Счастье – в чём-то другом; а вот в чём именно, и не может понять Адриан Прохоров до тех самых пор, пока не получит неожиданный мистический опыт – пока сама смерть в образе отставного сержанта Курилкина, чьи “кости ног бились в больших ботфортах, как пестики в ступах”, не распахнёт ему страшных объятий.

Многие персонажи “Повестей Белкина” живут словно бы в переключке с героями “Маленьких трагедий”, рождённых Пушкиным в ту же осень: так, о паре завистников Сильвио-Сальери мы уже говорили. А вот Адриан Прохоров переключается с Вальсингамом. Мало того, что и тот, и другой окружены смертью – один по долгу, так сказать, службы, а другой по воле явившейся к людям Чумы, – но и тот, и другой получают мистический опыт такой глубины, рядом с которым жизнь предстаёт в совершенно ином развороте и смысле. Одному, Председателю, истина жизни, – а, стало быть, счастья, – открывается в миг гениальных прозрений, когда он сочиняет бессмертные строки:

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог...*

Адриан Прохоров не пишет стихов. Но он тоже изведаль – хоть и сам того не желая – те “неизъяснимы наслажденья”, грозящие гибелью, но сулящие, вместе с тем, залог бессмертия, то есть спасенья и счастья. Поэтому и завершается “Гробовщик” ясным солнечным утром – “солнце давно уже освещало постелю, на которой лежал гробовщик”, – поэтому прежний ворчун и угрюмец, наш мрачный Харон по фамилии Прохоров (слышите, как переключаются звуки?) просыпается просветлённый, “обрадованный” и зовёт дочерей, уж конечно, не для того, чтобы выбрать их.

Счастье, как оказалось, всегда жило рядом, ходило по избитым дорогам, оно было в том, чтобы просто-напросто жить и дышать, встречать утром солнце, садиться к сияющему самовару да пить чай с дочерьми. Но чтоб увидеть, понять, осознать всё это, Адриану Прохорову пришлось совершить путешествие в страну мёртвых. И только вернувшись оттуда, он увидел жизнь в истинном свете: в сиянье простого, доступного всем и неистошимо-глубокого счастья...

6. Ослеплённый смотритель

*Говорят, что несчастье хорошая школа;
может быть.
Но счастье есть лучший университет.*

А. С. Пушкин

Уж сколько слёз пролито русской литературной критикой, – а с нею и публикой – над смотрителем Самсоном Выриным! Он-де “униженный и оскорблённый”, он первый “маленький человек” в русской словесности, которого топчут и сводят в могилу “сильные мира сего”.

Всё это, в общем-то, верно, и старика Вырина действительно жалко. Тем удивительнее разворот современной критики к оценкам прямо противоположным: старый смотритель оборачивается тираном и деспотом, желающим превратить дочь в пожизненную собственную служанку и в упор не видящим её, дочери, счастья. Ведь его Дуня решительно овладела красавцем гусаром и вырвалась из тоскливого мира заброшенной станции в мир иной, полный роскоши и столичного блеска.

Но ещё удивительней то, что и эти критики правы: и старик, как он ни жалок, всё же изрядный “диктатор” (как об этом нам и объявляет эпиграф повести), и дочка его, смолоду охотно целующая незнакомых ей проезжающих, – не такой уж, видимо, и ангелочек.

Истина – настоящая, полная истина – лежит даже не посередине этих противоположных суждений, а она обнимает, объединяет их все в некое сложное и напряжённо-живое единство, каковым и является повесть Пушкина “Станционный смотритель”.

Её фон и её парадигма – это евангельская история блудного сына. Недаром как раз с изложения этой истории и начинается наше знакомство с избушкой смотрителя; недаром старик Вырин назвал свою дочку “заблудшей овечкой”; и недаром образ красавицы Дуни, распостёртой ниц на отцовской могиле, так напоминает картину, где блудный сын припадает к ногам растроганного отца. То есть Евангелие постоянно находится, так сказать, в поле зрения автора, входит в замысел повести и играет в ней важную – если не самую важную – роль.

А о чём говорит нам Евангелие? Оно говорит, главным образом, о любви – о том, что наш падший мир спасается только любовью, причём жертвенной, высшей, Христовой любовью. “Бог есть любовь” – ничего выше, прекраснее, глубже, спасительней этой Истины Истин человечество не сотворило.

Но нам, людям грешным и несовершенным, эта Христова любовь светит, по слову апостола, “как бы сквозь мутное стекло”. Мы ещё слишком темны для того, чтобы почувствовать всё сияние этого света. Земная любовь – та, с которой мы с вами встречаемся в жизни, которой живём и от которой так много страдаем, – нередко, увы, так бескрыла и робка, слаба и тускла, и хватает её лишь на то, чтоб согреть нас самих, но при этом не видеть, как холодно нашим любимым и близким.

Вот такую слепую и слабой любовью теплится и жизнь героев “Станционного смотрителя”. Любить-то они любят – старик свою Дуню, Дуня любит отца и гусара, гусар влюблён в Дуню, – но при этом они ведут себя, словно слепые, не видящие и не ощущающие ничего, кроме собственных чувств. Старик – мы об этом уже говорили – не видит, что Дуня его вполне счастлива с Минским; Дуня, упавшая в обморок, не видит, как унижают её отца; браваый гусар – добрый, может быть, малый – называет Вырина разбойником и гонит его взадшей. Все словно ослеплены собственным счастьем (или несчастьем), и счастье (или несчастье) другого остаётся для них чем-то непостижимым. В известном смысле, “Станционный смотритель” и ставит проблему “другого”, напряжённо пытаясь эту трагическую проблему преодолеть. Как быть и как жить, если в мире, кроме меня самого, есть “другие”, и эти “другие” хотят отчего-то другого, чем хочется мне самому?

Существует две разные попытки ответить на этот сложнейший вопрос. Запад, избравший путь эгоцентризма, то есть поставивший в центр мира отдельного человека и объявивший его пожелания, прихоти и интересы наивысшим законом всего мироздания, свёл проблему “другого” к формуле Ж.-П. Сартра: “Ад – это другие”. Но, поскольку без этих “других” наша жизнь невозможна, то получается, что ада нам не избежать. Пытаясь же этих самых “других” потеснить и унижить, освободив себе как бы маленький призрачный “рай” в окруженье всеобщего “ада”, мы приходим к “войне всех против всех”, то есть к нашей обыденной жизни.

Восток смотрит на эту проблему иначе. Для традиционного мировоззрения, к примеру, индусов “другого” просто-напросто не существует. “Тат твам аси” – “то есть ты сам”, – говорит нам древнейшая мудрость Востока; индийская мягкость, терпимость, пластичность и бережное отношение ко всем проявлениям жизни основаны именно на отождествлении себя и другого. И всё бы прекрасно, но есть одно “но”: когда нет “другого”, то нет и меня самого. В пределе, нет ничего вообще – всё только майя, мираж, некий сон внутри сна; именно так мудрецы и брахманы Востока толкуют реальность.

Но сердце упорно не хочет мириться с таким, слишком уж радикальным решением проблемы. Восточный ответ напоминает какое-то расширенное самоубийство: когда, устраняя “другого”, мы вместе с ним устраняем себя, да и всё бытие вообще. Ни Пушкин, ни Белкин, ни мы с вами, грешные, никогда с этим, конечно же, не согласимся. Нет, есть мир, в этом мире есть “мы” и “другие”; и, к счастью, между “другими” и нами возникает не только слепая вражда, но живёт, слава Богу, любовь. Весть об этой любви и несёт нам Евангелие – книга, которой вот именно, что осенён мир пушкинской повести “Станционный смотритель”.

Отчего так возвышен и светел финал этой грустной истории, где рассказчик, узнав о поздне раскаянии и возвращении Дуни (увы, не заставшей отца в живых), не жалеет “ни о поездке, ни о семи рублях, мною потраченных”? Да оттого, что он убеждается: жизнь повторила именно тот сюжет, о котором нам повествует Евангелие; значит, последнее слово не за низкою истиной

жизни — той, где гонят взашей стариков и где обманутые девицы метут улицы вместе с голью кабацкою, — а за высшею истиной милосердия и любви. И нет никакого сомнения, что старик Вырин, будь он жив, простил бы свою “заблудшую овечку” — простил бы именно с тою евангельской радостью, с какой отец принял блудного сына.

Вообще, иерархия истин — важнейшая тема Пушкина. Он, написавший: “Тьмы низких истин мне дороже // Нас возвышающий обман”, — он, как никто, ощущал беспросветность так называемой “жизненной правды”. Да, “по правде” его героиня Авдотья Самсоновна должна была стать уличной девкой; именно эту-то правду предвидит, предчувствует старик Вырин, и эта жестокая, низкая истина сводит беднягу в могилу. Он даже желает своей Дуне смерти, ибо не видит иного исхода из страшного жизненного тупика.

Но в том-то и дело, что правда реальности — не последняя правда. Одновременно и выше, и глубже неё существует правда иная — та, свет которой несёт нам Евангелие. Станционный смотритель вот именно, что ослеплён (как грустно звучит сочетание слов: “ослеплённый смотритель”!); жестокая, низкая истина жизни застит взор старика. Очевидное счастье сияющей Дуни (“Никогда его дочь не казалась ему столь прекрасною”) остаётся, увы, недоступно его затуманенным горем глазам. Не поддаваться несчастью, видеть дальше и глубже него — вот один из уроков, которым мы с вами обязаны повести “Станционный смотритель”. Да, несчастье — хорошая, может быть, школа; но счастье — лучший университет. Именно эта мысль Пушкина помогает преодолеть безотрадные, низкие истины жизни и подняться туда, где мы будем причастны высокой и радостной истине счастья.

7. Имперская проза

*Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся...*

А. С. Пушкин
“Он между нами жил...”

Прежде чем переходить к последней из белкинских повестей, следует указать на ещё одну важную тему, занимавшую Пушкина болдинской осенью. Эта тема — Россия, её судьба, её “формула”, если употребить пушкинское выражение.

Нельзя не заметить, что в каждой из повестей Белкина — таких, казалось бы, камерных, посвящённых отдельным историям частных людей, вовсе не претендующих на государственно-крупный масштаб, — тем не менее, дышит большая история.

Одна география “Выстрела”, как прямая, так и звучащая только намёком — уже простирается от туманного Альбиона до солнечной Греции. Англичанин лорд Байрон (один из прототипов Сильвио), завистливый итальянец Сальери (ещё один прототип), некий польский помещик и его падкая до гусаров жена, на балу у которых Сильвио ссорится с графом, молдавская глушь, где герой стреляет по мухам, Москва, куда на свадьбу противника торопится Сильвио, наконец, янычарские сабли, под которыми гибнет герой, сражающийся за греческую свободу, — весь этот калейдоскоп разноязыких героев и разнообразных мест действия превращает короткую повесть чуть ли не в обобщённый портрет всей тогдашней Европы.

А такая характернейшая деталь, как “полицейская шапка” Сильвио (*bonnet de police*) — та, что была прострелена графом на вершок ото лба, — разве она не напоминает читателю о мировой роли тогдашней России? Да, злопыхатели и “клеветники России” действительно называли её “жандармом Европы”, хотя именно этот “жандарм” и сокрушил деспотического кумира, искупив тем самым “Европы вольность, честь и мир”.

В “Метели” имперские, патриотические мотивы звучат ещё громче. “Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: *Vive Henri Quatre*, тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!*”

Как сладки были слёзы свидания! С каким единомыслием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!”

Кажется, такого количества восклительных знаков Пушкин не ставил ни прежде, ни после, ни в прозе, ни даже в стихах — и нигде не высказывался с таким откровенным, захлёбывающимся восторгом. Даже уездные барышни, столь пылко и нежно любимые им, не удостоивались подобной хвалы, какой удостоилось русское воинство и русская, прогремевшая на всю Европу победа.

“Гробовщик”, помимо всего остального, — ещё и повесть о том, как Россия приходит в Европу. Пиршество у сапожника Готлиба Шульца, так потешно напоминающее “ассамблеи” Петра Великого — того, кто прорубил пресловутое “окно в Европу”, — изображает именно свидание России и Запада.

Самсон Вырин — не просто вдовый старик, но и государственный служащий: он смотритель дорог империи. И ещё: в “Станционном смотрителе” начинается звучать тема “Медного всадника”, самой имперской поэмы Пушкина, — тема беспощадности большой страны и большой истории к “маленьким людям”. Да, империя, ослеплённая собственной мощью, подавляет тех, кто её созидает, — тех, из кого она и состоит! — что, в конце концов, обрекает на неизбежную гибель и её саму тоже.

Но самая “имперская” из всех повестей Белкина, — конечно, “Барышня-крестьянка”. Эта повесть — не просто изящно рассказанный анекдот, не просто вариант “Ромео и Джульетты” со счастливым финалом, но повесть о поисках некоей гармонии, объединяющей дисгармоничный, страдающий в противоречиях мир.

Что является центром, узлом этой повести? Это даже не славная девушка Лиза, которая, глядя по обстоятельствам, то крестьянка, то барышня; нет, центр “Барышни-крестьянки” — это дефис, знак союза-различия двух ипостасей, в которых является нам героиня. В нём же, в дефисе, в союзе различных сторон и частей бытия заключается и метафизика повести.

Не случайно автор так любит уездных барышень и откровенно в своей любви признаётся: в ком, как не в них, соединяется образованность и народность, скромность и дерзость, покорность судьбе и решительность; соединяются, словом, лучшие национальные качества — с какой-то всемирной открытостью и широтой? Можно сказать, в глазах Пушкина уездная барышня — олицетворение целой России, воплощение того лучшего, что несут в себе русский дух и душа. Недаром и любимейшая героиня автора, Татьяна Ларина, его “верный идеал” — тоже уездная барышня. Да что говорить: на уездной-то, в сущности, барышне Пушкин женился и сам.

На Лизе Муромской в повести держится всё. Она, как магнит, выстраивает и вертикальные силовые линии, то есть соединяет собою сословия крестьян и дворян, и держит связи, так сказать, горизонтальные: через неё, обаянием её удивительной личности вот-вот породнятся враждующие семейства. А вражда этих семейств нешуточная, она носит характер символический и эпохальный. Англоман Муромский и русофил Берестов — причём оба истинно русские люди — они, как двуглавый имперский орёл, смотрят в разные стороны, забывая о том, что живут одним сердцем. Здесь Пушкин снова и снова, как и в “Онегине”, и в “Борисе Годунове”, как и в имперских стихотворениях 1831 года, ставит вопрос о пути, о судьбе и о счастье России.

Для него несомненно, что счастье — в единстве, в со-части. Единство же невозможно без центра, без точки схождения разнонаправленных сил. В смысле глобальном такой именно “точкой схождения” служит Россия, страна центровая, срединная и по положению, и по исторической роли: здесь сходятся Запад с Востоком, Юг с Севером, здесь множество разноплеменных культур и народов находят себе и приют, и защиту. А где центр России, этой громадной срединной империи? Её центр, уверяет нас Пушкин, — в самобытном, самостоятельном человеке, таком, например, как славная барышня Лиза Муромская, способная цельностью и отвагой собственной личности объединить (то есть сделать счастливою) жизнь, изнывавшую прежде в тоске разделённости.

А где — спросим мы далее — центр самой этой личности, этой “individualité” (по выражению, напоминает нам Пушкин, Жан-Поля)? Конечно же, в любящем сердце, ведь именно сердцем живут и смуглая Лиза, и её избранник Алексей Берестов, который “был добрый и пылкий малый и имел сердце чистое, способное чувствовать наслаждения невинности”.

Вот и выходит, что главный — единственный, в сущности, — центр и единая сила, способная удержать всё громадное и почти необъятное тело России, — это любовь. В этом, по сути, и заключается русская тайна и русская формула, столь очевидная, но и столь непонятная большинству иностранцев. Запад строит единство иначе, кладя в его основание золото или булат; на эту именно тему и написал несколько строк Фёдор Тютчев, споривший с канцлером Бисмарком, главным сторонником европейского “принципа силы”:

*“Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...”
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...”*

“Имперская” проза Пушкина, — а его “Повести Белкина” вполне можно назвать “имперским романом”, — рисует нам, ясное дело, лишь сказку, лишь миф о России — такой, каковою в реальности она никогда не была, но какую желала, стремилась, надеялась быть. Но ведь сказка и миф вовсе не означают “неправды”; напротив, лишь через сказку и миф мы способны почувствовать высшую истину жизни — ту, которая светит нам даже сквозь “пёстрый сор” будней, сквозь мелкую озабоченность бытовой суеты, сквозь то наносное, случайное, лишнее, из чего состоит наша обыкновенная жизнь, но что не должно заслонять нам ни света, ни радости, ни красоты жизни подлинной.

Вот о ней-то, об истинной жизни, и пишет Пушкин свой роман-сказку “Повести Белкина” — сказку о человеческом счастье. Да, это счастье и хрупко, и призрачно, и почти что недостижимо: “На свете счастья нет”, как горько вздыхает сам Пушкин, — но только “сочувствие счастью”, только стремление к нему и его обретение (обретение, в ту же секунду способное оборотиться утратой) и делает нас в полном смысле людьми. Несчастливым быть очень легко — все мы, сказать откровенно, несчастны; а вот дерзнуть быть счастливым означает ни много ни мало преодолеть земной плен, презреть “низкие истины” и встать, наконец, в человеческий рост — встать под выстрелы, под невзгоды и горести, что уготованы нам, встать, не страшась ни смердящих гробов, ни ужасного воя метели, и встретить со светлым лицом настоящую истину жизни.

г. Калуга

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО

МЕТАФИЗИКА АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА

В январском номере “Нашего современника” напечатан роман А. Проханова “Гость”. В продолжение темы редакция публикует размышления об этом романе литературного критика Лидии Довыденко.

Проханов – выразитель берегающих русский народ идеологий, мощных тенденций, которые врагам России слишком опасны, чтобы они оставались равнодушными и не впрыскивали в общественное сознание ядовитые замечания в адрес представителя могучего народа. В его недрах родилась философия, ставящая вопрос о смысле жизни человека. В то время, как Германия направила на Россию пушки, в 1915 году русский философ князь Евгений Трубецкой поднимает этот вопрос “в дни обнажения мирового зла и бессмыслицы”. Александр Проханов стоит на плечах русских космистов, он один из немногих, кто через своё творчество пытается найти обоснование нашей духовной жизни, нашего смысла существования, открыть нам брезжущий свет завтрашнего дня, который искали русские философы. Они будили в нас чувство “нравственной тошноты” от пошлости, слепой и хаотичной жизни, предупреждали, что хищническая культура может быть злой и опасной, противопоставляли биологической жизни этическое начало.

Александр Проханов в своём творчестве наследует нашей могучей литературе, и его творчество переключается с пушкинскими молитвами:

*Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.*

Любоначалие – этот страшный недуг потрясает общество: властность, деспотизм, самовластие, властолюбие, чувство превосходства обманом и хищением разбогатевших людей над теми, кто не желает обогащения любой ценой. “Сокрытая змея” кусает нас со страниц газет и с телеэкранов, в судах, в “единичных окнах” муниципалитетов.

И потому я всегда жду нового романа Проханова, который нам даёт каждый раз провисающий на всевозможных ток-шоу и телевизионных баталиях ответ на вопрос, как же произошло, что мы, такие светонесущие, полные святого энтузиазма, несущие человечеству величие и благородство, всегда готовые на помощь, к самопожертвованию для других, вдруг в одночасье сдались, шагая “в едином строю”, перед неким окриком: “Разойдись!” Разошлись по своим

ДОВЫДЕНКО Лидия Владимировна — прозаик, публицист, краевед, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала “Берега”, автор 19 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Лауреат литературных премий. Живёт в Калининграде.

углам и никак не soberёмся, забыв, что мы строили светлый рай на земле, что мы боролись с материальным порабощением человека, что мы видели жизненную правду в противостоянии звериному и низменному в человеке. И вся планета это знала и уважала нас.

“В дни обнажения мирового зла и бессмыслицы” доктрина Александра Проханова оповестила мир “о великом братании и примирении “красных” и “белых”, государственников красной и белой империй, которые должны прекратить вековую вражду перед лицом жестоких нападений, во имя новой, возрождённой России, огромной империи, насыщающей мир мощными, светлыми, духоносными импульсами.

Действие романа Александра Проханова “Гость” происходит, на первый взгляд, в условиях некой “весёлой” неопределённости во всём, навязываемой русофобской средой, где отсутствуют критерии нормы, куда привнесены западные двойные стандарты, провокационность, издевательства над “святыми обетами”. Но поверх беснования нечисти тайными кодами вливается в кровь имперской России, всплывающей из тёмных вод распада, разложения, “торжество пасхальной литургии, мистерия воскресения”, мистический повтор Россией судьбы Христа.

Роман “Гость” начинается с описания бесовщины: экономического форума, который продолжился банкетом банкиров. Шёл разговор о замках, яхтах, инвестициях, процентных ставках, слияниях корпораций. Шутили над премьер-министром: “Вакуум мысли”, — отмечали прекрасную форму президента: “Власть — не часы, которые нужно менять”. Художественное описание того, что происходит в России, писатель часто дополняет публицистикой. Уже о реальном, недавно закончившемся Гайдаровском форуме он написал: “Теперь эта философия винеров и лузеров реализуется в трагическом и неизбежном конфликте, когда элита, вскормлённая народом, его потом и кровью, производит на свет не Пушкина, не Чайковского и Мусоргского, а банки-изменники, ублюдочные театры, философию распада и осквернения”. — http://zavtra.ru/blogs/zagovor_bankirov.

Вернёмся к художественному повествованию. Автор характеризует главного героя как “блистательного фантазёра и мага, который своими выдумками, экстравагантными поступками создаёт у зрителей переживания, разрушающие обыденные представления, вызывающие изумление, а порой и шок. Этот вид искусства называется перформанс”. Описание Аркадия Веронова очень напоминает известного ведущего политического ток-шоу: “лет пятидесяти, но молодой, в тёмном, застёгнутом на все пуговицы сюртуке, напоминающем френч”. Узнаваема его усмешка, которая “относилась к шумному многолюдью зала, мужским бокалам и женским бриллиантам, а также к самому себе, к своему полувойенному френчу, серебряной цепи, кругу света, в который он встал, как цирковой артист”; говорит то, что хотели от него услышать: “. . . современное российское общество делится на “победителей” и “лузеров” — “проигравших”, выброшенных из истории. “Винеры” — это самые деятельные, способные, авангардные люди России, которые заняли лидирующие места в стране и ведут её к процветанию. Они получили во владения заводы, рудники, корпорации, а вместе с этим и русские реки, леса, океанские побережья. Распоряжаются они всем этим в интересах не только России, но и всего человечества. “Лузеры” — это лохмотья истории, лишённые воли, талантов. То сырьё, из которого едва ли можно создать полноценный человеческий материал. Они брзжат, ропщут, пьют водку, живут в своих зловонных подъездах, устраивают поножовщину и раз в году, в годовщину Октябрьского переворота, проходят по Москве в колонне под красными флагами, развлекаая своим видом иностранных туристов, — жалкое подобие бразильского карнавала”.

Писатель продуманно раскрывает низость и продажность подобных “артистов”, получающих каждый раз за свои провокационные выпады по два миллиона долларов на свой банковский счёт от западноевропейских “доброжелателей”. Главный герой романа живёт один, свою любовь, дружбу в молодые годы он предал, он не знает чувства любви, не способен на него. Только неприязнь и ненависть “. . . к нарциссу Цесерскому, изнурённому старческим эротизмом. К извращенке Воронежской, решившей перейти из одного народа в другой. К салонному революционеру Кавалерову, чья имитация воспета модными французскими журналами. И к этой пресыщенной дочке миллионера, которая из холёной Европы приезжает в Россию позабавиться среди обезумевших московских обывателей, как приезжают иностранцы поохотиться на экзотического русского зверя.

Все они были сверхлюди, возвышались над маленьким бренным человечком, находили в этом оправдание своим интеллектуальным бесчинствам. И Веронову хотелось взорвать это клановое превосходство, сбросить их на грязную землю, потоптаться на них измызганными подошвами. Он чувствовал, как начинает сочиться в душе мучительное наслаждение, предчувствие тёмной пропасти, куда полетит, оставляя за собой рваный провал, взрывную волну, сносящую незабываемые опоры, и он спрячется от этой волны в бездонную воронку”.

Веронов начинает понимать, что в теле его поселился “гость” — змей, внушающий своему хозяину, что искусство не должно доставлять радость и удовольствие, а “должно заставлять людей страдать”. Он то строчит холостыми в толпу из пулемёта, то пляшет без одежды перед священниками, то сжигает макет памятника Зое Космодемьянской, то отравляет бомжей. Каждая новая провокация, новая выходка Веронова, в основе которой зло и ненависть, порождает в другом конце города или в одном из уголков планеты террористический акт (известный взмах бабочки), землетрясение, гибель ни в чём не повинных людей, питая кровью дьявола внутри художника зла. Сокрушая очередную моральную твердыню, Веронов вызывает вихрь разрушений на планете.

Откуда столько зла, нечисти, пошлости, разврата, боли страха в стране, в народе, где мы всего лишь два с половиной десятка лет ощущали своё человеческое достоинство, стремились к знаниям, были овеяны, озарены подлинными, невыдуманными победами своих отцов и дедов, как на полях сражений, так и на своих рабочих местах.

Мы все виноваты, что позволили заползти в наши тела страшным “гостям”: змеиному, тёмному, низменному началу, злобным мыслям, потребительству, пошлomu мещанству и греху уныния.

Страдания людей, вызванные провокациями Веронова, возвращаются бумерангом к перформансисту. Поняв это, он встречается с другом своей юности Степановым и понимает, что этот представитель презируемых им “лохмотьев истории” стал на пути зла, вершившегося Вероновым, наложив “крепких семь печатей”, противопоставив зловещим деяниям созидание. Есть в мире нежность, любовь, милосердие, помощь, сострадание, великодушие, благородство, которых достаточно, чтобы уравновесить мировое зло, рвущееся из “чёрных катакомб”.

Сила слова Александра Проханова — в его уверенности, глубинном знании, что есть “божественные смыслы, чертежи, по которым русские строят ковчег своей государственности”.

Когда случается в России, что уже нет надежды на избавление, в “кромешной тьме вдруг начинает светиться лампада спасения, и за этой лампадой, что горит в руках русского ангела, народ выходит из пропасти и вновь одерживает великие победы, строит чудные храмы, пишет дивные книги”.

“Говорящие головы” в телевизоре, шоумены с “усмешкой”, провокационными выходками множа зло, подобно Веронову, рушат в безумии — “заработать бабла” — представления о прекрасном и благородном, умном человеке, которого они близко не подпускают к микрофонам, чтобы разъединять народы и культуры, подвигать сомнению подвиги, церковь, святыни.

Веронов совершает свои провокации за два миллиона. Но не потакаем ли мы злу бесплатно, не поощряем ли тёмные силы, подпитывая их, когда в разговорах в семье, на работе, в кругу друзей культивируем в себе злобу, ненависть, страх, осуждение, уныние.

Мы сами должны помочь себе, поверить в себя и в свою страну. Об этом говорит колоссальный по осуждению мирового зла роман Проханова. Берись и делай: выметай нечисть из себя, чтобы не превратиться в “лохмотья истории”. Проблемы 5-й и 6-й колонны — это ведь проблема “гостя” внутри нас, а также проблема светоносной национальной идеи, спасающей от уныния, врачующей духовные раны, вызывающей “на духовную брань каждого русского воина”. Мир управляется не одной звериной силой, у нас есть не уснувшие, не замерзшие высокие духовные качества, светом и чистотой выдавим из себя непрошеного тёмного “гостя”, посадив сатану на цепь, как написано в Апокалипсисе, верой в себя, энтузиазмом, воодушевлением национальной идеей мировой справедливости, к пониманию Вселенной как храма. Уверена, что Александр Андреевич в следующем своём романе обратится к этой идее, где мы встретимся с героем, изгнавшим “гостя”, что писатель даст нам рецепты преодоления уныния, которые и может дать только он в силу склада своего ума, своего жизненного опыта патриота, государственника и русского философа.

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

СЛАБАКАМ — НЕ ПО ПЛЕЧУ!

К дискуссии о гражданской поэзии

Слава Богу, успехи в салонах и в кружках я не ставил выше того, что считал истинным благом своего отечества.

Пётр Чаадаев

Честный философ Чаадаев — знаток Европы и западной мысли, бравший в 1814 году Париж, часто задумывался о загадке русской мысли и духовности: “Сколько великих и прекрасных мыслей, откуда-то явившихся, охватили бесчисленные массы и поколения...” И он, и даже мы, сегодняшние, прекрасно понимаем, что в это “откуда-то” входит, прежде всего, поэзия! Но тот же Чаадаев повторял глубокую мысль: “Слово звучит лишь в отзывчивой среде”. Это в полной мере относится к поэзии гражданской, ибо она призвана задевать самые возвышенные и бескорыстные струны в душе читающего и слышащего. Но какова среда нынешнего общества чистогана и потребления, что слышит человек не с высоких трибун, а в эфире и в обыденной жизни?

Принять участие в нескончаемой, но ускользающей дискуссии о гражданской поэзии, затеянной председателем Совета по поэзии при Союзе писателей России Виктором Кирюшиным, меня подвигли две вещи: неубиваемое желание вести откровенный разговор о подлинной поэзии с моими студентами группы литературного творчества в Московском государственном институте культуры, которые читают недопустимо мало, а ещё — сам ход завязавшегося диспута, где звучат правильные мысли, но приведено очень мало стихов. Как показать тем же молодым, что же есть пьянящее вино гражданской поэзии, а что — лишь жалкий суррогат и пародия на неё?

Помню, как в ЦДЛ отмечали мы юбилей телепрограммы “Русский дом”, и в комнате президиума, за рюмкой, о. Тихон (Шавкунов) вдруг признался Станиславу Куняеву, что со студенческих лет любит жёсткое стихотворение:

*Реставрировать церкви не надо —
пусть стоят как свидетели дней,
как вместилища тары и смрада
в наготе и в разрухе своей.
Пусть ветшают...*

Батюшка уже реставрировал Сретенский монастырь, стал архимандритом, но понимал силу поэзии, ценил напряжённую мысль, пусть на практике её

парадоксальность не разделял. Но он тоже, со своей колокольни, пытался разгадать:

*...что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поёт!*

Ну, церкви восстановили, количество храмов чуть ли не ежедневно растёт. Если в 1988-ом у нас было 6 000 приходов на всю Русскую Православную Церковь, то сейчас их 36 000. Но поразительно: за годы строительства безбожного капитализма количество клубов и ДК сократилось в 2(!) раза с контрреволюционного 1991 года – с 73 до 36 тысяч (их стало точно столько же, сколько приходов, но атеистов и людей других конфессий – больше, чем православных!). Стал ли от такого перекоса менее угрюмым ветер, который поёт в руинах заводов и на обезлюдивших сельских просторах? Кто сегодня услышит этот ветер? Сам негибаемый и нестареющий Станислав Куняев, увы, решительно перешёл на публицистику...

Непосредственным толчком для участия в дискуссии послужила точная реплика прозаика Николая Дорошенко: “Гражданская поэзия сегодня – самая востребованная читателем. Например, опубликованное нами в “Живом слове” стихотворение Андрея Лукина из села Шушенское Красноярского края “Я ватник, я потомственный совок” мы выставили в Яндекс-Дзен, где у “Российского писателя” есть своя страница (<https://clck.ru/CG4VQ>). За короткий период стихотворение набрало 4500 лайков и 41 000 просмотров. Это во много раз больше, чем у самых острых статей на актуальнейшие темы”.

*Я ватник. Пусть меня не признают
Все те, кто рушит наши монументы.
Я праздник!
Я торжественный салют!
Я почести, что павшим отдают.
Я трепет на ветру гвардейской ленты.
Я в День Победы плакать не стыжусь.
Я не забыл!
Я помню!
Я горжусь!*

Песню на эти призывные стихи написал Василий Родин, и она тоже пошла в народ!

Но чаще-то звучат другие песни – не только разрушительные и очерняющие, но порой такие бездарные и “патриотические”, что уж лучше матерные частушки слушать или наивные куплеты. Помню, Николай Старшинов восхитался невольной иронией одного графомана из редакционного самотёка:

*Наша Родина — прекрасна,
Вся цветёт, как маков цвет.
Окромя явлений счастья,
Никаких явлений нет!*

Но нынешние-то – ещё хуже, только с оркестровкой, с дорогой телесъёмкой.

КУВЫЧКИНЫ СТРАДАНИЯ

Николай Гоголь высказывал горячую надежду, что песня “вызовет нам нашу Россию – нашу русскую Россию, не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские, но ту, которую извлечёт она из нас же...” Но есть ведь совсем другие песни – якобы гражданские, но не квасные даже, а бормотушные!

Из героического Волгограда попали в интернет, а потом и в СМИ патриотические припевки, которые можно назвать кувычкиными страданиями. Набирает обороты скандал вокруг дебюта на поприще эстрадной песни депутата

Государственной думы от многострадальной земли, члена фракции “Единая Россия” 38-летней Анны Кувычко. Вместе с учениками кадетских классов волгоградской школы № 44 она записала музыкальный ролик “Дядя Вова, мы с тобой!” Боевой депутат Кувычко – всегда при партии власти, хотя конкретных руководителей меняла: начинала свою политическую деятельность она в команде единоросса Евгения Ищенко, мэра Волгограда. Но потом, когда из-за раскола среди волгоградских единороссов Ищенко упрятали в тюрьму, оказалась на стороне “победителей”. И сложила песню верности:

*Не достанется гряда
самураям никогда!
Грудью встанем
за столицу янтаря!
Севастополь наш и Крым
для потомков сохраним!
В гавань Родины
Аляску возвратим!*

Последние строчки напрягли многих (тут бы МИДу и правоохранительным органам вмешаться – это ж политическая провокация и разжигание политического экстремизма!). В США могут, кстати, подать в суд. Не все ж так добродушно откликнутся, как один юзер в сети: “Аляску мы вам не отдадим, а вот Калифорнию забирайте – только не просите взять её обратно”. Ведь дурость же прямая – сегодня, когда главное обвинение России – “аннексия Крыма”, нести детскими устами такую чушь! Ну, и дурацких клятв не надо детишкам в кадетской форме навязывать, нависая над ними могучей грудью:

ПРИПЕВ:
*На земле сей был бы мир,
но если главный командир
позовёт в последний бой,
дядя Вова, мы с тобой!*

Видно, не даёт покоя замечательная гражданская песня Михаила Ножкина “Последний бой, он трудный самый” – вот где слова и мужественные, и задумчивые! Недаром певец природы и человечности Михаил Пришвин убеждённо писал: “Наука кормит людей, поэзия – сватает”. А вот подобное политиканство, да ещё в детских устах – разделяет, разводит во всех смыслах этого слова. Кстати, один комментатор задал хороший вопрос: почему Ленин в 53 – душа, а Путин в 63 – дядя Вова?

Помню, прозаик Сергей Михеенков написал в своей страничке Фейсбука: “Вот стихотворение, создав которое, можно и умереть. Ибо для литературы достаточно. Автор его поэт Михаил Анищенко (Шелехметский) (1950–2012):

*День Победы. Смертная тоска.
Как вагон, Россию отцепили...
Подменили даты и войска,
И героев павших подменили.
Мир спасён. Америке — виват!
Для России — водка и корыто.
Что ты плачешь, маленький солдат,
За проклятым Одером зарытый?”*

На этот плач, расслышанный поэтом, Россия откликнулась Бессмертным полком. Его тоже стремятся и оболгать, и забюрократизировать, и приспособить для погибших “детей Арбата”, но героев павших подменить – не удалось, слышишь, Михаил? А вообще-то краеугольным камнем для укрепления гражданственности поэзии остаются слова Виссариона Белинского, которого я, открыв в дерзкой молодости Аполлона Григорьева и других столпов русской мысли, помню, тоже сбрасывал с корабля современности: “Сила гениального таланта основана на живом, неразрывном единстве человека с поэтом. Тут замечательность таланта происходит от замечательности человека как личности,

как природы... Самобытность поэтических произведений есть отражение самобытности создавшей их личности". *Неистовый Виссарион* пишет о силе гениального таланта, но хоть частицей этой силы обладает, уверен, всякий самобытный талант. Это завещано нам классиками, и порой настоящие стихи обретают высоту, опираясь даже на отзвук и ответ великого. Для меня равноценны и равно гражданственны и стихи эмигранта Георгия Иванова:

*Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!..
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.*

И строки нашего современника Анатолия Аврутина, живущего в братской Белоруссии:

*Ни ветерка... Молчит кукушка...
Простор безмолвствует, крича:
"Отчизна — это Русь и Пушкин...
Да белый ангел у плеча".
И чудится, что ангел белый
Перо над крышей обронил.
Пушкинки кружатся несмело...
Пу-шин-ки... Пушкин подарил...*

У нас, у тех, кто постарше, есть и свои подарки — классики-современники. О них с болью, справедливо, хотя и с понятным креном, Олеся Николаева написала в эссе "Холодная зима": "Кое о чём я вспоминаю с ностальгической тоской. Например, о том, что принято называть "литературным бытом": весь этот котёл писательских взаимоотношений, дружб, битв, дуэлей, амбициозных столкновений. Встречи, выступления, вечера поэзии, обсуждения, застолья, чтения стихов "по кругу", кухни, мастерские художников, подвалы истопников, "ты гений, брат!", "твои стихи — говно!", цедеэзьские посиделки, писательские поездки по всему пространству одной шестой суши... Молодому поэту можно было подойти к мэтру после его творческого вечера и за просто протянуть ему рукопись со стихами или напроситься в гости, чтобы там почитать своё и узнать мнение эксперта... И так подходили, и просили, и знакомились, и бывали в гостях, и получали напутствие, а то и "врезку" для публикации в солидном журнале, а то и рекомендацию в Союз писателей, а то и просто крепкую дружбу. Можно было обратиться к Давиду Самойлову, а можно — к Арсению Тарковскому; можно — к Юрию Левитанскому, а можно — к Александру Межирову; можно — к Александру Кушнеру, а можно — к Инне Лиснянской; можно — к Евтушенко, а можно — к Вознесенскому (можно и дальше "умножать сущности", но зачем?)".

Ну, затем хотя бы, что существовал другой круг поэтов, в который никак не входил ленинградец Кушнер, но к которому, например, всегда подходил я, был награждён их вниманием и дружбой: Виктор Боков, Станислав Куняев, Михаил Луконин, Николай Старшинов, Егор Исаев, Николай Тряпкин, Лев Ошанин. Песни последнего, если вернуться к словам Гоголя, ценили собратья из разных списков. Кстати, в Центральном доме работников искусств 14 декабря 2017 года прошёл после периода некоторого забвения вечер, посвящённый 105-летию Льва Ивановича, моего наставника по Литинституту.

Очень часто, конечно, я подходил и приходил в гости к моему учителю и человеку двух лагерей Владимиру Соколову. Невольно вспомнил о нём, прочитав стихотворение Лидии Григорьевой из Англии "Тоска по снегу". Оно начинается так:

*Как много красоты в заброшенной аллее:
и снежные цветы, и вьюжные лилеи,
молочные стога, вся в белых перьях липа —
глубокие снега, любимые — до всхлипа...*

Откликнулся: "Да... "Весь в перьях сад. Весь в белых перьях сад... Бери перо любое наугад..." Так писал Владимир Николаевич Соколов. Стихотворение с липой "в белых перьях" я сбросил в профессорскую папку — для очередного

разговора со студентами о Поэзии. Мастерское стихотворение, формально безупречное, с ассоциациями, аллитерациями и приёмами – до изысканной рифмы: Арзрума-погрома... А холодное, как Альбион, и чувство живое – не пробивается, не овекает. Может, потому, что, утопая в русских стихах, вижу, как мало тут Поэзии... Не знаю – загадка. Лида, наверное, обиделась, но ответила: “Саша, стихи Соколова всегда звучат во мне – вошли в состав крови. Его СНЕГА волшебны и неповторимы. Остальное – читательский взыскательный взгляд. Кого-то “пробивает”, кого-то нет. И виноват тут не поэт...”. Да, не виноват – повторим слова Чаадаева: “Слово звучит лишь в отзывчивой среде”.

Среда! Волшебное, утраченное понятие. Дико было читать на писательском сайте слова Бориса Агеева: “Удивительные дела творились в советскую эпоху! Представим: в трудовой книжке написано “поэт”. Ездил в командировки на Крайний Север, в горячие цеха на Горьковском автозаводе, познавал жизнь, отображал её в произведениях. Не знаю, встречали ли его на Олимпе цветами или били дубьём, но книжки издавали в порядке очередей. Ему же полагался отпуск, больничные, а кому и декретные. Отдыхал от трудов в Пицунде, или под боком у Волошина, Максимилиан который. Был же Богом помечен, но часто не выдерживал требований народных, потихоньку спивался. И вот на могильной плите надпись: NN такой-то, “поэт”...”. Просто бред какой-то! Ответил: “У кого было написано в трудовой книжке “поэт”? Что за антисоветская дурость? Ну, ездили, выступали. И сегодня, пусть и меньше, и порой на свои – ездим, встречаемся с людьми, познаём Россию. И стихи публикуем. Только раньше Юру Кузнецова, Колю Рубцова, Борю Примерова, Толю Передреева и других выдающихся русских поэтов брали на Дни литературы или выступать посылали за скромный гонорар, а сегодня раскрученный Дмитрий Быков ездит на все зарубежные салоны, выступает в ЦДЛ за огромные деньги, а у Веры Полозковой даже есть свой коммерческий директор! Она сама – горячий цех по производству бабок. И что, поэзия ярче стала, стихи знает и любит Россия?”

Зато теперь вырождение гражданской и даже бытовой поэзии, если так можно выразиться, демонстрируют нескончаемые верлибры журнала “Воздух”:

*Думаешь купить еды на двадцатку,
покупаешь на сороковник.
Супруг комментирует философски:
“Всё течёт, деньги — жидкость”.
Думаешь, будет дождь, уже осень.
Теплынь на улице, солнце шпарит, в меду листья.*

Марина Тёмкина

Это не просто наводит скуку и отвращает от строчек в столбик, но и вызывает вопрос: что сегодня можно купить на двадцатник и даже – на сороковник? Ну, выковыряла откуда-то нафталинные строки с фразеологизмом из Маяковского “солнце шпарит” – так хоть реальными детальками дополни!

Юрий Кублановский даёт менторское, “столичное” интервью:

– Патриотическая поэзия – какой она должна быть?

– Я не думаю, что поэзию надо классифицировать и делить на патриотическую, религиозную или любовную. Нет таких разделений. Поэзия должна быть органичной, и органично в неё входят самые разные элементы... Тот, кто в каждом стихотворении пишет про берёзки и про любовь к родине, как правило, пишет в целом глубоко провинциальную лирику, которая не переживёт наше время (?! – **А. Б.**). Настоящие шедевры тут создаются нечасто: например, отдельные (“отдельные”, а у Кублановского, выходит, все? – **А. Б.**) стихи Есенина, Рубцова. Они прекрасны, и прекрасны не столько потому, что они патриотичны, но потому, что они высоко талантливы.

*— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.*

Строфа Николая Рубцова – на века. Казалось бы, ну, что тут патриотичного? А ведь здесь вся наша родина”.

Кстати, Рубцов очень много писал и про берёзы, если Кублановский не читал... Но одну фразу лауреат Солженицынской премии произнёс знаменательную: “Мы все думали, что коммунистическая цензура вредит литературе, а нашёлся зверь пострашнее...” Не расшифровал, но и так ясно. Конечно, нужна, прежде всего, нравственная цензура, потому что можно обгадить не только берёзки, но и яблоны. Любимец тусовки некто Радионов написал стихи про московские яблоны:

*стоят они, красавицы писанные,
в мае они — как белые подопытные мыши...
Под яблонями севера города много писают,
зато никто про них ничего не напишет...*

Он просто написал, а кто-то “под яблоны” — на его книги! — во время презентации с пьянкой и впрямь насс... написал.

Александр Чистяков, директор фестиваля “Мцыри”, председатель Русского литературного общества, который широко печатается, сетует в той же “Литературке”:

*Мы зачем-то совсем разучились писать между строк.
Вроде время пришло, чтобы снова припрятать мыслишки
И, как прежде, копить дневниковые записи впрок,
А для хлеба насущного делать попсовые книжки.*

Да ты пиши хоть между строк, хоть в лоб, но только с искренней болью — тогда попадание!

ПОПСА И БОЛЬ

Ещё одно доказательство того, что поэзия оказывает огромное магическое воздействие в периоды потрясений — бесхитрое, но подлое стихотворение юной Насти Димитрук, которое стало гимном Майдана и всей дальнейшей антироссийской истерии. Эти примитивные, малость истеричные строки стали попсовым попаданием и сделались самыми цитируемыми:

*Никогда мы не будем братьями
Ни по родине, ни по матери.
Духа нет у вас быть свободными —
Нам не стать с вами даже сводными.*

С ней стали дискутировать в российских СМИ и сетях, чуть ли не вразумлять её, а она просто напыщенно зарифмовала на примитивном уровне то, что витало в воздухе Майдана, было начертано на плакатах и произносилось хриплыми от простуды и горилки голосами. Как раз зачастую в реальности (а не для примитивной рифмы) матери у майдануток молодых, как и у их российских инфантильных ровесников, — русские, а родина — точно одна: ведь Украина — вообще пародия на Советский Союз с отделами пропаганды и в придуманном окружении неких врагов и мнимых “друзей”.

*Вы себя окрестили “старшими” —
Нам бы младшими, да не вашими.
Вас так много, а, жаль, безликие.
Вы огромные, мы — великие.*

Наверняка Анастасия не слышала ни разу про старших братьев из России, никто так допотопно себя лет сорок уже даже в шутку не называет — нелепый штамп неведомых ей времён. Потом девушка и вовсе в азарте сбивается на другой адресат:

*Никогда вы не будете братьями!
Нам нацисты — враги беспородные,
И не смейте себя, предатели,
Называть Украинцами кровными.*

Так это она, оказывается, жителей Новороссии, словно в бреде, клеймит? Как бы там ни было, украинцев пока ещё много с обеих сторон – и нацистов, и антифашистов, а уж безликих-то... Посмотрите на правительство Порошенко, на депутатов Рады, на чиновников, на участников телепрограмм Киселёва и украинских гостей Соловьёва. Господи, из какого сундука их достали? Правда, и оппоненты их – многие российские депутаты и политологи на бесконечных трэп-шоу – ничуть не лучше. Кунсткамера!

Ну, а молодая поэтесса Майдана, автор стихов “Никогда мы не будем братьями...”, разочаровалась в революции, стала выкладывать беспомощные вирши:

*Маски сорваны. Суки лживые,
“Грады”, мины, за боем бой.
Только мы уже не игривые —
Теперь хищники мы с тобой.*

А потом “хищница” и вовсе смылась из постреволюционной неньки в тихую и спокойную Прагу. Так поступают многие “онижедети”, разваливавшие Украину за печеньки. Публикуя своё русофобское стихотворение в интернете, молодой автор даже не подозревала, что за одну ночь её жизнь кардинально изменится, её даже в депутаты стали звать. И вот спустя три года после революции растоптанного достоинства Дмитрук в Праге представила свою книгу “Это моя и твоя война”. После Майдана в жизни Анастасии Дмитрук, которая была преимущественно русскоязычной, началась активная украинизация. Однако, по словам автора, “произведения редко дают выбирать, на каком языке их написать”. “Есть очень много людей, которые идентифицируют себя как украинцы и делают огромные дела во имя Украины, при этом говоря по-русски”, – уверяет авторка в ответ на мовные квоты, введённые парламентом. Явно Порошенко, подписавший закон о тотальной украинизации медиаполя и образования, наступил на горло песне Насти Дмитрук, оттого она и свалила из демократической и свободной Украины в Европу. Во время своих выступлений в различных учебных заведениях и частях Дмитрук всегда напоминала, что страну создали люди, которые в ней живут. “Своими мыслями, словами, поступками, мечтами, целями, которые ставим, – именно это и есть Украина, в которой мы хотим жить”, – взывала она. Правда, развивать в гражданской лирике эту тему Дмитрук не стала, предпочтя Прагу постмайданной столице Цеевропы.

А на Майдане ведь были и настоящие гражданственные строки, пронзительные, например, стихи Ольги Кашпор, украинской тележурналистки:

*Мальчиков укрывают флагом. С головой.
Не вой, дура, говорю. Твой — живой. Живой.
Он такой же, как они — тоже рвётся в бой.
Долго трубку не берёт. Но не вой. Не вой.*

*Мальчиков кладут рядком. Пряж на мостовой.
Лиц не видно. Не смотри. И не вой. Не вой.
Твой такой же — как они — на передовой.
Разбирает мостовую по кускам. Живой.*

*Мальчиков выносят строем. Траурный конвой.
Не считай. Зажмурься. Помни, Бог с тобой.
Он придёт. Под утро. Мятый и седой.
Ты отпустишь снова. Просто жди. Не вой.*

Жалко, что истинный, нервный талант отравлен губительной пропагандой... Но эта боль стучится в славянское сердце, и где-то далеко, на северных просторах, киевской Ольге отзывается Ольга Корзова из Архангельской области, которая недавно получила премию “Имперская культура” за книгу “На широких ветрах”.

*...И я, подобно веткам краснотала,
хранящим до поры речной покой,
далёким листьям в лад затрепетала
на берегу над северной рекой,
как будто и моя открылась рана,
и надо мной взметнулось вороньё,
и стрелы украинского майдана
летят сквозь сердце русское моё.*

Это пронзённое сердце нельзя путать с базарной провинциальной открыткой или изысканной валентинкой в придуманный день влюблённых 14 февраля накануне великого праздника Сретения. Это – родовая черта истинно русского таланта. Вологодский гражданственный лирик Виктор Коротаяев посвятил мне стихи:

*Ну, что же ты молчишь,
Мой самый чуткий друг?
Меня пугает тишь
И ранит
Каждый звук.
Всё это не теперь,
Конечно, началось...
Прикрой-ка лучше дверь,
И так слышать
Насквозь...
И вот теперь лежу,
Судьбой почти отпет.
О чём-нибудь тужу?
Да нет, мой милый,
Нет.
А плачу потому,
Что на исходе дней
Завидую тому,
Кто жил
Ещё больней.*

Он подтвердил в горьком послании незадолго до смерти истину, которую высказал Александр Блок: “Искусство, как и жизнь, слабым не по плечу!”
Гражданская поэзия – тем более слабакам не по плечу!

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА

КОСТЁР НА МОХОВЫХ ГОРАХ

К 100-летию со дня рождения Семена Ивановича Шуртакова

... Могучие сосны стоят на обрывистом берегу Волги, разбрасывают колкие шишки на песок. Отсюда, со стороны Моховых гор, видно, как раздольно раскинулась Волга, живописно зеленеют острова. На противоположном берегу Нижний Новгород и впрямь смотрится “царственно поставленным”. Моховые горы в начале прошлого века были местом вдохновения молодого писателя Максима Горького. На старых фотографиях он вместе с Федором Шалапиным и друзьями запечатлены в этих местах.

В начале семидесятых в одном из пансионатов на Моховых горах проводились семинары молодых литераторов, заявивших о себе первыми публикациями. Помню совсем юных нижегородцев Юрия Уварова, Александра Высоцкого, Татьяну Веселову, Сергея Жукова, кировчан Маргариту Чебышеву, Надежду Перминову, Анатолия Быстрова. Нас объединяло Волго-Вятское книжное издательство.

Не забыть хлестких, острых обсуждений наших рукописей. Не забыть ночных костров с песнями под гитару и стихами, стихами... Здесь, у костра, разворачивались беседы, можно сказать по истечении времени, важнейшие для формирования поэтических душ. И одним из наших старших собеседников был Семен Иванович Шуртаков. Он ловко подбрасывал сушняк в костер, высоко, казалось, до самых звезд, взлетали искры. Распахнутый, выдавший виды светлый плащ Семена Ивановича, словно крылья ночной птицы, парил у костра, мелькая то тут, то там. Здесь, на Моховых горах, я его увидела впервые, – энергичный, громкоголосый, глубоко убежденный в своей правоте и умеющий убеждать. Не раз бывал Семен Иванович на нижегородских семинарах молодых авторов, многие почувствовали его поддержку, было видно, что не покидает его ответственность за навсегда избранное дело – Литературу, а значит, и за литературную поросль.

Там, у костра, мы слушали в его выразительном прочтении стихи опальных, тогда не публиковавшихся поэтов Серебряного века. Как сейчас помню, сколь яркое впечатление произвело на нас “Слово” Николая Гумилева:

* * *

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...
Но забыли мы, что осияно*

*Только слово средь земных тревог
И в Евангелие от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.
Мы ему поставили пределы,
Скудные пределы естества.
И как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

Казалось, к каждому из нас обращался поэт. Здесь, на семинаре, особый афористический смысл обретали его строки: “Но забыли мы, что осияно, // Только слово средь земных тревог...” или “И как пчелы в улье опустелом, // Дурно пахнут мертвые слова”. Эти стихи невольно возвращали к твоим строкам, которые хотелось переписать, исправить, очистить от ненужной шелухи...

Семен Иванович страстно говорил тогда у костра о загоревшейся звезде прозаика Василия Белова, феномене молодых иркутян, покоровших литературную Москву, Валентина Распутина, Александра Вампилова, Вячеслава Шугаева.

Искры от костра взлетали в темное небо, освещали аскетически худощавую высокую фигуру Семена Ивановича, не устаяя подбрасывающего сушняк в костер. Его лицо сияло, плащ развевался, таким порывистым, вдохновенным, убежденным в своей правоте он оставался всегда. Семен Иванович рассказывал нам о поэтах, своих товарищах, читал их стихи, пробуждая наше любопытство: Владимир Солоухин, Николай Тряпкин, Федор Сухов, Николай Старшинов... Конечно, эти имена я, тогда студентка-филолог, слышала, их стихи читала, но как важно было там, на Моховых горах, обрести уверенность, чтобы двигаться дальше в нужном русле русской поэзии. Писатель Шуртаков, преподаватель Литературного института, сам дипломник одного из первых послевоенных выпусков этого вуза, был надежным путеводителем, и мы жадно прислушивались к нему.

Позднее я познакомилась со многими из поэтов, кумиров юности, а в памяти не погас тот костер и наш первооткрыватель, воспламенивший преданность отечественной литературе, писательскому труду, ответственности за сказанное слово. Семен Иванович умел пробуждать чувство родства между нами, учениками, и поколением старших товарищей, наших уважаемых писателей — в основном это были фронтовики, чьи судьбы безжалостно опалила война.

В одной из автобиографических записок Семен Иванович Шуртаков рассказывает о своем детстве в селе Кузьминки Сергачского района Нижегородской области: “В семь лет ездил в ночное, в восемь боронил, а в девять — уже умел пахать”. Типичная биография его поколения. Но грянула Великая Отечественная война (он служил на Тихоокеанском флоте), потери товарищей, народные страдания, обнищание родной деревни заставили переосмыслить свою жизнь. Захватила тяга к чтению и писательству.

Спустя годы в памяти крестьянского сына не стерлось то детское ночное. “И с вечера, — вспоминал Семен Иванович, — пока темнело, до нас какое-то время еще явственно доносились привычные звуки засыпающего села. Но вот ночь окончательно опустилась на землю. И все кругом постепенно глохло, заморало. Слышалось только, как время от времени фыркают да позванивают колокольцами-боталами стреноженные кони. Сухо проскрипит в устоявшейся тишине коростель, позовет спросонья “поть-полоть!” перепелка, и опять ни звука”.

В предисловии к сборнику С. И. Шуртакова Михаил Алексеев (он назвал предисловие “Поэзия жизни”) пишет, размышляя над рассказами “Несмолкаемая песня”, “Кузьминские сады”, “Возвратная любовь”, “За все в ответе”: “... писатель будто говорит нам: пристальнее всматривайтесь в жизнь, будьте ее активными участниками, находите интересных людей — их великое множество! — делайте их своими близкими друзьями, и ваша собственная жизнь обретет более глубокий и радостный смысл, ибо вы станете богаче, а значит, и щедрее душой”.

Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1987), премию он вложил в сооружение в родном селе Кузьминки памятника землякам — защитникам Родины, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Фамилии, высеченные на памятнике, ему были знакомы с детства: с этим дружил, ходил в ночное, с этим жили по соседству...

Говорят, многое в человеке может с годами измениться, только не интонация речи. Так и у Семена Ивановича навсегда осталась тяга к родным местам

и интонация оставалась особенной, кузьминковской. Он никак не хотел отделяться от своих односельчан, и от тех, кто жив, и от тех, кто пал на полях сражений. Сюда, в свой скромный домик без особых удобств, приезжал из уютной московской квартиры каждый год и жил от весны до глубокой осени. Семен Иванович не умел долго “сиднем сидеть” за письменным столом. Общался, ездил по окрестным знаковым для литературы местам, был родным человеком в пушкинском Болдине, Арзамасе, Нижнем Новгороде.

Страстное слово Семена Ивановича звучало и в селе Григорове на открытии памятника протопопу Аввакуму, первому писателю земли русской (скульптор Вячеслав Клыков). Село Григорово, родина Аввакума, в 50 километрах от Сергача, неподалеку от известного Макарьевского монастыря на Волге. Благословенные для русского сердца места.

Неотступная мысль о путях-перепутьях Отечества никогда не покидала Семена Ивановича, которого современные русские писатели справедливо считали и считают одним из подвижников русского слова. Всегда легкий на подъем, охотно ездил он по городам и весям России, был желанным гостем в писательских организациях.

Неутомимый, он немало энергии отдавал и празднованию Дня славянской письменности и культуры, неустанно напоминая в своих статьях и устных выступлениях об истоках нашей духовности, о том, что русская культура наследует древние и великие традиции славянской культуры. В Сергаче праздник Славянской письменности и культуры стал поистине всенародным, впечатляющим. Конечно, это произошло не само собой, а при постоянной, усердной, порой навязчивой пропагандистской работе писателя со школьниками, читателями библиотек района. Сергачской районной библиотеке, куда писатель сделал немалый книжный вклад, присвоено имя С. И. Шуртакова.

Умудренный жизнью, много испытавший и повидавший, создавший знаковые для России и всего славянства произведения “Возвратная любовь” и “Одолень-трава”, он был и остается для нас образцом верности отеческим святыням. За подвижническую деятельность С. И. Шуртаков награжден Золотой медалью В. И. Даля, орденом Преподобного Сергия Радонежского.

... Не забыть мне последней встречи с Семеном Ивановичем. Это было в 2013 году в Болдине на праздновании дня рождения А. С. Пушкина. Знали, что он приехал на лето в Кузьминки, но никто не ожидал, что у него в 95 лет хватит сил на довольно долгое путешествие в Болдино. Все равно надо было пригласить. Не пригласили. Он появился неожиданно, поднялся на сцену. Представлять Семена Ивановича не было необходимости, и болдинцы, и литераторы знали его хорошо. Зал замер в ожидании.

Это было выступление-завещание. Он наставлял нас беречь литературные традиции, сплоченный годами писательский союз, русские “толстые” журналы, наши праздники. И снова уместно прозвучало “Слово” Николая Гумилева: “Но забыли мы, что осияно // Только слово среди земных тревог...”. Только Слово! Приподнятое настроение Семена Ивановича передалось собравшимся, зал взорвался аплодисментами. Многим хотелось подойти к нему, пожать руку, пожелать доброго здоровья. Не удалось. Семен Иванович в сопровождении товарищей спешно уехал в свои Кузьминки. Оставив каждого со своими размышлениями.

Я возвращалась памятью в далекие семидесятые годы, на Моховые горы, когда слушала Семена Ивановича впервые. Когда всем нам, начинающим литераторам, передавалась его писательская страстность. Слушала его здесь, в Болдине, и убеждалась, что с годами не покинули его энергия, убежденность в своей правоте. Та же рука, протянутая навстречу, улыбка, кузьминковский выговор... Выступление длилось всего несколько минут, но осталось в сердце навсегда.

Нижний Новгород

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО
директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

1

Н. С. Хрущёв выступил со своим секретным докладом о культе личности на закрытом утреннем заседании 25 февраля, в последний день работы XX съезда. Днём раньше, 24 февраля в Ленинградском союзе композиторов состоялось творческое собрание композиторов по обсуждению романсов В. Салманова и В. Липатова на стихи С. Есенина. Годом-двумя раньше трудно было себе представить, что есенинские стихи привлекут внимание ленинградских композиторов, и уж тем более – коллективное обсуждение сочинений на слова Есенина. Мнения участников разделились и не только по отношению к прослушанным сочинениям, но и к самому поэту. Многие посчитали положительным явлением, что “композиторы стали работать на тексты Есенина, поскольку его поэзия незаслуженно была загнана в подполье. А сейчас по-настоящему обсуждают и говорят об этих произведениях”. Говоря о сочинениях композиторов, высказывали и своё отношение, своё понимание поэзии Есенина. Одни хвалили Липатова за то, что “здесь есть здоровый есенинский наскок и в то же время пережитки декадентства и импрессионизма, и русское, и всё это смешивается. Здесь это бунтарское настроение передано в цветах”; другие предпочитали романсы Салманова за то, что им взят “Есенин ранний, связанный с природой, с родиной, близкий нашему сегодняшнему дню”¹.

С довольно продолжительным словом выступил глава Ленинградского союза композиторов Василий Павлович Соловьёв-Седой. Когда-то, в 1930-х годах он сам обратился к есенинскому творчеству, ещё в 1930 году написал романс “Прощай, моя голубка” (“Зелёная причёска...”). В те годы на слова Есенина писал не только он, но и другие, близкие ему представители песенного направления в советской музыке, его друзья Иван Дзержинский, Тихон Хренников. Свиридов вспоминал, что они соревновались между собой, и ему однажды (году в 1937-м или 1938-м) пришлось быть своего рода рефери в соревновании на лучшее сочинение со словами С. Есенина. Но потом все дружно забыли поэта, многие – навсегда...

В. Липатов, пережив небывало громкую славу своего романса “Письмо к матери”, вынужден был испытать горечь незаслуженного унижения, его всенародно любимое творение было запрещено к исполнению в разгар кампании борьбы с “есенинщиной”. И вот теперь, в 1956 году Соловьёв-Седой, человек партийный, но и одновременно народный, высказал вдруг о Есенине какие-то

Продолжение. Начало в № 1,5,6 за 2016 год, № 6,8 за 2017 год.

свои, явно выношенные, незаёмные мысли. Немного коряво, немного с оглядкой на бывшие хулы официальной партийной критики, но, кажется, вполне искренне. “Мы, советские композиторы, очень запоздали с омузыкаливанием (ужасное слово из профессионального композиторского жаргона! — **А. Б.**) поэзии Есенина. Поэзия Есенина, в лучших его произведениях, стала давно уже народной, и сегодня нам очень трудно будет угодить народу музыкой на эти слова, потому что каждый эти стихи читает по-своему”². И далее он находит редкие для того времени высокие слова: “Стихи Есенина, благодаря своей русской лиричности, имеют большой отклик в душе русского народа”, “не следует забывать, что Есенин — это наш большой, народный поэт, что, может быть, через 20–40 лет на Есенина будет также легко писать, как на Лермонтова, Пушкина или других поэтов”. Затем, пожурив Липатова за то, что он Есенина трактует “в том плане, в котором он легко подаётся, в плане надрыва, цыганского романа, цыганских переборов”, придавая поэзии “несколько богемный стиль”, Соловьёв-Седой выказывает своё главное, пронесённое в душе отношение к поэзии Есенина, защищая поэта от наветов, которые долгое время преследовали его имя. “Для нас Есенин — это не Есенин-хулиган, несмотря на то, что в его жизни было много хулиганских поступков. Для нас Есенин дорог тем, что он один из немногих русских поэтов после Пушкина и Лермонтова, сумевших так высоко подойти к лирическому высказываниям. Когда он обращался к женщине и говорил о своей большой тоске, о своей большой любви и непонятности. И эта большая его любовь, и большая его непонятность — вот что должно быть идеалом для нас, композиторов, а не то, что он кого-то ударил и устроил какой-то пьяный скандал”.

Потом Соловьёв-Седой подметил с его точки зрения недостатки романсов Салманова. “Салманов немножко обескровил Есенина, <...> не почувствовал в Есенине живого, большого настоящего человека, который гораздо выше в своих лирических высказываниях, чем это мы знаем из праздных разговоров”³.

С реплики на выступление Соловьёва-Седого начал композитор-любитель Г. Сипун, личность одиозная, чудаковатая, порой не чуждая демагогии в душе времени. К примеру, в 1948 году он предлагал композиторам писать вместо сонатин “советины”. “Соловьёв-Седой сказал, что, может быть, через 40 лет запоют. Почему так сказал? Потому что Есенин был фактически запрещён. Кем? Проходимцами, не умеющими ценить настоящей поэзии, пробравшиеся к фронту поэзии и её руководству”.

Есенин был очень популярен среди военных, особенно прошедших войну. Не был исключением и Григорий Степанович Сипун, боевой офицер. “Есенин является честнейшим поэтом России, — продолжил свой спич майор, — откровеннейшим поэтом, писавшим то, о чём думал, о чём волновался, что наблюдал и как понимал, и он именно не “лакировался”. Ошибался ли Есенин? Безусловно, ошибался. Значит ли это, что ошибки Есенина в какой-либо степени давали нам право забыть Есенина, замолчать Есенина так непозволительно и непростительно? Конечно, это неправильно. Я живу в Ленинграде 23 года и за эти 23 года впервые слышу романсы на стихи Есенина. Это необычное явление, но весьма отрадное, желательное и, конечно, достойное всяческого поощрения и поддержки со стороны всех, кто действительно любит настоящую поэзию России, какую нам оставил в наследство Сергей Есенин”⁴.

В романсах Салманова и Липатова Сипун подметил “один общий недостаток — в различной степени, но отсутствует русское начало в музыке” и “мелодического богатства в достаточной мере обнаружить нельзя”. В конце своего выступления Сипун предположил, что “мы имеем дело с началом распева Есенина. Впереди ещё на эти тексты композиторы напишут много романсов, песен, а может быть даже и хоров”.

Композитор-песенник Г. Носов коснулся темы есенинской традиции в советской поэзии: “...не нужно забывать, что Есенин является основоположником всего свежего, что есть, было и будет в советской поэзии, потому что если проанализировать стихи Прокофьева, Исаковского и многих других советских поэтов (и Симонова, и других), то школа это или не школа, но приёмы Есенина остаются”.

Резким контрастом выступлениям композиторов стало заключительное слово музыковеда А. Н. Должанского, автора известного труда о ладах Шостаковича, главы секции критики и музыковедения в Ленинградском союзе

композиторов. Он посетовал, что “несколько раз говорили о поэзии Есенина как о чисто русской поэзии”, и назидательно напомнил собранию, что “национальный характер никогда не следует отделять от классовой принадлежности. Не может быть русского человека вообще, вне определённой классовой идеологии. <...> Широта характера как национальная черта у русских крестьян выражалась в революционных бунтах и в известных бесчинствах русских купцов <...>. Нам необходимо всегда связывать национальный характер с определённой формой его классового выражения и изъяснения. Если мы этого не будем делать, мы можем незаметно для самих себя попасть в плен чуждой нам идеологии, попасть в плен “родного” нам национального характера, принадлежащего враждебной нам классовой идеологии”⁵.

Такая вульгарно-социологическая “отрыжка” конца 1920-х – начала 1930-х годов, сродни бухаринским “Злым заметкам”, по отношению к Есенину выглядела в 1955 году уже неким анахронизмом. Всё же время давало о себе знать. Даже такой строгий литературовед, как Л. И. Тимофеев, автор учебника “Русская советская литература”, в первый раз упомянувший имя поэта только в девятом издании его, и тот был не так беспощаден, признав некоторые достоинства поэзии Есенина. Не забыв упомянуть вначале известные слова М. Горького (“Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии...”), Тимофеев отчитал поэта за то, что он “не сумел противостать враждебным идеологическим влияниям”, был подвержен “упадочническим настроениям” и что его стихи “замутила большая тема пьяной удали, кабацкого разгула”. Однако это не помешало ему в конце своей краткой характеристики “сложного и во многом противоречивого поэта” заметить, что “его лучшие стихи о русской природе, о чистой и светлой любви живут и будут жить в нашей поэзии”⁶.

Что могли знать композиторы и музыковеды из последних к тому времени изданий произведений Есенина и современных оценок его творчества? После войны (1946) вышли небольшими тиражами сборник, подготовленный ещё до войны С. А. Толстой-Есениной⁷. Затем П. Чагин сумел опубликовать в 1952 году сборник “Избранное”⁸, а в 1953 году выпустить том стихотворений в малой серии “Библиотеки поэта”⁹. В последнем издании была впервые опубликована статья К. Зелинского.

Члены Союза ленинградских композиторов могли познакомиться с другой вступительной статьёй К. Зелинского, помещённой в первом томе сочинений Есенина в двух томах, изданных в Москве в феврале 1955 года¹⁰. Перед выходом этого издания К. Зелинский рассказал о нём в беседе с корреспондентом газеты “Труд”¹¹. По поводу выхода в свет этого издания критик С. Гайсарьян выступил с большой статьёй “Сергей Есенин” в Литературной газете¹². В 1956 году в Ленинграде были изданы однотомники в обеих сериях “Библиотеки поэта”. В издании большой серии была помещена вступительная статья А. Дымшица¹³. Оба издания малой серии не сопровождались вступительными статьями¹⁴.

В том же 1956 году был переиздан двухтомник 1955 года, и опять в этом издании была перепечатана статья К. Зелинского¹⁵. В 1956-м и 1957 годах произведения Есенина вышли в свет в Хабаровске¹⁶, Новосибирске¹⁷, в Киеве¹⁸. Чуть позже творческого собрания в ЛОССК, в третьем номере за 1956 год журнала “Новый мир” появилась статья М. Щеглова “Есенин в наши дни”¹⁹. Так что композиторы и музыковеды Ленинграда в начале 1956 года могли не только познакомиться с новыми изданиями стихотворений и поэм С. Есенина, но и с новыми “установками”, более щадящими, можно сказать, либеральными толкованиями творчества поэта.

Так как нам ещё придётся далее коснуться проблемы трактовки есенинского творчества и его отдельных произведений, то позволю напомнить читателю историю отношения к Есенину в нашем литературоведении шестидесятилетней давности. Вступительная статья К. Зелинского в первом томе двухтомника 1955 года обозначила новую веху в есениноведении, и для своего времени она была шагом вперёд в сравнении с зубодробительной “критикой” напостовских ревнителей чистоты советской литературы или с “квалификацией” Есенина, данной Н. И. Бухариным в “Злых заметках”, судя по всему так запавший в душу искусствоведов типа А. Н. Должанского. Тот же П. Чагин, К. Зелинский, А. Дымшиц, С. Гайсарьян, молодой Ю. Прокушев и другие литературоведы и критики пытались не столько проанализировать и описывать поэзию Есенина

как таковую, сколько оправдывать и реабилитировать самого поэта. По сути, это было не академическое литературоведение, а своеобразная художественно-политическая адвокатура.

Главным мотивом оправдания Есенина стало признание поэтом советской власти, его лояльность к этой власти, а весь его творческий путь рассматривался как процесс постепенной “советизации” его поэзии. Кульминацией его творчества считались стихи и поэмы, созданные поэтом с конца 1923-го до первой половины 1925 года, такие как “Баллада о двадцати шести”, стихотворение “Капитан земли”, цикл “Русь советская” или поэмы “Гуляй-Поле” и “Анна Снегина”. Как писал в своей вступительной статье К. Зелинский, “основным, решающим, что резко отделило Есенина от всего буржуазно-декадентского лагеря, было полное и безоговорочное признание поэтом советской власти и выражение готовности служить своим творчеством народу”. А. Дымшиц выделяет конец 1923 года как начало нового этапа в творчестве Есенина. Как он пишет в предисловии к изданию произведений С. Есенина в серии “Библиотека поэта”, “1924–1925 годы – время наивысших творческих достижений Есенина. В эту пору существенно расширяется круг его лирических тем, создаются великолепные стихи, которыми поэт приветствует новую жизнь деревни, возникают превосходные эпические произведения, появляются стихотворения, проникнутые горячей любовью к Коммунистической партии, к В. И. Ленину”.

9 марта 1956 года, то есть менее чем через две недели после секретного доклада Н. Хрущёва и творческого собрания в ленинградском Доме композитора по поводу есенинских романсов В. Салманова и В. Липатова, здесь же состоялось творческое собрание композиторов, посвящённое обсуждению ещё одного произведения на слова поэта – “Поэмы памяти Сергея Есенина” Г. В. Свиридова. Трудно сказать, что повлияло, новая ли атмосфера, которая только-только стала складываться после XX съезда партии, сама ли поэма в авторском исполнении, но собрание проходило совсем в иной тональности, нежели предыдущее, в конце февраля. Причём на сей раз между слушателями не было разногласий и противоречий, все дружно хвалили автора музыки. Разумеется, выступавшие должны были говорить не без оглядки, блудя “благонамеренность”, оценки были взвешенными. И тем не менее... Привожу без своих комментариев отрывочно несколько откликов.

М. С. Друскин (музыковед):

“Впечатление от прослушанного настолько сильно, что трудно говорить. Трудно говорить, как всегда, когда прослушаешь произведение большого идейного и художественного значения... <...> Юрий Васильевич Свиридов в своём вокальном творчестве открывает, на мой взгляд, неисхоженные пути. Он показывает жизнь народа, вскрывает существенные стороны жизни народа, показывает острые, драматические, подчас трагические коллизии в жизни народа... <...> Эта цельность художественного выражения, эта глубокая значимость при простых художественных средствах, которыми пользуется композитор, – всё это потрясает слушателя”.

Сохор А. Н. (музыковед): “...поэзия Есенина очень многогранна, как поэзия всякого большого художника, и естественно, что композитор вправе обратиться к разным сторонам творчества такого большого художника. И мне кажется, что правомерно существование самых различных произведений и самых различных решений этой поэзии – и в жанре чистой лирики, и в жанре эпического повествования, и <в> трагедии, и т. д. Для всего этого есть место у Есенина... <...> Привлекает то, что взята очень большая тема, взята главная, основная тема – “Поэт и Родина”, “Поэт и Революция”. Эта значительность темы заключается в том, что композитор взял основную и ведущую тему в творчестве Есенина, и то, что он её замечательно воплотил, заставляет нас отнестись к произведению с особым интересом и вниманием, делает произведение особенно значительным”.

Семёнова И. Н. (музыковед): “Мне кажется, что мы присутствуем при настоящем большом празднике в искусстве оттого, что мы сегодня слышали замечательное произведение Юрия Васильевича Свиридова. Мне не хочется говорить о том, какими средствами сделано это произведение, какие употреблены краски, ритм, мелодия, потому что это произведение совершенно исключительное по своей художественной ценности, по красоте мыслей и чувств, в нём заложенных. В этом произведении такое грандиозное содержание,

столько души, сердца, мыслей и настоящей глубокой человечности, которой мы давно не слышали в произведениях наших композиторов”.

Раабен Л. Н. (музыковед): “Юрий Васильевич хоть и обладает не таким хорошим голосом, но удивительно захватывает своим исполнением. Как у него образно звучит рояль, как образно звучат паузы! Такая содержательность исполнения требует очень большой ответственности от исполнителя. Юрий Васильевич поставил перед исполнителями огромной творческой трудности задачу”.

Гозенпуд А. А. (музыковед): “Мне кажется, что глубина, содержательность и яркость этого произведения достигнуты не только тем <...>, что верно взята центральная тема творчества Есенина – тема Родины, России, тема перехода старой, крестьянской, избяной, усадебной России на пути в новое, то, что ведущая тема творчества Есенина раскрыта с необычайной глубиной и силой, совершенно очевидно, а может быть, она раскрыта даже с большей силой, ибо если бы композитор ограничился иллюстрацией к отдельным стихотворениям Есенина, это было бы хорошо, если бы они находились на уровне поэзии Есенина, однако композитор сумел не только прослушать музыку, заложенную в стихах, но и обогатить её музыкально. В этом смысле эмоциональное и образное содержание поистине великолепны! <...> Мне здесь вспоминаются слова одного покойного теоретика Яворского, сказанные о музыке Рахманинова. Мне кажется, эти слова, которыми он пытался определить музыку Рахманинова, в наибольшей мере подходят к циклу:

“Ощущение необычайной равнинности, колокольной и свирельной, когда само пространство, сам образ родины начинает звучать с необычайной правильностью и чистотой”. Повторяю, я был счастлив, что получил возможность познакомиться с превосходным циклом Юрия Васильевича, и хочется поздравить его и советскую музыку с огромной удачей и сказать, что этому циклу тесно в пределах цикла, написанного для одного голоса и фортепиано. Этот цикл требует и оркестра, и, может быть, участия хора”.

Леви Н. Н. (композитор): “В последнее время часто говорится о том, что у нас бывают безликие и серые песни и что в целом ряде камерных произведений вокального жанра как будто бы стирается почерк композитора. Это происходит потому, что авторы недостаточно глубоко и ярко индивидуально умеют читать тексты, а Юрий Васильевич обладает этой способностью, причём всё время возрастающей, ибо по сравнению с циклом на слова Бёрнса это ещё шаг вперёд в смысле глубокого и индивидуального прочтения и очень глубокого индивидуального видения мира...”.

Салманов В. Н. (композитор): “...в отношении цикла Есенина меня больше всего поражает и волнует то ощущение настоящей русской музыки, которое мы давно не слышали, хотя создавался целый ряд сюит, симфоний и т. д. Это непередаваемое ощущение подлинно русского народа, пейзажа, всей картины России больше всего покоряет меня в этом цикле. Такое проникновение в национальное зерно очень давно не появлялось на страницах наших партитур и клавиров. <...>. Есть ещё один момент, над которым стоит призадуматься композиторам, которые работают в песенных жанрах. <...>. Это отбор им минимальных средств, которыми он воплощает максимальное содержание. И с этой точки зрения меня поражает скупость, которая есть и в гармонии, и в мелодии, и в фактуре аккомпанемента и которая позволяет слушателю ощутить полноту, жизненную силу образов, которые встают в данный момент, когда мы слушаем тот или иной романс”.

Подводя итог собранию, глава Ленинградского союза композиторов **В. П. Соловьёв-Седой** поздравил Свиридова, найдя хорошие напутственные слова: “Я уже поздравлял в своё время Юрия Васильевича с его циклом на слова Бёрнса, который, может быть, в некоторых своих страницах является более знаменательным для широкого слушателя. Но что касается данного цикла, то он меня покорил. Я снова почувствовал в Юрии Васильевиче большое сердце русского художника, и мне хочется ему тоже пожелать, чтобы он с этого пути никуда не сворачивал: именно здесь его настоящий путь! Здесь он по-настоящему проникновенно может будить самые лучшие мысли у людей, и его задача как художника эту миссию нести, никуда не сворачивая. Разрешите мне поздравить ещё раз Юрия Васильевича с замечательным произведением и поблагодарить вас за все те мысли, которые по этому поводу были сегодня высказаны”²⁰.

Был ли А. Н. Должанский на этом собрании, сказать сейчас невозможно. Так как собрание было общим, то в стенограмме не указаны присутствовавшие. Среди выступавших Должанский не значился.

3 апреля 1956 года на заседании секретариата Союза композиторов СССР в Москве Свиридов показывал “Поэму” уже в законченном виде: для солиста, хора и оркестра²¹. К сожалению, найти стенограмму этого заседания мне не удалось²². Поэтому ограничиваюсь скупыми строками протокола заседания. Как отражено в протоколе, “высказывались гг. В. Виноградов, К. Молчанов, Я. Солодухо, Д. Шостакович, Ю. Шапорин, С. Аксюк, Г. Хубов, Т. Хренников”.

И далее по протоколу:

“ПОСТАНОВИЛИ:

1. Высказывавшиеся единодушно высоко оценили “Поэму” и рекомендовали к исполнению в дни фестиваля советской музыки”²³.

“Поэма” была исполнена 31 мая 1956 года, оркестром Московской филармонии дирижировал Е. Светланов, пел Государственный русский хор, руководимый А. Свешниковым, солировал А. Масленников, которого Г. Свиридову порекомендовал Д. Шостакович. Как восприняли слушатели “Поэму памяти Сергея Есенина” на премьере, **что** они услышали в “Поэме” — можно только догадываться. Лишь один, косвенный источник даёт возможность отчасти понять это. Но о нём позднее. Так как “Поэма” была запланирована на открытие Второго съезда композиторов, а он не состоялся, произошёл, говоря языком спортсменов, фальстарт, то в Союзе композиторов не было ни заседания Правления, ни общего собрания актива после премьеры.

Практически глуха была и пресса. Кроме упоминавшейся ранее статьи Д. Д. Шостаковича в “Вечерней Москве” от 11 июня, ни одна из центральных или московских газет не откликнулась на премьеру.

А между тем прошло уже три месяца после оглашения секретного доклада. Обстановка в мире и стране сильно изменилась за это короткое время. В годовщину смерти Сталина 5 марта 1956 года в Тбилиси студенты вышли с его портретом на улицы и несколько дней ходили по городу с криками: “Слава великому Сталину”, “Слава вождю Сталину!” Проспект Руставели в течение нескольких дней был во власти агрессивно настроенных людей. Закончилось всё кровавым столкновением с военными, в ход пошли танки. Волнения были также в Гори²⁴.

В апреле текст доклада появился за границей²⁵ и стал предметом бурного обсуждения в правящих партиях социалистических стран, стал достоянием буржуазной прессы. Страсти разгорались не на шутку. Последовала смена руководства в некоторых странах соцлагеря, в июне вспыхнул мятеж в Познани, в июле в центр пошли тревожные сообщения о готовящихся событиях в Венгрии. Доклад Хрущёва оказался детонатором, приведшим к взрыву как в странах соцлагеря, так и во всём мировом коммунистическом движении. В компартиях западных стран обсуждение “секретного” доклада продемонстрировало, как пишет Карл Аймермахер, “путаницу, которая царила в умах как рядовых, так и высокопоставленных партийных функционеров”²⁶. И далее добавляет: “Даже во Франции и Италии, где у руля компартий стояли проверенные временем и закалённые в боях М. Торез и П. Тольятти, обстановка была крайне напряжённой”²⁷. 5 июня 1956 года полный текст доклада Хрущёва был опубликован в газете “Нью-Йорк таймс”. Как пишет Аймермахер, “с этого дня начался новый этап антикоммунистической и антисоветской истерии, нанесший очередной чувствительный удар по и так ослабленным компартиям”²⁸. Но страсти разгорались и в самом Советском Союзе.

Уже в марте 1956 года в ЦК КПСС со всех сторон поступала тревожная информация о партийных собраниях, где зачитывался текст “секретного” доклада, и о бурной реакции на доклад широкой партийной общественности. Беспорядочные письма шли из Эстонии, Казахстана, Узбекистана, Армении, с Украины от партийного руководства республик, из обкомов, крайкомов и горкомов КП²⁹. КГБ каждый день буквально забрасывал Президиум ЦК КПСС докладными (они были намного информативнее, честнее, нежели сглаженные и обтекаемые отчёты партийных организаций), в них скрупулёзно выписывались вопросы, которые задавались на разных партсобраниях, выступления членов партии, их поведение на собраниях и умонастроения. Сотрудники научных

институтов, студенты вузов, военные и рабочие стали задавать неприятные вопросы главам парткомов, выступления некоторых рядовых членов партии носили жёсткий, порой вызывающий характер, пугавший местное партийное руководство. Наверху пришлось реагировать методом давления и угроз, исключением из партии и снятием с работы, обходясь — пока — без арестов и других репрессивных мер³⁰.

Премьера “Поэмы” памяти Сергея Есенина прошла под занавес концертного сезона, наступило лето. И вот неожиданно 23 августа “Литературная газета” целый подвал отвела статье неизвестного критика Матиаса Сокольского (Гринберга), посвящённой “Поэме”³¹. Почему статья появилась именно в августе, через три месяца после премьеры, в “мёртвый сезон” концертной жизни? Каковы были причины её появления?

Сейчас трудно сказать что-либо определённое, была ли эта статья заказана или это был искренний “крик души” автора. Точно так же, как трудно сказать, какими мотивами руководствовался автор, что он хотел сказать? Сокольский много и давно писал о Шостаковиче, был с ним знаком ещё с 1920-х годов. Первым приветствовал оперу “Леди Макбет Мценского уезда” в 1934 году³², одним из первых ратовал за её возобновление в 1956 году³³. Конечно, критик знал о близких, дружеских отношениях между Шостаковичем и Свиридовым, о том, как относится Шостакович к “Поэме” Свиридова, наверняка читал его рецензию в “Вечёрке”. Тем не менее, написал статью, в корне расходящуюся в оценке “Поэмы” с мнением Шостаковича.

Примечателен сам факт, что статья о музыкальном произведении была опубликована в органе Союза писателей СССР. И хотя “Литературная газета” была общественной, но, безусловно, она курировалась Отделом культуры ЦК КПСС. Такого рода большой материал если и не был заказан самим Отделом, то, по крайней мере, его публикация была согласована в ЦК. Факт этот даёт основание полагать, что “Поэма памяти Сергея Есенина” вызвала широкий общественный резонанс и стала событием, выходящим далеко за узкие рамки “музыкальной жизни”. И, конечно, имея некоторое представление о направленности газеты в то время, когда во главе неё стоял писатель В. Кочетов³⁴, нетрудно догадаться, что не музыкальные достоинства, а идейное содержание “Поэмы”, выбор поэтического источника привлекли пристальное внимание и автора, и газеты.

Статью Сокольского невозможно рассматривать вне сложившейся в августе обстановки в стране. А она всё больше и больше накалялась. И пока на партсобораниях простодушные и откровенные рядовые члены партии выясняли вопрос, “где же был ЦК” и “кто виноват в культе личности больше, Сталин или окружающие его нынешние руководители партии”, пока возмущённая Ольга Берггольц критиковала постановления ЦК ВКП(б) 1940-х годов в области литературы и искусства, народ думал свою тяжкую думу о своём житье-бытье. И всё больше проявлял недовольство. Упомянули низкую зарплату, нищенскую пенсию, отсутствие продуктов. Сравнивали с жизнью в капстранах, старики — с жизнью до революции. И добрым словом поминали всё коммунистическое руководство, советский строй. Были и такие горячие головы, которые открыто заявляли: “Народ жаждет смены власти Советов”³⁵.

Революционное прошлое страны становилось “проклятым” вопросом настоящего. И в этой атмосфере брожения умов литература, в том числе и поэзия, как современная, так и старая, привлекала к себе пристальный интерес, читалась совсем иными глазами, нежели в недалёком прошлом. Стихи такого популярного в народных массах поэта, как Сергей Есенин, зазвучали с новой силой, заново открывались сыновьями и внуками тех крестьян, кто читал их по рукописным тетрадкам в лагерях ГУЛага³⁶. Вот в этой ситуации и В. Кочетов мог сам заказать и опубликовать материал о получившем широкую известность произведении на слова такого “сложного и противоречивого поэта” (Л. Тимофеев), как Есенин.

Уже в самом названии статьи Сокольского — “Поэты и композитор” — очевиден интерес критика, прежде всего, к поэтическому слову. Статья начиналась с оценки “Песен на слова Роберта Бёрнса”. Похвалив за перевод С. Маршак и положительно оценив цикл в целом (“Свиридов написал цикл превосходных романсов”), отметив песню “Возвращение солдата”, Сокольский всё же выразил намерение поспорить с автором, дав ему совет, как нужно читать и интерпретировать Бёрнса³⁷.

Впрочем, цикл на слова Бёрнса послужил Сокольскому лишь затравкой для большого разговора о “Поэме памяти Сергея Есенина”. В начале своего анализа “Поэмы” он находит слова одобрения. Правда, уже не в превосходной степени, на пониженных тонах: “Надо отдать справедливость, и поэма “Памяти Сергея Есенина” представляет большой интерес. Новое произведение захватывает слушателя”. Отметив значительность замысла “Поэмы”, найдя достоинства в понравившихся ему частях её, отдельные удачные, с его точки зрения, композиторские решения, Сокольский всё же приходит к решительному мнению: “. . . однако приходится констатировать: единого законченного произведения – поэмы, запечатлевшей облик Есенина, – на наш взгляд, у Свиридова не получилось”.

И в доказательство своего вывода критик приводит свою собственную трактовку узловых частей “Поэмы”, на которых и держится её концепция. Он критикует третью часть “В том краю. . .”: “Но вот третий эпизод цикла составляет стихотворение “В том краю, где жёлтая крапива” – о Руси, которая затерялась в Мордве и Чуди, о дороге <меж> сибирских гор, по которой идут люди в кандалах, – “все они убийцы или воры”. Для Есенина определённого периода стихотворение это, безусловно, характерно. А для правдивой картины старой Руси – достаточно ли только такой дороги в Сибирь?” И это писал критик, который в 1934 году приветствовал ту же самую дорогу на каторгу в последней картине оперы “Катерина Измайлова” Д. Шостаковича: “Наконец, трагический последний акт – песня и хор каторжан, – <...> это страницы вдохновенной музыки”.

Ещё более уязвимой критик считает вторую половину “Поэмы”, начиная с части “1919. . .”. Приведя поэтический текст этой части – “Ой, ты синяя сирень, голубой палисад, // На родимой стороне никто жить не рад”, – он замечает: “Для характеристики 1919 года, прямо скажем, маловато!” Но особенно от Сокольского достаётся финальной части “Поэмы”. “Заключительные звенья цикла – “Я последний поэт деревни” и “Небо – как колокол” – возникают совершенно неожиданно и звучат в полном отрыве от всего предыдущего”, “торжество смерти, как оно даётся в коде поэмы, не только не вяжется со всем предыдущим её содержанием, но и явно противоречит ему, <...> ждешь вовсе другого финала”.

Сокольский был умный, пронизательный критик. Конечно, он не мог пройти мимо четверостишия, которым композитор заключил финал “Поэмы” – “Небо как колокол”. Не знаю, заметил ли он, что Свиридов отказался от последнего завершающего стиха самого поэта, но отчётливо услышал подчёркнутую интонационно ключевую строку текста, в которой “Есенин “ради вселенского братства людей” провозглашал жертвенную гибель матери-родины и готов “радоваться песней” её смерти. . .”. Разочарованно Сокольский восклицает: “Как бесконечно далеко это от истинного понимания нашей революции!” И затем, уже решительно: “. . . в музыке Свиридова, в финальном хоре <...> не ощущаешь достигнутого перелома, нового качества. Это никак не песнь возрождения. И недаром про её тяжёлые немолчные набатные звоны хочется сказать словами самого Есенина: они как будто “панихидный справляют пляс. . .”

Резюме критика похоже на строгий прокурорский приговор: “Таким образом и выходит: смерть подводит итоговую черту в “Поэме” Свиридова. А ждешь вовсе другого финала”.

Когда внимательно вчитываешься в текст, порой кажется, что Сокольский прекрасно понимает, в чём смысл “Поэмы”, и намеренно критикует как раз те моменты в ней, которые и дают возможность понять замысел композитора. И третья часть, и “1919. . .”, и финал – все эти моменты являются опорными точками, на которых покоится образно-смысловой фундамент этого ораториального монумента. Именно в этих частях наиболее отчётливо проявилось эпическое начало “Поэмы”, именно здесь открывается сопряжённая с темой личной трагедии Поэта не менее важная тема “судьбы народной”, о чём, кажется, догадывается, но намеренно умалчивает критик. И даже не просто умалчивает, а пытается в некотором роде намекнуть композитору кое о чём, так сказать, в педагогических целях. Задав риторический вопрос: “Но как же так получилось?” – Сокольский в той же вопросительной форме весьма недвусмысленно намекает: “Иль, может быть, именно этого и хотел, <...> сознательно и стремился <к этому> в своей “Поэме” сам Свиридов,

и тут – как считают некоторые – даже особая заслуга композитора, не побоявшегося-де острой темы, обнажённой и горькой правды?”

“Как считают некоторые...”. Вот эта фраза – свидетельство того, что всё-таки на премьере среди слушателей были люди, которые понимали истинное содержание “Поэмы” и сочувствовали автору. В личном архиве Г. В. Свиридова сохранилось письмо музыковеда М. С. Друскина от 24 января 1959 года (в 1950-е годы они были в дружеских отношениях). Привожу фрагменты из этого письма: “Дорогой друг, идут дни, недели, месяцы. Много суеты, мало настоящих дел. <...> Как мне не хватает Вас в по-своему одинокой жизни!.. Утешаюсь Есенинской поэмой. Ко дню рождения ученики подарили мне магнитофон и проигрыватель. Приобрёл пластинки. <...>. Поэма Ваша хорошо записана. Только это не “поэма”, а “мистерия” или “Страсти по Есенину”. Так правильнее было бы назвать Ваше сочинение. Особенно волнуют меня № 2, 4, 9³⁸, Вознесение финала. Но в целом всё превосходно. Жажду услышать “Маяковского”³⁹. Много ли успели сделать? Но главное – здоровье. Вам ещё предстоит многое свершить и потому – пощадите себя. Ради нас. Ради всех, кто ищет правды в жизни и в искусстве. А Вы – из тех художников, которые помогают нам познать эту правду. За это и цену, и люблю Вас. <...> Ваш М. Друскин”.

Сам Свиридов позднее, уже в 1970-е годы выскажется о замысле своих двух завершённых ораторий – “Поэме памяти Сергея Есенина” и “Патетической оратории”: “И “Поэма”, и “Патетическая” суть “Страсти” по Есенину и Маяковскому, если можно так выразиться. Герой их – народ и Россия, сам же Поэт (не конкретные Маяковский и Есенин) как бы Евангелист, но не беспристрастный рассказчик, наподобие германского Евангелиста (из немецких “Страстей”), а Поэт, наделённый в каждом отдельном случае своеобразными и неповторимыми чертами человеческого характера”⁴⁰.

Именно такое содержание по разным причинам было, мягко говоря, не близко критику М. Сокольскому, именно такой правды опасались и партийные вожди. Трудно сказать по прошествии времени, что побудило критика проявить такую расторопную бдительность. Возможно, Сокольский знал о каком-то поступившем наверх “сигнале” о “Поэме”, что, собственно, и могло послужить поводом для написания статьи. Тем не менее, на дворе был август 1956 года, и в Отделе культуры ЦК КПСС были, вероятно, разногласия по поводу партийной “калибровки” “Поэмы”. Поэтому статья Сокольского была опубликована, что называется, в порядке обсуждения. Возможно, было негласное решение: “Поэму” “не убивать”. Отсюда трогательное намерение Сокольского помочь Свиридову, уберечь его от идейных ошибок. “Мы должны <...> защитить Свиридова. Защитить, отчасти... от него самого”.

И далее критик даёт совет композитору, что ему нужно сделать, чтобы поэма всё же получилась. Совет этот полностью соответствует трактовке есенинского творчества в статье того же К. Зелинского или С. Гайсарьяна.

“Чтобы создать достойный музыкальный памятник своему любимому поэту, чтобы верно очертить его облик, Свиридову нужно взять всё живое, всё лучшее, наиболее характерное и неповторимо индивидуальное в творчестве Есенина. И, конечно, не закрывать глаза и на трагическое, тяжёлое, тёмное в его личной и поэтической судьбе. <...> Но передавая эту трагедию, необходимо ярче и отчётливее показать и искреннее, горячее, светлое стремление Есенина постичь революционную новь, не рисуя его большевиком, не оставляя Есенина и за околицей старой деревни”.

Окончательный вывод М. Сокольского из его анализа “Поэмы” малоутешителен. “Памятуя всё это, мы и считаем, что поэмы как единого и законченного целого в партитуре Свиридова пока ещё нет”.

Случайное ли совпадение или не случайное, но статья М. Сокольского была напечатана 23 августа, а неделей раньше, 15 августа вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о Ленинских премиях за наиболее выдающиеся работы в области науки, техники, литературы и искусства⁴¹. “Поэма памяти Сергея Есенина” уже получила к тому времени достаточно высокую оценку у широкой общественности и вполне могла быть выдвинута на новую премию. В конце концов, это так и получилось, только годом позднее. И статья М. Сокольского сыграла свою негативную роль в истории прохождения “Поэмы” на Ленинскую премию, о чём речь пойдёт дальше.

Статья “Поэты и композитор” не осталась без внимания. Одно за другим посыпались возражения Сокольскому. Правда, контркритика нашла выход в ведомственном печатном органе композиторов. “Литературная газета” не дала возможности выступить кому-либо с иной точкой зрения на “Поэму”. На стороне Свиридова оказался журнал “Советская музыка” во главе с Г. Н. Хубовым.

Надо сказать, редакция журнала явно поддерживала Свиридова в то время, начиная с пятого, майского номера, почти в каждом следующем номере в течение всего 1956 года и первой половине 1957 года в журнале постоянно печатались статьи о самом композиторе⁴², постоянно давалась информация об исполнении или прослушивании “Поэмы”⁴³, о самой “Поэме”⁴⁴. Наконец, редакция предоставила композитору возможность самому выступить на страницах журнала⁴⁵.

Первый ответ прозвучал в виде небольшой реплики в статье А. Сохора “За принципиальность в критике”. Сохор был не только опытным критиком и полемистом, но и учёным, музыковедом и философом. Он прекрасно знал, какую тактику, какой стиль изложения необходимо избрать. В данном случае, он решил перевести дискуссию в русло академических научных проблем. Он начинает разговор издалека, с постановки философско-эстетической проблемы типологии творчества. Отнеся Свиридова к тем художникам, которым якобы присущ “объективный” тип изображения жизни, учёный далее отстаивает право на существование этого типа творчества. И затем, не называя Сокольского, Сохор не без иронии замечает: “Этот тип творчества будет развиваться ещё успешнее, если он встретит верное понимание. Хочется уже сейчас предостеречь от одной опасной тенденции, которая намечается у некоторых музыкальных деятелей – приписать автору ответственность за взгляды и поступки его героев, отождествлять его с ними. Тот, кто потребовал бы, например, чтобы Г. Свиридов “ответил” за взгляды С. Есенина, в лучшем случае, напомнил бы наивного зрителя, впервые пришедшего в театр. Такой зритель, возмущаясь поступками на сцене какого-нибудь злодея, переносит своё возмущение на актёра, играющего эту роль. Но то, что простительно неопытному зрителю, не к лицу профессионалу”⁴⁶. Конечно, это было сказано не без вызова, но понять, в чей адрес выпущена стрела критика, мог только посвящённый.

Скорее всего, также в виде противовеса Сокольскому в газете “Советская культура” от 27 октября 1956 года была дана рецензия В. Фере на концерт смотра композиторов Москвы, где была исполнена “Поэма”. “Слушая поэму Свиридова, ощущаешь её как произведение глубоко национальное, почвенное, – писал Фере. – Композитор сумел новыми словами, новыми красками обрисовать русскую природу, выразить свою любовь к Родине, и в этом подлинная патриотичность его произведения”⁴⁷. В статье Сокольского слово “родина” напрочь отсутствует.

Ещё одна антикритика Сокольского появилась в 12-м номере журнала “Советская музыка” за 1956 год. Краткое, какое-то будничное название ответной статьи – “Ещё о есенинской поэме” – свидетельствовало о том, что для журнала “Советская музыка” это была дежурная тема. Статью написал музыковед С. Шлифштейн⁴⁸. В самом начале статьи вслед за Сохором Шлифштейн возмущает Сокольскому по поводу отождествления мировоззрения Есенина и Свиридова, “которого критик делает почему-то ответственным за взгляды и чувства, ему не принадлежащие”.

Затем Шлифштейн пытается всё же защитить Есенина, который “мучительно шёл в революцию”, смело по тому времени ставит его в один ряд с Блоком, Некрасовым, Лермонтовым и Пушкиным. “Таким – большим русским поэтом, неразрывно связанным с народной и классической традицией отечественного искусства, – показан Есенин в поэме Г. Свиридова”.

Далее Шлифштейн подробно останавливается на каждой части “Поэмы” и доходит до заключительного раздела. В противовес Сокольскому, Шлифштейн приходит к выводу: “Логика реалистического мышления неизбежно направляет композитора к последним двум эпизодам цикла: “Я – последний поэт деревни” и “Небо – как колокол” – этого требовала художественная правда воплощения”. И вот тут Шлифштейн открыто вступает в спор с Сокольским: “Когда хор начинает петь “Небо – как колокол”, – сначала кажется, что это и бьёт “двенадцатый час” поэта”⁴⁹. Но – и в этом суть замысла финала – трагический образ личной судьбы “переинтонируется” в отходную, которую

Сергей Есенин поёт старой, уходящей России. Вот такая смерть подводит итоговую черту в “Поэме” Свиридова:

*Ради вселенского
Братства людей...*

– горячий, искренний порыв к революции у Есенина”.

Шлифштейн вводит в дискурс обсуждения “Поэмы” понятие, очень близкое и дорогое Свиридову, – критерий правды. “Смелость, с какой композитор подошёл к воплощению большой и трудной темы, – пишет он, – позволила ему создать произведение, покоряющее глубокой правдой и новизной, новизной идеи, замысла, а не только музыкального языка”. Именно правду имел в виду Сохор, прибегая к отвлечённому философско-эстетическому термину “объективный способ” изображения действительности, присущий, по его мнению, Свиридову. И сам композитор в это время ставил как главную цель “стремление воспроизвести правду жизни средствами музыки”⁵⁰. Увы, этот критерий по отношению к “Поэме” будет долгое время подвергаться разного рода превратным толкованиям. И именно этот критерий, как мы уже видели, пугает Сокольского...

Суммируя все высказывания в защиту “Поэмы”, появившиеся в “антикритиках” статьи М. Сокольского, можно заметить в них один общий посыл, одно общее намерение – “реабилитировать” “Поэму” путём доказательства, во-первых, состоятельности её идейного замысла и непротиворечивости её официальной идеологии, а во-вторых, размежевания авторской точки зрения композитора от взглядов поэта. И, конечно же, все без исключения авторы статей в защиту “Поэмы” стремятся убедить читателей в лояльности Есенина к советской власти⁵¹. Отсюда утверждение, звучащее как аксиома и поддержанное публично самим композитором, – Свиридов изображает Есенина и, соответственно, выражает взгляды и настроения поэта.

Эту точку зрения на “Поэму” с наибольшей последовательностью и законченностью выразили музыковеды Л. Полякова и А. Сохор. Оба они были в очень близких отношениях со Свиридовым и, разумеется, писали о “Поэме” в тесном контакте с ним, расспрашивая его о её замысле и советуясь с ним относительно формулировок и акцентов в готовившихся ими статьях. Так что это была, по сути, “консолидированная” точка зрения, совместно выработанная “легенда”, необходимая для подачи “Поэмы”. Наиболее отчётливо эта легенда представлена даже не в печатных статьях, а в подготовленном для Комитета по Ленинским премиям заключении, “объективке” на “Поэму”. Но об этом позднее.

2

Безусловно, статьи в журнале “Советская музыка” в защиту “Поэмы памяти Сергея Есенина” сыграли свою пусть и скромную, но положительную роль. Тем не менее, главным защитником “Поэмы” была... сама “Поэма”. Она вновь прозвучала на смотре московских композиторов в октябре 1956 года. И её большой успех уже невозможно было скрыть и, тем более, было невозможно оспорить состоятельность её концепции. На дискуссии после смотра “Поэма” оказалась в центре внимания и о ней много говорилось. В конце дискуссии С. Аксюк, тогда главный редактор издательства “Советский композитор”, открыто выразил своё несогласие со статьёй М. Сокольского, “критиковавшего Г. Свиридова за то, что тот якобы воспел в своей поэме “Памяти Сергея Есенина” отжившие, чуждые нам настроения”. “В этом прогрессивном сочинении, – возразил С. Аксюк, – есть огромный, стихийный размах таланта и, что очень важно, необычайная почвенность. Это большой талант говорит полным голосом русского человека о многих важных явлениях современности”⁵².

Смотр московских композиторов стал одним из приуготовительных мероприятий перед Вторым съездом. Но вопрос об открытии съезда на протяжении всего 1956 года оставался открытым. Хренников и его опытные помощники не торопились, выжидали, что произойдёт наверху, кто окончательно возьмёт бразды правления в партии и государстве.

17 апреля 1956 года состоялось очередное заседание секретариата ССК СССР, на котором вновь рассматривался вопрос о дате проведения съезда.

На заседании присутствовал глава Отдела культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарпов. Постановили: “Считать целесообразным перенести срок созыва Второго Всесоюзного съезда советских композиторов СССР с 7-го мая на ноябрь-декабрь с. г. Обратиться в ЦК КПСС с просьбой утвердить данное решение”⁵³.

4 мая 1956 года на очередном заседании Секретариата рассматривался вопрос о работе Секретариата по подготовке Второго Всесоюзного съезда советских композиторов⁵⁴. Постановили: “а) В течение мая и июня 1956 г. обсудить на заседаниях Секретариата материалы докладов на съезде: Д. Шостаковича, А. Новикова, Д. Кабалевского, А. Баланчивадзе, Т. Хренникова и проекты Уставов ССК и Музфонда СССР. Все доклады в законченном виде должны быть представлены к 1-му сентября 1956 г.”.

Постановление принималось в отсутствие Шостаковича, но он дал согласие. Это очевидно, потому что уже через четыре дня состоялось обсуждение материалов его доклада. В обсуждении приняли участие Ю. Шапорин, Г. Хубов, Д. Кабалевский, В. Белый, Т. Хренников. Были высказаны замечания и пожелания, и, в конце концов, постановили:

“а) Представленные материалы со внесёнными поправками и предложениями принять за основу доклада Д. Шостаковича на Втором съезде композиторов.

б) Установить срок представления доклада в законченном виде к 1-му сентября с. г.”⁵⁵.

Из этой затеи ничего не вышло. Слишком разнились взгляды Шостаковича и Хренникова с Белым... Доклад Шостакович так и не представил, зато разразился статьёй в газете “Правда” 17 июня 1956 года “О некоторых насущных вопросах музыкального творчества (заметки композитора)”, о которой шла речь выше. Статья явно говорила о том, что Шостакович не собирался выкидывать белый флаг и уходить с тропы войны. И она разразилась с новой силой в следующем году, когда, наконец, состоялся Второй съезд советских композиторов.

Окончательно с датой проведения съезда определились буквально за месяц с небольшим до его начала. Откладывать было уже совсем неприлично. По уставу Союза советских композиторов СССР съезд должен проводиться один раз в три года. Со времени первого съезда прошло уже почти десять лет.

22 января 1957 года открылся 10-й пленум Правления Союза советских композиторов СССР. Главными в повестке дня были вопросы, как извещала газета, “связанные с подготовкой к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции и подготовкой ко второму Всесоюзному съезду композиторов”⁵⁶. Стенограммы работы пленума в фонде СК СССР не сохранилось, хотя он наверняка был отнюдь не спокойным и благостным. О том, что происходило на пленуме, можно судить практически только по периодике. Из скупой известинской информации можно было только узнать, что “участники Пленума утвердили предложение генерального секретаря Союза советских композиторов Т. Хренникова о созыве съезда в марте текущего года”. Опять же из газетной заметки можно почерпнуть, что на пленуме основным докладчиком был Т. Хренников и он в первый день заседания определил основную задачу года – подготовку “композиторов и музыковедов страны к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции”.

Точную дату открытия съезда – 27 марта – назвала газета “Советская культура”⁵⁷. И проинформировала, что после доклада генерального секретаря начались прения. Опять-таки, судя по “Советской культуре”, в прениях были обычные для такого рода отчёты о том, как готовятся к этой дате музыканты союзных и автономных республик, краёв и областей страны. Но наверняка дебаты были по вопросу о повестке дня съезда. Она решительно изменилась: вместо предполагавшихся десяти в неё было решено включить только пять докладов. В том числе из списка исчезли доклады Шостаковича и Кабалевского.

Собственно о творчестве композиторов осталось всего два доклада – Т. Хренникова “О состоянии и задачах советского музыкального творчества” и Б. Ярустовского об опере, балете и музыкальной комедии. Кроме того, утвердили доклады Г. Хубова о проблемах музыкальной критики, коллективный доклад В. Белого, Э. Каппа и Ф. Козицкого об изменениях в уставах Союза композиторов СССР и Музыкального фонда СССР, а также доклад ревизионной комиссии (Н. Чаплыгин). Были обсуждены сообщения В. Белого о проекте изменений в уставах Союза композиторов СССР и Музыкального фонда СССР и М. Коваля о создании Союза композиторов РСФСР⁵⁸. О творчестве

композиторов России 5 февраля в газете “Советская культура” появился большой материал⁵⁹.

Хренников выиграл на пленуме важную позицию – повестку дня будущего съезда. Теперь он мог дать свою оценку всему композиторскому творчеству за почти десятилетний период. Ярустовский, с которым Хренников в это время имел самые тесные отношения, должен был осветить оперный жанр, акцент на нём был вполне объясним – Хренников готовил премьеру оперы “Мать”. Ещё в январе 1957 года в газете “Советская культура” было опубликовано краткое сообщение из Большого театра о готовящейся к 40-летию революции постановке оперы⁶⁰. Жанр симфонии, таким образом, ушёл в тень. Конечно, в своём докладе генеральный секретарь вспомнит о нём, но сделает свои акценты. И не только на съезде...

3

За неделю до начала работы пленума газета “Известия” опубликовала сообщение от Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР о том, что Комитетом на соискание премий, “присуждение которых состоится в 1957 году, выдвинуты следующие кандидатуры”, и далее следовал довольно обширный список номинантов⁶¹. В области музыки и концертно-исполнительской деятельности были заявлены следующие композиторы: от Армении – А. Бабаджанян (фортепианное трио), от Украины – К. Ф. Данькевич (опера “Богдан Хмельницкий”), от Латвии – М. О. Заринь (опера “К новому берегу”), от Башкирии – З. Г. Исмагилов (опера “Салават Юлаев”). ССК СССР выдвинул кандидатуру С. С. Прокофьева (за Седьмую симфонию) и Ю. А. Шапорина (за оперу “Декабристы”). В разделе театрального искусства присутствовала постановка балета “Спартак” А. И. Хачатуряна в Ленинградском театре им. С. М. Кирова, премьеры которого состоялась в самом начале января⁶².

В этом списке был и Д. Д. Шостакович. Он вновь решил испытать судьбу – была выдвинута его многострадальная Десятая симфония. Причём Шостакович подстраховался поддержкой министерств культуры СССР и РСФСР. ССК СССР также выдвинул его кандидатуру. По разряду “За концертно-исполнительскую деятельность” из наиболее известных музыкантов в этот список попали пианисты Э. Гилельс, С. Рихтер, скрипач Д. Ойстрах, дирижёры Е. Мравинский и К. Иванов.

Опубликованный в газете “Известия” первоначальный список кандидатов на Ленинскую премию был непомерно велик. Причём в этот список вошли не только новые сочинения, но и старые, ещё фигурировавшие в “лонг-листах” на последнюю, так и не состоявшуюся Сталинскую премию 1953 года, в том числе и опера Ю. А. Шапорина “Декабристы”, и Седьмая симфония С. С. Прокофьева, и Десятая Д. Д. Шостаковича, и фортепианное трио А. Бабаджаняна⁶³.

Как только секции приступили к работе, начались жаркие споры, разборки, дело доходило до скандалов, в ЦК КПСС посыпались жалобы, письма. Такая ситуация была практически на каждой секции. На музыкальной из наиболее заметных был горячий спор вокруг выдвижения Галины Улановой и Давида Ойстраха. Давид Ойстрах не был членом Комитета по Ленинским премиям, поэтому дискуссия о нём шла, что называется, за его спиной, а вот Галина Сергеевна Уланова вошла в состав Комитета, и дискуссии о ней шли в её присутствии. Обоим выдающимся артистам ставили на вид, что они уже были лауреатами Сталинской премии. В спор вмешался ЦК КПСС. Как писали в своей докладной в ЦК Д. А. Поликарпов и Б. М. Ярустовский, “отдел культуры ЦК КПСС считает, что присуждение Ленинских премий исполнителям может иметь место лишь в исключительных случаях. Оценивать успехи исполнителей в области музыкального и балетного искусства следует за создание новых концертных программ и новых ролей, а не за старые заслуги. При таком подходе Г. Уланова и Д. Ойстрах вряд ли могут претендовать в данное время на соискание Ленинской премии”⁶⁴. Великую русскую балерину довели до того, что она попросила самоотвод. Тем не менее, Комитет поддержал её и оставил в списке на второй тур.

Не менее горячие дискуссии шли на совместных заседаниях музыкальной и театральной секций при обсуждении двух спектаклей: балета «Тарас Бульба» В. П. Соловьёва-Седого в Ленинградском театре оперы и балета им. С. М. Кирова и оперы С. С. Прокофьева «Война и мир» в постановке Киевского театра оперы и балета им. Т. Г. Шевченко. Постановку балета Соловьёва-Седого в пух и прах разнесла Уланова, причём она была одна, её не поддержали члены обеих секций. Даже Д. Д. Шостакович пытался как-то защитить автора музыки. А вот постановку в Киеве оперы «Война и мир» уже раскритиковал сам Д. Д. Шостакович, который специально ездил в Киев смотреть спектакль. Секции собирались несколько раз, и всё же, в конце концов, оба спектакля задробили.

Обсуждение кандидатур композиторов проходило в относительно спокойной обстановке. Борьба тут шла скрытно, без внешних всплесков эмоций и пафоса. Один инцидент, скорее, политического характера был связан с оперой Л. Данькевича «Богдан Хмельницкий».

В первой редакции эта опера была раскритикована ещё в 1951 году⁶⁵. После смерти Сталина вторую редакцию оперы Киевский театр оперы и балета им. Т. Г. Шевченко показал 21 июня 1953 года сначала в Киеве, а потом — в Москве на декаде украинского искусства в соответствующей обстановке — Москва и Киев отмечали 300-летие воссоединения Украины и России. Опера была выдвинута на Ленинскую премию Союзом композиторов Украины. Её довольно спокойно обсудили на секции, признав за ней некоторые достоинства, назвав её хорошей оперой, но всё же не дотягивающей до Ленинской премии. Но вот на одном из пленарных заседаний учёный секретарь Комитета В. Ф. Кухарский огласил письмо известного украинского драматурга А. Е. Корнейчука. Обращаюсь к стенограмме пленарного заседания.

«КУХАРСКИЙ В. Ф.

Вот предложение и просьба со стороны А. Е. Корнейчука, который по болезни не присутствует. Он сожалеет, что не присутствует, и просит оставить в списке, с которым он в целом согласен, кандидатуру Данькевича, оперу «Богдан Хмельницкий». «Это первая советская опера на историческую тему, она отражает борьбу двух великих братских народов...» (читает письмо).

ТВАРДОВСКИЙ А. Т.

Эта та опера, либретто для которой написал Корнейчук?

КУХАРСКИЙ В. Ф.

Да.

ХРЕННИКОВ Т. Н.

Мы подробно обсуждали эту оперу, говорили о положительных качествах и недостатках.

ТИХОНОВ Н. С.

Останемся при том решении, которое было принято».

И перешёл к обсуждению кандидатуры К. И. Чуковского. Вдруг, когда уже о Данькевиче и Корнейчуке забыли, неожиданно подал голос Д. Д. Шостакович.

«Д. Д. ШОСТАКОВИЧ:

Был задан вопрос, кто автор либретто оперы «Богдан Хмельницкий». Может сложиться впечатление, что Александр Евдокимович сам заинтересован, выдвигая эту оперу. Это не может быть так, ибо выдвинут один Данькевич, автор музыки, и не говорилось ни о спектакле, ни о либреттисте. Мы не хотим, чтобы какая-то тень падала на Александра Евдокимовича. Хотя он автор либретто, он никак не заинтересован».

По всей видимости, от неожиданности заседание на минуту застыло в недоумённой паузе. Неловкость разрядил опытный глава Комитета.

«Н. С. ТИХОНОВ: Можно идти дальше».

Через некоторое время к опере «Богдан Хмельницкий» вернулся замминистра культуры СССР С. В. Кафтанов.

«С. В. КАФТАНОВ:

«Тарас Бульба» и «Война и мир» подробно обсуждались, а опера Данькевича не обсуждалась, кроме как на секции?

Т. Н. ХРЕННИКОВ:

Обсуждали на Пленуме, Вас не было. И Пленум утвердил это отклонение.

С. В. КАФТАНОВ:

У меня субъективное ощущение, что эта опера по музыке не хуже “Декабристов”.

(Д. Д. ШОСТАКОВИЧ: “Нет, нет”).

(Э. А. КАПП: “Нет”).

Другая тема. Я вспоминаю, как оценивали эту оперу деятели культуры и руководители в последнем варианте, когда она была показана на декаде. Очень высоко оценивали.

Тема такая: дружба народов, Ленинская премия⁶⁶.

Это уже было явное давление. Тем не менее, Хренников вполне достойно и в то же время политесно возразил Кафтанову, заметив, что “это хорошая опера, пользуется успехом, но товарищи, которые говорили о ней, считают, что по своим музыкальным достоинствам она не является выдающейся оперой”.

Этим инцидент не был исчерпан. В дело пошло тяжёлое оружие. В Комитет поступило письмо из секретариата главы советского правительства Н. А. Булганина с вопросом о прохождении оперы “Богдан Хмельницкий”. Пришлось попотеть В. Ф. Кухарскому над ответом. Осторожно, дипломатично Василий Феодосиевич проинформировал, как проходило обсуждение оперы на секции музыки, на пленарных заседаниях, не забыв упомянуть, что были оценены положительные стороны оперы, её актуальность, патриотизм. Подсластив пилюлю, в конце своего ответа Кухарский доложил вышестоящей инстанции, что мимо Комитета не прошли “некоторые существенные недостатки, отмеченные в своё время советской печатью, а также в выступлениях членов Комитета по Ленинским премиям т. т. Д. Д. Шостаковича, Т. Н. Хренникова, О. В. Тактакишвили, Э. А. Каппа и других”⁶⁷.

Не зная содержание письма из секретариата Н. А. Булганина, трудно сказать, кого решил уважить глава государства. Формально Булганин мог обратиться в Комитет, который находился в подчинении у Совета Министров СССР. Но всё же, судя по ответу Комитета по Ленинским премиям, можно понять, что в правительство обратилось лицо не столь высокого ранга. Вполне возможно, это был сам драматург А. Е. Корнейчук. Не думаю, что таков же был бы ответ Комитета, если бы к нему пришло подобное письмо из аппарата Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва, к которому бы обратился глава компартии Украины...

Основная борьба на секции музыки по поводу композиторов развернулась вокруг кандидатур Прокофьева и Шостаковича. Эта борьба шла с самого начала работы Комитета, постепенно набирая обороты и обостряясь к концу сессии. Сначала это было незаметно, так как перед секцией музыки стояла задача избавиться от большого числа явно “непроходимых” кандидатур, так сказать, балласта. К тому же в первоначальном списке было очень много исполнителей. Секция музыки от заседания к заседанию оставляла обоих композиторов, их имена без особого обсуждения, почти автоматически переходили из списка в список. Уже на первом этапе, после ряда заседаний секции музыки и пленума в январе 1957 года общий список кандидатов заметно сократился. Среди отвергнутых было много исполнителей. Впрочем, и лист композиторов тоже оказался основательно подчищенным. И вот, наконец, во втором опубликованном списке остались только Д. Ойстрах, Ю. Шапорин, С. Прокофьев и Д. Шостакович⁶⁸.

С самого начала работы Комитета Т. Хренников пытался ненавязчиво предложить его членом некий ориентир в оценке композиторов, акцентируя внимание на С. С. Прокофьеве. И потом на всём протяжении первой сессии он всячески подчёркивал свою симпатию к нему, стремясь вызвать расположение к этой кандидатуре. Задача была не из простых. Комитет по Ленинским премиям в основном состоял из членов старого комитета по Сталинским премиям, и, конечно, С. С. Прокофьева хорошо знали не просто как выдающегося композитора, но ещё и как лауреата... шести Сталинских премий. К тому же Седьмая симфония вместе с балетом “Каменный цветок” была выдвинута на Сталинскую премию 1953 года, и если бы Сталинский комитет не был упразднён, то Прокофьев посмертно получил бы ещё и седьмую Сталинскую премию! Столько премий не было ни у кого из музыкантов. Шостакович отставал на одну премию, он был пятикратным лауреатом Сталинской премии, и опять-таки, не прекрати деятельность старый комитет, то у Шостаковича было бы шесть Сталинских премий. Но почему-то Комитет по Ленинским премиям помнил больше Прокофьева.

На первом пленарном заседании 15 января Хренников, в отличие от руководителей других секций, не назвал ни одного кандидата от своей секции. На заседании Пленума 23 января Хренников доложил, что на секции отклонили кандидатуры Зариня, Людкевича, Бабаджаняна, Исмагилова и оставили в списке Кара Караева (проходил по секции театра за балет “Семь красавиц”), Шапорина и Прокофьева. О Шостаковиче заметил, что “в ближайшие дни будет исполняться Десятая”. И в конце добавил, “это много, в дальнейшем мы должны ужать. Соберёмся в конце месяца”. От исполнителей назвал Ойстраха и Рихтера, заметив, что в списке остался и Э. Гилельс. С исполнителями на секции разобрались в начале февраля.

На секции музыки долго не могли определиться, какое сочинение Прокофьева указать, было даже предложение выдвинуть, что называется, по совокупности, не за одно сочинение, а за творчество в целом. Постепенно выбор сузился до двух сочинений – оперы “Война и мир” и Седьмой симфонии.

31 января секция музыки рассмотрела свой усечённый список, в котором было пять позиций, причём в одной из них значилась Седьмая симфония Прокофьева, а в другой – два спектакля киевского театра – опера классика украинской музыки Н. Лысенко “Тарас Бульба” и опять-таки прокофьевская “Война и мир”. На этом заседании и состоялась главная баталия вокруг кандидатур Прокофьева и Шостаковича.

Первой среди них обсуждалась кандидатура Прокофьева. Хренников обратился с вопросом к членам секции, можно ли предложить сразу несколько произведений Прокофьева: Седьмую симфонию, оперу “Война и мир” и ещё “целый ряд вещей”. О. В. Тактакишвили возразил: “В таком виде “Войну и мир” нельзя”. Тогда Хренников уточнил своё предложение: “Нет, дав общую формулировку: выдающаяся деятельность С. Прокофьева – великого русского композитора, закончившего свой путь, даже без упоминания 7-й симфонии”. Это предложение поддержал Д. Шостакович: “Я это очень поддерживаю. Не знаю, как это примет Пленум, не будет ли это нарушением”. Хренников продолжал настаивать на своём. Развернулась первая дискуссия.

“Т. Н. ХРЕННИКОВ:

Но тут велика вся фигура Прокофьева, вся его деятельность, чтобы не только за 7-ю и оперу. Если говорят, что что-то не вышло, то всё-таки что-то вышло, и вышло изумительно сильно в лучших кусках этой оперы. Может быть, действительно, не привязывать это имя ни к одному из последних произведений. Мы же должны это решить и предложить такое решение пленуму.

В. Ф. КУХАРСКИЙ:

Но я бы не отказывался и от упоминания о 7-й симфонии, потому что к 7-й симфонии можно по-разному относиться, но всё-таки это превосходное сочинение последних лет композитора. Может быть, подумать о формулировке, которая бы включала и 7-ю симфонию, и остальное.

В. П. СОЛОВЬЁВ-СЕДОЙ:

Это очень сложно, потому что когда упоминаешь произведение, то возникает мысль, что значит оно само по себе недостаточно, надо его ещё чем-то подкрепить.

В. Ф. КУХАРСКИЙ:

Я считаю, что будет уверенность и в 7-й, но если её не упомянуть, то всё равно люди поймут, что и за эту 7-ю симфонию <мы награждаем> Прокофьева.

Т. Н. ХРЕННИКОВ:

Мы ведь говорим, что Уланова – мировое явление, Ойстрах – мировое явление, а Прокофьев ведь гораздо больше, чем они. И нам надо в интересах ориентации нашего поколения сказать, что это за имя. Потому что тут и новаторство, и великое мастерство, и ведь это и национальный художник...⁶⁹

Не говорю о сложных чисто психологических нюансах – всё это Хренников говорил при Шостаковиче. Каково было ему это слушать – не берусь гадать. Но самое главное, опытный боец Хренников прекрасно понимал, что на пленуме могут возникнуть неожиданные вопросы по кандидатуре Прокофьева, что и случилось на самом деле.

После обсуждения оперы “Декабристы” Шапорина, не вызвавшей острой дискуссии, наконец, дошли до Шостаковича.

Как и полагалось, обсуждение шло в отсутствие обсуждаемого – Дмитрий Дмитриевич покинул заседание секции. И вот тут её глава показал свое искусство вести дебаты.

Т. Н. ХРЕННИКОВ:

Какое мнение у товарищей по поводу 10-й симфонии?

В. П. СОЛОВЬЁВ-СЕДОЙ:

Поскольку мы решили Прокофьева выдвигать по совокупности, я не знаю, как быть в этом случае. Моё мнение такое, что внесём мы или не внесём, всё равно его кто-нибудь из членов Комитета затребует на пленарном заседании, и его всё равно примут к рассмотрению.

О. В. ТАКТАКИШВИЛИ:

26-го она исполнялась, как было?

В. П. СОЛОВЬЁВ-СЕДОЙ:

В Ленинграде её всегда исполняют лучше.

Тов. МУХАТОВ:

Может быть, оставить в списке и поговорить в дальнейшем об этом произведении ещё.

О. В. ТАКТАКИШВИЛИ:

В этой симфонии есть вторая и третья часть. Третья часть просто очень сильная, и в первой части есть места очень впечатляющие, но она растянута, и финал ему не так удался. Но оставить в списке Шапорина и не оставить Шостаковича — это несправедливо.

В. Ф. КУХАРСКИЙ:

Если бы был представлен скрипичный концерт, я бы голосовал за него.

О. В. ТАКТАКИШВИЛИ:

Ведь Комитет знает, что если в этом году Прокофьев не получит премии, то он уже больше никогда не сможет её получить. А Шостакович ещё успеет.

В. Ф. КУХАРСКИЙ:

У нас есть ясное и точное представление, почему ещё нельзя исключать 10 симфонию. Это потому, что очень крупное общественное явление, вокруг которого шло много разговоров. И сейчас уже пришло время, когда о Шостаковиче нужно говорить просто спокойно и спокойно отрицать в нём какие-то вещи, и спокойно его замечательный талант поддерживать. Я читал одну статью, которая должна появиться, я категорически возражал бы против того, чтобы она появилась в таком тоне, в каком она написана. Нельзя говорить, что это отвратительно, возмутительно, серьёзно этого не говорят, и появление его во втором списке успокоит сторонников этой статьи.

О. В. ТАКТАКИШВИЛИ:

Настоящего объективного мнения вокруг этого композитора нет. Он крупнейший мастер, автор больших произведений.

В. Ф. КУХАРСКИЙ:

Надо критиковать объективно и спокойно.

Т. Н. ХРЕННИКОВ:

Всё это правильно, но мне кажется, что следствием спокойной критики не является присуждение Ленинской премии. Я абсолютно согласен с вами, но за эту симфонию Ленинскую премию я бы не дал. А оставить в списке для общественного обсуждения очень хорошо. А перед голосованием мы можем просмотреть ещё этот список и оставить одного Прокофьева.

В. Ф. КУХАРСКИЙ:

Пленуму доложить об этом произведении не как о выдающемся, а что это произведение вызвало широкий общественный отклик, столкнулись точки зрения резко противоположные, и мы считаем, что на этом основании его зачёркивать до второго списка нельзя.

Т. Н. ХРЕННИКОВ:

И все считают, поскольку оно имело такой общественный резонанс, оставить во втором списке для общественного обсуждения. И сказать, что есть критика отрицательная, чтобы мы не настраивали пленум за то, что это надо сделать.

В. Ф. КУХАРСКИЙ:

Изложить объективно наши позиции, что мы честно идём на то, чтобы оставить во втором списке для критического обсуждения.

О. В. ТАКТАКИШВИЛИ:

Дело в том, что 10-я симфония — это одно сочинение, а кроме этого, у него есть цикл еврейских песен, два квартета, скрипичный концерт. Так что за 10-й симфонией все поклонники его творчества многое видят — и скрипичный

концерт, и еврейские песни... Эти товарищи, которые его выдвигают, они в лице 10-й симфонии видят все его сочинения.

Т. Н. ХРЕННИКОВ:

Хотя еврейские песни мне очень нравятся, но я бы за них не дал Ленинской премии. И <за> Шестой квартет тоже. Мы все согласны, что оставляем Шостаковича во втором списке. Итак, что у нас получается: на первом месте у нас остаётся Прокофьев, потом Шапорин, Шостакович и Ойстрах. Я думаю, что это будет правильно.

Тов. МУХАТОВ:

После опубликования нашего списка мы будем собираться ещё?

Т. Н. ХРЕННИКОВ:

Соберётся пленум и окончательно уточнит список для голосования. Тогда наша секция выставит свои предложения для учёта, и всё.

Последний пленум в своих предложениях учтёт и наше отношение, и отношение общественности⁷⁰.

Дальше события развивались следующим образом. 11 февраля на заседании Пленума сначала отклонили оперу Г. Тиграняна “Давид-бек” и дошли до оценки киевского спектакля “Война и мир”. Вот тут Шостакович и предложил снять кандидатуру оперы, его поддержал С. В. Кафтанов.

15 февраля на пленарном заседании обсуждали список кандидатур, принятых на рассмотрение во втором туре. Именно на этом заседании было оглашено письмо А. Е. Корнейчука. Но главным событием по музыке стало обсуждение кандидатур Прокофьева и Шостаковича. И Хренников провёл его в полном соответствии со своим планом. Вновь обращаюсь к стенограмме.

“Т. Н. ХРЕННИКОВ:

Музыкальная секция уже закончила свою работу по составлению предложения для второго списка с тем, чтобы Пленум обсудил его.

В прежний раз, когда мы утверждали те отводы, которые предлагала музыкальная секция, у нас в списке осталось тогда 4 произведения и две кандидатуры по исполнительскому искусству. Сегодня мы предлагаем утвердить отводы ещё двух кандидатур, чтобы в списке осталось 3 произведения и одна исполнительская кандидатура, которую музыкальная секция считает необходимым включить уже во второй список.

Что у нас остаётся для второго списка, что мы предлагаем для утверждения Пленумом? Прежде всего – Прокофьев С. С. Кандидатура его была выдвинута за Седьмую симфонию. Это последнее произведение Прокофьева, которое является заключением большого, полного исканий творческого пути композитора. Это произведение исключительно лиричное, брызжущее жизнерадостностью, широкой привольной мелодикой. За Седьмой симфонией стоит весь творческий путь одного из замечательных деятелей русской музыкальной культуры XX века. Быть может, сейчас (это музыкальная секция вносит на обсуждение Пленума), когда нет в живых Прокофьева, нужно внести в формулировку представление на Пленум всей деятельности Прокофьева.

Опера “Война и мир”, которая ставится во многих театрах и является выдающимся произведением, она не фигурирует в списках, и отдельно выставить её не имело бы смысла, т. к. в опере много недостатков. Но, может быть, стоит (музыкальная секция просит утвердить это на Пленуме), подытоживая весь творческий путь Прокофьева, который является фигурой общемирового значения и гордостью русского музыкального искусства, Ленинскую премию присудить за выдающуюся творческую деятельность.

СУРКОВ А. А.:

Он пять раз получал Сталинские премии, выходит, что опять выдвигается на премию за те же произведения?⁷¹

ХРЕННИКОВ Т. Н.:

Прокофьев получил премии за другие произведения, а сейчас предлагается 7-я симфония и опера “Война и мир”⁷².

ТИХОНОВ Н. С.:

Здесь есть два момента: момент, предлагаемый на наше рассмотрение, и момент, который мы должны закрепить в решении. То, что Вы предлагаете, мы не можем закрепить в решении, так как это противоречило бы нашему постановлению. Мы не можем давать премию за какой-то период творчества. Надо представлять, что даём премию за выдающееся творчество, являющееся

вкладом в мировое искусство. Так как многие произведения являются вкладом, надо оговорить мировое или не мировое искусство.

Если мы будем включать в наше обсуждение, это уже является солидной рекомендацией автору, творчество которого мы обсуждаем.

ХРЕННИКОВ Т. Н.:

В нашем плане стоит 7-я симфония Прокофьева, но я хотел укрупнить его творчество.

А вообще такие случаи возможны. Допустим, будем присуждать премию какому-нибудь исполнителю <...>

СУРКОВ А. А.:

Для этого существуют звания.

ХРЕННИКОВ Т. Н.:

У нас выдвигается на премию Ойстрах, который показал себя выдающимся исполнителем, особенно за последнее время. Но мы не привязываем к этому определённое исполнение, например, концерта Сибелиуса или произведений Моцарта, хотя исполнение им этих произведений является событием в культурной и музыкальной жизни.

ТИХОНОВ Н. С.:

Это разные вещи.

ХРЕННИКОВ Т. Н.:

Позвольте доложить до конца. Первым в списке у нас стоит Прокофьев С. С., 7-я симфония. Вторым – Шапорин Ю. А., опера “Декабристы”.

Это большое оперное произведение, выдержанное в реалистических традициях русской классики, отличается красотой мелодии, напевностью, блестящим стилем, а главное – патриотической силой. Секция предлагает оставить это произведение для обсуждения в списке № 2. Третьим – Шостакович Д. Д., 10 симфония.

Это одно из крупных произведений последнего времени, которое вызвало большое внимание и горячие споры среди музыкальной общественности как у нас, так и за рубежом.

И вот секция, несмотря на то, что внутри секции к этому произведению имеется весьма критическое отношение, но просто ввиду его большого международного резонанса, предлагает оставить это произведение в списке для широкого обсуждения. А потом перед голосованием мы вернёмся к обсуждению всех этих произведений и тогда окончательно представим свои соображения Пленуму, что оставить для голосования.

Эти три композиторские кандидатуры – Прокофьев, Шапорин и Шостакович – и из огромного исполнительского списка, который представлен Пленуму Ленинского Комитета, из целого ряда исполнителей, которых мы отвели, – Ойстраха оставляем для утверждения Пленума⁷³.

Да, ничего не скажешь, Хренников был непревзойдённым мастером искусства убеждения. Говорил он легко, весело, уверенно, без всякого нажима. И умел добиваться своего, чётко ставя перед собой цель, прекрасно осознавая все переплетения интересов и владея непревзойдённым мастерством плетения интриг. Яго отдыхает... За это он и заслужил авторитет в композиторских кругах, за это его и ценили наверху, а он сумел пересидеть не одного Первого секретаря ЦК КПСС... Действительно, “непотопляемый советский дреднот”, как его называл Свиридов.

6 апреля было намечено заседание Пленума, на котором должны были быть утверждены списки кандидатур на Ленинские премии для тайного голосования. Но перед этим заседанием секция музыки собралась, чтобы вынести на пленарное заседание свой окончательный список. После окончательного обсуждения кандидатур секция постановила: “Оставить следующие кандидатуры на заключительное голосование – ПРОКОФЬЕВ С. С. “Седьмая симфония”, ОЙСТРАХ Д. Ф.”⁷⁴.

Тем не менее, на пленарном заседании всё же была сделана ещё одна робкая попытка оставить в списке кандидатов Шостаковича. Он сам выступил от музыкальной секции первым. Не знаю, чем он руководствовался, возможно, решил упредить неприятное для него обсуждение его собственной кандидатуры, которое могло возникнуть. Тем не менее, он выступил, донеся своими несколько сбивчивыми, неуверенными словами решение секции.

ШОСТАКОВИЧ Д. Д. :

Я бы предложил в области музыки оставить две кандидатуры для тайного голосования: это Ойстрах и Прокофьев. Шапорина и Десятую симфонию я исключил бы. Ойстрах и Прокофьев — это наиболее достойные кандидатуры. Это было бы хорошо и для пользы дела, и для дальнейшего голосования, и для всего. У нас предложено голосовать 9 кандидатур. Я думаю, что прибавить две музыкальные кандидатуры к имеющимся восьми — это будет не такая большая беда. Я бы предложил оставить Ойстраха и Прокофьева⁷⁵.

Сказал и вышел из зала. Была ли это заготовка, или Дмитрий Дмитриевич действовал спонтанно, по наитию, трудно сказать. Но тут один за другим с предложением оставить Шостаковича в списке для тайного голосования выступили композитор Э. А. Капп, а вслед за ним — молдавская певица Т. С. Чебан, которая предложила пожертвовать ради Шостаковича кандидатурой Ойстраха.

Развернулась длительная дискуссия, завершившаяся неожиданным результатом. Пленум всё же решил остановиться на одном Прокофьеве. Когда в зал вернулся Шостакович, Тихонов обратился к нему со следующими словами: “После обмена мнениями мы сосредоточили внимание на одном Прокофьеве, принимая во внимание, что это в первый раз премия, что этот вопрос всем ясен, а Ойстраха решили снять со списка”.

Вряд ли Шостакович ожидал такого поворота дел. Он возразил: “Исключение Ойстраха может вызвать протест”.

Далее диалог развивался следующим образом.

“ТИХОНОВ Н. С. :

Здесь возник вопрос о штатном порядке получения премии.

ШОСТАКОВИЧ Д. Д. :

Если секция решила, я не буду возражать.

ТИХОНОВ Н. С. :

У Ойстраха не пропадает возможность получить премию.

Чтобы не получилось впечатления, что всё идёт по штату — одному исполнителю дать, потом другому...

КУХАРСКИЙ В. Ф. :

Ойстраху нельзя дать за блестящее исполнение концерта Д. Д. Шостаковича. Тогда скажут — почему только за это? Но это не исключает возможности для Ойстраха в дальнейшем получить премию.

ШОСТАКОВИЧ Д. Д. :

Ойстрах — блестящий скрипач, и поэтому нужно давать ему премию.

ТИХОНОВ Н. С. :

Итак, большинство секции склоняется к тому, чтобы в список для тайного голосования включить одного Прокофьева.

(Заседание закрывается). ”

“Блажен муж иже не идет на совет нечестивых... ”

Момент истины наступил на заключительном пленарном заседании 8 апреля. В тайном голосовании приняло участие 37 членов Комитета. Седьмой симфонии С. Прокофьева была присуждена Ленинская премия 37 голосами. Скульптура “Автопортрет” С. Т. Конёнкова получила 36 голосов, а за Г. С. Уланову подали голос 35 членов Комитета. Всё же балерина пользовалась необычайной популярностью и поистине всенародной любовью. Тут даже отдел культуры ЦК КПСС не смог ничего поделать. Остальные лауреаты получили меньше 30 голосов, Л. Леонов за роман “Русский лес” — только 28. В списке был и Д. Ойстрах. Он получил поддержку только 18 голосов и остался за бортом. Ленинской премии выдающийся советский музыкант будет удостоен лишь в 1960 году.

В конце своего слова о лауреатах Ленинской премии в газете “Правда” от 22 апреля 1957 года Тихонов анонсировал перенос в список “номинантов” на будущий 1958 год спектаклей театра им. С. М. Кирова “Спартак” и Киевского театра “Война и мир”.

Шостаковичу ничего не оставалось делать, как отдать дань уважения своему старшему, ушедшему из жизни коллеге. Его статья, посвящённая Седьмой симфонии, надо сказать, написанная поэтично, с добрым чувством, появилась 23 апреля в “Литературной газете”⁷⁶.

Работа новоявленного Комитета по Ленинским премиям проходила в то время, когда шла окончательная подготовка ко Второму съезду, а его проведение совпало с заключительным этапом работы Комитета. Шестого апреля, когда определялся окончательный список кандидатур для тайного голосования, Второй съезд композиторов завершил свою работу. И именно на съезде проходили основные ристалища, шла открытая борьба за преобладание той или иной линии в творческой организации, и соответственно, за руководство союзом.

Для того чтобы понимать логику событий в музыкальной жизни в тот год, необходимо иметь в виду обстановку того времени, политический и идеологический фон. Фон этот был достаточно тревожным. Конец 1956 — начало 1957 года прошли под знаком венгерского мятежа и Суэцкого кризиса⁷⁷.

И хотя мятеж был подавлен, события в Венгрии в октябре — ноябре 1956 года сильно напугали партийное руководство. Было очевидно, что недовольство растёт и в других европейских соцстранах, в компартиях капиталистических стран. Но самое главное — опасались, что нечто подобное может случиться в Советском Союзе.

Опыт Венгрии, оппозиционные настроения в Чехословакии и Польше стали предметом пристального внимания. Наибольшее опасение вызывали молодёжные движения, наиболее социально активные кружки интеллигенции, литераторы. В “Правде” в течение года неоднократно печатались подробные материалы об оппозиционных органах печати в Чехословакии и Польше, о видных идеологах, философах и писателях, высказывавших свои откровенно антисоветские и антикоммунистические взгляды.

18 марта “Правда” помещает в переводе перепечатку статьи “За идейную чистоту” из венгерской газеты “Непсабадшаг”. Центральный орган Венгерской социалистической рабочей партии предупреждал: “В области литературы и искусства ревизионизм господствует ещё свободнее, потому что мы до сих пор не разоблачили и не разгромили антипартийный дух, восторжествовавший на прошлогоднем общем собрании писателей, не защитили литературные принципы марксизма-ленинизма от буржуазно-либеральных принципов...”⁷⁸.

Слово “ревизионизм” становится едва ли не ключевым термином, шибболетом в политической лексике 1957 года. В июне “Правда” публикует доклад секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии И. Гендриха на пленуме ЦК КПЧ “Хранить в чистоте великое учение марксизма-ленинизма!”, в котором критикуются за безответственность газеты “Литерарни новины” и “Культура”, отдающие свои страницы сторонникам ревизионистских взглядов⁷⁹.

В октябре в “Правде” публикуется пространная статья из польской газеты “Трибуна люду” по поводу запрещения еженедельника “По просту”. Возникшая в 1956 году как студенческая многотиражка, “По просту” стала актуальной политической газетой с большим кругом читателей и “открыто выступает с требованием свободы для всех политических направлений, независимо от их отношения к социализму”⁸⁰.

Конечно, в первую очередь, органы власти обращали внимание на людей, владеющих пером. Особое внимание привлекали литераторы. Не обошло вниманием партийное руководство и наших отечественных мастеров слова.

Литературная общественность всколыхнулась после XX съезда одной из первых. В журналы посылались романы, рассказы с острым материалом. Начались бурные партийные собрания, разборки в писательских организациях. Одним из знаковых явлений литературы того года стал роман “Не хлебом единым” В. Дудинцева. Впервые он был опубликован в трёх номерах (8-м, 9-м и 10-м) журнала “Новый мир” за 1956 год. Его появление стало заметным не только литературным, но и общественным событием. 22 октября 1956 года в Центральном доме литераторов на заседании секции прозы Московского отделения Союза писателей разразилась бурная дискуссия. Мнения разделились: одни безоговорочно приняли роман, считая его вызовом бюрократической системе, другие осуждали за очернение советской жизни. Известные слова К. Паустовского: “Советь писателя должна быть в полной мере совестью народа. Дудинцев вызвал огромную тревогу, которая существует в каждом из нас. Тревогу за моральный облик человека, за его чистоту, за нашу культуру”, — стали крылатыми, они обрели известность в разных

кругах, их цитировали студенты МГУ. Надо сказать, что роман был воспринят студенческой средой на “ура”, причём оценивались не столько его художественные достоинства, сколько его идейная направленность. На многих собраниях и дискуссиях роман послужил поводом для разговора на темы, выходящие далеко за пределы литературы⁸¹.

Задавали тон, прежде всего, московская и ленинградская писательские организации.

Москвичи выпустили в 1956 году литературно-художественный сборник “Литературная Москва”, куда вошли очерки, стихотворения, рассказы, дневники и заметки московских писателей: К. Федина, М. Алигер, В. Инбер, Н. Заболоцкого, А. Твардовского, С. Маршака, А. Злобина, К. Чуковского, Б. Пастернака, М. Пришвина и многих других. В начале марта 1957 года на пленуме правления Московского отделения Союза писателей СССР по поводу сборника, а также романа В. Дудинцева “Не хлебом единым” разгорелась нешуточная дискуссия⁸². С критикой на сборник обрушились М. Алексеев, Б. Галин, З. Кедрина, Г. Бровман, В. Сафонов. Защищали сборник М. Алигер, Е. Евтушенко, В. Каверин, А. Турков, Л. Чуковская.

Выступал В. Дудинцев, пытаясь объяснить, что он хотел выразить в романе, как у него возник замысел романа. Вероятно, писатель хотел вызвать участие к себе и много уделил в своём выступлении места жалобам на трудности, которые преследовали его при написании романа. Но голоса критиков совершенно заглушили робкий голос писателя.

Особенно жёстко, беспощадно критиковал Дудинцева К. Симонов, который первым опубликовал роман в “Новом мире”. Критиковал, раздражённый именно тем, что Дудинцев слишком много жаловался. А в конце своего выступления, судя по газете, главный редактор журнала “Новый мир” перешёл уже совсем на какой-то истеричный тон: “Мне кажется, что Дудинцев до конца, глубоко не задумался над тем, что к полному коммунизму есть только один путь – через диктатуру пролетариата со всеми вытекающими из неё последствиями, о которых нам нет причин застенчиво умалчивать, ибо писатель социалистического общества не тяготится, а гордится тем, что он работает под руководством партии, не стыдится, а гордится тем, что он полностью и безраздельно ставит себя на службу интересам народа, осуществляемым в форме диктатуры пролетариата, и сознательно отвергает в своём творчестве то случайное, наносное, что могло бы в том или ином случае работать вопреки интересам этой диктатуры”⁸³. Чувствовалось, что Симонов был не на шутку испуган и пытался оправдаться за то, что напечатал роман.

О либеральных настроениях весны 1956 года уже в октябре того же года пришлось забыть. С начала 1957 года в официальной идеологии наблюдается довольно заметная попытка повернуть вспять, к жёстким методам управления обществом, культурой. Литература и искусство стали полигоном для испытания этой старо-новой политики. Без физического насилия, без репрессий и осуждения по “политической” 58-й статье УК. И, конечно, без имени великого вождя, отца советского народа.

И если сразу после XX съезда с лёгкой руки Д. Т. Шепилова рождённая при Сталине идея “социалистического реализма” в одночасье стала ленинской⁸⁴, то в 1957 году “расчехлили” грозные постановления ЦК ВКП(б) 1940-х годов и уже без всякого стеснения стали потрясать этим идеологическим оружием сталинской эпохи.

Тон задал журнал “Коммунист”. В третьем номере за 1957 год появляется программная статья “Партия и вопросы развития советской литературы и искусства”.

Главной темой статьи было влияние партийного руководства на литературный и – шире – художественный процесс. Разговор пошёл издалека, с цитат из работ В. И. Ленина, с раннего периода истории советской литературы. Были упомянуты и группа “Перевал”, и “Серрапионовы братья”, и писатели “путчики”, и РАПП, отношение к ним со стороны партии, наконец, известные постановления ЦК ВКП(б) от 1925-го и 1932 годов. После беглой пробежки по довоенной истории взаимоотношений литературы и партии статья подходит к своему главному предмету – постановлениям 1940-х годов. Дежурно осудив культ личности⁸⁵, автор задаётся риторическим вопросом, на который тут же сам и отвечает: “Но разве это было основным, как пытается кое-кто представить? Перегибы перегибами, однако основное направление в руководстве

литературой и искусством и в тот период состояло в осуществлении марксистско-ленинских принципов в этой области. Оно выражено в известных постановлениях ЦК партии 1946–1948 годов по вопросам литературы и искусства”.

И далее сей автор рьяно защищает постановления 1940-х годов, отстаивает их актуальность для советской культуры после XX съезда партии: “Особенно важно не столько конкретное, сколько общее программное значение постановлений 1946–1948 годов. Они являют собой весьма значительный вклад в марксистско-ленинскую эстетику, развивают основные её положения. <...> Позитивная программа в постановлениях ЦК сочетается с непримиримой направленностью против аполитичности искусства, проникновения в него пессимизма и упадничества, против гнилого, фальшивого буржуазного лозунга “искусства для искусства”, против публикации в печати и постановки на сцене пустых, бессодержательных, безыдейных и пошлых вещей, против низкоклонства перед буржуазной модой, декадентства и эстетства, против всего антихудожественного, примитивного, неряшливого, безграмотного”.

В виде образца злободневности одного из наиболее одиозных и неприемлемых в литературных кругах постановлений автор приводит пример “Нового мира”, который “показывает, что постановление ЦК “О журналах “Звезда” и “Ленинград” в части, направленной против публикации идейно несостоятельных, вредных произведений, выполняется слабо, не всеми журналами”.

Подобного рода кульбит, идейный поворот на 180 градусов был бы немислим год тому назад, в марте-апреле 1956 года. Казни коммунистов на улицах Будапешта в конце октября 1956 года подействовали на московских партфункционеров отрезвляюще...

Статья в журнале “Коммунист” была не единственной и даже не первой. Венгерское восстание вызвало защитную реакцию. Члены Президиума ЦК КПСС сразу поняли, что антисоветские и контрреволюционные настроения необходимо срочно оперировать, как раковую опухоль. Не имея никакой альтернативы, никаких новых идей, идеологи партии решили обратиться к старому, испытанному арсеналу средств, к идеологии борьбы, рождённой в сталинскую эпоху.

Вот, к примеру, образчик такого нового “наступательного” стиля советской идеологии образца 1957 года. В начале января в газете “Правда” появляется обращение республиканского совещания творческих работников УССР ко всем работникам литературы и искусства Советской Украины под названием “Служение народу – наш патриотический долг”. Читаем. “Работники искусств Советской Украины, как и все мастера искусства братских республик Советского Союза, наши друзья из стран народной демократии с негодованием отмечают гнусные поклёпы прислужников мировой реакции, возводимые на наше социалистическое искусство, на метод социалистического реализма. <...> В последнее время в отдельных журналах (“Новый мир”, “Вопросы философии” и других) были попытки ревизовать решения нашей партии по вопросам литературы и искусства, вульгаризировать принципы социалистического реализма, имели место стремления нигилистически зачеркнуть достижения и успехи в развитии советской литературы и искусства. Нашлись и такие, которые личные творческие неудачи, а то и просто свою бездарность хотели обусловить различными рассуждениями о якобы несовершенстве метода социалистического реализма. Становление метода социалистического реализма в литературе, искусстве было всегда связано с классовой борьбой на идеологическом фронте. Эту борьбу вели руководимые Коммунистической партией советские литераторы и мастера искусства против открытых и замаскированных врагов социалистической культуры, против буржуазно-националистической агентуры в литературе, искусстве, против реакционных течений: формализма, натурализма, декадентского трюкачества” и т. п.⁸⁶.

Для нас наибольший интерес представляет взгляд автора статьи в журнале “Коммунист” на Постановление 1948 года. “Следует также остановиться на программном значении постановления “Об опере “Великая дружба” В. Мурадели”, – начинает автор и задаётся вопросом: “Каков его основной смысл?” И далее следует пространный пассаж совсем в духе эстетики 1948 года. “Прежде всего, он состоит в борьбе против формализма в музыке. Постановление осудило превращение музыки в какофонию, хаотическое нагромождение звуков, выступило против новаторства ради новаторства в духе современной

буржуазной модернистской музыки, то есть против всего того, что ведёт к снижению высокой общественной роли музыки, сужению её значения до удовлетворения извращённых вкусов эстетствующих индивидуалистов, к замкнутости в узком кругу музыкальных гурманов. Постановление отвергло попытки сторонников упадочной, формалистической музыки выдавать произведения этого направления за новые завоевания советской музыки, а отрицательную реакцию на них народа объяснять по-барски, что-де “народ не дорос”, “поймут через столетия”.

И опять-таки в качестве назидания и предостережения композиторам: “Нельзя закрывать глаза и на то, что нездоровые, чуждые нам тенденции в музыке, против которых направлено постановление, всё ещё дают о себе знать и сегодня”.

Создаётся такое впечатление, что автор статьи почти слово в слово повторяет то ли текст самого постановления ЦК ВКП(б) “Об опере “Великая дружба” В. Мурадели”, то ли вступительную речь А. Жданова на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) 11 января 1948 года. Та же лексика, те же знакомые до боли оценки и установки: “реалистическое направление в музыке”, “огромная прогрессивная роль классического наследства, в особенности традиций русской музыкальной школы”, “глубокая органическая связь с народом и его музыкальным творчеством”, “высокое профессиональное мастерство при одновременной простоте и доступности музыкальных произведений”.

Постановление 1948 года, совещание деятелей музыки в ЦК ВКП(б) в январе того же года были осмеяны на Западе уже в 1949 году. В тот год появилась книга журналиста Александра Верта “Музыкальный скандал в Москве”, с его лёгкой руки появился термин “ждановщина”⁸⁷. Конечно, в союзах композиторов соцстран хорошо знали Постановление 1948 года, оно сыграло свою роль и в их судьбе. После 1956 года и в польском, и в чехословацком союзах композиторов уже открыто говорили о нём как о “ждановщине”.

Журнал “Коммунист” был сугубо ведомственным, как я помню, его читали в основном партийные лекторы, пропагандисты, идеологические работники. Тем не менее, это был журнал ЦК КПСС, по сути, главный теоретический орган Агитпропа, на него ориентировалась вся партийная вертикаль, от отделов ЦК КПСС, обкомов и крайкомов до первичных партийных организаций. И конечно, парторганизации творческих союзов не могли его игнорировать. А парторги не могли не информировать руководителей своих учреждений. И уж конечно, и Хренников, и Белый хорошо знали если не саму статью, то уж то, что за ней стоит...

Статья завершается решительным выводом: “Таким образом, постановления ЦК КПСС 1946–1948 годов по вопросам литературы и искусства в их основном содержании сохраняют и сейчас актуальное значение”.

Шостакович молча перенёс неудачу с Ленинской премией, прекрасно понимая ситуацию и сознавая, кто был главным виновником непрохождения Десятой. Он готовился дать решительный бой Хренникову. Сам Хренников это прекрасно понимал и тоже готовился к бою. У него было много приводных ремней к руководителям республиканских и городских союзов. Все нуждались в наградах, в поощрениях, все хотели, чтобы их произведения прозвучали в Москве, да мало ли с какими только вопросами и просьбами не обращались к Председателю Правления Союза композиторов СССР.

И надо отдать ему должное, Хренников отвечал вниманием. Он прославился своей политикой “добрых дел”. Будучи опытным и деловым человеком, имея массу нужных знакомств, связей, он находил выход из трудных положений и помогал многим людям. И, конечно, не случайно, незадолго перед съездом, чтобы иметь лишние голоса от москвичей, отличавшихся своим либерализмом и неприятием духа “ждановщины”, он организовал собрание московских композиторов и на этом собрании обещал добиться от государства постройки целого дома специально для московских композиторов. И добился этого!

И всё же, конечно, Хренников был перед съездом в большом напряжении. На его глазах уволили якобы по болезни главу Академии художеств, любимого художника Сталина — А. М. Герасимова. Хренников понимал, что в любую минуту он может лишиться своего поста. И тут ему, что называется, подвалило счастье.

15 февраля газета “Правда” проинформировала читателей о торжествах в Москве по случаю 100-летия со дня смерти М. И. Глинки. Здесь же была помещена статья Ю. А. Шапорина о русском композиторе⁸⁸.

Дату его кончины решили “отпраздновать”, вероятно, в пику торжествам по случаю столетия со дня смерти А. С. Пушкина, отмечавшегося при Сталине. Постановлением Всемирного Совета Мира эта дата отмечалась во многих странах мира. Министерства культуры СССР и РСФСР совместно с Союзом советских композиторов СССР и Советским комитетом защиты мира организовали торжественное заседание в Большом театре, которое открыл председатель Всесоюзного комитета по проведению 100-летия со дня смерти композитора Ю. Шапорин. Доклад о жизни и творчестве М. И. Глинки сделал Председатель Правления Союза советских композиторов Т. Хренников. На вечере выступали с речами представители музыкальной общественности союзных республик. От Российской Федерации выступал Д. Шостакович. На заседании и на концерте присутствовали руководители партии и государства СССР Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Н. С. Хрущёв. Были и иностранные гости, члены правительственной делегации Болгарии (А. Югов, Т. Живков, Г. Трайков, Е. Станков и др.).

В этом же номере “Правды” на четвёртой странице была помещена краткая, скупая хроника: “Президиум Верховного Совета СССР освободил тов. Шепилова Дмитрия Трофимовича от обязанностей Министра иностранных дел СССР в связи с переходом на другую работу”⁸⁹.

А на следующий день газета “Правда” сообщила о состоявшемся Пленуме ЦК КПСС и его решении: Пленум ЦК избрал тов. Козлова Ф. Р. кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС и тов. Шепилова Д. Т. – секретарём ЦК КПСС⁹⁰. Не знаю, что чувствовал при этом сам Дмитрий Трофимович, который не получил даже пост члена Президиума, но догадываюсь, что Тихон Николаевич Хренников наверняка испытывал радость...

Шепилова опять направили на прежнюю работу в ЦК КПСС, он вновь занялся культурой. Его ждало проведение сразу двух съездов.

Первой его крупной акцией стал Первый учредительный всесоюзный съезд советских художников. Перед съездом открылась большая выставка, шли собрания. Время было беспокойное, особенно после событий в Венгрии, к концу 1956-го – началу 1957 года сложилась совсем новая, невиданная в предшествующей эпохе атмосфера. Помимо общей весьма противоречивой реакции на крутую смену партийного курса, на начавшуюся десталинизацию, в художественной среде начались внутренние разногласия. Ситуация, подобная той, что сложилась в среде композиторов, была знакома представителям разных искусств. Стали формироваться отдельные группы, художественные партии. Собственно, внутренняя борьба и конкуренция существовала всегда, но сейчас она обрела некое новое идейное содержание. Помимо откровенных консерваторов, даже можно сказать – реакционеров от искусства, появились ярые “прогрессисты”. Наиболее радикально была настроена молодёжь, которая решительно отрицала все ценности и достижения в советском искусстве, советскую идеологию, эстетику и видела своё будущее в подражании и освоении опыта современного западного искусства.

Хрущёв и его сторонники, точнее, его команда решили объявить войну крайностям. Незадолго до возвращения Шепилова на пост секретаря ЦК КПСС, а быть может, и уже в согласии с ним, пост главы Академии художеств СССР покинул А. М. Герасимов, одиозный художник, один из столпов сталинского “соцреализма”. Этим шагом партия давала понять, что возвращения к прошлому “украшательскому” стилю, к помпезности и “лакировке действительности” нет⁹¹. Тем не менее, и наиболее радикальных московских художников, устроивших знаменитую полускандалную выставку “На Масловке”, особенно молодых, которые в открытую восхваляли Пикассо, Матисса, Кандинского и знали по цветным журналам американских геометрических абстракционистов и экспрессионистов, не только не поощряли, но и нещадно ругали, “прессовали”. Эти крайности решительно осуждались, причём не только партийными функционерами, но и некоторыми художниками, особенно старшего поколения, представителями академической школы, восходящей к традициям старой академии художеств или к мастерам начала XX века.

Шепилов энергично взялся за дело. Положение у него было не из простых. С одной стороны, как видный идеологический работник партии, как

член ЦК КПСС он должен был исполнять свой партийный долг. К тому же внешнеполитические события осени 1956-го – зимы 1957 года, с которыми ему пришлось столкнуться впрямую, наложили свой отпечаток и добавили дополнительный груз на его и без того трудную миссию. Напряжённая политическая ситуация, резкое противостояние с Западом на грани войны крайне обострили и противостояние в сфере идеологии, культуры. В своём докладе на съезде художников Шепилов дал ясно понять, что не нужно питать никаких иллюзий относительно культурного сближения с Западом. “События в Египте и в Венгрии показали некоторым благодушным людям, что сосуществование и экономическое соревнование социализма с капитализмом не есть мирное идиллическое бытие”.

Положение дел в стране и вокруг неё требовало от него “ежовых рукавиц” на руках. Однако Шепилов решил занять некую компромиссную позицию, за которую позднее, после июньского пленума 1957 года его ругали в Политбюро, обвиняя в недопустимом либерализме.

Съезд художников проходил в конце февраля – начале марта, чуть меньше месяца до Второго съезда советских композиторов, в котором Шепилов тоже принял деятельное участие. На торжественном открытии было зачитано Приветствие ЦК КПСС Всесоюзному съезду советских художников. Съезд объявил открытым академик, народный художник СССР, лауреат Сталинской премии К. Ф. Юон. В молодости он принимал участие в выставках Московского товарищества художников (1899, 1902), Товарищества передвижных художественных выставок (1900).

Первым выступил с основным докладом Б. Иогансон⁹². Тоже академик, народный художник СССР, лауреат Сталинской премии, такой же представитель традиции русской реалистической живописи. В докладе Иогансона в отличие от подобных докладов в прежние годы содержалась новация. Он обрушился с критикой на вульгарно-социологический подход, искаживший сложную картину развития русского искусства в начале XX века: “. . . Третировали творчество всех художников этого периода, которые занимали противоречивую, колеблющуюся позицию между демократическим лагерем и противостоящим ему лагерем декадентства и формализма. Игнорируя наследие этих мастеров, мы, с одной стороны, искажаем историю русского искусства, лишаем её очень яркой и ценной страницы, с другой стороны, сглаживаем противоречивость развития предреволюционного искусства и, наконец, обедняем своё наследие, недоучитываем многообразие путей к правде в нашем искусстве”.

А затем он отдал дань Ленину, партии и продекларировал приверженность методу социалистического реализма, который “при его глубоком и правдивом понимании открывает перед художником широкие возможности для проявления его творческой инициативы, индивидуальных склонностей”. Констатировал, что “30-е годы были годами победного утверждения социалистического реализма в нашем искусстве” и что “советское искусство решительно отказалось от “наследия” формализма”. Про парадность советской живописи конца 1940-х годов заметил, что “культ личности неблагоприятно сказался на историко-революционном и портретном жанрах живописи”. И, что было немаловажно для культуры и искусства многонационального Советского Союза, подчеркнул: “Стиль соцреализма способствует сохранению национальных особенностей в искусстве”.

После Иогансона с содокладами выступали И. А. Серебряный – о живописи, М. В. Алпатов – об искусствознании и критике. О скульптуре содоклад прочитал Н. В. Томский, о советской графике – Н. Н. Жукова. Были ещё отдельные содоклады по разным видам и жанрам изобразительного искусства. В прениях по основному докладу выступали Б. Неменский, М. Дерегус, П. Корин. Т. Яблонская, Д. Шмаринов, Д. Сарабьянов.

В конце работы съезда выступил министр культуры СССР Н. А. Михайлов, А. Пластов зачитал приветствие съезду от Академии художеств и сам выступил с докладом. Потом прошли выборы, и был избран состав Правления Союза художников СССР, утверждён Устав Союза. Первым главой Союза стал К. Ф. Юон. Через год, когда он ушёл из жизни, первым секретарем Правления стал академик С. В. Герасимов.

Шепилов выступил 2 марта, сразу после основного доклада Б. Иогансона. На докладе Шепилова стоит остановиться чуть подробнее, так как в нём можно заметить те же установки, которые проявятся в его докладе на съезде композиторов.

Художники ждали съезда, ждали ответа на самый главный для них вопрос: куда ж им плыть? Что ждать от государства? Какое направление укажет для искусства партия? После XX съезда у художников появились надежды если не на смену курса, то хотя бы на какие-то перемены. «Главный вопрос, который пронизывал всю предсъездовскую дискуссию, ставился в выступлениях, в печати и на различных собраниях, а теперь находится в центре внимания съезда, — начал своё выступление Шепилов на съезде, — это вопрос о направлении развития советского изобразительного искусства. Советскую общественность не может не волновать, по какому пути будет двигаться дальше наше искусство»⁹³.

Судя по всему, у Шепилова был традиционный вкус к фигуративной живописи, и он считал её единственно ценной. А так как речь шла о реалистических традициях в стране, строящей коммунизм, то он не видел никакой иной эстетической доктрины, пригодной в СССР, кроме социалистического реализма. И он сделал защиту этого метода главной темой своего доклада. Надо отдать Шепилову должное, доклад его произвёл на делегатов съезда большое впечатление своей внутренней энергетикой, убеждённой, живой образной речью. Конечно, его положение обязывало отдать дань официозу, цитатам из классиков марксизма, коммунистической фразеологии. Тем не менее, его доклад резко отличался по стилистике от речей партийных руководителей эпохи А. А. Жданова. Впрочем, об искусстве никто так живо не говорил и с таким явным личным отношением к художникам или произведениям искусства и в хрущёвское время, да и позже.

Подкупало художников и то, что Шепилов знал живопись и архитектуру не понаслышке. За границей он посещал музеи, выставки, в том числе и современной, «авангардной» живописи. Он знал, что абстрактную живопись на Западе хвалили, что ею увлекались художники из социалистических стран. Он также прекрасно знал, что в Польше, Югославии, Чехословакии «ревизионистски» настроенные искусствоведы, философы буквально издевались над «социалистическим реализмом», считая его совершенно отсталой, бесперспективной «вампкой» эпохи сталинизма⁹⁴. Знал и то, что молодые художники Москвы, Ленинграда, Таллина, Риги, Тбилиси жадно впитывали все новости о художественной жизни Запада, прекрасно знал, какой фурор среди молодёжи произвела выставка французской живописи, где были показаны импрессионисты и Пикассо.

Знал и причины таких настроений. «В среде художников основательной критике подвергся ряд плохих картин, схематичных, построенных по рассудочной рецептуре, лишённых жизненной правды.

Критикуют фальшивую, помпезную, лакированную продукцию. Критикуют произведения, в которых подлинное искусство подменено убогим натуралистическим копированием, равнодушным ремесленническим фотографизмом и в которых нет ни мысли, ни страсти, ни красоты. Эта критика в основном справедлива. В подобных произведениях авторы порывают с правдой жизни, с высокими требованиями искусства, с социалистическим реализмом. За это они и подвергаются критике со стороны художественной общественности. Однако некоторые товарищи приходят к совершенно неожиданному заключению — причиной таких недостатков нашего искусства они объявляют... метод социалистического реализма».

Знал, понимал и всё же отстаивал свои принципы: «... некоторые зарубежные критики требуют от нас поступиться именно главным, требуют ревизии всех принципов, на которых строится социалистическая литература. Мне хочется с особой силой подчеркнуть, что мы категорически отвергаем идейные компромиссы».

Разумеется, служебное положение Шепилова обязывало его отстаивать государственно-партийный подход к искусству. Разумеется, ему долг велел отстаивать основной канон советской эстетики — социалистический реализм. И всё же в это чисто партийное задание Шепилов сумел внести личное начало, своё понимание соцреализма. Главный идеолог в области культуры на тот момент, Шепилов решил очистить его от тяжёлых напластований догматизма сталинской поры и сделать привлекательным для аудитории съезда советский эстетический «символ веры».

Уверен, что можно говорить о шепиловской редакции термина «социалистический реализм». В его трактовке этот термин обрёл расширительное толкование. И хотя это было далеко от «реализма без берегов» Роже Гароди, тем

не менее, он был также далёк и от узкого, начётнического толкования его записными партийными эстетиками, философами, подвизающимися в журнале “Коммунист”.

“Проблемы социалистического реализма активно обсуждаются сейчас писателями, художниками, композиторами. Это объясняется, прежде всего, тем, что в самой художественной жизни есть столько новых процессов, столько новых явлений, что надо их осмыслить с точки зрения метода искусства. С другой стороны, империалистические силы ведут против нас идеологическую борьбу, что обязывает художников в ряду других мер глубже разрабатывать и острее ставить теоретические проблемы развития искусства”.

В его докладе ясно прозвучали два основных постулата. Первый: искусство служит государству, официальной идеологии. Поэтому остаётся неизменной советская эстетическая доктрина социалистического реализма. Второй постулат: в рамках расширенного понимаемого после XX съезда партии социалистического реализма, освобождённого от искажений, связанных с культом личности, возможны разные творческие почерки, стили, относительная свобода в выборе техники, композиции и пр. Есть две крайности, против которых выступает партия: натуралистического псевдореализма и помпезности сталинской эпохи, а с другой стороны – против формализма, декадентства, эстетства и прочих явлений буржуазной культуры.

Собственно, в кратком виде, тезисно эти два постулата выражены были в приветствии съезду от ЦК КПСС. “Перед Союзом художников СССР стоят большие и почётные задачи. Утверждая своим творчеством великие идеи коммунизма, мастера изобразительного искусства призваны вести неослабную борьбу против вредоносных эстетско-формалистических тенденций, против натуралистического псевдореализма, подменяющего подлинное искусство больших чувств и идей ремесленным фотографизмом, против фальшивой и напыщенной помпезности и других явлений, чуждых искусству социалистического реализма”.

Шепилов разукрасил эти два основополагающих, “железобетонных” правила узорочьем своего красноречия. Надо сказать, что Дмитрий Трофимович выделялся среди высших партийных деятелей своим кругозором, образованностью и относительной широтой взглядов. Не зря он слыл в партийных кругах либералом. Его речь отличалась всё же более или менее живым языком, в ней было мало следов начётничества, бесконечных цитат из классиков марксизма-ленинизма, чем часто страдали речи и выступления партийных чиновников.

Вместе с тем, положение обязывало Шепилова всё же занять и отстаивать твёрдую партийно-государственную позицию. Его собственный опыт работы во главе МИДа давал о себе знать. Он, как мало кто, знал складывающуюся новую ситуацию в мире, как никто понимал, что вновь сильно запахло порохом и что третья мировая вполне могла разразиться⁹⁵. Не говоря уже о том, что в советском обществе обнаружилось явное нестроение, глухой народный ропот достигал слуха обитателей Кремля.

В новой ситуации, совсем не похожей на ту, которая была год тому назад, после XX съезда партии, в речи Шепилова на съезде художников зазвучали жёсткие интонации, которые не были характерны для выступлений и речей партийных руководителей ещё сравнительно недавнего времени.

Если в документах XX съезда КПСС ещё ничего не говорится о руководстве искусством, если в своём докладе по случаю 86-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина тот же Шепилов велеречиво обещает, что метод социалистического реализма “открывает безграничные возможности для творчества” и что, по Ленину, “необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям”, то в речи на съезде художников Дмитрий Трофимович уже открыто декларирует вовлечённость искусства в идейную борьбу, в политику. И даёт ясно понять, что партия не потерпит эстетической оппозиции в среде творческой советской интеллигенции.

Вот его слова: “За последнее время мы сталкивались с острыми нападками на советское искусство. Если говорить о злобных выпадах против нашего реалистического искусства, идущих из империалистического лагеря, то надо заметить, эти выпады делают честь советским художникам, так как показывают, что наше искусство стоит на правильном пути и именно потому вызывает злобное исступление врага. (Аплодисменты). Нападки эти, разумеется,

не случайны. На наших глазах резко обостряется борьба агрессивных империалистических кругов против лагеря мира и социализма. События в Египте и в Венгрии показали некоторым благодушным людям, что сосуществование и экономическое соревнование социализма с капитализмом не есть мирное идиллическое бытие. Сосуществование не исключает, а предполагает борьбу. Правда, эта борьба не влечёт за собой фатальной неизбежности войны, но в некоторых областях, и прежде всего, на фронте идеологическом она порой доходит до очень острых форм.

Мы понимаем, что недруги социализма, критикуя советскую скульптуру, живопись или литературу, нападают, конечно, на революционную идеологию в целом, на марксистское мировоззрение, на основы нашей политики. И наш долг – смело и решительно отвечать на все вражеские нападки, разоблачая и посрамляя идейных противников, ибо советское искусство воплощает самые передовые тенденции развития художественного творчества.

Внутри страны, среди некоторой (правда, небольшой) части работников искусств мы иногда сталкиваемся с недопониманием, с недоумёнными вопросами, а изредка и с прямой критикой незыблемых принципов советского искусства”.

Шепилов сумел подкупить собрание художников своими высказываниями по ряду наблевших проблем. Так, аплодисментами приветствовал съезд его нелестную оценку Академии художеств, царившей в ней групповщины. “Когда создавалась Академия художеств, в первый состав членов Академии, утверждавшийся правительством, были включены художники различных творческих индивидуальностей. Тем самым подчёркивалась недопустимость какой бы то ни было нивелировки и унификации. К сожалению, руководство Академии художеств, особенно за последние годы, проявляло известную узость и ограниченность в подходе к основным проблемам художественного творчества. Произведения небольшой группы художников объявлялось единственным выражением настоящего социалистического реализма, а на людей с иным художественным почерком смотрели порой недоверчиво и подозрительно”.

Так же художники одобрительно приветствовали его слова относительно внутренних “разборок” в художественной среде с применением весьма недостойных методов, практиковавшихся в 1920–1940-е годы. “Соцреализм не совместим ни с какой узостью и догматизмом, – утверждал Шепилов, и ему хотелось верить. – Нельзя принципиальность подменять групповой предвзятостью, нельзя легко “отлучать” от социалистического реализма и зачислять тех или иных мастеров в категорию “эстетов-формалистов” или, наоборот, “натуралистов-фотографистов”, представляя социалистический реализм как некое прокрустово ложе и старательно постригая всё, что не подходит к заранее избранной мерке. (Аплодисменты)”.

Шепилов избрал верный, доброжелательный к художникам тон. Он никого персонально не осудил, не предал резкой партийной критике. Наоборот, сумел как можно больше разных художников отметить с положительной стороны. И всячески подчёркивал необходимость “мирного сосуществования” среди художников, призывал к терпимости и доброжелательности. “Очень хорошо, что живопись П. Кончаловского или П. Бакшеева не похожа на живопись А. Пластова, а М. Сарьян пишет не так, как Г. Чуйков или С. Григорьев, хотя все они замечательные художники. У В. Фаворского своя графическая манера, не похожая на манеру И. Павлова. Очень хорошо, что у Т. Яблонской свои приёмы, отличные от приёмов А. Герасимова, что А. Шовкуненко работает в иной манере, чем У. Тансыкбаев, у С. Конёнкова, В. Мухиной, З. Азгура, Т. Залькална – разные “скульптурные почерки”, но это не мешает нам ценить всех этих талантливых скульпторов. (Аплодисменты). Очень хорошо, что в нашем реалистическом искусстве звучат также прекрасные романтические мотивы – без романтики, без мечты искусство серо и бледно. (Аплодисменты). И одна из задач Союза художников – решительнее поощрять это разнообразие почерков, смелее поддерживать художников разных манер, делать всё для помощи таланту и мастерству...”

И всё же не следует забывать господствующий дух официоза той эпохи. Свою речь Шепилов заканчивает недвусмысленным предупреждением: “Мы боремся за всемерное укрепление партийного руководства искусством, ибо в этом – залог его правильного развития и процветания”.

Уже давно повергнута советская власть, канул в Лету отдел культуры ЦК КПСС, предан анафеме и осмеян “социалистический реализм”. Но когда я теперь приезжаю в Москву и вижу растущие, как на дрожжах, убогие памятники, напоминающие восковые фигуры из музея мадам Тюссо, вроде огородного пугала – скульптурного изображения играющего на виолончели М. Ростроповича в Брюсовом переулке – или памятника К. С. Станиславскому и В. И. Немировичу-Данченко в начале Камергерского переулка, издали напоминающему двух бомжей, то мне становится не по себе. Я начинаю понимать, что наше искусство идёт не столько вперёд, сколько всё дальше и дальше скатывается к какому-то совсем уж беспомощному, бескрылому натуралистическому фотографизму. И самое ужасное, что этот фотографизм становится чуть ли не главным стилем нашей отнюдь не социалистической эпохи. Кажется, не потеряли своей злободневности слова Д. Т. Шепилова, в своём докладе на учредительном съезде художников сказавшего следующее: “Художник – не фотограф. Фотоаппарат пассивно отображает то, что находится перед ним. Художник же призван – и это самое главное в творчестве – сквозь внешнее видеть коренное содержание жизни, сущность явлений”.

5

8 марта 1957 года газета “Советская культура”, поздравив женщин с праздником, проинформировала читателей об окончании Первого Всесоюзного съезда советских художников. Заключительное заседание проходило в Кремлёвском дворце 7 марта, присутствовал почти весь партийный и государственный ареопаг: Л. М. Каганович, В. М. Молотов, М. З. Сабуров, М. А. Суслов, Л. И. Брежнев, Д. Т. Шепилов, Е. А. Фурцева, П. Н. Поспелов (правда, за исключением первых трёх лиц в партии и правительстве – Н. С. Хрущёва, Н. А. Булганина и К. Е. Ворошилова). К. Ф. Юон зачитал приветствие съезда художников Центральному Комитету КПСС, с заключительным словом выступил С. Т. Конёнков.

А уже 9 марта та же газета “Советская культура” перепечатала из журнала “Культура и жизнь” (1957, № 1) статью А. И. Хачатуряна “О музыке наших дней: Заметки композитора”. Статья заканчивалась анонсом: “Весной 1957 г. должен состояться Второй Всесоюзный съезд советских композиторов”.

Съезд художников ещё продолжался, а в Союзе композиторов СССР, в отделе культуры ЦК КПСС развернулась энергичная подготовка к композиторскому съезду. На Правлении секретариата СК СССР составлялись списки делегатов съезда, шла интенсивная переписка с зарубежными “прогрессивными” композиторами, которые приглашались на съезд. Вопрос о его проведении Шепилов сразу взял под свой контроль. Дело доходило до того, что когда Хренников попросил провести после съезда приём на семьсот человек, и министр финансов ему отказал, то Шепилов вмешался и добился того, чтобы обильное угощение для участников и гостей съезда было оплачено из госказны⁹⁶.

Весь март шла усиленная информационная “артподготовка”. Во вторник 12 марта в газете “Советская культура” выходит большая статья А. Новикова, посвящённая состоянию массовой песни⁹⁷. 14 марта та же газета публикует краткие заметки композиторов В. Шебалина, А. Гедике, Ю. Левитина и К. Хачатуряна под общим заголовком “Наши пожелания съезду”⁹⁸. В субботу 16 марта в той же газете помещены краткие информационные сообщения об уйгурской опере, об опере А. Н. Александрова и фортепианном концерте Е. Голубева, а в номере от 19 марта на третьей странице помещена подборка статей о молодых композиторах, в том числе об А. Эспае, А. Петрове, Р. Щедрине. В своей статье об Андрее Волконском Л. Полякова не поспешила на похвалы в адрес молодого композитора, отметив, что “огромные масштабы его дарования не вызывают сомнений ни у кого. Самостоятельность и ранняя зрелость его как музыканта несомненны”⁹⁹. Волконский в это время становится негласным лидером молодёжи, что вызывало зависть и раздражение некоторых его коллег-сокурсников по консерватории. В четверг 21 марта в “Советской культуре” поделились своими пожеланиями приближающемуся съезду И. Дзержинский, А. Касьянов, М. Заринь. На третьей странице того же номера свои впечатления о советской музыке изложили певец И. Петров, виолончелист М. Ростропович, военный дирижёр, генерал-майор И. Петров и “народник” В. Смирнов. Наконец, 23 марта в этой же газете появляется

передовица “Композитор и народ” с весьма примечательной фразой: “Советские композиторы, как это отмечалось в Постановлении ЦК партии от 10 февраля 1948 года, имеют аудиторию, которой никогда не знал ни один композитор в прошлом. И эта многомиллионная аудитория по праву хочет иметь таких композиторов, которых также никогда не бывало в прошлом. И она надеется, что Всесоюзный съезд советских композиторов наметит пути дальнейшего развития и расцвета музыкального творчества в нашей стране с тем, чтобы музыка вполне удовлетворяла высокие требования тех, для кого она пишется¹⁰⁰”. Постановление 1948 года будет упомянуто и на самом съезде композиторов, причём в положительном смысле. Тональность, заданная журналом “Коммунист”, станет едва ли не основной на Втором съезде...

На второй странице этого номера была опубликована дозированная и явно отредактированная подборка благожелательных откликов читателей под заголовком “Слушатели о советской музыке”. Если газете было необходимо или было задание свыше – подборки таких откликов отличались резкостью, а в конце 1930-х годов – прямо-таки людоедской свирепостью. Страницей ниже статья Г. Поляновского под заголовком, напоминающим лозунги РАПМа, – “Музыка – массам!”. И дальше, на протяжении композиторского съезда газета “Советская культура” постоянно информировала о его работе. “Известия” тоже уделяли сравнительно много места информации о Втором съезде композиторов, меньше давала “Правда”, в основном, важные, чаще партийно- и государственно “направляющие” материалы. Тем не менее, именно “Правда” предоставила свои страницы Д. Д. Шостаковичу в канун открытия съезда и дала ему возможность выступить с программной статьёй, о чём речь пойдёт ниже.

Конечно, наиболее богатым и насыщенным по освещению съезда был ведомственный орган Союза композиторов, журнал “Советская музыка”. Мы ещё вернёмся к публикациям в нём, но отметим сразу два наиболее важных, наиболее информативно насыщенных блока. Один шёл под рубрикой “Пути и перспективы современной музыки”, другой – под рубрикой “Предсъездовская трибуна”. В первом публиковались интервью, взятые в основном у иностранных гостей съезда, во втором шла открытая дискуссия между представителями разных музыкальных лагерей.

В марте шла не только информационная подготовка к съезду в СМИ. К съезду готовился и отдел культуры ЦК КПСС, и сам Д. Т. Шепилов, который был главным куратором Второго съезда. Конечно, его информировали как из отдела культуры, так и из самого Союза композиторов. И, скорее всего, Шепилов понимал, что в Союзе не всё гладко и что на съезде предстоит нешуточная борьба. Опасаясь непредвиденного, Шепилов решает сам прощупать настроения в композиторской среде. За несколько дней до открытия съезда он устраивает встречу с композиторами и музыковедами в ЦК КПСС. Встреча проходила два дня, 22 и 23 марта, и на неё пришла довольно внушительная делегация: представители разных республик, разных жанров, песенники и симфонисты, и, что немаловажно, люди различных взглядов, различных направлений. Были тут и композиторы-“реалисты”, и те, кого в 1948 году прозвали композиторами “формалистического” направления.

Чтобы встреча не напоминала приснопамятное совещание музыкальных деятелей в ЦК ВКП(б) в феврале 1948 года и чтобы расположить приглашённых к более или менее откровенному разговору, Шепилов решил назвать её беседой. Так прямо и сказал в самом начале встречи: “...собрали, чтобы послушать вас, коммунистов и беспартийных, какие вопросы следовало бы рассмотреть на съезде. <...> не доклады, а товарищеская беседа по вопросам, которые волнуют нашу музыкальную общественность”¹⁰¹.

Первым выступил Хренников. В сравнении с его статьёй в газете “Правда” почти годичной давности, на сей раз Председатель Правления был более осторожным, дипломатичным. Но, тем не менее, хотя и в мягкой форме, но всё же им были проставлены некоторые акценты.

В начале своего слова Хренников указал на нарушение Устава Союза композиторов: вместо трёх между съездами прошло девять лет. Он не стал комментировать это нарушение, но ясно, что он упомянул его, как бы намекая на некие форс-мажорные обстоятельства, чтобы снять с себя ответственность за это нарушение.

Затем он отметил успехи советских композиторов, создавших много произведений за период между 1948 и 1957, не забыв подчеркнуть, что этому успеху

способствовало Постановление ЦК партии 1948 года. И как бы в подтверждение благотворности Постановления добавил: “Особенно в первые годы после Постановления было создано большое количество произведений на современные темы”.

И тут же признал, что, вместе с тем, было много ошибок. “Было много сладеньких примитивов, рабское копирование, цитирование народной музыки... Среди ошибок этого периода необходимо отметить некоторые музыкальные произведения, которые были записаны в разряд формалистических и которые не являлись таковыми, хотя они, может быть, нуждались в товарищеской критике. Вышло так, что они выпали из нашей концертной практики как произведения крамольные. Впоследствии эта ошибка была исправлена”. В целом же, несмотря на эти ошибки, связанные с культом личности, всё было хорошо, всё в ажуре.

И вот дальше он точно так же, как и в Комитете по Ленинским премиям, прибегнул к своему испытанному способу говорить, так сказать, с нелицеприятной, товарищеской прямоотой. Причём в мягкой форме, лишь намекая, как бы невзначай. Заметил, что “в советской музыке не существует формалистических направлений”, и тут же добавил: “...хотя отдельные пережитки модернизма всё ещё наблюдаются в том или ином виде в творчестве наших композиторов”. И как на пленарном заседании в Комитете по Ленинским премиям он говорил про Десятую симфонию Шостаковича, так и здесь, не называя её, намекнул, обронив, что есть сочинения, вызвавшие дискуссию, “иногда прямо противоположные оценки”.

А потом пошло-поехало. Стал стрелять по площадям. Первым залпом накрыл кантатно-ораториальный жанр. Увидел в этом жанре недостатки. Намекнул на существующую проблему “идейности нашего творчества”, проблему “современности нашего искусства”, посоветовал, что раньше, в 1953–1954 годах было много произведений, связанных с темой современности. И стал перечислять произведения в ораториально-кантатном жанре, при этом как бы случайно упомянул сочинения сталинской эпохи – “Песнь о лесах” Д. Шостаковича (Сталинская премия 1949 года), “На страже мира” С. Прокофьева (Сталинская премия 1950 года), кантату “О Родине” А. Арутюняна (1948, Сталинская премия 1949 года). И потом с сожалением заметил: “За последнее время мы в ораториально-кантатном жанре не можем назвать таких произведений, которые были связаны с темой нашей действительности”. О прозвучавшей уже неоднократно “Поэме памяти Сергея Есенина” – ни слова. Наверняка Хренников читал сам или ему пересказывали статью М. Сокольского в августовском номере “Литературной газеты” за прошлый, 1956 год, в которой критик намекал на спорное идейное содержание “Поэмы”...

После ораториально-кантатного жанра Председатель Правления СК СССР обнаружил те же недостатки в программном симфонизме. А потом решил добить оба жанра одним залпом. И избрал для этого залпа снаряд большого калибра – проблему демократической направленности нашего творчества. И выстрелил: “У нас всё-таки нет такого произведения в симфонической и кантатно-ораторной (sic!) музыке, которое могло бы привлечь сердца самых широких слоёв слушателей, которое могло бы быть исполнено на торжественных сборищах, которые собирают самые широкие круги слушателей”.

И потом опять – чёрно-белым цветом: “Здесь необходимо отметить попытку Шостаковича создать такого рода произведение, как, например, “Торжественная увертюра”, как его “Партийная кантата”¹⁰², которые исполнялись и которые были приняты довольно тепло нашими слушателями. Но всё же, особенно в симфонической и камерной музыке, проявляются ещё широко субъективистские тенденции, нарочито усложнённый язык, мелодическая нераспетость, отсутствие эмоциональной ёмкости. Это всё черты, которые являются пережитками модернизма, которые ещё живы в нашем творчестве”.

После этого Хренников подверг критике журнал “Советская музыка”, якобы проповедующий теорию оправдания ухода от демократизма, доходчивости музыки. Особенно за раздел “Творческая трибуна”, в котором, по его мнению, “даётся суженное толкование социалистического реализма, снят вопрос о пережитках “либернистических” (sic!) влияний”. Не нравилось Хренникову, что в журнале слишком много говорят о вульгаризации переноса политических категорий в искусство. Походя он разнёс статью М. Сабининой об опере С. Прокофьева “Война и мир”.

В своих эстетических суждениях опытный Хренников по заведённой традиции открыто или завуалированно копирует мысли, установки, отдельные фразы из докладов партийных лидеров или документов. Так, в своём слове он воспроизвёл логическую конструкцию из доклада Шепилова на съезде художников: “Надо сражаться на два фронта: против пассивного отражательства в жизни, против примитивизма и одновременно – против снобизма и субъективной изощёренности”. Говоря о необходимости достижения высокого художественного мастерства, сослался на отчётный доклад ЦК на XX съезде партии.

Выступление Хренникова если и не повторяло текстуально его будущий доклад на предстоящем съезде, то, во всяком случае, носило программный характер. Это не было похоже на беседу в тесном товарищеском кругу.

Надо отдать ему справедливость, в речи Хренникова содержались и дельные соображения, подымались реальные проблемы. Так, он упомянул давно назревший вопрос о создании Всесоюзного хорового общества, который был поставлен ещё на 1-м съезде композиторов. Что касается идеи создания Всесоюзного музыкального общества, то он выразил общий, корпоративный взгляд большинства композиторского сообщества – вопрос спорный, ещё не созрел.

Самодетельность Хренников поддержал как один из видов музыкально-эстетического воспитания широких масс. Особенно много дельного сказал о музыке в школе, школьной программе, заметив, что до войны музыка была в школе с 1-го по 10-й класс, были школьные кружки пения, музыки. Посетовал на печать, недостаточность музыкальной критики и просветительства в СМИ.

Под конец своего выступления затронул насущные для композиторской среды бытовые и хозяйственные вопросы: о строительстве дома в Брюсовом переулке, о решении жилищной проблемы, о зарплатах, о необходимости расширения издательской деятельности, новом издательстве и музыкальной газете, об издании музыкальной литературы.

После Хренникова выступали, в основном, представители республик, каждый подымал насущные местные проблемы или рассказывал о достижениях своих национальных композиторских школ. Казахский композитор (уйгур) Куддус Кужамьяров высказал пожелание, чтобы местные достижения показывались и издавались в центре, чтобы о них писали в центральной прессе, в той же газете “Советская культура”, чтобы главные композиторы России приезжали к ним и пр.

К. Ф. Данькевич поделился своими соображениями о музыкальной культуре Украины, украинском фольклоре, остановился на опере, затронул большой вопрос о закупочной комиссии, высказал надежду о создании периферийного симфонического оркестра.

Белорусский композитор Е. К. Тикоцкий тоже рассказывал о своих местных проблемах, не согласился с Хренниковым относительно создания хорового общества, предпочтя ему музыкальное. Только эстонец Э. А. Капп поделился своими впечатлениями о поездке в Чехословакию.

Партийный функционер Кирилл Молчанов, довольно быстро вошедший в руководство Союза композиторов, ведавший международными связями, говорил на животрепещущую тему – о культурном обмене, о проблеме исполнения и издания сочинений советских композиторов за рубежом и исполнении и издании зарубежных композиторов в СССР.

И всё же первая часть встречи прошла под знаком идейного превосходства композиторов-реалистов. Хренникова поддержал Иван Дзержинский. Он начал с проблемы оперного жанра, обратил внимание на его отставание. Подверг критике композиторов-симфонистов, которые пишут камерную, симфоническую музыку, но боятся взяться за оперу на современную тему. Поэтому первый вопрос – воспитание молодёжи в том духе, в котором этого требует народ, партия и правительство. И потом открыто пошёл в атаку, серdito заметив, что о 10-й симфонии Шостаковича в прессе – одни высочайшие эпитеты, это “гениальное, эпохальное” произведение, а о балете Соловьёва-Седого “Тарас Бульба” – ничего. “А публика любит “Тараса Бульбу”. Напомнил о письме курсантов военно-топографического училища по поводу дискуссии о 10-й симфонии и критические замечания в её адрес: “...никто не хочет публиковать”. И дальше в духе Постановления 1948 года заговорил о формализме, о народной песне, о советской интонации. В конце упомянул о скандале на пленуме ленинградских композиторов в прошлом (1956) году,

“когда потерпела большое поражение наша партийная организация”: в результате тайного голосования в Правление не прошёл ни один член партии.

После горячего, как всегда, выступления автора оперы “Тихий Дон” был объявлен перерыв, так что Ивану Ивановичу никто не сумел возразить или поспорить с ним.

После перерыва товарищеская беседа пошла несколько по иному руслу. Присутствие Д. Д. Шостаковича и его выступление невольно заставили поумерить пыл композиторов-реалистов. Они приутихли и не вступали в полемику. Теперь действительно началась спокойная беседа, без выпадов, без эскапад.

Выступил узбек Мухтар Ашрафи, говоривший о наболевших проблемах оперы в Средней Азии, о категориях и тарифах в оперных театрах. В конце выступления признался, что хочет в Чехословакию. Эта откровенность не могла не вызвать улыбки, никому в голову не приходило произнести это заветное желание вслух, хотя оно таилось в душах многих присутствующих. Ашрафи поддержал тему музыкального образования, по поводу которого сейчас идёт совещание.

И вот после Ашрафи слово было предоставлено Д. Д. Шостаковичу.

Он начал издали, обратив внимание на неподготовленность вопроса о музыкальном обществе, что называется “спохватились”, затем сказал о ценности связей между республиками внутри СССР. Затем напомнил о насущной задаче науки – создании истории советской музыки за сорок лет её существования, о необходимости пересмотра и изучения творческого багажа советских композиторов старшего и среднего поколения. Упомянул о недостаточном внимании к творчеству Н. Я. Мясковского. Уделил внимание оперным театрам, упомянув заслуги МАЛЕГОТА, много сделавшего для пропаганды современной советской оперы, положительно отозвался о театрах в Молотове, Куйбышеве. Покритиковал газету “Советская культура” за то, что она мало пишет о музыке, поддержал идею необходимости отдельной музыкальной газеты. И, как бы поддержав мысль Хренникова, что много было создано хороших произведений после первого съезда, сделал акцент на совсем ином. Вот его слова:

“Я думаю, что на нашем съезде развернётся интересная творческая дискуссия. Я не могу не порадоваться тому, что за последнее время расцвели и расцветают дарования ряда наших композиторов и молодых, и среднего поколения за период между первым и вторым съездами. Необычайно расцвело дарование композитора Свиридова, композитора Кара Караева и других товарищей, которые создали много превосходных произведений”.

После выступления Шостаковича в зале царило если не умиротворение, то, во всяком случае, не было никакого напряжения, нервозности. Хотя говорили о серьёзных, насущных проблемах и каждый высказывал свою точку зрения. В. Трамбицкий вновь вернулся к теме музыкального образования и напомнил о совещании на эту тему, говорил о недостатках эстетического воспитания, с чем было согласно большинство композиторов независимо от их взглядов и интересов. Трамбицкий – талантливый композитор, автор очень хорошей оперы “Гроза”, пользовавшейся популярностью, – был честным человеком, придерживавшимся традиционных вкусов. Как и в других своих выступлениях в эти годы, он констатировал факт резкого разрыва в жанрах между песней, стремящейся к мелодической простоте и ясности, и усложнённым языком симфонии. Трамбицкий считал, что классики знали меру, и видел в этом образец. Только что восстановленный в правах (в 1956 году) глава и основатель Союза композиторов Молдавии Давид Гершфельд говорил о наболевших проблемах своего союза, скорее всего, одного из самых бедных и нуждающегося в дотациях, с любовью и гордостью рассказал о своём детище – знаменитой капелле “Дойна”, известной как в СССР, так и за рубежом.

Казалось, беседа приняла спокойный, “конструктивный” характер после выступления Шостаковича, и ничто не предвещало каких-либо осложнений. Тем не менее, во второй день встречи разразился форменный скандал.

В начале встречи 23 марта выступил Д. Т. Шепилов, вновь, как на съезде художников, повторивший мысли об обострении борьбы двух систем, об упрощённом понимании тезиса о мирном сосуществовании двух систем, о том, что не надо питать никаких иллюзий относительно этой борьбы, и о том, что со стороны Запада идёт усиленная антисоветская пропаганда.

Но потом неожиданно поменял тему, отметив, что и на Западе есть друзья, есть и хорошее искусство, что нам нужно знать, что делается на мировой арене, какие прогрессивные и реалистические ростки нам нужно поддерживать, а с чем надо бороться. И всё же в конце призвал к бдительности: к нам проникает западная эстетика, наша задача — сплотить наши кадры на широкой демократической основе социалистического реализма.

Грузинский композитор А. Баланчивадзе, лауреат Сталинской премии, подружески попенял Хренникову, не согласившись с его мыслью о том, что достижения начались после 1948 года.” А “Тихий Дон”, а “В бурю”? — возразил он. — А симфонические произведения Мясковского, Прокофьева, а 5-я симфония Шостаковича, концерты Хачатуряна?” И призвал: “На 2-м съезде нужно сказать о достижениях и о том, кто ошибался — за 40 лет советской власти”.

Д. Б. Кабалевский в своём выступлении коснулся состояния музыкальной жизни, посетовал, что после войны стало меньше музыкальных театров, симфонических оркестров, хоров, квартетов. И, конечно, оседлал своего любимого конька — тему детского музыкального воспитания. Вспомнил, как в детстве пел мальчиком в церкви. Заметил, что в деревне церковь была центром культуры, там архитектура, живопись, музыка. И тут же внёс предложение: теперь из церквей нужно сделать клубы. Вспомнил речь Шепилова на съезде художников, его статью в 3-м номере “Коммуниста” о борьбе с формализмом.

И вот слово получил Лев Лебединский. Сейчас трудно сказать, было ли его выступление заготовкой, согласованной с Шостаковичем, или бесстрашный боец, когда-то один из главных идеологов РАПМа, член партии с 16-ти лет, чекист, имевший два боевых ордена Красного Знамени в гражданскую, решил на свой страх и риск вспомнить свою комиссарскую молодость и пойти в открытую атаку на Председателя Правления Союза.

Что связывало Льва Лебединского с Д. Д. Шостаковичем? Уж как они познакомились, точнее, как они сблизились — Бог ведаёт. Но в какой-то период жизни Шостаковича после смерти его жены, Нины Васильевны Варзар, рядом с ним оказался Лебединский, взявший на себя опеку о нём и помогавший Дмитрию Дмитриевичу в бытовых вопросах. С его лёгкой руки в доме появилась сначала Маргарита Каинова, а впоследствии и Ирина Антонова.

Вообще, надо сказать, возле Дмитрия Дмитриевича с юных лет всегда присутствовали представители соответствующих органов. И кадровые работники вроде В. Р. Домбровского, в конце 1920-х — начале 30-х годов работавшего в ОГПУ по Ленинградскому военному округу, к жене которого юный Дмитрий Дмитриевич был неравнодушен¹⁰³. Или те же сексоты, которых было много среди композиторов и музыковедов. Любопытно, что после войны в окружении Шостаковича оказались бывшие РАПМовцы, тот же Д. Житомирский. Скорее всего, с Лебединским Шостаковича объединяла общая ненависть к Сталину¹⁰⁴. Какие счёты были у Лебединского у Хренникову — боюсь судить. Быть может, он не мог простить Тихону Николаевичу, что в 1948 году он вместо него привелит другого РАПМовца, Виктора Белого. Впрочем, могла быть и просто неприязнь к Хренникову как к ставленнику Сталина.

Выступление Лебединского отличалось агрессивной манерой. Он напомнил Хренникову промахи в его выступлении о Союзе композиторов, заговорил о его ошибках как руководителя Союза, о том, что нет дискуссий, что атмосфера в Союзе казённая. Задел Хренникова за оценку статьи М. Сабининой. В связи с критикой Хренникова в адрес журнала указал на узость его собственных взглядов, а не журнала “Советская музыка”. “Вы проявили какую-то узость, Вы не упомянули о симфониях Шостаковича, о Хачатуряне и прошли мимо целой плеяды талантливой молодёжи”.

Лебединский — сознавал он это или нет — явно шёл на скандал. К такому развороту событий не были готовы на встрече. Конечно, он тут же получил отпор. Первым выступил его бывший соратник по РАПМ Юрий Келдыш. Вероятно, вопрос со сменой главного редактора журнала “Советская музыка” был уже предварительно решён, и Келдыш, скорее всего, был уже “ангажирован” Хренниковым. В выступлении Юрия Всеволодовича явно прозвучали хренниковские интонации. Вспомнив прошедший смор московских композиторов, учёный заметил: “Разрыв между творчеством композиторов и восприятием народа не полностью преодолён”, — уловив в музыке ряда композиторов “тенденцию одностороннего индивидуалистического отношения к действительности”.

О творчестве молодых композиторов высказался весьма настороженно. И, конечно, осадил Лебединского. Отозвался нелестно по поводу журнала “Советская музыка”, обвинил его в зажиме критики: не печатали статью Ю. Кремлёва о 10-й симфонии Шостаковича.

В защиту Хренникова открыто выступил Г. Майборода. Большой знаток народной украинской песни, он раскритиковал совместную статью Шостаковича с фольклористом Виноградовым об украинской музыке, в которой авторы обратили внимание украинских композиторов на чрезмерное увлечение цитированием народной песни. По поводу Лебединского Майборода заметил, что от его выступления “веет групповщиной”.

Про групповщину вспомнил в своём слове и В. П. Соловьёв-Седой. Как всегда, с шутками, “хохмами” Василий Павлович пожаловался, что он пошёл на “Спартак”, а Хачатурян на его “Тараса Бульбу” не пошёл, не говоря уж “о Свиридове, Левитине” и иже с ними.

Кто-то из участников не стал вмешиваться в спор, опасаясь последствий. Заговорили о посторонних темах, молодая музыковед Е. Грошева свела своё выступление к отвлечённому разговору о критике, а закончила его квартирным вопросом. Старый композитор Л. Книппер, которому вроде бы и не нужно было бояться (всё же имел отношение к органам!) вновь напомнил о “ножницах” между вкусами народа и творчеством композиторов, связал эту проблему с плохим музыкальным образованием.

И всё же не все критиковали Лебединского. Опытный боец в словесных ристалищах, грузинский композитор О. В. Тактакишвили искусно ушёл от этой темы, заговорив в возвышенных тонах о многонациональной советской музыке, о дружбе народов. И вслед за Шостаковичем напомнил: “Я могу сказать, что у нас появились новые имена, такие как Свиридов, как Кара Караев. Они написали новые сочинения. Кара Караев написал “Тропую грома”. Этот балет лучше, чем “Семь красавиц”. Свиридов написал “Поэму о Есенине” в новом прочтении”¹⁰⁵.

Последним выступил В. Ф. Кухарский. Начал он с критики ревизионистских настроений всё пересмотреть, провести ревизию понятий, созданных в Постановлении 1948 года, о реалистическом методе и его критике. Но при этом покритиковал – “приступнул” мягко и Лебединского, сказав, что он против тех, кто лжёт, кто меняет свою позицию.

Д. Т. Шепилов в заключительном слове дипломатично заметил, что он доволен беседой, что в ней был поставлен ряд организационных и материальных вопросов. Согласился с тем, что необходимо обобщить весь путь советской музыки за 40 лет. Подчеркнул, что главными на съезде должны быть вопросы идейного порядка – направление творчества и организация работы. Что нужно бороться за идейность и народность. И не преминул предостеречь, что необходимо бороться и против групповщины.

Обвинение в групповщине – довольно серьёзное, и история компартии знала примеры жестокой борьбы с этим явлением. Да и история советской культуры, литературы также была богата образцами борьбы с разного рода фракционностью. 1948 год невольно сплотил группу композиторов, объявленных “формалистами”. Был круг близких друзей, учеников Шостаковича, и в этом круге отношение к Хренникову было, мягко говоря, весьма далёким от симпатии. И хотя трудно говорить, была ли какая-то предварительная согласованность действий в этом кругу перед началом работы Второго съезда, но на съезде именно эта группа выставила крупный счёт Председателю Правления Союза.

Что касается “товарищеской беседы” у Шепилова, то нельзя исключать договорённости между Шостаковичем и Лебединским о распределении ролей. Шостакович должен был показаться миротворцем, а Лебединский мог согласиться на роль своего рода Спарафучиле. На мысль об этом наводит статья Д. Шостаковича в газете “Правда” за день до открытия Второго съезда советских композиторов. Надо сказать, что само по себе появление этой статьи в центральном органе КПСС наводит на мысль, что у Шостаковича всё же была, как говорил один герой М. Зощенко, “своя рука в Смольном” – поддержка на самом верху. Причём отнюдь не со стороны Д. Т. Шепилова. Вряд ли Дмитрий Трофимович, сделавший ставку на Хренникова, дал бы “добро” на такую статью.

Статья эта заслуживает особого внимания. В ней получили развитие те мысли Дмитрия Дмитриевича, которые тезисно прозвучали на встрече у Шепилова. Но были и те мысли, которые прозвучали на “товарищеской беседе”, но не из его уст, а были высказаны Львом Лебединским. Конечно, не столь грубо и не так откровенно, но достаточно отчётливо артикулированы, вполне понятно для людей, знакомых с ситуацией в Союзе композиторов СССР.

В полном соответствии с неписаными правилами советского газетного этикета, Шостакович сказал в начале несколько полагающихся слов о ценнейшем коллективном опыте всей советской композиторской школы, об опыте борьбы “за музыкальное искусство больших помыслов, больших этических идей, большой правды, за искусство, развивающееся под знаменем социалистического реализма”¹⁰⁶. И далее выразил надежду, что предстоящий съезд оценит по заслугам “исторические достижения советской музыки” и даст “мощный толчок к её дальнейшему развитию и расцвету”.

И после этого Шостакович пошёл в атаку. “Необходимо, чтобы на съезде прозвучали слова правды о тех недостатках, которых накопилось у нас изрядное количество”. И одним из первых недостатков назвал плохое положение с творческими дискуссиями.

“Что же мешает развитию творческой дискуссии? Чаще всего – примитивное толкование выдвигаемых жизнью вопросов как некой “кампании”, стремление поспешно подвести итог, предложить окончательную формулировку, превращаемую затем в догму и замораживающую спор в самом начале его развития. Особенно губительно для дискуссии, когда на обсуждаемое явление с легкомысленной поспешностью наклеиваются такие ярлыки, которые равносильны объявлению: “недискуссионно”, “обсуждению не подлежит”.

От вопроса о творческих дискуссиях Шостакович перешёл к самому главному для него – к вопросу о праве композитора на творческую свободу.

“Всякое открытие нового в искусстве сопряжено с некоторым экспериментом, и чем шире, смелее, индивидуальнее замысел художника, тем эта экспериментальность более явственна, тем более “рискует” художник. Наряду с преодолением возникающих трудностей, у художника бывают и частичные неудачи, и неудачи, кажущиеся таковыми только на первый взгляд. Но всё это не страшно, если общая идейная направленность художника верна, если она устремлена к правде жизни”.

Затем Шостакович бросил прямой вызов сторонникам “эстетики 1948 г.”, как он их окрестил, “любителям скороспелых догматических формул”, которым “нет дела до сложности, многосторонности обсуждаемых явлений. Даже само намерение разобраться в сложном явлении по существу порой кажется им подозрительным, идущим “от лукавого”. Так возникают плоские, примитивные определения, преподносимые почему-то от имени марксистско-ленинской эстетики, а на самом деле дискредитирующие диалектически-гибкий и тонкий метод марксистско-ленинского анализа искусства. Такие определения затрудняют усвоение художественного опыта мастеров музыки”.

Затем Шостакович обратил внимание на музыковедение и критику, поставив перед музыковедами задачу “последовательно распутывать сложный клубок противоречий музыки XX века; нужно глубже, без заранее заданных схем разобраться и в сложных процессах развития музыки в СССР. Только при этих условиях мы научимся конкретно ставить и обсуждать назревшие вопросы творчества. Я имею в виду, например, вопрос о музыкально-стилистическом новаторстве и, в частности, о том, какие изменения и находки мы вправе считать прогрессивными, обогащающими сокровищницу классического наследия. Я лично убеждён, что такие находки существуют, надо только суметь их осознать, отделить от негативных сторон, представить себе их плодотворность в условиях реалистического искусства”.

Не прошёл он и мимо такого сложного вопроса, как доступность и народность музыки. Хренников и его соратники, в основном, композиторы-песенники неоднократно “муссировали” этот вопрос, обвиняя “симфонистов” в сложности языка, непонятности их музыки для народа. Шостакович возразил, что этот вопрос нередко получает у нас упрощённое толкование.

Не прошёл Шостакович и мимо состояния оперного жанра.

“Очень важно было бы разобраться в причинах отставания нашего оперного искусства. Мне лично кажется, что современная опера (так же, как и драма) должна быть более лаконичной, остро театральной, более меткой

в своих характеристиках и главное — более динамичной. Ей нужно кое-чему поучиться у драматургии кино и, быть может, у инструментальной музыки. В опере нужно смелее экспериментировать...”

Коснулся он и жанра массовой песни.

“Стремясь охватить песней возможно более широкий круг слушателей, композиторы не всегда умеют удержаться от погони за дешёвой популярностью. В жертву такой популярности нередко приносятся эстетический вкус, художественная требовательность. В этих случаях песня опускается до самого невзыскательного вкуса. Между тем, опыт советской музыки неоднократно доказывал, что, будучи популярной, песня может при этом оставаться художественно полноценной, воспитывающей и формирующей эстетический вкус слушателя”.

В конце статьи Шостакович выразил пожелание относительно будущего руководства Союзом.

“Новое Правление Союза должно создать в нашей организации такую обстановку, которая способствовала бы широчайшему развитию творческих индивидуальностей, развитию смелых поисков, свободных и горячих споров, главный смысл и конечная цель которых — расцвет музыкального искусства нашей Родины”.

Статья Шостаковича о многом говорит. Во-первых, ясно, что в ней поставлены не просто иные акценты, а высказана позиция прямо противоположная той, который придерживались Хренников со товарищи. Шостакович говорил о праве на новаторство, в то время как Хренников в духе Жданова призывал к доступности, которая на практике означала прямое потакание невзыскательным вкусам. Во-вторых, Шостакович прямо говорил о том, что в Союзе нет творческих дискуссий, что Союз стал бюрократическим учреждением. И хотя Шостакович высказывал свои мысли в деликатной форме, но всё же он фактически солидаризировался с Лебединским, который открыто говорил на встрече у Шепилова, что Хренников никуда не годится как руководитель.

Таким образом, в преддверии съезда стало ясно, что назрела конфликтная ситуация и что Второму съезду композиторов не избежать острой дискуссии, которая может завершиться неожиданными результатами и последствиями. Я вспоминаю один разговор со Свиридовым, который говорил мне, что Шостакович вступил в борьбу с Хренниковым и что чаша весов заколебалась. Уже сам факт, что Шостаковичу дали возможность открыто выступить в центральном органе партии, главной газете Советского Союза, о многом говорит. На Втором съезде готовился решительный бой.

Вечером 27 марта в преддверии съезда состоялся торжественный концерт, в котором прозвучала “Поэма памяти Сергея Есенина”. Оркестром Московской филармонии дирижировал Е. Светланов, пел Государственный русский хор под управлением А. В. Свешникова, солистом был долгие годы несменяемый Алексей Масленников. За день до московского исполнения “Поэма” тем же составом исполнялась в Ленинграде. Свиридов подготовил для этих концертов новую редакцию партитуры “Поэмы”.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 406, на 32 л. Стенографический отчёт творческого собрания композиторов по обсуждению романсов на стихи С. Есенина. 24 февр. 1956.

² Там же, л. 13.

³ Там же, л. 17.

⁴ Там же, л. 19.

⁵ Там же, л. 28.

⁶ Тимофеев Л. И. Русская советская литература: Учебное пособие для 10-го класса средней школы. 9-е изд., [испр.]. — М.: Учпедгиз, 1954, с. 167. До 9-го издания в учебнике Тимофеева из довоенной поэзии упоминаются лишь В. Маяковский (ему посвящена отдельная глава), Э. Багрицкий и Н. Тихонов.

- ⁷ Есенин С. Избранное / сост. С. А. Толстая-Есенина. — М.: Гослитиздат, 1946. Приношу свою признательность ведущему научному сотруднику ИМЛИ им. М. Горького кандидату филологических наук Сергею Ивановичу Субботину за консультацию и библиографические сведения об изданиях произведений С. А. Есенина и литературы о нём.
- ⁸ Есенин Сергей. Избранное. / [Сост. и примеч. П. И. Чагина]. — М.: Гослитиздат, 1952.
- ⁹ Есенин С. Стихотворения / подг. текста и примеч. П. Чагина, вступ. статья К. Зелинского. — Л.: Сов. писатель, 1953 (Б-ка поэта. Малая сер. 2-е изд.).
- ¹⁰ Есенин Сергей. Сочинения: В 2 т. / [Сост., подготовка текста и примеч. К. Зелинского и П. Чагина; Вступ. статья К. Зелинского]. Т. 1-2. — М.: Гослитиздат, 1955. Это издание Свиридов знал и использовал его при работе над “Поэмой памяти Сергея Есенина” в конце 1955 года.
- ¹¹ Зелинский К. Литературное наследие Есенина // Труд. 1955. 17 марта.
- ¹² Гайсарьян С. Сергей Есенин // Лит. газета. 1955. 8 октября. — № 120. С. 3-4.
- ¹³ См.: Есенин С. А. Стихотворения и поэмы / [Вступ. статья, с. 5-42, подготовка текста и примеч. А. Л. Дымшица]. — Л.: Сов. писатель. [Ленингр. отделение], 1956. (Б-ка поэта: Основана М. Горьким. 2-е изд. Большая серия).
- ¹⁴ Есенин С. А. Избранное. / С. Есенин. — [Конспиратив. изд.]. — Л.: Сов. писатель, 1956 (Б-ка поэта. Малая серия) и Есенин С. А. Избранное. — Л.: Сов. писатель, 1956. (Б-ка поэта. Малая серия).
- ¹⁵ Есенин Сергей. Сочинения. В 2 тт. / [Сост., подготовка текста и примеч. К. Зелинского и П. Чагина; Вступ. статья К. Зелинского, с. 5-37]. Т. 1-2. — М.: Гослитиздат, 1956.
- ¹⁶ Есенин С. А. Стихотворения: Поэмы. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1956.
- ¹⁷ Есенин С. А. Стихотворения и поэмы / [Вступ. статья А. Дымшица, с. 3-40]. — Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1957.
- ¹⁸ Это было еще одно переиздание двухтомника 1955 г. См.: Есенин С. А. Сочинения: В 2 ч. / [Сост., подготовка текста и примеч. К. Зелинского и П. Чагина; Вступ. статья К. Зелинского, с. 3-36]. — Киев: Рад. письменник, 1957.
- ¹⁹ Щеглов Марк. Есенин в наши дни // Новый мир. 1956. № 3. С. 80-85.
- ²⁰ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 408. Стенографический отчет творческого собрания композиторов по обсуждению поэмы, посвященной памяти С. Есенина, композитора Ю. В. Свиридова. 9 марта 1956 г. на 12 л.
- ²¹ В Ленинграде Свиридов показывал ещё первоначальный вариант “Поэмы” как 11-частный цикл для голоса в сопровождении фортепиано. В Москве он представил “Поэму” уже как ораторию, состоящую из десяти частей. Исполнял её сам.
- ²² В РГАЛИ в фонде Союза композиторов СССР (ф. 2077) такой стенограммы нет. Вероятно, она не сохранилась.
- ²³ Протокол № 19 заседания Секретариата Союза советских композиторов СССР. Москва. 3 апреля 1956 г. (РГАЛИ, Ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1141, л. 1. Союз Советских композиторов СССР. Секретариат. Протоколы (подлинник) и стенограммы заседаний секретариата за апрель-май 1956 г. С № 19 — № 29. На 58 листах). Так как было уже известно, что второй съезд советских композиторов откладывается, а с Московской филармонией было заключен договор об аренде залов под съезд, то было решено концерты не состоявшегося съезда назвать фестивалем советской музыки.
- ²⁴ См. Закрытое письмо корреспондента газеты “Труд” по Грузинской ССР С. Станикова главному редактору Б. С. Буркову о событиях в Тбилиси 5-11 марта 1956 года. 21 марта 1956 года письмо направлено редакцией газеты Д. Т. Шепилову. Оpubл. в кн.: Доклад Н. С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М.: РОССПЭН. 2002. С. 257-264.
- ²⁵ Существуют разные версии о том, как он попал за границу. Одной из наиболее авторитетных является известная версия о том, что одной из первых текст доклада стал известен редакции польской газеты “Фольксваген Штимме”, издававшейся на иврите. Как пишет в своей вступительной статье к изданию “Доклад Н. С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы” Карл Аймермахер, “весомый вклад” в антисоветскую и антикоммунистическую кампанию внесла польская газета “Фольксваген Штимме”, издававшаяся на иврите <...>. 4 апреля газета опубликовала статью “Наша боль и наше утешение”, в которой, используя выдержки из выступлений Н. С. Хрущёва, подробно рассказала о репрессиях евреев в СССР в годы сталинизма. Больше всего откликов эта статья нашла в США и, естественно, в Израиле” (Доклад Н. С. Хрущёва о культе личности... С. 26).

- ²⁶ Там же, с. 28.
- ²⁷ Там же, с. 29.
- ²⁸ Там же, с. 30.
- ²⁹ См., например, информацию Киевского обкома КП Украины (там же, с. 407–408) или информацию Черновицкого обкома КП Украины (с. 407–408).
- ³⁰ См., например, Постановление Президиума ЦК КПСС “О враждебных вылазках на собрании партийной организации Теплотехнической лаборатории Академии наук СССР по итогам XX съезда КПСС (там же, с. 288–290) или Записку отдела культуры ЦК КПСС “О закрытом партийном собрании партийной организации Литературного института по итогам XX съезда КПСС 22 марта 1956 г. (там же, с. 429–432).
- ³¹ Сокольский М. Поэты и композитор: Заметка о вокальных циклах Свиридова // Лит. газета. 1956. 23 авг. № 100. С. 2.
- ³² Гринберг М. “Катерина Измайлова” (Музыкальный театр им. В. И. Немировича-Данченко) // “Известия”. 1934. 28 февраля. № 48. С. 4. Свиридов в своих “Разных записях” отметил, что оперу приветствовал Н. Бухарин в своей газете. Я долгое время не мог понять, в чем смысл этой фразы, тщетно искал статью самого Н. И. Бухарина. Но оказалось, что цепкая память Свиридова сохранила факт, что Бухарин был назначен главным редактором газеты “Известия” буквально за два дня до того, как вышла статья М. Сокольского.
- ³³ См. Сокольский М. Наш Шостакович // Театр. 1956. № 12. С. 60–65. О Соколовском см.: Ефимов Е. Прокофьев и Шостакович между Диезом и Бекаром. Переписка Д. И. Заславского и М. М. Гринберга // Наше наследие. 2013. № 105.
- ³⁴ На закрытом партийном собрании Ленинградского отделения Союза писателей СССР некоторые коммунисты высказали удивление, почему во главе газеты был поставлен В. Кочетов. “Писательница Катерли заявила, что “Литературная газета” никогда не критикует роман “Журбины” (В. Кочетова. — А. Б.), так как этот роман был одобрен Сталиным (См.: Информация Ленинградского обкома КПСС в ЦК КПСС о собрании партийной организации Ленинградского отделения Союза писателей СССР по итогам XX съезда КПСС от 26 марта 1956 г. Опубл. в кн.: Доклад Н. С. Хрущёва о культе личности... С. 489).
- ³⁵ Записка Тувинского обкома КПСС в ЦК КПСС об “антисоветских настроениях” в связи с обсуждением доклада Н. С. Хрущёва от 10 апреля 1956 г. (Доклад Н. С. Хрущёва о культе личности... С. 496).
- ³⁶ См. публикацию “О Соловках — в помин безвестных крестьян, что хранили стихи Есенина и шли на муки” (Татьяна Смертина. Из переписки с Ксенией Владимировой. Москва — Киев. 30.12.2005).
- ³⁷ “Мне кажется, что Бёрнс излишне драматизирован в музыке Свиридова, чрезмерно осложнен психологическим подтекстом. Свиридов как будто забыл, что Бёрнс — народный поэт-песенник XVIII века”. <...> “И юмор, и смех, и народная песня Бёрнса — это его оружие в борьбе с богатыми. Значит, и эти важнейшие качества и свойства Бёрнса тоже отражают в себе его демократизм, гордое свободолобие, протест против общественного неравенства, несправедливости, ханжества — то есть всё то, что так нам близко, особенно дорого и понятно в его творчестве, что замечательно передал в переводах Маршак <...>. Этого искал в Бёрнсе и сам Свиридов. Не вправе ли мы поэтому сказать, что, не обратив должного внимания на юмор, на смех великого шотландца, Свиридов сам себе переступал дорогу к подлинному Бёрнсу?”
- ³⁸ № 2 — “Поёт зима...”, № 4 — “Молотьба”, № 9 — “Я последний поэт деревни”.
- ³⁹ Имеется в виду Патетическая оратория на слова В. Маяковского, над которой работал Свиридов в 1959 году.
- ⁴⁰ Свиридов Георгий. Разные записи. Тетрадь № 1, начата 16 сентября 1976 г. в Пицунде. Л. 2. Запись 16 сентября 76 г. рукой Э. Г. Свиридовой.
- ⁴¹ Текст Постановления был опубликован в газ. “Правда” 8 сентября 1956 года.
- ⁴² См., например, Тактакишвили О. О музыке Георгия Свиридова // Сов. музыка. 1957. № 9. С. 71–72.
- ⁴³ См. раздел Хроника в 6-м номере журнала за 1956 год, где сообщалось, что Секретариат Союза композиторов СССР познакомился с новым произведением Г. Свиридова — вокально-симфонической поэмой “Памяти Сергея Есенина” для солиста, хора и оркестра (с. 156). См. также раздел Хроника концертной жизни в 7-м номере журнала за 1956 год, где сообщалось о премьере “Поэмы” в концертном зале имени П. И. Чайковского (с. 110). См. несколько коротких сообщений о смотре творчества композиторов Москвы, который проходил в Центральном

- доме композиторов с 15 октября по 2 ноября 1956 года и где исполнялась “Поэма” (1956, № 12, с. 148; 1957, № 1, с. 98 и с. 151–155).
- ⁴⁴ См. упоминавшиеся ранее статьи А. Сохора в 5-м номере и статью Л. Поляковой в 8-м номере журнала за 1956 год.
- ⁴⁵ См. Свиридов Г. Ответственность художника. // Сов. музыка. 1956. № 6. С. 39–41.
- ⁴⁶ Сохор А. За принципиальность в критике // Сов. музыка. 1956. № 9. С. 43.
- ⁴⁷ Фере В. Яркость образов, высокое мастерство. // Сов. культура. 1956. 27 октября. № 127 (519). С. 3.
- ⁴⁸ Шлифштейн С. Ещё о есенинской поэме Г. Свиридова // Сов. музыка. 1956. № 12. С. 23–29. Далее цитаты приводятся по этому изданию.
- ⁴⁹ Ср. у Сокольского: “Поглядите, после стихов “Я последний поэт деревни” – на них Свиридов вовсе не хочет ставить точку – как отрицание, как преодоление их трагического смысла, следует: “Небо – как колокол, месяц – язык, мать моя – родина, я – большевик!” Но преодоления и отрицания тут всё же не чувствуется. Почему? Прежде всего, потому, что такое прямолинейное, в лоб, сопоставление двух текстов таит в себе неразрешимое противоречие: “часы... прохрипят мой двенадцатый час”, и рядом, тут же: “я – большевик”. <...> “...на самом деле Есенин не был, не стал большевиком. И лишний раз убедиться в этом можно хотя бы по тем же стихам “Небо – как колокол”, где Есенин “ради вселенского братства людей” провозгласил жертвенную гибель матери-родины и готов был “радоваться песней” её смерти... Как бесконечно далеко это от истинного понимания нашей революции!”
- ⁵⁰ Свиридов Г. Ответственность художника // Сов. музыка. 1956. № 6. С. 40.
- ⁵¹ В этом вопросе музыковеды ничего не изобретали, а шли вслед за отечественным литературоведами, пытавшимися, как мы уже говорили об этом раньше, доказать, что Есенин, хотя и не стал большевиком, но всё же искренне воспел “Русь советскую”. Одним из первых эту версию декларировал П. И. Чагин. См., например, следующий пассаж из его вступительной статьи *От редакции* в издании: Есенин Сергей. Избранное. / [Сост. и примеч. П. И. Чагина]. – М.: ГИХЛ. 1952. С. 3–4: “...стремясь догнать стальную рать” социализма, Есенин своим талантом замечательного русского поэта чувствовал движение вперед, в будущее. Он любил Советскую Русь и гордился тем, что наша родина первая вступила на путь величайших социальных преобразований <...> если кое-где в стихах, объединённых в этом сборнике, встречаются чужеродные примеси в виде религиозных или индивидуалистических настроений (например, в стихотворении “Товарищ” и др.), то эти пережитки прошлого не являются главным в содержании произведений, показывающих первые шаги поэта на пути к революции. <...> Не “Русь уходящую”, а “Русь советскую” хотел Есенин воспеть в своих стихах: “Мне теперь по душе иное...”
- ⁵² Цит. по изд.: Сов. музыка. 1957. № 1. С. 154. [Раздел] Хроника. Смотр композиторов Москвы.
- ⁵³ РГАЛИ, Ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1141, л. 35. Протокол № 23 от 17 апреля 1956 г. Присутствовали гг. Т. Хренников, Г. Хубов, К. Молчанов, М. Коваль, Д. Кабальевский, Ю. Шапорин, Д. Поликарпов, В. Белый.
- ⁵⁴ Там же. Л. 39. Протокол № 25 от 4 мая 1956 г. На этом же заседании было решено провести общемосковское собрание членов Союза советских композиторов и смотреть произведений московский композиторов.
- ⁵⁵ Там же. Л. 41. Протокол № 26 от 8 мая 1956 г.
- ⁵⁶ Примечательно, что краткая информация под заголовком “Пленум правления Союза советских композиторов СССР” появилась в газете “Известия” (1957. 23 января. № 19. С. 4). Ни центральный орган ЦК КПСС газета “Правда”, ни “Советская культура” не откликнулись на это событие.
- ⁵⁷ “Сов. культура. 1957. 24 января. № 11. С. 3.
- ⁵⁸ В планы Хрущёва входило дать некоторую автономию России. При ЦК КПСС было создано Бюро по РСФСР. Среди прочих мероприятий по “раскрепощению” РСФСР родилась идея создания российских творческих союзов.
- ⁵⁹ [Б. п.]. Сплочение творческих сил. О работе композиторских организаций РСФСР // Сов. культура. 1957. 5 февраля. № 16. С. 3. (В рубрике “Навстречу Второму съезду”). Создание и деятельность Российского союза композиторов – отдельная история, о ней пойдёт речь дальше.
- ⁶⁰ [Б. п.]. Два новых спектакля Большого театра // Советская культура. 1957. 26 января. № 12 (558). С. 4. Директор ГАБТ М. Чулаки сообщил нашему

сотруднику, что сейчас оперный и балетный коллективы театра готовят две центральные постановки 1957 года. Идут репетиции оперы Т. Хренникова «Мать» (дирижёр Б. Хайкин, режиссёр Н. Охлопков, художник В. Рындин) и балета А. Хачатуряна «Гаянэ» (дирижёр Ю. Файер, балетмейстер В. Вайнонен, художник В. Рындин). Эти две монументальные работы посвящаются 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

⁶¹ См. Известия. 1957. 16 января. № 13. С. 3.

⁶² См. рец.: *Богданов-Березовский В.* Героический балет (о постановке балета «Спартак» в театре им. С. М. Кирова, постановка Л. Якобсона) // Известия. 1957. 5 января. № 4. С. 3; *Лукин Ю., Хубов Г.* «Спартак» в Кировском театре // Правда. 1957. 17 февраля. № 48. С. 4. На первом пленарном заседании Комитета по Ленинским премиям Д. Д. Шостакович выразил сомнение: «Я смотрел этот балет и высоко оцениваю работу композитора и спектакль, но не слишком ли рано? По положению о Ленинских премиях произведение, которое выдвигается, должно иметь проверку временем и оценку общественности». В конечном итоге, балет перенесли на следующий год.

⁶³ См.: Полный список кандидатур, рассмотренных пленумом Комитета за 1952–1953 гг. (поступившие на голосование, отложенные и перенесённые на следующий год). Раздел «Музыка». Работы 1953 года (РГАЛИ, ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 35, л. 36). Под номером 12 в этом списке числится 10 симфония Шостаковича со следующей ремаркой: «Ввиду того, что симфония является произведением дискуссионным, — перенести на рассмотрение работ 1954 г.»

⁶⁴ См.: Д. А. Поликарпов и Б. М. Ярустовский. ЦК КПСС о работе Комитета по Ленинским премиям при СМ СССР. 9 февраля 1957 г. Цит. по изд.: Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов 1917–1991. / [Сост. Л. Максиминов]. М.: Международный фонд «Демократия». 2013. С. 485–486.

⁶⁵ См. редакционную статью «Об опере «Богдан Хмельницкий» в газете «Правда» от 20 июля 1951 года.

⁶⁶ РГАЛИ, ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 7, л. 94, 109–110. Стенограмма заседания Пленума 15 февраля 1957 г.

⁶⁷ См. ответ учёного секретаря Комитета по Ленинским премиям В. Кухарского в Секретариат Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина на имя Н. Ф. Бричева от 4 марта 1957 года. (РГАЛИ, ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 28. Переписка с ЦК КПСС и Советом Министров СССР. Начало 12.1 – 1957 г. Оконч. 15.VIII – 1957 г. На 22 л. Папка 1. № 121. Л. 1–4).

⁶⁸ От Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР // Известия. 1957. 26 февраля. № 48. С. 3.

⁶⁹ РГАЛИ, ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 13.

⁷⁰ Стенограмма заседания секции музыки 31 января 1957 года. (РГАЛИ, ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 13. Протоколы заседания секции музыки от 16/1, 19/1, 30/1, 31/1 и 11/II – 1957 года. Стенограммы заседаний секции музыки от 31/1 и 8/II (совместно с секцией театра) 1957 года. Начато 16/1 1957 г. – оконч. 11/II 1957 г. 118 листов. Лл. 25–28).

⁷¹ А. Сурков ошибался, у Прокофьева было шесть премий.

⁷² Формально Хренников был прав. И хотя 7-я симфония выдвигалась на Сталинскую премию и Комитет её присудил, но, так как сам комитет был упразднён, то и премия не была утверждена.

⁷³ Там же. Л. 70–75.

⁷⁴ Протокол № 6 заседания секции музыки, состоявшегося 6 апреля 1957 года. (Там же, л. 118).

⁷⁵ РГАЛИ, ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 9, л. 103.

⁷⁶ См.: *Шостакович Д.* Симфония света и радости жизни // Лит. газета. 1957. 23 апреля. № 49. С. 4. В июне того же года статья была перепечатана в журнале «Советская музыка» (1957, № 6, с. 57–60). По иронии судьбы, в том же номере «Литературной газеты» был опубликован доклад Е. А. Фурцевой «По ленинскому пути – к победе коммунизма», произнесённый на торжественном заседании в Москве по случаю 87-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина в Большом театре 22 апреля. В этом докладе чуть ли не впервые после XX съезда партии официально, на большом собрании была положительно оценена роль Сталина. «Несмотря на ошибки, имевшиеся в деятельности И. В. Сталина, о которых в своё время ещё предупреждал В. И. Ленин, несомненно, выдающаяся роль в защите и проведении ленинской линии на строительство социализма

- в нашей стране принадлежит Сталину. Большеви́стская партия разгромила в идейной борьбе врагов ленинизма – троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, добилась морально-политического единства всего народа, укрепила советский общественный и государственный строй. (цит. по изд.: Сов. культура. 1957. 23 апреля. № 57 (603). С. 2).
- ⁷⁷ На языке официоза они назывались “контрреволюционный, фашистский заговор против народно-демократического строя в Венгрии” и “нападение англо-франко-израильских аггессоров на Египет”. См.: Ответы Н. С. Хрущёва на вопросы редакции газеты “Руде право” // Известия. 1957. 1 января. № 1. С. 1.
- ⁷⁸ “Правда”. 1957. 18 марта. № 77. С. 2–4.
- ⁷⁹ “Правда”. 1957. 20 июня. № 171. С. 4.
- ⁸⁰ “Правда”. 1957. 15 октября. № 288. С. 3–4.
- ⁸¹ В записке отдела культуры ЦК КПСС от 1 декабря 1956 года выступление Паустовского удостоилось особого внимания: “Тон такому клеветническому истолкованию задал на обсуждении в Союзе писателей К. Паустовский, заявивший, что роман зовёт в бой против чиновников, которые захватили управление всей нашей жизнью и душат всё честное, смелое и творческое... Выступление Паустовского послужило как бы сигналом для различных нездоровых и озлобленных элементов, которые пытались в таком же духе комментировать книгу Дудинцева в выступлениях на дискуссиях и читательских конференциях. Показательно, что выступление Паустовского было полностью перепечатано в стенгазете физического факультета МГУ, что способствовало разжиганию нездоровых настроений среди студенческой молодёжи” (цит. по: Домрачёва Т., Водопьянова З. Не хлебом единым. Трагическая судьба писателя и его романа // Труд-7. 2001. 26 июля. № 136).
- ⁸² Пленум открылся 5 марта докладом Д. Ерёмкина “О некоторых проблемах развития прозы”. См. информационное сообщение “В московской писательской организации” в газете “Известия” (1957. 6 марта. № 55. С. 3).
- ⁸³ [Б. п.] Подводя итоги. // Литературная газета. 1957. 19 марта. № 34. С. 1, 3.
- ⁸⁴ “В области литературы и искусства, где метод социалистического реализма открывает безграничные возможности для творчества в соответствии с ленинскими принципами, “безусловно, необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию” (Шепилов Д. Т. Ленинизм – победоносное знамя современной эпохи. Доклад тов. Д. Т. Шепилова на торжественном заседании в Москве, посвящённом 86-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. // Сов. культура. 1956. 24 апреля. 48. С. 3).
- ⁸⁵ “Разумеется, последствия культа личности не могли не отразиться на литературе и искусстве. В период культа личности И. В. Сталина были и элементы администрирования, и необоснованно резкой критики, и т. п.” (Коммунист. 1957. № 3. Март. С. 14).”
- ⁸⁶ Правда”. 1957. 8 января. № 8. С. 5.
- ⁸⁷ Werth Alexander. Musical Uproar in Moscow. – L.: Turnstile Press, 1949. Эта книга вызвала мгновенную реакцию. В том же году появляется книга Рены Мойшенко “Реалистическая музыка – 25 советских композиторов” (Moisenko Rena. Realist Music – 25 Soviet Composer. – L.: Meridian Books, 1949). Через год в Нью-Йорке вышла книга Юрия Елагина “Укрощение искусств” (Jelagin Juri Taming of the Arts/ Transl. By Nicholas Wreden. – N.-Y.: Dutton, 1951).
- ⁸⁸ Шапорин Ю. Великий Глинка: К 100-летию со дня смерти композитора // Правда. 15 февраля. № 46. С. 4.
- ⁸⁹ Новым министром был назначен А. А. Громыко, а его заместителем – Н. С. Патоличев.
- ⁹⁰ [Б. п.] Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС // Правда. 16 февраля. № 47. С. 1.
- ⁹¹ См.: [Б. п.] В Академии художеств СССР. Правда. 1957. 8 января. № 8. С. 6. А. М. Герасимов был освобождён от обязанностей президента Академии в связи с состоянием здоровья. И. о. президента был избран Б. В. Иогансон.
- ⁹² Иогансон Б. В. Состояние и задачи советского изобразительного искусства // Правда. 1957. 1 марта. № 60 (14089). С. 3.
- ⁹³ Шепилов Д. Т. За дальнейший расцвет советского художественного творчества. // Правда. 1957. 3 марта. № 62. С. 3.
- ⁹⁴ На том же пленуме Правления Московского отделения Союза писателей СССР А. Чаковский обратил внимание, что на литературных дискуссиях в некоторых

некапиталистических странах “нам говорят, что за последние 20–30 лет в развитии советской литературы не произошло ничего значительного, что социалистический реализм – миф и тормоз на пути развития литературы. Нашу твёрдость в этих вопросах, определяющих судьбы социалистической литературы, некоторые критики третируют как догматизм, как “сталинизм” (Литературная газета. 1957. 19 марта. № 34. С. 1).

⁹⁵ Как известно, глава советского правительства Н. А. Булганин обратился к президенту США Дуайту Эйзенхауэру в начале ноября 1956 года с предложением провести совместную советско-американскую военно-морскую операцию по принуждению к миру Франции, Великобритании и Израиля, на что получил решительный отказ, и возникла ситуация, когда руководство США рассматривало возможность объявления войны СССР в случае, если советские войска предпримут военные действия в зоне Суэцкого канала против англичан и французов.

⁹⁶ См. публикацию документа № 351: Справка о приёме для делегатов Первого Всесоюзного съезда композиторов в 1948 г. от 18 марта 1957 г. и комментарии к нему в кн.: Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов 1917–1991. / [Сост. Л. Максименков]. – М.: Международный фонд “Демократия”. 2013. С. 486–487.

⁹⁷ Новиков А. Песня и жизнь // Сов. культура. 1957. 12 марта. № 35 (581). С. 3.

⁹⁸ Сов. культура. 1957. 14 марта. № 36 (582). С. 1.

⁹⁹ Полякова Л. Многообещающее начало // Сов. культура. 1957. 19 марта. 38 (584). С. 3.

¹⁰⁰ [Б. п.]. Композитор и народ. // Сов. культура. 1957. 23 марта. № 40(586). С. 1.

¹⁰¹ Здесь и далее приводятся фрагменты выступлений по следующему документу: Стенограмма совещания композиторов и музыковедов в ЦК КПСС 22 и 23 марта 1957 года. РГАНИ, Ф. 5 (фонд Отдела культуры ЦК КПСС), оп. 36, ед. хр. 45, ролик 5381. Л. 1.

¹⁰² Имеется в виду кантата “Над Родиной нашей солнце сияет”, написанная к XIX съезду ВКП(б).

¹⁰³ Мне рассказывал Георгий Васильевич, как его на одном из концертов в 1956 году смущённый Д. Д. Шостакович знакомил с вышедшей из лагерей супругой расстрелянного в 1937 году В. Домбровского сильно постаревшей Генриэттой Давыдовой Левитиной.

¹⁰⁴ Свиридов передал мне рассказ Л. Лебединского, как брали Перекоп в 1921 году. Лев Николаевич красочно описывал, как Лев Давидович Троцкий трижды своей пламенной речью подымал красноармейские части и как они, наконец, перешли Сиваш буквально по трупам махновцев, которые шли первыми. Не знаю, отразилось ли впечатление от слов Лебединского на сочинении Патетической оратории, но этот рассказ Лебединского каждый раз я вспоминаю, когда звучит фраза “Своими телами покрыв Перекоп”. К сожалению, не сохранились воспоминания Л. Н. Лебединского.

¹⁰⁵ Свиридов дал в предсъездовских концертах в Ленинграде и Москве новую редакцию “Поэмы памяти Сергея Есенина”.

¹⁰⁶ Здесь и далее будет цитироваться статья Шостаковича по её первой газетной версии. См.: Шостакович Дм., народный артист СССР. Будем взыскательны к своему творчеству // Правда. 1957. 27 марта. № 86. С. 4.

ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ

ГОРОД РОЗ

– Нам, дончанам, не нужны трёхэтажные коттеджи, “Мерседесы” и огромные счета в банках, – уверенно поворачивая руль тяжёлыми руками шахтёра, говорил водитель Андрей. – Единственная наша мечта – это мирное небо над головой. За четыре страшных года многое изменилось в сознании людей: население сплотилось, стало единым народом. . .

Молча внимаем словам нашего гида, встретившего нас на ростовском железнодорожном вокзале. Вопросы будут потом, пока мы только привыкаем к окружающей нас обстановке. По обе стороны шоссе раскинулись необозримые донецкие степи, так похожие на наши родные, оренбургские. Дважды выскакивали на обочину лисы и на секунду застывали, провожая взглядом несущийся на приличной скорости автомобиль. “Зверья развелось видимо-невидимо, – поймав мой взгляд, заметил Андрей. – Охота строжайше запрещена, начнут бабахать охотнички, тут же армейские нагрянут – подумают, что украинская диверсионно-разведывательная группа работает”.

Настораживали тишина и столь редкое в этих краях движение на дорогах.

Мы – писатели из Оренбурга Александр Филиппов, Диана Кан и я, Виталий Молчанов, – едем во фронтовую столицу Донецкой Народной Республики с культурной миссией – познакомить коллег из Донбасса с современной оренбургской литературой, своими глазами увидеть происходящее на омытой кровью донецкой земле. В багажнике серого “Шевроле” – необъятных размеров дорожная сумка, под завязку набитая книгами. Быстро темнеет, мы въезжаем на территорию ДНР через таможенную, расположенную рядом с Новоазовском. До линии фронта – 25 км.

На улицах вечернего Донецка пустынно – прохожих почти нет, с 23:00 до 05:00 в самопровозглашённой республике действует комендантский час. Военное время диктует свои законы. В центре, как сообщил нам водитель Андрей, относительно спокойно, но на окраинах города по-прежнему обстановка остаётся напряжённой – украинская сторона продолжает стрелять по мирным кварталам. Поздним вечером того же дня, расположившись в уютном номере гостиницы “Центральная”, мы узнали из боевых сводок, транслируемых местным телевидением, что в результате обстрела погиб парень 1992 года рождения, сиротами остались двое малолетних детей. Приказал открыть огонь полковник ВСУ Владимир Кокорев. . .

С утра было дождливо. Нас уже ждали в Донецкой республиканской универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской – центре литературной жизни столицы ДНР. После небольшой пресс-конференции состоялась наша

встреча с творческой интеллигенцией Донбасса. Мы с поэтессой Дианой Кан рассказали о крупных литературных мероприятиях Оренбуржья, представили литературный журнал “Гостинный Дворь” и его младшего братишку – альманах-приложение для детей “Гостинный Дворик”, – прочитали свои стихотворения. Прозаик Александр Филиппов познакомил собравшихся со своими книгами и также прочитал небольшой отрывок из пока не опубликованной повести. Потом настало время отвечать на вопросы. Благодарная аудитория долго аплодировала оренбуржцам, передавшим в дар донецкой библиотеке внушительный набор книг писателей Южного Урала. Кроме жителей Донецка, на встречу с нами приехали люди из самых отдалённых уголков Донбасса.

Кстати, несмотря на непрекращающиеся боевые действия, в ДНР активно функционируют многочисленные литературные объединения. Пусть уровень их не всегда профессиональный, но люди продолжают писать поэтические и прозаические произведения, собираться для их обсуждения, жить полной литературной жизнью. Писатели Донецка, Горловки, Ждановки и других шахтёрских городов Донбасса передали нам свои книги и рукописи. Самые лучшие работы мы обязательно опубликуем в оренбургской периодике и в литературном журнале “Гостинный Дворь”.

Как отметил наш гостеприимный хозяин – генеральный директор центральной библиотеки Игорь Горбатов – в ДНР за четыре долгих года войны не закрылось ни одного учреждения культуры, все работали в штатном режиме. Ярким тому подтверждением стала премьера балета “Пер Гюнт” в Оперном театре Донецка, на которой мы, оренбуржцы, имели честь побывать. Премьера собрала полный зал, было много восторженной и одухотворённой молодёжи. Великолепная музыка Эдварда Грига и блестящая постановка хореографа Вадима Писарева сделали своё дело – аншлаг! Если бы кто-нибудь вчера мне сказал, что я буду смотреть балет в воюющем Донецке – ни за что бы ему не поверил!

Люди, опалённые войной, потянулись к спасительной культуре, чтобы вылечить раненые души, приобщиться к вечному и прекрасному. В театре нам сказали, что билеты на спектакли раскупаются влёт чуть ли не за две недели до начала представления. Точно такая же картина и в драматическом театре, и в театре юного зрителя. Библиотеки полны, музеи тоже. В этот же день нам посчастливилось посетить Музей Великой Отечественной войны в мемориальном комплексе “Твоим освободителям, Донбасс”. Двухуровневые экспозиции впечатляли: зал Победы, зал военной кинохроники, общий экспозиционный и оружейный залы. Отдельное место в музее занимают экспонаты, посвящённые сегодняшним горячим дням Донбасса – страшной братоубийственной войне. Работниками музея были собраны ценные экспонаты – оружие, личные вещи, фотографии героев ДНР. Перед музеем на постаменте в память о погибших дончанах – отлитый из бронзы букет роз. У подножия его – те же прекрасные цветы с распустившимися душистыми бутонами и колючими стеблями. Непокорённый Донецк – Город роз – ни прошлые фашисты, ни нынешние никогда сломить не смогут.

Мы в Макеевке – ближайшем городе-спутнике Донецка. Перед нами распахнула двери в Центральную городскую библиотеку имени М. Горького заведующая Ольга Конова. С караваем в руках на пороге полного зала нас приветствует Ирина Зосенко – поэтесса и медсестра, которая вывела и вынесла из-под обстрелов сотни человек. Сегодня солнечный осенний день, и здесь, в библиотеке, тоже всё складывается ярко и празднично. Звучат стихотворения и проза, Диана Кан и Александр Филиппов рассказывают о своём творчестве и творчестве оренбургских писателей, мы презентуем свои журналы и альманах, затем передаём в дар библиотеке им. М. Горького книги оренбургских литераторов. Теперь и в Макеевке есть свой оренбургский библиотечный уголок. В свою очередь, руководитель городского литобъединения имени Н. Хапланова, поэт, член Международного сообщества писательских союзов (г. Москва) и Межрегионального Союза писателей Елизавета Хапланова поблагодарила нас за визит и поддержку, рассказала о том, чем живёт литературная Макеевка, о традициях и литературных достижениях макеевцев. На память о встрече руководитель ЛИТО вручила нам подборки книг. Затем прозвучали стихотворения членов макеевского литобъединения Василия Толстоуса, Александра Рака, Александра Невидомого, Ирины Зосенко и других.

“Вернувшись домой, мы обязательно расскажем о героическом народе Донбасса, о людях, которые, несмотря на фронтовые условия, тянутся к прекрасному”, – говорю я и преподношу оренбургский пуховый платок заведующей Центральной библиотечной системой Макеевки Надежде Василенко.

Обратный путь показался нам более коротким. Летели из-под колёс серого “Шевроле” километры, шарахались в стороны испуганные лисы, размышлял вслух знакомый наш водитель Андрей. “Скоро вновь запустят Донецкий металлургический завод, будем плавить металл, – вещал он, уверенно поворачивая руль. – Донецк – город славных рабочих традиций, мы не хотим быть нахлебниками у России...”

Мы уезжали, забирая с собой в Оренбург самые светлые воспоминания о славном Городе роз, о героическом народе Донбасса, родном нам по крови. Мирного вам неба, дорогие братья и сёстры! Победы!

г. Оренбург